This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

789
154
XII

f Slav 605.10 (I, 11)

БИБЛІОТЕКА
ГИМНАЗІИ ИМПЕРАТОРСКАГО
С.П.Б. ИСТОР. ФИЛОЛОГ.
ИНСТИТУТА.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Изящная словесность.

I. Петербургское дѣйство. Истор. романъ въ 3-хъ част. *Гр. Саліаса*. Окончаніе I части, Главы XXVIII—XXXIV. Часть II, главы I—XIII. 1

II. Между вѣчностью и минутой. Романъ *М. К. Іогеля*. Часть III, главы XVIII—XX. 113

III. Въ устьяхъ и въ морѣ. Сѣверо-каспійскіе очерки. IV. Землепроходы. *Н. К. Бобылева*. 151

Русская жизнь.

IV. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка *В. И. Семевскаго*. (Окончаніе). 1

V. Русская земельная община. *Ф. Щербины*. VII. 34

VI. Боярская дума древней Руси. *В. Ключевскаго*. V. 64

—

VII. Бедуинъ. Стихотв. *Л. Пальмина*.

Иноплеменные народы.

VIII. Народное образованіе въ Америкѣ. *В. Миропольскаго*. (Прод.) 1—53

—

IX. *** Стихотв. *Л. Пальмина*.

Критика.

X. О прекрасномъ въ музыкѣ. Ст. *Ганслика*, перев. съ нѣм. . . 1—46

XI. **Внутреннее обозрѣніе** . . . . . 1—17

О Р89
10.
1880

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 2601.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1880.

Редакція и контора Русской Мысли: на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дрезэмейеръ.

Типо-Литогр. И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

PSlav 605.10 (I, 10)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 12 1962

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Изящная словесность.

I. Петербургское дѣйство. Истор. романъ въ 3-хъ част. *Гр. Саліаса*. Окончаніе I части, Главы XXVIII—XXXIV. Часть II, главы I—XIII. 1
II. Между вѣчностью и минутой. Романъ *М. К. Іогеля*. Часть III, главы XVIII—XX. 113
III. Въ устьяхъ и въ морѣ. Сѣверо-каспійскіе очерки. IV. Землепроходы. *Н. К. Бобылева*. 151

Русская жизнь.

IV. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка *В. И. Семевскаго*. (Окончаніе). 1
V. Русская земельная община. *Ф. Щербины*. VII. 34
VI. Боярская дума древней Руси. *В. Ключевскаго*. V. 64

—

VII. Бедуинъ. Стихотв. *Л. Пальмина*.

Иноплеменные народы.

VIII. Народное образованіе въ Америкѣ. *В. Миропольскаго*. (Прод.) 1—53

—

IX. *** Стихотв. *Л. Пальмина*.

Критика.

X. О прекрасномъ въ музыкѣ. Ст. *Ганслика*, пер. съ нѣм. 1—46

XI. **Внутреннее обозрѣніе** . . . . . 1—17

XII. **Земство.**

Стр.

Земское обозрѣніе 18

XIII. Земство и земскія учрежденія въ 1876—1877 годахъ. *Н. Н. Б.* 30

XIV. **Политическое обозрѣніе** 39

XV. Внутреннія политическія отношенія государствъ Запада Европы. 60

XVI. Отзывъ по поводу слова, сказаннаго Ѳ. М. Достоевскимъ на Пушкинскомъ торжествѣ . . . . . 1—6

XVII. Объявленія.

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Мессалина. Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ДѢЙСТВО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXVIII *).

На Невской перспективѣ, за нѣсколько домовъ отъ Полицейскаго моста, полускрываемый рядомъ большихъ липъ и березъ, стоялъ двухъ-этажный домъ, простой, но красивый. Архитектура его была того стиля, который само собою незамѣтно проникъ въ Россію и главнымъ образомъ въ Петербургъ, начиная съ Петра Великаго. Стиль этотъ чисто старый голландскій: простыя угловатыя формы всѣхъ очертаній, плоскія, рельефныя колонны, кое-гдѣ, какъ бы вставленныя въ рамкахъ, скульптурныя украшенія, оттѣненныя желтой краской отъ бѣлаго фона стѣны; при этомъ очень высокая, крутая крыша, на которой не можетъ залежаться снѣжный сугробъ.

Домъ этотъ былъ выстроенъ однимъ родственникомъ и любимцемъ кабинетъ-министра Волынскаго. Послѣ казни покровителя, владѣлецъ его тоже пострадалъ и отправился въ ссылку. Теперь домъ этотъ принадлежалъ голландцу, явившемуся въ царствованіе Анны Іоанновны въ качествѣ вольнонаемнаго матроса, а теперь ставшему не болѣе и не менѣе, какъ банкиромъ. Его фирма была извѣстна всему Петербургу и онъ сдѣлался кредиторомъ многихъ болѣе или менѣе крупныхъ личностей, чиновниковъ и офицеровъ на разныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Когда-то онъ былъ Круксъ, теперь же сдѣлался Ванъ-Круксъ. Но самъ хозяинъ матросъ, банкиръ, кораблестроитель, подрядчикъ и аферистъ на всѣ руки не жилъ въ домѣ, который пріобрѣлъ только ради того, что онъ напоминалъ ему немного его родину. Онъ жилъ на маленькой квартирѣ недалеко по Мойкѣ.

*) См. апр., май и сент.

Домъ за годъ назадъ былъ нанятъ пріѣхавшимъ въ Петербургъ съ молодой женой графомъ Кириллою Скабронскимъ. Здѣсь роскошно устроился промотавшійся внукъ графа Іоанна Іоанновича, котораго, наконецъ, привели въ отчизну на жительство уже совершенно стѣсненныя обстоятельства.

Въ нижнемъ этажѣ дома помѣщались только парадныя комнаты, на столько великолѣпно отдѣланныя, на сколько было только возможно въ то время въ Петербургѣ. Жилыя комнаты помѣщались во второмъ этажѣ. Въ домѣ этомъ, обстановка котораго была такая же, какъ и во всѣхъ прочихъ богатыхъ домахъ Петербурга, была только одна особенность: малое сравнительно количество служителей. Вдобавокъ прислуга эта была не изъ русской дворни, праздной, лѣнивой и неряшливой.

Въ этомъ домѣ было человѣкъ пять - шесть людей, но всѣ они были опрятно одѣты, смотрѣли весело, аккуратно и усердно дѣлали свое дѣло и нѣкоторые изъ нихъ даже не говорили по-русски. Одинъ былъ чистый французъ, привезенный графомъ съ собой, другой былъ нѣмецъ, третья, любимая горничная графини, была курляндка.

Было уже часовъ десять утра. На улицахъ было довольно много прохожихъ и проѣзжихъ; въ сосѣднихъ домахъ, въ особенности поближе къ Полицейскому мосту и ко дворцу государя, замѣчалась уже начавшаяся суета дня, а въ домѣ этомъ все еще было тихо.

Въ немъ еще только просыпалась прислуга, привыкшая жить на иностранный ладъ: ложиться, по милости господъ, поздно и вставать передъ полуднемъ.

Въ нижнемъ этажѣ угловая гостиная съ красивою пунцовою мебелью, съ изящнымъ убранствомъ, переполненная картинами и бронзой, отличалась отъ обыкновенныхъ гостиныхъ высокимъ куполомъ вмѣсто потолка. Это была фантазія того, кто когда-то строилъ домъ и умеръ затѣмъ въ Бѣлозерскѣ. Въ глубинѣ этой небольшой, по-заморски убранной гостинной стояла большая, необыкновенно эффектная кровать, вся рѣзная изъ розоваго дерева и вся изпещренная бронзовыми гирляндами и фарфоровыми медальонами; на четырехъ витыхъ колонкахъ высился легкій, красивый и эффектно драпировавный балдахинъ съ занавѣсами изъ голубаго бархата, а на верхушкѣ его два маленькихъ золотыхъ льва держали щитъ съ гербомъ графовъ Скабронскихъ. По присутствію здѣсь этой красивой голубой кровати

среди неправильно разстановленной и сбитой въ кучу пунцовой мебели было видно, что въ гостиной была только временно устроена спальня.

Действительно, здесь ночевала теперь и проводила часть дня хозяйка квартиры, графиня Маргарита Скабронская, лишь за несколько месяцевъ перебравшаяся сюда сверху, подальше отъ больнаго мужа.

Часу въ одиннадцатомъ люди поднялись на ноги и стали тихонько переходить изъ комнаты въ комнату, убирая домъ.

Скоро внизу появилась хорошенькая, молоденькая немка, пестро и щегольски одетая, съ коротенькой юбочкой на фижмахъ въ снежно-белыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ бантами на огромныхъ каблукахъ; на груди ея была скрещена и завязана сзади узломъ большая шелковистая косынка. Несколько разъ подходила она къ дверямъ пунцовой гостиной, очевидно прислушиваясь: не проснулась ли барыня. Но въ это время въ горнице съ куполомъ все было тихо.

Черезъ забытую вчера неопущенную на окно тяжелую занавесъ врывался въ комнату яркій светъ уже высоко поднявшагося солнца и игралъ сотнями переливовъ въ позолоте львовъ на балдахине, въ золотомъ карнизе купола и въ бронзе всей мебели. Одинъ яркій солнечный лучъ падалъ прямо на кровать и ослепительно горелъ на голубомъ бархате драпировки, въ ея серебристой бахроме и кистяхъ и на атласномъ нежно-желтомъ одеяле, обшитомъ кружевами.

На широкой двойной кровати крепко спала молодая и особенно красивая женщина. Это и была графиня Маргарита. Солнце светило прямо на нее и ужъ успело сильно пригреть и одеяло, и подушку, къ которой прильнула она щекой и которую обсыпала вьющимися прядями черныхъ волосъ съ примесью пудры. Ея обнаженныя красивыя плечи и изящныя руки, недвижно протянутыя сверхъ толстыхъ складокъ наброшеннаго одеяла, тоже начинало довольно сильно согревать этимъ солнечнымъ лучемъ. Но сонъ ея былъ слишкомъ крепокъ, даже отчасти тяжелъ. Она тяжело дышала, припекаемая солнцемъ, грудь высоко вздымалась.... но все-таки красавица не просыпалась. Она сильно устала наканунe на веселомъ вечере и поздно вернулась домой.

Около нея на столике лежали часы и затемъ три предмета, которые она, конечно, спрятала бы тотчасъ, если бы сюда нескромно проникъ посторонній взоръ.

Во-первыхъ, лежалъ листъ бумаги, исчерченный карандашемъ съ безконечными рядами цифръ. Вчера уже ночью, въ постели, сводила она безконечные счеты и, конечно, не счеты прихода, а непомѣрнаго, не по силамъ расхода. Рядомъ съ этимъ листкомъ стояла маленькая изящная саксонская чашечка съ остаткомъ питья. То, что ей наливалось вечеромъ хорошенькой нѣмкой-наперстницей въ эту чашечку, было почти тайной между ними обѣими. Это было любимое наркотическое питье, составленное изъ разныхъ спецій, сильно дѣйствующихъ на нервы. Въ составъ его входила и частица турецкаго гашиша.

Наконецъ, около чашечки лежала крошечная золотая табакерка, и съ голубой эмали крышки, среди маленькихъ брилліянтовъ и жемчужинъ, выглядывала прелестная головка амура на двухъ бѣленькихъ крылушкахъ. Табакерка свидѣтельствовала объ пріобрѣтенной дурной привычкѣ, зачастую свойственной многимъ молодымъ красавицамъ и львицамъ ея среды, но все-таки изъ приличія и скромности скрываемой въ обществѣ.

Спящая красавица на этой изящно-щегольской кровати, какъ бы обрамленная яркими цвѣтами шелка и бархата, да еще ярко, будто любовно, озаренная полдневнымъ солнцемъ, была дѣйствительно замѣчательно хороша собой; лицо ея, нѣжныхъ очертаній, не смотря на тяжелый сонъ, все-таки дышало молодостью, силой и страстью.

Невдалекѣ отъ постели, на большомъ креслѣ было брошено снятое съ вечера платье, но не женское. Это былъ полный мундиръ кирасирскаго полка. Далѣе, на столѣ, накрытомъ узорчатой скатертью, слегка съѣхавшей на бокъ, лежали маленькія игральныя карты, коробка съ бирюльками и крошечная перламутровая дощечка съ квадратиками, а вокругъ нея были разсыпаны такія же крошечныя шахматы. Ими, конечно, могли съ удобствомъ играть только тѣ маленькія ручки, которыя покоились теперь во снѣ на одѣялѣ, любовно пригрѣтыя солнечными лучами.

Тутъ же среди шахматъ лежалъ брошенный вчера флаконъ съ пролитыми духами и тонкій раздражающій запахъ все еще распространялся кругомъ стола.

Если бъ посторонній человѣкъ, хотя бы дряхлый старикъ, могъ проникнуть теперь въ эту импровизованную спальню, то навѣрное и невольно залюбовался бы на спящую красавицу. А если бы сюда могъ заглянуть юноша Шепелевъ, то по красивому лицу спящей да и по брошенному рядомъ мундиру, онъ узналъ бы

своего ночнаго спасителя, котораго принялъ за офицера-измайловца.

Во второмъ этажѣ, въ небольшой горницѣ, помѣщавшейся почти надъ гостиной, всѣ занавѣсы были тщательно спущены и лучъ дневнаго свѣта только едва скользилъ между двухъ неплотно сдвинутыхъ половинокъ. Обстановка этой горницы была иная и все въ ней было въ прямомъ противорѣчіи съ изящной обстановкой нижней комнаты съ куполомъ.

Здѣсь обыкновенный потолокъ былъ нѣсколько ниже; у стѣны стояла небольшая простая кровать и въ ней на трехъ большихъ подушкахъ виднѣлась какъ бы полу-сидячая фигура мужчины съ худымъ, желтоватымъ и изможденнымъ лицомъ, слегка обросшимъ усами и бородой. Большой круглый предъ диваномъ столъ былъ заставленъ рюмками, стаканами, скляницами и пузырьками. Удушливый и кисловатый аптечный запахъ наполнялъ темную горницу.

Въ горницѣ этой былъ только небольшой диванъ и нѣсколько креселъ, обитыхъ такою же голубой матеріей, какая сіяла теперь внизу на балдахинѣ большой двойной кровати, перенесенной отсюда. Остальная мебель была какъ бы набрана въ домѣ, по мѣрѣ надобности въ ней и не ради щегольства, а ради дѣйствительной потребности. Около самой кровати стояло массивное кресло, обитое темной шерстяной матеріей. На маленькомъ столикѣ близъ постели, около кружки съ какимъ-то ѣдко пахнувшимъ питьемъ, лежала маленькая книжка съ золотымъ обрѣзомъ, съ золотистымъ крестомъ на пунцовомъ переплетѣ. Это было евангеліе на французскомъ языкѣ.

Полусидячая фигура на кровати былъ человѣкъ, которому теперь нельзя было опредѣлить года. Болѣзнь трудная, злая и давнишняя жестоко исказила черты лица, когда-то, и еще даже недавно, красиваго, молодаго. Узнать въ больномъ изящнаго графа Кириллу Петровича Скабронскаго было теперь мудрено. Онъ уже давно неподвижно опрокинулся на подушки, но не спалъ, а былъ въ какомъ-то болѣзненномъ забытьи. Это былъ не сонъ, а полное разслабленіе, отсутствіе жизненныхъ силъ, которыя ежедневно все болѣе и болѣе покидали будто тающее тѣло. Изрѣдка онъ глубоко вздыхалъ и тотчасъ начиналъ судорожно и сухо кашлять, но при этомъ не открывалъ глазъ и какъ бы оставался все-таки въ безсознательномъ состояніи.

Ни около постели, ни гдѣ либо на мебели не видно было никакой снятой одежды, кромѣ мѣховаго шлафрока на креслѣ. Больной уже нѣсколько мѣсяцевъ не выходилъ изъ этой горницы никуда и нѣсколько недѣль лежалъ, не вставая съ постели. Безпощадная, медленная болѣзнь постепенно уничтожала его, незамѣтно, какъ-то тихо и будто умышленно осторожно, тѣшилась надъ жизнью, которую уносила частицами, всякій день, понемножку. Болѣзнь будто играла съ этимъ человѣкомъ, какъ играетъ кошка съ мышью, то отпуститъ, дастъ вздохнуть, дастъ ожить, позволитъ оглядѣться, придти въ себя, начать надѣяться и опять круто захватитъ, опять гнететъ, мучаетъ, покуда будто нечаянно, въ увлеченіи злобной игрой своей, не порветъ вдругъ окончательно жизненной нити. И теперь больной графъ Скабронскій часто уже вздыхалъ съ мыслію тяжелой и душу леденящей, но искренней: Скоро-ли?!..

Наконецъ, спустя часъ, усилившееся движеніе на улицахъ, легкій шорохъ въ комнатахъ, гдѣ убирала прислуга, и отчасти позднее время разбудили спящую внизу красавицу.

Графиня Маргарита открыла свои красивые черные глаза, лѣниво обвела ими кругомъ себя по горницѣ, но не шевельнулась и тотчасъ же задумалась. Съ самой минуты пробужденія, всякій день, въ ней являлась все та же неотвязная, постоянная дума, неотвязная забота о трудныхъ обстоятельствахъ странно сложившейся ея жизни.

На это утро всякая другая женщина поспѣшила бы встать и опустить гардины или какъ-нибудь укрыться отъ горячихъ лучей солнца, черезъ чуръ сильно пригрѣвшихъ ее. Графиня, напротивъ, съ наслажденіемъ осталась на этомъ припекѣ. Она еще съ дѣтства любила грѣться на солнцѣ и ощущать въ себѣ огонь пронизывающихъ тѣло лучей. Она сама любила сравнивать эту свою страсть съ отличительною чертой змѣи, которая по цѣлымъ часамъ лежитъ на самомъ палящемъ солнцѣ и грѣется, свернувшись въ кольцо на раскаленномъ камнѣ. И если эта страсть графини была общая со змѣей, то и кромѣ нея было въ характерѣ молодой красавицы много змѣинаго, за исключеніемъ развѣ злости и ядовитости.

Наконецъ, Маргарита протянула руку, хотѣла взять колокольчикъ и позвонить горничную, но глаза ея упали на табакерку и она прежде всего по пробужденіи не могла отказать себѣ въ первомъ обычномъ удовольствіи. Когда она взяла таба-

керку и, доставъ микроскопическую щепотку, понюхала, красивое личико ея тотчасъ же слегка оживилось и стало менѣе сонное и вялое.

Затѣмъ она позвонила, въ дверяхъ тотчасъ же показалась хорошенькая ея горничная Шарлота и, оглядѣвшись, ахнула и всплеснула руками. Обращаясь къ своей госпожѣ фамильярно и бойко, она заговорила по-нѣмецки:

— Ахъ, liebe Gräfin, опять я забыла опустить занавѣску. Ужъ какъ, вѣрно, вы меня бранили.

— Ахъ, нѣтъ, Лотхенъ, я очень рада была. Солнце меня пригрѣло, а я этимъ въ Россіи рѣдко наслаждаюсь. Мы будемъ лучше всегда оставлять эту занавѣску. Авось, хоть разъ въ мѣсяцъ, въ Петербургѣ подымется европейское солнце.

— Ну, здѣсь оно не любитъ часто бывать, отозвалась Лотхенъ.

Горничная, живая и ловкая въ движеніяхъ, и въ голосѣ и походкѣ, вышла изъ спальни и скоро вернулась съ фарфоровымъ подносомъ, на которомъ стоялъ маленькій красивый сервизъ. Она уставила подносъ на другомъ столикѣ и придвинула все къ кровати.

— Сегодня кофе будетъ хуже, заговорила она, оглядываясь,— вы ужъ очень долго спали. Что это?! Опять считали! Какъ не стыдно глаза напрасно портить.

Графиня, накладывая себѣ сахаръ въ чашку, вдругъ остановилась среди движенія и, поднявъ чуть-чуть свои тонкія черныя брови, вымолвила, какъ бы показывая ими въ верхній этажъ.

— Ну, что тамъ?

— Ничего, все то же! Чему тамъ быть?! небрежно выговорила Лотхенъ, подбирая на большомъ столѣ разсыпанныя карты, бирюльки и шахматы.

— Смотрите, Фленсбургъ ихъ изъ Парижа выписалъ, а вы пролили, прибавила она, показывая флаконъ отъ духовъ.

— Спитъ или проснулся? спросила Маргарита, не обращая вниманія на замѣчаніе любимицы.

— Право не знаю, кажется Эдуардъ еще внизу. А ужъ онъ будто чутьемъ слышитъ всегда, когда его баринъ долженъ проснуться.

Наступило минутное молчаніе, послѣ котораго Лотхенъ, подойдя къ столику съ кофеемъ, засунула руки въ кармашки своего полотняпаго, пестраго въ цвѣточкахъ, платья, которое за-

мѣняла въ праздничные дни шелковымъ, и, глядя пристально въ лицо графини, выговорила полу-шепотомъ:

— Когда жъ это, liebe Gräfin, конецъ будетъ? Это ужасно! Что жъ этотъ проклятый Вурмъ вамъ говорилъ вчера?

Графиня слегка пожала красивымъ полу-обнаженнымъ и снѣжно-бѣлымъ плечомъ и вздохнула:

— Что жъ онъ знаетъ! выговорила она черезъ мгновеніе. Говоритъ: скоро, на-дняхъ; а потомъ пройдетъ мѣсяцъ и онъ говоритъ: не знаю, и утѣшаетъ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ надо ждать, когда ледъ на Невѣ пройдетъ. А когда онъ двинется?! вдругъ какъ бы разгнѣвалась молодая женщина. Я спрашивала вчера Полину. Она говоритъ, что бываетъ иногда ледоходъ въ маѣ мѣсяцѣ. А мы за эти два мѣсяца сто разъ успѣемъ съ ума сойти.

И Маргарита перестала пить свой кофе, задумалась глубоко и прошептала:

— Да, ужасно! Думала ли я, что буду когда либо въ такомъ положеніи?

— Старый графъ?! выговорила Лотхенъ шепотомъ и съ особымъ удареніемъ, какъ бы нѣчто повторяемое въ сотый разъ.

— Ну, дѣдъ?... Ну, хорошо! Ну, что же?!...

— Что? повторила Лотхенъ и тоже фамильярно подернула плечами. Зажмурьтесь, да и рѣшитесь.... Говорятъ, надо глаза закрыть, когда что страшно или противно....

Графиня вдругъ расхохоталась весело и прибавила, кончивъ свою чашку:

— Ты вотъ другихъ посылаешь, а ты сама попробуй, какъ это весело.

Лотхенъ тоже разсмѣялась.

— У меня такого дѣда нѣтъ! А если бъ былъ.... О-о!!... Я бы показала силу характера.

— Должно быть! Хвастунья! Это легко на словахъ!...

— Я не говорю—легко. Но если ужъ необходимость. Да и что вамъ стоитъ, если только вы захотите? А вѣдь у него, всѣ говорятъ, при его скупости, огромное состояніе. Всѣ наши долги онъ бы могъ сразу уплатить однимъ годовымъ доходомъ съ одного какого-нибудь имѣнія. А вамъ что для этого надо? Немножко полюбезничать съ нимъ, приласкаться къ старому брюзгѣ. А если бъ даже и влюбился въ васъ, въ свою внучку, этотъ старый грѣховодникъ, то и пускай влюбится. Оно не опасно!

Вѣдь опасности никакой не будетъ, не смотря на полное его желаніе быть опаснымъ....

И обѣ женщины вдругъ начали весело и громко смѣяться тѣмъ же звенящимъ серебренымъ смѣхомъ, какимъ еще недавно смѣялись въ саняхъ надъ спасеннымъ въ оврагѣ преображенцемъ. Смѣхъ этотъ былъ на столько рѣзокъ, что даже достигъ до подушекъ больнаго, который лежалъ на верху. Онъ отъ этого смѣха какъ бы пришелъ въ себя и открылъ глаза.

Въ горницѣ его ужъ сидѣлъ давно на стулѣ близь дверей, на цыпочкахъ прокравшійся, вѣрный слуга его, французъ изъ Нанта, Эдуардъ. Онъ, дѣйствительно, какъ бы чутьемъ всегда зналъ, когда больной графъ проснется. При первомъ движеніи руки больнаго и съ пробужденія начинающагося сухаго кашля Эдуардъ приподнялъ занавѣску на окнѣ и приблизился къ кровати.

— Какъ себя чувствуетъ monsieur le comte? началъ онъ съ обыденной фразы, которую говорилъ, однако, всякое утро не ради только того, чтобы сказать что-нибудь, а дѣйствительно озабоченный положеніемъ больнаго, котораго любилъ и которому считалъ себя во многомъ обязаннымъ.

Молодой малый былъ взятъ графомъ во Франціи изъ простой крестьянской семьи и въ два-три года онъ сдѣлалъ изъ поселянина самаго элегантнаго лакея, способнаго на все и получающаго большое жалованье. Со смертію любимаго барина Эдуардъ, конечно, терялъ немного, такъ какъ его во всякомъ богатомъ домѣ и въ Петербургѣ и даже въ Парижѣ взяли бы съ охотой. Но Эдуардъ искренно привязался къ этому русскому барину, который обращался съ нимъ по-братски.

— Какъ вы почивали? заговорилъ Эдуардъ по-французски.

— Какъ всегда, слабымъ голосомъ отозвался графъ. Вуриъ не пріѣзжалъ?

— Нѣтъ еще. Не прикажете ли свѣжаго питья?

Больной промолчалъ и только движеніемъ вѣкъ и бровей отвѣчалъ слугѣ.

Въ эту минуту новый залпъ свѣжаго хохоту внизу и веселые голоса долетѣли до слуха графа и онъ тяжело вздохнулъ, какъ бы въ отвѣтъ на это.

— Que diable! Avec l'aube!... проговорилъ Эдуардъ сердито.

И графъ понялъ, что вѣрный слуга, говоря про этотъ хохотъ внизу, оскорбленъ имъ.

Между тѣмъ, въ нижней гостиной Лотхенъ разсказывала въ подробностяхъ барынѣ исторію, случившуюся съ прусакомъ Котцау. Лотхенъ, близкая знакомая Михеля и вообще пріятельница со всѣми привезенными людьми принца Жоржа, съ которыми часто видалась, могла знать до малѣйшихъ подробностей все дѣлающееся у него въ домѣ. Лотхенъ передавала графинѣ, что принцъ и господинъ Фленсбургъ очень смѣялись надъ однимъ молодымъ часовымъ, который такъ говорилъ съ ними по-нѣмецки, что его высочество до сихъ поръ безъ смѣха вспомнить не можетъ.

Графиня, конечно, уже давно знала всю исторію Котцау, но на это утро Лотхенъ прибавила еще нѣсколько подробностей. Юркая, кокетливая и веселая горничная тоже много бывала въ гостяхъ въ своей средѣ, какъ и графиня, ея полу-пріятельница.

И каждый день она старалась собрать въ городѣ побольше вѣстей, побольше сомнительныхъ происшествій, побольше всякихъ сплетень и забавныхъ анекдотовъ, чтобы поутру развеселить свою «liebe Gräfin», которую она уже давно завоевала себѣ право такъ называть.

— Откуда ты знаешь, выговорила Маргарита, что эту суповую чашку цѣлый день распиливали? Мнѣ Фленсбургъ вчера объ этомъ ни слова не говорилъ.

— Что мудренаго? вдругъ лукаво улыбнулась Лотхенъ. Онъ могъ съ вами цѣлыя сутки пробыть и объ этомъ не сказать.

— Почему жъ? удивилась Маргарита.

— Потому что, когда онъ съ вами, продолжала лукаво усмѣхаться Лотхенъ, вамъ не до того, чтобы разсказывать другъ-дружкѣ разныя исторіи, т.-е. лучше сказать: *ему* не до того. Онъ сидитъ, впивается въ васъ глазами, молится на васъ! Одно только жаль, прибавила Лотхенъ тонко, — онъ не богатъ. Это намъ не на руку, намъ надо спасаться изъ нашихъ затрудненій; хоть и красивъ онъ, и уменъ, и не русскій медвѣдь, а все-таки намъ бы лучше предпочесть нашего столѣтняго дѣдушку. Фленсбургъ, если влюбится до отчаянія, хоть-бы даже до самоубійства, никакого толку не будетъ. Еще хуже мы запутаемся! А если дѣдушка влюбится, тогда мы съ вами заживемъ, какъ герцоги германскіе. Наймемъ вотъ хоть домъ Менщиковскій или Воронцовскій, отдѣлаемъ такъ, какъ эти неучи-петербуржцы и не видали никогда. Я ужъ не буду простой горничной у васъ, я буду вашей камеръ-фрейлиной или статсъ-дамой, у меня бу-

дутъ свои три горницы, гостиная и кабинетъ, гдѣ я буду принимать своихъ знакомыхъ и друзей.

— И замужъ выйдешь, насмѣшливо отозвалась Маргарита.

— Да, конечно. Только не иначе, какъ за глухонѣмаго....

— Нѣмой видитъ, лучше за слѣпаго!

— Нѣтъ, слѣпой слишкомъ мало видитъ. Это неудобно! расхохоталась Лотхенъ. Со слѣпымъ бѣда!.... Онъ чужую вмѣсто жены поцѣлуетъ.

— Ну, это все равно.... Мы не ревнивы.... Тутъ бѣда не въ томъ.... отозвалась Маргарита.

И вдругъ обѣ женщины безъ причины, а будто отъ одной потребности смѣяться, снова весело расхохотались на весь домъ.

Наконецъ, Лотхенъ отодвинула отъ кровати столикъ съ сервизомъ. Графиня сѣла, спустила ноги въ изящныя туфли на высокихъ пунцовыхъ каблукахъ съ золотыми подковами и, поднявшись, подошла тотчасъ къ большому зеркалу.

— Какъ вы однако хороши собой! вымолвила Лотхенъ.

— Да, кажется.... отозвалась Маргарита, любуясь собой. Это моя первая любовь! указала она на себя въ зеркало. И увы! кажется и послѣдняя.

— Ну, еще смотрите, кого и полюбите, встрѣтите такое диво, что....

— Нѣтъ, Лотхенъ. Я серьезно боюсь, что никогда никого не полюблю!

Въ эту же минуту вѣрный и терпѣливый Эдуардъ помогалъ барину съ трудомъ повернуться и подняться на кровати, чтобы выпить изъ кружки лѣкарство. Съ отвращеніемъ глоталъ больной противную микстуру, понимая и чувствуя, что это только ненужное, лишнее мученіе.... Новый взрывъ хохота серебристыхъ женскихъ голосовъ, долетѣвшій снизу, заставилъ его вздрогнуть и не допить лѣкарства.

— А я ей все далъ.... внезапно и съ горечью прошепталъ своему любимцу Кирилла Петровичъ. Имя, положеніе.... Любовь далъ....

— Une aventurière!! злобно отозвался Эдуардъ, укладывая снова больнаго въ подушки.

XXIX.

На другой же день, въ сумерки теплаго зимняго дня братья Орловы были арестованы и препровождены подъ конвоемъ по мѣсту служенія младшаго, т. е. на ротный преображенскій дворъ. Извѣстіе это быстро распространилось по всему Петербургу и по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ, благодаря множеству друзей и множеству враговъ. Толки объ этомъ долго не прекращались. Весь Петербургъ былъ убѣжденъ, что государь чрезвычайно разгнѣванъ поступкомъ буяновъ съ профессоромъ фехтованія, и всѣ ожидали скоро услышать, что офицеры Орловы высланы изъ Петербурга куда-нибудь далеко.

Въ дѣйствительности было совершенно иначе. Хотя давно, съ дѣтства, зналъ Петербургъ прежняго великаго князя, а теперешняго государя, однако постоянно ошибался на его счетъ. Общественное мнѣніе никогда не могло предвидѣть, какъ отзовется государь на какой-нибудь фактъ. Это былъ человѣкъ, который именно дѣйствовалъ постоянно на основаніи чуждаго ему и чисто русскаго свойства: какой стихъ найдетъ!

Когда, понуждаемый Фленсбургомъ, принцъ Жоржъ доложилъ государю объ исторіи съ Котцау, Петръ Ѳедорычъ страшно разгнѣвался и вспылилъ. Но когда затѣмъ принцъ началъ разсказъ и передалъ все въ подробностяхъ, то государь такъ долго и искренно хохоталъ до слезъ, что послѣ такого смѣха даже мудрено было перейти къ суровому наказанію. Онъ заставилъ нѣсколько разъ принца Жоржа снова пересказать себѣ все до мелочей и досадовалъ, что нѣкоторыхъ подробностей принцъ Жоржъ самъ не зналъ. Разумѣется, послѣ того Петръ Ѳедоровичъ согласился, пожимая плечами, что буяновъ слѣдуетъ арестовать. При этомъ государь прибавилъ, что это дѣло исключительно касается самого принца, какъ шефа всей гвардіи. Такимъ образомъ, Орловы были арестованы по распоряженію самого принца Голштинскаго.

Фленсбургъ сильно взбѣсился, узнавъ о результатѣ свиданія принца съ государемъ.

— Стало быть, однимъ арестомъ все и кончится?! воскликнулъ онъ. Вотъ видите, ваше высочество, я былъ правъ: если бы вы повезли Котцау съ этой миской на головѣ въ самый дворецъ, то было бы иначе.

— Ахъ, милый Генрихъ,—оправдывался принцъ,—напротивъ, если бы я свезъ Котцау въ этомъ уборѣ, вышло бы еще хуже. Если одинъ разсказъ разсмѣшилъ государя, то понимаете, что̀ бы было, если бъ онъ увидѣлъ самого ротмейстера. Котцау бы даже обидѣлся и уѣхалъ обратно.

И Фленсбургъ, по личному распоряженію принца, вмѣстѣ съ маіоромъ Воейковымъ арестовалъ Орловыхъ и самъ сдалъ на преображенскій дворъ.

Послѣ своего возвращенія изъ ссылки, Фленсбургъ ни разу еще не бывалъ на ротномъ дворѣ перваго петербургскаго полка. Онъ былъ пораженъ тѣмъ, что нашелъ тамъ. Когда онъ передалъ потомъ принцу, что̀ такое видѣнныя имъ казармы, принцъ широко раскрылъ глаза и почти не вѣрилъ. Было рѣшено, что принцу надобно въ числѣ другихъ дѣлъ, касавшихся гвардіи, прежде всего заняться преображенцами. Фленсбургъ посовѣтовалъ принцу, не откладывая въ долгій ящикъ, произвести смотръ этому «вертепу», какъ называлъ онъ дворъ.

Дѣйствительно, черезъ два или три дня, не объявляя ни слова о своемъ намѣреніи, принцъ въ сопровожденіи Фленсбурга явился на ротномъ дворѣ.

Переполохъ, разумѣется, сдѣлался страшный. Орловы, сидѣвшіе подъ арестомъ въ одной изъ горницъ, увидя подъѣхавшаго въ каретѣ принца, конечно, приготовились къ допросу и къ немедленной высылкѣ изъ города.

Шепелевъ, бывшій у дяди, рѣшилъ, что этотъ пріѣздъ касается до него, что его тоже немедленно арестуютъ за что-нибудь; и молодой человѣкъ сталъ припоминать, не сдѣлалъ ли онъ, дѣйствительно, какой-нибудь ужасной дерзости, когда былъ у принца съ слесаремъ.

Молодой Державинъ, узнавъ о появленіи принца, тотчасъ же нацѣпилъ всю аммуницію и быстро сбѣжалъ внизъ. Судя по веселому лицу его, можно было подумать, что онъ отъ визита принца ничего, кромѣ хорошаго, для себя не ожидаетъ.

Квасовъ, отдыхавшій послѣ обѣда и разбуженный племянникомъ, даже не могъ понять ничего. Такъ какъ Акимъ Акимычъ спалъ всегда одѣтый, то ему осталось только захватить шпагу и шляпу, чтобы выйти къ его высочеству.

— Ну, эта колбаса не даромъ пожаловала, шепнулъ онъ племяннику. Посмотри, что будетъ. Дымъ коромысломъ!

— Можетъ, дѣло какое важное?

— Какого ему чертà дѣлать у насъ, бормоталъ Квасовъ. А просто ругаться пріѣхалъ, угару напустить.

Принцъ, молча, но сумрачный, вступилъ на ротный дворъ, встрѣчаемый всѣми офицерами и сопровождаемый адъютантомъ, который насмѣшливо и презрительно оглядывалъ офицеровъ. Только два лица оказались Фленсбургу вполнѣ знакомыми, но это были рядовые дворяне Шепелевъ и Державинъ, съ которыми онъ не только не заговорилъ, но которымъ даже не счелъ возможнымъ поклониться. Одинъ лишь добродушный принцъ, входя на крыльцо и увидя въ кучкѣ рядовыхъ знакомое, юношеское лицо, невольно улыбнулся на секунду и, сдѣлавъ въ воздухѣ рукой, выговорилъ:

— А, штара жнакома!

И, обернувшись къ Фленсбургу, онъ прибавилъ:

— Вонъ онъ нашъ, unser Herr Nicht-micht!

Шепелевъ вспыхнулъ и покраснѣлъ до ушей: ему показалось это обращеніе къ нему крайне оскорбительнымъ.

Принцъ уже вошелъ въ корридоръ, когда нѣсколько человѣкъ обернулись къ Шепелеву за объясненіемъ того, что сейчасъ случилось и что сказалъ принцъ.

— Это онъ мнѣ прозвище такое далъ, еще болѣе краснѣя, выговорилъ молодой малый.

Онъ объяснилъ свой случай у принца въ короткихъ словахъ:

— Вотъ оно и выходитъ теперь, что онъ мнѣ: штáра жнакóма.

И юноша такъ удачно передразнилъ фигуру и интонацію принца, что вдругъ вокругъ него раздался никѣмъ не ожиданный дружный залпъ смѣха; даже Квасовъ фыркнулъ. И чрезъ секунду на крыльцѣ снова появилась грозная фигура взбѣшеннаго Фленсбурга. Смѣхъ этотъ онъ понялъ по своему, принялъ за умышленную дерзость, тѣмъ болѣе, что онъ раздался прямо за спиною его и принца, едва успѣвшаго сдѣлать нѣсколько шаговъ по корридору казармы.

— Чего вы горланите! Неучи! крикнулъ Фленсбургъ, и лицо его измѣнилось и поблѣднѣло. Онъ не сдержалъ своего гнѣва и чувствовалъ самъ, что хватилъ черезъ край. Что будетъ!! Что скажутъ!! шевельнулась въ немъ боязнь за себя.

Но кучка офицеровъ смутилась. Молчаніе гробовое наступило тотчасъ. Только одно лицо изъ всѣхъ лицъ, къ нему обращенныхъ, побагровѣло. Это былъ Акимъ Квасовъ. Бывшій сдаточный

мужикъ оказался чувствительнѣе столбовыхъ дворянъ: Фленсбургъ замѣтилъ это вспыхнувшее огнемъ лицо и надолго запомнилъ его на всякій случай.

— Что вы офицеры гвардіи или разнощики, извощики? гнѣвно и смѣлѣе вымолвилъ Фленсбургъ. Расходитесь по мѣстамъ, каждый къ своей части. Вы, русскіе, заставили поневолѣ иностранца учить себя вѣжливости!..

Приказаніе было тотчасъ молча исполнено и всѣ офицеры разошлись по казармамъ.

Когда Фленсбургъ скрылся въ корридорѣ, догоняя принца, то на дворѣ показался снова только Квасовъ и рысью выбѣжалъ за ворота на улицу. Тутъ онъ оглядѣлся: кромѣ одной кривой солдатки никого не было вблизи.

— Матвѣвна! Матвѣвна! замахалъ ей Квасовъ.—Женщина подошла.

— Слушай въ оба. Дѣло сибирное!...

И Квасовъ, озираясь, медленно и шепотомъ, но толково, вдолбилъ что-то Матвѣвнѣ, разинувшей ротъ отъ излишняго вниманія и усердія.

— Поняла?

— Вѣстимо, родимый. Куды же ее тащить?

— Мнѣ въ руки или въ карманъ. Да со сноровкой. Чтобы никто не видалъ!.. А то оба въ Сибирь улетимъ.

— О-охъ!.. вздохнула Матвѣвна.

— Да. Вѣрно... Ну, кати. Вотъ тебѣ три гривны. Живо. Единымъ духомъ... Погоди! Какъ меня найдешь, виду не подавай. Стой лучше столбомъ. Я къ тебѣ подойду лучше самъ, и стану задомъ. Поняла? А ты ее мнѣ въ карманъ и ухни. Поняла?

— Поняла... Да какъ то-ись задомъ?

— О, оголтѣлая. Вотъ такъ!...

И Квасовъ повернулся къ бабѣ спиной и надвинулся на нее такъ близко, что отдавилъ ей ногу.

— Поняла! Въ карманъ мнѣ и сунь. Ну, качай.... Живо! Деньги не потеряй....

И Квасовъ также рысью, но видимо довольный, вернулся въ казарму. Баба пустилась опрометью по улицѣ и тотчасъ скрылась за угломъ.

Въ то же самое время въ корридорѣ, когда Фленсбургъ уже почти догналъ принца, къ нему приблизился почтительно молодой рядовой и выговорилъ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Если будетъ нужда во мнѣ его высочеству или вамъ для какого либо объясненія, то я отъ всего сердца готовъ служить.

Фленсбургъ разсѣянно отвѣчалъ: gut. Хотя онъ хорошо не понялъ съ разу чего собственно хочетъ этотъ рядовой и двинулся далѣе.

— Какъ здоровье господина фехтмейстера послѣ этой глупой непріятности? снова вѣжливо спросилъ по-нѣмецки рядовой, слѣдуя за Фленсбургомъ.

— Ничего.... Но за эту глупость будетъ еще достойная буянамъ расплата! отвѣчалъ Фленсбургъ и прибавилъ, останавливаясь:

— Какимъ случаемъ вы преображенецъ.... Вы изъ Курляндіи или...?

— Я изъ Казани, господинъ офицеръ.

— Вы русскій?!

— Точно такъ-съ....

— Какимъ же образомъ вы такъ говорите по-нѣмецки.... замѣчательно хорошо?

— Я люблю языкъ этотъ и знаю его съ дѣтства.

— Ваша фамилія?

— Державинъ.

— Державинъ? Не слыхалъ еще ни разу этого имени.... Но развѣ въ Казани могъ быть кто-нибудь способный учить по-нѣмецки?

— Да-съ.... И Державинъ сталъ бойко и быстро разсказывать, какъ онъ выучился языку.

Разговоръ затянулся. Фленсбургу понравились шутки юноши на счетъ его дикаго учителя, каторжника Розы. Онъ началъ смѣяться и разспрашивать подробнѣе....

Вскорѣ Фленсбурга позвалъ кто-то изъ офицеровъ къ принцу. Онъ двинулся и выговорилъ:

— До свиданія. Заходите ко мнѣ. Я во дворцѣ принца. Намъ нужны говорящіе по-нѣмецки. Дѣло найдется.... Заходите....

Фленсбургъ нашелъ принца, гнѣвно, но сдержанно объясняющаго что-то такое кучкѣ офицеровъ на самомъ невѣроятномъ русскомъ языкѣ. Было видно по лицамъ ближайшихъ, что они при всемъ усердіи не могутъ понять ни одного слова....

— Биль!... Баба... Мой... Многъ... Не карошъ! разслушалъ Фленсбургъ и подумалъ про себя:

— Охъ, молчалъ бы ужъ лучше. Потѣха одна!

И онъ приблизился.

— Что прикажете, ваше высочество?

— Милый Фленсбургъ, заговорилъ принцъ на родномъ языкѣ. Это ужасно!.. Это невѣроятно!.. Поглядите: развѣ это ротный дворъ? Это базаръ, ярмарка, синагога, птичный дворъ. Эти бабы.... Эта грязь.... Эти клѣтки.... Эта вонь!

— Потому я и хотѣлъ, чтобы ваше высочество сами видѣли преображенскій дворъ. Вы бы не повѣрили. Да и государь не повѣритъ, пока не увидитъ.

— Нѣтъ, государя нельзя сюда вести. Неприлично, наконецъ. Я прежде приказываю все это очистить. У нихъ плацъ большой обращенъ въ огороды! Вы слышите? Изъ плаца огородъ сдѣлали!

Принцъ поднялъ руки въ ужасѣ и пошелъ обратно къ выходу, не желая глядѣть далѣе. Онъ бормоталъ что-то на ходу себѣ подъ носъ. Фленсбургъ разслышалъ только два раза произнесенное слово:

— Янычары! Янычары!...

XXX.

Дѣйствительно, ротные дворы преображенскаго и другихъ полковъ имѣли странный видъ, въ особенности для пріѣзжаго изъ Германіи офицера, а тѣмъ болѣе для того, кто былъ знакомъ съ полковыми дворами и казармами Прусскаго короля-воина.

При входѣ съ большаго общаго крыльца подъ своды ротной казармы, принцъ еще вначалѣ корридора, темнаго и грязнаго, былъ съ разу пораженъ сплошнымъ гуломъ голосовъ и спертымъ, кислымъ, удушливымъ воздухомъ. Причина этой обстановки была страшная тѣснота, ибо солдаты жили здѣсь со своими семьями, женами, дѣтьми и даже родственниками. Иногда же, по дозволенію потворствующаго начальства, брали къ себѣ, если находилось мѣсто, на хлѣба за выгодную плату, совершенно посторонних людей. Такимъ образомъ явились въ казармахъ старики и старухи, подьячіе и духовные, стрекулистъ, вдова пономариха, разнощикъ и какой-нибудь хворый, увѣчный или просто побирушка-нищій, аккуратно платящій за свой уголъ изъ грошей собираемаго днемъ подаянія.... Попадался тутъ народъ и бѣглый, почти безъ роду и племени; жидъ, цыганъ, калмыченокъ, удравшій отъ побоевъ злющей барыни-прихотницы. Всѣ они, конечно,

— Если будетъ нужда во мнѣ его высочеству или вамъ для какого либо объясненія, то я отъ всего сердца готовъ служить.

Фленсбургъ разсѣянно отвѣчалъ: gut. Хотя онъ хорошо не понялъ съ разу чего собственно хочетъ этотъ рядовой и двинулся далѣе.

— Какъ здоровье господина фехтмейстера послѣ этой глупой непріятности? снова вѣжливо спросилъ по-нѣмецки рядовой, слѣдуя за Фленсбургомъ.

— Ничего.... Но за эту глупость будетъ еще достойная буянамъ расплата! отвѣчалъ Фленсбургъ и прибавилъ, останавливаясь:

— Какимъ случаемъ вы преображенецъ.... Вы изъ Курляндіи или...?

— Я изъ Казани, господинъ офицеръ.

— Вы русскій?!

— Точно такъ-съ....

— Какимъ же образомъ вы такъ говорите по-нѣмецки.... замѣчательно хорошо?

— Я люблю языкъ этотъ и знаю его съ дѣтства.

— Ваша фамилія?

— Державинъ.

— Державинъ? Не слыхалъ еще ни разу этого имени.... Но развѣ въ Казани могъ быть кто-нибудь способный учить по-нѣмецки?

— Да-съ.... И Державинъ сталъ бойко и быстро разсказывать, какъ онъ выучился языку.

Разговоръ затянулся. Фленсбургу понравились шутки юноши на счетъ его дикаго учителя, каторжника Розы. Онъ началъ смѣяться и разспрашивать подробнѣе....

Вскорѣ Фленсбурга позвалъ кто-то изъ офицеровъ къ принцу. Онъ двинулся и выговорилъ:

— До свиданія. Заходите ко мнѣ. Я во дворцѣ принца. Намъ нужны говорящіе по-нѣмецки. Дѣло найдется.... Заходите....

Фленсбургъ нашелъ принца, гнѣвно, но сдержанно объясняющаго что-то такое кучкѣ офицеровъ на самомъ невѣроятномъ русскомъ языкѣ. Было видно по лицамъ ближайшихъ, что они при всемъ усердіи не могутъ понять ни одного слова....

— Биль!... Баба... Мой... Многъ... Не карошъ! разслушалъ Фленсбургъ и подумалъ про себя:

— Охъ, молчалъ бы ужъ лучше. Потѣха одна!

И онъ приблизился.

— Что прикажете, ваше высочество?

— Милый Фленсбургъ, заговорилъ принцъ на родномъ языкѣ. Это ужасно!.. Это невѣроятно!.. Поглядите: развѣ это ротный дворъ? Это базаръ, ярмарка, синагога, птичный дворъ. Эти бабы.... Эта грязь.... Эти клѣтки.... Эта вонь!

— Потому я и хотѣлъ, чтобы ваше высочество сами видѣли преображенскій дворъ. Вы бы не повѣрили. Да и государь не повѣритъ, пока не увидитъ.

— Нѣтъ, государя нельзя сюда вести. Неприлично, наконецъ. Я прежде приказываю все это очистить. У нихъ плацъ большой обращенъ въ огороды! Вы слышите? Изъ плаца огородъ сдѣлали!

Принцъ поднялъ руки въ ужасѣ и пошелъ обратно къ выходу, не желая глядѣть далѣе. Онъ бормоталъ что-то на ходу себѣ подъ носъ. Фленсбургъ разслышалъ только два раза произнесенное слово:

— Янычары! Янычары!...

XXX.

Дѣйствительно, ротные дворы преображенскаго и другихъ полковъ имѣли странный видъ, въ особенности для пріѣзжаго изъ Германіи офицера, а тѣмъ болѣе для того, кто былъ знакомъ съ полковыми дворами и казармами Прусскаго короля-воина.

При входѣ съ большаго общаго крыльца подъ своды ротной казармы, принцъ еще вначалѣ корридора, темнаго и грязнаго, былъ съ разу пораженъ сплошнымъ гуломъ голосовъ и спертымъ, кислымъ, удушливымъ воздухомъ. Причина этой обстановки была страшная тѣснота, ибо солдаты жили здѣсь со своими семьями, женами, дѣтьми и даже родственниками. Иногда же, по дозволенію потворствующаго начальства, брали къ себѣ, если находилось мѣсто, на хлѣба за выгодную плату, совершенно постороннихъ людей. Такимъ образомъ явились въ казармахъ старики и старухи, подьячіе и духовные, стрекулистъ, вдова пономариха, разнощикъ и какой-нибудь хворый, увѣчный или просто побирушка-нищій, аккуратно платящій за свой уголъ изъ грошей собираемаго днемъ подаянія.... Попадался тутъ народъ и бѣглый, почти безъ роду и племени; жидъ, цыганъ, калмыченокъ, удравшій отъ побоевъ злющей барыни-прихотницы. Всѣ они, конечно,

— Если будетъ нужда во мнѣ его высочеству или вамъ для какого либо объясненія, то я отъ всего сердца готовъ служить.

Фленсбургъ разсѣянно отвѣчалъ: gut. Хотя онъ хорошо не понялъ съ разу чего собственно хочетъ этотъ рядовой и двинулся далѣе.

— Какъ здоровье господина фехтмейстера послѣ этой глупой непріятности? снова вѣжливо спросилъ по-нѣмецки рядовой, слѣдуя за Фленсбургомъ.

— Ничего.... Но за эту глупость будетъ еще достойная буянамъ расплата! отвѣчалъ Фленсбургъ и прибавилъ, останавливаясь:

— Какимъ случаемъ вы преображенецъ.... Вы изъ Курляндіи или...?

— Я изъ Казани, господинъ офицеръ.

— Вы русскій?!

— Точно такъ-съ....

— Какимъ же образомъ вы такъ говорите по-нѣмецки.... замѣчательно хорошо?

— Я люблю языкъ этотъ и знаю его съ дѣтства.

— Ваша фамилія?

— Державинъ.

— Державинъ? Не слыхалъ еще ни разу этого имени.... Но развѣ въ Казани могъ быть кто-нибудь способный учить по-нѣмецки?

— Да-съ.... И Державинъ сталъ бойко и быстро разсказывать, какъ онъ выучился языку.

Разговоръ затянулся. Фленсбургу понравились шутки юноши на счетъ его дикаго учителя, каторжника Розы. Онъ началъ смѣяться и разспрашивать подробнѣе....

Вскорѣ Фленсбурга позвалъ кто-то изъ офицеровъ къ принцу. Онъ двинулся и выговорилъ:

— До свиданія. Заходите ко мнѣ. Я во дворцѣ принца. Намъ нужны говорящіе по-нѣмецки. Дѣло найдется.... Заходите....

Фленсбургъ нашелъ принца, гнѣвно, но сдержанно объясняющаго что-то такое кучкѣ офицеровъ на самомъ невѣроятномъ русскомъ языкѣ. Было видно по лицамъ ближайшихъ, что они при всемъ усердіи не могутъ понять ни одного слова....

— Биль!... Баба... Мой... Многъ... Не карошъ! разслушалъ Фленсбургъ и подумалъ про себя:

— Охъ, молчалъ бы ужъ лучше. Потѣха одна!

И онъ приблизился.

— Что прикажете, ваше высочество?

— Милый Фленсбургъ, заговорилъ принцъ на родномъ языкѣ. Это ужасно!.. Это невѣроятно!.. Поглядите: развѣ это ротный дворъ? Это базаръ, ярмарка, синагога, птичный дворъ. Эти бабы.... Эта грязь.... Эти клѣтки.... Эта вонь!

— Потому я и хотѣлъ, чтобы ваше высочество сами видѣли преображенскій дворъ. Вы бы не повѣрили. Да и государь не повѣритъ, пока не увидитъ.

— Нѣтъ, государя нельзя сюда вести. Неприлично, наконецъ. Я прежде приказываю все это очистить. У нихъ плацъ большой обращенъ въ огороды! Вы слышите? Изъ плаца огородъ сдѣлали!

Принцъ поднялъ руки въ ужасѣ и пошелъ обратно къ выходу, не желая глядѣть далѣе. Онъ бормоталъ что-то на ходу себѣ подъ носъ. Фленсбургъ разслышалъ только два раза произнесенное слово:

— Янычары! Янычары!...

XXX.

Дѣйствительно, ротные дворы преображенскаго и другихъ полковъ имѣли странный видъ, въ особенности для пріѣзжаго изъ Германіи офицера, а тѣмъ болѣе для того, кто былъ знакомъ съ полковыми дворами и казармами Прусскаго короля-воина.

При входѣ съ большаго общаго крыльца подъ своды ротной казармы, принцъ еще вначалѣ корридора, темнаго и грязнаго, былъ съ разу пораженъ сплошнымъ гуломъ голосовъ и спертымъ, кислымъ, удушливымъ воздухомъ. Причина этой обстановки была страшная тѣснота, ибо солдаты жили здѣсь со своими семьями, женами, дѣтьми и даже родственниками. Иногда же, по дозволенію потворствующаго начальства, брали къ себѣ, если находилось мѣсто, на хлѣба за выгодную плату, совершенно постороннихъ людей. Такимъ образомъ явились въ казармахъ старики и старухи, подьячіе и духовные, стрекулистъ, вдова пономариха, разнощикъ и какой-нибудь хворый, увѣчный или просто побирушка-нищій, аккуратно платящій за свой уголъ изъ грошей собираемаго днемъ подаянія.... Попадался тутъ народъ и бѣглый, почти безъ роду и племени; жидъ, цыганъ, калмыченокъ, удравшій отъ побоевъ злющей барыни-прихотницы. Всѣ они, конечно,

— Если будетъ нужда во мнѣ его высочеству или вамъ для какого либо объясненія, то я отъ всего сердца готовъ служить.

Фленсбургъ разсѣянно отвѣчалъ: gut. Хотя онъ хорошо не понялъ съ разу чего собственно хочетъ этотъ рядовой и двинулся далѣе.

— Какъ здоровье господина фехтмейстера послѣ этой глупой непріятности? снова вѣжливо спросилъ по-нѣмецки рядовой, слѣдуя за Фленсбургомъ.

— Ничего.... Но за эту глупость будетъ еще достойная буянамъ расплата! отвѣчалъ Фленсбургъ и прибавилъ, останавливаясь:

— Какимъ случаемъ вы преображенецъ.... Вы изъ Курляндіи или...?

— Я изъ Казани, господинъ офицеръ.

— Вы русскій?!

— Точно такъ-съ....

— Какимъ же образомъ вы такъ говорите по-нѣмецки.... замѣчательно хорошо?

— Я люблю языкъ этотъ и знаю его съ дѣтства.

— Ваша фамилія?

— Державинъ.

— Державинъ? Не слыхалъ еще ни разу этого имени.... Но развѣ въ Казани могъ быть кто-нибудь способный учить по-нѣмецки?

— Да-съ.... И Державинъ сталъ бойко и быстро разсказывать, какъ онъ выучился языку.

Разговоръ затянулся. Фленсбургу понравились шутки юноши на счетъ его дикаго учителя, каторжника Розы. Онъ началъ смѣяться и разспрашивать подробнѣе....

Вскорѣ Фленсбурга позвалъ кто-то изъ офицеровъ къ принцу. Онъ двинулся и выговорилъ:

— До свиданія. Заходите ко мнѣ. Я во дворцѣ принца. Намъ нужны говорящіе по-нѣмецки. Дѣло найдется.... Заходите....

Фленсбургъ нашелъ принца, гнѣвно, но сдержанно объясняющаго что-то такое кучкѣ офицеровъ на самомъ невѣроятномъ русскомъ языкѣ. Было видно по лицамъ ближайшихъ, что они при всемъ усердіи не могутъ понять ни одного слова....

— Биль!... Баба... Мой... Многъ... Не карошъ! разслушалъ Фленсбургъ и подумалъ про себя:

— Охъ, молчалъ бы ужъ лучше. Потѣха одна!

И онъ приблизился.

— Что прикажете, ваше высочество?

— Милый Фленсбургъ, заговорилъ принцъ на родномъ языкѣ. Это ужасно!.. Это невѣроятно!.. Поглядите: развѣ это ротный дворъ? Это базаръ, ярмарка, синагога, птичный дворъ. Эти бабы.... Эта грязь.... Эти клѣтки.... Эта вонь!

— Потому я и хотѣлъ, чтобы ваше высочество сами видѣли преображенскій дворъ. Вы бы не повѣрили. Да и государь не повѣритъ, пока не увидитъ.

— Нѣтъ, государя нельзя сюда вести. Неприлично, наконецъ. Я прежде приказываю все это очистить. У нихъ плацъ большой обращенъ въ огороды! Вы слышите? Изъ плаца огородъ сдѣлали!

Принцъ поднялъ руки въ ужасѣ и пошелъ обратно къ выходу, не желая глядѣть далѣе. Онъ бормоталъ что-то на ходу себѣ подъ носъ. Фленсбургъ разслышалъ только два раза произнесенное слово:

— Янычары! Янычары!...

XXX.

Дѣйствительно, ротные дворы преображенскаго и другихъ полковъ имѣли странный видъ, въ особенности для пріѣзжаго изъ Германіи офицера, а тѣмъ болѣе для того, кто былъ знакомъ съ полковыми дворами и казармами Прусскаго короля-воина.

При входѣ съ большаго общаго крыльца подъ своды ротной казармы, принцъ еще вначалѣ корридора, темнаго и грязнаго, былъ съ разу пораженъ сплошнымъ гуломъ голосовъ и спертымъ, кислымъ, удушливымъ воздухомъ. Причина этой обстановки была страшная тѣснота, ибо солдаты жили здѣсь со своими семьями, женами, дѣтьми и даже родственниками. Иногда же, по дозволенію потворствующаго начальства, брали къ себѣ, если находилось мѣсто, на хлѣба за выгодную плату, совершенно постороннихъ людей. Такимъ образомъ явились въ казармахъ старики и старухи, подьячіе и духовные, стрекулистъ, вдова пономариха, разнощикъ и какой-нибудь хворый, увѣчный или просто побирушка-нищій, аккуратно платящій за свой уголъ изъ грошей собираемаго днемъ подаянія.... Попадался тутъ народъ и бѣглый, почти безъ роду и племени; жидъ, цыганъ, калмыченокъ, удравшій отъ побоевъ злющей барыни-прихотницы. Всѣ они, конечно,

приходились на словахъ тетками, дядьями и родственниками своихъ хозяевъ-солдатъ.

Маленькія, загрязнѣлыя до-нельзя горницы раздѣлялись перегородками. Каждая семья стремилась имѣть отдѣльное владѣніе, хотя бы на трехъ-четырехъ аршинахъ пространства; и безконечныя жиденькія перегородки громоздили, дѣлили горницы на отдѣльные «семейники». По этому вся казарма казалась неисходнымъ пестро-грязнымъ лабиринтомъ, гдѣ кишѣлъ, какъ муравейная куча, всякій людъ отъ мала до велика и отъ зари до зари.

Тутъ шныряли взадъ и впередъ вереницы бабъ-солдатокъ, кто съ ведрами, кто съ кулемъ, съ кочергой, съ метлой, кто съ лотками бѣлья. Бродили и квартиранты безъ роду и племени, поддѣльные дядья и тетки, и на столько сжились съ полковой ротой, что считали уже себя столь же законными обитателями военной среды. Ходили изъ семейника въ семейникъ и сами солдаты, тычась изъ угла въ уголъ, безъ видимаго дѣла, безъ цѣли и безъ толку, ругаясь и крича не столько отъ гнѣва, сколько отъ тоски и праздности. Они, какъ набольшіе и хозяева, зря привязывались къ шныряющимъ квартирантамъ или къ работящимъ бабамъ, женамъ, сосѣдкамъ, наконецъ другъ къ дружкѣ.... И ежечасная перебранка ежедневно переходила въ драку.... Метла, лопата, кочерга, ведро, доска, утюгъ, ковшикъ и все, попавшее подъ руку, шли въ дѣло и начинали летать по воздуху и по головамъ.

Тутъ же повсюду бѣгали, егозили и скакали десятки ребятишекъ, визжали и завывали грудные младенцы на рукахъ своихъ доморощенныхъ, самодѣльныхъ нянекъ, т. е. таскаемые своими семи- и девяти-лѣтними сестрёнками, которыя часто дрались между собой изъ-за нихъ, часто дрались жестоко и съ ними, наказывая и муштруя по прихоти....

Тутъ же и повсюду полноправно и невозбранно разгуливало безчисленное количество собакъ и кошекъ, а главное тыкалась, въ особенности зимой, всякая домашняя птица: куры, пѣтухи, индѣйки, голуби и даже одинъ кривой, шершавый, давно безхвостый павлинъ, раздразненный до бѣшенства—потѣха ребятъ-забіякъ и гроза ребятъ-трусишекъ.

Съ задворковъ и изъ полугнилыхъ строеній, сараевъ и закутъ на задахъ ротнаго двора приносилось ржаніе лошадей, мычаніе коровъ, блеяніе кучи всякой скотины, барановъ, телятъ, козловъ, свиней.... и всякаго живаго добра, заведеннаго болѣе богатыми

семьями. Часто, въ особенности лѣтомъ, мелкая скотина забиралась въ казарму чрезъ вѣчно-отворенныя настежъ двери и бродила по семейникамъ, подбирая и пожирая все съѣстное, плохо прибранное. Всякій гналъ теленка или свинью, или птицу только изъ своего семейника, предоставляя незванному гостю идти къ сосѣду.... Всякій заботился о себѣ, о своемъ углѣ за своей перегородкой. Обо всѣмъ же ротномъ дворѣ никто не заботился. Власти одной общей надъ всѣми не было. Маіоръ Текутьевъ или Квасовъ, Воейковъ, тѣ же Пассекъ или Орловъ считали себя начальниками въ рядахъ, во фронтѣ, при выходѣ и выступленіи съ двора, на улицахъ, на ученіи. Въ домашнюю жизнь солдатъ они не входили, ибо пришлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ и поневолѣ возиться и сцѣпляться съ чужимъ людомъ, съ какимъ-нибудь квартирантомъ-стрекулистомъ, пожалуй съ разстригой, и во всякомъ случаѣ и чаще всего съ бабами-солдатками.

Флигельманы или унтеръ-офицеры были начальствомъ надъ нѣсколькими семейниками, но при отсутствіи всякой строгости въ офицерахъ, сами смотрѣли на все сквозь пальцы и дѣлали свое дѣло спустя рукава. Впрочемъ, иначе было поступать и опасно.

Одного очень строгаго и отчасти злаго флигельмана за годъ предъ тѣмъ убили въ самомъ ротномъ дворѣ. Кто были убійцы—было извѣстно во дворѣ, но доказано не было, начальствомъ не взыскано и оставлено безъ наказанія; у другаго унтера, служаки требовательнаго, придирчиваго, опоила невѣдомая рука его корову, другая невѣдомая рука переломила ногу его любимой собакѣ и третьи невѣдомыя руки раскрали разную рухлядь.... И унтеръ смирился, тотчасъ пересталъ жаловаться маіору и придираться къ своимъ солдатамъ.

На сколько офицеры были снисходительны и не взыскательны, даже чужды обстановкѣ и внутренней жизни всякаго ротнаго двора, на столько рядовые были грубы, дерзки и отвыкли даже отъ мысли безотвѣтнаго повиновенія.

«*Дисциплинъ*» военный—было слово извѣстное очень тѣсному кругу офицеровъ, которые были пообразованнѣе, или побывали за-границей, или почитывали кой-какія книжки, или видались съ учеными людьми.

Маіоръ Текутьевъ, болѣе другихъ полновластная личность на томъ гренадерскомъ ротномъ дворѣ, куда заглянулъ принцъ, никакъ не могъ уразумѣть слово «дисциплинъ», просилъ пріятелей нарисовать его на бумажкѣ.... Узнавъ, что это невозможно, что

это все равно, что нарисовать добродѣтель, или злосчастіе, или храбрость, маіоръ махнулъ рукой и рѣшилъ:

— Коли не ружье и не шпага, такъ военному сего и знать не требуется. Нѣмецкія выдумки. Много ихъ нынѣ. Всѣхъ не затвердишь.

Наконецъ, въ ротномъ дворѣ, какъ послѣдствіе тѣсной и праздной жизни всякаго люда, въ томъ числѣ и сброда со стороны, издавна царила полная распущенность, пьянство и развратъ. Всѣ бабы давно махнули рукой на запой мужей, всѣ мужья давно махнули рукой на зазорное поведеніе женъ.

Поругаться и подраться изъ-за телёнка и курицы, даже изъ-за вѣника, было дѣломъ понятнымъ, законнымъ, раздѣлявшимъ иногда весь ротный дворъ на двѣ враждебныя партіи. И бывало разъ въ году, что открывались въ самой казармѣ военныя дѣйствія между двухъ непріятельскихъ армій, доходившихъ и до употребленія холоднаго оружія, т. е. кочерги, ведра, утюга. Не только подраться, но даже легко повздорить изъ-за невѣрности жены было глупостью, «баловничествомъ.»

— Эка дурень. Дѣлать неча! Заботу выискалъ! Что жъ твоей бабы-то, убыло что ли? Поди, еще прибыло. А попъ все равно окреститъ.

Таковъ былъ судъ ротнаго общественнаго мнѣнія.

Солдаты, по преданію, отчасти знали какъ прежде жилось воину. Какова была солдатская жизнь при великомъ Петрѣ Алексѣевичѣ, еще мало кто зналъ и помнилъ.

— При немъ, слышь, ребята, больше все ходили и Шведовъ били. Непокладная жизнь была! При Аннѣ Ивановнѣ, да при Биронѣ никакъ то-ись, братцы, не жилось ни хорошо, ни дурно. Въ забытьѣ хвардія-то была, содержима была въ черномъ тѣлѣ. «Слова и дѣла» побаивались они тоже, но меньше другихъ, простаю народа и баръ-господъ; за то и жалованье всякое было худое, жиру не нагуляешь. Со вступленья на прародительскій престолъ всероссійской матушки Лизаветъ Петровны все пошло по маслу. И двадцать лѣтъ была, во истинну, масляница. И солдатъ гвардейцевъ жизнь стала, какъ и нынѣ, что тебѣ у Христа за пазухой!!..

Дѣйствительно, вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы при помощи переворота, при содѣйствіи перваго гвардейскаго полка, перемѣнило совершенно бытъ солдатскій и офицерскій.

Лейбъ-компанія, т. е. нѣсколько сотенъ гренадеръ изъ сдаточныхъ мужиковъ, сдѣлались вдругъ столбовыми потомственными дворянами и офицерами предъ лицомъ всей столицы, всей имперіи, а главное, предъ лицомъ своего же брата мужика, оставшагося тамъ, въ деревнѣ, на пашнѣ.... предъ лицомъ своего же брата солдата въ другомъ полку, чрезъ улицу.... Эта диковинная выдумка монархини принесла и свои плоды....

Капитанъ-поручикъ Квасовъ и ему подобные часто теперь поминались и ставились въ примѣръ, часто грезились во снѣ, часто подвигали на всякое незаконное дѣяніе многихъ солдатъ многихъ полковъ. Часто христолюбивый воинъ, въ особенности подъ хмѣлькомъ, кричалъ на весь ротный дворъ.

— Онъ дворянинъ, вишь.... Вонъ нашинскій Акимъ Акимычъ тоже дворянинъ изъ сдаточныхъ!

— Я простой, вишь, солдатъ, мужикъ? Вѣстимо! Да вонъ и капитанъ Квасовъ тоже не изъ князьевъ....

И существованіе лейбъ-компаніи какъ бы напустило особаго рода непроницаемый туманъ во всѣхъ обыденныхъ отношеніяхъ офицеровъ изъ мужиковъ съ рядовыми изъ дворянъ съ первыхъ же дней царствованія Елизаветы. И до сихъ поръ, чрезъ двадцать лѣтъ слишкомъ, ни тѣ, ни другіе, не могли еще вполнѣ распутаться, доискаться истины и уяснить себѣ взаимныя права.

— Лейбъ-компанцы — не примѣръ!... говорили разсудительные.

За послѣднее же время на эти слова сталъ слышаться солдатскій отвѣтъ, хотя еще и новый, робкій, но заставлявшій нѣкоторыхъ призадумываться.

— Квасовъ—не примѣръ, вишь. Ну, покудова и не примѣривай, а обожди мало и, гляди, паки примѣримъ.

Вотъ именно подобную обстановку, духъ и бытъ нашелъ въ русской казармѣ генералъ прусской арміи, принцъ Георгъ Голштинскій.

Принцъ уже собирался уѣзжать, когда ему предложилъ маіоръ Текутьевъ видѣть арестованныхъ Орловыхъ. Онъ только презрительно двинулъ плечомъ и даже не отвѣтилъ. Въ душѣ же онъ побаивался войти къ нимъ. Не ровенъ часъ!

Сумрачный, бормоча себѣ что-то подъ носъ, Жоржъ остановился снова на томъ же крыльцѣ, окруженный всѣми офицерами, и сталъ, разставя ноги, какъ бы въ раздумьи. Офицеры, по мѣрѣ его прогулки по семейникамъ, снова понемногу пристали

къ нему и образовали теперь свиту любопытную, изумленную и видимо вполнѣ недоумѣвающую.

— Зачѣмъ же ты пріѣзжалъ?! говорили всѣ эти лица и старые, и молодые.

Объясненіе воспослѣдовало! И тотчасъ это объясненіе пронеслось по казармѣ, какъ громовой ударъ.

— Объясните имъ, Генрихъ, заговорилъ принцъ по-нѣмецки, что эдакъ продолжаться не можетъ. Бабы, жены, дѣти, скотъ, птица, рухлядь, и все подобное.... Все это не атрибутъ воина. Объясните толково!... Все это будетъ выгнано вонъ, по сосѣдству на квартиры, или продано. Перегородки будутъ уничтожены и солдаты будутъ спать въ общихъ горницахъ.... За порядокъ, чистоту и дисциплинъ будутъ отвѣчать предо мной не одни ротмейстеры, а всѣ господа офицеры.

Фленсбургъ тотчасъ же громкимъ и слегка самодовольнымъ голосомъ передалъ по-русски смыслъ распоряженія принца, но въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, обидныхъ и для офицеровъ, и для солдатъ, прислушивавшихся изъ темнаго корридора.

— Такъ не воины живутъ. Эдакъ и свиньи жить не захотятъ!... прибавилъ Фленсбургъ. Всѣ эти солдатки — причиной разврата и распутства. Офицеры заняты только картами и биліардами въ трактирахъ и всякимъ скоморошествомъ, доводящимъ ихъ до безстыжихъ поступковъ, въ родѣ послѣдней мерзости арестованныхъ господъ Орловыхъ, за которую они, впрочемъ, и отвѣтъ примѣрный на дняхъ, дадутъ.... Всему этому его высочество желаетъ положить предѣлъ. Гвардейцы—не стадо свиней! А если они имъ и уподобились, то его высочество поставитъ себѣ священнымъ долгомъ.... Фленсбургъ запнулся и, глядя прямо въ лица всѣхъ, прибавилъ: напомнить вамъ, что вы—люди, гвардейцы, а не скоты неразумные....

— А—ахъ!... раздалось въ кучкѣ офицеровъ съ какой-то странной неуловимой интонаціей.

Это опять былъ Квасовъ.

Это восклицаніе прервало тотчасъ потокъ краснорѣчія наперстника принца.

Онъ смолкъ и обернулся къ принцу, какъ бы говоря: я кончилъ!

Покуда Фленсбургъ говорилъ, принцъ глядѣлъ себѣ на кончики сапоговъ и только двигалъ бровями какъ бы въ тактъ мѣрной и звонкой рѣчи своего любимца.

Какъ раздалось среди офицеровъ восклицаніе: А-ахъ! Жоржъ заморгалъ, поднялъ глаза и благодушно подумалъ.

— Какъ говоритъ?! Поётъ! Даже въ этихъ деревняшкахъ, въ дикихъ людяхъ, чувство вызвалъ!

И принцъ обратился къ адъютанту.

— Сказали все, милый Генрихъ?

— Все-съ. Надо бы еще опредѣлить имъ время, когда ротный дворъ долженъ принять законный видъ. Иначе оно такъ протянется до лѣта. Дать имъ мѣсячный срокъ? Довольно!...

— Wie sagt man: Monat?

— Мѣсяцъ.... невольно шепотомъ отвѣтилъ Фленсбургъ изъ чувства приличія.

— Ну.... Ну.... обратился Жоржъ ко всѣмъ офицерамъ. Ну! Фотъ... Отинъ міəсясъ! Отинъ міəсясъ и эти на то коніəсъ. Sagen Sie, biette.... какъ-то жалостливо прибавилъ онъ Фленсбургу. Jch komme nicht dazu!..

— Его высочество желаетъ сказать, что чрезъ мѣсяцъ всему этому вашему срамному житью долженъ быть конецъ. Чрезъ мѣсяцъ чтобы все было по новому!

Офицеры отвѣчали гробовымъ молчаніемъ: вѣдь не они, а солдаты живутъ въ казармѣ!

При послѣднихъ словахъ адъютанта, принцъ кивнулъ головой и прибавилъ:

— Фотъ! фотъ! затѣмъ онъ сдѣлалъ какъ-то ручкой, повернувъ ее ладонью вверхъ, и сталъ тихо и осторожно спускаться съ крыльца.

Громадная колымага принца, выписанная изъ Вѣны, осталась и дожидалась его на улицѣ, ибо проѣхать въ ворота на внутренній дворъ не могла. Принцъ, а за нимъ и Фленсбургъ, сопровождаемые всѣми офицерами прошли дворъ при гробовомъ молчаніи.

Принцъ сѣлъ въ карету одинъ, а любимцу какой-то солдатъ, глуповатый на видъ, подвелъ его коня. Это дѣлалось ради служебнаго этикета, такъ какъ въ гости принцъ и фаворитъ ѣздили вмѣстѣ въ каретѣ. Уже за нѣсколько саженъ отъ Преображенскаго двора, Фленсбургъ галлопируя около кареты принца, замѣтилъ что-то торчащее изъ растёгнутой кабуры. Пистолетовъ онъ туда, конечно, никогда не клалъ. Онъ открылъ ее и увидѣлъ.... огромную свѣжую колбасу! Онъ вышвырнулъ ее на земь и вспыхнулъ.

Онъ понялъ, что это былъ отвѣтъ офицеровъ на все ими отъ него слышанное.

Оффиціально жаловаться было невозможно, не сдѣлавъ себя въ глазахъ всѣхъ посмѣшищемъ, подобно Котцау. Да и на кого жаловаться? На цѣлый ротный дворъ?!

А матёрый лейбъ-кампанецъ это все и сообразилъ!!..

Посѣщеніе принца Жоржа потрясло, конечно, весь домъ и дворъ гренадерскихъ ротъ до основанія.

— Да что онъ? Да какъ же? Да нешто.... Ахъ Царь небесный! воскликнули рядовые.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! говорили, смѣясь злобно и ядовито, всѣ офицеры. Имъ въ сущности было все-равно, какъ будутъ жить солдаты, но имъ этотъ приказъ казался смѣшенъ и нелѣпъ. Не все ли равно принцу—съ женами и курами живутъ солдаты преображенцы, или безъ женъ и безъ куръ.

— Вотъ тебѣ тётенька и Жоржинъ день! шутилъ Квасовъ, встрѣчая перепуганныхъ и вопрошающихъ солдатокъ. Буде съ мужьями-то, поживите и врозь.

— Да за что же, родимый, за что же? вопили бабы.

— А стало быть прынца зависть беретъ, шутилъ Акимъ Акимычъ. У него жена-то старая, да еще по-русски ничего не умѣетъ, колбасница. А вы, вишь, русскія бабы да и раскрасавицы,—что тебѣ вѣдьма! Изъ васъ, поди, самая красивая, и та по мнѣ на черта смахиваетъ. Ну, а его завидки взяли! Вотъ нѣмчура и подумалъ: дай, молъ, разведу раскрасавицъ съ мужьями. И себѣ, и русскому дьяволу, и нѣмецкому богу—всѣмъ заразъ услужу.

Между тѣмъ, покуда принцъ и Фленсбургъ гуляли по казармѣ, братья Орловы сидѣли въ одной изъ болѣе опрятныхъ горницъ старшаго въ ротѣ флигельмана. Хотя они были подъ арестомъ, но ихъ, конечно, не заперли и всѣ пріятели поперемѣнно сидѣли у нихъ.

Орловы ожидали принца съ адъютантомъ къ себѣ въ горницу, даже толковали о томъ, не попробовать ли просить прощеніе у Жоржа и обѣщать все.... Хоть въ голштинцы перейти къ Котцау подъ команду.

— Даромъ осрамимся, говорилъ Григорій. Нѣтъ, ничего не будетъ. Промахнулся я, что былъ у мерзавца Тюфякина и не побывалъ у этой цыганки Скабронской. Она бы, можетъ, и все сладила.

Алексѣй Орловъ, а равно и друзья были того мнѣнія, что надо просить прощеніе у принца не ради себя, а ради того дѣла, что грезится.... Да и не имъ однимъ. А съ каждымъ днемъ все болѣе проступаетъ нѣчто наружу....

— Такое, что духъ захватываетъ! говорилъ Пассекъ.

Григорій Орловъ, а въ особенности старикъ Агафонъ, поселившійся добровольно въ сосѣднемъ семейникѣ, чтобы служить своимъ господамъ, оба равно не думали и не тужили ни о чемъ, кромѣ неудачи относительно графини полу-русской, но всесильной...

— Попади вы къ ней — не то бы теперь было! твердилъ упрямо Агафонъ. Хоть бы вы что ли, Петръ Богдановичъ, къ ней съѣздили за моихъ, говорилъ онъ Пассеку.—Когда принцъ не навѣдался къ арестованнымъ и надежда на личную просьбу ихъ и помилованіе разсѣялись, какъ дымъ, еще болѣе затужилъ Агафонъ о своей графинѣ.

— Фленсбургъ не допустилъ принца, говорили друзья. Онъ всему и заводчикъ.

Въ тотъ же вечеръ Пассекъ предложилъ на утро съѣздить къ иноземкѣ, съ которой привязался къ нему Агафонъ. Послѣ недолгаго совѣщанія объ этомъ, тому же Агафону вдругъ пришла мысль, на которую всѣ закричали:

— Да, конечно! Вотъ ужъ на всякаго мудреца довольно простоты на свѣтѣ! Молодецъ Ѳоша!

Агафонъ додумался и разсудилъ, отчего бы барону не «мигнуть» тайкомъ изъ-подъ ареста и не съѣздить теперь къ графинѣ. Вѣдь дѣло самое простое, можно такъ поладить, что никто не узнаетъ; часовымъ по косушкѣ вина, а офицеръ по караулу не входитъ въ горницу.

— И какъ это мы раньше не догадались, сидѣли, какъ бабы, да причитали, воскликнулъ Алексѣй Орловъ. Если потомъ узнается, то, вѣстимо, еще хуже будетъ! Да что ужъ тутъ!

Сначала между братьями поднялся споръ, кому съѣздить изъ-подъ караула, въ виду могущаго произойти усугубленія вины и отвѣта. Агафонъ считалъ необходимымъ ѣхать Григорью Григорьевичу.

— Онъ и по-нѣмецки ей болтнетъ, и поясннтъ, и умаслитъ. Онъ на бабу у меня ходокъ! говорилъ Агафонъ. А этотъ что!... озорничать только можетъ.... Пути не будетъ, если Григорій Григорьичъ самъ не поѣдетъ.

Пассекъ съ вечера взялся за дѣло и на утро, около полудня, онъ самъ замѣстилъ по караулу другаго заболѣвшаго будто-бы офицера. Рядовые на часахъ тоже оказались такіе, что и вина не захотѣли.

— Какъ можно, что вы! Петру Богданычу-то, да и не услужить пустяками.

XXXI.

Около полудня, собираясь завтракать, графиня Маргарита стояла у окна своей спальни-гостиной и съ маленькимъ зеркальцемъ въ рукахъ, не спѣша, аккуратно налѣпляла на свое хорошенькое личико двѣ черныя мушки. Вдругъ дверь распахнулась и Лотхенъ ворвалась какъ вихрь.

— Господинъ Орловъ! Пріѣхалъ и желаетъ васъ видѣть! воскликнула нѣмочка, торжествуя отъ событія.

— Что? Кто? Орловъ?

— Да, и тотъ самый, что, знаете, сдѣлалъ эту штуку. Буянъ, силачъ! Ну!... Здѣшній сердцеѣдъ! объяснила Лотхенъ.

— Зачѣмъ? Почему? Я его не знаю. Разъ видѣла мелькомъ, вымолвила Маргарита смутившись.

— Говоритъ, есть до васъ важное дѣло и проситъ принять непремѣнно.

— Да я не хочу!... Я, наконецъ, боюсь! Фленсбургъ говорилъ, что это злая собака. Онъ бьетъ женщинъ! Онъ меня прибьетъ. Ни за что!

— Полноте, милая графиня, звонко разсмѣялась Лотхенъ. Все это выдумки господина Фленсбурга. Я вовсе не нахожу его прелестнымъ, какъ невскія красавицы, потому что онъ.... Во-первыхъ, ужъ онъ очень страшно великъ.... Эдакій можетъ такъ обнять и поцѣловать, что раздавитъ! Но бояться, что васъ онъ прибьетъ, потому что когда-нибудь прибилъ свою любовницу, бояться побесѣдовать съ нимъ, извините, глупо.

— Хорошо тебѣ говорить.... Это.... это ужасно!

Лотхенъ опять разсмѣялась. Маргарита бросила зеркало и, уже безсознательно ощупывая пальцемъ приклеившуюся мушку, стояла, очевидно не зная, что сказать и что сдѣлать.

— Хотите я останусь при васъ и растворю дверь въ прихожую....

— Развѣ, что эдакъ.... И, кромѣ того, лакеямъ вели стоять на сторожѣ за дверями пріемной на всякій случай. И если что-

нибудь, то.... Да я, право, Лотхенъ, боюсь.... Онъ ненавистникъ нѣмцевъ и вообще иностранцевъ....

Нѣмка громко расхохоталась и, не отвѣчая, выскочила изъ горницы. Чрезъ мгновеніе Маргарита, чутко и смущенно прислушивавшаяся, услыхала мѣрную, тяжелую поступь за дверями сосѣдней небольшой горницы, ея второй гостиной, гдѣ принимала она малознакомыхъ гостей съ тѣхъ поръ, какъ въ угольную большую гостиную перенесли ея кровать. Она вышла и остановилась почти у дверей. Предъ ней на другомъ концѣ горницы появилась высокая и красивая фигура Григорія Орлова, за нимъ тотчасъ же проскользнула маленькая и юркая Лотхенъ, которая теперь казалась совсѣмъ ребенкомъ за широкоплечей фигурой богатыря.

Орловъ поклонился почти въ дверяхъ и сдѣлалъ молча шага три къ хозяйкѣ дома. Графиня едва замѣтно невольно подалась назадъ, хотя была отъ него на огромномъ разстояніи. Отвѣтивъ на поклонъ легкимъ граціознымъ кивкомъ своей красивой головки, она умышленно осталась на ногахъ и, не предлагая сѣсть, выговорила по-русски, немного гордо, но не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ:

— Что вамъ отъ меня угодно, государь мой?

— Три просьбы, графиня. Двѣ простыя, одна мудрёная.

— Объяснитесь...

— Простить меня.... Это прежде всего, первая просьба,—выговорилъ Орловъ, почтительно наклонясь и добродушно улыбаясь. Отъ этой улыбки и у него, и у брата Алексѣя, лица становились на мгновеніе и вдвое красивѣе и ребячески добродушны.

Пристально глянувъ въ это доброе лицо, замѣтивъ изысканную вѣжливость позы, голоса и взгляда, все, что считала она атрибутомъ свѣтскихъ людей не Петербурга, а Вѣны или Версаля, графиня Маргарита сразу посмѣлѣла и вполнѣ овладѣла собой. Лотхенъ хитро ухмылялась изъ-за спины гостя, будто говоря: Что? собака?

— Простить за что? вымолвила наконецъ графиня.

— За мою смѣлость, за рѣшимость явиться въ вашъ домъ, не имѣя чести и счастія быть съ вами знакомымъ.... снова тихо заговорилъ Орловъ.

— Затѣмъ.... вторая просьба?... любезнѣе и мягче произнесла Маргарита.

— Но вы, графиня, еще не исполнили первой....

Маргаритѣ показалось, что тонъ голоса силача-буяна сразу измѣнился, сталъ менѣе почтителенъ и уже переходилъ на шутливый ладъ. Этого она допустить не хотѣла и даже боялась.

— Прощаю.... снова сухо отозвалась она,—и надѣюсь, что остальныя двѣ просьбы будутъ болѣе дѣльныя.... Вторая?

— Вторая просьба, графиня,—позволить поговорить съ вами наединѣ о своемъ тайномъ дѣлѣ, важномъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ моя жизнь, заговорилъ Орловъ серьезно и съ чувствомъ. Посторонніе слушатели и огласка усугубятъ мое положеніе. А оно, графиня, ей Богу, достаточно ужасно и безнадежно.

Маргарита молчала, смутилась и замялась, не зная, что отвѣчать.

— Лотхенъ мнѣ.... скорѣе моя подруга, чѣмъ горничная. У меня нѣтъ отъ нея тайнъ, а совѣтами ея я постоянно люблю пользоваться. Судите сами....

Орловъ быстро глянулъ на Лотхенъ, но успѣлъ смѣрить ее съ головы до пятъ и осудить. Было очевидно, что онъ не остался доволенъ имѣть слушателемъ и свидѣтелемъ смазливую фигурку съ такимъ хотя миленькимъ, но назойливо-веселымъ лицомъ.

— Если вы не можете исполнить этой простой.... совершенно вѣдь простой, незначущей просьбы, графиня.... тогда я не могу произнести ни слова болѣе и мнѣ остается только откланяться, рѣшился сказать Орловъ.... А дѣло, съ которымъ я пріѣхалъ.... Моя жизнь и жизнь близкихъ мнѣ лицъ, той же Апраксиной, съ которой вы дружны.... Пусть все это пропадаетъ, идетъ прахомъ изъ-за женской прихоти. До свиданія.... И извините....

Выговоривъ все это съ волненіемъ, но все-таки не громко, Орловъ наклонился, какъ бы собираясь выдти.

Маргарита уже давно взвѣсила все и не боялась болѣе этого буяна. Вдобавокъ онъ ловко ей напомнилъ въ нужную минуту, что онъ другъ (она знала сама, что онъ даже болѣе, чѣмъ другъ) ея собственной пріятельницы, такой же почти львицы и красавицы, какъ и она.

— Лотхенъ!... Вели готовить завтракъ! вымолвила тихо графиня по-нѣмецки, не желая своей любимицѣ давать простое приказаніе выдти вонъ.

Лотхенъ, все усмѣхаясь, легко повернулась на носкахъ своихъ башмаковъ и охотно выпорхнула вонъ, зная, что черезъ полчаса ей все будетъ извѣстно отъ самой барыни.

Едва только нѣмка исчезла изъ гостиной, бойко, какъ-то франтовски взмахнувъ въ дверяхъ своей пестрой юбочкой, Орловъ сдѣлалъ три шага къ графинѣ, сокративъ огромное разстояніе, раздѣлявшее ихъ до тѣхъ поръ. Глянувъ на хозяйку дома, онъ однако снова остановился и понялъ, что его не посадятъ. И онъ все-таки еще оставался въ такомъ отдаленіи, при которомъ говорить было почти неудобно.

— Горда, какъ всѣ выскочки! невольно подумалось ему, когда онъ взглянулъ теперь на красавицу-хозяйку.

Дѣло въ томъ, что Маргарита, оставшись наединѣ съ офицеромъ, почти незамѣтно, едва ощутительнымъ движеніемъ бюста и головы, повернулась къ окну и стала въ пол-оборота къ гостю. Теперь ни одна черта не двигалась, не жила на ея строго-холодномъ лицѣ, съ опущенными вдобавокъ глазами. Это свѣтленькое лицо, оттѣненное теперь длинными прелестными рѣсницами, стало безжизненно гордо, почти высокомѣрно.

А, между тѣмъ, Орловъ не догадался, что эта поза и это лицо были для свѣтской женщины не высокомѣріемъ, а единственнымъ ея оружіемъ для самозащиты. Могъ ли красавецъ и удалецъ, «бабій угодникъ», по прозвищу брата Алехана,—могъ ли онъ думать, что эта красавица-иностранка, полу-русская графиня Скабронская, въ эту минуту все-таки слегка боится его?... Боится, что для него, трактирнаго буяна, равны: и она, и Котцау?! Равны: двадцатилѣтняя красавица-графиня и пузатый, отъ пива и картофеля разбухшій, ротмейстеръ.

— Я васъ слушаю.... вымолвила тихо Маргарита, не поднимая глазъ. Попробовавъ мушку на щекѣ, она приблизила къ глазамъ правую руку и стала разглядывать свои тонкіе пальцы, щелкая ноготкомъ объ ноготокъ.

Орловъ тотчасъ вкратцѣ разсказалъ всю свою исторію, уже давно извѣстную Маргаритѣ, начавъ, конечно, не съ драки въ Красномъ Кабакѣ, а только съ послѣдствій дерзости нѣмца и буйной шутки съ нимъ. Онъ кончилъ просьбой спасти его и брата, избавивъ отъ ареста и ссылки, и обратить гнѣвъ государя на милость.

Маргарита въ то же мгновеніе вдругъ подняла на гостя-просителя такіе искренно удивленные глаза, что Орловъ невольно опѣшилъ и смутился. Явилась мысль:

— Неужели не можетъ? Неужели все враки?

Нѣсколько мгновеній глядѣла на него красавица и по немногу румянецъ набѣгалъ на ея полныя щеки. И скоро лицо уже горѣло огнемъ.

— Это дерзость! воскликнула она тихо. Вамъ кто-нибудь сказалъ.... Это.... право.... на основаніи толковъ, слуховъ, пустыхъ сплетень! И вы рѣшились.... Это.... право.... не достойно.

Маргарита смутилась и, вся уже пунцовая отъ смущенія и гнѣва, какъ-то выпрямилась и показалась Орлову выросшей вдругъ на полголовы.

Ни разу еще въ жизни не случалось ему видѣть такого мгновеннаго преображенія въ женщинѣ и вдобавокъ въ такой красивой женщинѣ. Онъ невольно любовался на нее и вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвалъ и ждалъ....

— Кто васъ послалъ? Кто сказалъ идти ко мнѣ, а не.... не къ другому кому-нибудь?

— Этого я сказать не могу, графиня.

— Почему? изумилась она.

— Не могу. Я обѣщалъ, далъ слово....

— Но вѣдь мнѣ.... мнѣ же самой вы скажете, даже должны сказать, отъ кого вы являетесь.

— Не могу. Именно вамъ-то я и обѣщалъ не называть имени того, кто мнѣ васъ указалъ, какъ всевластную при дворѣ женщину.

— При дворѣ?! При дворѣ, говорите вы?

— Ну, да. При Воронцовой или при Гудовичѣ. При этихъ фаворитахъ.... Я говорю прямо, безъ всякой опаски, мнѣ не до того!

— Вамъ сказали, что я могу просить ихъ, или даже государя.... И все будетъ по моему желанію исполнено. Все!... Когда никто ничего еще не могъ сдѣлать?!..

— Да.... т. е. почти такъ.... Если вы захотите, то мы будемъ прощены. Вотъ, что я знаю! А какъ и чрезъ кого—я не знаю.

— Такъ вы не знаете! странно вымолвила Маргарита. Чрезъ кого я всевластна! расхохоталась красавица нѣсколько досадливо. Говорите все.... Все! Иначе я для васъ ничего не сдѣлаю.

Орловъ искренно и подробно передалъ все, что оставалось недосказаннымъ и, наконецъ, признался, что обращается къ ней по совѣту самого наиболѣе пострадавшаго лица.

— Самого глупаго Котцау? радостно воскликнула графиня, приближаясь къ Орлову въ этомъ порывѣ и какъ бы приглашая и его подвинуться.

— Я его не назову.... Я обѣщалъ не произносить его имени, сказалъ онъ, приблизясь немного. Дайте мнѣ съ моей совѣстью хоть немного, графиня, немного.... въ ладу остаться. Я и безъ того, вы видите, съ ней мошенничаю и плутую.

— Котцау? Если правда, то молчите.

— Молчу....

— Вы, напротивъ, говорите. Говорите: молчу... невольно разсмѣялась кокетка. Если Котцау, то молчите, какъ мертвый....

Орловъ сжалъ губы и шутя закрылъ ихъ рукой, только красивые глаза его будто смѣялись, глядя въ лицо графини. Она тоже, молча нѣсколько мгновеній и не шевелясь, смотрѣла уже фамильярно въ эти глаза, потомъ подвинулась къ нему и заразъ оба, и молодой человѣкъ, и женщина, звонко разсмѣялись.

— La glace est rompue! говорятъ французы, произнесъ Орловъ слегка иронически, мстя за недавній холодный и гордый пріемъ.

— О! Для васъ, жителей сѣвера, ледъ не диво и вы должны умѣть съ нимъ обращаться! сказала Маргарита и подала ему кокетливо свою руку.

Орловъ наклонился очень низко, въ поясъ, и коснулся кончиками губъ этой красивой и душистой ручки.

— Стало быть, я могу надѣяться? вымолвилъ онъ.

— Надѣяться всегда надо, но это ни къ чему не обязываетъ фортуну.

— Вы обѣщаете, однако....

— Сдѣлать все, что я могу, не подвергая себя опасности стать притчей въ городѣ. Поняли? Маргарита произнесла эти слова медленно и вразумительно. Орловъ смотрѣлъ, недоумѣвая.

— Собой для васъ я не пожертвую, т. е. своимъ добрымъ именемъ.... Но если можно безъ этой жертвы.... Ну, да увидимъ. Я ничего не обѣщаю, но одно скажу.... Хуже вамъ не будетъ, если и поѣдете въ ссылку, то я васъ не забуду и вы скорѣе вернетесь....

— Но высылка, хотя на время.... для насъ погибель! горячо воскликнулъ Орловъ.

Графиня развела немного руками и наклонилась. Жестъ говорилъ:

«Что могу! Извините.»

Чрезъ минуту Орловъ выходилъ изъ дому Скабронскихъ съ нѣсколько облегченной душой. Дорогой на ротный дворъ онъ размышлялъ отчасти весело.

— Авось сдѣлаетъ! Кажется добросердая. А вѣдь красива, проклятая! И бой-баба! Нашимъ до нея далече! И подобраться къ ней, поди, мудренѣе, чѣмъ къ нашимъ. Своихъ-то молодухъ смѣшить только умѣй и всякую смѣшками этими скружишь и возмешь. Не хитрое дѣло! А тутъ не то треба! А что? Да много кой чего! Съ разу и не соображу, только чую.... Ледъ прошибъ ужъ. Да вѣдь баба не ледъ, а такъ.... полынья....

Между тѣмъ, Лотхенъ вернулась и тотчасъ съ любопытствомъ разспросила все и подробно, конечно, все узнала отъ барыни.

— Ну такъ когда же и какъ же вы все это сдѣлаете?

— Да никогда и никакъ, милая Лотхенъ. Очень просто.

— Вы просить не хотите Фленсбурга.

— Не буду, Лотхенъ, просить.

— Отчего?

— Не хочу, чтобы изъ-за Фленсбурга, изъ-за пересудовъ другое что, болѣе дорогое, погибло.... Хотя бы дѣдушкино состояніе!...

— Кто же ему все разскажетъ, что вы?!..

— Молва, городскіе языки. Нѣтъ, Лотхенъ, это опасно. Да и что мнѣ господинъ Орловъ? Даже не любовникъ....

XXXII.

На другой же день послѣ свиданія съ Орловымъ, когда Маргарита, сдѣлавшая нѣсколько визитовъ въ городѣ, вернулась домой, Лотхенъ встрѣтила свою барыню чуть не на подъѣздѣ. Лицо горничной было многозначительно, почти торжественно и краснорѣчиво говорило о событіи въ домѣ. Графиня вошла въ прихожую и невольно спросила на всегдашнемъ своемъ языкѣ съ горничной, т. е. по-нѣмецки:

— Что съ тобою?

Лотхенъ отворила дверь въ гостинную. Графиня прошла. Субретка стала передъ ней и выговорила: Ну-съ, отгадайте.

— Умеръ?! воскликнула тихо Маргарита, ожидавшая этого событія всякій день. И лицо ея немного зарумянилось отъ этой мысли.

— Живёхонекъ. Даже нѣсколько лучше себя чувствуетъ.

Совсѣмъ не то.... Ну-съ? Еще что? Что могло бы случиться у насъ невѣроятнаго въ ваше отсутствіе?

— Не знаю. Говори скорѣе.

— Ни за что!! вскрикнула Лотхенъ. Отгадайте.

— Орловъ былъ опять?

— Да, былъ.... Былъ. Сейчасъ тутъ со мной сидѣлъ. Даже больше чѣмъ сидѣлъ.... Но не Орловъ, а другой! Поинтереснѣе Орлова. Ну-съ? Кто?!

— Фленсбургъ? Но это не....

— Не интересно! Надѣюсь! вотъ нашли? Да ужъ вижу, во сто лѣтъ не догадаетесь. Былъ здѣсь и ждалъ цѣлый часъ, потомъ меня поцѣловалъ, конечно насильно, — прибавила Лотхенъ,—и далъ мнѣ червонецъ, но маленькій голландскій. Ну-съ?

— Ну, это скучно.... Говори.

— Графъ дѣдушка!

— Старый графъ? Былъ здѣсь?...

Маргарита остолбенѣла и стояла, какъ пораженная. Іоаннъ Іоанновичъ уже давнымъ давно не заглядывалъ, а только изрѣдка присылалъ узнать о положеніи внука. Тѣмъ труднѣе было для Маргариты завязать снова отношенія, какія бы то ни было, со старымъ брюзгой. И вдругъ старикъ самъ пріѣхалъ и ласково обошелся съ ея любимицей.

— Зачѣмъ? Что онъ говорилъ тебѣ?...

— Говорилъ, что ему хочется васъ повидать. Говорилъ, что я красавица. Затѣмъ онъ мнѣ пребольно ущипнулъ плечо, потомъ поцѣловалъ, конечно насильно.... Прижалъ вотъ въ этотъ уголъ. Потомъ вотъ далъ....

И Лотхенъ, вынувъ изъ кармана, показала на ладони маленькій червонецъ.

— Что же ему надо? выговорила Маргарита нетерпѣливо.

— Ничего. Повидаться хочетъ!

— Вздоръ. Пустое.... Не такой человѣкъ. Вздоръ! Что-нибудь особенное есть, восклицала Маргарита, ходя въ волненіи по комнатѣ.

— Можетъ быть есть что-нибудь. Собирается умирать и въ вашу пользу завѣщаніе дѣлать. Хотя по виду и ухваткамъ мало похожъ на умирающаго. Такъ прижалъ къ углу, что... что даже глупо! Впрочемъ, поѣзжайте, узнаете....

— Какъ же я поѣду.... вдругъ....

— Онъ приказалъ именно вамъ это передать, умышленно медленно произнесла Лотхенъ, играя нетерпѣніемъ барыни.

— Онъ меня звалъ, велѣлъ сказать.... зачѣмъ же ты молчишь, Лотхенъ? Я тебя побью!!

И Маргарита, весело смѣясь; пунцовая отъ радости, бросилась къ любимицѣ. Ухвативъ малосильную нѣмку за рукавъ и за кисейную косынку, она сильно потянула ее, стараясь повалить на диванъ.

— Изорвете. Другую купите. Вамъ же хуже!

Маргарита бросила любимицу и воскликнула:

— Сейчасъ поѣду.... Начинается! Начинается! Понимаешь ты, неразумный ребенокъ, что это начинается для меня война, борьба на жизнь и на смерть. И кончится все побѣдой! Состояніе будетъ мое. Все будетъ мое. Давай мнѣ мое лиловое платье! Оно мнѣ счастье приноситъ....

Маргарита была внѣ себя отъ радости и довольства. Планъ, полный, подробный, какъ покорить брюзгу-дѣда, былъ уже давно обдуманъ и казался ей замѣчательно. тонко и умно придуманнымъ. Но ѣхать къ дѣду первой, когда онъ, очевидно, не желаетъ подозрѣвать даже объ ея существованіи, было невозможно: никакой предлогъ не скрылъ бы настоящей цѣли, т. е. желанія снова сойтись ближе.

Маргарита начала быстро одѣваться, но, однако, не смотря на поспѣшность свою, все-таки зорко оглядывала себя въ зеркало и старалась принарядиться такъ, чтобы быть красивѣе, чѣмъ когда либо.

— Ну, ужъ рѣдко я такъ въ жизни старалась! воскликнула она наконецъ, оглядывая себя съ головы до ногъ. Да и врядъ ли когда-нибудь для такого старика, какъ онъ, такая женщина, какъ я, столько старалась. Подумаешь, на первое свиданіе ѣду къ страстно любимому герою.... Ну, говори, хороша ли я?! По совѣсти, Лотхенъ. Дѣло важное....

Лотхенъ отошла, оглядѣла барыню тоже съ головы до пятъ и молча усмѣхнулась....

— Ну, не прибавить ли чего?

— Нѣтъ, liebe Gräfin, убавить бы надо.... Убавить то, что наиболѣе въ глаза бросается и, пожалуй, дурно на поганаго старика подѣйствуетъ.

— Что? съ искреннимъ безпокойствомъ спросила Маргарита, тоже снова себя оглядывая.

— Надо убавить въ васъ главное.... Выраженіе счастія на лицѣ! У васъ глаза прыгаютъ отъ восторга, что онъ васъ позвалъ. А это....

— Только-то, глупая! Ну, отвернись на минуту. Не гляди на меня.

Горничная, смѣясь, повиновалась и ловко повернулась на каблучкахъ спиной къ барынѣ.

— Ну, теперь смотри! чрезъ мгновеніе выговорила графиня и подступила ближе къ обернувшейся горничной.

— Да! воскликнула Лотхенъ. Если вы такъ сумѣете долго выдержать....

Молодая женщина стояла передъ ней съ строго печальнымъ лицомъ, полуопущенными глазами и какъ-то скромно сложенными на груди руками.

— Государь мой, вамъ угодно было меня пригласить явиться по дѣлу.... тихо и грустно выговорила Маргарита по-русски, наклоняясь предъ Лотхенъ.

Нѣмка захлопала въ ладоши и запрыгала на мѣстѣ....

— Диво! Диво! Божественно....

— Я не знаю, государь мой, также продолжала Маргарита, смѣю ли я васъ называть моимъ дѣдомъ.... Вы до сихъ поръ, какъ скверный и скупой старикашка, кромѣ злости, ничѣмъ себя...

— Ну, этого говорить не надо!.. наивно воскликнула Лотхенъ.

— Я думаю! воскикнула Маргарита уже своимъ голосомъ. Это я ему послѣ скажу, когда его состояніе будетъ у меня въ рукахъ. Ну, благословите меня, ваше святѣйшество, папа Лотхенъ! Pápa Lotchen Primus, Pontifex maximus! продекламировала Маргарита и прибавила другимъ голосомъ, стараясь хрипѣть: Indulgentia plenaria!

— Охъ, охъ, грѣшите!... Богъ накажетъ! испугалась ревностная католичка. Подумаешь, вы шизматичка, въ ихней, здѣшней ереси. А услышитъ васъ вдругъ врагъ человѣческій.... Что тогда!

— Ничего, трусиха.... Есть двѣ силы на свѣтѣ, отъ которыхъ все зависитъ.... Господь Богъ и господинъ дьяволъ!...

— Охъ, Gräfin, Gräfin! закричала Лотхенъ, затыкая и глаза, и уши, и даже нагибаясь предъ графиней, какъ отъ удара по головѣ.

— Ну, вели подавать карету, глупая саксонка! смѣясь, вымолвила Маргарита.

XXXIII.

Чрезъ полчаса ѣзды, полуиностранка, графиня Скабронская, была на набережной Васильевскаго острова и выходила изъ кареты, при помощи двухъ лакеевъ, на большой подъѣздъ дома россійскаго вельможи, графа Скабронскаго,—вельможи, котораго даже покойная царица называла Іоанномъ Іоанновичемъ, такъ какъ всякаго назвавшаго графа Иваномъ Иванычемъ заставляли потомъ поневолѣ объяснять о комъ ведетъ онъ рѣчь. Когда графиня Маргарита поднялась по большой парадной лѣстницѣ и графу побѣжали доложить, то брюзга перемѣнился чуть-чуть въ лицѣ. Пріѣздъ внучки, имъ самимъ вызванной, было не заурядное дѣло, а первостепенной важности.

— Выгоню опять или ползать предъ ней буду на животѣ? вопросительно подумалъ старикъ. Ну, родимая, поглядимъ—увидимъ. И графъ, умышленно заставивъ внучку прождать полчаса въ гостиной, вышелъ тихо и не спѣша.

— Ну, здравствуй, ужъ внучка, коли жена внука. Здравствуй, внучка! Садись, милости прошу!

И слова эти Іоаннъ Іоанновичъ выговорилъ какъ-то особенно, и любезно, и ехидно.

Маргарита, не поднимая глазъ на старика, вымолвила тихо и смущенно:

— Государь мой, вы сдѣлали мнѣ честь, приказали явиться.... Я не знаю, позволите ли вы мнѣ называть васъ дѣдомъ, а потому и говорю: государь мой. Что прикажете?

— Ну, ну, это все финты ваши. Коли внучка, такъ и дѣдъ. Не финти!

Маргарита сѣла около старика, лицо ея было серьезно и отчасти какъ бы грустно. Старикъ зорко и пристально присмотрѣлся.

— Печальна, а не блѣдна! Румянецъ во всю щеку, что твоя зоренька ясная, подумалъ онъ и выговорилъ:

— Ну, что мужъ? Все томитъ, не помираетъ.... Ждешь, поди, не дождешься....

— Да. Все томитъ и себя, и меня. Лучше бы ужъ померъ, умышленно рѣзко выговорила Маргарита. Меня бы развязалъ. Похороню и уѣду.

— Куда? воскликнулъ старикъ.

— Къ себѣ... Домой. Что жъ мнѣ? Не оставаться же на чужой сторонѣ, между чужихъ людей?

— Чужихъ людей? Не все же чужіе. У тебя и я тутъ.

— Вы? Да я отъ васъ, кромѣ самыхъ оскорбительныхъ помысловъ и рѣчей, ничего за цѣлый годъ не видала,—грустно старалась произнести Маргарита. Да я васъ и не виню. По вашему, на свѣтѣ только и есть, что деньги. Вотъ вы всѣхъ и подозрѣваете....

— Вѣстимо, все деньги!

— И все на нихъ купишь?

— Все, цыганочка, все.... подсмѣивался старикъ ядовито.

— Купите молодость....

— Мало что,—нельзя.... вдругъ разсмѣялся онъ.

— Купите красоту!

— О—охъ, тоже нельзя!

— Купите меня, мою любовь. Да не внучкину, а мою, женскую любовь....

— Можно!

— Что?

— Можно! Не финти.... Говорю, можно.

— Стало-быть вы меня вызвали, чтобы заставить пустяки слушать. Не стоило того.... серьезно выговорила Маргарита.

— Ну, слушай дѣло. Я съ тобой не знался, почитай, годъ, потому что ты ко мнѣ была не ласкова. Я все-таки тебѣ дѣдъ. Нужно коли было денегъ, сказала бы. Ну и далъ бы.

— Первое же слово, и о деньгахъ. У васъ, во всѣхъ вашихъ сундукахъ, нѣтъ столько денегъ, сколько я въ мѣсяцъ нашвыряю по городу въ лавкахъ.

— Откуда же это у тебя деньги? У мужа ничего нѣтъ.... Отъ полюбовниковъ?

— Да, только не отъ сотни, а отъ одного! вдругъ вымолвила Маргарита.

— Славно. И сама признается еще. Ай да цыганка! Ну, отъ какого же молодца?

— Онъ можетъ и не молодецъ! Ему можетъ семьдесятъ лѣтъ, да для меня кажетъ онъ краше двадцатилѣтняго.

Выдумка Маргариты былъ вѣрный ударъ противнику. Наступило молчаніе. Графъ вытаращилъ на красавицу глаза. Этого онъ не ожидалъ! И Богъ вѣсть, что шевельнулось у него на душѣ. Онъ самъ еще сразу не могъ себѣ отдать отчета....

XXXIII.

Чрезъ полчаса ѣзды, полуиностранка, графиня Скабронская, была на набережной Васильевскаго острова и выходила изъ кареты, при помощи двухъ лакеевъ, на большой подъѣздъ дома россійскаго вельможи, графа Скабронскаго,—вельможи, котораго даже покойная царица называла Іоанномъ Іоанновичемъ, такъ какъ всякаго назвавшаго графа Иваномъ Иванычемъ заставляли потомъ поневолѣ объяснять о комъ ведетъ онъ рѣчь. Когда графиня Маргарита поднялась по большой парадной лѣстницѣ и графу побѣжали доложить, то брюзга перемѣнился чуть-чуть въ лицѣ. Пріѣздъ внучки, имъ самимъ вызванной, было не заурядное дѣло, а первостепенной важности.

— Выгоню опять или ползать предъ ней буду на животѣ? вопросительно подумалъ старикъ. Ну, родимая, поглядимъ—увидимъ. И графъ, умышленно заставивъ внучку прождать полчаса въ гостиной, вышелъ тихо и не спѣша.

— Ну, здравствуй, ужъ внучка, коли жена внука. Здравствуй, внучка! Садись, милости прошу!

И слова эти Іоаннъ Іоанновичъ выговорилъ какъ-то особенно, и любезно, и ехидно.

Маргарита, не поднимая глазъ на старика, вымолвила тихо и смущенно:

— Государь мой, вы сдѣлали мнѣ честь, приказали явиться.... Я не знаю, позволите ли вы мнѣ называть васъ дѣдомъ, а потому и говорю: государь мой. Что прикажете?

— Ну, ну, это все финты ваши. Коли внучка, такъ и дѣдъ. Не финти!

Маргарита сѣла около старика, лицо ея было серьезно и отчасти какъ бы грустно. Старикъ зорко и пристально присмотрѣлся.

— Печальна, а не блѣдна! Румянецъ во всю щеку, что твоя зоренька ясная, подумалъ онъ и выговорилъ:

— Ну, что мужъ? Все томитъ, не помираетъ.... Ждешь, поди, не дождешься....

— Да. Все томитъ и себя, и меня. Лучше бы ужъ померъ, умышленно рѣзко выговорила Маргарита. Меня бы развязалъ. Похороню и уѣду.

— Куда? воскликнулъ старикъ.

— Къ себѣ... Домой. Что жъ мнѣ? Не оставаться же на чужой сторонѣ, между чужихъ людей?

— Чужихъ людей? Не все же чужіе. У тебя и я тутъ.

— Вы? Да я отъ васъ, кромѣ самыхъ оскорбительныхъ помысловъ и рѣчей, ничего за цѣлый годъ не видала,—грустно старалась произнести Маргарита. Да я васъ и не виню. По вашему, на свѣтѣ только и есть, что деньги. Вотъ вы всѣхъ и подозрѣваете....

— Вѣстимо, все деньги!

— И все на нихъ купишь?

— Все, цыганочка, все.... подсмѣивался старикъ ядовито.

— Купите молодость....

— Мало что,—нельзя.... вдругъ разсмѣялся онъ.

— Купите красоту!

— О—охъ, тоже нельзя!

— Купите меня, мою любовь. Да не внучкину, а мою, женскую любовь....

— Можно!

— Что?

— Можно! Не финти.... Говорю, можно.

— Стало-быть вы меня вызвали, чтобы заставить пустяки слушать. Не стоило того.... серьезно выговорила Маргарита.

— Ну, слушай дѣло. Я съ тобой не знался, почитай, годъ, потому что ты ко мнѣ была не ласкова. Я все-таки тебѣ дѣдъ. Нужно коли было денегъ, сказала бы. Ну и далъ бы.

— Первое же слово, и о деньгахъ. У васъ, во всѣхъ вашихъ сундукахъ, нѣтъ столько денегъ, сколько я въ мѣсяцъ нашвыряю по городу въ лавкахъ.

— Откуда же это у тебя деньги? У мужа ничего нѣтъ.... Отъ полюбовниковъ?

— Да, только не отъ сотни, а отъ одного! вдругъ вымолвила Маргарита.

— Славно. И сама признается еще. Ай да цыганка! Ну, отъ какого же молодца?

— Онъ можетъ и не молодецъ! Ему можетъ семьдесятъ лѣтъ, да для меня кажетъ онъ краше двадцатилѣтняго.

Выдумка Маргариты былъ вѣрный ударъ противнику. Наступило молчаніе. Графъ вытаращилъ на красавицу глаза. Этого онъ не ожидалъ! И Богъ вѣсть, что шевельнулось у него на душѣ. Онъ самъ еще сразу не могъ себѣ отдать отчета....

XXXIII.

Чрезъ полчаса ѣзды, полуиностранка, графиня Скабронская, была на набережной Васильевскаго острова и выходила изъ кареты, при помощи двухъ лакеевъ, на большой подъѣздъ дома россійскаго вельможи, графа Скабронскаго,—вельможи, котораго даже покойная царица называла Іоанномъ Іоанновичемъ, такъ какъ всякаго назвавшаго графа Иваномъ Иванычемъ заставляли потомъ поневолѣ объяснять о комъ ведетъ онъ рѣчь. Когда графиня Маргарита поднялась по большой парадной лѣстницѣ и графу побѣжали доложить, то брюзга перемѣнился чуть-чуть въ лицѣ. Пріѣздъ внучки, имъ самимъ вызванной, было не заурядное дѣло, а первостепенной важности.

— Выгоню опять или ползать предъ ней буду на животѣ? вопросительно подумалъ старикъ. Ну, родимая, поглядимъ—увидимъ. И графъ, умышленно заставивъ внучку прождать полчаса въ гостиной, вышелъ тихо и не спѣша.

— Ну, здравствуй, ужъ внучка, коли жена внука. Здравствуй, внучка! Садись, милости прошу!

И слова эти Іоаннъ Іоанновичъ выговорилъ какъ-то особенно, и любезно, и ехидно.

Маргарита, не поднимая глазъ на старика, вымолвила тихо и смущенно:

— Государь мой, вы сдѣлали мнѣ честь, приказали явиться.... Я не знаю, позволите ли вы мнѣ называть васъ дѣдомъ, а потому и говорю: государь мой. Что прикажете?

— Ну, ну, это все финты ваши. Коли внучка, такъ и дѣдъ. Не финти!

Маргарита сѣла около старика, лицо ея было серьезно и отчасти какъ бы грустно. Старикъ зорко и пристально присмотрѣлся.

— Печальна, а не блѣдна! Румянецъ во всю щеку, что твоя зоренька ясная, подумалъ онъ и выговорилъ:

— Ну, что мужъ? Все томитъ, не помираетъ.... Ждешь, поди, не дождешься....

— Да. Все томитъ и себя, и меня. Лучше бы ужъ померъ, умышленно рѣзко выговорила Маргарита. Меня бы развязалъ. Похороню и уѣду.

— Куда? воскликнулъ старикъ.

— Къ себѣ... Домой. Что жъ мнѣ? Не оставаться же на чужой сторонѣ, между чужихъ людей?

— Чужихъ людей? Не все же чужіе. У тебя и я тутъ.

— Вы? Да я отъ васъ, кромѣ самыхъ оскорбительныхъ помысловъ и рѣчей, ничего за цѣлый годъ не видала,—грустно старалась произнести Маргарита. Да я васъ и не виню. По вашему, на свѣтѣ только и есть, что деньги. Вотъ вы всѣхъ и подозрѣваете....

— Вѣстимо, все деньги!

— И все на нихъ купишь?

— Все, цыганочка, все.... подсмѣивался старикъ ядовито.

— Купите молодость....

— Мало что,—нельзя.... вдругъ разсмѣялся онъ.

— Купите красоту!

— О—охъ, тоже нельзя!

— Купите меня, мою любовь. Да не внучкину, а мою, женскую любовь....

— Можно!

— Что?

— Можно! Не финти.... Говорю, можно.

— Стало-быть вы меня вызвали, чтобы заставить пустяки слушать. Не стоило того.... серьезно выговорила Маргарита.

— Ну, слушай дѣло. Я съ тобой не знался, почитай, годъ, потому что ты ко мнѣ была не ласкова. Я все-таки тебѣ дѣдъ. Нужно коли было денегъ, сказала бы. Ну и далъ бы.

— Первое же слово, и о деньгахъ. У васъ, во всѣхъ вашихъ сундукахъ, нѣтъ столько денегъ, сколько я въ мѣсяцъ нашвыряю по городу въ лавкахъ.

— Откуда же это у тебя деньги? У мужа ничего нѣтъ.... Отъ полюбовниковъ?

— Да, только не отъ сотни, а отъ одного! вдругъ вымолвила Маргарита.

— Славно. И сама признается еще. Ай да цыганка! Ну, отъ какого же молодца?

— Онъ можетъ и не молодецъ! Ему можетъ семьдесятъ лѣтъ, да для меня кажетъ онъ краше двадцатилѣтняго.

Выдумка Маргариты былъ вѣрный ударъ противнику. Наступило молчаніе. Графъ вытаращилъ на красавицу глаза. Этого онъ не ожидалъ! И Богъ вѣсть, что шевельнулось у него на душѣ. Онъ самъ еще сразу не могъ себѣ отдать отчета....

XXXIII.

Чрезъ полчаса ѣзды, полуиностранка, графиня Скабронская, была на набережной Васильевскаго острова и выходила изъ кареты, при помощи двухъ лакеевъ, на большой подъѣздъ дома россійскаго вельможи, графа Скабронскаго,—вельможи, котораго даже покойная царица называла Іоанномъ Іоанновичемъ, такъ какъ всякаго назвавшаго графа Иваномъ Иванычемъ заставляли потомъ поневолѣ объяснять о комъ ведетъ онъ рѣчь. Когда графиня Маргарита поднялась по большой парадной лѣстницѣ и графу побѣжали доложить, то брюзга перемѣнился чуть-чуть въ лицѣ. Пріѣздъ внучки, имъ самимъ вызванной, было не заурядное дѣло, а первостепенной важности.

— Выгоню опять или ползать предъ ней буду на животѣ? вопросительно подумалъ старикъ. Ну, родимая, поглядимъ—увидимъ. И графъ, умышленно заставивъ внучку прождать полчаса въ гостиной, вышелъ тихо и не спѣша.

— Ну, здравствуй, ужъ внучка, коли жена внука. Здравствуй, внучка! Садись, милости прошу!

И слова эти Іоаннъ Іоанновичъ выговорилъ какъ-то особенно, и любезно, и ехидно.

Маргарита, не поднимая глазъ на старика, вымолвила тихо и смущенно:

— Государь мой, вы сдѣлали мнѣ честь, приказали явиться.... Я не знаю, позволите ли вы мнѣ называть васъ дѣдомъ, а потому и говорю: государь мой. Что прикажете?

— Ну, ну, это все финты ваши. Коли внучка, такъ и дѣдъ. Не финти!

Маргарита сѣла около старика, лицо ея было серьезно и отчасти какъ бы грустно. Старикъ зорко и пристально присмотрѣлся.

— Печальна, а не блѣдна! Румянецъ во всю щеку, что твоя зоренька ясная, подумалъ онъ и выговорилъ:

— Ну, что мужъ? Все томитъ, не помираетъ.... Ждешь, поди, не дождешься....

— Да. Все томитъ и себя, и меня. Лучше бы ужъ померъ, умышленно рѣзко выговорила Маргарита. Меня бы развязалъ. Похороню и уѣду.

— Куда? воскликнулъ старикъ.

— Къ себѣ... Домой. Что жъ мнѣ? Не оставаться же на чужой сторонѣ, между чужихъ людей?

— Чужихъ людей? Не все же чужіе. У тебя и я тутъ.

— Вы? Да я отъ васъ, кромѣ самыхъ оскорбительныхъ помысловъ и рѣчей, ничего за цѣлый годъ не видала,—грустно старалась произнести Маргарита. Да я васъ и не виню. По вашему, на свѣтѣ только и есть, что деньги. Вотъ вы всѣхъ и подозрѣваете....

— Вѣстимо, все деньги!

— И все на нихъ купишь?

— Все, цыганочка, все.... подсмѣивался старикъ ядовито.

— Купите молодость....

— Мало что,—нельзя.... вдругъ разсмѣялся онъ.

— Купите красоту!

— О—охъ, тоже нельзя!

— Купите меня, мою любовь. Да не внучкину, а мою, женскую любовь....

— Можно!

— Что?

— Можно! Не финти.... Говорю, можно.

— Стало-быть вы меня вызвали, чтобы заставить пустяки слушать. Не стоило того.... серьезно выговорила Маргарита.

— Ну, слушай дѣло. Я съ тобой не знался, почитай, годъ, потому что ты ко мнѣ была не ласкова. Я все-таки тебѣ дѣдъ. Нужно коли было денегъ, сказала бы. Ну и далъ бы.

— Первое же слово, и о деньгахъ. У васъ, во всѣхъ вашихъ сундукахъ, нѣтъ столько денегъ, сколько я въ мѣсяцъ нашвыряю по городу въ лавкахъ.

— Откуда же это у тебя деньги? У мужа ничего нѣтъ.... Отъ полюбовниковъ?

— Да, только не отъ сотни, а отъ одного! вдругъ вымолвила Маргарита.

— Славно. И сама признается еще. Ай да цыганка! Ну, отъ какого же молодца?

— Онъ можетъ и не молодецъ! Ему можетъ семьдесятъ лѣтъ, да для меня кажетъ онъ краше двадцатилѣтняго.

Выдумка Маргариты былъ вѣрный ударъ противнику. Наступило молчаніе. Графъ вытаращилъ на красавицу глаза. Этого онъ не ожидалъ! И Богъ вѣсть, что шевельнулось у него на душѣ. Онъ самъ еще сразу не могъ себѣ отдать отчета....

XXXIII.

Чрезъ полчаса ѣзды, полуиностранка, графиня Скабронская, была на набережной Васильевскаго острова и выходила изъ кареты, при помощи двухъ лакеевъ, на большой подъѣздъ дома россійскаго вельможи, графа Скабронскаго,—вельможи, котораго даже покойная царица называла Іоанномъ Іоанновичемъ, такъ какъ всякаго назвавшаго графа Иваномъ Иванычемъ заставляли потомъ поневолѣ объяснять о комъ ведетъ онъ рѣчь. Когда графиня Маргарита поднялась по большой парадной лѣстницѣ и графу побѣжали доложить, то брюзга перемѣнился чуть-чуть въ лицѣ. Пріѣздъ внучки, имъ самимъ вызванной, было не заурядное дѣло, а первостепенной важности.

— Выгоню опять или ползать предъ ней буду на животѣ? вопросительно подумалъ старикъ. Ну, родимая, поглядимъ—увидимъ. И графъ, умышленно заставивъ внучку прождать полчаса въ гостиной, вышелъ тихо и не спѣша.

— Ну, здравствуй, ужъ внучка, коли жена внука. Здравствуй, внучка! Садись, милости прошу!

И слова эти Іоаннъ Іоанновичъ выговорилъ какъ-то особенно, и любезно, и ехидно.

Маргарита, не поднимая глазъ на старика, вымолвила тихо и смущенно:

— Государь мой, вы сдѣлали мнѣ честь, приказали явиться.... Я не знаю, позволите ли вы мнѣ называть васъ дѣдомъ, а потому и говорю: государь мой. Что прикажете?

— Ну, ну, это все финты ваши. Коли внучка, такъ и дѣдъ. Не финти!

Маргарита сѣла около старика, лицо ея было серьезно и отчасти какъ бы грустно. Старикъ зорко и пристально присмотрѣлся.

— Печальна, а не блѣдна! Румянецъ во всю щеку, что твоя зоренька ясная, подумалъ онъ и выговорилъ:

— Ну, что мужъ? Все томитъ, не помираетъ.... Ждешь, поди, не дождешься....

— Да. Все томитъ и себя, и меня. Лучше бы ужъ померъ, умышленно рѣзко выговорила Маргарита. Меня бы развязалъ. Похороню и уѣду.

— Куда? воскликнулъ старикъ.

— Къ себѣ... Домой. Что жъ мнѣ? Не оставаться же на чужой сторонѣ, между чужихъ людей?

— Чужихъ людей? Не все же чужіе. У тебя и я тутъ.

— Вы? Да я отъ васъ, кромѣ самыхъ оскорбительныхъ помысловъ и рѣчей, ничего за цѣлый годъ не видала,—грустно старалась произнести Маргарита. Да я васъ и не виню. По вашему, на свѣтѣ только и есть, что деньги. Вотъ вы всѣхъ и подозрѣваете....

— Вѣстимо, все деньги!

— И все на нихъ купишь?

— Все, цыганочка, все.... подсмѣивался старикъ ядовито.

— Купите молодость....

— Мало что,—нельзя.... вдругъ разсмѣялся онъ.

— Купите красоту!

— О—охъ, тоже нельзя!

— Купите меня, мою любовь. Да не внучкину, а мою, женскую любовь....

— Можно!

— Что?

— Можно! Не финти.... Говорю, можно.

— Стало-быть вы меня вызвали, чтобы заставить пустяки слушать. Не стоило того.... серьезно выговорила Маргарита.

— Ну, слушай дѣло. Я съ тобой не знался, почитай, годъ, потому что ты ко мнѣ была не ласкова. Я все-таки тебѣ дѣдъ. Нужно коли было денегъ, сказала бы. Ну и далъ бы.

— Первое же слово, и о деньгахъ. У васъ, во всѣхъ вашихъ сундукахъ, нѣтъ столько денегъ, сколько я въ мѣсяцъ нашвыряю по городу въ лавкахъ.

— Откуда же это у тебя деньги? У мужа ничего нѣтъ.... Отъ полюбовниковъ?

— Да, только не отъ сотни, а отъ одного! вдругъ вымолвила Маргарита.

— Славно. И сама признается еще. Ай да цыганка! Ну, отъ какого же молодца?

— Онъ можетъ и не молодецъ! Ему можетъ семьдесятъ лѣтъ, да для меня кажетъ онъ краше двадцатилѣтняго.

Выдумка Маргариты былъ вѣрный ударъ противнику. Наступило молчаніе. Графъ вытаращилъ на красавицу глаза. Этого онъ не ожидалъ! И Богъ вѣсть, что шевельнулось у него на душѣ. Онъ самъ еще сразу не могъ себѣ отдать отчета....

А она отлично знала впередъ, что̀ именно отъ этой выдумки шевельнется у стараго холостяка на душѣ.

— Скажи на милость! выговорилъ вслухъ, но самъ себѣ, озадаченный старикъ и снова смолкъ.

— Ничему не вѣритъ, а этому повѣрилъ! внутренно смѣялась Маргарита.

— Какъ же это ты.... забормоталъ Іоаннъ Іоанновичъ и страннымъ, будто завистливымъ окомъ окинулъ красивую молодую женщину.... Какъ же? Зачѣмъ же стараго? Мало развѣ въ Питерѣ молодыхъ?

— А развѣ на это законъ у васъ?... разсмѣялась Маргарита.

— Вѣстимо, законъ естества! Природный законъ.

— Истинный природный законъ тотъ, что у всякаго свой вкусъ да своя воля.

— О, Господи! Вотъ удивила.... Да зачѣмъ же ты... Почему? Изъ-за денегъ его....

— Опять.... Только у васъ и на умѣ что деньги.... Но, бросьте это. Какая вамъ до этого забота. А скажите лучше, по какому дѣлу вы меня вызвали?

— Дѣло?... Дѣло?... Да.... Какое бишь дѣло!... Такъ озадачила меня, что память отшибла! Да. Вотъ дѣло какое. Ты слушай прилежнѣе.

— Слушаю.

— Ты, видишь, въ силѣ нынѣ при новомъ дворѣ. Какъ ужъ ты умудрилась, когда сама императрица въ опалѣ.... Доносить на меня не пойдешь?! А то я попридержу языкъ!... Ну вотъ, стало-быть.... я къ тебѣ съ поклономъ. Заступись и спаси двухъ молодцовъ.

— Орловыхъ? И вы за нихъ?...

— Вишь, ужъ знаетъ. Просили?

— Да, просили.... Просили многіе, но я.... не знаю, можетъ быть.... Надо подумать.... Оно можно, но однако....

Маргарита тянула слова, потому что сама въ эту минуту раздумывала и соображала, какъ отнестись къ словамъ дѣда.

Сознаться въ своей силѣ и ее даже преувеличить? Или скрыть все?... Покуда она думала, старикъ высказался весь и она знала, что дѣлать.

— Я, видишь, внучка-цыганочка, — искренно высказывался Скабронскій,—былъ, слава Богу, вельможа не послѣдній въ государствѣ со дней Великаго Петра Алексѣевича и даже при Би-

ронѣ не запропалъ.... Ну, а вотъ теперь, подъ конецъ дней своихъ, попалъ въ зажору. Не знаю, какъ и примѣриться, какъ и прикинуть себя къ новымъ-то порядкамъ и людямъ. Ничто не беретъ. Того и гляжу, что меня нищимъ сдѣлаютъ и въ ссылку угонятъ, а дома и вотчины отпишутъ да какому-нибудь хохлу и прощалыгѣ подарятъ.... Ну вотъ, узнавъ, что ты въ силѣ нынѣ, я къ тебѣ съ поклономъ.... На первó, ты мнѣ покажи свою востроту на ребятахъ Орловыхъ. Ихъ дѣло пропащее! Если ты ихъ изъ бѣды выручишь, когда и Разумовскіе не могутъ, и Воронцовъ даже не можетъ черезъ дочку свою... то тогда я увѣрую вотъ какъ.... Какую ни на есть, хоть бы и Можайскую вотчину мою тебѣ поднесу, по дарственной записи.

«Самую маленькую!» подумала и усмѣхнулась Маргарита.

— Почему смѣешься? Ей-богу поднесу....

— Все сказали, дѣдушка?

— Все. А что?

— Завтра узнаете отвѣтъ, коли заѣдете ввечеру.

— И дарственную, стало-быть, захватить?

— Захватите! вымолвила Маргарита, подумавъ.

— Стало-быть, вѣрно? Выручишь ребятъ?

— Не знаю. Постараюсь.

— Дѣло, внучка, не въ ребятахъ. А важно мнѣ тебя испытать. Не враки ли, толки да слухи. Коли выручишь, то, ей-ей, бери палку да и бей меня; или на цѣпи съ музыкой води, какъ медвѣдя, да заставляй и горохъ воровать, и солдата съ ружьемъ показывать, и всякое колѣно продѣлывать. Поняла?

— Поняла, дѣдушка. Поняла! усмѣхалась красавица, дерзко и насмѣшливо заглядывая теперь въ глаза старика.

— Стоитъ постараться? А?

— Вѣстимо, стоитъ....

— Озолочу, цыганочка.... Мой расчетъ простъ. Все одно, не ровенъ часъ, опишутъ да отымутъ все беззаконно. Такъ, пущай, лучше тебѣ перепадетъ малая толика.... Такъ вѣдь?... Ты видишь, я на чистоту сказываю, не хитрю.... Ну и ты не финти.... Уговоръ.... Идетъ?... А?

— Идетъ, дѣдушка! рѣшительно, какъ вызовъ, произнесла Маргарита и протянула руку старику.

— Ну, поцѣлуемся.

Маргарита, смѣясь, встала, пододвинулась къ старику и, наклонившись, подставила свою свѣженькую щеку съ черной мушкой....

Іоаннъ Іоанновичъ, не спѣша, три раза поцѣловалъ красавицу и выговорилъ:

— Варенье!... И чего бы тебѣ раньше такъ-то. А то букой глядѣла. Годъ цѣлый, почитай, не знались....

— Кто жъ букой-то глядѣлъ? Вы же. Да и теперь вы стали ласковѣе изъ-за своихъ выгодъ,—не ради меня, а ради моихъ пріятелей придворныхъ. Я вѣдь не дура, дѣдушка.

— Какая ты дура? Ты бѣсъ, внучка.... но, вишь ты.... Это само собой. Ну, а рѣчь ты со мною теперь тоже другую повела. Это тоже само собой.—И, помолчавъ мгновеніе, Скабронскій подмигнулъ и ухмыльнулся со словами:—Я вѣдь не могъ знать, что ты, вишь, старыхъ любишь....

Маргарита разсмѣялась звонко и, простившись съ дѣдомъ, веселая и довольная поѣхала домой.

— Ну, надо Орловыхъ спасать, ради вотчинъ дѣдушкиныхъ. Дорого, пожалуй, обойдутся онѣ мнѣ, страшно дорого.

И красавица вдругъ глубоко и тяжело задумалась. Лицо ея стало не только серьезно, но уныло и темная тѣнь набѣжала на черные великолѣпные глаза, всегда полные веселаго блеска.

— Нѣтъ, не сдаваться!... думала она. Оттянуть.... Наконецъ, обмануть! Не сошлетъ же онъ меня. Да и дѣйствовать! Ахъ, кабы состояніе дѣда. Деньги! Средства! Самъ не знаетъ, старый волкъ, чѣмъ бы я теперь могла сдѣлаться, имѣя деньги для начала. И только для начала. Даже на его судьбу повліять бы могла тогда. И ему бы лучше было тогда. Лучше, чѣмъ при Елизаветѣ.

И Маргарита такъ глубоко задумалась, что не замѣтила, какъ и гдѣ ѣхала по городу. Ея затаенная отъ всѣхъ, но взлелѣянная мечта, почти нелѣпая и невоплотимая фантазія, всегда овладѣвала ею на столько сильно, что она порою не сознавала окружающаго и, на нѣкоторое время, какъ бы теряла разсудокъ. Лотхенъ; которая воображала, что у барыни нѣтъ отъ нея ни одной тайны, не понимала этихъ минутъ и приписывала ихъ болѣзни или же употребленію того пахучаго питья, что готовила графинѣ всякій вечеръ. Сама она только разъ отвѣдала его, давно тому назадъ, и, пролежавъ безъ чувствъ сряду нѣсколько часовъ, простонала въ самыхъ ужасныхъ сновидѣніяхъ.

Что за мечта владѣла Маргаритой и въ особенности подчинила себѣ ея разумъ за послѣднее время—никто, кромѣ ея собственной совѣсти, не зналъ и не догадывался. Для этого ей

нужна была смерть больнаго мужа и состояніе дѣда. Впрочемъ, мужъ въ кровати, безъ движенія, безъ воли, ей не перечащій, почти несуществующій по отношенію къ ней, былъ только небольшой помѣхой. Въ случаѣ мира съ дѣдомъ, въ случаѣ дружбы съ нимъ, смерть Кириллы Петровича нужна была, чтобы молодой вдовѣ переѣхать ради приличія въ домъ старика на жительство. Будучи у него въ домѣ, Маргарита надѣялась, конечно, овладѣть старикомъ быстрѣе и вполнѣ.... Но деньги старика, состояніе его, были не цѣлью, а средствомъ для болѣе дальней и высшей цѣли, явившейся недавно у честолюбивой, самонадѣянно-смѣлой и замѣчательно красивой иноземки.

Маргарита еще не совсѣмъ пришла въ себя, когда у подъѣзда ея дома лакеи отворили дверцу кареты. Она разсѣянно оглядѣла ихъ и вдругъ выговорила, какъ бы очнувшись:

— Во дворецъ его высочества!... Вѣдь я приказывала! И Маргарита была почти увѣрена, что, еще садясь у дома дѣда, она приказала ѣхать прямо къ принцу Георгу Голштинскому.

XXXIV.

На другой день утромъ, та же карета графини Скабронской остановилась предъ воротами ротнаго двора Преображенскихъ гренадерскихъ ротъ, гдѣ были арестованы братья Орловы. Офицеры, собиравшіеся съ сосѣднихъ квартиръ на ученіе, невольно съ изумленіемъ оглядывали щегольскую берлину и недоумѣвали на счетъ ея появленія въ такую пору у ихъ ротной казармы.

Когда же, заглянувъ въ окно кареты, они встрѣчались лицомъ къ лицу съ замѣчательной красавицей очевидно изъ высшаго свѣта, то невольно кланялись ей и, смущаясь, толпились, перешептывались между собой, потомъ отходили отъ кареты ради приличія, но ждали, не входя во дворъ, чѣмъ загадка разрѣшится.

Наконецъ, вышелъ майоръ Воейковъ, за нимъ Текутьевъ и Квасовъ,—всѣ удивленные....

Красавица, ласково, но отчасти самодовольно улыбаясь, передала изъ окна кареты бумагу, прося тотчасъ же распорядиться.

— Я графиня Маргарита Скабронская. Вотъ приказъ, не откажите учинить по сему не медля!

Бумага была подписана принцемъ Георгомъ и была приказаніемъ старшему на ротномъ дворѣ офицеру немедленно освободить изъ-подъ ареста обоихъ Орловыхъ....

— Я имѣлъ уже честь васъ встрѣчать не разъ, графиня. Тотчасъ же распоряжусь.... Сейчасъ.... Угодно будетъ дождаться, засуетился Воейковъ.... Они сейчасъ выйдутъ....

— Нѣтъ. Мнѣ ихъ видѣть незачѣмъ. Я только взялась передать приказъ.... Я съ ними не знакома. Надѣюсь только, господинъ офицеръ, что все будетъ исполнено немедленно?...

— Помилуйте! Какъ же я смѣю ослушаться или не въ точности исполнить приказъ его высочества....

Маргарита поклонилась нѣсколько гордо, но кокетливо и приказала ѣхать домой....

Но въ ту минуту, когда ея два лакея лѣзли на запятки, а лошади еще не успѣли двинуться, въ воротахъ тихо показалась грустная фигура юноши рядоваго. Глянувъ въ окно кареты, онъ ахнулъ на всю улицу и даже чуть руками не всплеснулъ.... Карета быстро отъѣхала и всѣ обернулись на этотъ отчаянный крикъ....

— Чего ты орешь, порося! выговорилъ Квасовъ, подступая къ племяннику, который стоялъ, какъ пораженный громомъ.... Тутъ графиня Скабронская, а онъ оретъ, какъ баба на базарѣ!

— Ахъ, дядюшка!.. задохнулся Шепелевъ въ отвѣтъ на слышанное и, ухватившись за Квасова, перемѣнился въ лицѣ.

— Ну такъ, такъ... Говорилъ я тебѣ, что ты застудился! Иди, иди! Ахъ ты Господи! Помертвѣлъ вѣдь! воскликнулъ Квасовъ. А еще спорилъ все—нехворъ! Аль захватило подъ душкой?... Иди, водички испей. А то снѣгомъ потрись! захлопотался струхнувшій Квасовъ, поддерживая племянника.

Всѣ офицеры давно вошли въ казарму, толкуя объ удивительномъ приказѣ принца, никѣмъ неожиданномъ прощеніи, да еще вдобавокъ привезенномъ на ротный дворъ извѣстной красавицей въ столицѣ.

Квасовъ тотчасъ повелъ племянника въ квартиру и дорогой, ради разсѣянія, толковалъ ему о графинѣ Маргаритѣ, извѣстной красавицѣ Питера, и о прощеніи буяновъ Орловыхъ. Юноша немного оправился дома, сѣлъ на свою кровать, но забылъ и думать объ ученіи и экзерциціи, а думалъ только о ней и повторялъ услышанное чужеземное имя.

— О-охъ! изрѣдка вздыхалъ онъ все еще блѣдный.

— То-то!.... Подъ душкой? А говорилъ нехворъ! приставалъ Квасовъ. Вѣдь подъ душкой хватило, а?

— Подъ душкой, дядюшка, подъ душкой. Вотъ ужъ въ самое-то сердце хватило!... грустно шутилъ юноша со слезами на глазахъ. Какъ ножомъ рѣзнуло.

— А? Знаю, знаю, у меня это съ молоду бывало!...

— У васъ?! Охъ нѣтъ. У васъ эдакого не бывало, дядюшка.... Это, это.... хоть умирать.

И Шепелевъ вдругъ легъ на постель и умышленно отвернулся отъ дяди лицомъ къ стѣнѣ.

Квасовъ вышелъ съ мыслью:—соснетъ часокъ, отпуститъ его малость!

А Шепелевъ долго лежалъ, не двигаясь и вспоминая....

Сколько дней и ночей на этой самой кровати продумалъ онъ о своемъ незнакомцѣ - офицерѣ, встрѣченномъ въ оврагѣ, т. е. о той красавицѣ, которая спасла его отъ грабителей, довезла до города, пригрозилась ее не узнавать, даже забыть о ней.... И, съ каждымъ днемъ, Шепелевъ все больше и чаще думалъ о ней.... И во снѣ неотступно преслѣдовала она его въ сновидѣніяхъ.... Богъ вѣсть почему! И только за одно разсужденіе ухватился юноша: онъ убѣдилъ себя, что эта красавица, ѣздящая ночью за городъ въ мужскомъ платьѣ, одна изъ кучки женщинъ иностранокъ самаго дурнаго поведенія, которыя недавно пріѣхали въ столицу изъ Швеціи. Квасовъ однажды разсказалъ это ему и прибавилъ, что эти продажныя красавицы: пьяницы, драчуньи, воровки и только развѣ нѣмцу дороги да милы могутъ быть!

— Ну вотъ, она навѣрно одна изъ этихъ! утѣшалъ себя постоянно юноша и отъ этого утѣшенія ему почему-то становилось съ каждымъ днемъ еще хуже и больнѣе на сердцѣ. Между тѣмъ, молодой малый наивно не догадывался и не понималъ, думая о незнакомкѣ и день, и ночь, что онъ, не смотря ни на что, просто безъ памяти влюбленъ въ нее. Вдобавокъ влюбленъ безъ надежды когда либо увидѣть ее, узнать навѣрное, кто она, убѣдиться, наконецъ, стоитъ ли она его ежечасныхъ помысловъ.... Можетъ быть она.... низкая тварь!!..

— Графиня Маргарита Скабронская!! глухо, съ отчаяніемъ шепталъ онъ теперь въ стѣну, отвѣчая себѣ этимъ именемъ на всѣ долгія сомнѣнія.

И вдругъ ему показалось, что онъ умираетъ....

— Вотъ, вотъ, сейчасъ! И духъ вонъ!...

Но смерть, разумѣется, и не помышляла идти къ нему! За то любовь, юношеская, первая, слѣпая, огневая, бурная, иногда убивающая.... пришла и свалила молодца сразу!!...

Въ то же время въ ротной казармѣ былъ настоящій содомъ. Орловы, конечно, не ушли тотчасъ изъ мѣста своего заключенія, а послали за виномъ въ трактиръ, и въ большой горницѣ, гдѣ хранилась аммуниція, началось угощеніе всѣхъ офицеровъ. Даже флигельмановъ и болѣе любимыхъ рядовыхъ угощали по семейникамъ.

Чрезъ часъ офицерская компанія была, какъ въ туманѣ....

Главный виновникъ торжества, старый дядька, хотѣлъ съ самаго начала скрыться, но его поймали, поили, качали и наконецъ додумались.... Поставили кресло на большой столъ и посадили въ него старика, а кругомъ пошелъ хороводъ. Кто на нѣмецкій ладъ выступалъ, кто на русскій, кто казачка, а кто минуэтъ.... Агафонъ, опасаясь ежеминутно слетѣть со стола внизъ головой, нѣсколько разъ порывался улизнуть, но Алексѣй Орловъ караулилъ его зорко и при малѣйшемъ движеніи дядьки вскрикивалъ:

— Не смѣть, Фофошка! Сиди!... Ни-ни!!.

КОНЕЦЪ I ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Зимній дворецъ, въ которомъ за все свое царствованіе живала въ Петербургѣ императрица Елизавета, былъ маленькій, на половину деревянный, старый и даже ветхій. Новый великолѣпный дворецъ, каменный и обширный, былъ уже давно готовъ, но государыня, постоянно хворавшая въ послѣднее время, суевѣрно не рѣшалась переходить въ него. Послѣдніе мѣсяцы жизни она не находила себѣ мѣста въ старомъ деревянномъ дворцѣ, переходила спать почти каждую ночь изъ одной комнаты въ другую, какъ будто ей было тѣсно въ немъ, но о переходѣ въ новое зданіе не смѣлъ никто и заикнуться.

Одною изъ первыхъ заботъ вновь вступившаго на престолъ императора было, конечно, поскорѣе окончательно отдѣлать новое жилище и какъ можно скорѣе перейти въ него.

Наконецъ, въ половинѣ великаго поста, новый дворецъ былъ совершенно отдѣланъ и мѣблированъ, а въ старомъ деревянномъ начались сборы, переноска и перевозка вещей. Во многихъ комнатахъ мѣбель была уже не на мѣстахъ, картины сняты со стѣнъ.

Въ тотъ самый день, когда иноземка графиня Скабронская выручила изъ бѣды братьевъ Орловыхъ, въ большой тронной залѣ дворца сидѣла на креслѣ около отворенной форточки красивая женщина вся въ черномъ и въ странномъ уборѣ на головѣ. Этотъ уборъ, черный суконный съ бѣлыми нашивками подъ крепомъ, полушляпа, получепецъ, плотно облегалъ ея голову и низко проходилъ черезъ лобъ, на половину закрывая его. Было что-то странное, строгое, даже мрачное въ этомъ уборѣ и во всей ея одеждѣ. Лицо ея было тоже строго, печально.

Не смотря на зимній морозный день, на холодныя струи вѣтра, врывавшіяся въ открытую настежь форточку, она изрѣдка поднимала голову и жадно вдыхала въ себя холодный воздухъ, какъ будто ей было душно въ этой залѣ.

Вокругъ нея по всѣмъ стѣнамъ стояли уже снятые царскіе портреты. Ближе къ ней на полу и на стульяхъ стояло болѣе десятка различныхъ портретовъ покойной императрицы. Многіе изъ нихъ были неокончены, другіе едва начаты, на нѣкоторыхъ было сдѣлано одно лицо, а остальное оставалось начерченнымъ карандашемъ и углемъ по бѣлому нетронутому полотну.

Всѣ эти портреты были сдѣланы за послѣдніе мѣсяцы жизни императрицы. Она предвидѣла будто, что дѣлается ея послѣдній портретъ, и не однимъ не оставалась довольна. Два живописца напрасно старались удовлетворить ея прихотливымъ требованіямъ.

Женщина въ черномъ уборѣ—новая императрица, Екатерина Алексѣевна. Она пришла теперь въ эту залу, гдѣ случалось ей часто, но уже давно, проводить веселые вечера и безпечно танцовать до полуночи. Зала эта была полна для нея самыхъ пестрыхъ воспоминаній, преимущественно свѣтлыхъ, дорогихъ. Она пришла сюда выбрать для себя лучшій портретъ покойной, которую не очень любила, но при которой положеніе ея было далеко не такъ тягостно, какъ теперь. Она хотѣла было выбрать тайкомъ одинъ изъ портретовъ и скорѣе унести его къ себѣ, но эта зала, пустая, угрюмая, полуосвѣщенная отъ спущенныхъ сторъ, которыя приготовились снимать, остановила ее. Эта зала, вдругъ, будто глянула ей въ душу, будто заговорила съ ней, будто сказала ей то слово, отъ котораго все ея прошлое возстало передъ ней живое, милое, лучезарное....

Много свѣтлыхъ образовъ, много разныхъ событій воскресло вдругъ и быстро понеслось пестрой чередой надъ ея опущенной головой въ странномъ траурномъ уборѣ. По неволѣ, и она унеслась мыслью, еще далѣе, въ свое прошлое. И вся жизнь ея съ младенчества явилась передъ ней.

Вспомнилась ей маленькая дѣвичья комнатка съ однимъ окномъ въ намѣстническомъ дворцѣ въ Штетинѣ. Внизу, среди небольшой площади неправильнаго очертанія, въ родѣ трехугольника, стоитъ и вѣчно брызжетъ древній фонтанъ. Нѣсколько миѳологическихъ фигуръ переплелись съ какими-то большими рыбами или хвостатыми уродами. Къ этому фонтану ежедневно въ извѣстные часы сходятся съ кувшинами городскія дѣвушки и всегда, установивъ

ихъ кругомъ подъ серебристыми струями, забываютъ объ нихъ въ бесѣдахъ, или шаловливыхъ играхъ и шуткахъ.

И эта площадь, гдѣ всюду виднѣются гранитныя готическіе порталы, колонны, карнизы, гдѣ высится изящная колокольня, легкая и вся сквозная, будто изъ сѣраго кружева, и этотъ фонтанъ, тоже сѣрый, мокрый, вѣчно обрызганный водой, — все это, хотя дальнее, но ясное и на вѣки родное ей воспоминаніе.

Сколько разъ она, принцесса, запертая день и ночь въ этомъ скучномъ домѣ, именуемомъ дворцомъ, завидовала городскимъ дѣвушкамъ. Какъ ей самой подъ-часъ тоже хотѣлось бы взять кувшинъ, пойти къ этому фонтану, тоже порѣзвиться, побѣгать съ ними, послушать всякіе толки и пересуды. Часто эта молодежь окружала какого-нибудь знакомаго, мимо идущаго остряка, который, увидя кучку молодыхъ красавицъ, охотно завернетъ къ этому фонтану и смѣшитъ ихъ въ продолженіи цѣлаго часа разными шутками и прибаутками. Иной разъ, наоборотъ, сѣдая ворчливая старуха, иногда злая полувѣдьма съ клюкой, проходя мимо, тоже приблизится къ фонтану и не можетъ упустить удобнаго случая разбранить столпившійся рой молодыхъ дѣвушекъ. Ихъ веселый хохотъ, ихъ рѣчи, журчащія точно также, какъ и эти серебристыя струи фонтана, будто оскорбили старуху и она съ хрипливымъ воплемъ идетъ на нихъ, замахиваясь клюкой, и кричитъ, и грозитъ, и проклинаетъ! Но только звонкій, веселый, счастливый хохотъ отвѣчаетъ ей на всѣ проклятія.

Тысячи разъ видала она это изъ своего окна. Всѣ воспоминанія дѣтства сводятся къ этому фонтану и къ этой площади, и за это теперь она любитъ ихъ....

Она знала уже тогда, что ей не суждено прожить вѣчно въ этомъ домѣ, что въ ранней юности она будетъ уже отдана замужъ куда-нибудь далеко, за какого-нибудь германскаго принца. И невольно желала она этого, потому что жизнь здѣсь тянулась скучно, однообразно. Не было ни радостей, ни горя, ни заботъ, и давящее сердце будничное затишье заставляло подъ-часъ желать чего либо, хотя бы и печальнаго, хотя бы и грознаго, лишь бы перемѣнился этотъ унылый, душу мертвящій строй жизни. Пускай будетъ гроза! Лишь бы очистила воздухъ, позволила бы дышать свободно.

Изъ всей этой жизни въ продолженіи четырнадцати лѣтъ остались въ памяти ея лишь два или три особенныхъ случая,

о которыхъ стоило вспомнить. Одинъ изъ нихъ, близко, лично касавшійся до нея остался особенно въ памяти.

Въ домѣ отца появился однажды дряхлый старецъ, пользовавшійся извѣстностью чуть не во всей Германіи, какъ святой мужъ и праведникъ, которому народная молва приписывала пророческій даръ. Ее, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, привели въ гостиную, гдѣ сидѣлъ старецъ въ священническомъ одѣяніи. Она со страхомъ и трепетомъ подошла къ нему, подводимая матерью. Онъ глянулъ на нее своими большими строгими глазами, положилъ ей руку на голову и сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ она сразу не поняла, но которыя тѣмъ не менѣе напугали ее. Потомъ, впослѣдствіи, ея мать часто вспоминала сказанное старикомъ, и крѣпко вѣровала въ пророчество праведника, и упорно ожидала, что оно сбудется. Старикъ въ темныхъ выраженіяхъ проговорилъ, что видитъ на дѣтской головкѣ три короны и въ томъ числѣ одну большую, цесарскую. Предсказаніе это, часто вспоминаемое въ домѣ, разумѣется, глубоко запало въ душу умной дѣвочки; скоро она сама стала вѣрить въ него и ожидать.

И, наконецъ, однажды, когда ей было уже около пятнадцати лѣтъ, мать, ничего не объясняя ей, стала собираться въ далекій путь.

Вскорѣ онѣ очутились въ Берлинѣ при дворѣ суроваго, некрасиваго короля Фридриха, а затѣмъ двинулись дальше. И умная, смѣлая, уже честолюбивая дѣвушка-ребенокъ знала, что ее везутъ въ далекую, полудикую землю, вѣчно заваленную такими снѣгами, какихъ не бываетъ на родинѣ. Въ этой далекой чужбинѣ предстоитъ ей выйти замужъ, и тамъ будетъ она современемъ императрицей громадной страны.

Дорога изъ Берлина на Кёнигсбергъ, Митаву и Петербургъ продолжалась довольно долго, но послѣ уединенной и однообразной жизни въ Штетинѣ она рада была новымъ мѣстамъ, новымъ лицамъ. Вдобавокъ, здѣсь въ первый разъ, на пути въ эту невѣдомую землю, она какъ-то, незамѣтно для самой себя, вдругъ увидѣла, почувствовала, что она сдѣлалась главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Во всѣхъ городахъ по дорогѣ, которые казались ей все-таки менѣе чуждыми, чѣмъ она ожидала, кругомъ слышалась та же родная рѣчь; всюду дѣлались пышныя встрѣчи, давались празднества, гремѣла музыка и всюду нареченная невѣста наслѣдника престола была, конечно, главнымъ лицомъ, на

которомъ сосредоточивались вниманіе, радушіе, заботливость и предупредительность всѣхъ.

Въ Митавѣ встрѣтилъ поѣздъ принцессы высланный впередъ русской императрицей камергеръ Нарышкинъ и его почтительное вниманіе и заботливость въ пути до Петербурга особенно сосредоточивалось на ней, а не на ея матери.

Въ этомъ пути прежде всего поразили юную принцессу странные экипажи, въ которыхъ весь поѣздъ двигался по необозримымъ снѣжнымъ равнинамъ. Это были длинныя и узкія сани, обитыя краснымъ сукномъ, въ которыхъ днемъ помѣщалось съ ними человѣкъ по восьми и десяти, а на ночь всѣ уходили въ другія сани, а имъ двумъ устраивали постели. Обѣихъ принцессъ закрывали цѣлыми кучами мѣховъ и только одни лица ихъ оставались незакрытыми. Шесть, а иногда восемь лошадей, впряженныя въ эти сани, мчали ихъ почти постоянно вскачь.

Въ февральскія, туманныя, но теплыя сумерки въѣхали онѣ, наконецъ, въ Петербургъ. Пестрая толпа придворныхъ встрѣтила ихъ въ небольшомъ итальянскомъ дворцѣ и, не смотря на усталость, тотчасъ былъ назначенъ пріемъ, было представленіе гостей, былъ длинный, скучный и чопорный обѣдъ. Но такъ какъ императрица и наслѣдникъ были въ Москвѣ, то на другой же день пришлось снова пускаться въ путь, такой же далекій и трудный, и снова скакать въ такихъ же саняхъ.

И вотъ здѣсь въ первый разъ увидала она много новаго, много схожаго съ тѣмъ, что разсказывалось ей передъ отъѣздомъ. Родная рѣчь уже не слышалась кругомъ; по дорогѣ изрѣдка попадались убогія черненькія деревушки и каждая изъ нихъ казалась большимъ чернымъ пятномъ среди необозримой сахарно-бѣлой равнины. И тутъ на привалахъ услышала она близко мудреную рѣчь, увидѣла людей въ какихъ-то замазанныхъ шкурахъ и первыя три слова русскихъ, которыя подхватила и заучила она, были «мужикъ», «сарафанъ», «дуга»... И этотъ сѣрый людъ, который попадался все больше по пути, не возбудилъ въ ней того чувства отвращенія, съ которымъ относилась къ нимъ ея мать, а, напротивъ, чувство жалости къ нимъ проникло сразу въ ея душу и глубоко запало въ ней. Эта невѣдомая, снѣжная, унылая, будто мертвая страна, по которой безъ конца двигались онѣ въ уродливыхъ длинныхъ саняхъ, не пугала ее. Ко всему чутко прислушивалась она кругомъ, ко всему внимательно, сердцемъ приглядывалась. Этотъ сѣрый, будто неумытый людъ на

всѣхъ привалахъ окружалъ со всѣхъ сторонъ сани, изъ которыхъ она выходила или въ которыя садилась при отъѣздѣ, и всюду она видѣла на этихъ лицахъ, въ ихъ глазахъ—одно добродушіе и ласку. Однажды, уже подъ самой Москвой, на одной изъ станцій, въ ту минуту, когда она усаживалась въ неуклюжія сани, произошелъ простой, но памятный ей случай. Старая женщина, худая, вся обмотанная дырявою одеждой съ грязными клочьями, вдругъ выступила изъ окружавшей ихъ толпы, приблизилась къ ней и, бормоча на распѣвъ, какъ-то странно замотала надъ ней рукой. Принцесса-мать перепугалась, боясь колдовства, но ей объяснили, что женщина, узнавъ, кто такая проѣзжая, и желая ей добраго пути, перекрестила ее три раза. Долго помнила дѣвушка эту старуху, ея добрые глаза, ея добрую, нѣвучую рѣчь, и долго жалѣла, что не могла понять словъ.

И, наконецъ, однажды, какъ въ одной сказкѣ, онѣ остановились у красиваго дворца среди лѣса. И здѣсь встрѣтили ее русская императрица и женихъ. И ей, ожидавшей увидѣть большой, веселый, красивый городъ, страннымъ показалась эта встрѣча среди лѣса, покуда не узнала она, что это Петровскій дворецъ, находящійся въ окрестностяхъ древней столицы.

Въ этотъ же первый день, послѣ безконечныхъ бесѣдъ, среди шумной, пестрой, многочисленной толпы придворныхъ, поздно вечеромъ, засыпая и едва чувствуя себя отъ усталости, она невольно повторяла мысленно то, что вынесла изъ этой встрѣчи:

— Какая она добрая! Какъ онъ дуренъ!

И ночью, проснувшись отъ какого-то шума въ сосѣдней комнатѣ, придя въ себя, она вдругъ вспомнила, что очутилась далеко отъ своей родины, далеко отъ милой площади съ брыжущимъ вѣчно фонтаномъ. Снова вспомнивъ о двухъ лицахъ, которыя встрѣтила она наканунѣ и съ которыми придется теперь вѣкъ свѣковать, она снова шепнула тоже самое:

— Да, она добрая.... Но какъ онъ дуренъ!!..

II.

Софія-Фредерика-Ангальтъ-Цербстъ съ матерью своей, принцессой Іоанной-Елизаветой, въѣхала въ Россію въ февралѣ 1744 года.

Первое время пребыванія въ чужой странѣ, среди чужой обстановки и рѣчей на неизвѣстномъ языкѣ, было трудное и гру-

стное для пятьнадцатилѣтней дѣвочки. Тѣмъ болѣе было мудрено ей, что мать родная была ей не въ помощь; напротивъ, дочь должна была постоянно выпутывать ее изъ всякаго рода затрудненій и неосторожныхъ поступковъ.

Елизавета Цербстъ всегда была пустой, мелочной и совершенно безтактной женщиной. Вдобавокъ, она была на столько же ограниченная женщина, на сколько самоувѣренная и упрямая. По пріѣздѣ въ Москву, благодаря ласковому обращенію съ ней императрицы и почтительному отношенію къ ней всего двора, у принцессы Елизаветы немного закружилась голова. Она вообразила себѣ, что, будучи матерью невѣсты наслѣдника престола, она призвана теперь играть вліятельную роль въ Россіи. На весь дворъ и все общество Елизавета стала смотрѣть свысока, сочтя себя нравственно и умственно выше всѣхъ этихъ варваровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она стала обращаться особенно любезно со всѣми представителями иностранныхъ державъ, завела съ ними тѣсныя отношенія и начала заниматься высшими политическими вопросами, т. е. интриговать, перепнсываться съ Фридрихомъ и, конечно, сплетничать. Съ дочерью она всегда обращалась рѣзко и деспотически, здѣсь же стала еще больше преслѣдовать ее за всякую мелочь. Не прошло мѣсяца, какъ всѣ отъ всей души любили молоденькую принцессу и ненавидѣли тоже отъ всей души ея мать.

Вскорѣ послѣ пріѣзда ихъ въ Москву, императрица отправилась говѣть къ Троицѣ; близкіе ей люди послѣдовали за ней, а дворецъ почти совершенно опустѣлъ, потому что оставленные при двухъ принцессахъ сановники и служители тотчасъ самовольно отлучились по своимъ дѣламъ или вотчинамъ. Принцесса-мать, ни слова не понимая по-русски, разъѣзжала по гостямъ на обѣды и вечера, разыгрывая великую особу, и просиживала цѣлые дни въ гостяхъ у людей, съ которыми не могла сказать ни слова, по незнанію ими ни французскаго, ни нѣмецкаго языка.

За это время принцесса Софія, вставая со свѣчкой до зари, садилась тотчасъ же за тетрадки и за книжки своего новаго учителя, Симона Тодорскаго, и учила уроки закона Божьяго и русскаго языка. Послѣ недостаточно отопляемаго зимою дома отца своего ей казалось особенно хорошо, тепло и даже жарко въ ея натопленныхъ комнатахъ. Поэтому она часто, съ утра до обѣда просиживая у себя одна одинехонька, позволяла себѣ не одѣваться и ходить босикомъ по полу.

Однажды утромъ она почувствовала себя дурно, а къ вечеру была уже въ постели и страшное воспаленіе въ боку продержало ее двадцать семь дней между жизнію и смертью. Собравшіеся русскіе доктора хотѣли было лѣчить принцессу, но мать ея объявила, что не позволитъ ничего ей дать, ничего сдѣлать, такъ какъ она убѣждена, что дочь ея непремѣнно уморятъ русской медициной.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, родной братъ принцессы Цербстской, будучи женихомъ Елизаветы Петровны, тогда еще цесаревны, заболѣлъ точно также вдругъ и скончался черезъ нѣсколько дней. Принцесса была убѣждена, что его тогда умышленно уморили русскіе доктора. Теперь она сѣла у постели больной дочери на стражѣ, ничего сама не предпринимала и другимъ не позволяла до нея дотрогиваться.

Императрицѣ дали знать въ Троицу и она тотчасъ прискакала. Принцессу Елизавету силкомъ отвели отъ постели, чуть не заперли въ другой горницѣ, и принялись лечить кровопусканіями опасно простудившуюся дѣвушку.

Быть можетъ, судьба послала эту болѣзнь на ея счастіе.

Въ первый же разъ, какъ больная пришла въ себя и сознательно оглянулась, у нея, по просьбѣ матери, спросили: не желаетъ ли она повидаться съ протестантскимъ пасторомъ и побесѣдовать. Молоденькая принцесса отвѣчала, что подобная бесѣда была бы ей очень пріятна, но что она желаетъ не пастора, а своего законоучителя, отца Тодорскаго.

Императрица за эти слова обняла больную, нѣжно расцѣловала ее. И этотъ отвѣтъ молоденькой чужеземки облетѣлъ скоро всю Москву и чуть не всю Россію.

Главное леченіе именно состояло, по обычаю, въ кровопусканіи. Когда пришлось въ четвертый или пятый разъ, по мнѣнію докторовъ, пускать кровь, то у больной спросили: не чувствуетъ ли она себя слишкомъ слабою и какое ея личное мнѣніе о новомъ кровопусканіи.

— Побольше, побольше выпускайте, улыбаясь, отвѣчала больная. — Выпустите ее всю! Вѣдь это нѣмецкая кровь. Я за то, поправясь, наживу здѣсь другую, та ужъ будетъ настоящая— русская.

И этотъ отвѣтъ снова привелъ въ восторгъ императрицу, дворъ и всю Москву, и все россійское дворянство. Многіе, жившіе вдали, по вотчинамъ, узнали это изъ писемъ родственниковъ и пріятелей.

Наконецъ, когда она уже выздоравливала, то около нея сажали разныхъ придворныхъ дамъ на дежурство и неотлучно у постели сидѣла одна изъ главныхъ болтушекъ и сплетницъ, Румянцова.

Принцесса взяла привычку лежать въ постели съ закрытыми глазами, а, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ хитрая дѣвушка умышленно притворялась спящей. И въ продолженіи многихъ дней, прислушиваясь къ шепоту и пересудамъ женщинъ, ее окружавшихъ, она узнала все, что только можно было узнать про императрицу, дворъ, придворныя партіи, интриги и всевозможныя семейныя исторіи. Когда принцесса выздоровѣла, то все и всѣ были ей такъ же знакомы, какъ если бы она уже годъ или болѣе жила въ Россіи. Она узнала, кто и что Разумовскіе, Шуваловы, Бестужевъ, Шетарди, Лестокъ и т. д. Между прочимъ, она узнала, что при дворѣ образовались двѣ партіи даже по поводу ея пріѣзда. Одна партія желала ея брака съ наслѣдникомъ престола, другая же изъ силъ выбивалась, чтобы женить Петра Ѳедоровича на саксонской принцессѣ Маріаннѣ. Во главѣ послѣдней былъ Бестужевъ. Принцесса узнала, что во время болѣзни, когда она была наиболѣе въ опасности, противная ей партія ликовала и, тайно отъ государыни, два курьера уже поскакали въ Саксонію. Если бы она умерла, то не только при дворѣ русскомъ многое пошло бы иначе, но даже въ европейскихъ дѣлахъ первой важности совершился бы извѣстный переворотъ, другіе союзы и разныя дипломатическія осложненія.

Лѣтомъ совершился въ Москвѣ, съ большой пышностью, переходъ въ православіе нареченной невѣсты, и принцесса Софія-Фредерика стала «благовѣрной великой княжной Екатериной Августовной». Спустя нѣкоторое время было совершено и торжественное обрученіе въ томъ же московскомъ Кремлѣ, и она стала именоваться Екатериной Алексѣевной.

Бракосочетаніе отлагалось до конца года, но въ ноябрѣ мѣсяцѣ великій князь заболѣлъ корью, затѣмъ немного поправился, но на пути изъ Москвы въ Петербургъ, въ Хотиловѣ, заболѣлъ снова самой сильной оспой. Болѣзнь его продолжалась долго и была на столько серьезна, что могла лишить императрицу наслѣдника престола.

Великую княжну, у которой не было оспы, не только не допустили къ жениху, но увезли поскорѣе въ Петербургъ. Когда, спустя пять мѣсяцевъ, она снова увидѣла своего нареченнаго, то невольно смутилась и затѣмъ, убѣжавъ къ себѣ въ горницу,

даже поплакала. Великій князь, который и прежде былъ некрасивъ, теперь, послѣ оспы, подурнѣлъ еще болѣе. Правда, онъ немножко выросъ или вытянулся, но при этомъ еще болѣе похудѣлъ; лицо его распухло, скулы выпятились, глаза казались еще меньше и обѣ щеки были покрыты сине-багровыми пятнами и бороздками.

Однако двадцать перваго августа совершилось бракосочетаніе и десять дней праздновалъ Петербургъ это событіе.

Первые дни послѣ брака великій князь почти-что не видалъ въ глаза молодой жены, ибо иныя два событія въ его жизни были для него гораздо важнѣе. Отъ него, наконецъ, взяли ненавистнаго воспитателя, деспота Брюммера, и, кромѣ того, позволили ему носить всякій мундиръ, какой бы онъ ни пожелалъ. Поэтому молодой человѣкъ на радостяхъ по десяти разъ на день переодѣвался въ разные мундиры, а съ другой стороны, свободный совершенно, въ своихъ горницахъ, гдѣ властвовалъ до тѣхъ поръ Брюммеръ, тотчасъ завелъ свору собакъ и проводилъ время съ бичемъ въ рукѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, черезъ недѣлю послѣ брака, молодая женщина, найдя мужа грустнымъ, внезапно услыхала отъ него искреннюю исповѣдь, что онъ безъ памяти влюбленъ давно въ фрейлину Каръ. Затѣмъ еще черезъ нѣсколько времени великій князь снова опасно заболѣлъ и пролежалъ цѣлую осень въ постели.

Со дня своего брака до минуты смерти императрицы, шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, достигшая тридцати четырехъ лѣтъ, за всю эту жизнь могла упомнить только три особенно крупныя и выдающіяся событія. Отъѣздъ или лучше сказать изгнаніе ея матери изъ Россіи было первымъ событіемъ для нея. Принцесса неосторожно завела при дворѣ русскомъ цѣлую интригу и даже дошла до того, что стала тайно сноситься съ иностранными кабинетами, усердно озабочиваясь судьбою россійскаго государства. Екатерина Алексѣевна поплакала, конечно, при отъѣздѣ матери, но не особенно.... Она не знала, что болѣе никогда за всю свою жизнь не увидитъ ее, а что когда сдѣлается императрицей, то сама не пожелаетъ и не дозволитъ ей пріѣхать въ Россію. Второе событіе было паденіе и ссылка знаменитаго Бестужева и если великая княгиня не пострадала тоже серьезнымъ образомъ, то благодаря тому, что успѣла сжечь все, что было у нея бумагъ и писемъ. Разумѣется, все дѣло было крайне невиннаго свойства. Третье событіе ея жизни было рожденіе ре-

бенка, чрезъ девять лѣтъ послѣ брака. Императрица стала гораздо ласковѣе съ матерью и нянчилась съ внучкомъ, за то великій князь насмѣшливо и презрительно улыбался на эти семейныя нѣжности и только изрѣдка спрашивалъ:

— Что вашъ сынъ?

Вся жизнь въ продолженіи восемнадцати лѣтъ прошла въ постоянныхъ переѣздахъ и странствованіяхъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Кіевъ и т. д. Но благодаря этимъ странствованіямъ и скитаніямъ, которыя все болѣе учащались къ концу царствованія, великая княгиня могла приглядѣться, присмотрѣться, прислушаться, могла стать лицомъ къ лицу съ невѣдомой громадной страною и невѣдомымъ народомъ. Часто въ бесѣдахъ съ ней англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ бралъ сюжетомъ своихъ шутокъ того, кого онъ называлъ «*любопытный незнакомецъ*». Подъ этимъ прозвищемъ острякъ-англичанинъ разумѣлъ русскій народъ. И во истину это былъ «magnum ignotum» для Петербурга и для всѣхъ правительствъ, смѣнявшихся послѣ Петра Великаго. На берегахъ Невы онъ былъ «великое неизвѣстное» также, какъ на берегахъ Сены и Темзы или Дуная.

Дѣйствительно, гдѣ-то на краю свѣта, на какихъ-то болотахъ, тамъ, гдѣ русскому міру конецъ, а начало чухнѣ, цѣлыхъ полста лѣтъ и болѣе, разные драгуны, пандуры и гренадеры вершатъ диковинныя дѣла, представляютъ чудеса въ рѣшетѣ, но чудеса эти чужды, даже будто нисколько не любопытны никому за предѣлами рогатокъ и заставъ петербургскихъ. Вельможи и сановники, и русскіе, и чужеземцы, полстолѣтія борятся между собой, падаютъ и подымаются, кладутъ головы на плахи, угоняются въ Пелымь, въ Березовъ, въ Рогервикъ.... Каждый разъ измѣняется декорація, но комедія повторяется все та же и та же.... А этотъ magnum ignotum живетъ самъ по себѣ, даже не прислушивается. Его хата съ краю! Онъ живетъ голодно и холодно, но богобоязненно и долготерпѣливо, и возлагаетъ все упованіе свое не на питерскихъ нѣмцевъ и полунѣмцевъ, а на Господа Бога и на святыхъ угодниковъ.

III.

Государь Петръ Ѳедоровичъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, объявилъ о своемъ желаніи непремѣнно какъ можно скорѣй переходить въ новый дворецъ.

Пышные похороны покойной государыни со всякаго рода церемоніями продолжались страшно долго.

Петербургъ, дворъ и общество раздѣлились тотчасъ на два лагеря даже по поводу этихъ церемоній.

Одни, съ новой императрицей Екатериной Алексѣевной во главѣ, проводили время въ хлопотахъ по поводу похоронъ, присутствовали на всѣхъ церемоніяхъ и на всѣхъ панихидахъ. За эти дни ярко отмѣтился лагерь «Лизаветинцевъ». Другая партія, въ которой было немного русскихъ вельможъ, въ числѣ прочихъ и канцлеръ Воронцовъ, получила въ устахъ народа и даже гвардіи названіе «Голштинцевъ». Всѣ они почти никогда не бывали на панихидахъ и большая часть изъ нихъ занималась или разъѣздами верхомъ по столицѣ въ свитѣ государя, или заказомъ новыхъ безчисленныхъ и все мѣнявшихся мундировъ. Нѣкоторые же исключительно хлопотали объ отдѣлкѣ новаго дворца.

Весь великій постъ работы въ огромномъ зданіи шли быстро, болѣе тысячи всякихъ подрядчиковъ и рабочихъ наполняли этотъ дворецъ въ полномъ смыслѣ отъ зари до зари. Къ концу великаго поста все было готово и всѣмъ было извѣстно, что пріемъ въ Свѣтлый Праздникъ будетъ непремѣнно въ новомъ дворцѣ. Но о главной помѣхѣ для этого перехода въ новый дворецъ никто не подумалъ.

Дворецъ строился нѣсколько лѣтъ на громадномъ пустомъ пространствѣ, незастроенномъ ничѣмъ, которое простиралось отъ стараго дворца у Полицейскаго моста до берега Невы, а въ длину отъ Милліонной до самой Галерной улицы. Когда-то при началѣ постройки это былъ обширный, великолѣпный зеленый лугъ, на которомъ постоянно паслись коровы и лошади дворцоваго вѣдомства. Покуда дворецъ строился, все это огромное пространство понемножку покрывалось безчисленнымъ количествомъ разнаго рода домиковъ, хижинъ, шалашей, избушекъ, балагановъ и сараевъ для обдѣлки всякаго рода матеріаловъ и для житья рабочихъ. Постепенно этихъ построекъ набралось, конечно, болѣе сотни. Кромѣ того, годами набирались громадныя кучи всякаго мусора, бревенъ, глины, щепы и щебня.

Видъ этого пустаго пространства между двумя дворцами, старымъ и новымъ, былъ хотя крайне непригляденъ, но крайне оригиналенъ. Это было сплошное сѣро-грязное пространство, на которомъ кое-гдѣ высились самыя нелѣпыя постройки на скорую руку, а около нихъ громадныя кучи всякаго сора. Въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ кучи щепы или щебня были на столько велики, что превышали крыши сарайчиковъ и хижинъ.

Когда въ новомъ дворцѣ развѣшивались уже послѣднія картины и занавѣсы и вносилась всякая мебель, одинъ изъ нѣмцевъ придворныхъ, Будбергъ, первый спросилъ у полицмейстера Корфа:

— А какъ же будетъ и какъ состоится пріемъ во дворцѣ, когда нельзя пройти, а тѣмъ менѣе проѣхать къ этому дворцу, ни откуда?

Корфъ, отличавшійся нѣкоторою тугостью разума, треснулъ себя по лбу и онѣмѣлъ отъ сюрприза.

Оставалась одна страстная недѣля, очистить же весь этотъ лугъ возможно было только въ мѣсяцъ времени, да и то при затратѣ большихъ суммъ для найма лошадей и народа. И Корфъ, надумавшись, поскакалъ къ Фленсбургу и объяснилъ ему ужасное событіе.

Фленсбургъ, знавшій хорошо, какъ и всякій въ Петербургѣ, на сколько упрямо желаетъ государь быть въ Свѣтлый Праздникъ въ новомъ дворцѣ, даже ротъ разинулъ и руками развелъ.

— Какъ же вы объ этомъ не подумали? воскликнулъ онъ.

Корфъ тоже развелъ руками, какъ бы говоря: что же прикажете дѣлать! Но въ то же время онъ думалъ:

«А отчего же вы-то всѣ объ этомъ не подумали? Отчего же мнѣ надо было думать, когда вамъ никому и на умъ не пришло?»

Но однако Корфъ понималъ, что отвѣчать все-таки придется ему, какъ полицмейстеру.

— Бога ради доложите принцу, спросите что тутъ дѣлать.

— Да что же онъ можетъ тутъ? спросилъ Фленсбургъ.

— Доложите, я ужъ и не знаю, а все же доложить надо.

— Государь вчера говорилъ, замѣтилъ Фленсбургъ, что онъ въ среду или четвергъ уже перейдетъ. А вы въ одну недѣлю не успѣете очистить все.

— Какъ въ недѣлю! Въ мѣсяцъ, въ полтора не успѣешь! воскликнулъ полицмейстеръ.

Фленсбургъ, глядя въ смущенное, почти перепуганное лицо генерала-полицмейстера, думалъ по-нѣмецки:

«Ну, казусъ. Что теперь будетъ вамъ всѣмъ отъ государя?»

Когда адъютантъ доложилъ принцу о новости, Жоржъ тоже ахнулъ и привскочилъ на своемъ креслѣ.

— Пускай ѣдетъ самъ и докладываетъ государю, рѣшилъ принцъ.

Фленсбургъ передалъ приказаніе принца, но генералъ-полицмейстеръ былъ не промахъ. Онъ обѣщалъ адъютанту на утро доложить государю обо всемъ, но въ тотъ же вечеръ вдругъ опасно захворалъ, даже слегъ въ постель. Лежачаго не бьютъ! надѣялся онъ. Больнаго скорѣе помилуютъ.

Пришлось принцу Жоржу взять дѣло на себя. Все-таки онъ не захотѣлъ, чтобы на него прямо обрушился гнѣвъ государя въ дѣлѣ, въ которомъ онъ былъ неповиненъ. Принцъ отправился къ фавориту.

Гудовичъ при извѣстіи вскрикнулъ еще громче другихъ и, не смотря на свою тучность и лѣнь, вскочилъ и началъ ходить по горницѣ. Всякаго рода ругательства посыпались на полицмейстера Корфа и на всѣхъ негодяевъ «Лизаветинцевъ», хотя Гудовичъ зналъ, что они тутъ ничѣмъ не виноваты.

Не ближе какъ вечеромъ, Гудовичъ отправился къ Воронцовой, прося ее доложить государю, что переѣзжать во дворецъ невозможно, ибо о площади забыли и ранѣе мѣсяца она очищена быть не можетъ.

И въ тотъ же день, но далеко за полночь, когда государь послѣ сытнаго ужина собирался спать, Воронцова, все отлагавшая минуту объявить ужасную новость, вдругъ какъ-то бухнула ее. И всѣ предугадывали вѣрно. Государь пришелъ вдругъ въ такое состояніе, что, не смотря на третій часъ ночи, поднялъ на ноги весь дворецъ. Казалось, буря съ вихремъ и градомъ прошла по всѣмъ горницамъ и корридорамъ.

Государь былъ человѣкъ добродушный, еще никого не обидѣвшій за трехъ-мѣсячное свое царствованіе, но тѣмъ не менѣе всѣ и все боялись его и трепетали. Видно—дворянская кровь придворныхъ, дворцовыхъ слугъ и прихлѣбателей, исподволь и давно обратилась въ рабскую и всякій привыкъ трепетать, иногда самъ не зная зачѣмъ и отчего.

И среди ночи были вытребованы во дворецъ и Корфъ, и всѣ петербургскія власти, за исключеніемъ принца. Государь объявилъ, чтобы за ночь всѣ градовластители сообща придумали что-нибудь и чтобы площадь была очищена въ три дня.

Полу-нѣмцы, полу-русскіе, генералы, полковники, тайные и статскіе совѣтники хотя и усердно ломали свои давно на службѣ опорожненныя головы, но ничего не придумали. И самъ полиц-

мейстеръ Корфъ и всякаго рода власти, даже нѣкоторые сенаторы ѣздили верхомъ и ходили пѣшкомъ, на громадное пространство, все сплошь покрытое мусоромъ и застроенное всякими сараями и балаганами. И, разумѣется, всякій изъ нихъ, вспоминая, что государь приказалъ въ три дня все это очистить, разводилъ руками, а иногда даже и присѣдалъ,—движеніе, краснорѣчиво говорящее:

— Вотъ и поздравляю! Что жъ тутъ дѣлать?

Дѣйствительно, снести все это возможно было при правильномъ и усердномъ трудѣ, только въ три недѣли или мѣсяцъ, но уже никакъ не менѣе.

Полицмейстеръ Корфъ быстро, по приказу государя, выздоровѣвшій въ прошлую ночь, теперь отъ ужаса и боязни заболѣлъ уже дѣйствительно, не дипломатически.

IV.

Но матушка святая Русь всегда нарождала избавителей или Богъ земли русской въ злосчастныя минуты всегда ихъ посылалъ ей. Не одинъ Мининъ въ урочный часъ являлся на Руси и спасалъ ее единымъ могучимъ взмахомъ души и длани.

И въ эти дни, тяжелые и грозные для Петербурга, когда все высшее сословіе столицы, поджавъ хвостъ, сидѣло по домамъ, не смѣя высунуть носа и боясь навлечь на себя немилость разгнѣваннаго императора, явился новый Мининъ. Хотя на маленькое дѣло народился онъ, но все-таки на такое, о которомъ напрасно и тщетно ломали себѣ головы всѣ правители и властители.

Жилъ да былъ въ оны дни въ Петербургѣ, близь Охты, русскій мужикъ, происхожденіемъ костромичъ, по ремеслу плотникъ, годами для россійскаго и православнаго человѣка не старъ и не молодъ, всего-то полъ-столѣтья съ хвостикомъ.

Чуть не съ семи-лѣтняго возраста у себя на деревнѣ, орудовалъ онъ топорикомъ. Добраго и усерднаго парнишку взялъ съ собой въ Петербургъ на заработки его дядя и ласково называлъ «Сеня». И всѣ звали его Сеней, никогда никто ни разу не назвалъ его Сенькой; такое ужъ было у него лицо, что Сенька къ этому лицу было именемъ неподходящимъ.

Изъ года въ годъ съ топоромъ въ рукѣ много дѣловъ надѣлалъ Сеня. Былъ у него только одинъ этотъ «штрументъ», но онъ могъ имъ все сдѣлать. И балки имъ рубилъ онъ, и всякія

хитрыя, замысловатыя штуки вырубалъ, для которыхъ нѣмцу нужны три дюжины всякихъ инструментовъ. Много украшеній всякаго рода было на домахъ петербургскихъ, на которыхъ Сеня, проходя, глядѣлъ съ кроткой радостью. Остановясь каждый разъ, онъ, спихнувъ шапку на лобъ, почесывалъ за затылкомъ и ухмылялся, глядя на свою работу.

— Моя! думалъ онъ, а иногда и говорилъ это первому прохожему.

Теперь, переваливъ на вторую полсотню годовъ, Сеня былъ тотъ же искусный и усердный плотникъ, все такъ же орудовавшій топорикомъ; лицо его было то же свѣжое, моложавое, ни единаго сѣдаго волоса ни въ головѣ, ни въ окладистой бородѣ; сила все та же, такъ что молодыхъ рабочихъ за поясъ заткнетъ; искусство все то же. Бухаетъ онъ съ плеча по большей балкѣ и ухаетъ при этомъ, выпуская такое количество воздуха изъ груди, что иному нѣмцу, въ родѣ принца Жоржа, этого воздуха на всю бы жизнь хватило. Или тихонько, ласково, будто нѣжно чикаетъ онъ большущимъ топоромъ по маленькому куску липы или ясеня и выходитъ у него мальчуганъ съ крылышками, или лира, или рогъ изобилія, или какая иная фигура, не имъ, а нѣмцемъ выдуманная, и которую теперь господа стали наклеивать на фасады домовъ.

Сеня тоже въ числѣ прочихъ работалъ во дворцѣ въ качествѣ простаго поденщика. Иные въ двадцать лѣтъ выходятъ въ хозяева и подрядчики, а Сеня, хоть тысячу лѣтъ проживи на свѣтѣ, все будетъ подначальнымъ батракомъ.

Наступили великіе дни страстей Господнихъ, когда весь православный людъ на пространствѣ четверти всего земнаго шара, павъ ницъ, молился во храмахъ, каялся во грѣхахъ и причащался святыхъ тайнъ Христовыхъ. Съ тайною, непонятною сладостью на душѣ и съ чистою совѣстью ожидалъ всякій встрѣтить великій праздникъ Христовъ. Въ эти самые дни въ полурусской столицѣ, на окраинѣ громадной земли православной, все, что было властнаго, высокаго и чиновнаго въ Питерѣ, вся эта взмытая пѣна великаго русскаго моря житейскаго, т. е. все придворное сословіе, переживало тоже дни—скорби и печали. Когда во храмахъ по всей Руси колѣно-преклоненные священники восклицали надъ колѣнопреклоненнымъ же народомъ: «Господи, Владыко живота моего!», здѣсь, въ пышныхъ домахъ и полу-дворцахъ столицы, весь людъ

важный и сановитый, прозванный народомъ «Голштинцами», воскликалъ тоже:

— Господи, площадь-то, площадь!

— Имъ-то, чертъ съ ней, да что изъ-за нея, имъ же будетъ!!.

Во вторникъ на страстной недѣлѣ, Корфъ, похудѣвшій въ болѣзни, съ распухшимъ даже отъ горя носомъ, объѣзжалъ на худой, заморенной лошади, быть можетъ, въ сотый разъ громадную площадь, сплошь покрытую всякою всячиной. Онъ столько горевалъ и думалъ, что уже не зналъ, гдѣ теперь помѣщается его голова: на плечахъ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ? И пріятели, и знакомые, и многіе вельможи, всѣ размышляли. И послѣ своего размышленія всѣ только разводили руками и произносили такія слова, которыя теперь Корфъ безъ остервѣненія слышать не могъ.

— Да какъ же вы прежде-то объ этомъ не подумали?!..

Среди всего пространства была одна громадная куча щепы, по которой можно было почти пересчитать сколько лѣтъ строился дворецъ, такъ какъ всѣ пласты этой пирамиды не египетской, а россійской, были разнаго цвѣта, отъ самаго чернаго, сгнившаго давно, до самаго свѣжаго пласта, набросаннаго за послѣдніе дни. Объѣхавъ эту пирамиду, Корфъ встрѣтилъ прусскаго посланника, барона Гольца, тоже пріѣхавшаго ради любопытства и верхомъ пробиравшагося по тропинкамъ, которыя проложили рабочіе.

Послѣ привѣтствій завязался разговоръ все о томъ же. Уменъ и ловокъ былъ пруссакъ Гольцъ, не даромъ любимецъ Фридриха, посланный въ Петербургъ завладѣть черезъ императора всей имперіей русской. Но и онъ не утѣшилъ Корфа, и не нашелъ спасенія.

Во время ихъ бесѣды присоединился къ нимъ всадникъ, тоже «Голштинецъ», хотя это былъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, генералъ-прокуроръ и фельдмаршалъ. Такъ какъ онъ ни слова не говорилъ по-нѣмецки, то бесѣда зашла съ Корфомъ по-русски и тотчасъ завязался споръ, сколько понадобится времени для очистки площади, сколько денегъ, сколько рабочихъ и сколько труда. Трубецкой сталъ доказывать, что если бы ему дали денегъ на это дѣло, онъ бы его въ три недѣли покончилъ.

А народъ кругомъ все прибавлялся, все налѣзалъ и вдругъ три всадника очутились среди густой толпы праздныхъ рабочихъ и всякихъ прохожихъ зѣвакъ.

И Богъ земли русской послалъ сюда въ эту минуту..... такъ, пошататься, безъ дѣла—новаго Минина—Сеню.

Сеня никогда выскочкой не былъ, впередъ не лѣзъ и особливо ревностно соблюдалъ святое правило: отъ начальства держаться елико возможно подальше.

— Чѣмъ ты отъ него далѣй, передано было Сенѣ отцомъ изъ рода въ родъ завѣщанное правило,—тѣмъ будетъ тебѣ спасительнѣе и здоровѣе.

Сеня, завидя вельможъ, сталъ тоже поодаль, но прибывавшая толпа все пихала, да пихала его сзади и понемножку надвинула подъ самый хвостъ лошади генералъ-полицмейстера. И такъ близко, что не ровенъ часъ, помилуй Богъ, задомъ она его хлобыстнетъ. Но Сеня забылъ про эту опасность, да и кляча показалась ему тоща, гдѣ ей брыкаться; его ужъ очень бесѣда генеральская захватила.

Слушаетъ онъ и ничего сообразить не можетъ, и потому собственно, что все понялъ. Кабы онъ не понялъ—другое дѣло, а то, все, что Корфъ и Трубецкой говорятъ другъ дружкѣ, онъ, до единаго слова, понялъ и разсудилъ. И поэтому сообразить ничего не можетъ.

Такіе важные генералы да про такое пустое дѣло толкуютъ: какъ площадь очистить по приказу государя въ три дня. И сказываютъ они, что государь-батюшка отъ нихъ требуетъ дѣлъ совсѣмъ невозможныхъ. И такъ захватила Сеню эта бесѣда генеральская, что онъ даже сопѣть началъ въ хвостъ лошади. Хочется ему смерть свое слово молвить, да страшно, боязно; ну, какъ его прикажутъ поучить малость.

И началъ Сеня все тяжелѣе и тяжелѣе дышать. Слово, что хочется ему молвить, такъ ему грудь и распираетъ.

Вотъ полицмейстеръ ужъ двинулъ свою лошаденку и вскрикнулъ на толпу:

— Чего налѣзли! Ироды!

Сеня не вытерпѣлъ, снялъ шапку и вымолвилъ съ трепетомъ на сердцѣ:

— Ваше превосходительство! И какъ бы эту самую площадь въ одинъ день обчистить, ей-Богу. Съ утреничка взямшись, къ вечеру то-ись чисто бы было.

Корфъ, фельдмаршалъ Трубецкой и Фридриховскій посолъ Гольцъ, всѣ трое обернулись на ласковое, добродушное лицо мужика.

— Чего? выговорилъ Корфъ,—что ты болтаешь? Какъ же ты это сдѣлаешь? Что ты врешь! Дуракъ! Ты болванъ! Болтаешь всякій вздоръ. Дубина! Пошелъ!

Все это выговорилъ Корфъ такъ сердито, что видно было, какъ онъ на всякомъ срывалъ свою печаль и гнѣвъ государя.

— А вотъ, ваше превосходительство, я, конечно, малый человѣкъ. А вотъ коли мнѣ его царское величество приказъ такой бы далъ, очистить самую эту площадь, чтобы вотъ къ вечеру на ней не было ни одной щепочки или кирпичика, такъ я бы вотъ это сдѣлалъ....

— Что? вымолвилъ Корфъ.

— Ну, ну? вымолвилъ Трубецкой.

Только Гольцъ ни слова не вымолвилъ, потому что не понималъ по-русски. Даже столпившіеся и налѣзавшіе кругомъ зѣваки, забывъ присутствіе важныхъ сановниковъ, тоже робко отозвались:

— Ну, ну, сказывай, лѣшій.

— А вотъ, значитъ, что. Извѣстно, приказъ государя—это первое дѣло. Я скажи, ну ничего, стало быть, не будетъ, а то еще выпорятъ. А царь-батюшка не есть какой, ваше превосходительство, вельможа, у котораго деньгамъ все-таки счетъ есть и какъ ни богатъ, а все жъ деньгамъ конецъ можетъ быть. А государь совсѣмъ ино дѣло. Ну, вотъ, стало быть, нехай все это пропадаетъ: и балаганы, и сараи, и кирпичи, и все.... Царь-государь отъ этого бѣднѣе не будетъ, а народъ стало-быть побагаче будетъ, а царю не въ убытокъ. Вотъ, что я собственно вамъ доложить хотѣлъ.

Корфъ слушалъ всѣмъ своимъ существомъ, ему будто чуялось, что Провидѣніе посылаетъ Минина. Но вдругъ увидя, что мужикъ, ничего не сказавъ, кончилъ, Корфъ даже разсвирѣпѣлъ и началъ ругаться.

— А вотъ что, заговорилъ опять Сеня, далъ бы такой приказъ государь по всей столицѣ: иди, братцы-ребята, на площадь, тащи что кому вздумается, я позволилъ. И по совѣсти доложу я вамъ, ваше превосходительство, что въ три часа ничего то-исъ тутъ не останется. Ей-Богу, вѣрьте слову! И какъ это, къ примѣру сказать, питерцы-то, весь нашъ братъ, простой человѣкъ, какъ прибѣжитъ сюда, да начнетъ тащить кто что ухватитъ поспѣлъ, такъ ахнуть не успѣешь, какъ будетъ все чисто. Вѣдомо вамъ: воръ споръ!

Предложеніе это показалось, разумѣется, Корфу и Трубецкому, а затѣмъ переведенное Гольцу, на столько нелѣпымъ и глупымъ, что генералы, пожавъ плечами, поѣхали по домамъ.

Но всякая дѣйствительно великая истина всегда кажется нелѣпостью при своемъ зарожденіи. И Козьму Минина въ первую минуту навѣрное принялъ народъ за суеслова и болтуна во хмѣлю, и Сеню приняли теперь за дурня, что любитъ зря языкомъ чесать, да еще важнымъ господамъ.

Но затѣмъ цѣлый день работала голова Корфа и хотя была плохой почвой для всякаго сѣмени и для созрѣнія всякаго плода, однако и она къ вечеру стала, хотя еще смутно, понимать, что мужикъ на площади въ нѣкоторомъ родѣ Христоферъ Колумбъ или монахъ Шварцъ.

Продумавъ еще въ безсонной ночи о мужикѣ и его словахъ, Корфъ по-утру все сообщилъ всѣмъ, кому только могъ. По мѣрѣ того, что онъ разсказывалъ, во всѣхъ головахъ всѣхъ слушателей и въ его собственной головѣ все болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что выдумка мужика диво дивное. Послѣ полудня генералъ-полицмейстеръ уже смѣло приписывалъ выдумку себѣ самому, а въ сумерки, увѣренный въ силѣ своего открытія, скакалъ къ государю доложить о дѣлѣ смѣло и бойко. Корфъ предложилъ государю оповѣстить всѣхъ обывателей столицы, указомъ его величества, что все находящееся на площади отдается въ подарокъ всѣмъ и каждому, кто только пожелаетъ придти и взять. Государь ахнулъ, захлопалъ въ ладоши, потомъ похлопалъ Корфа по плечу и чуть не поцѣловалъ.

— Молодецъ! Поѣзжай! Приказывай!

V.

Въ великій четвергъ, чуть свѣтъ, нѣсколько кучекъ народа собрались на площади, появилось и нѣсколько обывательскихъ телѣгъ. Кое-кто и кое-гдѣ наваливалъ себѣ или просто набиралъ въ охапку что кому приглянулось. Но работа эта шла какъ-то вяло и нерѣшительно. Каждый думалъ:

— А ну какъ, вдругъ, ахнетъ на тебя кто изъ начальства, да по мордѣ, или хуже того, по чемъ попало!... Да въ отвѣтъ пойдешь за самоуправство! Сказывалъ буточникъ—указано.... Да не ровенъ часъ!...

Но около полудня сотни, а наконецъ и тысячи обывателей, видя и встрѣчая невозбранно идущихъ и ѣдущихъ съ площади со всякимъ добромъ, наконецъ, какъ будто уразумѣли вполнѣ въ чемъ дѣло. И вдругъ темная гудящая туча наплыла и покрыла

все пространство площади. Кто и зря забрелъ—тащить началъ. И странный видъ приняла эта площадь. Словно гигантская муравьиная куча, закопошилась она и гудѣла на всемъ пространствѣ. Крики, вопли, драка, сумятица и безнорядица огласили столицу.

Корфъ пріѣхалъ было верхомъ поглядѣть, какъ успѣшно идетъ очистка площади, но не могъ сдѣлать и сотни шаговъ среди плотной массы расходившейся черни. На этотъ разъ съ полицмейстеромъ были его два адъютанта верхомъ. Они кричали на народъ, старались очистить начальнику проѣздъ въ центръ этого кишащаго муравейника, но народъ, будто опьяненный грабежемъ и дракой, уже не слушалъ никого и не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Корфъ сталъ было кричать на одного мѣщанина, который увозилъ цѣлый возъ досокъ и лѣзъ прямо на него. Но мѣщанинъ, не знавшій полицмейстера, съ раскраснѣвшимся лицомъ, блестящими отъ работы и устали глазами, крикнулъ на всю площадь:

— Уходи съ дороги! А то по царёву указу и тебя съ лошадки сниму, да на возъ.

И онъ прибавилъ, уже хохоча во все горло, нѣсколько не идущихъ къ дѣлу, но любимыхъ словъ.

Наконецъ, и многіе пѣшіе, тащившіе все, что имъ попадало подъ руку, начали кричать на Корфа и его адъютантовъ:

— Уйди!... Что стали на дорогѣ?!... Чего мѣшаетесь!... Ай поживиться пріѣхали, стыдно-ста, господа офицеры.

Многіе изъ нихъ, конечно, не знали Корфа въ лицо, но тѣ, которые знали, не ломали шапки, потому что не до того. И только одинъ пожилой мастеровой крикнулъ полицмейстеру:

— Уѣзжай, родимый, отседова,—зашибутъ ненарокомъ. Вишь какой содомъ!

Почти на серединѣ площади, на крышѣ небольшаго сарайчика, еще несломаннаго, стоялъ руки въ боки, съ шапкой на затылкѣ, самъ великій изобрѣтатель, открывшій великую истину, самъ плотникъ Сеня!

Когда до него утромъ дошли слухи, что государь приказалъ подарить все на площади находящееся петербургскимъ обывателямъ и позволилъ разграбленіе, то Сеня вымолвилъ:

— Во какъ, славно! Вѣстимо, такъ и надо. Инако ничего не подѣлаешь.

Но Сенѣ и на умъ не пришло, что онъ подалъ мысль, которая понравилась государю.

Съ каждымъ часомъ толпа все болѣе и болѣе прибывала на площадь и она начинала уже нѣсколько уравниваться. Безчисленные возы тянулись вереницами во всѣ концы города, и всякій везъ къ себѣ цѣлыя кучи добра, досокъ, кирпича, бревенъ.

Въ сумерки, въ самый разгаръ грабежа, вопли на площади отдавались въ городѣ, какъ отголосокъ страшной бури, и всѣ прилегающія къ площади улицы были запружены и соромъ, растерянным по дорогѣ, и сломанными телѣгами, и павшими отъ страшной тяжести лошадьми. Въ эту минуту съ Милліонной выѣхалъ красивый экипажъ цугомъ и хотѣлъ было пробраться вдоль Мойки, чтобы объѣхать площадь. Но волны людскія залили со всѣхъ сторонъ карету и лошадей и, не смотря на крики кучера и форейтора, подвигаться было невозможно. Въ каретѣ были двое военныхъ. Одинъ изъ нихъ, въ великолѣпномъ мундирѣ съ множествомъ орденовъ, былъ важный сановникъ. Горбоносый, съ маленькими злыми глазами, съ тонкими губами, слегка выдающимися впередъ, это былъ человѣкъ, все испытавшій въ жизни, переживший все, что можетъ дать жизнь. Онъ былъ конюхъ, онъ былъ и первый сановникъ въ государствѣ; на плечахъ его перебывали по очереди и самые блестящіе мундиры, и полуцарская мантія, подбитая горностаемъ, и кафтанъ ссыльно-каторжнаго. Въ этомъ самомъ Петербургѣ онъ былъ десять лѣтъ кровопійцей цѣлой громадной страны, и нѣсколько милліоновъ людей трепетали при одномъ его имени, считая его искренно изчадіемъ ада. И теперь, послѣ долгой двадцатилѣтней жизни въ изгнаніи, онъ снова появился въ этомъ городѣ.

Пріѣхавъ наканунѣ и отдохнувъ съ дороги, онъ въ сумерки съ адъютантомъ своимъ выѣхалъ изъ дома и прямо налетѣлъ на гудящую площадь и весь этотъ дикій садомъ.

Увидя передъ собой цѣлое волнующееся пестрое море людское, онъ вздрогнулъ и первое чувство, сказавшееся въ немъ, былъ не испугъ, а скорѣе злорадство. Ему почудилось, что здѣсь близъ дворца совершается нежданно нѣчто уже видѣнное имъ. Дѣйство народное!... Но зачѣмъ, почему, въ чью пользу? Неужели новому правительству грозитъ опасность?

Но злорадство перваго мгновенія тотчасъ же прошло. Онъ подумалъ о себѣ. Всякая перемѣна могла вернуть его снова въ ссылку, а теперь онъ только и мечталъ объ одномъ — скорѣе

выбраться изъ Россіи. Честолюбія въ немъ не было уже и помину; онъ мечталъ теперь о тихой, спокойной жизни послѣ длиннаго поприща насилій, преступленій, мести, жертвъ и крови....

Адъютантъ его, молодой человѣкъ, посланный къ нему на встрѣчу въ Ярославль, нѣмецъ родомъ, тоже перепугался въ первое мгновеніе. Онъ высунулся въ окно, глянулъ съ трепетомъ на надвигавшіяся черныя тучи народа, которыя все болѣе окружали экипажъ, и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Was ist das?

Сановникъ все оглядѣлъ и понялъ. Онъ какъ-то подобралъ тонкія губы, фыркнулъ и усмѣхнулся злобно.

— Was ist das? Russland! Россія! вымолвилъ онъ, шипя. Въ этой дикой землѣ всякое бываетъ. Злоба и глупость—вотъ два элемента, изъ которыхъ родилась Россія, два элемента, которые лежатъ въ основѣ всякаго русскаго человѣка. Если уменъ онъ, то негодяй и преступникъ, если же безупречный гражданинъ, то низкая и до глупости безобидная тварь.

И будто отвѣчая какой-то тайной мысли своей, онъ прибавилъ:

— Подальше, подальше изъ этой страны!... Скорѣе проѣхать границу, поскорѣе быть въ Европѣ!

Между тѣмъ, карета стояла, цугъ лошадей, заливаемый народомъ со всѣхъ сторонъ, нетерпѣливо прыгалъ на мѣстѣ. Ихъ часто зацѣпляли досками и бревнами и передняя пара начала уже бить.

И вдругъ въ этомъ человѣкѣ, который за мгновеніе назадъ смутился при видѣ волнующагося моря людскаго, сказался внезапно прежній пылъ. Прежній адскій огонь вспыхнулъ въ душѣ.

Онъ высунулся въ окно и крикнулъ кучеру стегать лошадей и ѣхать прямо на толпу, не разбирая ничего. Передній форейторъ пустилъ поводья, хлеснулъ подсѣдельную лошадь, кучеръ тоже ударилъ по своимъ, и кони, сильные и породистые, подхватили съ мѣста. Карета съ лошадьми, какъ адская машина, вонзилась въ густую толпу и сразу нѣсколько человѣкъ очутились подъ копытами и подъ колесами.

А сановникъ, весь высунувшись въ окно, задыхался и былъ пунцовый отъ дикаго чувства, клокотавшаго въ немъ. Казалось онъ наслаждается.... Но вдругъ раздался страшный ревъ. Десятки голосовъ вскрикнули въ разъ, десятки бревенъ, тучи каменьевъ, градомъ посыпались со всѣхъ сторонъ на карету, на лошадей. Большое бревно взмахнуло въ воздухѣ передъ лошадью

форейтора и лошадь, отъ сильнаго удара въ лобъ отуманенная, повалилась наземь. Другая рванула въ бокъ и запутала постромки. Еще мгновеніе и эта толпа, разносившая площадь, разнесла бы въ пухъ и прахъ и цугъ коней, и карету, и сидящихъ въ ней.

Но сановникъ быстро отворилъ дверку, выступилъ одной ногой на ступеньку и крикнулъ на толпу повелительнымъ голосомъ:

— Смирно! Не узнали! Забыли! Я герцогъ Бирон!... Бирон, хамы!

Въ мгновеніе толпа стихла и отхлынула отъ кареты. Имя это, каждаго еще въ колыбели заставлявшее трепетать, и тѣперь заставило почти безсознательно бросить то, что было въ рукахъ, и спасаться.... Старики и пожилые, признавшіе въ лицо страшное изчадіе адово, отшатнулись, творя молитву. Черезъ нѣсколько секундъ карета могла уже повернуться на освобожденномъ пространствѣ. И среди мертваго молчанія направилась она въ Милліонную, чтобы объѣздомъ достигнуть дворца принца.

VI.

Графиня Маргарита за послѣдніе дни разцвѣла, какъ пышная роза, и была еще красивѣе. За эти дни все ладилось у нея, все удавалось, все начинало сбываться.

Многіе знакомые пріѣзжали къ ней, даже тѣ, которые давно не бывали. Всѣ являлись съ распросами: правда ли, что она спасла Орловыхъ, когда никто не могъ этого сдѣлать? И если старый брюзга Іоаннъ Іоанновичъ захотѣлъ помириться съ внучкой ради личной выгоды, то тѣмъ болѣе посторонніе считали нужнымъ скорѣе подружиться съ графиней-иноземкой, которая оказалась вдругъ нечаянно и негаданно сильной при дворѣ личностью.

Никто не зналъ, какимъ образомъ удалось Маргаритѣ освободить изъ-подъ ареста и выхлопотать прощеніе братьямъ-буянамъ. Помимо Маргариты, только одинъ человѣкъ въ Петербургѣ зналъ, какъ это сдѣлалось, но никому не говорилъ. Маргарита тѣмъ паче никому не объясняла ничего, отшучивалась, посмѣивалась. Когда ей намекнули о городскомъ слухѣ, что она просила лично государя, Маргарита изумилась, но промолчала. А дѣло было очень просто.

Государь когда-то сказалъ дядѣ по поводу Орловыхъ:

— Дѣлай, какъ знаешь.

Жоржъ дѣлалъ все не такъ, какъ зналъ или хотѣлъ, а такъ, какъ зналъ или хотѣлъ его любимецъ Фленсбургъ.

А этотъ небогатый, честолюбивый шлезвигскій уроженецъ, столь долго проживавшій въ ссылкѣ послѣ своей первой страсти, за которую и былъ сосланъ, не встрѣтилъ за всю жизнь ни одной женщины, которую бы могъ снова полюбить. Да и не до того было ссыльному! Отъ зари до зари думалъ онъ только объ одномъ: неужели судьба его не измѣнится, неужели вмѣсто того, чтобы быть русскимъ Остерманомъ или Минихомъ, онъ умретъ ссыльнымъ нѣмцемъ въ маленькомъ городкѣ?

Вызванный недавно государемъ, прощенный и назначенный состоять при Жоржѣ, Фленсбургъ ожилъ. Честолюбивыя мечты вновь заговорили въ немъ и онъ видѣлъ, что нѣкоторыя уже сбываются. Онъ очутился сразу на пути къ блестящей карьерѣ. Уже теперь, хотя и случайно, дѣлается въ Петербургѣ черезъ глупаго Жоржа, вліяющаго на государя, все то, что хочется ему, Фленсбургу. Прибывшій вновь прусскій посланникъ, любимецъ Фридриха, Гольцъ, какъ тонкій дипломатъ, замѣтилъ и понялъ сразу значеніе маленькаго адъютанта не только во дворцѣ Жоржа, не только въ Петербургѣ, но и для всей Россіи. И онъ сталъ искать дружбы молодаго шлезвигскаго дворянина ради личныхъ цѣлей. Для посланца Фридриха II всякій былъ нуженъ.

Гольцъ не высказывался, держалъ себя сдержанно, почти таинственно, но не дремалъ и работалъ. Онъ плелъ громадную паутину, въ которую хотѣлъ захватить всю русскую имперію.

Вниманіе Гольца къ Фленсбургу было и лестно ему, и тоже имѣло огромное значеніе для него: оно удвоивало силу и вліяніе адъютанта.

А, между тѣмъ, судьба, любящая шутить и играть людьми, заставила этого Остермана, а, быть можетъ, и Бирона въ зародышѣ, быть въ свою очередь подъ вліяніемъ и почти совсѣмъ въ рукахъ у другаго существа.

Фленсбургъ, вздохнувшій свободно въ Петербургѣ послѣ изгнанія, естественно долженъ былъ тотчасъ же испытать то, что было немыслимо въ ссылкѣ. Вскорѣ же по пріѣздѣ своемъ, встрѣтивъ на одномъ вечерѣ блестящую красавицу-иноземку, графиню Скабронскую, заговорившую съ нимъ вдобавокъ по-нѣмецки,

Фленсбургъ быстро, какъ юноша, почти также, какъ и Шепелевъ страстно влюбился въ Маргариту.

Къ его чувству примѣшивался однако расчетъ или соображеніе, что эта иноземка, равно говорящая хорошо по-нѣмецки и по-русски, красавица, умная и тонкая кокетка, можетъ быть, великимъ подспорьемъ для всякаго человѣка, мечтающаго о блестящей карьерѣ.

Фленсбургъ узналъ, что мужъ красавицы долженъ умереть не нынѣ—завтра; состояніе графа Скабронскаго было никому неизвѣстно и всѣ считали умирающаго Кириллу Петровича такимъ же богачемъ, какъ и его старикъ дѣдъ. Все это состояніе должно было, конечно, остаться вдовѣ, да, кромѣ того, у старика Іоанна Іоанновича не было никого наслѣдниковъ, помимо той же красавицы внучки. И Фленсбургъ быстро и сердцемъ, и честолюбивымъ разсудкомъ влюбился въ эту красивую и умную иноземку.

Знакомство ихъ началось еще недавно, но Фленсбургъ энергично, упорно, дерзко ухаживалъ за ней. Они быстро сблизились и объяснились, но далѣе увѣреній въ любви Маргарита не давала ему сдѣлать ни шагу.

— Увидимъ! Посмотримъ, что мужъ? Онъ еще живъ! говорила она.

Мечтамъ Фленсбурга о будущей роли при дворѣ его будущей жены не было конца. Онъ зналъ, что государь неравнодушенъ къ красотѣ, что красивая, умная и ловкая женщина можетъ овладѣть имъ. И часто адъютантъ Жоржа мечталъ о томъ, какъ Петръ Ѳедоровичъ, безъ ума влюбленный въ Маргариту Фленсбургъ, передастъ мужу своей возлюбленной все, что было когда-то въ рукахъ Миниховъ, Бироновъ и Волынскихъ.

Дѣйствительно, все, о чемъ мечталъ Фленсбургъ, было очень и очень возможно въ будущемъ. Для этого нужна была смерть графа Кириллы, а онъ уже былъ при послѣднемъ издыханіи. Для этого нужна была любовь Маргариты, а она, по убѣжденію Фленсбурга, любила его нѣсколько холодно, разсудочно, но все-таки на столько, что согласилась бы, овдовѣвъ, выйти за него замужъ.

Государь уже разъ видѣлъ Маргариту, былъ пораженъ ея красотой, собирался приказать ее представить государынѣ и себѣ, но затѣмъ, вѣроятно, забылъ. Маргарита не имѣла права появляться при дворѣ, и теперь ей негдѣ было чаще видѣть государя.

Маргарита, съ своей стороны, не сомнѣвалась на счетъ Фленсбурга и его тайныхъ помысловъ. Она догадалась чуткимъ разумомъ кокетки и чуткимъ сердцемъ женщины. Фленсбургъ ей не очень нравился, но кокетничала она съ нимъ потому, что поняла также, какъ и Гольцъ, какое значеніе можетъ имѣть въ скоромъ времени этотъ адъютантъ принца Жоржа.

Но онъ былъ бѣденъ и разсчитывалъ на ея сотни тысячъ рублей, а у нея были только тысячи рублей долговъ. Маргарита знала, что въ самую рѣшительную минуту, когда она будетъ вдовой и свободна, Фленсбургъ, узнавъ о ея средствахъ, можетъ отказаться, а, между тѣмъ, она будетъ ужъ скомпрометирована въ глазахъ многихъ и особенно въ глазахъ дѣда. Въ своихъ мечтахъ и думахъ Маргарита приходила къ заключенію, что за Фленсбурга можно выйти замужъ только въ томъ случаѣ, если иное, болѣе великое не дастся ей, ускользнетъ изъ ея рукъ, какъ несбыточная мечта. Покуда кокетка не выпускала изъ своихъ рукъ и какъ кошка играла съ Фленсбургомъ, не отпуская отъ себя, чтобы не потерять совершенно, и не позволяя ничего, кромѣ клятвъ и увѣреній въ любви.

Когда старикъ дѣдъ примирился съ ней и просилъ покровительства за Орловыхъ, Маргаритѣ стоило, конечно, сказать только одно слово Фленсбургу и онъ въ полчаса времени безъ труда убѣдилъ Жоржа выпустить Орловыхъ и тотчасъ привезъ Маргаритѣ его приказъ объ освобожденіи братьевъ изъ-подъ ареста. Все это было дѣло одного вечера, но на этотъ разъ Фленсбургъ принесъ самую большую жертву своей возлюбленной. Онъ помогъ ей самъ спасти двухъ человѣкъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ. И за это онъ, передавая ей приказъ принца, потребовалъ вознагражденія, жертву за жертву.

Маргарита, въ восторгѣ отъ удачи, кокетливо, но и плутовато обѣщала все. Но когда Орловы были на свободѣ, когда она снова вернулась домой и стала думать о новыхъ отношеніяхъ, въ которыя ей приходилось стать съ Фленсбургомъ, то ея красивое личико нахмурилось. Цѣлый вечеръ неподвижно просидѣла она, облокотясь обоими локтями на маленькій столикъ, гдѣ лежали карты, бирюльки и шахматы.

Она спрашивала себя, любитъ ли она хоть немного этого шлезвигскаго дворянина, и въ глубинѣ сердца сказался отвѣтъ положительный и ясный:

— Нѣтъ.

И не въ первый разъ уже сердце отвѣчало ей: нѣтъ. До своего замужества она никого не любила, а мужа любила три мѣсяца.... и на особый ладъ. Душа ея была тутъ ни при чемъ.... Когда-то, до встрѣчи съ Скабронскимъ, она была продана теткой за деньги старому некрасивому магнату венгерцу. Черезъ годъ смерть избавила ее отъ него и она, получивъ по завѣщанію довольно большую сумму, быстро прожила ее, ведя въ Вѣнѣ жизнь самую безпечную, веселую, пустую, но не распущенную и не безнравственную. Она все любила: и карты, и верховую ѣзду, и охоту, и балы, и всякія зрѣлища; но при этомъ, она никого не любила, никого не встрѣчала, кого бы могла полюбить.

Молодой, полурусскій вельможа понравился ей слегка. Онъ явился въ ту минуту, когда Маргаритѣ захотѣлось пристроиться, выйти замужъ, имѣть деньги и титулъ. И она разочла, что графъ Скабронскій наиболѣе подходящая для этого личность. И его въ сущности она сначала старалась полюбить душою, но напрасно. Каковъ можетъ быть или долженъ быть тотъ человѣкъ, которому она отдастся и тѣломъ, и душою, Маргарита все еще не знала.... «Можетъ быть, такого и на свѣтѣ нѣтъ», думалось ей иногда и становилось даже грустно.

Теперь, когда она вспоминала о своей поѣздкѣ на ротный дворъ, объ эффектной передачѣ приказа принца, въ ея воображеніи мелькнула фигура юноши, почти ребенка. Онъ вдругъ явился въ ея воображеніи, какъ живой.

Когда она увидала въ воротахъ это молодое, чрезвычайно красивое, сине-окое лицо, изумленное, пораженное, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея кареты, она узнала сразу спасеннаго ею въ оврагѣ юношу. Но въ лицѣ, въ глазахъ его, на этотъ разъ, сказалось что-то, коснувшееся и ее самой. Страсть юноши, бурно бушевавшая въ немъ, огонь, вспыхнувшій въ немъ, видно заронилъ искру чего-то новаго, еще незнакомаго дотолѣ, въ сердце кокетки. Неужели же она способна полюбить этого полуребенка? Конечно, нѣтъ! Но въ немъ есть что-то, чего она не встрѣчала еще.

Такъ или иначе, но образъ этого юноши застилаетъ въ ея головѣ фигуру самодовольнаго Фленсбурга. Отъ этого юноши, отъ его страстнаго взора будто пахнуло на нее весной. Чистое, хорошее чувство шевельнулось теперь на глубинѣ ея сердца. Смерть мужа, овладѣніе дѣдомъ, игра съ Фленсбургомъ.... наконецъ, осуществленіе тайной, но почти невѣроятной мечты—

это все само по себѣ, это одна сторона жизни, житейская, мелкая, низкая.... А онъ, этотъ юноша,само собой.... Другая сторона жизни!.... Эта иная, полная, чудная чаша, до которой она еще не касалась губами, а, между тѣмъ, хотѣла бы выпить до дна!

VII.

Фленсбургъ, послѣ своей жертвы, принесенной для графини, былъ уже у нея два раза, но она не приняла его подъ предлогомъ болѣзни.

Маргарита хотѣла отсрочить объясненіе. Она раскаявалась теперь, что, увлекаясь желаніемъ похвастать передъ дѣдомъ своимъ значеніемъ, спасла совершенно постороннихъ людей и теперь очутилась въ тяжеломъ положеніи относительно Фленсбурга. Онъ, очевидно, являлся за уплатой долга.

Фленсбургъ, конечно, понялъ, что Маргарита не хвораетъ, и написалъ красавицѣ, что изъ крайней необходимости видѣться съ нею по важному дѣлу онъ убѣдительно проситъ принять его.

Маргарита, по неволѣ, отвѣчала согласіемъ, но въ ожиданіи его посѣщенія стала придумывать, какъ избавиться и отсрочить ихъ объясненіе. Она взяла стулъ и сѣла у окна, чтобы видѣть, когда Фленсбургъ подъѣдетъ. Еще ничего не успѣла она придумать, когда къ ней вошелъ, спустившійся сверху докторъ, лечившій мужа.

— Задержу его подолѣе у себя. При постороннемъ объясненіе невозможно, догадалась Маргарита и любезно встрѣтила доктора.

Докторъ Вурмъ, уже пожилой, лѣтъ пятидесяти, былъ еще человѣкъ бодрый и свѣжій, хотя съ сѣдой головой, но безъ единой морщинки на лицѣ, съ румянцемъ во всю щеку, а по движеніямъ казался еще совершенно молодымъ человѣкомъ. Правильная до педантизма жизнь при помощи медицины, которую онъ зналъ хорошо, позволила ему до пятидесяти лѣтъ сохранить свѣжесть силъ и наслаждаться какъ бы второю юностью.

Вурмъ пользовался извѣстностью и уваженіемъ въ столицѣ, не смотря на дѣйствительно незавидное положеніе всякаго доктора въ странѣ, гдѣ за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ скоморохи, знáхари и колдуны были во мнѣніи народа одного поля ягоды и довольствовались почти одинаковымъ общественнымъ положеніемъ. Вурмъ былъ первый докторъ, который въ Петер-

бургѣ поставилъ себя на равную ногу съ высшимъ обществомъ и придворнымъ кругомъ, и, конечно, онъ былъ вдесятеро образованнѣе и благовоспитаннѣе многихъ сановниковъ. Онъ лечилъ всю знать въ Петербургѣ, лечилъ и покойную императрицу. Нажитое состояніе позволило ему теперь имѣть такую обстановку, при которой онъ окончательно сравнялся со многими дворянами средней руки. Вурмъ, съ самаго пріѣзда Скабронскихъ въ Петербургъ, началъ лечить Кириллу Петровича, но въ то же время и ухаживалъ за красавицей Маргаритой.

— Ну, что же, докторъ? Какъ? выговорила Маргарита, понѣмецки, предлагая, быть можетъ, уже въ тысячный разъ этотъ вопросъ, касавшійся больного мужа.

Вурмъ давно зналъ, что этотъ вопросъ красавицы не значилъ: Что жъ, не лучше ли? а значилъ, напротивъ: Что жъ, хуже ли, наконецъ? И, какъ всегда, онъ пожалъ плечами, лукаво улыбаясь, и сталъ смотрѣть прямо въ глаза молодой женщины, очевидно любуясь ею.

— Что жъ вы молчите?

— Все тоже, графиня, еле дышетъ. Надо ждать.... скоро.

— Надо ждать! Да вѣдь вы мнѣ это ужъ цѣлую зиму повторяете. Ей-Богу, мнѣ уже....

И Маргарита запнулась и сердито отвернулась къ окну.

Вурмъ, все также усмѣхаясь, спокойно полѣзъ въ карманъ, досталъ табакерку и протянулъ ее Маргаритѣ.

— Не угодно ли?

Маргарита обернулась, взяла маленькую щепотку изъ протянутой къ ней табакерки, но снова отвернулась къ окну. Она соображала о томъ, чѣмъ задержать доктора, чтобы онъ своимъ присутствіемъ помѣшалъ объясненію съ Фленсбургомъ.

Вурмъ, между тѣмъ, взялъ стулъ, пододвинулся ближе къ Маргаритѣ и взялъ ее безцеремонно за руку, подъ предлогомъ попробовать ея пульсъ.

— Все, глупости, выговорила кокетка, но руки не приняла.

— Нѣтъ, не глупости, а лихорадка. Пульсъ все не ровенъ. Да и какъ ему быть ровнымъ у двадцатилѣтней красавицы, полувдовы, упрямой, не хотящей однимъ словомъ измѣнить свое положеніе, сдѣлаться свободной птичкой. Если существованіе графа продлится еще годъ, то бѣдная пташка совсѣмъ захирѣетъ и сдѣлается больна опаснѣе, чѣмъ онъ. Все это выгово-

рилъ Вурмъ почти шопотомъ, съ усмѣшкой на губахъ и не спуская глазъ съ красиваго профиля паціентки.

— Если бы это одно слово было легкое, отозвалась Маргарита, то я бы давно его сказала. Но на такое слово не только у меня не хватитъ храбрости, но и у васъ не хватитъ мужества для исполненія....

— Попробуйте. Испытайте, серьезно шепнулъ Вурмъ.

— Испытать? Спасибо.... Я знаю отлично, что вы можете сдѣлать то, что дѣлается во всей Европѣ, дѣлается сплошь-и-рядомъ. Всякій медикъ можетъ дать такого зелья, отъ котораго больной отправится на тотъ свѣтъ, и никто не удивится и знать не будетъ. Особенно, когда больной годъ умираетъ и всѣ ждутъ. Но къ чему брать преступленіе на душу? Зачѣмъ? Чтобы сдѣлать свое положеніе еще невыносимѣе? Давайте говорить откровенно, докторъ.... Общее обоимъ преступленіе сдѣлаетъ меня на вѣки-вѣчные вашей рабой. Преступленіе?! Чтобы вы знали за мной тайну! Могли бы дѣлать со мной что угодно! Хотя бы даже заставить за себя выйти замужъ. Нѣтъ, докторъ, я не на столько глупа. Да авось онъ и самъ скоро умретъ.

Докторъ пересталъ ухмыляться, медленно поднялся съ мѣста и взялъ шляпу и палку.

— Куда же вы? Я васъ прошу остаться, сейчасъ пріѣдетъ одинъ гость; вы его знаете—Фленсбургъ. И мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы остались.

— Зачѣмъ? Чтобы помѣшать ему говорить съ вами тоже откровенно. О чемъ-нибудь иномъ, конечно! догадался тонкій медикъ, изучившій давно характеръ графини.

— Положимъ, что и такъ....

— Нѣтъ, извините, вы мнѣ не дали права играть около васъ роль вѣрнаго пса, охраняющаго васъ отъ разныхъ назойливыхъ обожателей. Дайте мнѣ его и тогда другое дѣло,—недовольнымъ голосомъ выговорилъ Вурмъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ досады и раздраженія.

— Дать право? Какое?! Повелѣвать мною? усмѣхнулась красавица.

— Честь имѣю кланяться вашему сіятельству, оставляя поле для господина Фленсбурга. Вотъ и онъ, легокъ на поминѣ! сказалъ Вурмъ, глянувъ въ окно.

Въ эту минуту Фленсбургъ, дѣйствительно, подъѣхалъ къ дому. Офицеръ и докторъ встрѣтились въ прихожей, холодно поздоро-

вались. Оба чуяли, что хотя положеніе ихъ совершенно разное. но тѣмъ не менѣе они соперники и каждый невольно считалъ своего противника болѣе счастливымъ, чѣмъ онъ. Вурмъ завидовалъ Фленсбургу и былъ убѣжденъ, что Маргарита, овдовѣвъ, выйдетъ за него замужъ, если онъ самъ не сумѣетъ поймать ее въ свою западню; Фленсбургъ, напротивъ, ревновалъ и смущался мыслью, что Маргарита позволяетъ ухаживать за собой пятидесяти-лѣтнему человѣку, да вдобавокъ еще знахарю.

Когда Фленсбургъ двинулся въ гостиную, Маргарита уже сидѣла на другомъ мѣстѣ. Два стула, близко поставленные одинъ около другаго, остались у окна. Но Маргарита сообразила это слишкомъ поздно, онъ уже вошелъ.

Когда она увидала подъѣхавшаго Фленсбурга, то смутилась предстоящимъ объясненіемъ; съ тѣхъ поръ прошло едва ли двѣ минуты, а Фленсбурга встрѣтила уже не смущенная женщина, а гнѣвная и отчасти разсѣянная. Эти быстрые переходы были отличительной чертой характера молодой женщины. Она оробѣла, когда онъ подъѣхалъ, затѣмъ разсердилась на собственную свою робость и спросила себя:

— Да какое же право имѣетъ онъ смущать меня, небоявшуюся и небоящуюся никого? Что за важное дѣло исполнить женскій капризъ и освободить изъ-подъ ареста двухъ шалуновъ офицеровъ? Вѣдь не грабителей и не убійцъ просила она освободить.

И вдругъ, при мысли о грабителяхъ, ей вспомнился случай въ оврагѣ. И юноша, спасенный ею, снова ясно предсталъ предъ ней.... Въ ту минуту, когда Фленсбургъ входилъ въ гостиную, гордо и важно подходилъ къ ней и протягивалъ руку, Маргарита смотрѣла на него какъ бы сквозь фантазму, т. е. сквозь рисовавшійся въ ея воображеніи образъ юноши. Лицо ея, вѣроятно, было черезъ-чуръ задумчиво и разсѣянно, потому что Фленсбургъ, опускаясь около нея на кресло, вымолвилъ по-нѣмецки.

— Что съ вами? Вы, дѣйствительно, нездоровы; я думалъ вы отговариваетесь болѣзнью, чтобы не видать меня и отсрочить уплату долга.

И вдругъ Маргарита, сама не зная почему, оскорбилась и этими словами, и тономъ голоса.

— Какой долгъ? Что вы хотите сказать? сухо вымолвила она.

Фленсбургъ догадался, что молодая женщина просто не въ духѣ, раздражена чѣмъ-нибудь, или, наконецъ, дѣйствительно немного хвораетъ, или капризничаетъ. И онъ сообразилъ, что въ настоящую минуту не надо раздражать или дразнить капризнаго ребенка.

— То, что я хочу сказать, вы отлично понимаете, но если вы сегодня не расположены бесѣдовать объ этомъ, то отложимъ. Скажите, что онъ?

И Фленсбургъ поднялъ брови, какъ бы показывая на верхній этажъ.

— Ничего, слава Богу! Gott sei dank!

Фленсбургъ разсмѣялся.

— Это прелестно! Вы славословите Господа за то, что онъ еще живъ.

— Ну что жъ! вспыхнула Маргарита. Да, конечно. Его смерть будетъ для меня не несчастіемъ, но во всякомъ случаѣ поставитъ меня въ самое затруднительное положеніе среди цѣлой кучи дерзкихъ и незванныхъ волокитъ.

— Э-э, да вы сегодня совсѣмъ нездоровы, сухо выговорилъ Фленсбургъ и поднялся. Хотите, давайте лучше молчать и играть въ шахматы или бирюльки, можетъ быть, у васъ пройдетъ все. Прикажите, я принесу изъ той комнаты?

— Та комната—моя спальня.

— Я это знаю, но, кажется, память вамъ измѣняетъ. Мы еще недавно играли въ карты въ этой новой спальнѣ.

— Да, помню, и это дало вамъ право на дерзкія выходки, позволило вамъ что-то такое вообразить, зазнаться, какъ восемнадцати-лѣтнему юношѣ, которому женщина дала поцѣловать свою руку.

— Ну, вы совсѣмъ больны, вамъ надо лечиться, выговорилъ Фленсбургъ уже слегка вспыльчиво. Прикажите, я сейчасъ заѣду къ Вурму и пошлю его къ вамъ. Вы побесѣдуете съ нимъ немного, вотъ такъ, на этихъ стульяхъ, можетъ быть, все и пройдетъ.

Фленсбургъ, презрительно усмѣхаясь, показалъ на два стула, оставшіеся у окна.

Маргарита слегка зарумянилась, подняла голову и красивые глаза ея блеснули ярче.

— Вотъ что значитъ такъ долго жить въ ссылкѣ, въ маленькомъ городишкѣ этой варварской земли, произнесла она тихо,

но рѣзко, можно потерять благовоспитанность. Вы говорили мнѣ часто о томъ, какъ петербургская молодежь, въ родѣ Орловыхъ, дерзка, груба, даже нахальна съ женщинами. Я принимала цалмейстера Орлова въ этой самой комнатѣ и дрожала отъ страха, что онъ меня прибьетъ. Кромѣ самой утонченной вѣжливости, я ничего отъ него не видала. А шлезвигскій дворянинъ, хотя, конечно, не изъ высшей знати,—усмѣхнулась Маргарита,—сталъ способенъ оскорблять женщину.

Фленсбургъ какъ-то странно дернулъ головой, смѣрилъ сидящую молодую женщину съ головы до пятъ и выговорилъ тоже тихо:

— Не спорю, можетъ быть, высшее чешское дворянство, къ которому вы по рожденію имѣете честь принадлежать, болѣе благовоспитанно, чѣмъ шлезвигское мелкое дворянство.

Маргарита быстро встала и молча двинулась къ дверямъ спальни, но вдругъ она обернулась и, сдѣлавъ граціозный реверансъ, какъ бы въ минуэтѣ, съ злобной усмѣшкой на лицѣ, вымолвила почти надмѣнно:

— Я, господинъ офицеръ, все-таки по мужу графиня Скабронская.... которая проситъ теперь выдти отсюда и болѣе здѣсь не появляться.... будущаго кабинетъ-министра или регента россійской имперіи.

И графиня скрылась за дверью своей спальни.

VIII.

Эти слова какъ бы ошеломили Фленсбурга. Свои честолюбивыя мечты онъ не высказывалъ никому и думалъ, что никто тайны его не только не знаетъ, но и предполагать не можетъ. Онъ встрепенулся весь отъ намека Маргариты. Первая забота его была о томъ, чтобы вспомнить, не сказалъ ли онъ когда либо ей самой какое-нибудь неосторожное слово, которое могло дать ключъ къ разгадкѣ его сокровенной тайны. Но память вѣрно подсказывала, что «нѣтъ». Фленсбургъ былъ слишкомъ уменъ, дальновиденъ и остороженъ на словахъ, какъ и на дѣлѣ, чтобы сдѣлать подобную ошибку.

Въ ту минуту, когда дверь захлопнулась за хозяйкой дома, ему пришлось, конечно, уѣхать, но разстаться, поссориться окончательно и не видаться съ Маргаритой ему было невозможно, а при такихъ обстоятельствахъ даже опасно.

На другой же день Фленсбургъ снова явился къ графинѣ и, безъ доклада войдя къ ней, разсмѣялся, сѣлъ въ кресло и указалъ

хозяйкѣ на другое. Маргарита, одумавшаяся за сутки, тоже усмѣхнулась.

— Довольно шутить, заговорилъ Фленсбургъ. Простите меня, если вчера, найдя васъ не въ духѣ, я, вмѣсто того, чтобы успокоить, сталъ дразнить. Сядьте. У меня, дѣйствительно, есть до васъ дѣло, если не важное, то очень любопытное. Сядьте же, вѣдь я уже попросилъ прощеніе.

Маргарита почти рада была такому обороту бесѣды и молча тотчасъ сѣла.

— Одинъ сановникъ не-русскій,—началъ Фленсбургъ, улыбаясь,—но тѣмъ не менѣе очень важное лицо, конечно болѣе важное, чѣмъ теперь Разумовскій или Воронцовъ, проситъ чести съ вами познакомиться, проситъ позволенія пріѣхать къ вамъ. Это—прусскій посланникъ, баронъ Гольцъ.

Маргарита подняла на Фленсбурга изумленные глаза.

— Да, не удивляйтесь, Гольцъ хочетъ съ вами познакомиться. Разумѣется, онъ также, какъ и мы всѣ грѣшные, тотчасъ же влюбится въ васъ, начнетъ ухаживать и тогда—улыбнулся Фленсбургъ—мелкимъ шлезвигскимъ дворянамъ и подавно надо будетъ отступить и обратиться въ постыдное бѣгство. Но онъ проситъ меня объ этомъ знакомствѣ и я не имѣю никакого права отказать ввести сюда новаго соперника. И такъ, позволите ли вы привезти его?

— Это не можетъ быть вопросомъ.... но я не понимаю, зачѣмъ я ему нужна.

Фленсбургъ пожалъ плечами.

— Онъ любимецъ короля, присланъ сюда для крайне важнаго дѣла и поэтому не ограничивается тѣмъ, что желаетъ понравиться государю и всѣмъ сановникамъ. Онъ желаетъ понравиться всему обществу, желаетъ въ числѣ самыхъ умныхъ членовъ петербургскаго общества найти себѣ, такъ сказать, помощниковъ въ своемъ дѣлѣ.

Маргарита снова удивленнымъ взоромъ посмотрѣла на Фленсбурга.

— Дѣло Гольца—заключеніе выгоднаго мира и крѣпкаго союза. Это ни для кого не тайна.

— Что жъ я при этомъ?

Фленсбургъ снова пожалъ плечами.

— Я не знаю, графиня. Но вы жили въ Версалѣ и знаете, какая роль выпадаетъ иногда на долю молодой красавицы и что

она можетъ сдѣлать, когда властвуютъ и могущественны разные глупые и влюбчивые люди.

— Но въ Петербургѣ такихъ нѣтъ,—отозвалась Маргарита,—или мало.... И я ихъ не знаю!...

Фленсбургъ не отвѣчалъ. Наступило краткое молчаніе и затѣмъ офицеръ поднялся съ мѣста.

— Мое дѣло — выполнить порученіе или просьбу.... Ну-съ, надѣюсь, что наша вчерашняя маленькая ссора была шутка и не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Не правда ли? выговорилъ онъ неувѣренно и протягивая руку.

— Будетъ зависѣть не отъ меня, а отъ васъ, произнесла кокетливо Маргарита. Возьмите примѣръ съ господина Орлова, т. е. обращайтесь также съ женщинами, какъ онъ, и тогда ничего подобнаго на повторится.

Фленсбургъ невольно разсмѣялся.

— Wunderbar! Я буду учиться благовоспитанности у казарменнаго и трактирнаго буяна, который, быть можетъ, никогда не умывается и ѣстъ руками. Это прелестно! Спасибо, что, по крайней мѣрѣ, разсмѣшили на прощаніе. А все-таки, графиня, такой глупости, какую вы заставили меня сдѣлать, я въ другой разъ для васъ не сдѣлаю. Принцъ всякій день повторяетъ, что онъ отъ меня не ожидалъ подобной выходки. Я два мѣсяца слѣдилъ за ними и совѣтовалъ принцу ихъ выслать изъ столицы, подозрѣвая за ними нѣчто бо́льшее, чѣмъ трактирное буянство и шалости. А затѣмъ я жъ понросилъ принца ихъ выпустить. Кромѣ того, я долженъ вамъ сказать, что государю извѣстно, кто подъѣзжалъ къ ротному двору и кто отдалъ приказаніе. И принцу, и государю это показалось неумѣстнымъ. Государь знаетъ, что я просилъ принца, что вы просили меня, что васъ просили Орловы и если вы будете у него на дурномъ счету, то вина не моя. Когда позволите мнѣ снова быть у васъ? кончилъ Фленсбургъ, наклоняясь.

Маргарита стояла смущенная его словами.

— Ахъ, право не знаю, выговорила она вдругъ и закрыла лицо руками. Все это такъ глупо, такое ребячество! Я чувствую, что дѣлаюсь все глупѣе всякій день! До свиданія, я вамъ дамъ знать. И Маргарита быстрымъ движеніемъ открыла вспыхнувшее лицо и протянула ему обѣ руки.

Фленсбургъ выронилъ на полъ свою шляпу, взялъ обѣ такъ мило и ребячески протянутыя руки и сталъ цѣловать ихъ.

— Да! Вы ребенокъ, капризный ребенокъ, вымолвилъ онъ и, снова выпрямившись, онъ тихо потянулъ ее за руки, потомъ взялъ ихъ въ одну руку, а свободная рука его скользнула вокругъ бюста молодой женщины. Лицо его, слегка смущенное, близилось къ ея лицу.

— Маргарита! шопотомъ произнесъ онъ съ оттѣнкомъ вопроса въ голосѣ.

Но графиня вдругъ отступила на шагъ, слегка оттолкнула его и вымолвила:

— Нѣтъ. Въ этомъ домѣ есть умирающій. Пускай его умретъ, тогда.... увидимъ.

— Но это капризъ, тихо выговорилъ Фленсбургъ.

— Нѣтъ. Да, наконецъ, кромѣ того.... Маргарита запнулась, потомъ вдругъ весело разсмѣялась, отняла руки и вымолвила:

— Прежде выучитесь безгласному повиновенію. Я всегда ненавидѣла людей съ характеромъ, всегда любила овечекъ въ мужскомъ образѣ. Если любите, то переродитесь, а главное,— снова весело разсмѣялась она,—главное, господинъ бывшій ссыльный, вспомните уроки, полученные на родинѣ, и снова станьте вѣжливы съ дамами.

Фленсбургъ постоялъ нѣсколько минутъ молча, потомъ, увидя свою шляпу на полу, поднялъ ее и наконецъ произнесъ:

— Все то же, всегда, вездѣ. Кокетство и глупая игра. На сколько я отношусь искренно, на столько вы шутите. Скажите мнѣ, наконецъ, серьезно, въ послѣдній разъ: когда этотъ, тамъ, умретъ—выскажитесь вы? Или эта игра будетъ продолжаться и послѣ его смерти?

— Да. Тогда я выскажусь! такимъ страннымъ голосомъ отвѣтила Маргарита, что совершенно нельзя было понять, шутитъ она, или говоритъ серьезно, или, наконецъ, умышленно отвѣчаетъ двусмысленностью.

Фленсбургъ нетерпѣливо пожалъ плечами и, выговоривъ сухо: «До свиданія», вышелъ изъ горницы.

— Какая чепуха! произнесла тихо Маргарита ему вслѣдъ. Dumm! Dumm! Dumm!... И всѣ вы таковы....

Она простояла нѣсколько минутъ, не двигаясь съ мѣста и озабоченная новой мыслью. Она искала сравненія и, вдругъ найдя его, громко разсмѣялась.

— Да, похожъ! Удивительно похожъ!... воскликнула она.

Въ эту минуту въ гостиную влетѣла Лотхенъ, какъ всегда улыбающаяся и веселая.

— Я думала, онъ никогда не уѣдетъ! затараторила нѣмка. И посмотрите, что значитъ провести столько часовъ съ возлюбленнымъ! У васъ сіяющее лицо, счастливые глаза, райская улыбка!...

— Лотхенъ,—смѣясь, выговорила графиня,—скажи мнѣ, какъ по твоему, на что похожъ лицомъ господинъ Фленсбургъ. Неправда ли.... это датскій бульдогъ?

Лотхенъ замерла на мѣстѣ, какъ пораженная громомъ.

— Такъ онъ не былъ вашимъ.... заговорила Лотхенъ и запнулась.

— Любовникомъ, разсмѣялась Маргарита.—Говори прямо.

— Ну да, онъ не былъ никогда?

— Никогда.

— И не будетъ?

— Не будетъ.

— Ахъ Gräfin, liebe Gräfin! запрыгала на мѣстѣ Лотхенъ. Ахъ, какъ я счастлива!

— Но кто жъ тогда будетъ? воскликнула она снова. Дѣдушка?

— Да, Лотхенъ, но съ условіемъ: ты мнѣ покажешь примѣръ. Я послѣ тебя....

И обѣ женщины начали такъ громко хохотать, что больной, дремавшій на верху, проснулся, открылъ глаза и тяжело вздохнулъ.

Этотъ постоянный хохотъ внизу, которымъ его будто провожали ежедневно на тотъ свѣтъ, дѣйствовалъ на него теперь невыносимо больно и уже раза два вызывалъ на глаза его слезы.

IX.

Шепелевъ самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается за послѣднее время. Онъ перемѣнился, похудѣлъ и поблѣднѣлъ.

Болѣзнь его, однако, состояла только въ томъ, что онъ и день, и ночь на-пролетъ думалъ о графинѣ Скабронской. Разумѣется, онъ смутно понималъ, что влюбленъ со всѣмъ пыломъ страсти своихъ двадцати лѣтъ, хотя и сознавалъ какъ безсмысленно, глупо, даже дерзко влюбиться въ такую блестящую красавицу изъ высшаго столичнаго круга. Между нимъ, рядовымъ, и ею была цѣлая пропасть.

Юноша, только-что поступившій въ ряды гвардіи, былъ почти безъ всякихъ средствъ, благодаря раззорившемуся отцу, и безъ всякой протекціи, благодаря неожиданной смерти Шувалова, на

покровительство котораго падѣялась его мать, снаряжая сына на службу.

Шепелевъ былъ на столько образованъ и благовоспитанъ, на сколько могъ быть юноша изъ старой дворянской семьи, слегка захудалой, но еще недавно пользовавшейся большими средствами. До появленія въ Петербургѣ онъ жилъ съ матерью въ Калугѣ. Лѣто проходило въ большой и красивой усадьбѣ съ большимъ количествомъ дворни, исполнявшей всѣ прихоти барича, такъ какъ онъ былъ единственное и возлюбленное чадо барыни-вдовы. Зимы проводились въ городѣ Калугѣ, гдѣ все общество было или дальней родней, или друзьями изъ рода въ родъ. У матери его было много пріятельницъ и, благодаря ея вдовству, общество, собиравшееся у ней зимой и гостившее у нея лѣтомъ въ вотчинѣ, было исключительно женское. Все это были тетушки, двоюродныя сестры, племянницы и, наконецъ, пріятельницы. Совершенно случайно маленькій Митя, съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя, былъ постоянно окруженъ женщинами всѣхъ лѣтъ и возрастовъ и всѣ онѣ равно баловали его.

Вслѣдствіе этого въ юношескіе года оказалась одна странность въ его характерѣ. Женщина,—старуха ли, молодая ли дѣвушка,—была для него свой братъ и онъ никогда не стѣснялся, не смущался и не робѣлъ никакой барыни. Напротивъ того, не только сороколѣтній сановникъ, но всякій даже молодой человѣкъ, появлявшійся въ домѣ матери или встрѣчаемый имъ гдѣ либо, ставилъ его въ неловкое положеніе. Какъ юноша, выросшій въ мужской компаніи, конфузится обыкновенно передъ какой-нибудь свѣтской кокеткой, случайно оставшись съ ней наединѣ, такъ Шепелевъ конфузился всякой мужской компаніи, въ которую случайно попадалъ.

До прибытія въ Петербургъ юноша не'вналъ, что такое быть влюбленнымъ, именно потому, что слишкомъ много было вокругъ него всякаго рода молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, и на всѣхъ ихъ глядѣлъ онъ какъ на товарищей. И, наоборотъ, одинъ молодой офицеръ, заѣхавшій на побывку въ Калугу, блестящій петербургскій гвардеецъ, обошедшійся съ юношей очень ласково, побѣдилъ его сердце. Шепелевъ плакалъ, когда офицеръ уѣхалъ, и въ немъ осталось къ нему такое чувство, какое могло быть только первою любовью.

Поселившись теперь у незнакомаго человѣка, считавшагося дядей, въ сущности грубаго, хотя добраго и сердечнаго человѣка,

Шепелевъ чувствовалъ себя такъ же неловко въ этой обстановкѣ солдатъ и офицеровъ, какъ другой юноша, выпорхнувшій изъ-подъ крылышка матери, чувствовалъ бы себя среди сотни блестящихъ свѣтскихъ красавицъ. Мужская среда не была его средой и онъ тяготился ею.

Какимъ образомъ и почему красивая незнакомка, спасшая его въ оврагѣ, могла такъ быстро завладѣть его разумомъ и всѣмъ его существомъ, онъ самъ не зналъ. Правда, она красавица. Но вѣдь онъ не сказалъ съ ней и трехъ словъ! Да и мало ли видалъ онъ красавицъ.

Акимъ Акимычъ безпокоился, руками разводилъ, видя перемѣну въ племянникѣ и, не понимая, что съ нимъ дѣлается, заставлялъ юношу нѣсколько разъ пить липовый цвѣтъ и обтираться французской водкой съ уксусомъ и съ хрѣномъ.

Шепелевъ, чтобы отвязаться отъ приставаній дяди, продѣлывалъ все это, печально усмѣхаясь и думая:

— Да, кабы черезъ французскую водку, хрѣнъ, да черезъ липовый цвѣтъ можно было познакомиться съ этой графиней Скабронской, такъ я бы, пожалуй, нѣсколько бочекъ его выпилъ.

И дѣйствительно мысль о томъ, чтобы познакомиться съ блестящей красавицей не покидала его ни на минуту. Другой не рѣшился бы никогда и подумать объ этомъ; другому показалось бы оно нелѣпымъ и невозможнымъ. Но юноша, выросшій среди всякихъ женщинъ, не смущался. Онъ не боялся, что не будетъ знать, что сказать этой красавицѣ и какъ вести себя.

Черезъ нѣсколько дней Шепелевъ надумался, что надо какъ можно болѣе заводить знакомствъ въ Петербургѣ, начавъ съ офицеровъ полка и ихъ семействъ. Тогда гдѣ-нибудь да удастся повстрѣчать графиню. И онъ началъ знакомиться. Благодаря своей красивой внѣшности, какой-то женственной граціи и скромности, послѣдствій женскаго воспитанія и женской среды, онъ былъ принятъ повсюду ласково и охотно.

Но какъ нарочно всѣ семейства, въ которыя появлялся онъ, не имѣли ничего общаго и были незнакомы съ графиней Скабронской. У одной изъ петербургскихъ львицъ она бывала часто, но это была знаменитая Апраксина, пріятельница того же Орлова, а познакомиться ближе съ Орловымъ онъ не могъ. Дядя Квасовъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, за его короткій визитъ къ нимъ онъ цѣлую недѣлю бранилъ и попрекалъ племянника.

— Нешто это компанія для тебя, говорилъ Акимъ Акимычъ. Орловы картежники, буяны, головорѣзы. Не нынѣ-завтра они въ острогѣ будутъ.

Чувствуя, что онъ одинъ не добьется ничего, Шепелевъ, видаясь часто съ Державинымъ, единственнымъ своимъ пріятелемъ, рѣшился искренно признаться ему во всемъ.

Такой же юноша, какъ и онъ, Державинъ давно замѣтилъ, что ученикъ сталъ плохо учиться по нѣмецки, разсѣянъ и печаленъ, задумчивъ и блѣденъ. Но Шепелевъ въ своемъ пріятелѣ не нашелъ никакой поддержки. Державинъ отнесся къ исповѣди пріятеля хладнокровно.

Жизнь Державина была совершенно иная. Онъ бился, какъ рыба объ ледъ. Солдатки перестали заказывать ему свои писули и грамотки и снова пришлось, какъ простому рядовому, безъ протекціи, исполнять разныя тяжелыя работы; снова пришлось браться за метлу и лопату, участвовать въ тѣхъ партіяхъ, которыя назначались копать канавы по городу и очищать дворы сановниковъ.

Когда Шепелевъ явился однажды въ каморку своего друга снова плакаться о своей судьбѣ, то нашелъ Державина сидящимъ на своемъ сундучкѣ съ головой, опущенной на руки.

— Что ты? Или голова болитъ? спросилъ Шепелевъ.

— Да, есть малость, но это не лихъ. А лихъ вотъ что — сломаетъ меня эта жизнь. Не зналъ я, что, надѣвъ эту амуницію, попаду въ дворники. Сегодня опять восемь часовъ Фонтанку копали. Спину не разогнешь, руки и ноги — какъ деревянныя, болитъ все, вездѣ.

Дѣйствительно, за это время Державинъ тоже слегка похудѣлъ, но по причинамъ, совершенно противоположнымъ, нежели Шепелевъ.

— Надо это дѣло устроить, выговорилъ Шепелевъ. Позволь я попрошу моего дядю. Мало ли тутъ солдатъ, могутъ тебя избавить отъ гоньбы и работы.

Державинъ почему-то очень не любилъ Квасова и, конечно, за глаза и не при Шепелевѣ, называлъ его «мужикъ-вахлакъ» и именемъ, даннымъ ему ротою: «нашъ лѣшій.»

— Нѣтъ, Дмитрій Дмитріевичъ, не надо. Авось, малое время протяну, а тамъ еще что Богъ дастъ. Вотъ что. Коли ты мнѣ довѣрился прошлый разъ, то и я въ долгу не останусь и скажу

тебѣ о моемъ тайномъ и сокровенномъ намѣреніи. Я въ голштинцы перехожу.

Державинъ, знавшій въ какомъ общемъ презрѣніи у всѣхъ и какую ненависть возбуждаетъ во всѣхъ потѣшное войско государя, ожидалъ, что пріятель придетъ въ ужасъ. Но Шепелевъ, недавно самъ пріѣхавшій въ столицу и занятый сначала воинскими артикулами, а теперь своей красавицей, отнесся къ дѣлу иначе.

— Ну что жъ, вымолвилъ онъ, хорошее дѣло, ты по-нѣмецки лучше нѣмца знаешь. Только вѣдь голштинцы всѣ пьяницы и буяны, да и сказываютъ, они не любятъ русскихъ, которые къ нимъ постунаютъ.

Державинъ передалъ Шепелеву, въ какомъ положеніи находится его дѣло. Старый знакомый, пасторъ Гельтергофъ, обѣщался каждый день пригласить его къ себѣ, чтобы познакомить съ кѣмъ-нибудь изъ ротмейстеровъ голштинскаго войска. Переходъ его послѣ этого изъ преображенцевъ въ голштинцы могъ состояться очень легко.

Кромѣ того, у него былъ еще другой выходъ—знакомство съ Фленсбургомъ, но, къ несчастью, онъ уже два раза былъ у адъютанта принца, но не засталъ его.

— Ну что жъ, все обстоитъ благополучно, вымолвилъ Шепелевъ. Это не то, что мое дѣло! Мнѣ хоть помирай!...

— Отчего? воскликнулъ Державинъ.

— Да вѣдь знаешь отчего, выговорилъ Шепелевъ, потупляясь.

— Ахъ, эта красотка-то, графиня-то! Э-хъ, братъ, вотъ то-то и есть! вздохнулъ Державинъ и закачалъ укоризненно головой. Вотъ оно что! Всегда такъ-то. И теперь, да и прежде, въ Казани, замѣчалъ я завсегда, какъ вашъ братъ барченокъ, сытый, обутый, одѣтый, блажитъ и уродничаетъ. Не сердись на меня, голубчикъ. Я тебя люблю, а все жъ скажу: съ жиру ты бѣсишься. Просторная у тебя горница у дяди, столъ готовый, на работы не ходишь, на часы тебя тоже ставятъ разъ въ недѣлю, да и то въ особыя мѣста, къ принцу или къ какому фельдмаршалу. Вотъ ты отъ нечего дѣлать и выискалъ себѣ горе! А вотъ къ примѣру, поломалъ бы ты спину да руки на Фонтанкѣ, какъ я, такъ бы у тебя графиня-то эта выскочила бы живо изъ головы. Нѣтъ, братъ, ужъ тутъ не до сновидѣній, какъ спину-то въ постели разогнуть не можешь и спишь, какъ мертвый, двѣнадцать часовъ, благодаря этой дворницкой экзерциціи. Что тамъ

твои прусскіе артикулы, вотъ наши дворницкіе артикулы съ метелкой въ рукахъ.... будутъ помудренѣе фридриховскихъ.

Шепелевъ въ душѣ искренно согласился съ пріятелемъ, чувствовалъ, что онъ правъ. Ему стало стыдно и онъ поспѣшилъ уйти.

Однако, первой его заботой было переговорить съ дядей, который могъ облегчить судьбу рядоваго Державина.

Но едва только Шепелевъ заикнулся о своемъ пріятелѣ, какъ Акимъ Акимычъ началъ браниться:

— И не говори ты мнѣ про этого хвастунишку, дрянь, выскочку. Всѣ у него дураки и невѣжи. Самъ онъ, вишь, все рыло въ пуху, а уже всѣ науки превзошелъ! И перомъ, и карандашемъ, руками и ногами, писать и рисовать умѣетъ. Всѣ у него неучи. Ну вотъ, пускай, мужицкимъ дѣломъ и занимается.

Шепелевъ сталъ было просить дядю, но Квасовъ и слушать не хотѣлъ.

— Ни-ни. Ты, порося, ничего не смыслишь. Кого жъ гонять, коли не эдакихъ? Чѣмъ же солдаты хуже его, а орудуютъ и лопаткой, и метелкой. Нѣтъ, голубчикъ, это у тебя дворянская кровь говоритъ, а у меня мужицкая. Ты этого не забывай.

— Дѣло не въ этомъ, дядюшка.... заикнулся было Шепелевъ.

— Да, не въ этомъ, перебилъ его Квасовъ рѣзко, и, понюхавъ табаку съ присвистомъ, прибавилъ: Главное дѣло въ томъ, что подлецъ—мальчишка. Ухъ, какой подлецъ! И къ тому еще выскочка! Видѣлъ ты, какъ онъ подъѣзжалъ въ тотъ разъ къ колбасникамъ-то нашимъ. И откудова взялся, изъ земли выросъ! Какъ бѣсъ передъ заутреней, вокругъ Фленсбурга увивался да разсыпался мелкимъ бисеромъ. Нѣтъ ужъ, братъ, кто по-нѣмецки такъ чесать языкомъ умѣетъ, изъ того пути не будетъ. Ни-ни-ни.... Не будетъ!! А коли ему у насъ тяжело, пускай въ голштинское войско переходитъ. Тамъ его за нѣмецкій хриплюнъ сейчасъ въ капралы произведутъ.

— Коли загоняете работой, такъ, пожалуй, и уйдетъ! сердито вымолвилъ Шепелевъ.

— Ну, ужъ тогда онъ мнѣ не попадайся въ голштинскомъ-то мундирѣ, закричалъ Квасовъ. Убью его изъ собственныхъ рукъ. Былъ у насъ въ полку этотъ страмъ, перешелъ уже въ голштинцы твой нареченный зятекъ, Тюфякинъ, да то совсѣмъ другое дѣло. Тотъ пріятель пріятеля пріятельницы. А если молодежь начнетъ бѣгать изъ россійскихъ полковъ, да дѣлаться

голштинцами, такъ это и свѣту конецъ. И, помолчавъ, Квасовъ прибавилъ ласковѣе: А ты вотъ что, порося, брось-ка этого казанскаго нѣмца, что казанскую сироту изъ себя корчитъ. Не ходи къ нему. Этотъ тоже тебѣ не товарищъ, почитай даже хуже Орловыхъ. Тѣ головорѣзы, но народъ крѣпкій, все-таки россійскіе парни. Вонъ Державинъ-то передъ нѣмцемъ лебезитъ да ползаетъ, а Орловы, какіе ни на есть окаянные буяны, и все-таки, правду скажу, они нѣмца бьютъ. Дай имъ волю, они его совсѣмъ искоренили бы. Ну, и дай имъ Богъ за это здоровья и таланъ.

Квасовъ помолчалъ и, нюхнувъ снова, выговорилъ:

— Ты, порося, изъ-подъ маменьки, изъ гнѣздышка выпорхнулъ.... Ты не знаешь, что такое нѣмецъ. А я знаю.... Вотъ много вѣдь на россійскомъ языкѣ бранныхъ словъ.... А эдакаго слова, чтобы нѣмца достойно обозвать — нѣту!... Вотъ тебѣ, Христосъ-Богъ,—нѣту!! Еще не выдумано!!..

X.

Іоаннъ Іоанновичъ былъ изумленъ «финтомъ» своей внучки, т. е. успѣшнымъ заступничествомъ за Орловыхъ. Вдобавокъ старикъ не зналъ, какимъ образомъ удалось Маргаритѣ выхлопотать ихъ прощеніе. Старикъ много размышлялъ, но не могъ догадаться, гдѣ и въ комъ сила внучки. Во всякомъ случаѣ, онъ счелъ нужнымъ исполнить обѣщаніе и перевелъ на ея имя одну вотчину.

— Есть ходы при новомъ дворѣ! думалъ онъ. Стало быть, надо къ этой цыганкѣ въ дружбу войти. Вотъ и не плюй въ колодезь. А вѣдь я ужъ наплевалъ.

Кромѣ того, послѣдняя бесѣда его съ молодой женщиной не выходила у него изъ головы. Холостякъ и брюзга повѣрилъ выдумкѣ красавицы, что она въ близкихъ отношеніяхъ съ какимъ-то старикомъ. Подобныхъ примѣровъ въ столицѣ за послѣднее время было безъ числа. Одинъ изъ первыхъ вельможъ, покойный Петръ Ивановичъ Шуваловъ, подавалъ собой примѣръ придворнымъ Елизаветы, и его отношенія къ молодой красавицѣ Апраксиной были извѣстны всему городу. Старикъ Трубецкой, полицмейстеръ Корфъ, Тепловъ, и много старыхъ сановниковъ, пріятелей Іоанна Іоанновича, были и теперь зазорными примѣрами. Графиня Кейзерлингъ у генерала Корфа и красивая

хохлушка Олеся Квитко у Теплова—предметы ихъ страсти, попеченій и большихъ расходовъ, были извѣстны всей столицѣ. Хохлушка была даже принята въ домѣ Разумовскихъ, а «Козырь-линшу» знала въ лицо и боялась вся полиція гораздо больше самого полицмейстера.

Именно одного изъ богатыхъ пріятелей сенаторовъ Скабронскій даже заподозрилъ теперь въ сношеніяхъ съ красивой внучкой, такъ какъ Маргарита была съ нимъ знакома давно.

— Да. Вотъ лихъ.... Внучка! подумалъ, наконецъ, старикъ. Хоть и не родная, не настоящая, не дочка сына роднаго, а такъ себѣ, съ боку припеку, жаромъ вздуло. А все внучка....

И старый холостякъ задумывался довольно часто объ этихъ двухъ внезапныхъ открытіяхъ: о значеніи внучки при дворѣ и о старикѣ, ея пріятелѣ.

— Какъ же это я прозѣвалъ! воскликнулъ онъ однажды, переставъ уже доказывать себѣ, что Маргарита ему внучка. Съ самого ея пріѣзда дурачился, къ себѣ не пускалъ, самъ не ѣздилъ. Все, вишь, за свои карманы опасался.... А чортъ ли въ деньгахъ. Умрешь, все такъ останется! Монахамъ да холопамъ пойдетъ.... Старый, ты, тетеревъ,—досадливо кончалъ Іоаннъ Іоанновичъ, зляся уже на себя. Право, тетеревъ! Токуешь на суку и не видишь ничего кругомъ.

Маргарита, послѣ освобожденія Орловыхъ, къ дѣду не поѣхала, а послала только сказать человѣка, что просьба графа дѣда исполнена.

— И знать не хочетъ! подумалъ старикъ. Востра цыганка! Нечего дѣлать, поѣду благодарить ея цыганское сіятельство. Но на первый разъ Іоаннъ Іоанновичъ не засталъ внучки дома и вернулся домой совсѣмъ не въ духѣ. Вообще, дворня графа замѣтила, что баринъ сталъ придирчивѣе, ворчливѣе и будто нравомъ неспокоенъ.

Въ тотъ день, когда Фленсбургъ насильно заставилъ графиню себя принять, старикъ тоже собрался къ ней.

Въ ту минуту, когда Маргарита и Лотхенъ звонко хохотали, шутя на счетъ дѣдушки, онъ входилъ на крыльцо дома.

Люди Скабронскихъ, понимавшіе отлично значеніе участившихся посѣщеній графа-дѣда къ молодой барынѣ, его единственной наслѣдницѣ, стали съ особеннымъ усердіемъ и предупредительностью кидаться на встрѣчу къ его каретѣ и наперерывъ спѣшили высаживать старика и вводить по ступенямъ....

— Легче! Легче! ворчалъ графъ, по привычкѣ всегда бранить прислугу. Эдакъ крымцы токмо въ полонъ запорожцевъ берутъ. Того гляди ноги мнѣ переломаете. Дома что ль барыня?

— Дома-съ.

— А Кирилла Петровичъ дома, аль ужъ выѣхалъ на тотъ свѣтъ? угрюмо и серьезно вымолвилъ Скабронскій, снимая шубу и на утвердительный отвѣтъ лакея прибавилъ: Дурни! Говорятъ: да-съ. А что, да-съ? Померъ? Ну, пошли, докладай.

Но Маргарита стояла уже на порогѣ прихожей и, любезно улыбаясь, выговорила:

— Милости просимъ.

— А, хозяюшка. Ну что хозяинъ?

— Ничего, все тоже.

— Надо будетъ потомъ провѣдать и его, полюбоваться какъ себя отхватываютъ заграничнымъ житьемъ.

— А я собиралась къ вамъ сейчасъ.

— Не лги! Не собиралась! усмѣхнулся Іоаннъ Іоанновичъ, входя. Ну, здравствуй, внучка-лисынка. Дай себя облобызать за ребятъ Орловыхъ. Спасибо тебѣ.

Маргарита, внутренно смѣясь, подставила лицо подъ губы старика. Нагибаться ей не приходилось, такъ какъ головой своей она была ему по плечо.

— Я очень рада, дѣдушка, что могла вамъ въ пустякахъ услужить.

— Какіе это пустяки! Тебѣ развѣ?... Ну, сядемъ. Вертушку эту прогони, показалъ Іоаннъ Іоанновичъ на Лотхенъ. Ишь вѣдь егоза! воскликнулъ онъ, садясь на диванъ и, поднявъ свою толстую трость, погрозился на субретку. Охъ, я бы тебя пробралъ. Будь ты моя, билъ бы трижды на день. Какая бы стала у меня шелковая.

— Я бы умерла съ перваго раза отъ такой палки! выговорила Лотхенъ, дерзко заглядывая въ глаза старика.

— Да, отъ такой палки можно.... разсмѣялась Маргарита.

— Тотъ разъ вы меня вотъ тутъ толкнули такъ, что у меня до сихъ поръ грудь болитъ! лукаво произнесла нѣмка.

— Ахъ мои матушки! Жалость какая! пропищалъ Скабронскій, будто бы передразнивая голосъ Лотхенъ. Ну, убирайся въ свой шестокъ, курляндская стрекоза!

Лотхенъ, смѣясь и переглядываясь съ барыней, выскочила вонъ.

— Ишь вѣдь хвостомъ машетъ. По себѣ выискала и горничную. Вся въ тебя: верченная, заговорилъ Іоаннъ Іоанновичъ. Порохъ-дѣвка. Поди, небось, у нея обожателей—стая цѣлая, а?

Маргарита разсмѣялась.

— Да вѣдь и у тебя стая.... Кромѣ энтаго небось есть.... Энтаго стараго, что денегъ даетъ на прожитокъ?

— Денегъ даетъ? Кто? изумилась Маргарита.

Іоаннъ Іоанновичъ объяснился рѣзче.

Маргарита, забывшая давно свою выдумку про старика, въ котораго будто влюблена, раскрыла широко глаза.

— Какой старикъ? Что вы, дѣдушка?

— Такъ ты это надысь наплела? воскликнулъ Скабронскій страннымъ голосомъ. Все выдумки? Ахъ ты, плутъ-баба!

Маргарита смутилась и не знала, что сказать, что выгоднѣе, что нужнѣе.

— Да, выдумка, но не совсѣмъ. Это все должно рѣшиться на дняхъ... но я... Видите ли... Много новаго съ тѣхъ поръ. И я не знаю еще...: что будетъ.

Скабронскій помолчалъ, не спуская глазъ съ внучки, и, наконецъ, будто рѣшаясь на что-то, выговорилъ рѣзко:

— Денегъ тебѣ надо?

— Денегъ? Н—нѣтъ! Зачѣмъ....

— Дать тебѣ денегъ, говорю я?

— Зачѣмъ? У меня есть.

— Ну, вотчину подарить доходную?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Я не управлюсь.

— Ой, подаритъ! подмигивалъ дѣдъ.

— Да нѣтъ, не надо.

— Нѣтъ. Ну ладно. А я вотъ привезъ. Гляди.

Старикъ вынулъ изъ кармана огромную сложенную бумагу и передалъ внучкѣ.

— На. Вотъ мы какъ! Бери! Да покажи потомъ: вы какъ? лукаво и загадочно выговорилъ Іоаннъ Іоанновичъ.

Маргарита взяла, развернула бумагу, но не поняла въ ней ни слова.

— Что это такое?

— Это дарственная. По сей граметѣ—ты владѣтельница вотчины въ триста душъ, кои я тебѣ обѣщалъ. Будешь съ нихъ теперь имѣть оброку болѣе тысячи рублей и до двухъ.

Заставивъ себѣ подробно все объяснить и разсказать, Маргарита поглядѣла старику въ лицо добродушно, но печально и затѣмъ вздохнула, опустивъ глаза на бумагу.

Это было сыграно и очень искусно.

— Начинается игра въ кошку и мышку,—подумала она, внутренно смѣясь. Игра въ умную и молодую кошку съ старой и глупой крысой.... Давно я ждала этого.

Маргарита взяла бумагу за два края и быстрымъ движеніемъ разорвала ее на четыре части.

— Что ты, что? ахнулъ Скабронскій.

— Уничтожаю то, что для меня обидно....

Изорвавъ бумагу на мелкіе клочки, она бросила ихъ на полъ и быстрымъ движеніемъ пересѣла на диванъ, гдѣ сидѣлъ старикъ.

Взявъ его за обѣ руки и наклоняясь лицомъ къ его лицу, она быстро заговорила ласково, глядя ему въ глаза.

— Вы добрый, хорошій... Но скажите... Вы думаете, деньги... Деньги! Деньги! Неужели все на свѣтѣ отъ денегъ зависитъ? Вы вотъ богаты, мы раззорены. Мужъ умретъ—мнѣ еще хуже будетъ, но я не горюю. Я сейчасъ найду мужа, какого пожелаю. И у меня будетъ опять большое состояніе, если я захочу.... Но я не того хочу, не того.... Не того! Я хочу!... И голосъ Маргариты перешелъ въ шепотъ и сталъ дрожать.

— Знаете ли вы, чего я хочу?

— Ну, ну.... смущался Іоаннъ Іоанновичъ и отъ голоса красавицы внучки и отъ близости странно-воодушевленнаго красиваго лица.

— Я хочу быть любимой. Любви я хочу. Я этого еще не знавала. Да! Ни разу, никогда. Мужъ меня не любилъ.... Вы знаете, какую жизнь велъ онъ всегда. Я была сотая женщина въ его жизни. Онъ на меня смотрѣлъ, также какъ и на всѣхъ своихъ прежнихъ наложницъ.

И Маргарита, все болѣе воодушевляясь, заговорила, какъ будто не видя старика, какъ бы забывшись и разсуждая сама съ собой.... быстро, страстно, порывисто.

— Мнѣ все равно, кто онъ будетъ. Нищій, не знатный, старый.... уродливый даже, преступный, даже разбойникъ. Мнѣ все равно... Но тотъ, который меня полюбитъ, какъ я этого хочу... за того я душу отдамъ, хоть на смерть пойду.... И это будетъ такъ. Скоро будетъ. Какъ онъ умретъ—я найду этого человѣка!

И красавица вдругъ вскинула руки на плечи старика и прильнула лицомъ къ нему на грудь. Скабронскій ахнулъ, двинулся.... Но въ ту же секунду Маргарита быстро встала, отошла къ окну и, повернувшись спиной къ дѣду, прислонилась лбомъ къ холодному стеклу. Это было ей необходимо, потому что она боялась за свое лицо, боялась, что выдастъ себя и свою игру.

Старикъ сидѣлъ, не шелохнувшись на диванѣ, какъ пришибленный. Ему все еще, какъ въ туманѣ, чудилась она въ его объятьяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глядѣлъ на клочья изорванной бумаги.

— Блажитъ? Комедіантка! Не даромъ цыганка,—говорила въ немъ его природная подозрительность и дальновидность. Но клочки казенной бумаги будто спорили съ нимъ и сбивали его съ толку.

— Изорвала вѣдь.... Не взяла.... Триста душъ!

И чрезъ минуту старикъ думалъ.

— Тебя никто не водилъ за носъ за всю жизнь.... Ну, а много ты отъ этого выигралъ? Сидишь вотъ одинъ у себя въ хоромахъ, на сундукахъ съ червонцами, да бережешь, какъ пёсъ, чужое добро. Да, чужое! Не себѣ собралъ. Монахамъ, да хамамъ своимъ собралъ. Подохнешь, они за твой счетъ поликуютъ на свѣтѣ. А брилліанты? На двадцать тысячъ однихъ брилліантовъ накопилъ, когда жену себѣ искалъ. И они лежатъ зря! И они на иконы пойдутъ!!..

Прошло еще нѣсколько мгновеній. Іоаннъ Іоанновичъ поглядѣлъ на внучку и подавилъ въ себѣ глубокій вздохъ. Маргарита слышала его однако, хотя все также стояла у окна, не двигаясь, не оборачиваясь и припавъ лицомъ къ стеклу.

— Если бъ ей-то.... такой красивой, да всѣ бы эти брилліанты нацѣпить на себя?! Диво! А что если все.... Ей все отдать.... вдругъ сказалъ онъ себѣ мысленно то, что давно уже будто копошилось на сердцѣ старика.—Въ послѣдніе свои годы дьявола кой-какъ потѣшить! Отдать! Хоть бы даже и за обманъ. Пусть водитъ меня за носъ. Я вѣдь буду отъ того не въ убыткѣ.

И Скабронскій вдругъ воскликнулъ, какъ бы спѣша выговорить:

— Маргаритка, иди сюда.... Слушай меня, что я скажу. Да вѣдь ты умница! Нечего тебѣ сказывать! И такъ все поймешь. Поди же. Сядь сюда! Слушай! Когда я собирался жениться, то скупалъ четыре года.... Да иди же.... Сядь!

Маргарита обернулась и подошла съ опущенной головой и со сложенными на груди руками. Лицо ея было чрезчуръ сурово и мрачно.

— Я не сяду.... Нѣтъ. Оставьте меня. Уѣзжайте! Уѣзжайте! глухо выговорила она вдругъ. Лотхенъ! Лотхенъ! крикнула она.

— Что ты? изумился Скабронскій.

— Я безумная.... Я не знаю, что я дѣлаю.... Но такъ жить нельзя. Вѣдь я вдова.... Я даже не вдова, а хуже.... Вдова свободна, а я нѣтъ.... Я не ребенокъ и не старуха.... Я жить хочу. Поймите! Поймите! А какъ выдти изъ этого положенія! Какъ? горячо говорила Маргарита, наступая на Іоанна Іоанновича. Любовникъ! Взять его не мудрено. А если онъ меня обезславитъ!... А вся эта столичная молодежь—хвастуны... Я не хочу имѣть прозвище женщины, которая дурно ведетъ себя.... А какъ найти и гдѣ найти человѣка, который бы сохранилъ тайну.... Ахъ, дѣдушка, зачѣмъ вы мнѣ не чужой.... Зачѣмъ вы.... Что я?! Я съ ума схожу.... Я сама не знаю, что говорю!

Маргарита вдругъ схватилась руками за голову и выбѣжала изъ горницы въ ту гостиную, гдѣ была ея временная спальня. И слова, и голосъ, и лицо, и движеніе — все дышало искренностью.

Старикъ поднялся задумчивый и смущенный.... и сталъ искать по горницѣ шляпу свою, которая была уже на головѣ его. Чрезъ нѣсколько минутъ Іоаннъ Іоанновичъ отъѣзжалъ отъ дому, конечно, не повидавшись съ больнымъ внукомъ.

А горничная была уже у графини и, разинувъ ротъ отъ вниманія, слушала разсказъ ея.

— Вѣдь повѣрилъ.... Повѣрилъ?... А вѣдь онъ хитрый, умный онъ, Лотхенъ, очень хитрый, а повѣрилъ! Что значитъ человѣческое самолюбіе! закончила рѣчь графиня.

И кокетка изумлялась и себѣ, и старому дѣду....

— Ну, и я тоже искусная актриса. Я даже не ожидала отъ себя.... Ну, а все-таки, я боюсь.... прибавила она помолчавъ.

— Чего? разсмѣялась Лотхенъ.

— Не хватитъ умѣнія довести до конца! Или боюсь.... дорого обойдется! Я не шучу, Лотхенъ, прибавила графиня задумчиво.

Лотхенъ перестала смѣяться и развела руками.

— Что жъ тутъ дѣлать?.... сказала она тихо. За то, деньги. И какія деньги?!.. Куча! Кучи червонцевъ!!

XI.

Въ домѣ Тюфякиныхъ, стоявшемъ вдали отъ городской суеты, среди пустырей и сугробовъ, было всегда мирно и тихо, но теперь стало мертво, тихо. Въ обыкновенное время у нихъ бывали гости, но теперь, вслѣдствіе великаго поста и, наконецъ, приближавшихся дней страстной недѣли, считалось совершенно неприличнымъ и даже грѣховнымъ ѣздить въ гости. Но если было тихо и мирно въ домѣ сиротъ княженъ Тюфякиныхъ, то не было мира и тишины на сердцѣ какъ у старой опекунши, такъ и у двухъ княженъ. За послѣднее время случилось что-то странное и никто не зналъ даже какъ назвать случившееся. Всѣ три обитательницы были печальны и каждая поглощена своей заботой и своимъ горемъ. Приэтомъ всѣ три молчали, такъ какъ у всѣхъ трехъ было тайное горе, которымъ подѣлиться было нельзя.

Тетка-опекунша, съ недѣлю назадъ, черезъ пріятельницу узнала нѣчто, поразившее ее и смутившее до глубины души. Она узнала, что Настя съ самой масляницы обманывала ее и, уѣзжая съ «киргизомъ», не бывала вовсе въ гостяхъ, а сидѣла въ его квартирѣ.

Это было невѣроятно и необъяснимо! Какое удовольствіе могла находить Настя просиживать дни или вечера у своего своднаго брата вмѣсто того, чтобы веселиться на вечеринкахъ. Гарина невольно оробѣла и думать боялась о томъ, что назойливо лезло ей въ голову.

— Сводитъ у себя въ квартирѣ! И съ кѣмъ?!... думала она по-неволѣ.

Въ такіе для нея великіе дни поста и молитвы, Гарина сидѣла по цѣлымъ часамъ молча въ своемъ креслѣ и думала, что дѣлать, съ чего начать. Она боялась даже приступить къ допросу Насти.

Младшая княжна, съ своей стороны, часто ловила теперь на себѣ косой и подозрительный взглядъ тетки-опекунши и иногда отворачивалась, иногда же, будто вдругъ вспыхивая, но не отъ стыда, а отъ гнѣва, укорнымъ взглядомъ встрѣчала взглядъ тетки-опекунши. И Пелагея Михайловна по этому взгляду догадывалась, что на дняхъ имъ предстоитъ помѣряться силами.

Наконецъ совѣсть начала мучить старую дѣвицу. Она упрекала себя въ томъ, что не выгнала совсѣмъ изъ дома «киргиза»,

позволила себя провести за носъ и сама виной той бѣды, которая чудится ей.

Настя передъ страстной перестала выѣзжать, потому что князь Глѣбъ не являлся, и стала сумрачна, иногда печальна, иногда раздражительна и привязывалась ко всякому пустяку, чтобы только повздорить съ теткой, а въ особенности съ сестрой.

Княжна Василекъ была всѣхъ грустнѣй, но грусть ея была кроткая, почти робкая. И безъ того несловоохотливая, не болтунья, теперь Василекъ почти рта не раскрывала. Такъ какъ все хозяйство въ домѣ лежало на ней, то, вставъ до восхода солнца, Василекъ цѣлый день хлопотала и въ домѣ, и во дворѣ, и въ службахъ. Раза два или три въ день она накидывала теплый капоръ, куцавейку и выбѣгала взглянуть въ кухню, въ погребъ, коровникъ, даже конюшню. Часто вся пунцовая отъ долгаго стоянія передъ печью въ кухнѣ, она выбѣгала прямо на морозъ, потому что кто-нибудь изъ людей приходилъ и звалъ ее ради какого-нибудь пустяка.

Къ этому прибавились теперь службы церковныя. По два раза въ день Василекъ старалась избавиться отъ домашнихъ хлопотъ и успокоиться на минуту въ храмѣ отъ дрязгъ домашнихъ, а главное—забыться въ молитвѣ отъ того страннаго чувства, которое теперь завладѣло всѣмъ ея существомъ.

Изъ головы ея ни на минуту не выходила мысль—гдѣ и что сестринъ женихъ, Дмитрій Дмитріевичъ? Что дѣлаетъ этотъ юноша и почему уже давно не былъ у нихъ? Она узнала нѣчто, подославъ тихонько лакея въ квартиру Квасова, что немного утѣшило ее; она узнала, что Шепелевъ немножко хвораетъ.

— Стало быть, черезъ хворость свою не бывалъ у насъ, утѣшала она себя, а не отъ какой другой причины.

Тѣмъ не менѣе она давнымъ давно не видала его, не бесѣдовала съ нимъ и вдругъ, къ ея собственному ужасу, на душѣ ея ощутилась какая-то страшная пустота. Все, что хотя немного занимало ее прежде, теперь опостылило ей. Во всемъ ихъ домѣ былъ только одинъ предметъ или скорѣе одно существо, къ которому съ какимъ-то страннымъ чувствомъ, почти любви, относилась Василекъ. Предметъ ея нѣжнаго вниманія былъ тотъ пѣтухъ, который когда-то сломалъ себѣ ногу и котораго они перевязывали вмѣстѣ съ Шепелевымъ.

Василекъ думала иногда, что у ней умъ за разумъ заходитъ, потому что ей казалось, что этотъ глупый пѣтушекъ ей дороже

сестры и тетки. Принуждена она была убѣдиться въ этомъ довольно просто.

Однажды утромъ, Гарина, не спавшая всю ночь отъ своей новой тревоги, въ которой боялась признаться даже себѣ самой, почувствовала себя довольно плохо и осталась противъ обыкновенія на два лишнихъ часа въ постели.

Василекъ тихо и молча принесла теткѣ къ ея утреннему чаю меду и варенья, замѣнявшихъ ради поста сливки. Она рѣшила посидѣть около хворающей Пелагеи Михайловны. Она уже поставила было стулъ около кровати тетки, но случайно выглянула въ полу-замерзшую раму окна и вдругъ ахнула. Опрометью бросилась она бѣжать по корридору и по лѣстницѣ на крыльцо и, не смотря на морозъ, выскочила въ одномъ платьѣ на дворъ.

Она увидала, что ея любимецъ или, какъ звала она, «его пѣтушекъ» бѣгаетъ на своей хромой ногѣ по двору, преслѣдуемый какою-то чужою забѣглой собакой. Передать его на руки птичницы было не трудно, но затѣмъ Василекъ смущенная вернулась въ домъ. Сердце ея билось отчасти оттого, что она пробѣжалась, но отчасти и отъ того чувства, которое она испытала. Идя по корридору къ хворающей теткѣ, она вдругъ остановилась и, круто повернувъ, вошла въ свою горницу. Заперевъ за собой дверь, она сѣла на маленькій диванчикъ, прижала ладони рукъ къ пылавшему лицу и вдругъ заплакала, сама не зная отчего.

Она давно, хотя смутно, сознавала, что̀ именно съ ней дѣлается, но постоянно повторяла себѣ:

— Нешто это можно!

Слова эти относились къ тому чувству, которое давно сказалось въ ней къ красивому юношѣ и которое удвоилось за его послѣднее отсутствіе.

Когда это чувство черезчуръ ясно сказывалось на душѣ Василька, то она вскакивала, въ испугѣ, даже въ ужасѣ и крестилась, говоря:

— Спаси Господи! Спаси! Не допусти!

Василекъ открещивалась и молилась, какъ если бы ясное сознаніе этого чувства было сознаніемъ приближающагося несчастія, смертельной болѣзни или потери любимаго существа. Она будто чуяла, что когда это чувство совсѣмъ, вопреки ея волѣ, подползетъ къ ней и захватитъ ее, то овладѣетъ ею такъ, что спасенія никакого уже не будетъ. Надо будетъ выбирать одинъ изъ

двухъ исходовъ, или смерть или то, что невозможно, что отъ нея не зависитъ. Развѣ онъ можетъ полюбить её и жениться на ней вмѣсто Насти?! Да и кто жъ, не только онъ, женится на ней, изуродованной ужасной болѣзнью?!

И въ домѣ Тюфякиныхъ было томительно тихо и тяжело. Даже люди, подъ вліяніемъ настроенія своихъ господъ, тоже глядѣли какъ-то сумрачно. Конца однако не видѣлось, потому что ни одна изъ трехъ обитательницъ не рѣшалась и не знала, какъ прервать это тяжелое положеніе и вызвать объясненіе. Случалось, что тетка и обѣ княжны садились за столъ, сидѣли около часа и вставали, не сказавъ другъ другу ни слова, или же сдержанно и чрезъ силу бесѣдовали о такихъ пустякахъ, которые никого изъ трехъ не интересовали.

Только однажды, вечеромъ, Василекъ, увидя Настю въ темномъ углу гостиной, давно сидѣвшую съ головой, опущенной на руки, не совладѣла съ сердечнымъ порывомъ и, подойдя къ сестрѣ, опустилась предъ ней на колѣни.

Настя вздрогнула, слегка вскрикнула и, оглядѣвшись, оттолкнула сестру.

— Ахъ, какая ты...: дура! воскликнула Настя. Перепугала меня на смерть.

— Что съ тобой, Настенька? кротко спросила Василекъ. Не теперь, а вотъ уже давно.... ты не по себѣ, вѣдь я вижу. Скажи мнѣ, что съ тобой?

Настя вдругъ выпрямилась, поднялась съ кресла и, презрительно глянувъ на старшую сестру, оставшуюся на колѣняхъ передъ пустымъ кресломъ, вымолвила насмѣшливо:

— А съ тобой что? Ты-то по себѣ?! Я хоть по крайней мѣрѣ знаю, что со мной, а ты и не знаешь. У меня хоть забота настоящая, а у тебя что? Пѣтушекъ другую ногу что ли сломалъ, а энтотъ знахарь не идетъ?

Василекъ ахнула, оперлась рукой на полъ и осталась такъ въ полу-лежачемъ положеніи. Сердце ея замерло, какъ отъ удара. Она никому ни разу не сказала, даже не намекнула о томъ, что было ея тайной, о томъ, что сама себѣ боялась назвать, и эти послѣднія слова, брошенныя ей въ лицо сестрой, заставили её содрогнуться. Она поднялась съ пола, тихо вышла изъ горницы и только къ вечеру оправилась, утѣшивъ себя, что сестра, намекая на Шепелева, не хотѣла ничего сказать особеннаго.

Наступила страстная. Въ понедѣльникъ утромъ къ подъѣзду дома подали колымагу Тюфякиныхъ съ цугомъ сытыхъ красивыхъ лошадей, чтобы ѣхать въ церковь, начинать говѣніе.

Въ то же время княжна Настасья вошла въ спальню къ одѣвавшейся теткѣ и объявила ей, что она говѣть не будетъ.

Пелагея Михайловна раскрыла ротъ отъ изумленія и перемѣнилась въ лицѣ. Немного постоявъ, молча и не глядя на племянницу, она ступила два шага и опустилась въ кресло.

— Ну, не говѣй, глухо отозвалась она.

Настѣ только того и нужно было, она повернулась и вышла вонъ. Въ корридорѣ на встрѣчу ей попалась сестра. Она была уже одѣта и, завидя Настю, какъ всегда, тихо и кротко обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Что жъ ты, Настенька? Пора.

— Я не поѣду, холодно отозвалась Настя.

— Какъ, отчего? Не здоровится?

— Нѣтъ, я говѣть не буду.

Василекъ тихо ахнула, также какъ и тетка. И подъ мгновеннымъ наплывомъ какого-то страннаго чувства стыда и ужаса, Василекъ взяла себя за щеки обѣими руками, наклонилась къ сестрѣ и выговорила:

— Настенька!

Въ этомъ одномъ имени сестры, въ этомъ одномъ словѣ, сказалось такъ много, что сама Василекъ не разочла сразу все глубокое значеніе этого слова. Если бъ она узнала теперь, что сестра украла или убила кого-нибудь, то, вѣроятно, она произнесла бы это слово «Настенька» тѣмъ же голосомъ, съ оттѣнкомъ того же ужаса и стыда за сестру.

— Да что жъ это! съ горечью воскликнула Василекъ чрезъ мгновеніе.

Но Настя движеніемъ руки отстранила сестру съ дороги, прошла мимо и, войдя въ свою дверь, щелкнула замкомъ.

Василекъ перепуганная быстро вошла къ теткѣ. Пелагея Михайловна сидѣла на томъ же креслѣ съ той минуты, какъ вышла Настя. Она не двигалась и будто забыла даже о предполагавшемся выѣздѣ въ церковь. Заслышавъ шаги и увидя вошедшую любимицу, Пелагея Михайловна, при взглядѣ на ея лицо, невольно двинулась и выговорила:

— Что такое? Что еще?

Она думала, судя по тревожному и измѣнившемуся лицу любимицы, что новое что-нибудь случилось въ домѣ.

— Настя не будетъ.... не хочетъ.... начала Василекъ, но будто побоялась и вымолвить послѣднее слово.

— Говѣть не будетъ, выговорила Гарина и смолкла. И снова опустила она голову и стала глядѣть на полъ.

Василекъ неподвижно стояла на порогѣ у растворенной двери.

— Да, пробурчала Пелагея Михайловна, Господь Богъ—не мы грѣшные! Насъ обманывать можно, а Господа убоялась. Спасибо хоть страхъ Господень остался, коли совѣсть-то ужъ потеряла.

Василекъ бросилась къ теткѣ, стала передъ ней на колѣни, схватила ее за руки и воскликнула:

— Что вы, тетушка! Что вы говорите! Богъ съ вами, развѣ можно, что вы! Какой обманъ! Она ни въ чемъ неповинна. Она только замышляетъ что-то. Пожалуй, даже и нехорошее, но надо ее усовѣстить.

— Замышляетъ! выговорила Гарина. А что? Ну, будь по твоему, замышляетъ; но знаешь ли ты, что замышляетъ?

— Нѣтъ, тетушка, не знаю.

— Не лги, Василекъ.

Княжна улыбнулась, не смотря на тревогу сердца.

— Да развѣ я лгу, тетушка, я и не умѣю. Не знаю. Что-нибудь тамъ у Гудовичевыхъ или у Воронцовой. Можетъ, замужъ хочетъ за какого голштинца и опасается сказаться.

Пелагея Михайловна взяла Василька обѣими руками за голову, поцѣловала ее въ лобъ, потомъ приложилась щекой къ гладко причесанной головкѣ своей любимцы и слезы показались на глазахъ крѣпкой сердцемъ опекунши.

— Ты моя голубица, чистая сердцемъ и помыслами. Блажени кротціи, сказано намъ. Да неужто же Господь не наградитъ тебя въ этомъ мірѣ?—И, помолчавъ, она прибавила: Ну, ну, что жъ мы, того и гляди ревѣть учнемъ, какъ сущія бабы. Тутъ ревомъ не поможешь.

И вдругъ она преобразилась, лицо ея стало мрачно и гнѣвно. Она порывистымъ движеніемъ схватила свой капоръ, отороченный мѣхомъ, надѣла его на голову и такъ затянула ленты подъ подбородкомъ, что ей стало даже душно.

— Ну, поѣдемъ, помолимся и о себѣ, и о другихъ,—сердито произнесла она. Можетъ, Господь все уладитъ. А, можетъ быть,

у меня умъ за разумъ зашелъ. Можетъ быть, я въ сновидѣніяхъ своихъ разума рѣшилась.

Черезъ нѣсколько минутъ Гарина и Василекъ были уже въ колымагѣ и легкой рысью съѣжали со двора по направленію къ церкви. Ни разу дорогой не перемолвились онѣ, только, подъѣзжая къ паперти, Василекъ тихо произнесла не то теткѣ, не то себѣ самой:

— Ахъ, какъ же говѣть-то при такой смутѣ!

Тетка очевидно не слыхала словъ княжны. Съ тѣмъ же гнѣвнымъ лицомъ вышла она на паперть и пошла по церкви за лакеемъ, раздвигавшимъ толпу.

Княжна Василекъ отстала отъ тетки и, затертая толпой, медленно подвигалась, какъ-то робко озираясь кругомъ на иконы, лампады и свѣчи. Въ первый разъ въ жизни входила она въ храмъ Божій съ такимъ смятеніемъ на душѣ, съ такимъ лицомъ, такой неувѣренной и робкой поступью, будто великій грѣхъ совершила. Василекъ сомнѣвалась: достойна ли она войдти въ храмъ, начать говѣть, можетъ ли она забыть, хотя бы на мгновеніе свою смуту въ горячей молитвѣ.

— Забыть его?!.. Вѣдь хочется молиться именно о немъ.... такъ какъ же забыть?

И Василекъ, робѣя, боролась сама съ собой....

А въ то же время Настя сидѣла дома и писала брату:

«У меня нѣту даже одного червонца, не только сотни. Достань взаймы, а потомъ отдашь изъ моихъ денегъ. Съ тетушкой не говорила еще объ этомъ лупоглазомъ дуракѣ-солдатѣ. Лучше ты самъ обо всемъ переговори съ ней, ты лучше скажешь....

Письмо было довольно длинное, и все дѣло шло о деньгахъ и о Шепелевѣ. Про деньги она писала, что не рѣшается просить у тетки, но съ Шепелевымъ соглашается вѣнчаться хоть тотчасъ, если братъ считаетъ это нужнымъ.

XII.

Во всемъ XVIII столѣтіи нельзя найти принца королевской крови, который бы былъ такой игрушкой въ рукахъ судьбы, какою былъ герцогъ Петръ-Ульрихъ-Голштейнъ-Готорпскій, впослѣдствіи Петръ III на русскомъ престолѣ. Нѣмецъ по отцу, русскій по матери, онъ былъ въ сущности не нѣмецъ и не русскій.

Мать его, Анна Петровна, умерла тотчасъ послѣ его рожденія и съ первыхъ же дней жизни положеніе ребенка стало исключительно и странно. Онъ явился на свѣтъ внукомъ двухъ великихъ историческихъ личностей, внукомъ двухъ заклятыхъ и знаменитыхъ враговъ — Петра Великаго и Карла XII, и въ то же время считался наслѣдникомъ крошечнаго герцогства. При этомъ, воспитаніе принца было плохое. Средства герцога-отца были скудныя, онъ былъ столь бѣденъ, что маленькій принцъ зачастую ходилъ въ худомъ бѣльѣ и поношенномъ платьѣ. А между тѣмъ, волею судьбы онъ вскорѣ оказался единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ престоловъ—шведскаго и русскаго. Со смертью Ульрики въ Швеціи и Анны въ Россіи онъ могъ быть призванъ на царство....

Но Ульрика еще при жизни отказалась отъ престола въ пользу своего мужа, Фридриха I, принца изъ Кассельскаго дома, ненавидѣвшаго Голштейнскій домъ.

Вслѣдствіе этого, первыя десять лѣтъ жизни, принцъ былъ православнаго вѣроисповѣданія, такъ какъ всѣ надежды возлагались на Россію; грекъ монахъ былъ его учителемъ и наиболѣе вниманія обращалось на русскій языкъ. Вскорѣ отецъ его умеръ и онъ остался подъ опекой регента и дяди, епископа Любекскаго.

Но вдругъ по смерти въ Россіи Анны Іоанновны и вступленіи на престолъ шестимѣсячнаго императора Іоанна, русскій престолъ перешелъ окончательно въ линію сына царя Алексѣя Михайловича, малоумнаго Іоанна V. Петръ Ульрихъ, внукъ другаго сына Алексѣя Михайловича, многоумнаго Петра I, казалось, навсегда потерялъ права на русскій престолъ.... Но одновременно съ Анной Іоанновной умираетъ и Ульрика, прося царствовавшаго Фридриха I, у котораго не было наслѣдника престола, вызвать и усыновить Петра-Ульриха.

Когда снова явилось болѣе надежды на полученіе шведскаго престола, одиннадцатилѣтняго мальчика окрестили снова и онъ сдѣлался протестантомъ евангелическаго толка. Русскій языкъ былъ брошенъ, его усердно начали учить по-шведски. Но самъ мальчикъ относился равно холодно къ обѣимъ вѣрамъ, къ обоимъ языкамъ и къ обѣимъ странамъ. Онъ обожалъ только все, касавшееся до военной выправки, оружія, фехтованія, и все, что есть солдатчина. Отецъ его былъ только истый солдатъ и по своему велъ сына. Теперь дядя-епископъ ломалъ природу его на

свой ладъ, замучивалъ латынью, астрономіей и музыкой, но посѣянное отцомъ запало глубоко и принцъ не сдѣлался ученымъ.

Самымъ счастливымъ днемъ въ его памяти былъ тотъ, когда отецъ, однажды въ день его рожденія, поставилъ его на часахъ въ столовой и затѣмъ во время обѣда объявилъ ему, что онъ за выслугу лѣтъ производится въ офицерскій чинъ секундъ-лейтенанта и болѣе на часахъ ставиться не будетъ. Это домашняя комедія, игра въ чины и въ солдатики, при крошечномъ дворѣ, существовавшемъ на мѣдные гроши, навсегда пристрастила герцога къ солдатчинѣ во всѣхъ ея видахъ.

Но именно въ ту минуту, когда россійскій престолъ считался утерянным навсегда провозглашеніемъ младенца Іоанна Брауншвейгскаго, а принцъ перешелъ въ лютеранство, пришло извѣстіе, что младенца свергла съ престола родная тетка маленькаго герцога. И вотъ опять всѣ надежды на Россію! И вскорѣ же явилось посольство, не только приглашавшее, но требовавшее мальчика отъ имени императрицы Елизаветы ради того, чтобы объявить его въ Россіи своимъ наслѣдникомъ.

Регентъ-дядя, епископъ и опекунъ, съ удовольствіемъ тайно отпустилъ племянника въ Россію, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ вступалъ въ его права и герцога голштинскаго, и наслѣдника шведскаго престола. Вдобавокъ Елизавета за уступку мальчика Россіи обѣщала вооруженной рукой поддержать дядю въ его правахъ на шведскую корону.

Пятаго февраля 1742 г. за пять дней до дня своего рожденія, въ который ему должно было минуть четырнадцать лѣтъ, маленькій герцогъ въѣхалъ въ Москву и при коронаціи императрицы былъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Снова начались уроки уже не шведскаго, а опять русскаго языка, хотя пріобщеніемъ къ православію почему-то медлили.

Но черезъ восемь мѣсяцевъ Фридрихъ I капризно и настойчиво пожелалъ имѣть наслѣдникомъ не епископа Любекскаго, которому было тридцать лѣтъ, а 14-ти-лѣтняго племянника, Петра-Ульриха, увезеннаго обманомъ въ Россію.

Другое посольство явилось уже не въ Голштинію, а въ Россію, чтобы требовать мальчика у его тетки. Императрица, извѣщенная о посольствѣ за нѣсколько дней до пріѣзда пословъ, поспѣшила окрестить мальчика снова и пріобщить къ православію, въ которомъ онъ уже былъ прежде. Такимъ образомъ, въ третій

разъ заставили мальчика перемѣнить вѣру. Посольству было, конечно, отказано и указано на епископа Любекскаго, его дядю. Казалось, что судьба смѣется надъ малорослымъ, худымъ, блѣднымъ, совершенно болѣзненнымъ ребенкомъ, которому на видъ казалось не 14-ть лѣтъ, а скорѣе десять, заставляя двѣ сильныя державы спорить изъ-за него, требуя на свой престолъ. Опоздай Елизавета выписать къ себѣ племянника всего нѣсколько мѣсяцевъ и голштинскій принцъ былъ бы шведскимъ королемъ. И судьба его была бы, конечно, совершенно иная. Шведское посольство, не достигнувшее своей цѣли въ Москвѣ, уѣхало. Наслѣдникомъ поневолѣ былъ сдѣланъ епископъ и герцогъ голштинскій, и спустя восемь лѣтъ послѣ этого занялъ шведскій престолъ подъ именемъ Фридриха-Адольфа. А бѣдноодаренный природой и изуродованный воспитаніемъ, больной и щедушный мальчикъ остался наслѣдникомъ русскаго престола, чтобы современемъ процарствовать только шесть мѣсяцевъ.

При Петрѣ Ѳедоровичѣ состоялъ по прежнему, пріѣхавшій изъ Голштиніи, его воспитатель Брюммеръ, который такъ странно понималъ свою обязанность и такъ себя велъ съ питомцемъ, что явилось даже подозрѣніе объ умышленномъ, съ его стороны, желаніи исковеркать природу наслѣдника русскаго престола. Петръ Ѳедоровичъ глубоко и сильно ненавидѣлъ Брюммера и первыми друзьями его были его двое слугъ, тоже нѣмцы. Но дружба эта повела къ тому, что одинъ изъ двухъ, камеръ-лакей Румбергъ, былъ спустя два года сосланъ въ Сибирь. И только императрица, самъ Петръ, Брюммеръ, да двое или трое лицъ знали за что ссылается этотъ Румбергъ. Великій князь много и долго сожалѣлъ о любимцѣ. Спустя два года появилась въ Россіи и юная принцесса Цербстская. Чрезъ годъ еще, болѣзненный юноша, на видъ ребенокъ, сталъ мужемъ. За это время, впродолженіи только двухъ лѣтъ, онъ три раза былъ отчаянно болѣнъ и при смерти.

Когда только наслѣдникъ престола былъ обвѣнчанъ, то его воспитатель Брюммеръ былъ удаленъ. Но оригинальная система воспитанія, отчасти и природныя свойства дали свои плоды. Наслѣдникъ былъ самый странный молодой человѣкъ, не нѣмецъ, но и не русскій, не уменъ, но и не глупъ, и положительно остроуменъ, ядовитъ въ насмѣшкѣ и шуткѣ, не добрый, часто жестокій, но въ сущности не злой, и чувствительный, съ безумными вспышками гнѣва и въ то же время съ порывами искрен-

ней задушевности и сердечности. Императрица относилась къ нему поневолѣ крайне строго и при всемъ желаніи любить его, не могла. Часто проявлялись въ племянникѣ такія черты, которыя смущали ее, приводили въ отчаяніе, отталкивали и безпокоили за его будущность.... и будущность Россіи. Нѣкоторые недостатки появлялись какъ-то временно, какъ болѣзнь, и проходили. Одно время онъ сдѣлался хвастливъ, лгалъ и выдумывалъ постоянно и это доходило до такихъ размѣровъ, что начинали опасаться, въ своемъ ли онъ разумѣ. Одно время онъ клялся и увѣрялъ, что былъ произведенъ въ полковники своимъ отцомъ за то, что, командуя голштинскимъ войскомъ, отличился въ сраженіи противъ Датчанъ, которыхъ побѣдилъ. Всѣмъ было извѣстно, что ни этой войны, ни чего либо подобнаго никогда въ его жизни не было. Иногда также временно и болѣзненно нападала на него жестокость, онъ искалъ жертвъ, заводилъ своры собакъ и нещадно сѣкъ ихъ, или, наконецъ, выдумывалъ такія игры, въ которыхъ могъ большимъ бичемъ бить свою прислугу. Однажды онъ засѣкъ свою любимую собаку и переранилъ всѣхъ остальныхъ. Наконецъ, въ другой разъ наставилъ мышеловокъ у себя въ горницахъ и такъ какъ деревянный полугнилой дворецъ изобиловалъ мышами и крысами, то онъ быстро наловилъ ихъ кучу. И явилась новая любимая забава: поймать большую крысу, устроить висѣлицу, потомъ прочитать приговоръ, замѣчательно остроумно написанный, гдѣ исчислялись всѣ ея государственныя преступленія, а затѣмъ, повѣсивъ ее на снуркѣ, съ барабаннымъ боемъ маршировать кругомъ преступника.

Ко всему этому, одновременно съ его женитьбой, примѣшались двѣ слабости. Онъ сталъ влюбляться и ухаживать поочередно за всѣми обитательницами дворца, перейдя отъ самой красивой фрейлены Коръ до самой некрасивой, и кончилъ тѣмъ, что влюбился серьезно въ баронессу Черкасову, дочь сосланнаго Бирона, которая была не только крайне дурна собой, но и горбата. Вмѣстѣ съ этимъ онъ началъ все болѣе любить крѣпкіе напитки, вредно дѣйствовавшіе на его здоровье, и тайно отъ государыни завелъ въ горницахъ своихъ цѣлые шкафы, переполненные всякаго рода иностранными винами.

Наконецъ, когда ему было уже за тридцать лѣтъ и когда онъ въ теченіи двадцати лѣтъ жизни въ Россіи не завелъ себѣ ни единаго друга, а нажилъ много враговъ,—онъ сталъ императоромъ.

Въ день Рождества Христова, въ минуту захода солнца, закатилось и россійское солнце, «дщерь Петрова», царствованіе которой считалось современниками исключительно на столько славнымъ и великимъ, и никто, конечно, не могъ себѣ представить, что когда либо на Руси появится другая женщина, способная затмить ея великія и славныя дѣянія.

Генералъ-прокуроръ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, въ четыре часа пополудни вышелъ изъ опочивальни императрицы и объявилъ придворнымъ о ея кончинѣ. Весь дворецъ и многія палаты сановниковъ и вельможъ огласились совершенно искренними рыданіями.

— Что будетъ? явился вопросъ и угрозой отдавался на сердцѣ у всякаго.

Петръ Ѳедоровичъ, стоявшій у постели тетки вмѣстѣ съ супругой, какъ только увидѣлъ, что государыня испустила послѣднее дыханіе, тотчасъ же отдалъ первый свой приказъ:

— Выстроиться гвардіи на Дворцовой площади!

Покуда женщины надъ теплымъ трупомъ совершали разные древніе и языческіе обряды, Петръ Ѳедоровичъ ужъ въ темнотѣ объѣхалъ верхомъ ряды полковъ, принимая отъ нихъ первыхъ, прежде сената и синода, поздравленія съ вступленіемъ на императорскій прародительскій престолъ.

Затѣмъ съ слѣдующаго же дня явились государственныя заботы. Главными, стоявшими первыми на очереди, были: замѣна однообразнаго мундира гвардіи безчисленными мундирами новаго образца, всевозможныхъ колеровъ; затѣмъ окончательная и скорѣйшая отдѣлка новаго дворца, и третья, самая серьезная забота—прекратить войну съ королемъ Фридрихомъ II.

Въ первые мѣсяцы царствованія новаго императора многіе его враги должны были поневолѣ примириться съ нимъ. Нѣсколько дѣйствительно умныхъ людей, призванныхъ имъ къ кормилу правленія, поняли, что прежде всего надо привлечь къ себѣ любовь всѣхъ сословій. И нежданно явились двѣ крупныя государственныя мѣры, отъ которыхъ возликовали всѣ:—«вольность дворянская», то-есть позволеніе не служить тому, кто не хочетъ, и свободно проживать гдѣ вздумается, въ своемъ ли имѣніи или за-границей; а затѣмъ—уничтоженіе страшилища, отъ котораго почти тридцать лѣтъ трепеталъ всякій православный,—уничтоженіе тайной канцеляріи «слова и дѣла», цѣлаго легіона тайной

добровольной арміи доносчиковъ. Но это были первыя и послѣднія мѣры, отъ которыхъ возликовала Россія.

Когда Петръ Ѳедоровичъ, въ первый разъ по воцареніи, явился въ синодѣ, то извѣстный, всѣми современниками уважаемый, бывшій профессоръ кіевской академіи, Сѣченовъ, первенствующій членъ синода, встрѣтилъ государя рѣчью горячей и краснорѣчивой. Онъ сравнивалъ восшествіе его на престолъ съ рождествомъ Спасителя міра!... А когда шесть мѣсяцевъ спустя такою же рѣчью встрѣчалъ онъ Екатерину, то былъ тоже искрененъ, и былъ правъ! Надежды были у всѣхъ, но были обмануты!...

Съ первыхъ дней правленія Петръ Ѳедоровичъ началъ новую дѣятельную жизнь. Всѣ шутки и игры были брошены; ежедневно вставалъ онъ въ шесть часовъ утра и требовалъ, чтобы въ семь, еще до разсвѣта, всѣ министры, флигель- и генералъ-адъютанты и ближайшіе царедворцы были уже у него для доклада и полученія приказаній. Во все входилъ онъ самъ и докладъ длился часто до одиннадцати часовъ. Но какъ бы въ награду за этотъ утренній трудъ или чтобы отдохнуть, съ одиннадцати ежедневно, не смотря ни на какую погоду, начинались занятія съ петербургскимъ войскомъ—ученіе, смотры и парады.

Прошло три мѣсяца царствованія и Россія узнала, чего ей ожидать.... Нѣкоторыя государственныя мѣры были глубоко законны, правдивы и спасительны, но были приняты, какъ кара Господня. Явилась отписка и отнятіе вотчинъ и рабовъ у всѣхъ монастырей—и все духовенство, съ тѣмъ же Сѣченовымъ во главѣ, подняло отчаянный и громкій ропотъ. Явилось учрежденіе государственной конторы, которая должна была выпустить, вмѣсто серебра и золота, бумажные билетики, съ тѣмъ, что эти клочки бумаги будутъ называться деньгами и всякій будетъ обязанъ ихъ брать подъ страхомъ строжайшаго наказанія, — и уже всѣ сословія роптали въ ужасѣ и недоумѣніи. Но затѣмъ, въ виду государственной пользы, снова будетъ возстановлена смертная казнь—и это многихъ обрадовало.

— Покойная императрица дала обѣтъ, рѣшаясь на переворотъ и арестъ Брауншвейгской фамиліи, что она отмѣнитъ смертную казнь, но вѣдь она уже отцарствовала,—разсуждали сановники,—стало быть, ея обѣту срокъ вышелъ. Надо взять примѣромъ Великаго Петра и устроить суды и казнь по его образцу!

Затѣмъ гвардія вознегодовала въ свой чередъ, такъ какъ стали ходить слухи, что она будетъ уничтожена, а останется

одинъ лейбъ-кирасирскій полкъ; всѣ же остальные полки будутъ сравнены съ полевыми командами, будутъ переводиться съ мѣста на мѣсто по всей Россіи и только нѣкоторые изъ нихъ по-очереди будутъ стоять годичнымъ постоемъ въ столицѣ. Наконецъ, будетъ заключенъ дружескій, крѣпкій миръ съ нѣмцами, вѣковыми врагами.... и вѣчными!...

XIII.

Въ субботу, 6-го апрѣля, уже вечеромъ, когда въ Петербургѣ, за исключеніемъ чужеземцевъ, всѣ, отъ вельможи до простолюдина, отъ мала до велика, готовились къ Великой Заутрени Свѣтлаго, Свѣтлѣйшаго Праздника, когда самые лѣнивые отдыхали передъ долгимъ предстоящимъ стояніемъ, а богомольные не выходили даже изъ церквей, — въ старомъ дворцѣ, императрица, окруженная немногими близкими людьми, тоже собиралась въ Казанскую церковь къ первой заутрени новаго царствованія.

Она была печальна, блѣдна и задумчива! Мысль, что, быть можетъ, слѣдующую заутреню она встрѣтитъ въ платьѣ инокини въ какомъ-нибудь дальнемъ монастырѣ, не покидала ее ни на минуту.

Въ то же время въ новый дворецъ, по расчищенной черною площади, перевозились собственныя вещи государя. Комнаты его въ старомъ дворцѣ уже на половину опустѣли, а въ новомъ онъ самъ устраивался и раскладывался. Принцъ Жоржъ помогалъ ему, какъ могъ и умѣлъ, т. е., по слабости, больше совѣтами, а не дѣйствіями.

Прискакавшій курьеръ доложилъ государю предъ полуночью, что Казанскій храмъ полонъ и всѣ ожидаютъ его.

— Пускай начинаютъ. Видишь тутъ что! фамильярно показалъ государь на свои горницы, переполненныя неразставленнымъ и неразложеннымъ добромъ.

Въ ту минуту, когда государь заспорилъ съ Жоржемъ, на какой стѣнѣ развѣшать безчисленное оружіе, явился снова другой курьеръ.

— Чего тамъ?

— Заутреня на половинѣ.

— Ахъ, Господи! Какъ надоѣли! Сейчасъ!

Не успѣлъ государь обернуться, устроить свой кабинетъ хоть немножко, какъ по городу начался шумъ, стукъ экипажей и гулъ народный....

— Что такое?

Православные изъ храмовъ Божьихъ по домамъ ужъ идутъ! И среди ночи, но уже съ блѣдной зарей на востокѣ, всѣ встрѣчные прохожіе обнимаются и цѣлуются троекратно,—и на площади, и у подъѣзда дворца, и въ самомъ дворцѣ! Всѣ изъ-за дѣла и работы во дворцѣ не попавшіе въ храмъ, жалѣютъ, что не могли перекрестить лба въ великій день, и вдругъ, заслышавъ шумъ на улицѣ, начинаютъ тоже по всѣмъ корридорамъ и горницамъ цѣловаться. И всякій лѣзетъ, и другъ къ другу, и врагъ къ врагу, и мальчуганъ къ старику, и хворая бабушка къ усатому солдату. Всѣ равно сходятся, обнимаются, цѣлуются.... И слышится, и старая, и новая, и вѣчная вѣсть:

— Христосъ воскресе!

Стоитъ у окна кабинета государя принцъ Жоржъ и дивится! Смотритъ онъ въ лорнетъ на улицу и охаетъ, даже головой качаетъ. Слыхалъ онъ про это и ожидалъ, а все-таки überaus wunderlich и даже sehr dumm выходитъ.

Вотъ идетъ какой-то сизый тулупъ и тащитъ что-то тяжелое, повстрѣчалъ бабу, кладетъ тяжелую ношу на землю.... и цѣлуются.

— О! восклицаетъ принцъ Жоржъ и улыбается.

Вотъ ѣдетъ порожній извощикъ, встрѣтилъ солдата, слѣзъ съ козелъ, будто за какимъ необходимымъ дѣломъ, и, бросивъ лошадь, идетъ къ солдату.... и цѣлуются!

— О—о! восклицаетъ Жоржъ и смѣется.

Ѣдетъ большая колымага цугомъ, встрѣтила маленькую берлинку раззолоченную. Двое вельможъ въ мундирахъ и орденахъ, въ разныхъ храмахъ встрѣтивъ праздникъ, теперь повстрѣчались среди площади.

— Стой!

И оба лѣзутъ вонъ, на улицу, и среди двухъ остановленныхъ экипажей.... цѣлуются.

— О—о—о! восклицаетъ Жоржъ, и ужъ даже не смѣется, а стыдится за вельможъ. Наводя лорнетъ на нихъ, онъ восклицаетъ уже такъ громко, что государь бросилъ любимую картину, которую собирался повѣсить, изображающую голову борзой собаки, ставитъ ее на полъ и съ трубкой въ зубахъ оборачивается къ окну.

— Was? изумляется онъ и идетъ къ дядѣ, обдавая его лиловатымъ клубомъ кнастера.

— Merkwürdig! говоритъ принцъ и объясняетъ въ чемъ дѣло.

Государь разсмѣялся.

— Это всегда такъ! Это такой обычай древній. Еврейскаго происхожденія!

— Еврейскаго? изумляется принцъ. Но онъ вѣритъ на слово своему племяннику....

Однако пора была отдохнуть. Принцъ Жоржъ уѣхалъ къ себѣ, государь легъ спать.

Черезъ нѣсколько часовъ, въ полдень, вся площадь была покрыта экипажами и верховыми лошадьми и весь Петербургъ знатный и богатый толпился во дворцѣ, поздравляя государя. Но на этотъ разъ торжественный пріемъ Свѣтлаго Воскресенія вышелъ чѣмъ-то другимъ... Вышелъ, по замѣчанію многихъ сановниковъ, «машкерадомъ».

Въ Свѣтлое Воскресенье было приказано всѣмъ полкамъ и всѣмъ должностямъ въ первый разъ надѣть новые мундиры. И всѣхъ цвѣтовъ костюмы, отъ ясно-голубаго и желтаго, до яркопунцоваго и лиловаго, съ безчисленнымъ количествомъ галуновъ, шитья и эксельбантовъ замѣнили собой одноцвѣтный, общій всей гвардіи, темно-синій. Прежній покрой тоже исчезъ, длинныхъ фалдъ не было и всѣ, отъ фельдмаршала до сержанта, явились куцыми, будто окургуженными.

И въ горницахъ дворца то и дѣло раздавалось:

— О Господи, вотъ чуденъ-то! Это кто жъ будетъ?

— Кирасиръ.

— Гляди, гляди, а это что?

— Да это Трубецкой, Никита Юрьичъ....

— Батюшки-свѣты, не призналъ. Да въ чемъ же онъ?

— Преображенцемъ.

— Матерь Божья! Ну, а бѣлые-то, бѣлые?

— Это по флоту!

— А энтотъ весь въ золотыхъ веревочкахъ, въ постромкахъ, будто пристяжная! Голубчикъ, да вѣдь это полицмейстеръ Корфъ! Никого не признаешь. Ну, машкерадъ!

И вмѣсто христіанскаго привѣтствія, христосованія, во всѣхъ покояхъ дворца ходило новое привѣтствіе:

— Машкерадъ, родимый! Воистину, машкерадъ!

И весь день во дворцѣ толклись кучи народа до обѣда, потомъ все пообѣдало за огромными столами и осталось до ужина.

И за этотъ день были двѣ интересныхъ новости. Елизавета Романовна Воронцова явилась въ Екатерининской лентѣ и звѣздѣ, а при выходѣ шла рядомъ, даже почти на четверть впереди, съ государыней Екатериной Алексѣевной. Воронцова, закинувъ голову, съ безсмысленно важной усмѣшкой на красноватомъ опухшемъ лицѣ, съ заплывшими жиромъ глазками, молча и глупо оглядывала толпы тѣснящихся при ея проходѣ придворныхъ. Государыня Екатерина Алексѣевна прошла всѣ горницы, понуривши и не поднимая глазъ и отъ обиды, и отъ стыда, и отъ боли на сердцѣ!...

Другая новость была смѣшнѣе и любопытнѣе. По пріѣздѣ принца Жоржа въ Россію, государь приказалъ всѣмъ посланникамъ явиться къ нему, не дожидаясь его визита. Никто изъ нихъ не поѣхалъ, кромѣ прусскаго посланника. Теперь государь приказалъ, черезъ канцлера Воронцова, всѣмъ иностраннымъ резидентамъ изъ дворца ѣхать тотчасъ же съ поздравленіемъ къ Жоржу, принимавшему у себя послѣ большаго пріема. Поѣхалъ прусскій посланникъ Гольцъ и хитрая, румяно- рыжая особа, посланникъ гордаго Альбіона, Кейтъ. Остальные послы и иностранные министры опять не поѣхали.

Государю даже побоялись въ первый день праздника и доложить объ этомъ. На его вопросъ, уже вечеромъ, за ужиномъ, были ли у принца Жоржа послы, Жоржъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и отвѣчалъ:

— Были.

Почти до разсвѣта шло во дворцѣ ликованіе за ужиномъ. Многіе сановники, вернувшись по домамъ зѣло во хмѣлю, чрезъ силу кое-какъ разцѣпились съ своими новыми мундирами и амуниціей. И трезвому мудрено было сразу привыкнуть ко всѣмъ веревочкамъ, бирюлькамъ, постромкамъ и цацамъ. А ужъ во хмѣлю и совсѣмъ.... аминь! Что тебѣ гишпанская запряжка!

— Ну что, родимый, каковъ тебѣ кажетъ твой новый мундиръ? спросилъ графъ Алексѣй Разумовскій брата своего, гетмана.

— Да что, батя, отвѣчалъ гетманъ старшему брату, прелюбопытно! Перетянули всего, связали по рукамъ, по ногамъ, и по горлу, и по спинѣ. Да гремитъ, стучитъ, хлебыщетъ все. И ьотъ, ей-ей, сдается, будто тебя на цѣпь посадили! Хочешь двинуться—громыхаетъ да звенитъ все! Хочешь слово молвить, а отъ громыханія этого голоса своего не узнаешь.И сдается тебѣ, будто и впрямь, скачешь да лаешь, какъ песъ на цѣпи.

— Знаешь что, голубчикъ, какъ горю пособить?

— Какъ?

— Помирать.... Ей-ей, пора! А то еще козой одѣпутъ и плясать заставятъ съ медвѣдемъ....

— Ну что жъ. И попляшемъ! Не важность.... Вѣдь не долго....

— Что? Плясать-то не долго.... Ну, Кириллушка, это бабьи сказки.

— Нѣту, батя, погляди.... Будетъ перемѣна погоды и вёдро!

— Кто ее сдѣлаетъ?!...

— Не мы!...

Гр. Салiасъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕЖДУ ВѢЧНОСТЬЮ И МИНУТОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ III.

Глава XVIII.

Княжна Елена провела тревожную ночь. Едва только начинала забываться, едва только слабый, прерывистый сонъ начиналъ смыкать ей вѣки, какъ Вася появлялся передъ нею, блѣдный, взволнованный, и опять дико блуждалъ его взглядъ, опять слышались ей страшныя слова надорваннаго голоса: «И пусть!... Пусть погибну, но погибну, какъ взрослый, а не какъ дитя». И ей уже казалось, что онъ гибнетъ, гибнетъ теперь, именно въ эти минуты, гибнетъ тамъ, гдѣ все весельемъ дышетъ, гдѣ пѣнится вино.... Княжна вздрагивала, просыпалась, испуганно осматривалась. «Гдѣ же это, гдѣ?!»

Слабо мерцалъ въ полуосвѣщенной, огромной спальнѣ оранжевый огонекъ лампады. За батистовой занавѣсой крѣпко, безпечно спала, равнодушная ко всему и ко всѣмъ, кромѣ себя, княжна Софья. Свернувшись клубкомъ на коврикѣ у ея ногъ, время отъ времени сладко всхрапывая, спалъ ея любимецъ Неронъ. Кто жъ отвѣтитъ ей, кто успокоитъ, кто хотя нѣсколько уйметъ тревогу ея сердца здѣсь, въ этомъ такъ крѣпко, такъ безмятежно спящемъ домѣ?! И кто жъ его даже знаетъ, кромѣ сестры Софьи, которая назвала его страннымъ и смѣшнымъ, и осмѣяла ея заботливость объ немъ. «И такъ не одна она!... Такъ всѣ, рѣшительно всѣ!» мелькало княжнѣ и, еще болѣе волнуясь, негодуя и на себя, и на него, она снова уходила въ свои тревожныя догадки. «Тамъ!! Гдѣ это тамъ?» «Тамъ, гдѣ, какъ въ

туманѣ звѣзды, въ чаду безумныхъ наслажденій, обнаженныя мелькаютъ плечи!» какъ бы въ отвѣтъ слышались ей опять слова Васи, и она снова чувствовала непріятный знобъ, знобъ безотчетнаго ужаса, знобъ отвращенія къ этому невѣдомому ей мѣсту, изъ котораго такъ часто возвращались ея братья, Михаилъ и Николай, пьяные, безобразные....

— И неужели онъ, Вася, такой славный, добрый, любящій мальчикъ станетъ такимъ же, какимъ былъ уже братъ Николай, мелькнуло ей, и такъ живо вспомнилась еще недавная, полная ужаса, полная горя, полная слезъ, ночь.—Часу въ 12-мъ раздался рѣзкій, отрывочный звонокъ. Она поняла, что это онъ, что вѣроятно пьянъ, что иначе не рѣшился бы въ такую пору пріѣхать въ домъ, тревожить мать, отца, тревожить всѣхъ и, за него дрожа, его желая охранить отъ отцовскаго гнѣва, она сама сбѣжала внизъ, въ пріемную. Онъ былъ уже въ сосѣдней комнатѣ дворецкаго Максима. Она открыла дверь и, охваченная ужасомъ, невольно отступила отъ порога.—Весь красный, дрожа отъ гнѣва, брянча саблей, онъ бранилъ Максима какими-то непонятными ей словами.—Коля, Коля, Бога ради, тише!... Отецъ ужъ легъ!... Ну, вдругъ услышитъ!—А мнѣ нап-п-п-левать! Чортъ ихъ дери! и шатаясь, стуча кулакомъ по столу, онъ обратился къ ней. Она невольно отвернулась: такъ пахнуло ей въ лицо виномъ, такъ отвратителенъ былъ его видъ въ эту минуту. Порванъ, въ грязи испачканъ уланскій сюртукъ; кровью налиты глаза и жилы на лбу.—Коля, Коля! Ну можно-ль это? ломая пальцы на рукахъ, отчаянно шептала она.

— Молчать! ударивъ кулакомъ по столу, хрипло крикнулъ онъ. — Она вздрогнула, поблѣднѣла, инстинктивно отстранилась.—Да ты это куда жъ?! Нѣтъ шалишь! и, грубо схвативъ за руку, онъ втянулъ ее въ коморку.—Вы, Ваше Сіятельство, княжну не трогайте! быстро перехвативъ его руку, вступился испуганный дворецкій. — Молчать, холопъ!... Слышь, Лёлька, ступай къ матери, принеси мнѣ сто рублей уже мягче отнесся онъ къ ней.—Нѣтъ, нѣтъ, Николай.... Что ты!... Какъ можно теперь, когда они ужъ спятъ.—Что-о-о?! и онъ опять сжалъ ей руку.—Нѣтъ, не могу, право не могу, Николай! силясь освободить руку, растерянная, блѣдная, дрожащая отъ ужаса, съ глазами полными слезъ, шептала она.

— А вотъ я тебѣ помогу! и, быстро обнаживъ саблю, онъ замахнулся ею надъ ея головою. Она инстинктивно закрылась

рукою, отшатнулась. На слѣдующій день она узнала, что, если бъ не дворецкій, успѣвшій задержать его руку, то онъ бы навѣрное разсѣкъ ей голову.

Рѣзкій, отрывочный звонокъ раздался внизу. Она вздрогнула, полуприподнялась и, боязливо осмотрѣвшись, нервно вслушалась.... Но все та же мертвая тишина, на мгновеніе прерванная звонкомъ, царила въ домѣ; все также слабо мерцалъ огонекъ у образницы, все также сладко и крѣпко спалъ безпечный Неронъ.... Княжна вздохнула, выпрямилась, прильнула къ холодному концу подушки горячею, какъ огонь, головою. Но нѣтъ, видно напрасно ждала она сна въ эту ночь. Ей живо вспоминалось утро, наступившее послѣ ужасной ночи, раскаяніе Николая, его страхъ за нее, его слезы, и такъ стало жаль его, такъ стѣснилось, заныло сердце по немъ, по его еще недавному прошлому, когда всѣ его такъ любили за кроткій нравъ, за доброту, за уступчивость. Онъ былъ такой же въ ту пору, точь въ точь такой же, какъ Вася, и ей казалось, что онъ и Вася одно лицо, и что Вася непремѣнно погибнетъ, какъ погибалъ несчастный Николай, какъ погибъ уже за эту противную княгиню бѣдный баронъ.—Ахъ!... Если бъ она могла только, если бъ она была свободна, она бы, не медля ни минуты, поѣхала бы къ Бояриновымъ, узнала бы, что съ нимъ, поддержала бы, спасла бы его.... И снова стоялъ передъ нею Вася, блѣдный, убитый горемъ, снова, точно моля о поддержкѣ, смотрѣлъ ей въ глаза своимъ выразительнымъ, полнымъ страданія взглядомъ.—О, нѣтъ, нѣтъ! Богъ не допуститъ, Богъ поможетъ, Богъ спасетъ,—все болѣе и болѣе волнуясь, подумала княжна.... полуприподнялась, оперлась рукою о подушку, спустила ноги съ кровати, торопливо надѣла туфли и, неслышными шагами подойдя къ образницѣ, припала передъ нею на колѣна.... Скрестивъ руки на груди, высоко приподнявъ рѣсницы на полуосвѣщенный ликъ Богоматери, взглядомъ полнымъ вѣры, любви, тихо молилась она.... И ей уже казалось, что Богоматерь смотритъ на нее изъ образницы своими кроткими, глубокими глазами, что Она ее видитъ, ее слышитъ, ей поможетъ, ихъ спасетъ, и все горячѣй и горячѣй ея молитва; все ярче и ярче румянецъ въ лицѣ; все быстрѣй шевелились, точно огнемъ опаленныя, ало-нѣжныя губы; на рѣсницахъ набѣгали слезы.... Слеза за слезой, одна другой крупнѣй, одна другой отраднѣй, и все легче на сердцѣ, все свѣтлѣе вокругъ.... Вотъ улыбнулась сквозь слезы, вздохнула, медлен-

но встала, перекрестилась и, приложившись къ рукѣ Богоматери, не спѣша, возвратилась къ кровати..., Самой сталъ непонятенъ свой же страхъ.... И мѣрно, и спокойно билось оживленное безотчетною, теплою вѣрою сердце.... Все пріятнѣй и пріятнѣй неслись воспоминанія.... Вѣра Павловна, Гирѣевскій, Коваленко, Вася.... Она тихо, спокойно заснула.... Что-то свѣтлое, радостное носилось надъ нею....

Проснувшись часовъ въ 10 утра, княжна рѣшилась поѣхать къ Вѣрѣ Павловнѣ и, не смотря на всѣ доводы Софьи, убѣждавшей и ее, и мать въ томъ, что ей вовсе не слѣдъ знакомиться со всякою швалью, она въ 12 подъѣхала уже къ гостинницѣ «Миланъ».

Увидѣвъ черезъ окно, обрадованная Вѣра Павловна встрѣтила ее въ корридорѣ.

— У! Да какъ же вамъ досталось?!.. Бѣдная моя! вводя ее за обѣ руки въ свою маленькую комнату, участливо говорила она.

Точно крапивой ожегъ морозъ княжнѣ уши. Снѣжный вихрь почти на самыя брови сбилъ ея черную, бархатную, соболемъ опушенную шапочку, крупными хлопьями забросалъ ей шубку.

— Сегодня такой холодъ, да еще съ вѣтромъ!... Такъ и свиститъ, такъ и рѣжетъ, точно ножемъ по лицу.... Ужасъ!... Андрей, бери! и, сбросивъ ему на руки шубку, княжна, зажмурившись, тряхнула головой.

— Хотите чаю?... Сейчасъ отогрѣетесь.

— А, нѣтъ! Я не могу. Мнѣ некогда.

— Это отчего?

— У насъ сегодня гости, и я отправилась всего на 20 минутъ, 10 на проѣздъ, да 10 у васъ.

— Ну, ужъ это глупости!... Не пущу и все тутъ.

— Ну 15, а ужъ больше никакъ, — слегка подумавъ, рѣшила княжна.

— Ну, а если 20? улыбаясь, перебила Вѣра Павловна.

— О, нѣтъ, не могу, право не могу, Вѣра Павловна,—оттирая себѣ уши обѣими руками, тономъ испуга отвѣчала она.

— Вы ужъ не отморозили ли, княжна?

— Ихъ-то? О, они у меня привычныя. Терпѣть не могу кутать.

— Что же вы все стоите, княжна? Развѣ еще хотите вырости?... Довольно, кажется.... И такъ на цѣлую голову выше меня.... Люблю я хорошій ростъ.

— А я такъ не люблю, быстро отбрасывая длинный шлейфъ своего чернаго, шелковаго платья и усаживаясь въ самый уголъ дивана, возразила княжна.—И престранно!

— Что престранно?

— Отчего это маленькіе люди любятъ большихъ, а большіе маленькихъ?... Вотъ и я вѣрно оттого себя не люблю, что большая.

Вѣра Павловна тихо разсмѣялась.

— Какая вы милая, княжна! И придетъ же вѣдь это въ голову.

— Что?

— Да что вы не любите себя за ростъ.

— Право же, Вѣра Павловна, а то за что же еще?

— Если бъ я была мужчина, я бъ со вчерашняго вечера потеряла по васъ голову, княжна.

— А я вотъ и не мужчина, а вы мнѣ всю ночь снились, Вѣра Павловна.... И знаете за что?

— За что?

— За Васю.... За то, что вы одна къ нему были такая добрая,—и она потупилась, точно созналась ей въ чемъ-то, въ высшей степени предосудительномъ.

— Ну, а вы?

Княжна не отвѣтила. Наступила пауза.... Вѣра Павловна задумалась.... Княжна видимо колебалась: ей хотѣлось спросить о Васѣ и что-то сдерживало ее.

— Не знаю, какъ понять.... Александра Игнатьевна обѣщала мнѣ дать знать, какъ только встанетъ, о Васѣ, какъ провелъ онъ ночь. Но вотъ ужъ скоро 12 и все еще ничего нѣтъ отъ нея.

— Вы бы сами съѣздили, мелькомъ на нее глянувъ, быстро отозвалась княжна.

— Если до часу не пришлетъ, поѣду....

— Я такъ вчера разозлилась на Софью, что она заставила уѣхать.... Вѣдь онъ поѣхалъ съ матерью?

— Да.

— И скоро послѣ нашего отъѣзда?

— Скоро.

— Такъ, что...? и княжна опять смѣшалась, не договорила. Вѣра Павловна вопросительно посмотрѣла на нее.

— Такъ, что никто не замѣтилъ? быстро спросила княжна и снова остановилась.

— Чего не замѣтилъ?

— Да что онъ былъ въ такомъ.... въ такомъ состояніи, договорила княжна и покраснѣла: такъ ей и жаль было Васю въ эту минуту и совѣстно за него.

— Ну, этого нельзя сказать.... Напротивъ, всѣмъ бросилось въ глаза.

— Но, неужели его кто-нибудь осудитъ, Вѣра Павловна? Положимъ, это дурно, очень дурно, но развѣ онъ виноватъ?... Виновата княгиня, виноватъ Шилковъ, но ужъ никакъ не онъ!

— Но кто жъ въ это станетъ вникать, княжна?

— Какъ кто? Всякій, въ комъ есть сердце! горячо возразила княжна.

— Вотъ именно!... Въ комъ есть сердце!... А въ комъ оно есть?... Люди злы!... Они несравненно болѣе любятъ обвинять, чѣмъ оправдывать.... И это понятно!... Всякому, я разумѣю большинство людей, свойственно считать себя выше другихъ, а вѣдь чѣмъ болѣе я унижаю моего сосѣда, тѣмъ выше кажусь сама. Это грустно, досадно, но это такъ!

— Нѣтъ! Я никогда, никогда не повѣрю этому! горячо возразила княжна, задѣтая за самую живую, за самую больную въ ней струнку.

— Чему не повѣрите?

— Да тому, что вы говорите, что люди злы, что для нихъ пріятно унизить, хотя бы даже ребенка!

— Мнѣ тяжело разочаровывать васъ, княжна! Но еще будетъ хуже, когда ваши добрыя вѣрованія поколеблетъ, разобьетъ сама жизнь!... А это будетъ, неизбѣжно будетъ!... Каждый изъ насъ прошелъ черезъ это, каждый убѣдился, что нами скорѣе правитъ зло, чѣмъ добро.

— Нѣтъ, нѣтъ! качая головою, перебила княжна.

— Да почему же нѣтъ-то? невольно улыбаясь на нее, тихо спросила Вѣра Павловна.

— Да потому, что я чувствую, что это не такъ,—все болѣе и болѣе горячилась княжна.

— Ну, такъ ваши чувства обманываютъ васъ!... Не будете же вы утверждать, что зла нѣтъ на землѣ?...

— Нѣтъ, не буду.... Оно есть!... Но, только нечаянное!...

— Какъ это нечаянное?...

— Да такъ!... Напримѣръ, взять моихъ братьевъ... Они лѣнились, нигдѣ не кончили курса, поступили въ военную службу, тратятъ слишкомъ много, входятъ въ долги, и, конечно, это огорчаетъ и родителей, и насъ, сестеръ, но они вовсе незлые, они любятъ, раскаиваются и все-таки не могутъ остановить себя.... Такъ всѣ!

— Вы хотите сказать, княжна, что вы не допускаете въ человѣкѣ самой склонности дѣлать зло ради зла.... Пожалуй, такихъ немного!... Это уже въ конецъ извращенныя натуры. Но за то въ большинствѣ человѣкъ не остановится, выражаясь аллегорически, причинить самымъ даже близкимъ ему людямъ убытокъ на рубль, лишь бы самому нажить грошъ.

— Какъ такъ?

— Я хотѣла сказать, что рѣдкій изъ насъ задумается причинить горе другому, если только можетъ надѣяться, что этимъ своимъ дѣйствіемъ доставитъ пользу или удовольствіе себѣ. Напримѣръ, возьмемъ какую-нибудь госпожу А, заинтересованную, только заинтересованную, господиномъ Б, мужемъ С, женщины, любящей его всѣмъ сердцемъ, женщины, счастіе которой онъ составляетъ.... И что же вы думаете?... Неужели допускаете мысль, что она содрогнется, отступитъ!... Ни мало.... Если такъ думаете, горько ошибаетесь. Она его отобьетъ, она имъ воспользуется!

— О, никогда, никогда! горячо перебила княжна. Это можетъ сдѣлать только женщина безъ сердца, какъ.... и княжна порвалась.

— Какъ кто?... Какъ княгиня? спросила Вѣра Павловна.

— Да... именно, какъ княгиня, — едва слышно созналась княжна.

— Я сама такъ думала, когда была вашихъ лѣтъ, княжна.... Но, жизнь научила меня иному. И притомъ.... Княгиня—женщина вовсе не безъ сердца.... Я жила съ нею пять лѣтъ, изо дня въ день слѣдила, и никакъ не скажу этого.

— Да помилуйте, Вѣра Павловна!... Если у нея есть сердце, такъ у кого же его нѣтъ?!... Губить!... Губить начинающаго жить мальчика ни за что, ни про что!... Это.... Это не имѣетъ себѣ слова! Что должна была вынести вчера его бѣдная мать?!... Нѣтъ, нѣтъ!... Не говорите, не говорите мнѣ больше объ ней, Вѣра Павловна!... Я никогда не допускала и никогда не допущу самой мысли, чтобы много было на столько злыхъ людей, какъ

она.... А баронъ? Что же, она поступила съ нимъ тоже, какъ женщина съ сердцемъ?.... Или братъ?... Зачѣмъ, чего ради она такъ кружитъ ему голову? И голосъ княжны опять порвался.

— Да, она странная женщина, чуть слышно согласилась Вѣра Павловна.

— Бѣдный мальчикъ!... Всю ночь онъ представлялся мнѣ и теперь я какъ будто вижу его передъ собою!... Блѣдный, унылый!... И что хотѣлъ онъ сказать этими страшными словами: «баронъ жилъ, какъ взрослый, но умеръ, какъ дитя, я.... по вашему—мальчикъ, но умру, какъ взрослый!» Вы поняли, Вѣра Павловна?

— Нѣтъ. Я думала объ этомъ и тамъ, и дорогою, и ночью, и даже не задолго передъ вами и все-таки не могла уяснить смыслъ его словъ. Мнѣ кажется, что это сказалъ онъ такъ, самъ не особенно вдумавшись въ то, что говоритъ.

— О, нѣтъ! Онъ съ такимъ блескомъ въ глазахъ сказалъ это, такъ дрожалъ его голосъ, такъ дико разсмѣялся онъ.... Наконецъ, все, что онъ говорилъ за ужиномъ,—я многое не поняла, многое показалось мнѣ страннымъ, но я чувствовала только одно, что онъ говорилъ отъ чистаго сердца, говорилъ правду!... Неужели, въ самомъ дѣлѣ, онъ можетъ погибнуть, какъ погибъ несчастный баронъ, Вѣра Павловна? и голосъ княжны замеръ. Взволнованная, опустила она голову и тихо, что-то ища въ складкахъ своего платья, разсѣянно перебирала ихъ пальцами тонкой, нѣжной руки....

Вѣра Павловна снова все забыла: забыла и человѣка, съ ногъ до головы укутаннаго сѣрымъ пледомъ, забыла и Петра Игнатьевича, и его удава, она вся была чувство состраданія къ княжнѣ: такимъ живымъ, искреннимъ участіемъ къ Васи дышало ея доброе, выразительное лицо.

— Вѣра Павловна, дрогнувшимъ голосомъ тихо сказала княжна.

— Что, княжна?...

— Вы такъ близки къ нему.... Онъ васъ такъ, кажется, любитъ.... Отчего же вы не спасете его?

— Вы глубоко ошибаетесь, княжна, если думаете, что онъ кого-нибудь послушаетъ въ этомъ?... Онъ даже избѣгаетъ говорить. Я сколько разъ ни пыталась вызвать его на откровенность,—всегда отмалчивался, уклонялся.

— Ну, такъ ей.

— А это еще хуже. Я пробывала и только вредила. Вчера Александра Игнатьевна высказала ей въ глаза, что это дурно съ ея стороны. Она вышла изъ себя. Я никогда не видѣла еще ее въ состояніи такого гнѣва. Она была готова выгнать родную тетку. Вмѣшался князь. Это еще болѣе раздражило ее. Она, блѣдная, прерывающимся голосомъ рѣшилась сказать при немъ, при всѣхъ, что она принимала и ласкала его, какъ мальчика, но онъ оскорбилъ ея гостинную, какъ взрослый, и она проситъ его забыть разъ навсегда, что онъ когда либо имѣлъ право входа къ ней въ домъ!...

— При немъ? вскрикнула княжна.

— Да, при немъ.... Ему въ глаза.

— И что же онъ, что? крѣпко, судорожно сжимая руку Вѣры Павловны, лихорадочно перебила княжна.

— Онъ какъ-то выпрямился, странно посмотрѣлъ на нее, разсмѣялся своимъ вчерашнимъ дикимъ смѣхомъ и, не проронивъ ни слова, вышелъ изъ будуара.

— Боже мой, Боже!... И послѣ этого вы все-таки станете утверждать, Вѣра Павловна, что у этой холодной, злой женщины есть сердце?! перебивая слово словомъ, точно въ лихорадкѣ говорила княжна. — И за что, за что полюбили ее и этотъ баронъ, и этотъ несчастный Вася?!... Какъ можно.... Что-то стукнуло, Вѣра Павловна? сама себя прервала княжна. Вѣра Павловна прислушалась.

— Ничего, рѣшительно ничего. Это вамъ показалось, княжна.

— Какъ можно лю.... Да, нѣтъ же, стучатъ въ дверь, Вѣра Павловна.

— Кто тамъ? Входите!

Кто-то робко открылъ дверь и въ тотъ же мигъ захлопнулъ ее за собою.

Княжна вспыхнула.

Вѣра Павловна быстро встала и, выйдя въ корридоръ, плотно закрыла за собою дверь. Княжна нервно выпрямилась, вслушалась....

«Это отъ Бояриновыхъ!». Рядъ предположеній, одно другаго ужаснѣе, мрачнѣе промелькнулъ у нея въ головѣ.... То онъ поѣхалъ объясниться къ княгинѣ и она сказала ему что-нибудь еще болѣе тяжелое, ужасное и.... и онъ застрѣлился, какъ взрослый, какъ баронъ; то онъ заболѣлъ опасно, смертельно и прислали за Вѣрой Павловной, чтобы она съѣздила за княгиней.

Кружились мысли, столъ, диванъ, надломленное кресло и сама она въ зеркалѣ съ бѣлымъ пятномъ, такъ ясно отражавшемъ ея стройную фигуру.

— Полноте, княжна принимаетъ въ васъ такое живое участіе.... Она вамъ другъ, она ли посмѣется надъ вами?!

— Мнѣ совѣстно!... право совѣстно, Вѣра Павловна.

— Входите сейчасъ же, сію минуту!.. Какъ не стыдно вамъ?... мгновенно распахнувъ дверь, горячо упрекнула княжна.

Вася смѣшался, вошелъ, подалъ княжнѣ руку; она медленно, крѣпко пожала ее. Вася покраснѣлъ, опустилъ голову. У него на рѣсницахъ дрожали слезы.

— Полноте, полноте, Вася! Вѣдь вы не мальчикъ, вы взрослый.... Да, вы взрослый!... Вы докажите это!... Вы отойдете, вы забудете объ ней, вы не позволите злой кокеткѣ смѣяться надъ вашимъ чувствомъ.... Вѣдь такъ?... Да, да! сама не сознавая, что говорить, точно въ бреду говорила княжна.

Вася слышалъ ея нервный голосъ, чувствовалъ какъ съ каждымъ ея словомъ подступали къ его горлу слезы. — Но онъ не мальчикъ, онъ взрослый. Онъ не унизитъ себя до отчаянія, до плача, онъ скроетъ отъ нея свое горе, онъ послѣ ей скажетъ, какая хорошая, какая добрая была она къ нему, и онъ отвернулся, отошелъ къ окну. Княжна колебалась... Ее такъ тянуло подойти къ нему, сказать такъ много, сказать отъ всего сердца и этимъ движеніемъ, и этими словами спасти его, спасти во что бы то ни стало отъ этого тупаго отчаянія чтобы.... чтобы онъ не погибъ, какъ баронъ.... Но что-то сдерживало, мѣшало.... Вѣдь его еще больше смутитъ, еще глубже встревожитъ незванное, чужое участіе.

— Успокойтесь.... Оставьте его, княжна, сдержала Вѣра Павловна.—Какой вы прелестный ребенокъ! точно сквозь сонъ разслышала Гордѣева. Она какъ будто только теперь, въ этотъ мигъ сознала себя, она подняла голову, взглянула и ея взглядъ встрѣтился прямо съ добрымъ, ласковымъ взглядомъ Вѣры Павловны. Въ этомъ взглядѣ какъ бы выражалось и изумленіе, и благодарность. Этотъ взглядъ какъ бы нѣжилъ и охранялъ ее.

— Вы точно въ огнѣ, княжна. Сядьте же, успокойтесь! и Вѣра Павловна, взявъ ее за обѣ руки, усадила на диванъ.

— Будьте пай!... Вы сама точно маленькая! совсѣмъ на ухо ей прошептала Вѣра Павловна.

Вася вынулъ платокъ изъ кармана, быстро провелъ имъ по глазамъ, по лицу, спряталъ, усмѣхнулся отрывисто, нервно и громко, отчетливо, хрустнувъ палецъ о палецъ, подошелъ къ княжнѣ. Его глаза были красны, лицо блѣдно.

— И неужели вы можете допустить мысль, княжна, что глумленью этому еще не конецъ, что я еще позволю смѣяться надъ собою, надъ моими завѣтными мечтами и стремленіями? О, нѣтъ, нѣтъ!.... Вы не знаете меня, вы не хотите повѣрить, что я уже не мальчикъ, что я скорѣе погибну, чѣмъ позволю себѣ унизиться до мольбы.... Я не знаю васъ, княжна, я первый разъ въ жизни видѣлъ васъ вчера, но я васъ чувствую, какъ чувствовалъ ласку матери, заботу по себѣ старухи няни, дружбу Вѣры Павловны.... И я не скрою, не скрою отъ васъ, какъ и отъ нея,—указалъ онъ на Вѣру Павловну,—на что рѣшился, что чувствую, что думаю теперь.... Выслушайте вотъ это маленькое письмо мое къ ней.... и. его голосъ порвался, онъ съ трудомъ перевелъ духъ....—Въ немъ.... въ немъ я весь, всѣ мои помыслы и чувства. Я именно пріѣхалъ прочитать вамъ, Вѣра Павловна....

Вася раскрылъ письмо, вздохнулъ, провелъ рукою по глазамъ.... Ему трудно было начать. Вѣра Павловна зорко слѣдила за нимъ. Точно замерла княжна надъ раскрытою страницею. И зеленые, и желтые, и черные зайчики бѣгали по ней, по этой страшной страницѣ.

«Наташа!... Помнишь ли ты мальчика Васю? слабо началъ онъ. Помнишь ли»... и голосъ дрогнулъ, замеръ.... онъ отшатнулся, вздохнулъ. «Помнишь ли, что отъ первыхъ дней его жизни твоя улыбка была ему единственной отрадой въ страданіяхъ по больной матери, что ты была мечтой дѣтскихъ грёзъ его?! Помнишь ли, какъ тебѣ одной только и улыбался онъ, какъ жадно вслушивался въ твои разсказы, надежды и мечты?... Помнишь ли бонбоньерку?!.. Помнишь ли, какъ вечеромъ въ тотъ день, смущенный твоимъ горемъ, твоею досадой, спросилъ онъ тебя: «Что съ тобой?» и ты такъ рѣзко, такъ холодно отвѣтила ему: «Ахъ, отстань отъ меня, Вася!» Помнишь?... Иль забыла? А онъ помнитъ, онъ всю жизнь будетъ помнить и твою дорогую ласку, и твой громкій смѣхъ надъ собою!.... А про сонъ, что въ ту же ночь видѣлъ мальчикъ Вася, слыхала ли ты, Наташа? Темный боръ снился ему. Одинъ, одинъ среди тьмы и сказачныхъ залъ чудесъ, не чуя земли подъ ногами, точно въ

вихрѣ, точно въ смѣхѣ надъ собою, смѣхѣ адскомъ, смѣхѣ страшномъ, смѣхѣ бабы-яги-костяной-ноги, все несся и несся онъ за тобой, пока не захватила его, не сплела ему руки, ноги взбѣшеннаго полноводья волна.... Онъ бился, онъ изнемогалъ, онъ задыхался.... «Наташа!» обѣими руками молилъ онъ тебя о пощадѣ. «Ахъ, отстань отъ меня, Вася!» сказала ты ему.... Онъ понялъ тебя, онъ безъ ропота переболѣлъ свое горе, онъ, мальчикъ, отсталъ отъ тебя.... Барона тогда превратила ты въ мальчика и.... умеръ баронъ, умеръ бѣдный, какъ дитя!»

Вѣра Павловна быстро опустила голову. По княжнѣ пробѣжалъ нервный холодъ. Вася какъ будто забылъ, что кто-нибудь есть подлѣ него.... Съ каждымъ новымъ словомъ, съ каждою новою мыслію густѣлъ, крѣпъ, росъ, мужалъ въ началѣ слабый голосъ. Все ярче и ярче выступала краска на его лицѣ.

«Мальчикъ пересталъ быть мальчикомъ, мальчикъ сдѣлался юношей. И не ты ли опять улыбнулась ему, не ты ли подозвала его къ себѣ, приласкала, назвала впервые и большимъ, и славнымъ?... Не ты ли еще вчера такъ горячо, такъ крѣпко поцѣловала его и въ тотъ же мигъ забыла, отошла, чтобъ смѣхомъ надорвать изнывшее по тебѣ сердце, чтобъ ѣдкимъ стыдомъ оскорбить, уничтожить и дорогую ему мать, и честнаго отца его?! Нѣтъ!! Ошибалась, ошибаешься!... Мальчикъ Вася давно пересталъ быть мальчикомъ.... Давно онъ другъ, давно онъ братъ барона!... Не переступитъ онъ дальше порога дома твоего, не оскорбитъ гостинную твою и никогда.... Слышишь ли?» и онъ быстро поднялъ голову. Вдоль комнаты горѣли его глаза, онъ какъ будто видѣлъ ее предъ собою, грозилъ ей теперь со всею энергіею возбужденнаго, юнаго порыва.

«Въ жизни никогда не допуститъ тебя смѣяться надъ собою, надъ отцомъ, надъ матерью.... Ты была, ты была мечтою дѣтскихъ грёзъ, но ты давно ужъ стала отравой лучшихъ дней его.... И пусть!... Пусть онъ погибнетъ въ тѣхъ волнахъ, что въ страшную ночь такъ ясно снились ему, но онъ не станетъ тебя молить о пощадѣ, не будетъ искать твоей улыбки, не станетъ больше, какъ тѣнь твоя, бродить за тобою!... Тогда, быть можетъ, ты сознаешь, что играла имъ, какъ мальчикомъ, и погубила его, какъ взрослаго!... Забудь же, забудь мальчика Васю, Наташа, забудь, если сможешь, за одно съ нѣмымъ его другомъ, несчастнымъ барономъ!...» И онъ порывисто вздохнулъ, откинулся, закрывъ лицо обѣими руками.... Молчала Вѣра Пав-

ловна.... Тихо плакала княжна. Кто-то тронулъ его за руку. Это была княжна. Въ протянутой къ нему рукѣ на исписанной славянскими буквами лентѣ дрогнула ладонка.

— Прошу васъ, Вася.... надѣньте, надѣньте и носите эту ладонку.... Я буду молиться за васъ. Богъ услышитъ, Богъ поможетъ, Богъ спасетъ.... Храните, вѣруйте въ нее, Вася.—И княжна раньше, чѣмъ вполнѣ успѣлъ онъ сознать ея движеніе, набросила ему на шею ленту.

Вѣра Павловна быстро встала, подошла, обняла княжну и теперь сама вся въ слезахъ, крѣпко, горячо цѣловала ее. Вася перекрестился, поднялъ ладонку, поднесъ къ губамъ, поцѣловалъ.... Въ двери щелкнула ручка.

— Ваше сіятельство, Иванъ прибѣгъ. Маменька проситъ,— за дверью доложилъ лакей.

— Ахъ, Боже мой!... Что я надѣлала?! быстро вставая и поспѣшно вытирая платкомъ овлаженное слезами лицо, прощалась княжна.

— Да посидите же, княжна, ну хоть еще пару минутокъ.

— О нѣтъ, нѣтъ! Не могу, право не могу.... Не забывайте жъ меня, Вѣра Павловна.... Его привезите, указала она на Васю.

— Я пріѣду, я самъ пріѣду къ вамъ, княжна.

Княжна на-скоро пожала имъ руки, тихо улыбнулась, точно благословила ихъ обоихъ, и въ тотъ же мигъ исчезла за дверью.

Вѣра Павловна глубоко вздохнула и съ глазами, влажными отъ слезъ, проводила ее до порога.

Вася опять отошелъ къ окну.

Глава XIX.

Уже добрыхъ четверть часа прошло съ отъѣзда княжны, а онъ все еще продолжалъ стоять у окна и не только ни слова не сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ, но даже ни разу не обратился въ ея сторону.... Онъ какъ будто забылъ, что не одинъ въ ея номерѣ.

— Вася, да что съ вами опять?... тихо спросила Вѣра Павловна, подойдя къ нему.

— Такъ, скучно!... Противно!... Все противно. И она, и всѣ, и самъ себѣ противенъ.

— И отецъ, и мать, и всѣ друзья ваши.... да?... Не такъ ли?

— Нѣтъ, не то, чтобы противны.... А такъ!... Мнѣ до нихъ все равно!

— Перестаньте дурить, Вася.... Какъ вамъ не стыдно!... Не все ли у васъ впереди.... Вѣдь вы еще жить не начали, а говорите такимъ языкомъ, какъ будто давно уже отжили.... Нельзя же въ такой степени подчиняться вліянію минуты! Нельзя быть на столько близорукимъ, чтобъ за нею не видѣть цѣлой жизни.... Теперь вамъ кажется, что эта минута—вся ваша жизнь, а пройдетъ она, вы сойдетесь, сблизитесь съ княжною и, быть можетъ, почти даже навѣрно, изумитесь сами на себя, сами откажетесь понять, какъ могли вы такъ любить холодную Наташу. Я ошибалась въ ней, я сама предполагала ее далеко выше того, что она есть!

— И пусть! быстро обертываясь, лихорадочно перебилъ онъ. Пусть она гордая, холодная, злая! Но я ее любилъ, люблю и всегда буду любить.... И никто ничего передъ нею.... Ни мать, ни вы, ни отецъ, ни княжна.... Никто, никто!... Ни вся жизнь.

— Полноте вздоръ говорить, Вася! Сердце—это глупая бякующая овца!

— Что?

— Сердце это глупая бякущая овца.

— Какъ это овца?

— Да, овца, да еще глупая, и кто ей вѣритъ, тотъ самъ глупъ. Это Коваленко говоритъ и онъ правъ! Вотъ вамъ лѣтомъ бякала ваша овца одно, и вы ей вторили, а пройдетъ еще нѣкоторое время забякаетъ другое и вы не только ей повѣрите, но даже будете отрицать ваше настоящее настроеніе, какъ никогда не существовавшее или такое, изъ-за котораго уже никакъ не стоило доходить до такого отчаянія.

— Если бы она, эта овца, только бякала, Вѣра Павловна!... А если плачетъ, стонетъ, грудь надрываетъ, если мертвитъ самую жизнь, все, что въ ней было дорого, мило, если перестаешь ради ея любить тѣхъ, кого любилъ всѣмъ сердцемъ, если становишься, какъ камень, равнодушенъ ко всему, что привлекало, чѣмъ гордился, на что радовался, тогда что?

— Тогда человѣкъ болѣнъ и ему надо лѣчиться.

— Чѣмъ?

— Трудомъ, занятіями, сознаніемъ своего долга къ родителямъ и къ обществу.

— Родители, общество! — И онъ досадливо усмѣхнулся.— Нѣтъ, Вѣра Павловна!... Видно чужую бѣду всегда руками разведу, да только къ своей ума не приложу. Припомните, припомните, какъ вы сами этимъ лѣтомъ, во время грозы, сказали мнѣ, что вы никому не нужны, что самая смерть мила вамъ.... А почему? Все потому же!... Тогда я этого не понялъ, а теперь знаю!

— Ну если бъ даже.... слегка вспыхнувъ, тихо прервала Вѣра Павловна. И что же, я металась, рвала волосы на головѣ?... Ничуть.... Я осталась тѣмъ, чѣмъ я есть, я побѣдила въ себѣ эту боль и, быть можетъ, буду еще счастлива въ жизни.... И притомъ я прожила уже цѣлую ея половину, а вы—только думаете начать.

— Думаю начать!... А, можетъ быть, давно началъ. Почемъ вы знаете?... Можетъ быть, даже кончу раньше, гораздо раньше, чѣмъ вы думаете!

Вѣра Павловна внимательно посмотрѣла на него.

— То есть, какъ это кончите?

— А такъ! Очень просто!... Потону въ волнахъ!

— Что за вздоръ городите вы, Вася!... Въ какихъ волнахъ?

— Да въ тѣхъ же, въ тѣхъ,—какъ-то страшно усмѣхаясь, глухо проговорилъ онъ.

— Да въ какихъ въ тѣхъ?

— А, Боже мой!... Да въ тѣхъ, гдѣ все весельемъ дышитъ, гдѣ пѣнится вино.

— И вамъ не совѣстно говорить это, вамъ не жаль самого себя, Вася?!

— Совѣстно! жаль! Это все слова!... Развѣ кому-нибудь кого-нибудь жаль?!... Развѣ кому-нибудь чего-нибудь совѣстно?!... Никогда, никогда!... Никому никого не жаль, никому никого не совѣстно!... Вѣра Павловна?

— Что?

— Вы отдадите письмо?

— Отдамъ.

— Когда?

— Сегодня.

— Навѣрное?

— Навѣрное.

— Ну вотъ, и быстро отойдя отъ окна, онъ снялъ со стола свою барашковую шапку.

— Куда вы, Вася? Я думала, что вы будете обѣдать со мною?

— Скажите ей, что. .. что умеръ мальчикъ Вася, что его нѣтъ, что онъ больше не оскорбитъ ея гостинной, что это ей только казалось, что это былъ сонъ.... Ужасный сонъ!... Что и барона не было... Вѣдь правда, Вѣра Павловна, барона не было? Вѣдь это не были люди.... это были игрушки!... Она ихъ за грошъ купила, она ими тѣшилась, она надъ ними смѣялась.... Да!... Смѣялась, смѣется и будетъ смѣяться! И пусть, пусть смѣется!... Отчего же? Развѣ она что-нибудь чувствуетъ?... Ничего, рѣшительно ничего.... они мальчики, они даже меньше, чѣмъ мальчики, они.... фигуры!... Въ нихъ нѣтъ сердца.... Ни совѣсти, ни самолюбія!... они коньки!... деревянные коньки.... Вотъ что заведутъ ключемъ и бѣгаютъ по полу!... А дѣти вокругъ нихъ прыгаютъ, радуются, смѣются.... У меня былъ такой конекъ!... Я его тоже заводилъ, пускалъ, радовался! и, отчетливо хрустнувъ палецъ о палецъ, онъ порывисто, дико разсмѣялся.

— Вася, Вася, что съ вами?!... Бога ради, что за вздоръ говорите вы?

— Горитъ.... Стонетъ.... Точно что-то надрывается въ груди!... Ахъ, прощайте, прощайте, Вѣра Павловна!... Скажите ей все!... Все, все скажите!

— Да куда вы?... куда? пытаясь его задержать, перебивая слово словомъ, говорила встревоженная Вѣра Павловна.

— Пустите.... Не мучьте меня, Вѣра Павловна!...

Вѣра Павловна содрогнулась, быстро отступила.... Она какъ будто только въ эту минуту почувствовала, сознала, что дѣйствительно мучила его.

Онъ пожалъ ей руку и, не взглянувъ даже, опрометью вышелъ изъ номера.

Вѣра Павловна опять была одна. — Да и былъ ли съ нею кто-нибудь? Была ли княжна, былъ ли Вася? И когда это было? Теперь, вотъ сейчасъ, еще всего нѣсколько минутъ тому назадъ, или давно?... Такъ давно, что даже все, что они ей говорили, что она сама отвѣчала имъ, спуталось, смѣшалось, утратило всякій смыслъ, всякій интересъ и для нихъ, и для нея. Она еще слышала ихъ голоса, но въ нихъ, въ этихъ голосахъ, не было ни звучности, ни силы выраженія, какъ будто

они неслись изъ какой-то непонятной, глухой дали.... Она даже видѣла ихъ передъ собою.... То оба разомъ, то по-очередно, другъ за другомъ подходили къ ней, о чемъ-то просили, что-то оплакивали, чего-то домогались отъ нея. Но чего? Чѣмъ она имъ могла помочь, въ чемъ пособить? Ничѣмъ и ни въ чемъ. Вѣдь каждый умемъ по своему, каждый и думаетъ, и дѣйствуетъ такъ, какъ хочетъ.... И чего это они все говорятъ и говорятъ?! Да вѣдь въ ихъ словахъ нѣтъ ни чувства, ни мысли.... «Богъ услышитъ, Богъ поможетъ, Богъ спасетъ!» сказала княжна. Да когда же Онъ услышитъ, когда спасетъ?... И развѣ ее, ее самое, въ ту страшную ночь спасъ Богъ?!.. Развѣ она не вѣровала, не призывала, развѣ именемъ Бога не молила его?! И развѣ не погибла?! Но, чѣмъ же она больше погибла, чѣмъ баронъ, чѣмъ гибнетъ Вася?! И чѣмъ онъ, Александръ, лучше княгини?!... Ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ!... Вся разница лишь въ томъ, что онъ мужчина, а она женщина, что первымъ разрѣшено все, а послѣднимъ ничего!... Да и развѣ не всѣ люди—люди?! Развѣ не всѣ они хлопочутъ, суетятся, гибнутъ, губятъ, не зная ни зачѣмъ, ни ради чего?! «Вѣдь въ жизни нѣтъ ни добраго, ни злаго, ни честнаго, ни безчестнаго, ни великодушнаго, ни преступнаго, а есть только какая-то смѣсь, смѣсь страстей, желаній, взглядовъ.... Но все это изъ-за ничего и все ни къ чему.... Вася сегодня волнуется изъ-за Наташи, а пройдетъ годъ-два, заволнуется изъ-за какой-нибудь второй, третьей, четвертой.... Сегодня княжна прелестна и добра, и великодушна, и вѣритъ, и сострадаетъ, а завтра она будетъ такою же княгинею Долиною, какою стала Наташа.... Да развѣ она, Наташа, не возбуждала въ ней въ ея 15, 16 лѣтъ и восторгъ, и изумленіе собою.... Коваленко?... Коваленко какой-то не совсѣмъ такой, какъ другіе.... Онъ всегда добръ, веселъ.... Онъ на что-то надѣется, во что-то вѣритъ?... Нѣтъ!... Это не правда, это вздоръ.... Онъ обманываетъ, или самъ обманывается!... Онъ связываетъ свою надежду на будущее съ нею.... Да что же такое она-то сама изъ себя представляетъ?! Что такое особенное, почему онъ именно остановился на ней, а ни на комъ либо другомъ?... Ничего, ровно ничего!... Развѣ, впрочемъ, потому, что больше внушаетъ къ себѣ состраданія, чѣмъ какая-нибудь другая Надежда или Марья?» и ей стало теперь досадно, что своевременно не отошла отъ Коваленко, досадно на него, что онъ именно на ней остановилъ вниманіе и притомъ вовсе

не потому, чтобы возбуждала въ немъ особенный интересъ, а лишь изъ сожалѣнія, изъ участія къ ея бездолью.... И съ каждою новою мыслью тяжелѣла голова, тускнѣли образы, вымирали впечатлѣнія, какой-то туманъ сгущался вокругъ нея, все шире и шире заволакивалъ своимъ тоскливымъ, дымчато-сѣрымъ покровомъ еще столь недавно такъ горячо волновавшія желанія и укоры, сомнѣнія и надежды....

Въ комнату вошла Лукерья. Вѣра Павловна, нехотя, какъ бы по необходимости, взглянула на нее и въ тотъ же мигъ отвернулась, какъ каждый изъ насъ отвертывается отъ явленія ни мало его не интересующаго, давно прискучившаго.

— Барышня! раскачнувшись отъ плеча къ плечу, во все горло гаркнула Лукерья. Вамъ письмо отъ енарала.... Ишь ты.... сиволапый!... И письмо-то вымочилъ.... ни то ворчала, ни то заигрывала Лукерья съ стоявшимъ уже въ дверяхъ Андреевымъ.

— Да давай же, Лукерья! торопливо протягивая къ письму руку, рѣзко перебила Вѣра Павловна. Письмо испугало ее. Еще со вчерашняго вечера она была предрасположена видѣть во всемъ что либо угрожающее, или въ высшей степени непріятное. Теперь она мигомъ вспомнила о дѣвочкахъ и ей уже живо представилось, что съ ними что-нибудь особенное.... Раскрывая конвертъ, она разорвала даже бумагу.

«На меня, матушка, напала ѣдунья!... Я неособенно долюбливаю эту глупую гостью!... Вѣдь она родная сестра моей овцы.... Пошелъ отъ нея отыгрываться на Никитскій бульваръ.... Еще хуже!... Вернулся.... Хотѣлъ отправиться къ Вамъ.... Чумазыя закуксились. Вишь ты, ихъ стращаютъ дядькины усы!... И набаловалъ же я ихъ на свою шею. Такъ и вцѣпились всею четвернею.... Чуть не разрюнились. Остался. Приходите, матушка, посидѣть вечерокъ.

Весь Вашъ, кличкою
Петръ Коваленко.

P. S. Сожгите это письмо.... Терпѣть не могу оставлять вещественные знаки, быть можетъ, минутнаго и ошибочнаго во мнѣ настроенія.»

Бѣгло прочитала Вѣра Павловна и, улыбнувшись, взглянула на дверь. — Андреевъ вытянувъ руки по швамъ и напряженно на нее мигая, очевидно требовалъ отвѣта.

— Скажите генералу, что хорошо!...

Андреевъ еще напряженнѣе вытянулся и, торопливо шевеля усами, оставался неподвиженъ.

—. Скажите, что хорошо, еще громче повторила она.

— Слушаю-съ! пробасилъ Андреевъ и въ тотъ же мигъ исчезъ въ корридорѣ.

Глава XX.

Въ чужомъ глазу бревна не видѣлъ,
Въ своемъ былинку видѣлъ онъ.

Петръ Игнатьевичъ для многихъ вещей имѣлъ свои названія. Подъ «ѣдуньею» онъ обыкновенно разумѣлъ тоску и чѣмъ больше забирала она его въ свои ноющія лапы, тѣмъ упорнѣе гналъ онъ ее и тѣмъ сильнѣе раздражался на самого себя. Но еще никогда въ жизни, по крайней мѣрѣ такъ казалось ему, не преслѣдовала, не томила его «ѣдунья» съ такою настойчивостью, какъ въ этотъ, невыносимо долго тянувшійся день. Что онъ ни предпринималъ, какими доводами ни боролся, ничто не помогало. Она все плотнѣе и плотнѣе насѣдала на него, все болѣе томила сознаніемъ, что онъ уже не тотъ, что былъ: что старъ, что упадаетъ съ каждымъ днемъ и что весьма понятно равнодушіе къ нему Вѣры Павловны; что даже глупо, мальчишески глупо было съ его стороны самое желаніе связать эту молодую, полную силъ и надеждъ жизнь съ его уже угасающею жизнью.... Это прямо противъ разума!... Да это даже не честно!... Вѣдь онъ предложилъ ей потертую гривну, а за эту гривну потребовалъ отъ нея еще новый, совсѣмъ новый, не бывшій даже въ употребленіи рубль.... Ну и если бы она, движимая признательностью къ нему, такъ сказать съ закрытыми глазами, приняла его предложеніе? Вѣдь онъ бы загубилъ ея жизнь и чѣмъ строже относилась бы она къ своему долгу, чѣмъ рѣшительнѣе подавляла бы въ себѣ всѣ движенія молодости, тѣмъ рѣзче становилась бы между нимъ и его разумомъ, его совѣстью!... Чѣмъ глубже вдумывался онъ въ свои отношенія къ Вѣрѣ Павловнѣ, тѣмъ строже обвинялъ самого себя.... И все раздражало его.... Раздражала кукушка въ часахъ, раздражалъ звонкій, безпечный смѣхъ дѣвочекъ-сиротокъ, тяжелые шаги Ивана, сдержанный шопотъ за дверью кабинета; даже самое прикосновеніе пальцами къ шелковымъ пуговицамъ полу-

халата возбуждало въ немъ въ высшей степени непріятную дрожь до зыби въ зубахъ.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку, прокуковала въ гостиной кукушка.

Петръ Игнатьевичъ сощурился, зѣвнулъ, потянулся и, медленно открывъ глаза, лѣниво поднялся съ кушетки.

На коврѣ, подлѣ самаго стола, играли дѣти. Голубоглазая Максимова сиротка изъ правильно выточенныхъ деревянныхъ пластинокъ достраивала домъ.

Въ двухъ-трехъ шагахъ, зорко слѣдя за движеніями ея рукъ, въ растяжку, грудью къ ковру, лежала безногаго Андрея смуглянка.

— Вотъ ти умѣисъ, а я нѣть,—и она досадливо шевельнулась.

— Потому сто ти дуя, не отрывая глазъ отъ дома, коротко объяснила голубоглазая.

— Иванъ! сердито крикнулъ Петръ Игнатьевичъ.

Дѣвочки вздрогнули и обѣ разомъ широко открыли на него свои испуганные глазенки. Въ другое время, въ другомъ настроеніи Коваленко стало бы досадно на себя, что онъ такъ переполошилъ ихъ своимъ крикомъ, а тутъ онъ даже и не замѣтилъ ихъ испуга.

— Андреевъ вернулся?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Дай трубку!

Иванъ вышелъ. Петръ Игнатьевичъ опять потянулся, еще разъ зѣвнулъ и, подойдя къ окну, съ тѣмъ же безучастнымъ выраженіемъ заглянулъ на улицу.... Чуть-чуть сѣрѣлъ день. Съ крышъ текли капли. Подъ окномъ, въ глубокомъ ухабѣ, стояла видно только-что проѣхавшимъ экипажемъ вспѣненная лужа.

— Зима—не зима, весна—не весна!... Тутъ бы стоять крутымъ морозамъ, а между тѣмъ слякоть, грязь, гниль!...—и Петръ Игнатьевичъ со всѣми признаками крайняго неудовольствія въ глубокихъ морщинистыхъ складкахъ сжатаго лба отошелъ отъ окна. Вѣдь онъ такъ не любилъ безпорядка ни въ чемъ, а въ природѣ и тѣмъ паче.

— Ца-а! поддразнила голубоглазая сиротка Андрееву смуглянку, указывая ей рукою на только-что достроенный домъ. Смуглянка потянулась, ударила, домъ разсыпался.

— Ахъ ты кьивая мойда! взмахнувъ на нее обѣими кулаченками, выругала раздраженная голубоглазая сиротка.

— Катя! Ты опять!... А вотъ я тебя за это за чаемъ не дамъ мямъ-мямъ!

«Мямъ-мямомъ» Катя уже привыкла называть варенье и вообще всякія сладости, которыми Вѣра Павловна, не смотря на возраженія Коваленко, такъ любила ихъ пичкать.

— А цивосъ она озайничаетъ! вскочивъ, горячо оправдывалась голубоглазая.

Иванъ внесъ трубку.

— Нѣтъ!... Ти, ти озайничаешь! всполошилась въ свою очередь смуглянка.

— Ну, хорошо, хорошо!... Надоѣли вы мнѣ! Иванъ, отнеси имъ коверъ и игрушки въ залъ.... Ступайте туда, вонъ за нимъ.

Дѣвочки опять переглянулись и, какъ бы забывъ свою законную распрю, обѣ разомъ выбѣжали изъ кабинета. Петръ Игнатьевичъ затянулся и, звякнувъ шпорою о шпору, опять усѣлся на кушетку. Онъ очень любилъ это время, между днемъ и ночью, любилъ посумерничать, любилъ, въ этотъ свободный отъ занятій часъ, поставить на судъ передъ своимъ разумомъ возбуждавшихъ его вниманіе людей и, пропустивъ черезъ него, какъ черезъ призму, ихъ взгляды, отношенія и дѣйствія, дать имъ то или другое опредѣленіе. Такъ онъ думалъ, такъ обыкновенно предполагалъ, а кончалъ все жъ таки тѣмъ, что строже всѣхъ судилъ себя. Если же, «паче чаянія», по строжайшемъ обсужденіи высказанныхъ имъ за послѣдніе часы взглядовъ и своихъ дѣйствій, приходилъ къ выводу ихъ совершенной разумности, то, весело потирая рука объ руку, съ оттѣнкомъ какого-то особаго удовольствія въ голосѣ, приказывалъ Ивану поставить самоваръ, купить печенья и вообще все приспособить къ чаю. Но теперь, не смотря на все свое желаніе, онъ не могъ даже бѣглою, поверхностною мыслію охватить не только взгляды и дѣйствія лицъ, присутствовавшихъ на балѣ Долиныхъ, но даже и общую ихъ постановку: въ такой степени отвлекали его личныя впечатлѣнія этого вечера. Какъ будто весь балъ былъ только одинъ моментъ, моментъ разговора его съ Вѣрою Павловною.... за цвѣтами, у окна.... Онъ опять чувствовалъ ее подлѣ себя, опять смотрѣла она на него своими спокойными, глубокими, свѣтлосѣрыми глазами, опять улыбалась ему тихою улыбкою ни то затаенной грусти, ни то сдержаннаго

къ нему сочувствія. И какъ хороша она была въ тѣ минуты! Какъ шло къ ней это скромное черное платье.... этотъ свѣжій розанъ въ волосахъ. Сколько нѣги, сколько силы, силы напрасной, силы безцѣльно увядающей въ отчетливыхъ формахъ ея стройнаго, въ высшей степени женственнаго стана, и нѣжнымъ, глубокимъ, живымъ чувствомъ, чувствомъ зоркой, ревнивой охраны и тихой радости, и непонятнаго смущенія взволновался онъ опять.—«А если не могу!» едва слышно снова говорила ему Вѣра Павловна. «Не можетъ! Почему же не можетъ?» досадливо стукнувъ чубукомъ объ полъ, снова не понялъ Петръ Игнатьевичъ.—«Есть дѣйствіе, должно быть ему основаніе?! Ну да, есть.... Есть это основаніе, только не въ ней, а въ немъ самомъ, въ его возрастѣ, въ его неспособности составить ея счастіе.... Вотъ она и ушла отъ него, чтобы догадался, наконецъ, созналъ, что она никогда его не любила и даже не можетъ полюбить, что она ничего не испытываетъ къ нему, кромѣ дружбы, и что онъ даже жалокъ ей въ своей любви, мало того, назойливъ, смѣшонъ.... Вѣдь и по разуму.... Она еще молода, полна жизни, силъ, а онъ?.... Развѣ не тотъ, что былъ еще года два-три назадъ?... Не тотъ, совсѣмъ не тотъ!... Въ немъ ужъ упадаетъ бодрость, по временамъ туманится мысль гаснетъ энергія.... Старость у порога.... Не нынче, завтра не останется и послѣдняго не сѣдаго волоса!... Въ плечахъ согнетъ, всего скорчитъ, а тамъ.... Тамъ и часъ разсчета». Петръ Игнатьевичъ сощурился, вздохнулъ и опять ноющимъ, тоскливымъ чувствомъ замерло сердце. Онъ тихо всталъ, осмотрѣлся. Уже совсѣмъ темно было въ комнатѣ. Какъ разъ противъ окна яркимъ пламенемъ вспыхнулъ въ фонарѣ огонекъ, но тотчасъ же стихъ, умѣрился и ровною, блѣдною, едва примѣтною свѣтовою полоскою заскользилъ на коврѣ у него подъ ногами. Не такъ ли и въ немъ, на закатѣ дней, вспыхнула надежда жизни молодой, жизни, полной радости и счастія, чтобъ въ тотъ же мигъ покинуть его, поблекнуть, замереть въ блѣдномъ, ровномъ, однообразномъ теченіи.

— Ваше превосходительство!

— Кто тамъ? слегка отступивъ, откликнулся онъ.

— Я, ваше превосходительство,—Андреевъ.

— Отдалъ письмо?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Въ собственныя руки?

— Точно такъ! Въ собственныя руки, ваше превосходительство.

— Ну, что же? Письмо у тебя есть? уже нетерпѣливо перебилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Ну, да отвѣтъ-то тебѣ какой-нибудь дали?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

— Такъ на словахъ сказали.... Будутъ или нѣтъ?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Да ты барышню-то видѣлъ?... Самое?

— Точно такъ!... Самое, ваше превосходительство!

— Ну такъ вѣдь она тебѣ что-нибудь сказала?

— Сказала, ваше превосходительство!

— Что же она сказала? уже лихорадочно добивался онъ.

— Одно слово, ваше превосходительство!

— Буду или не буду?

— Не могу знать, ваше превосходительство!

— Тьфу, какъ ты глупъ, братецъ! Какое же слово-то?

— Виноватъ, ваше превосходительство, запамятовалъ.

— Дуракъ!

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Пошелъ вонъ!

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

«И какъ это странно.... Точно трудно было написать.... Какое жъ бы это слово, однако?» тревожно расхаживая вдоль кабинета, отъ самого себя теперь добивался Коваленко.

— Андреевъ! рѣзко крикнулъ опять.

— Я, ваше превосходительство!

— Быть можетъ барышня сказала тебѣ: хорошо!

— Сказала: хо-ро-шо, ваше превосходительство! точно вырвалъ изъ себя, съ такимъ усердіемъ отчеканилъ это «хорошо» обрадованный Андреевъ.

— Впередъ, братецъ, будь толковѣе! ужъ спокойно укорилъ Петръ Игнатьевичъ. — Зажги лампы въ передней, залѣ и здѣсь. Да скажи Ивану, чтобъ готовилъ чай.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Едва вышелъ Андреевъ, Петръ Игнатьевичъ, закуривъ папиросу, опять отдался себѣ. Имъ овладѣло какое-то новое, совершенно непонятное ему въ тѣ минуты, тревожное чувство, какъ будто вмѣстѣ съ вѣстью о пріѣздѣ Вѣры Павловны что-то осо-

бенное, исключительное озаботило его. Но что это что-то — онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, онъ сознавалъ только, что въ немъ сказалось нѣчто лихорадочное, порывистое, вовсе не похожее на его обыденное настроеніе, на то тихое, спокойное расположеніе духа, съ которымъ онъ всегда встрѣчалъ и провожалъ ее. — «И что же случилось вчера, что такъ измѣнило отношенія?... Развѣ она открыла ему что-нибудь новое, развѣ не сказалъ онъ уже давно аминь самой мысли, самому намѣренію когда либо жениться на ней?!... Странно, очень странно!... А виноватъ во всемъ все-таки онъ, и только одинъ онъ, потому что сунулся въ воду, не спросясь броду, потому что, не согласивъ своего «хочу» съ своимъ «могу», дернулъ предложеніе и только испортилъ имъ, этимъ бараньимъ скачкомъ, существовавшія до той минуты спокойныя, ровныя, дружескія отношенія.... Но вѣдь она же сама его вызвала, сама навела на самую мысль о женитьбѣ, сама сказала, что ни одна разумная дѣвушка не откажетъ ему.... Да и, наконецъ, развѣ онъ уже такъ старъ!... Развѣ ему 60 лѣтъ? Развѣ при настоящемъ складѣ жизни масса людей въ какихъ-нибудь 30 лѣтъ не старше его, въ его 46 лѣтъ?...» И опять поднялась пальма, опять изъ-за ея раскидистой зелени точно улыбнулось ему полное, нѣжное плечо Вѣры Павловны. Петръ Игнатьевичъ всталъ и, заложивъ руки за спину, быстро, неровными шагами заходилъ вдоль кабинета. — «Всякій имѣетъ свое прошлое!... Ну и что же она открыла этимъ новаго, что она хотѣла сказать?! Всякій.... и я, и каждый!... Неясно, очень неясно!... Странно, даже весьма странно!... Что-то недосказанное, совсѣмъ непонятное!»

И чѣмъ глубже вдумывался онъ въ эти противорѣчія, тѣмъ настоятельнѣе сознавалъ необходимость этимъ же вечеромъ объясниться съ Вѣрою Павловною и разъ навсегда опредѣлить характеръ своихъ отношеній къ ней.

Андреевъ внесъ лампу и поставилъ на столъ передъ диваномъ. Изъ-подъ сквознаго, широкаго абажура охватила она блѣдно-голубымъ полусвѣтомъ рисунки, газеты, журналы, столъ, край дивана, углы креселъ, и на коврѣ правильнымъ кругомъ цвѣты и букеты. Любилъ Петръ Игнатьевичъ этотъ тихій, нѣжный, такъ много думъ возбуждавшій въ немъ полусвѣтъ; любилъ въ его ровномъ, спокойномъ сіяніи, за стаканомъ чаю, бесѣдовать съ Вѣрою Павловною, и робко, нерѣшительно, въ тѣ минуты, когда такъ глубоко, такъ живо чувствовалъ онъ,

засматривать въ свое будущее и почему-то безусловно съ нею и только съ нею. И теперь такъ живо, такъ осязательно вспомнился ему страхъ за нее во время болѣзни, его тревога, его бдительный уходъ, какъ будто тогда уже онъ хранилъ въ ней что-то особенное, что-то, что было ему и дорого, и близко. А вѣдь онъ думалъ тогда, онъ былъ убѣжденъ, что относится къ ней только по разуму, что оказываетъ ей и долженъ оказывать и это вниманіе, и эту заботливость лишь только потому, что она одна на свѣтѣ, что если не онъ, то никто не протянетъ ей руки, никто, кромѣ его, не разгонитъ ея мрачнаго настроенія. И онъ лихорадочно слѣдилъ за нею, онъ помогалъ ей, развлекалъ ее. И никогда, никогда въ жизни не забудетъ онъ той свѣтлой минуты, минуты ея первой, еще слабой, уже привѣтливой къ нему улыбки, выражающей благодарность и живое сочувствіе. И какимъ радостнымъ чувствомъ наполнила его грудь эта первая къ нему улыбка! Онъ какъ будто ожилъ, возродился въ ней къ какой-то новой жизни,—тихой, свѣтлой, счастливой. Онъ тогда же понялъ, созналъ всю несообразность послѣдствій такого движенія и ровно на пять дней отступилъ отъ нея.—«И разумно, и должно!... Но зачѣмъ же потомъ.... И какъ случилось все это?! Непонятно, совершенно непонятно!... А почему жъ бы и нѣтъ? Какая дикая, несообразная мысль!... Вѣдь онъ же на 20 лѣтъ старше ея?!» и опять съ новою силою щемящимъ, раздражающимъ чувствомъ сжалась, заныла тоска въ груди. «И какъ это нелѣпо!... Какъ неразумно было дать на столько воли и этой глупой, такъ дико бякующей овцѣ и этимъ шарлатанамъ.... нервамъ.... Точно баба, точно какая-нибудь пухленькая, розовенькая, бѣленькая душка!» и, собравъ все лицо въ одну общую складку изъ безчисленнаго множества мелкихъ, морщинистыхъ складокъ, досадливо, звонко стукнувъ шпорою о шпору, Петръ Игнатьевичъ вошелъ въ гостиную. Тотъ же полусвѣтъ. Стрѣлки кукушки показывали четверть седьмаго. Не было ни Андреевой смуглянки, ни голубоглазой сиротки. Только въ самомъ центрѣ комнаты, на серединѣ ковра лежало что-то похожее на синіе узлы, небольшаго размѣра. Петръ Игнатьевичъ быстро подошелъ, и въ тотъ же мигъ разгладились морщины, подъ усами набѣжала чуть примѣтная улыбка. Прикрывъ собою игрушки, дружно обнявшись и припавъ разрумянившимися отъ сна лицами къ ковру, сладко спали плутовки. Онѣ видно забыли и свою распрю, и самое мямъ-мямъ. Онъ склонился, хотѣлъ разбудить.

Въ передней раздался громкій звонокъ.

— Андреевъ! Чего ты такъ долго копаешься, братецъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! спѣшно отворяя дверь въ переднюю, засуетился Андреевъ. Петръ Игнатьевичъ медленно наложилъ руку на лобъ. Онъ какъ будто сознавалъ, что у него тамъ, въ головѣ, что-то не совсѣмъ въ порядкѣ. Да и вообще, вѣдь онъ терпѣть не могъ волноваться изъ-за чего бы то ни было или тѣмъ болѣе изобличать свое волненіе, а тутъ, какъ на смѣхъ, въ этотъ непонятный вечеръ, когда онъ по разуму долженъ былъ вооружиться всѣмъ своимъ хладнокровіемъ, чтобы съ достоинствомъ отступить отъ созданной имъ же самимъ ложной постановки, чтобы уничтожить въ ней самую мысль объ ея отказѣ, какъ объ обстоятельствѣ, нарушающемъ общій строй ихъ дружескихъ отношеній, онъ не владѣлъ собою, рѣшительно не владѣлъ, не могъ подавить въ себѣ чувства радости, вызваннаго звонкомъ Вѣры Павловны, даже и въ ту минуту, когда она уже вошла въ переднюю. «Какъ это глупо, ребячески глупо!» на самого себя ужаснулся Петръ Игнатьевичъ и, громко откашлянувшись, вышелъ въ переднюю.

— Здравствуйте, матушка!... Что же это вы совсѣмъ забыли дѣтокъ-то нашихъ, а?... И не грѣхъ вамъ, не совѣстно? Да если бъ я не написалъ, вы бы не заглянули и сегодня.

— Нѣтъ, вѣроятно зашла бы. Только утромъ было некогда.... Была княжна, былъ Вася.... на васъ-то съ чего это, Петръ Игнатьевичъ, напала «ѣдунья»?

— Напала, матушка!... Глупая овца разбякалась, — и онъ смущенно откашлянулся....

Вѣра Павловна, слегка вспыхнувъ, ускореннымъ шагомъ, вошла въ залъ.

— Гдѣ жъ дѣвочки? Развѣ ужъ спятъ? все еще избѣгая его взгляда, уже въ залѣ спросила она.

— Или не видите, матушка? Вотъ! Цѣлая сонная картина. Поссорились, видите ли: голубоглазая буянка по обыкновенію выругала смуглянку.... Я ихъ прогналъ сюда, а онѣ, видно съ горя, обнялись да и заснули.

— Милыя! тихо проговорила Вѣра Павловна, склоняясь надъ ними. Самое, впрочемъ, лучшее, что только могли придумать.

— Это почему, матушка? и онъ нервно мигнулъ на нее.

— Да вы посмотрите, какъ глубокъ, сладокъ, безмятеженъ ихъ младенческій, дивный сонъ!... Я была бы уже довольна,

счастлива даже, если бы, хотя по временамъ, могла въ ихъ безпечномъ снѣ забывать эту милую, дѣйствительную жизнь, этотъ непрерывный рядъ дрязгъ и мерзостей.

— Ваше превосходительство, самоваръ поданъ, останавливаясь въ дверяхъ гостиной, громко доложилъ Иванъ.

— Поданъ?... Ну хорошо, братецъ, хорошо!... Ступай! сердито-отрывисто проговорилъ онъ.

— Что съ вами сегодня, Петръ Игнатьевичъ? Вы, кажется, сильно не въ духѣ?

— Да отчего же мнѣ быть не въ духѣ, матушка?... Ничуть!... Такъ только! Чего-то ѣдунья напала!... Ну да вѣдь я не дитя, не женщина,—дешево не сдамся!... Пойдемте же чай пить, матушка.

Вѣра Павловна прошла впередъ. Лампа подъ голубымъ абажуромъ горѣла на письменномъ столѣ. Между двухъ свѣчъ на столѣ передъ диваномъ весело шумѣлъ до блеска ясный самоваръ. Серебрянная большая корзина съ печеньемъ, чай, сливки, варенье, лимонъ, стаканъ, снѣжной бѣлизны полотенце на полоскательницѣ, да маленькая прозрачнаго форфора чашка, еще нѣсколько недѣль тому назадъ купленная Петромъ Игнатьевичемъ для нея, составляли обстановку чайнаго прибора.

— Какъ у васъ всегда все чисто, хорошо, Петръ Игнатьевичъ, пріятно даже взглянуть,—садясь на диванъ противъ самовара и правою рукою открывая чайницу, сказала она.

— Да, чисто. Чистоту всегда любилъ!... Чистота и по разуму первое условіе жизни.... Роскошь—это уже лишнее.... Никогда не допускалъ и не допущу, хотя бы и былъ очень богатымъ человѣкомъ!... Всю жизнь мою все по разуму и отъ разума! — совершенно машинально опускаясь на кресло подлѣ дивана, все съ тѣмъ же страннымъ перебоемъ въ словахъ продолжалъ онъ.—Боролся, борюсь, но.... и онъ порвался.

Вѣра Павловна внимательно посмотрѣла на него. Она еще никогда не видала его въ такомъ лихорадочно-возбужденномъ состояніи. Онъ какъ-то весь подергивался, особенно часто щурился, порывался въ мысляхъ, въ словахъ.

— Да что съ вами, Петръ Игнатьевичъ?

— Ничего!... Право ничего особеннаго, матушка!... Такъ вотъ боролся, борюсь!... Но человѣкъ есмь!... По разуму, по разуму, да вдругъ и споришь какую-нибудь дичь.... Тогда тя-

жело, тогда вотъ, какъ теперь, чувствуешь себя виноватымъ и передъ самимъ собою, и передъ другими.

Вѣра Павловна быстро опустила только-что приподнятый къ стакану чайникъ. Съ каждымъ новымъ словомъ все болѣе и болѣе тревожило ее это странное настроеніе Коваленко.

— Помните ли, матушка, какъ-то на дняхъ я высказался вамъ, что я дубъ, сирый, одинокій дубъ, что шальная буря сорветъ меня и ничего, рѣшительно ничего... и онъ опять порвался.

Вѣра Павловна подавила вздохъ, опустила голову.

— Кромѣ чистой поляны окрестъ.... Какъ будто и не было.... Вздоръ, чистѣйшій вздоръ.... Я никогда не прощу себѣ этой дикой мысли... Я чего-то хотѣлъ безсознательно, по правдѣ безсознательно, матушка!... Къ чему-то шелъ, что-то улыбалось мнѣ.... Да, улыбалось, звало меня.... Я не сопоставилъ, не сообразилъ.... Я поступилъ, какъ дитя.... Я забылъ, совсѣмъ забылъ, что могъ бы быть отцемъ вашимъ.... У васъ хорошее, честное сердце.... Быть можетъ, вы.... Быть можетъ, вамъ тяжело за меня.... Быть можетъ, это васъ мучитъ? Вы бы и хотѣли, да не можете.... Не можете побороть правъ молодости.... Простите же мнѣ, матушка, простите и забудьте. Пусть опять между нами будутъ наши прежнія, добрыя, дружескія отношенія! съ видимымъ усиліемъ надъ собою договорилъ Петръ Игнатьевичъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ, какъ будто онъ хоронилъ что-то дорогое и близкое ему въ этихъ прежнихъ, добрыхъ, дружескихъ къ ней отношеніяхъ, что-то живое, радостное, что-то такое, что боролось съ нимъ, не поддавалось ему и, не смотря на всѣ его старанія, на силу воли, на доводы разума, все по прежнему и дышало въ немъ, и улыбалось ему. И Вѣра Павловна никогда еще такъ живо, такъ глубоко, какъ въ эти минуты, не чувствовала, что это что-то была именно она, его любовь къ ней и какъ къ другу, и какъ къ женщинѣ.... Но, развѣ она могла, развѣ она имѣла право любить его, какъ женщина?... Она любила... Ею пренебрегли, оттолкнули ее, жизнь разбили ей.... И что же, что она могла ему сказать? Что она не стоитъ его любви, что она.... Но, вѣдь это ужасно!... Какъ же потомъ она будетъ смотрѣть въ глаза ему, этому честному, правдивому, въ высшей степени строгому къ себѣ человѣку?... Быть можетъ, онъ снизойдетъ; быть можетъ, не осудитъ.... Тогда еще хуже!... Вѣдь въ этомъ

скажутся уже не любовь, не уваженіе, а состраданіе къ ней, великодушная пощада.... О, нѣтъ, нѣтъ!... Она ничего ему не скажетъ!... Пусть онъ думаетъ объ ней что хочетъ.... и она молчала.... Она переживала теперь рѣшительную минуту, минуту послѣдней, отчаянной борьбы между своимъ стыдомъ и нравственнымъ спокойствіемъ, достоинствомъ этого честнѣйшаго изъ людей. — Вѣдь хотѣла же.... Да, хотѣла!... Но у нея не хватитъ на это ни силы воли, ни даже голоса.... Ей только казалось тогда, утромъ, что она сможетъ.... Она ошибалась.... Она никогда не сознается и пусть не знаетъ, пусть не догадывается.... Все жъ таки лучше, чѣмъ.... Нѣтъ, что это съ нею.... Чего такъ горитъ голова, такъ то бьется, то замираетъ сердце?... Развѣ она его любитъ?... Да развѣ можно любить два раза?! И когда же, когда, съ какой поры?!..

«Вѣдь такъ, матушка, да?» точно сквозь сонъ разслышала она голосъ Петра Игнатьевича. И опять не отвѣтила.... Только еще глубже поникла, какъ бы пытаясь скрыть на груди, въ складкахъ своего чернаго платья свой стыдъ, свой страхъ, свое волненіе.... Петръ Игнатьевичъ быстро всталъ съ кресла, сѣлъ подлѣ, протянулъ ей руку.

— Да будьте же искренны, матушка!... Перестаньте таиться, перестаньте прятаться.... Вѣдь не убійца же вы въ вашемъ прошломъ? Или.... или все еще не заслужилъ я даже и довѣрія вашего?

— Нѣтъ!... Я не могу!... Это свыше силъ, Петръ Игнатьевичъ!... Я хотѣла, сама хотѣла.... Что бы вы не думали.... Одно только помните, знайте, что не въ васъ, въ моемъ въ прошломъ.... причина!... Не осуждайте.... Быть можетъ, я забылась, подала вамъ поводъ.... Да, я не права въ этомъ.... Но, не судите меня строго.... Мнѣ и въ голову не приходило, что вы.... и она не кончила. Петру Игнатьевичу показалось, что въ ея голосѣ дрогнули слезы.

— Да вѣдь не клятву же безбрачія, въ самомъ дѣлѣ, дали вы кому-нибудь?

— Я уже сказала вамъ, что нѣтъ!

— Ну такъ любили, любите теперь?

— Теперь! и она судорожно разсмѣялась. Не-на-ви-жу!

— Такъ что же сдерживаетъ васъ, матушка?—За что мучите вы и себя, и.... и онъ остановился, какъ бы испугавшись своей мысли.

— И васъ! докончила она и содрогнулась какъ бы отъ внутренней, конвульсивной боли.

— Да!... Я это чувствую, я сознаю.... Я обязана, я должна оправдаться передъ вами.... Онъ отнялъ у меня все.... все!... Понимаете.... Честь, имя, самое право любви,—словомъ все!... Я была тогда еще маленькая.... Тогда, когда онъ, какъ свой, какъ родной вкрался въ довѣріе моей бѣдной матери.... Онъ часто ласкалъ меня, баловалъ сладостями, называлъ сестрою, маленькою, милою кискою.... Отецъ тогда оставилъ насъ.... Мать часто плакала.... Онъ былъ богатъ, онъ давалъ ей деньги, къ каждому празднику приносилъ мнѣ на платье,—не поднимая глазъ на Коваленко, отрывочно говорила она.—Я ничего не понимала. Мать говорила мнѣ, что онъ добрый, честный, хорошій, что такихъ людей, какъ онъ, мало, очень мало!... И я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывалась къ нему.... Когда онъ не приходилъ или запаздывалъ,—а онъ бывалъ у насъ каждый день,—мнѣ становилось скучно, до того скучно, что я даже плакала. Мнѣ минуло 12 лѣтъ. Онъ сталъ учить меня русскому, французскому, исторіи, географіи. Мать часто, со слезами, благодарила его за это.... У него мать была француженка, отецъ русскій. Самъ онъ былъ студентъ тогда.... Такъ хорошо говорилъ.... Я забывала все на свѣтѣ, слушая его.... И пѣлъ.... Ахъ, какъ хорошо пѣлъ!... Такой густой, густой, пріятный былъ у него голосъ.... Подъ его руководствомъ я читала, читала много, читала по цѣлымъ днямъ и ночамъ, лихорадочно, жадно и потомъ все, все разсказывала ему.... Если онъ оставался мною доволенъ,—а онъ рѣдко, очень рѣдко журилъ меня, — онъ крѣпко, крѣпко жалъ мнѣ руку, такъ по долгу смотрѣлъ мнѣ въ глаза.... И что это былъ за взглядъ!... Глубокій, нѣжный, вдумчивый.... Да!... Я все сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ нему, и онъ тоже.... Мнѣ минуло уже 15. Мать радовалась на меня, мать вѣрила ему, вѣрила какъ можно только вѣрить сыну.... Онъ нанялъ намъ дачу въ Мазиловѣ. Въ Мазиловѣ онъ цѣлые дни, а иногда и ночи, до разсвѣта, проводилъ со мною. Точно весь міръ для него была я да мать!... Какъ во снѣ, не замѣчала я, какъ летѣли дни, недѣли.... Какъ-то разъ, въ чудный, лунный вечеръ, мы забрели въ Кунцовскую рощу. Онъ о чемъ-то разсказывалъ мнѣ такъ хорошо, такъ много.... Я устала идти.... Мы сѣли на траву.... Я, слушая его, прилегла головою ему на плечо.... Онъ опять сталъ говорить, и такъ хорошъ,

такъ свѣтелъ былъ его взглядъ на жизнь, на людей, такъ улыбалось мнѣ все, все, что окружало.... И эта дивная тихаго вечера природа, и едва слышный шелестъ листьевъ, и все глубже, и глубже волновалось платье на груди, густымъ румянцемъ рдѣлось лицо, оживленъ былъ взглядъ. — Она точно забыла, что была въ кабинетѣ Коваленко, а не съ нимъ, не въ Кунцовской рощѣ. «И все.... милый?» спросила я его, когда онъ пріостановился. «Пока все, моя прелесть», какъ-то особенно прошепталъ онъ и, приподнявъ за подбородокъ мою голову, крѣпко поцѣловалъ меня.... Онъ цѣловалъ меня и прежде, цѣловалъ ребенкомъ, при матери.... Но я и сама до сихъ поръ не могу отдать себѣ отчета, почему мнѣ казалось тогда, что онъ еще только въ первый разъ поцѣловалъ меня.... Такой странный былъ этотъ поцѣлуй.... Съ этихъ поръ даже во снѣ часто чувствовала я его.... Онъ сталъ еще внимательнѣе, еще ласковѣе ко мнѣ, и такъ лихорадочно, не какъ прежде, тянуло меня къ нему.... Я поняла, что я люблю его.... Ну что же? Онъ такой хорошій, честный, онъ женится на мнѣ.... думала я, и все чаще, и чаще не спалось мнѣ.... Такъ чего-то горѣла голова, такъ билось сердце.... Я не сознавала, что поступила дурно, но только и сама не знаю почему, мнѣ страшно было сказать объ этомъ матери.... Да и о чемъ?... Вѣдь собственно она все видѣла, все знала?... Мнѣ минуло 16.... Стояла зима.... Онъ ужъ тогда кончилъ курсъ, поступилъ на службу, не такъ часто бывалъ у насъ. Какъ-то разъ, вечеромъ, катаясь со мною, онъ предложилъ мнѣ заѣхать поужинать въ какую - то гостинницу. Я сначала согласилась, а потомъ, мнѣ вдругъ чего-то стало страшно, и я не поѣхала. Съ этихъ поръ онъ уже не отставалъ отъ меня. Настаивалъ, просилъ, требовалъ, умолялъ, говорилъ, что если я поѣду съ нимъ, то онъ въ самомъ скоромъ времени женится на мнѣ, но я устояла, я не поѣхала ни разу.... Заболѣла мать. Онъ предлагалъ помогать мнѣ въ уходѣ за нею, онъ поселился въ сосѣдней съ нами компатѣ и.... тутъ онъ нашелъ случай воспользоваться, злоупотребить моею къ нему любовью.... Онъ взялъ отъ меня все, что могъ взять, взялъ, чтобъ осмѣять, чтобъ отбросить! и судорожно выпрямившись, рѣзко хрустнувъ палецъ о палецъ, Вѣра Павловна точно замерла въ углу дивана. Петръ Игнатьевичъ робко посмотрѣлъ на нее.... Теперь опять то же жесткое,

холодное выраженіе тупаго безучастія, что такъ смутило его съ самыхъ первыхъ минутъ въ этотъ вечеръ.

— Бѣдная, бѣдная мать моя!... Какъ она вѣрила ему, какъ любила его, тревожилась по немъ, сыномъ роднымъ называла.... Бывало, какъ уходитъ, креститъ, благословляетъ его.... благословляетъ! повторила она и громко, судорожно разсмѣялась.

Петръ Игнатьевичъ тревожно посмотрѣлъ на нее. Ему показалось, что ей не хватаетъ воздуха: такъ порвалась она въ этомъ дикомъ, сердце надрывавшемъ смѣхѣ.

— Да!... я его ненавижу!... Ненавижу всѣми силами души моей!... Онъ не хотѣлъ услышать мольбы!... Онъ не пощадилъ и матери!... Не подъ ея ли лаской, не подъ ея ли благословлявшею его рукою, не на глазахъ ли ея, укралъ меня у нея, укралъ, чтобы осмѣять, чтобы позоромъ покрыть сѣдины старухи, чтобы во мнѣ самой убить и вѣру, и самую надежду на счастіе?... и кому, и на что я теперь.... разбитая, брошенная! едва слышно договорила она и, какъ бы поперхнувшись чѣмъ-то, снова порвалась, вздохнула, стихла....

Петръ Игнатьевичъ не выдержалъ, отвернулся.... У него на глазахъ набѣжали слезы. Онъ какъ будто видѣлъ предъ собою и эту честную, добрую, довѣрчивую, такъ безстыдно-одураченную старуху-мать, и горечь, и порывистое лихорадочное отчаяніе осмѣянной, брошенной Вѣры Павловны.... Теперь ему было ясно.... Но, развѣ это причина?! Развѣ онъ не любилъ Зинаиду?... Развѣ не сходился онъ въ свою жизнь съ десятками женщинъ, даже и не будучи увлеченъ ими, единственно по движенію страсти?... И почему же онъ, почему эти другія, изо дня въ день, такъ легко, такъ свободно, со всею беззастѣнчивостью отдававшіяся ему женщины, женщины, подъ личиною чувства и ложнаго стыда скрывавшія расчетъ, или свое чувственное влеченіе выше ея?! А вѣдь она страдала, страдаетъ теперь.... Ее гнететъ, ее душитъ стыдъ, точно и въ самомъ дѣлѣ преступна передъ людьми, преступна даже передъ нимъ.

«Фу, дичь какая!» невольно вскрикнулъ онъ и, какъ бы испугавшись своего же голоса, быстро взглянулъ на Вѣру Павловну.... Ее какъ будто и не было: такъ притаилась она въ углу дивана, плотно закрывъ глаза платкомъ.

— Полноте, перестаньте, матушка, мучить себя изъ-за такого вздора!... Вѣдь сердце болитъ смотрѣть на васъ!

Она только еще крѣпче прижала платокъ къ глазамъ, закрыла имъ все лицо. Она плакала.... Глубоко, порывисто вздымалась грудь. Петръ Игнатьевичъ терялся. Онъ и чувствовалъ, что лишній, что тяжелъ ей въ эти минуты, и почему-то, самъ не отдавая себѣ отчета, боялся оставить ее!... Да и не могъ!... Ему такъ все дорого было въ ней: ея горе, ея слезы, такъ порывисто, такъ горячо дышавшая грудь, чернымъ платьемъ ёмко въ таліи охваченный станъ, и эта, точно забытая ею, подлѣ его руки нѣжная, слабая рука!... Такая родная, давно, давно ему близкая, дорогая....

— Полноте же!.. Уймитесь, матушка!... Плюньте на это дѣло! охвативъ своею широкою ладонью ея горячую, какъ огонь, руку, едва слышно, но настойчиво и внятно проговорилъ онъ.

Болѣзненно, глухо простонала Вѣра Павловна и, высвободивъ руку, быстро поднявшись, нервными, изъ стороны въ сторону перебивающимися шагами, вышла изъ кабинета. Петръ Игнатьевичъ сощурился, угрюмо покачалъ головою, до порога проводилъ ее глазами. «Куда?... Зачѣмъ?... Ужъ не домой ли?!» и опять, опять застонала, заныла въ груди ѣдунья-тоска.... Тихо было въ гостиной.... не слышно ни шаговъ, ни малѣйшаго шороха и въ залѣ. Петръ Игнатьевичъ быстро всталъ, подошелъ къ дверямъ, прислушался, глухія судорожныя рыданія донеслись до него оттуда, изъ-за зелени, лѣваго, дальняго, тускло-освѣщеннаго угла гостиной.

— Льется точно рѣкою.... опять себя мучитъ, опять не выдержитъ, сляжетъ, заболѣетъ, какъ тогда, послѣ отъѣзда изъ Щебринки.... Боже мой, Боже! Да неужели?... Неужели вѣчно будетъ страдать, вѣчно томиться изъ-за этого давнымъ давно забывшаго и думать-то даже объ ней мерзавца! ужаснулся Петръ Игнатьевичъ и, поднявшись на носки, спѣшно прошелъ въ спальню, налилъ въ стаканъ воды, взялъ со стола склянку одеколона, и пройдя чрезъ кабинетъ, еще тише, едва ступая, вошелъ въ гостиную. Вѣра Павловна вздрогнула, отвела платокъ и въ тотъ же мигъ снова закрыла имъ пылавшее отъ слезъ лицо....

— Выпейте, матушка!... Господь съ вами!... Что это вы такъ мучите себя.... Да плюньте жъ, наконецъ, на это дѣло! Точно институтка, точно ребенокъ! Да гдѣ же въ васъ воля-то, разумъ-то, матушка, гдѣ?

— Да полноте же прятаться-то, матушка,—принимая стаканъ, тихо упрекнулъ онъ. Вамъ нуженъ свѣжій воздухъ, а вы себя еще душите!... Эхъ, матушка!... Дасадно даже станетъ!... Или я все еще чужой вамъ?!..

Вѣра Павловна выпила нѣсколько глотковъ воды, глубоко, медленно вздохнула. Она какъ будто сбросила съ себя непосильную тяжесть. Еще разъ провела платкомъ по глазамъ, по лицу и, нервно его скомкавъ, опустила въ карманъ. Лицо горѣло отъ слезъ. Глаза закраснѣлись, опухли вѣки. Петръ Игнатьевичъ сѣлъ возлѣ, посмотрѣлъ на нее хотѣлъ улыбнуться, опять не выдержалъ, замигалъ, потупился. Вѣра Павловна встала и молча протянула ему еще влажную отъ слезъ руку.

— Что съ вами, матушка, что вы хотите?

— Домой.... Мнѣ невыносимо тяжело, Петръ Игнатьевичъ.... Я сознаю, что виновата передъ вами, но.... вѣдь теперь все ясно вамъ!...

— Да!... Ясно, все ясно!... И теперь, именно теперь, матушка, если вы протянете мнѣ вашу честную руку, вы вознградите меня и за лишенія, и за утраты суровой жизни моей; вы откроете мнѣ новую, свѣтлую сферу; рука объ руку съ вами, я стану выше, неизмѣримо выше того, что я былъ и что я есть.... Теперь причина не въ вашемъ прошломъ.... Оно честнѣе моего.... Причина въ васъ самихъ, во мнѣ.... Могу иль не могу отвѣтить вамъ?

Закружились въ гостинной и стулья, и кресла и цвѣты, и диванъ.... Потемнѣло въ глазахъ.... Вѣра Павловна быстро положила руку на лобъ. Она и слышала, слышала отъ слова до слова все, что сказалъ ей Коваленко, она поняла, что онъ сдѣлалъ ей опять предложеніе, не оттолкнулъ ее, не разошелся съ нею, какъ ожидала, какъ почти была увѣрена, но еще тверже, еще настойчивѣе протянулъ ей руку.... и не вѣрила, какъ будто все это былъ сонъ, а не живая дѣйствительность.

— Да не томите же себя, матушка!... Гожъ, такъ по рукамъ, а не гожъ, такъ за шиворотъ, да и изъ хоромъ вонъ! тщетно стараясь улыбнуться и щурясь, и мигая, сильно дрогнувшимъ голосомъ, напомнилъ онъ о себѣ.

— Кто? и Вѣра Павловна, отступивъ, сквозь слезы взглянула ему въ лицо. Вы?!.. Съ вашею правдивою, открытою душою, вы, оказавшій столько вниманія, столько незаслуженнаго

участія ко мнѣ?!.. И какъ могла придти вамъ въ голову, Петръ Игнатьевичъ, эта дикая мысль?!

— Стало.... вы.... я.... Стало, я вамъ.... Да не можетъ же этого быть, матушка, чтобы вы....

— Что?... Чтобы я? подойдя совсѣмъ близко и тихо ему улыбаясь, переспросила Вѣра Павловна.

— Чтобы вы рѣшились быть.... моей женой! съ трудомъ осилилъ онъ.

— Даже и тогда, когда уже рѣшилась! едва слышно, но твердо, ясно отозвалась она.

Петръ Игнатьевичъ сощурился, слегка отступилъ, расхохотался. Онъ какъ будто обезумѣлъ отъ радости. Теперь Вѣра Павловна, не скрывая глазъ, сквозь слезы улыбалась на него. Такъ глубоко, такъ живо, такимъ отраднымъ чувствомъ проникла ее эта почти дѣтская, ею въ немъ вызванная радость.

— Иванъ!... Андреевъ!

— Что съ вами, что вы хотите, Петръ Игнатьевичъ?

— Вспрыснуть, матушка, вспрыснуть!... Счастіе наше вспрыснуть.... Такъ всегда!... Такъ дѣлали отцы, дѣды наши.... Такъ въ обычаѣ, такъ мы!... Да поднимемъ мелюзгу-то нашу.... Вѣдь онѣ главныя виновницы, такъ сказать! Вѣдь я сначала объ нихъ подумалъ, чѣмъ обо всемъ этомъ, матушка.... Пусть же теперь за-одно ликуютъ съ нами. Да благословитъ ихъ Богъ.... Вѣдь это онѣ внесли въ мой домъ такое счастіе!... А я еще вытурилъ ихъ сегодня!... Все вы, вы виноваты, матушка!

— Чѣмъ?

— Да ваша гостья, ѣдунья грызла.... А я на зло.... Ну, да шалишь!... Теперь больше не укусишь.... Теперь вы защитите меня, матушка.... Вѣдь, правда, не позволите, даромъ не уступите?

— Чаво изволите, ваше превосходительство? вытянувшись въ струнку, пробасилъ Андреевъ.

— Сбѣгай, Андреевъ, въ погребъ!... Принеси бутылку, помнишь, какъ третьяго дня бралъ, большую, круглую, съ бѣлой шапочкой! Помнишь?

— Помню, ваше превосходительство.

— Да живо, слышишь!

— Слышу, ваше превосходительство.

И перекачнувшись съ лѣваго плеча на правое, Андреевъ перевалилъ обратно за порогъ.

— Чудакъ! вслухъ сообразилъ Петръ Игнатьевичъ ему вслѣдъ. Привыкъ къ нему, очень привыкъ.... Но, еще никогда не показался онъ мнѣ такимъ хорошимъ, какъ въ эту минуту!... А все вы, матушка, виноваты!... Вы во всемъ!... Даже и въ томъ, что человѣка сдѣлали ребенкомъ.

— Нѣтъ, не сдѣлала!... А полюбила только въ немъ его младенчески честное, правдивое сердце! и Вѣра Павловна, вспыхнувъ, съ глазами полными слезъ, протянула ему свою маленькую, какъ огонь, горячую руку....

Петръ Игнатьевичъ стихъ.... Безъ словъ взялъ ея руку въ свою широкую, сильную ладонь, поднесъ къ губамъ, поцѣловалъ.... Съ усовъ сбѣжали на нее его тихія, радостныя слезы....

М. Іогель.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ УСТЬЯХЪ И ВЪ МОРѢ *).

(СѢВЕРО-КАСПІЙСКІЕ ОЧЕРКИ).

IV.

Землепроходы.

Очертанія морей вообще и сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря въ особенности не представляютъ собою и подобія какой-нибудь ровной, волнистой линіи, а скорѣе ломанную. Воды каспійской котловины такъ долго, медленно и постоянно отступали передъ материкомъ, что не могло не остаться ясныхъ слѣдовъ этого отступленія, совершающагося и до сихъ поръ на глазахъ наблюдателя. Масса глухихъ степныхъ прорановъ, ериковъ, заливовъ, ильменей, цѣлыхъ внутреннихъ морей полу-прѣсныхъ, сòленыхъ и соляныхъ озеръ [1]) изрѣзали берега моря, оставаясь неопровержимыми свидѣтелями этого отступленія. Но не самый фактъ уменьшенія водной поверхности моря важенъ здѣсь, а тѣ безчисленныя водныя убѣжища, которыя остались слѣдомъ его, въ большинствѣ случаевъ служа пріютомъ разнаго рода кочующей въ морѣ рыбы.

Большинство такихъ водныхъ угодій, имѣя сообщеніе съ моремъ, поросло такою густою массой камышей и сообщенія эти часто такъ сбивчивы и мелководны, что угодья эти остаются недоступными, повидимому, даже для судовъ небольшаго размѣра. Только одна бродячая мелкая рыба, временемъ, заходитъ туда ради удовлетворенія своихъ насущнѣйшихъ потребностей — метанія и оплодотворенія икры и питанія, ища безопасности, тишины и свободы.

Какъ ни труденъ доступъ къ нимъ, человѣку несвойственно миновать эти блага, приправленныя, въ довершеніе всего, еще и обиліемъ рыбы.

---

*) См. апр., іюль и авг.

[1]) Объясненія въ концѣ.

Вотъ, люди-то, открывающіе эти маленькія Эльдорадо по разнымъ тихимъ уголкамъ сѣверо-восточной части моря, и носятъ полное народной ироніи, но мѣткое прозвище «землепроходовъ».

Всѣ такія водныя убѣжища можно раздѣлить на глухія — стоячія, и проточныя, хотя, собственно говоря, тѣ и другія—порожденіе одного и того же моря и питаются горько-соленою морскою водой. Вся разница только въ томъ, что воды однихъ только катаются, поднимаясь и падая вмѣстѣ съ морскимъ уровнемъ, воды же другихъ возобновляются, хотя тою же морской водою, постоянно проносимой туда или сюда, смотря по направленію вѣтра. Глухіе протоки, исчезающіе въ степи, лежатъ обыкновенно перпендикулярно къ линіи берега, проточные жъ—параллельно, образуя проливы между берегами и островами, обнажаемыми отступающимъ моремъ; первые обыкновенно носятъ наименованіе ериковъ, вторые — прорановъ и по преимуществу изобилуютъ рыбою.

Такіе глухіе ерика́, скудно освѣжаемые только колебаніемъ морскаго уровня и нерѣдко уходящіе въ степь на протяженіи пятнадцати, двадцати верстъ, особенно во время долгихъ штилей, такъ застаиваются и насыщаются запахомъ ила и перегноя, что начинаютъ сильно отдавать сѣрнистымъ водородомъ и отбиваютъ, конечно, и рыбу. Во всякомъ случаѣ, такіе глухіе ерика́ кажутся недоступными только съ моря; въ самомъ же ерикѣ, разъ попадешь въ него, иди хоть судномъ: такъ они промыты водой, катающейся въ одномъ руслѣ. Но и съ моря попасть въ такой ерикъ вовсе не такъ трудно, какъ это кажется съ перваго взгляда. Для этого нужно немного терпѣнія и ничего болѣе. Кромѣ того, что, при внимательномъ осмотрѣ, всегда найдется хотя едва замѣтная бороздинка, балокъ, которая проведетъ въ ерикъ, сто́итъ только подождать вѣтра съ моря, чтобы доступъ въ него сдѣлался возможнымъ съ прибывшей водою. Но зачѣмъ идти туда—вотъ вопросъ? Съ каждымъ шагомъ, вы входите въ глубь пологой ровной или покрытой, точно взволнованной буграми степи и сухими соляны́ми озерами, выщелоченными изъ этихъ бугровъ. Живой души не встрѣтится кругомъ — все откочевало на лѣто. Только стога накошеннаго еще зимою камыша, только кучи кизяку, наготовленнаго на топливо, да мѣста бывшихъ ауловъ и снятыхъ кибитокъ напоминаютъ о человѣкѣ; даже водяной птицы, по безрыбью, мало встрѣтишь въ такихъ ерикахъ.

Другое дѣло проточныя морскія воды. По берегамъ моря есть множество ильменей и прорановъ, которые или питаются водами рѣкъ, особенно въ половодье, или лежатъ, какъ говорено, вдоль береговъ, за островами и, принимая начало въ морѣ, впадаютъ въ него же. Такіе прораны, иногда представляя собою цѣлыя внутреннія морца́, лежатъ вдоль всѣхъ береговъ сѣверо-восточной окраины моря, начина́я съ устьевъ Терека и кончая заливомъ Сары-Ташъ [2]). Есть гдѣ разгуляться на этомъ пространствѣ, есть гдѣ попытать счастія или сгинуть и пропасть безъ вѣсти.

Обыкновенному, солидному, рядовому рыбопромышленнику не придетъ и въ голову забраться въ такіе безлюдные, тихіе, дикіе уголки, часто кишащіе частиковою рыбою, но есть люди, которые шнырятъ, пытаютъ и кормятся тамъ.

Кому приходилось сотни верстъ колесить вдоль береговъ моря или реить вдоль ихъ, то утопая далеко за горизонтомъ моря, то упираясь въ густыя чащи прибрежныхъ камышей,—все равно, вела ли его любознательность Колумба или корысть Кортеса, тотъ часто встрѣчалъ нѣсколько одинокихъ мачтъ именно тамъ, гдѣ меньше всего ожидалъ ихъ видѣть. Сотни верстъ прошелъ онъ пустыннымъ берегомъ, позабылъ даже и думать о присутствіи человѣка — и вдругъ предательскій дымокъ вьется гдѣ-нибудь въ камышахъ и нѣсколько разнокалиберныхъ мачтъ торчатъ въ голубой глубинѣ неба.

— Что это, мачты?

— Землепроходы, лѣниво улыбается кормщикъ.

— Какъ, что такое?

— Землепроходы, молъ,—Краснояры.

Да, Краснояры,—за ними остается это прозвище.

Небольшой городокъ Красный Яръ, со своимъ высокимъ соборомъ и маленькими, чуть не деревенскими домиками, лежитъ на большомъ водномъ рукавѣ Волги, Бузанѣ, и походитъ болѣе на людное великороссійское село, нежели на уѣздный городъ.

Жители городка занимаются рыболовствомъ, отчасти садоводствомъ и, въ послѣднее время, торговлею со внутреннею киргизскою ордой. Во всякомъ случаѣ, ловецкое населеніе со своими интересами преимуществуетъ и въ городѣ, и въ уѣздѣ.

Стоитъ теплое время передъ масляни́цею. Послѣдній снѣгъ, котораго было немного и зимою, сбѣгаетъ, мѣстами обнажая землю,

и окрестность выглядитъ какою-то пѣгою и далеко нечистоплотною. Суглинистая поверхность земли оголилась почти вся и успѣла даже провянуть мѣстами. Кое-гдѣ, въ тѣни бѣлѣетъ еще грязноватый снѣгъ, но и по немъ видны бурые глинистые слѣды и грязныя тропки.

Ледъ стоитъ еще, но грязный, изнывающій, расписанный темными присаленными дорогами, тропинками и слѣдами. Пятна красныхъ яровъ и бѣлаго снѣга видны по рѣкѣ. Вообще окрестность пѣгая и засаленная.

Въ одномъ изъ переулковъ, ведущихъ къ берегу, въ ряду другихъ, жмется небольшой деревянный домикъ въ три окна. Ворота отворены и въ нихъ слышна русская рѣчь, иногда съ сильнымъ татарскимъ акцентомъ и видны двое, сажающіе сѣть, растянутую поперегъ двора, отъ крыльца къ навѣсу. Сажаютъ одинъ русскій, другой татаринъ.

Русскій, молодой парень лѣтъ около двадцати, съ веселымъ, но не совсѣмъ открытымъ лицомъ и хитрыми смышленными глазами, одѣтый въ стеганыхъ на ватѣ шароварахъ и фуфайкѣ изъ сѣрой нанки, казалось, о чемъ-то спрашиваетъ работающаго напротивъ татарина. Густые, волнистые, красноватые волосы прихотливыми прядями выбиваются изъ-подъ его низкой мерлушковой шапки, надѣтой на переде; любопытные глаза ждутъ отвѣта.

Между работавшими, поперегъ двора, аршина два надъ землею, были протянуты двѣ тонкія веревки сороковику, на которыя они сажали наслабѝ тонкій сѣтной провязъ (полотно), одну сторону на одну веревку, другую — на другую, такъ что посаженный провязъ, въ видѣ мѣшка, висѣлъ между прикрѣпленными къ нему веревками. Все вмѣстѣ составляло одну рыболовную сѣть. Около навѣса, съ лѣвой стороны двора, лежало нѣсколько большихъ клубковъ провяза и пучковъ сороковику.

Татаринъ, плотный, невысокій ростомъ и проворный, съ рѣзкими чертами лица и густыми черными бровями, судя по выговору и внѣшности былъ Кара-Агашъ, какъ называютъ подъ Астраханью это выносливое, работящее и способное племя, которое цѣнится нанимателями вообще и ловцами въ особенности.

— Ну?

— Ходили, молъ, сказываю, повторилъ татаринъ.

— Ловили тамъ, што ли?

— Нѣту, какой ловилъ,—вода искалъ.

— Давно это было-то?

— Не больна давно. Два, три годъ, чай было. Весной было.... Въ маю, такъ, можетъ.... тепла.... ай-яй, тепла было!

— Што жъ вы обезводили што ли?

— Безводили мало, мало.... Лодка съ города больно долга жидалъ. Идемъ на Долгій [3]) воду беремъ, сказалъ лоцманъ. Мы и пошла.

— Да ты у кого работалъ-то?

— Тшіпшиковъ Семенъ, знаешь чай?

— Ну, вотъ тебѣ! Рази Чипчиковы-то тамъ ловили?

— Зачѣмъ тамъ ловилъ? У Заворотъ [4]) лежалъ; говорю, вода тащилъ.

— Что же на Долгомъ-то, иль колодцы есть?

— Кудукъ есть—вода-то не больно добрый. Ледъ же тамъ есть.... Ай, яй, яй—вотъ вода!

— Какъ ледъ, въ маѣ-то? засмѣялся молодой парень.

— Правду сказываю.... По островъ ходилъ, по кряжъ ходилъ же, бугра ракуша видалъ, большой бугра—вся ракуша.... Копалъ мало дѣло—ледъ есть. Бралъ ледъ—вода сдѣлалъ. Ай, яй, яй. ну, вода! Ц-ц-ц.... зацокалъ татаринъ въ знакъ наслажденія.

— Однако ты, Ахметка, хрѣновину-то не разводи,—гололобый! Въ маѣ ледъ нашелъ.

— Ты што, дуракъ штоль?! што знаешь?... Што лаешься, собака! вскрикнулъ удивленнымъ, но добродушнымъ голосомъ татаринъ. Когда слыхалъ вралъ я, тшортъ!

— Да ты чего говоришь-то? Въ маѣ....

— Маю, маю, ну! Ну, што! Сказывалъ, смекалъ себѣ такъ, въ маю было.... Што я знаю! Мулла я! горячился татаринъ.

— Ну, ну? Какъ же въ ракушу ледъ-то угодилъ?

— Человѣкъ тамъ былъ, онъ указалъ. Сказывалъ, весна будетъ—ледъ идетъ, вѣтеръ же идетъ, вода претъ,—тащи́тъ его на берегъ, совсѣмъ тащитъ, ракушу тоже тащи́тъ — штормъ! Зароетъ совсѣмъ — хоронить будетъ. Вѣтеръ кончаетъ — вода прочь пойдетъ, ледъ останется, ракуша тоже останется. Со степи вѣтеръ пойдетъ, опять ракуша тащи́тъ—совсѣмъ зарывать будетъ. Долго лежитъ. Роетъ мало, мало — ледъ тамъ. Самъ бралъ, вѣрно говорю, зачѣмъ зря калякать стану, добрый человѣкъ!

— Што жъ, скоро нашли.... Долгій-то?

— Што тутъ! Скоро нашли.... Ловца указывалъ; сказалъ, посуда тамъ зимовала. Мы машта видалъ, на нее ходили.

— Ужли и въ маѣ посуда тамъ стояла? Гдѣ же ловили-то? Рази подъ островомъ?... а сказывали мелю тамъ.

— Свойская стояла. Посуда въ морѣ стояла же. Тонкой сѣтка близко лежалъ. Вотъ такой, указалъ татаринъ на сажаемую сѣть.

— Что жъ, хорошо ловили?

— Гдѣ ловилъ? Шайтанъ какой тамъ былъ, а не лоцманъ. Татаринъ съ пренебреженіемъ махнулъ рукою. Лоцманъ! Спать туда ходилъ, добавилъ онъ съ раздраженіемъ и даже плюнулъ.

— Рыбы, можетъ, не было?

— Рыба была — человѣкъ не былà, серьезно пояснилъ Ахметка. Киргизъ-то ордашный [5]), смѣется вся—такой лоцманъ! Люди рыбу тащи́лъ—онъ на берегъ сидѣлъ, рыба ушелъ—онъ въ море ходилъ. Шайтанъ совсѣмъ.

— Какъ же знаешь, что рыба-то была?

— Своима глазама видалъ, человѣкъ же сказывалъ. Народъ былъ тамъ—котельный [6]) сѣтка ставилъ, смотрѣлъ я. Ай, яй, довольна рыбы видалъ, довольна хороша рыба. Севрюга же былъ, судакъ же былъ. Много рыбы живетъ, человѣкъ сказывалъ.

— Какой человѣкъ?

— Киргизъ.... нѣтъ, калмукъ онъ, слыхалъ я, съ Лагани туда бѣгалъ, слыхалъ.

— Зачѣмъ бѣгалъ?... Бѣжалъ што ли?

— Бѣжалъ, бѣжалъ. Зачѣмъ бѣжалъ, какъ бѣжалъ—што знаю? Убивалъ кого што ли, Богъ знаетъ. Исламъ принималъ, киргизска дѣвка бралъ, балушка родилъ — совсѣмъ киргизъ, мохаметанъ сталъ. Онъ сказывалъ.

— Что же онъ, сидитъ тамъ што ли? Въ маѣ-то, небось, кочуютъ они?

— Которые кочуютъ,—много кочуютъ; которые не кочуютъ. Байгушь [7]) есть, скота мало есть—зачѣмъ въ степь пойдетъ? У моря останется, рыбу мало, мало ловитъ.

— Что жъ они тутъ на Долгомъ и сидятъ?

— Который на Долгомъ сидитъ, который на кряжъ [8]) сидитъ—вездѣ сидитъ.

— Ну, что жъ тебѣ калмыкъ-то сказывалъ?

— Вотъ, сказывалъ. Тащи неводъ. Одна полная рыбница рыбы беретъ—мѣшокъ мука даешь, еще одна полная рыбница берешь—еще мѣшокъ даешь—вотъ!

— Ну?! Рыба-то какая?

— Судакъ берешь, сазанъ берешь, жерехъ берешь—вся одна.

— Врешь, чай?

— Зачѣмъ врать будетъ? Кому добра будетъ? Хлѣба, чай, ашать хочетъ, добрый человѣкъ!

— Што жъ онъ, мѣста што ли указать хотѣлъ?

— Самъ указать будетъ, такъ говорилъ.... Пряжа [9]) садочная тащи-ко, пожалста, спохватился Ахметъ, видя, что иглицы дометываются. Иглицы, иглицы-то [10]) бери-ка.

Парень подобралъ съ земли у навѣса цѣлый пукъ деревянныхъ чистыхъ иглицъ, на которыхъ наматывается тонкая пряжа для садки и метанія сѣтей и исчезъ въ дверяхъ домика, выходившихъ на низкое крыльцо.

Наружно домикъ тѣмъ только отличался отъ обыкновенной крестьянской избы нашихъ среднихъ губерній, что былъ покрытъ тесомъ и къ нему была пристроена кухня изъ кирпича-сырца. Такимъ образомъ, домикъ дѣлился сѣнями, выходившими на крыльцо, на двѣ половины. На-право вела дверь въ лицевую, чистую половину, на-лѣво—въ кухню.

Парень отворилъ дверь въ кухню. Въ правомъ переднемъ углу кидалась въ глаза свѣже выбѣленная русская печь, отъ которой несло тепломъ и какимъ-то съѣстнымъ запахомъ; въ лѣвомъ, увѣшанномъ иконами, помѣщался бѣлый, гладко вымытый и выскобленный столъ; по стѣнамъ шли лавки, протянувшись подъ самыми окнами на дворъ. По задней стѣнѣ, въ которой была единственная дверь, стояла широкая кровать, покрытая бѣлой кошмой и висѣли разное носильное платье и шапки.

Женщина лѣтъ тридцати пяти, съ миловидностью на увядающемъ лицѣ, и дѣвочка лѣтъ 12—портретъ матери, углубившись въ работу, едва вскидываютъ глаза на вошедшаго, но не покидая своего дѣла. Первая стоитъ лицомъ къ окнамъ и мечетъ (вяжетъ) легкій сѣтной провязъ, задѣтый за клепень, привязанный ко гвоздю, вбитому въ простѣнкѣ. Провязъ такой же, что сажается на дворѣ. Рука ея, вооруженная иглицей, бѣгаетъ, какъ мышь, вспархиваетъ, какъ птица, за которой трудно поспѣть глазу, захлестывая ячею за ячеей на ровной по́лкѣ (линейкѣ), такъ что всѣ онѣ сохраняютъ одну мѣру.

— Што тебѣ, Митя? обращается она къ вошедшему.

— Пряжи садочной давайте. Митрій бросаетъ иглицы на лавку.

— Маша, дай ему иглицы-то. Есть, чай, намотанныя? спросила она у мотавшей дочки.

— Много, мамонька.... Вотъ, бери, обратилась дѣвочка къ Дмитрію, не переставая мотать.

Она сидитъ на кровати; мотовило, въ видѣ какого-то первобытнаго орудія каменнаго вѣка, тихо вращается передъ нею своей горизонтальной крестовиной на вертикальномъ грубомъ стоякѣ; только желѣзный гвоздь, несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, зачѣмъ-то попалъ въ самый центръ вращенія. Сѣрая небѣленая бичева пряжи ползетъ съ мотка на ея иглицу.

— Ты не бери тонкой-то,—кричитъ дѣвочка, видя, что Дмитрій беретъ пряжу безъ разбора.—Это мамонькина. Разуй глаза-то! Рази это садочная? Ха, ха, ха, ха, ха! хохочетъ ребенокъ на оторопѣвшаго парня. Дмитрій отбираетъ пряжу и касается иглицей носика дѣвочки.

— Востроглазая!

— Митька!...

Парень исчезаетъ въ дверяхъ.

Проходитъ съ полчаса; мать и дочь продолжаютъ свое дѣло, тихо напѣвая. Въ дверь просовывается русая большая голова мужчины лѣтъ сорока, вѣроятно, хозяина дома.

— Аннушка, самоварчикъ бы—пріятели.

На крылечкѣ слышенъ топотъ сапогъ.

— Што тамъ еще? Ноги-то обтирайте, натопчете. Кто тамъ?

— Товарищи, по дѣлу. Покалякать надо. Самоваръ-то пусть Митя, а ты.... закусочки бы.

— Знаю ужъ.... ступай, што однихъ-то бросилъ?

— Ноги вели обтирать—вишь на дворѣ-то,—не намоешься.

Голова скрывается за дверью.

Часъ спустя, въ горницѣ, на столѣ, между окнами на улицу, замолкаетъ докипавшій и уже не разъ долитой самоваръ. Четверо мужчинъ, считая и хозяина, расположились вкругъ стола, на которомъ, кромѣ чайнаго прибора, торчитъ графинъ съ водкою и двѣ налитыя рюмки; соленой огурецъ и свинина нарѣзаны на тарелкѣ. Хозяйка моетъ и перетираетъ чашки. Митя стоитъ, привалившись къ притолокѣ.

Чистая половина, гдѣ собрались присутствовавшіе, состоитъ изъ трехъ небольшихъ комнатокъ, между которыми помѣстилась выбѣленая печь-голландка. Маленькая прихожая, зальца, гдѣ сидятъ гости и спальная съ лежанкой. Всѣ комнаты проходныя съ чистыми сосновыми переборками и стѣнами и отличаются тою пестротою обстановки, которая характеризуетъ эстетику нашего простонародья, ушедшаго отъ курной избы крестьянина. Сюда успѣлъ уже проникнуть мѣщанскій городской элементъ, задавившій все сельское, только кое-гдѣ, точно стыдливо выглядывавшее изъ-подъ разнокалиберной обстановки. На ловецкую среду, даже сельскую, вліяніе города такъ сильно, что вы видите его во всемъ складѣ ея жизни. Всѣ важнѣйшія перепетіи его существованія, всѣ экономическіе его интересы—въ городѣ, разумѣется, въ Астрахани, а не въ Красномъ Яру. Кому же можетъ быть ближе этотъ единственный рынокъ рыбныхъ товаровъ, какъ не рыбопромышленнику? Тамъ его средства къ жизни и промыслу, тамъ трата этихъ средствъ, тамъ столкновеніе съ людьми всѣхъ состояній и положеній, начиная со своего брата ловца-горожанина, да какого-нибудь барина-коммерсанта, живущаго на дворянскую ногу. Онъ наглядѣлся на всякую жизнь, потому нѣтъ ничего удивительнаго, если среди лубочныхъ, бакано-кобальтовыхъ произведеній живописи батальнаго или апокалипсическаго содержанія, вамъ кинутся въ глаза часы въ палисандровомъ корпусѣ, зеркало, неперекашивающее лица, и какой-нибудь старинный столикъ или угольникъ временъ имперіи, неизвѣстно откуда и какими путями забравшіеся сюда, въ эту дѣвственную страну и юное общество. Между аляповато вызолоченныхъ чашекъ вдругъ видите вы изящной формы хрустальную вазочку съ латинскими буквами вензеля, давно утратившаго всякое значеніе; рядомъ съ водкой первобытнаго приготовленія появляется недорогая Бауеровская мадера или портвейнъ. Ничему не должно удивляться въ такомъ жильѣ. Ловъ—лоттерея,—выпалъ счастливый нумеръ—покупается даже и то, что не нужно.

Горница, которая передъ глазами, изъ подобныхъ. Замѣтно, что хозяева ея не изъ зажиточныхъ, но что счастіе и къ нимъ когда-то оборачивалось лицомъ. Уголъ, заставленный иконами суздальской школы, пестрыми гравюрами адскаго содержанія и потемнѣвшая лампадка съ фарфоровымъ яйцомъ, засиженнымъ мухами; старый пузатый шкафъ со стеклами и ящиками внизу, набитый разнымъ фарфоровымъ и стекляннымъ хламомъ и безо-

бразными дѣтскими игрушками; въ другомъ углу, нѣсколько паръ стульевъ и столъ съ чайнымъ приборомъ; зеркало въ простѣнкѣ и сундукъ у печи составляютъ незатѣйливую обстановку комнаты.

Гости, окружающіе столъ, видимо, явились за-просто, съ работы,—какъ были. Всѣ они одѣты въ засаленныхъ стеганкахъ и высокихъ тяжелыхъ сапогахъ, руки ихъ черны отъ дубленія снасти, платье испачкано смолой.

— Ну такъ, какъ же? обращается къ окружающимъ невысокій рябоватый мужчина, съ бойкими, внимательно бѣгающими глазами и атлетическимъ тѣлосложеніемъ.—Порѣшили, значитъ?

— Да, да, какъ говорено....

— Чего говорено-то? Пятеро насъ пайщиковъ-то, што ли?

— Гдѣ пятеро-то?... Четверо, чай? Макарычъ нейдетъ—не обернется, слышь,—замѣтилъ высокій бѣлокурый ловецъ съ открытымъ симпатичнымъ лицомъ и большими сѣрыми теплыми глазами. Онъ былъ одѣтъ почище прочихъ и казался лѣтъ тридцати пяти.

— Нѣтъ, ужъ вы меня тово.... если за жалованье, значитъ. Безъ задатка не обернусь. Жена, робятишки тожъ. Ихъ къ празднику-то не безъ хлѣба оставить. Васютку, опять, говорили, возьмете.... заговорилъ старшій изъ присутствовавшихъ, невзрачный мужиченко лѣтъ подъ шестьдесять, съ кроткими и умными, слезящимися глазами.

— Мм.... задатокъ, промычалъ рябоватый, а гдѣ мы его тебѣ возьмемъ? Чудной человѣкъ! Деньги-то самимъ до зарѣзу нужны—справа. Дома-то тоже не пустые оставишь.... Задатокъ!... Сами-то отъ богачества рази памѣсто рабочихъ идемъ!

— Вѣдь рабочихъ-то наймать будете же, четверымъ чего около невода дѣлать. Имъ чай тоже задатки нужны?

— То-то, вотъ и хотѣлось бы еще пайщика али двухъ подыскать,—дѣло-то, оно бы и полегше обошлось.

— Одного-то, авось, найдемъ, а дѣдушку бы взять надо—мѣста онъ знаетъ хорошо, Степанъ Александрычъ, обратился къ рябоватому ловцу хозяинъ. Взять бы. Опять, дѣло, братъ, у него изъ рукъ не вывалится.

— Зачѣмъ вывалится, вставилъ старикъ.

— Што жъ, мѣста знаетъ?... мы и сами.... ходили, чай—не въ первой. Я о деньгахъ больше. Великъ ли жъ задатокъ-то тебѣ? обратился онъ къ Макарычу.

— Да мнѣ што.... До Петрова значитъ?

— Какъ до Петрова? А тамъ?...

— Въ городъ штобы преставить.

— Вотъ видишь! Какъ же это такъ? До Петровà, а тутъ рыба, можетъ, толкнется либо што, а тебя въ городъ вези! Это какое дѣло будетъ? Опять, про краснаго гуся говорили.

— Што жъ. Всѣ вы до Петровà порѣшили вмѣстѣ ловить. Сами договорились.

— Оно, пущай, вѣрно дѣдушка говоритъ, до Петровà сговорились. Точно. Чего тутъ. Не переговаривать, заговорили всѣ собесѣдники.

— До Петровà-то, до Петровà, только говорено было, если рыба хорошо будетъ, чтобы дѣла не разстраивать, а тутъ одинъ въ городъ соберется, другой—и скачи съ ими, дѣло-то брось. Опять, про гуся....

— Зачѣмъ дѣло разстраивать?... Рыба будетъ—будетъ тянуть, не бросимъ.... Только, штобы съ Петровà, если пожелаю въ пайщики, въ пайщики принять.... А про гуся, если за Петровъ протянемъ да рыба отшатнется, точно говорили.... Што жъ, можно и гуся, тожъ пайщикомъ.... Васю-то возьмете? спохватился Макарычъ.

— Это опять задатокъ?

— Василья-то возьмите. Что ужъ—вмѣстѣ ихъ! вмѣшался Митя, молчавшій до сихъ поръ.

— Возьмите, возьмите, да взять-то гдѣ? ухмыльнулся рябоватый.

— А вы, вотъ што, чѣмъ по пусту-то толковать, говорите, берете што ли его, только и всего. А то гуся, гуся.... гдѣ еще онъ, гусь-отъ, не берете вы, я его въ работу беру и пай мнѣ на его часть пойдетъ—вотъ што. А можетъ, покалякаемъ, и сына его возьму. Рабочихъ надо же брать, въ самомъ дѣлѣ. А Макарыча я знаю, полезный онъ намъ человѣкъ будетъ, вотъ што.

— Ну ну, мы што же; если берешь—што толковать, мы рады; заговорили всѣ.

— Вотъ только пая-то не много ли будетъ, старъ онъ, вставилъ рябой.

— Старъ, старъ. . самъ состаришься, другъ любезный, протестовалъ Макарычъ.

— Ну, а теперь выпьемъ. Ну-ка, прошу покорно.

Прошло недѣли двѣ; артель окончательно составилась и торопилась исправить все необходимое къ выходу въ море. Макарычъ хлопоталъ на берегу, приготовляя къ спуску посуду и лодки. Онъ возился около послѣднихъ, накладывая и прибивая скобами свѣже наструганные бѣлые лосты на темную поверхность одной, лежавшей килемъ къ верху. Парень Митя, котораго мы видѣли съ татариномъ за сѣтями, подсоблялъ старику. Онъ сидѣлъ около, на бревнѣ, и щепалъ лосты отъ сухой ровной доски, отдирая дрань за дранью. Макарычъ постукивалъ молоткомъ, накладывая лостъ за лостомъ на свѣжую конопатку, торчащую изъ пазовъ, и пришивая ихъ ко дну лодки скобами, такъ что она выходила полосатая. Бѣлые канты лоста тянулись по всѣмъ пазамъ темной лодки.

— Митя, давай лоста-то, обернулся старикъ къ парню.

Тотъ собралъ пукъ бѣлыхъ тонкихъ лучинокъ и положилъ ихъ на опрокинутое дно лодки около Макарыча.

— Эхъ-ма! скоба-то велика малость, соображалъ старикъ, разглядывая небольшую желѣзную скобку немного пошире четверти вершка.—Не для будары она. Онъ осѣдлалъ ножками скобы бѣлую дрань лоста и вогналъ ихъ молоткомъ во дно лодки. Скоба впилась въ мягкую деревянную массу и придавила пухлую паклю конопатки и бѣлую дрань лоста.

— Вотъ такъ-то.

На берегу кипѣла работа—движеніе, стукъ и говоръ. Было ясное, теплое вешнее утро. Еще день, два, три — и ледъ тронется. Ждали. Снѣгу не было и въ поминѣ; ледъ совсѣмъ мокрый, рыхлый и желтый. Солнышко грѣло съ утра; скворцы насвистывали, скрипѣли, трещали и болтали безъ отдыха; вороны жадно купались въ проталинахъ на льду, кое-гдѣ важно прогуливались шелковистые темносиніе грачи. Всѣ спѣшили, ледъ могъ тронуться каждую минуту, а за тѣмъ два-три дня времени и спускъ посудъ на воду. Черные одубленные пучки снасти и длинныя полотна сушившихся сѣтей видны были по дворамъ; пучки золотистаго чакана [11]) лежали точно дрова.

— Дѣдушка, за гусемъ-то [12]) пойдемъ што ли? обратился Митя къ Макарычу.

— А кто е знаетъ. Тамъ видно будетъ! Далеко еще до гуся-то—што рыба скажетъ!

— А далеко идти-то?

— Откель пойдешь? Отселе ежели, вѣстимо далеко. Это, гдѣ ловить доведется. На Прорвѣ [13])—рукой подать.

— На Прорвѣ-то я бывалъ, дѣдушка—бѣда!

— Нàшто бѣда?

— Комара! — дохнуть не дастъ, анафемская тварь. Поѣсть некогда!... Въ работѣ еще, особенно, если рыбы много—весело, забываешь о немъ, ну а на стану — бѣда! Ты рыбу раздѣлывать, а онъ тебѣ такъ руки и обсядетъ, хошь караулъ кричи. Или гдѣ-нибудь на ухо, или на носъ сядетъ да и пьетъ—знаетъ ровно, что руки заняты и въ крови всѣ. Въ вѣтеръ все легше, въ сильный особенно,—попрячется, проклятая тварь—въ камышѣ сидитъ. Опять, костеръ разведешь, курево положишь съ вѣтра то, — не нравится! А въ тихо — пропадай пропадомъ!

— Да, ужъ эта пичужка! ухмыльнулся Макарычъ.—Да вы, аль палатей [14]) не дѣлали? На верху-то все легше.

— Какъ не дѣлать, да набирается, подлый. И зачѣмъ эта тварь на свѣтъ произошла! Не придумаешь.... А, вотъ, сказываютъ, дѣдушка: Стенька Разинъ, атаманъ такой жилъ, заговаривать могъ комара-те?... Врутъ, чай? Пёсъ его заговоритъ!

Старикъ осклабился, показавъ ротъ, полный еще зубовъ, и тихо засмѣялся.

— Да, болтаютъ люди. Сказываютъ, брался заговорить, да просилъ, вишь, больно дорого, скептически произнесъ Макарычъ. Мало ли што болтаютъ.

— Какъ же это гуся-то ловятъ, дѣдушка, чѣмъ?

— Чѣмъ?... Да руками и ловимъ. Ты видалъ гуся-то?

— Когда не видать, ты што?... Чай, и теперь еще живутъ у дохтура и у посредственника были, помнишь?...

— Да, да. Ну, вотъ, вишь онъ каковъ, ну а все жъ таки птица, извѣстно. Придетъ время, линять надо—тутъ ужъ летать-то, братикъ, мое почтеніе!... Куда ему?... На берегу-то звѣрь обиждаетъ.... волкъ, лисица, хорь, горностай, ласка,—да мало ли. Вотъ онъ, братецъ ты мой, дикія, покрытыя водою, отбойныя къ морю мѣста и ищетъ. Ножищи-то, вишь, у его по аршину — больше, ну ему, значитъ, бѣгать по меляхамъ-то и сподручно. Поспѣй за имъ! А человѣкъ, хоть нашъ братъ, къ примѣру, отожми-ка его въ море-то, сбей съ мѣляка-то—ну и шабашъ! Онъ дальше, а ты за нимъ, онъ еще дальше, а ты за имъ, — лапы-то у него, значитъ, хватъ, хватъ! — дна-то и не хватаютъ.... туда, сюда, а плавать-то онъ, братъ, не мастеръ—

ну и пропалъ, особенно еще если къ тому лодка, другая — руками и бери. Нехитрое дѣло-то!

— Да вѣдь онъ улетитъ, дѣдушка?

— Чѣмъ улетитъ-то? Перья-то гдѣ?

— А выростутъ?

— Выростутъ — улетитъ, вѣстимо, али тебя спрашиваться станетъ. Чай, крылья-то ему связать можно, али подрѣзать — умная голова!

— Чѣмъ же его кормятъ-то? Ужели рыбой?

— Мы просомъ кормимъ, — пшеномъ такимъ, русскимъ. Кстати, напомни ужо Григорью, пшена-то поболѣ бы бралъ. Рази, послѣ возьметъ?

— Куда жъ его дѣвать, дѣдушка, гуся-то? Хлипкій, вишь, онъ, не живетъ долго-то.

— Ха, ха, ха, ха! Да ты его што жъ, водить рази охотишься. Не ради этого мы.

— Нѣтъ, я про то, переживетъ ли — не переколѣлъ бы. Куда его, экую араву?

— Куда! Господа раскупаютъ. И въ городѣ, и тои, кои на пароходахъ вверхъ идутъ. Цѣну даютъ! А довези въ ярманку — на расхватъ! Отбою нѣтъ и выручишь вдвое аль поболѣ. Не успѣешь прибѣжать, узнаютъ — въ два-три дня посуду ослобонятъ — вотъ што!

Оба помолчали.

— Довольно лоста-то, куда его? обратился Макарычъ къ Митѣ. Таперь смолить бы хорошо — вишь солнце-то!

Парень бросилъ щепать и подошелъ къ дѣду.

— А что его ѣдятъ? спросилъ онъ, вѣроятно, все еще интересуясь гусемъ.

— Чего это, гуся-то? Дляча не ѣсть, все одно — птица.

— Не показано, можетъ?

— Не указано?... Моряку какой указъ, знаешь ты. Ее чего не ѣсть.

— Ты ѣдалъ?

— Много разъ, да груба она. Въ похлебкѣ еще туда сюда, ну а такъ, чтобы тамъ мясо,—груба.

Опять настало молчаніе.

— Дѣдушка, вотъ ты надысь сѣтку-то большущую строилъ, *погоняемъ* ее што ли называли....

— Ну?

— Какъ же ей, то есть, обращаться-то? Ставятъ што ли ее какъ, или плавомъ? Подъ сазана, сказывали.

— А, да. Это, вишь ты, я для особаго дѣла изготовилъ. Ладно временемъ ловитъ эта штука-то. Ну мѣста опять, — по мѣстамъ все же глядя.

— Какъ это, по мѣстамъ?

— По мѣстамъ-то.... А вотъ, ловили мы, лѣтъ, пожалуй, десятокъ, поболѣ будетъ, на Прорвѣ и ни годъ, ни два ловили. Чудно́е мѣсто эвта Прорва—иное стоишь, стоишь мѣсяца полтора, два, нѣтъ тебѣ *ни пера* [15]) еле на котелъ убиваешься, а другой разъ, хватитъ тебѣ вѣтерокъ, заснешь—безрыбье, а проснешься, рыба кишмя кишитъ тебѣ кругомъ. Про сазана я. И лавливали мы тамъ, здо́рово лавливали временъ. Вотъ, помню, одно лѣто—въ концѣ мая было, ничего допрежь рыбы не было, а тутъ ровно изъ земли взялась. Видимъ сазанъ наруже ходитъ, такъ перомъ и чертитъ по водѣ.... ахъ ты, оказія! Ну, половили въ вечеру-то, а вѣтеръ съ моря. Сильнѣй, да сильнѣй, къ ночи совсѣмъ штормъ. И былъ-то какіе-нибудь два-три часа, *полоса* была, прогремѣла и баста, а сильна́ дула. Прорву-то знаешь—свиститъ по прорану вода, противъ и на *праходъ* не выгребешь, а не то што. Вотъ его, видно, и проперло.... Однако къ обѣду стихать, стихать и совсѣмъ стихло. Мы сейчасъ въ лодки, неводъ набрали—чего дремать-то. Куда бѣжать? По всѣмъ правамъ, по вѣтру надо. Пошли, парусомъ еще,—живо таково. Вѣтеръ чуть хилитъ, а вода все претъ еще. Вышли въ морцо, въ черни-то, знаешь, чай? идемъ дальше—ничѣмъ ничего! И куда онъ провалился, диво только. Островокъ тутъ, да ты знаешь, къ абамъ-то [16]); смотримъ, что за красная это полоса, молъ—не мѣлякъ ли? Не надо быть, ровно. А правѣе, къ островку-то *встань* видна. «А, вѣдь, это, братцы, сазанъ? Постой, мы те жигнемъ, молъ, погоди». Посадили мы, да на шестахъ, да на шестахъ, тихо.... А онъ такъ и встаетъ, такъ и сѣчетъ—дрожь тебя беретъ — такъ бы въ воду и кинулся! Идемъ, я тоже шестомъ легонько упираюсь, «мотри, молъ, ребята, не мѣлякъ ли это?» на полосѣ-то это я, значитъ говорю, а самъ сую́сь, да сую́сь. Вотъ только на рубецъ-то на самый попали, какъ онъ изъ-подъ шеста-то у меня хлыснетъ—и пошелъ, и пошелъ. Задѣлъ-то я одного, да онъ и другихъ вѣрно, потревожилъ—зашевелились тоже. Постой, молъ, ребята, тише! Сазана-то, гляди, кожь ровно доро́га. Вотъ мы перешли его, да къ островку-то

и давай метать, и давай метать. Вотъ, какъ обгородили мы его, пріятеля — всѣ въ воду, тянуть, тянуть, тянуть, а неводъ-то подайся малость, да и не съ мѣста—што его тутъ было, Господь вѣдаетъ. Сходили, матню растащили—пошелъ по-малу, пошелъ неводъ-то; только онъ, не будь плохъ, осмотрѣлъ видно, видить некуда, да какъ шаркнетъ въ правое крыло, неводъ-то и вынесъ—ядро-то. А намъ и не въ домекъ съ первоначалу-то, што, молъ, это легко пошло—въ мотню видно повалилъ. Послѣ ужъ увидали, что ворота-то сломаны—настежъ стоятъ. Такъ руками и вскинули! Такъ што? Мы въ приводахъ-то, да въ мотнѣ штукъ близь тыщи взяли. И сазанъ былъ—заломъ [17])! Ну, куда тутъ бѣжать, самъ знаешь, впору рыбу-то до мѣста дотащить — на веслахъ-то не скоро дохромаешь. Пока выкидали, пока раздѣлали, посолили, пока што, анъ и вечеръ на дворѣ.... А жаль упустить было.

— Дѣдушка, да мы про погоняй говорили, ты сказывалъ, по мѣстамъ онъ. У чего жъ здѣсь мѣста-то?

— А вотъ, пожди, къ тому веду — некуда торопиться-то намъ. На утро, только еще свѣтать на небѣ-то стало, поднялись мы. Глядимъ, тишь мертвая—комара за сто сажень услышишь. Роса, ровно дождикъ, пала, а его, комара-то—пыль, да и все тутъ. Въ глаза, въ ротъ, въ носъ идетъ, собака, въ уши пищитъ — и роса его не беретъ. Вспомнишь тутъ Разина, заговорилъ бы—не было бы этой муки-мучинской, — разсмѣялся Макарычъ.—Однако, не до комара ужъ тутъ. Напились мы поскорѣе чаю калмыцкаго. Похватали съ собою хлѣба, воды, котелокъ да и маршъ. Пошли опять въ морцо, на веслахъ ужъ—похропали тоже.

— И стало, братецъ ты мой, это, солнышко показываться, низко таково. Какъ полыхнетъ по камышамъ — ровно цвѣтъ алый на махалкахъ-то разцвѣлъ — розовымъ полымемъ сквозь свѣтитъ. Тѣнь, это, дли-и-инная отъ камышей по водѣ лежитъ, не шевельнется даже какой ни на есть листикъ махонькій; вода то — гладь Божья. Мушкара какая тронетъ на лету, сейчасъ видать. Отошли, это, далеко въ море-то — ни души, тихо на тихо. Кому шумѣть-то, окромя вѣтра, знаешь, что кругомъ море на сто верстъ человѣка нѣтъ—просторъ!... Хорошо!

Въ такую погоду, сказываютъ, мушкара какая не укроется, а не то, што сазанъ. Гдѣ, гдѣ, може за версту шевельнется по водѣ-то—и то видать. Вотъ и запримѣтили мы далеко, къ чер-

нямъ почесть, есть што-то. Рябитъ, ровно вода, въ одномъ мѣстѣ, а што такое — далеко, не разберешь хорошо-то. Чему быть, думаемъ про себя, кромѣ рыбы, — давай-ка туда. Подходимъ — рыба!! Только круги по водѣ разбѣгаются — такъ и встаетъ, такъ и встаетъ, гибель! Вотъ праздникъ, молъ. Чего это онъ? Ну, думаемъ, давнемъ мы его теперь. Одначе, пожди, трава въ водѣ-то ростетъ, да. Мы ближе, а она гуще; мы ближе, а она гуще. Кругомъ рыба, а взять нельзя. Неводомъ што здѣсь подѣлаешь?

— Солдатъ-трава, што ли?

— Да солдатъ-трава — она самая. Вотъ они, мѣста-то! Вотъ онъ по травѣ-то по эвтой и гуляетъ, ровно въ рощѣ. Поди, возьми его — и невода-то не выручишь.... Долго мы его караулили, не выйдетъ ли, молъ, на чистое мѣсто. Да не та рыбка — только-что не говоритъ, а умнѣй человѣка-то иного. Тамъ и ходитъ, а мелко — малость поглубѣ аршина, чай, да и вода-то на утре уже изъ черней покатилася.... Однако, ждали, ждали, стояли, стояли — съ тѣмъ и пошли.

— Такъ и прокараулили попусту?

— Такъ по пустому и прокараулили. Да и не однова этакъту бывало. Вотъ для такого случая ловушка-то, что я изготовилъ и надобна.... да и на чистомъ мѣстѣ хорошо служитъ, особенно если рыба не густая, косячками.... поди, возись тутъ съ неводомъ-то. Хлопотъ много, а проку мало; а тутъ, вещь легкая, разъ, два и готово.

— Какъ же тутъ, дѣдушка, ловушкой-то твоей орудовать? Тутъ ничѣмъ не возьмешь—порвешь и погоняй-то твой.

— А на-то, братикъ, и поговорка сложена: «дѣло мастера боится». Тварь-то кажная, какъ и не умна, и не горазда — все не человѣкъ. Ты пойми ее, попытай ея хитрости; ну, разъ она тебя обманетъ, два обманетъ, три обманетъ, а ты все смекаешь, да смекаешь. Она такъ, а ты этакъ, она сякъ, а ты этакъ.... Какъ поймешь, значитъ, всѣ ея ходы-то—ну и шабашъ! Некуда ей. Такъ-то и здѣсь. Ты, вотъ, говоришь, сѣть порвешь. Зачѣмъ такъ? Съ живою тварью ужели сможешь совладать, а съ травою не управишься? Чай, кто ловушку-то мастерилъ, видалъ траву-то? Подумамши эвто дѣло дѣлается, а не какъ-нибудь. Такъ-то!

— Что же въ травѣ-то ей подѣлаешь, дѣдушка? Если ставить, такъ и рыба-то пойдетъ ли еще, да и не неводъ опять—

тыщь не поймаешь, може попадетъ десятокъ, два и спутаетъ все. Онъ ровно жеребенокъ—сазанъ-то. Учнетъ возиться — все клубомъ на себя навьетъ.

— А ты вѣдаешь это? Ну, такую ловушку, значитъ, и обдумывай. Вотъ самъ сказываешь, жеребенокъ, молъ, — точно, сторожная рыба, пугливая, сильная—ты и знай это. Дадено все это ей, вѣдь, въ пользу, кажись, а человѣкъ знаетъ это, подумаетъ, подумаетъ, да въ свою и поворотитъ—такъ-то!

— Што жъ тутъ дѣлать-то надо?

— То-то вотъ. Погоняй-то видалъ, чай?

— Надысь видалъ. Тебѣ же пособлялъ строить-то его.

— Ну, вотъ. Рѣчная ловушка была, а мы ее въ ильмени поворотили, да еще какъ ладно-то. Съ сазаномъ-то, года этакъ съ два, опять та же штука повторилась, да нѣтъ, пріятель, шалишь — погоняй съ нами былъ, такъ мы ему и въ травѣ спуску-то не дали. Бывало имъ и обпесемъ, ровно заборомъ, сады-те эти. Ячею-то видалъ ты — какъ разъ по сазану — рѣдкая, а на подолѣ свинецъ, — вотъ она между травою-то до дна и садится. Обнесешь ею этакъ-то, въ огородъ-отъ выйдешь, да чѣмъ ни попадя, весломъ или лопатой плашмя, доской хочь, по водѣ-то и ахнешь что есть силы, а то такъ и изъ ружья стрѣлишь иной по водѣ-то. Такъ онъ какъ шальной изъ травы прыснетъ куда ни попадя. Ничего не видитъ со страху. А куда тутъ? — Сѣть-то стережетъ, милости, молъ, просимъ. Такъ его въ нее ровно грязи навязнетъ. И прошибить-то ее нельзя — рѣдкая да легкая. Онъ впередъ и она впередъ, онъ назадъ и она съ имъ — ровно муха въ паутинѣ и вязнетъ, сердешный.

— Ну?

— Ну, чего тебѣ еще? Идешь по сѣти-то, да и выбираешь его въ лодку. Временемъ хорошо бываетъ, больно хорошо. А сазанище-то какой — отборный! Головка самая. Сѣть мелкіе-то сквозь пущаетъ, а крупный погодитъ!

— Ловко! Чего же это у насъ не видно, чтобы этой самой сѣткой ловили?

— Не велятъ, вишь.

— Какъ не велятъ?

— Чудной ты. Не велятъ—и конецъ! Вредная штука, молъ, а почему вредная—поди спроси. Арендателю, стало, вредная—сазанъ, что ты пымаешь, въ неводъ ему не угодитъ, вотъ што! У насъ кто ловомъ-то завѣдуетъ? Чиновники, вѣдь. Ну, имъ

лучше знать, — ухмыльнулся Макарычъ, накладывая послѣдній лостъ на лодку.—А покажи ты ему, чиновнику-то эвтому, эту самую сѣть, продолжалъ онъ помолчавъ, да спроси: што, молъ, это за штука, ваше благородіе? Такъ онъ не токма не видывалъ ее и не слыхивалъ объ ей, не то што какъ ловятъ ею и што ловятъ. Какъ же, молъ, ты, баринъ, запретъ-то на ее кладешь, а? Вотъ оно. Мужикъ-то промышленникъ, сколько, може, надъ ею голову ломалъ, прилаживалъ—достигъ таки, а баринъ говоритъ, не ловить и шабашъ! На то онъ и баринъ — за то ему жалованье царское идетъ. Ему што? Ты хочь съ голода подохни. Ему бумага была бы; она, извѣстно — все терпитъ, что хошь туда пиши. Гдѣ тамъ разбирать? не то съ горечью, не то со смѣхомъ выговорилъ Макарычъ.

— Такъ и не ловятъ ею?

— Какъ не ловить—ловятъ, да вѣдь тайно это. Мошенству народъ-то учатъ.... Если бъ все это по бумажному-то справлять, такъ ловцу, може, давно бы и на свѣтѣ не жить. Да!... Отчего мы вотъ теперь въ тихія мѣста собрались? Отъ эвтаго отъ самаго. А то кто бы меня погналъ отъ дому-то. Никто тамъ надъ тобою не куражится, никто тебѣ ни указъ, ни помѣха. А кто указываетъ-то, погляди. Съ имъ не то што—говорить-то срамота одна! Вотъ Алеха, къ примѣру, — указалъ Макарычъ на мальчика лѣтъ одиннадцати, подбѣжавшаго къ нему,—этому все втолковать можно: онъ тебя пойметъ, а тому, барину-то, што ты ему скажешь? Вѣдь его снова родить надо, чтобъ онъ наше ловецкое дѣло понимать могъ.

— Какой же вредъ-то въ ей нашли?

— А песъ ихъ знаетъ, какой — съ нами не совѣтывались. Сѣти не знаютъ, лова не знаютъ, мѣстъ не знаютъ — ничего не знаютъ, — што жъ мы съ ими говорить будемъ — зря рѣчи терять. Не велѣно и шабашъ!... Ильмень, вишь, а самъ не видывалъ гдѣ его и ловятъ-то. Въ ильмени, вишь, рыба икру метать идетъ.... Што, когда, какая рыба, чѣмъ ловятъ—ему што? Онъ и рыбы-то одной отъ другой не отличитъ, а строчитъ — вотъ это какой народъ. Поговори съ имъ! Старикъ сердился. А арендателю можно, откупшику значитъ. Тотъ неводами въ самомъ проходѣ въ ильмень-то хлыщетъ—по закону, значитъ. Ты своей сѣткой десятокъ-другой рыбы поймалъ — штрафъ! Дери! А того не видитъ, что у твоей сѣти ячея-то въ четверо поболѣ, чѣмъ въ неводныхъ приводахъ у арендателя — ему што?... Ты

одну крупную матерую рыбу берешь, залóмъ, а арендатель цѣлыми рыбницами всякую шваль, мелюзгу губитъ, а ему што, рази онъ думаетъ когда? Получилъ жалованье — и все тутъ.... Да еще што? И деньги-то на жалованье ему, вишь, съ насъ собираютъ. Смѣхота! Ты много ли бы такому барину далъ, паренекъ? обращается онъ съ улыбкою къ мальчику.

Ледъ прошелъ. Устья очистились. На Бузанѣ кипитъ лихорадочная дѣятельность. Множество судовъ разной вмѣстимости уже спущены на воду; нѣкоторыя запоздавшія спускаются по каткамъ и полозьямъ; многія такъ и зимовали во льду. Завезенные якорья; туго, какъ струна, натянутые канаты; люди, работающіе у шпилей, крикъ, говоръ, брань, лодки, снующія вокругъ, рыболовные припасы, соль, хлѣбъ, дерево, орудія разнаго рода, деревянная посуда—лари, ванны, шайки, пересѣки, квашни, жернова, скамейки и сотни вещей, необходимыхъ для лова и пребыванія въ морѣ, возится, носится и исчезаетъ въ трюмахъ судовъ или примащивается на палубахъ. Народъ копошится повсюду, перенося необходимое къ погрузкѣ и убирая его на судахъ, накладывая такелажъ, *каталажъ,* какъ окрестилъ его промысловой людъ, и пригоняя паруса. Общее зрѣлище напоминаетъ собою только-что разрытый муравейникъ, только шумъ и гамъ, свойственный человѣку, портитъ впечатлѣніе. Въ море, въ море!

Человѣку, незаинтересованному въ дѣлѣ, не ловцу, трудно понять силу этой лихорадочной дѣятельности, торопливости и ревниваго чувства къ собрату, успѣвшему опередить тебя. Кому приходилось испытать охотничью лихорадку и нетерпѣніе, отчасти поймет это. Правда, ранній весенній ловъ въ морѣ считается обильнѣйшимъ, но ловцы очень хорошо знаютъ, что послѣ исчезновенія льда въ черняхъ, они встрѣтятъ еще его въ морѣ, гдѣ, можетъ быть, придется ждать его относа побольше недѣли; но что за дѣло, стоитъ только кому-нибудь поднять парусъ и тронуться въ путь, чтобы возбудить въ остальныхъ неудержимое желаніе поскорѣй сдѣлать то же. Это вліяніе той же весны, пробужденной природы, влекущей и скотину въ поле, и земледѣльца на ниву, и перелетную птицу на сѣверъ, и ловца въ море. Это жажда свѣта, тепла, воздуха, простора, свободы. Конецъ всему, что темно, холодно, душно, тѣсно, связано. Силы

души и тѣла точно просыпаются съ вешней природой и никто не ощущаетъ этого сильнѣе людей, стоящихъ близко къ ней. Простора, работы, жизни....

И вотъ суда—эти морскія птицы, одно за другимъ расправляютъ бѣлыя крылья и летятъ вереницею къ морю, скрываясь въ извилинахъ протоковъ. Весело трепещутъ свободныя крылья. Поднялись и землепроходы. Старики, жены, дѣти, заботы—все остается назади. Манитъ вольная-волюшка! Якорья на борту; паруса поставлены; вода журчитъ подъ водорѣзомъ и, бѣлою пѣной крутясь, вскипаетъ за рулемъ. Товарищи снимаютъ шапки и крестятся на соборъ.

— Съ отваломъ! слышенъ веселый голосъ Макарыча.

— Съ отваломъ, съ отваломъ!

По зюйдинъ-зюйдъ-весту движутся нѣсколько судовъ, межъ которыми можно разобрать большую рыбницу и два неводника. Небольшая свойская лодка далеко опередила ихъ, но идетъ по тому же курсу. Въ Остѣ, при внимательномъ вглядываніи, видны вихры камыша, рынки*), култуки и протоки, изрѣзавшіе черни. Суда идутъ вдоль этихъ черней.

На свойской, прислонясь спиною къ рубкѣ, стоитъ нѣсколько уже знакомый намъ Звягинъ и смотритъ, не отводя глазъ, по направленію къ берегу, въ большой морской бинокль.

— Вотъ еще двѣ мачты!

— Вмѣстѣ што ль? спрашиваетъ кормщикъ, стройный парень лѣтъ тридцати, или поболѣе. Бѣлокурые волосы, такая же небольшая борода, сѣрые большіе глаза и открытое, смѣлое лицо — располагаютъ къ себѣ.

— Вмѣстѣ. Аистовы [18]) будутъ?

— Аистовы,—недалеко таперь.

— Надоѣстъ еще.

— Экъ ихъ накидало, посудъ-то?

— Къ Прорвѣ-то побольше будетъ.

— Ну и штормъ былъ. Старики не запомнятъ.

— Ты въ морѣ былъ въ это время?

— Мы-то? Мы, пускай, спокойно отстоялись. Въ пути насъ захватило—съ грани въ городъ шли; какъ подуло, близь астраханскихъ черней были, не доходя Бѣлинскаго, проти Сухихъ [19]) по-

---

*) Рынокъ—берегъ, выдающійся въ море.

чти. Чай, помните— и вѣтеръ, и дождь къ вечеру-то, поднялись, ну, и посадили — куда пойдешь? Не видать ни рожна, еще на мель угодишь. Мѣста, сами знаете, какія.

— Чай, выгнало воду-то?

— Да вотъ какъ, поболѣ сажени воды было, какъ посадили, а на утро встали—ровно языкомъ кто вылизалъ. Другую ночь переночевали—самовара поставить не изъ чего было. Воду-то угнало, едва видно. Спасибо своя въ боченкѣ оставалась, а то куда пойдешь? Вѣтеръ весь день такой дулъ, что на палубѣ устоять трудно было—такъ и валитъ. Порядки ловецкія кругомъ—всѣ на сухомъ остались. А васъ гдѣ застало?

— Я изъ Астрахани шелъ: повыше Образцовой.*) въ протокѣ стали-то, бѣда—два раза на берегъ выпирало. Спасибо Сапожниковскимъ неводнымъ—ссунули. Трое сутокъ стояли, ужъ на четвертыя на взморье выбрались. Сказывали Образцовскіе, что съ Четырехъ Бугровъ, до девяти футъ почти, на арбахъ ѣздили порядки смотрѣть. Столѣтніе старики, вишь, такого шторма не запомнятъ.

— Чай, што въ здѣшнемъ-то мѣстѣ было! махнулъ рукой кормщикъ по направленію къ чернямъ. Недаромъ посудъ-то набросало. Вѣтеръ-отъ суда дулъ—самый припоръ!

— Увидишь, вотъ. У меня тянули здѣсь,—свойская еще и теперь на берегу сидитъ, а рыбницу большую съ припасами угнало чуть не въ Кайдакъ [20]). Верстъ двѣсти гнало, да въ степь и бросило. Люди-то на двѣнадцатый день на жилую вышли. А здѣсь которые оставались, думали конецъ. Сажени съ три въ поперечникѣ земли-то подъ ними оставалось. Море кругомъ все задавило. Немного бы еще. А на саженномъ яру станъ былъ.

— Киргизы были?

— И киргизы, и русскіе, и неводчикъ калмыкъ былъ. Да, вотъ, Доржайко, спроси—разскажетъ.

— Много хрестьянскаго люда позорило [21]), чай, въ тѣ поры.

— И насъ не помиловало. Многое въ степи осталось.

— Какъ?

— Да такъ. Люди-то ушли—все на рыбницѣ сложили. Невода-то не тащить съ собою четыреста верстъ, да и припасы

*) Образцова—ватага бр. Сапожниковыхъ.

тоже—впору было хлѣбъ нести. Еще какъ съ голоду не перемерли въ пустой степи. Откочевываютъ на лѣто-то.

— Припасы съ рыбницы, стало быть, такъ и пропали?

— Разворовали все. Съ кочевки подходить стали и рыбницу-то ободрали всю на топливо. Мѣста безлѣсныя. Ни камыша, ни травы, ни куста, хоть шаромъ покати.

— Какъ же это? Съ нихъ рази взыска нѣту?

— Съ кого искать-то? Однихъ адаевцевъ мимо тысячи прокочуютъ. Я, положимъ, розыскалъ и воровъ-то знаю, да поди уличи. Только хлопоты одни. Да и не одному мнѣ эта участь пала—многихъ пограбили.

— И сильно же теченіе по этой Прорвѣ, сказываютъ. Откуда только вода берется?

— Вдоль черней теченіе-то. Съ моря отъ веста - зюйдъ - веста хоть и заметало ее почти, а она все-таки родъ своего банка имѣетъ. Бороздиной ловцы зовутъ.

— Не случалось бывать въ этихъ мѣстахъ. Далеко еще до Прорвы-то, сварить поспѣемъ?

— Варите, варите, что вы! Пожалуй, еще до вечера пройдешь. Только, вотъ что: увидишь мачту у берега—скажи. Поѣдите и мнѣ самоваръ поставьте, наказалъ Звягинъ, складывая бинокль и спускаясь въ каюту.

Киргизъ принялся колоть дрова на палубѣ.

Люди давнымъ давно поѣли и Звягинъ напился чаю. Солнце уже опускалось на западѣ, когда кормщикъ примѣтилъ мачту въ черняхъ. Онъ нагнулся въ каюту и позвалъ Звягина. Оказалось, что тотъ спалъ.

— Николай Васильичъ, Николай Васильичъ!... хозяинъ!... Николай Васильичъ!

— А? Что такое? Что тамъ?! послышался торопливый вопросъ.

— Машту видать!

— А.... сейчасъ, сейчасъ. Держи вдоль черней-то, ближе только!

— Мелко и такъ.

— Ничего. Такъ и иди.

Минуты черезъ три Звягинъ показался на палубѣ и сталъ всматриваться въ очертанія береговъ. Лодка шла тихо, едва не прихватывая дна.

— Николай Васильичъ!

— Ну?

— Гляньте-ка, што эта за оказія,—все рыбу несетъ снулую.

— Гдѣ?

— Вонъ, видите?... вонъ еще, эвонъ еще.... Много встрѣчалось. Да вотъ.... указалъ близъ лодки кормщикъ.

— А?... Что же, судакъ все?

— Больше судокъ, есть и сазанъ малость, а больше судокъ все. Звягинъ оглядѣлъ въ бинокль окрестное море. Виднѣлось, дѣйствительно, много раскиданнаго по тихой поверхности его судака, носимаго бѣлою тешей вверхъ. Чайки сидѣли около по водѣ и выклевывали нѣжныя части рыбы. Звягинъ покачалъ головою.

— А вѣдь это изъ Прорвы выкатило. Что за странность?... И недавно видно — тухлую рыбу чайка клевать бы не стала. Болѣзнь что ли какая или выгонà сильные. Видно изъ ильменей дрянную воду выперло.

— Похоже на то—все остовые вѣтра-то стояли. Третьяго дня вовсе штормъ дулъ.

— Такъ оно и будетъ. А много снулой рыбы?

— На порядкахъ. Никогда не приводилось видать столько. Видно съ весны много рыбы жило?

— Да мѣсяцъ назадъ сюда попасть—дѣло-то вѣрнѣе было бы. А теперь, выперло рыбу—не скоро дождешься ее: умирать никому не хочется. Вотъ тебѣ.... точно нарочно.... Ну, впередъ знать будемъ.... всего вдругъ не успѣешь, а жаль. Хотѣлось Эмбу попытать весною-то.

— Вонъ, впереди-то, еще машта словно? указалъ кормщикъ.

— А? Скоро и банокъ, значитъ. Наметывать надо. Эй, ты! обратился Звягинъ къ киргизу, кешкентай таяу алъ. Ульчушь! (Небольшой шестъ бери! Наметывай!).

— Джаксы, джаксы! Солай? и киргизъ сталъ тыкать въ мелкое дно небольшимъ шестикомъ, служившимъ футштокомъ. Лодка тихо ползла вдоль черней.

— Бай Магомбетъ, крикнулъ Звягинъ, сказывай, какое дно? Жестко штоль?

— Джоско, совсѣмъ джоско, вся джоско!

— Ну, ладно.... мягко станетъ—скажи, наказалъ Звягинъ, а ты, обернулся онъ къ кормщику,—скажетъ мягко—въ черни поворачивай, это банокъ и есть. Тамъ увидишь самъ, по банку вода темная а по́бочни-то желтые—мелко на нихъ. Въ самомъ

дѣлѣ, наметывавшій киргизъ черезъ нѣсколько минутъ крикнулъ:

— Мягка!... мягка!... мягка!... Совсѣмъ мягка, показалъ онъ совсѣмъ обаткашенный [22]) конецъ футштока.

Лодка повернула по темной полосѣ воды къ бѣлѣвшему въ камышахъ между косами прорану. Чѣмъ ближе становился берегъ, тѣмъ темнѣй дѣлалась и рѣзче вырисовывалась полоса банка, дѣлаясь все глубже и глубже, такъ что при входѣ въ проранъ достигала четырехъ саженъ и болѣе. Это была точно какая-то канава, на побочняхъ которой было не болѣе двухъ футовъ. Шагъ-два далѣе и вы обрывались на двѣ, на три сажени. Только сильное и непрестанное теченіе могло продрать такое углубленіе въ отмѣлыхъ прибрежьяхъ моря.

— Николай Васильичъ, машты опять въ черняхъ видать.

— Свойская большая тутъ выкинута есть на Малой Прорвѣ. Моя дальше, не видать еще.

— Нѣтъ тутъ много, въ одномъ мѣстѣ видать, да и дымъ.... нѣтъ, это правѣе.

— Красноярье, вѣрно? Гдѣ? спросилъ, наводя бинокль, Звягинъ.

— Вонъ колокъ-то, видите? Въ него глядите. Э! да вонъ еще, правѣе-то. Ишь ихъ! Далеко ли идти-то?

— Ступай по прорану, тамъ увидимъ. Вонъ, къ мачтамъ-то прямо и держи.... Спросимъ, что за люди, кстати рыбу взглянемъ—увидимъ, много ль поймано.

Лодка ходко шла по широкому и глубокому прорану, подталкиваемая массой воды. Узнать, что это не рѣка или не большой рукавъ ея, не было возможности ни малѣйшей, пока не испытывали воду языкомъ. Только горько-соленый, сладимый вкусъ ея намекалъ на истину. Дико было встрѣтить такую массу воды въ самой отмелой, засыпаемой, заглохлой части моря. Это было то, что носило названіе Прорвы и представляло собою характеристическое явленіе сѣверной части моря. Берега Прорвы составляли острова, насыпанные прибоемъ моря.

Выше было уже говорено, что воды сѣверной части моря отступаютъ далѣе и далѣе къ югу, что совершается и въ настоящее время на глазахъ наблюдателя. Оно и естественно. Какъ скоро въ закрытое море (озеро) впадаютъ значительныя рѣки, то прямымъ послѣдствіемъ этого надо ждать обмеленія этого моря, особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ впадаютъ такія рѣки. Въ самомъ дѣлѣ, Волгою и Ураломъ несутся частицы почвы въ массѣ воды съ огромной части Россіи. Частицы эти, несомыя

быстро текущей водой рѣкъ, осаждаются на днѣ спокойнаго, стоячаго моря и въ то время, когда массы воды испаряются, онѣ остаются тамъ навсегда. Этимъ легко объясняется, почему сѣверная часть моря, почти до параллели форта Александровскаго, не имѣетъ болѣе десяти саженъ глубины, тогда какъ южная, на параллели Баку, доходитъ до пятисотъ саженъ. Но, кромѣ того, на обмеленіе сѣверныхъ частей моря имѣютъ значительное вліяніе морскіе вѣтры и разводимыя ими теченія. Осадки, приносимые рѣками въ море, слишкомъ удобоподвижны и мало связаны съ почвою дна, чтобы противиться силѣ взволнованнаго моря и напору массы воды, наступающей изъ глубокихъ частей его. Потому, во время сильныхъ морскихъ вѣтровъ, воды, можно сказать, сметаютъ и сгребаютъ свѣженаносные зыбучіе пласты дна и сваливаютъ ихъ вдоль сѣверныхъ отмелыхъ береговъ, образуя мели, осередки и острова, все болѣе и болѣе захватывающіе и отодвигающіе къ югу площадь воды. Напротивъ, при вѣтрахъ съ сѣверныхъ, отмелыхъ береговъ ничтожныя массы воды не въ силахъ уже поднять и смыть тѣхъ валовъ, что накидало сильное, глубокое море, и уносятъ развѣ самую ничтожную часть ихъ, такъ какъ во время выгонныхъ, береговыхъ вѣтровъ отмелыя части моря обнажаются почти совершенно. Кромѣ того, эти береговые вѣтры несутъ съ собою массы песку, глинистыхъ и известковыхъ частицъ и кладутъ ихъ въ то же море, поднимая съ сухой, открытой, сыпучей степи, охватывающей всю сѣверную и сѣверо-восточную часть моря. Такимъ образомъ, теченіе рѣкъ и почти полный круговоротъ вѣтра неустанно, день и ночь, работаютъ надъ этимъ обмеленіемъ сѣверной части моря. Совсѣмъ иное представляетъ собою южная его часть. Глубина ея, объясняемая пониженіемъ дна, вслѣдствіе вліяній вулканическаго свойства и, можетъ быть, отчасти, испареніемъ, выгораніемъ и извлеченіемъ нефти Апшеронскаго полуострова, сама по себѣ, исключаетъ всякую мысль объ обмеленіи, а незначительность впадающихъ въ нее рѣкъ, вноситъ слишкомъ ничтожное количество осадковъ, чтобы имѣть ощутительное вліяніе на его глубокую котловину. Однако и тамъ, при впаденіи рѣкъ: Куры, Атрека и друг. образуются мели, тѣмъ значительнѣйшія, чѣмъ бо́льшую часть степи захватываютъ въ своемъ теченіи эти рѣки.

Сѣверо-восточный уголъ моря, образуя заливъ, не имѣющій болѣе четырехъ-саженной глубины, хотя не имѣетъ почти впа-

дающихъ въ него рѣкъ, подверженъ за то вліянію моря и степи въ несравненно большей степени, нежели всѣ остальныя части моря, и надо полагать, недалеко то время, когда онъ представитъ собою своего рода Кара-Бугасъ [23]) съ четырьмя-пятью футами глубины. Потому-то и производитъ впечатлѣніе на всякаго очевидца такая большая и глубокая промоина, какъ Прорва, далеко ограниченная мелями со стороны моря, въ особенности на югозападѣ. Мертвый Култукъ — заливъ, въ глубинѣ котораго она катится, съ трехъ сторонъ охваченъ степью съ ея заносами и съ четвертой—моремъ съ его прибоемъ и завалами; слѣдовательно, всякій вѣтеръ, каковъ бы онъ ни былъ, со степи или съ моря, дѣлаетъ страшное дѣло погребенія этого, дѣйствительно, Мертваго Култука.

И вдругъ движеніе, и вдругъ живая мощная жила воды среди глуши, сна, безсилія и застоя. Что это такое? Что за Прорва, откуда она?

Такъ какъ дно сѣверныхъ прибрежій моря и, въ особенности, Мертваго Култука отмелѣло на далекое пространство, то даже во время сильнѣйшихъ морскихъ вѣтровъ подступающая къ берегамъ моря вода не въ состояніи доносить захваченные ею осадки вплоть до самыхъ береговъ, такъ какъ самое сопротивленіе, упоръ береговой воды препятствуетъ этому, то осадки эти складываются ею въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ, образуя мели, осередки, острова и бугры параллельно береговой линіи. Какъ скоро такія мели и осередки обнажатся, т. е. сдѣлаются выше морскаго уровня, образуя собою островъ, то сзади ихъ, между ними и берегомъ, останется водное пространство, которое, вслѣдствіе постояннаго колебанія морскаго уровня, образуетъ видъ пролива (прорана), вода котораго катится туда и сюда, смотря по направленію вѣтра. Проливы эти, слѣдовательно, лежатъ тоже параллельно берегу и, въ случаѣ значительной ширины, образуютъ иногда цѣлыя внутреннія морцы, съ одной стороны граничащія берегомъ материка — кряжемъ, съ другой, къ морю, линіей острововъ. Прорва въ устьяхъ своихъ представляетъ собою ничто иное, какъ протокъ между такими островами, сзади ихъ разливающійся въ цѣлое широкое морцо, тянущееся на огромное пространство, почти въ самый уголъ Мертваго Култука, къ заливу Кайдакъ. По немъ-то, по этому морцу и скатываются вдоль кряжа воды моря и лежитъ та бороздина, существованіе которой немногимъ удавалось видѣть своими глазами.

Глубина Прорвы между островами легко объясняется массою воды, врывающейся въ нее съ открытаго моря и со внутренняго морца. Безпрерывно и сильно катающаяся вода въ сравнительно узкомъ пространствѣ прорыла и промыла канаву значительной глубины, въ которой вода остается въ спокойномъ состояніи только въ продолжительные штили, пока не уляжется всякое теченіе, что бываетъ весьма рѣдко.

Лодка Звягина шла по прорану, влекомая больше водою, нежели вѣтромъ. Съ поворотомъ открылся еще широкій протокъ вправо, развѣтвляющійся между островами и около втораго острова, по большому протоку, носящему названіе Большой Прорвы, стояли двѣ лодки съ бударкою, подчаленною у большой. Большая лодка была вмѣстимостью до тысячи пятисотъ пудовъ; вторая, подчалокъ, пудовъ на триста. На берегъ съ большой лодки лежали сходни. Около гротъ-мачты, на полуторасаженной вышинѣ, были устроены полати отъ комара, покрытыя камышомъ и парусами; вокругъ на зеленѣвшемъ берегу, на разосланномъ камышѣ сохли ряды распластаннаго со спины судака и сазана и стояли два изрядные бунта его, сложенные ровно и красиво въ видѣ небольшихъ башенокъ. Это была готовая, выспѣлая рыба, сбитая [24]) въ бунты изъ опасенія дождя, подобно небольшимъ стогамъ сѣна. Сходство было тѣмъ большее, что верхніе слои ея лежали нѣсколько конусообразно. Рыба была сложена мастерски и, дѣйствительно, никакой дождь не могъ бы повредить. Рѣзанная пластомъ и высушенная, она лежала теперь серебристой чешуею вверхъ, сложенная одна на другую правильными кругами, махалками къ центру, а башками къ окружности, врозь. Непромокаемая чешуя и костистая, высохшая голова не принимали и не пропускали капли воды.

Кругомъ не было видно ни души. Бакланы ныряли по прорану и бѣлоснѣжные ряды чаекъ окаймляли безмолвныя косы, бѣлой песчаной полосой кое-гдѣ выбѣгавшія въ проранъ. Кромѣ крика чаекъ не было ничего слышно.

Лодка ткнулась въ берегъ недалеко отъ стоявшихъ.

— Ишь ты! Да тутъ есть ли кто? усомнился кормщикъ. Эй, вы,—на лодкѣ! крикнулъ онъ раза два-три.

— Чего кричишь-то—видно нѣтъ никого.

— Спитъ, можетъ, кто.

— Ну, нѣтъ, братъ. Не тѣ люди, чтобы днемъ спать. Иногда и ночью-то мало спятъ. Взгляни ступай!

Кормщикъ соскочилъ на берегъ, по сходнямъ забрался на лодку и заглянулъ въ трюмъ и каюту.

— Никово нѣтъ!

— Такъ. Тянутъ гдѣ-нибудь.

— Ишь ты, братецъ, ступай, бери что хошь.

— Кому брать-то? усмѣхнулся Звягинъ.

— А, вонъ, тамъ еще машты есть, показалъ кормщикъ по протоку, отдѣлившемуся вправо.

— Свои, чай? Красноярцы же будутъ. Воронъ ворону глаза не выклюетъ!

— Слазать, посмотрѣть нешто? вопросительно поглядывалъ на верхъ большой мачты кормщикъ.

— Что-жъ, полѣзай!

Въ одну минуту кормщикъ по бакштокамъ, какъ кошка, взобрался къ стеньгѣ мачты и, охвативъ ее ногами, усѣлся и преспокойно сталъ осматривать окрестность.

Огромная панорама раздвинулась передъ нимъ.

Со стороны моря тянулся рядъ острововъ, окаймленныхъ зеленѣющими камышами; къ югу рѣдѣлъ онъ и уходилъ изъ глазъ. Лодка стояла въ тѣсномъ архипелагѣ, состоящемъ изъ семи или восьми острововъ, прорѣзанныхъ проранами—рукавами Прорвы. Окрестные острова виднѣлись ясно со своими рѣдкими глинистыми буграми и низинами, покрытыми грубою, сочновидною растительностью и разными солеными травами, составляющими лакомство неприхотливаго верблюда и овцы. Бугровая полынь и дикая марена занимали значительныя пространства. Кое-гдѣ отсвѣчивали на солнцѣ мочежины; мѣстами бѣлѣлъ налетъ глауберовой соли. Чѣмъ ближе къ берегамъ, тѣмъ травы становились мягче, нѣжнѣй и шелковистѣе. Тотчасъ за камышами, стоявшими еще въ водѣ, по берегу шла полоса зеленаго, шелковистаго, чистаго арженца, любимаго корма прихотливой лошади.

Къ западу лежала спокойная гладь и ширь открытаго моря; къ востоку, за воднымъ просторомъ внутренняго морца, чуть видно, поднимались большіе голые суглинистые бугры, увѣнчанные абами — киргизскими могильными памятниками. Сотни прорановъ и еричковъ вилось и крутилось изъ морца къ сторонѣ открытаго моря.

— Господи, да тутъ ровно Волга! Ерикóвъ-то, ериковъ-то што—страсть! А вотъ, влѣво-то, еще протока въ море пошла.

— Малая Прорва называется.

— Ишь ты! Угодье—какъ тутъ рыбѣ не быть. Вонъ и наши неводные идутъ.

— Близко?

— Неводникъ входитъ ужъ — Доржай это, а рыбница на взморьѣ еще, тоже близко, и малый неводникъ съ нею.

— Ну, слѣзай, надо на мѣсто стать. Да что же краснояръ-то не видать?

— Души нѣтъ—ровно провалились всѣ.

— Къ морцу-то гляди.

— Нѣту, не видать нигдѣ. Да тутъ, въ экой палестинѣ, рази увидишь!

Кормщикъ спустился съ мачты, заглянулъ опять въ трюмъ безхозяйной лодки и сошелъ на берегъ.

— Входи въ лодку, вонъ, на ту сторону надо перейти къ ярочку-то—тамъ и станемъ всѣ вмѣстѣ. Возьметъ ли вѣтеръ-то?

— Ну вотъ! коли што, шестами можно, далече ли тутъ?

Лодка скоро переправилась на другую сторону прорана и стала близь яра, покрытаго чистою густою травой.

— Сысоевъ, ты смотрѣлъ, въ трюму-то у нихъ есть рыба? обратился Звягинъ къ кормщику.

— Какъ же, съ полтрюма заложено.

— Значитъ, прозѣвали мы, съ ранней весны-то видно хороша здѣсь рыба была?

— И въ послѣднее время, стало-быть, была же—свѣжей на станицѣ много, сазана особенно.

— Да, а по дѣлу-то рано еще сазану, онъ сюда, отыгравшись, послѣ метки, жировать идетъ—на икрѣ-то исхудаетъ, сюда кормиться и приходитъ. Это, видно, жилаго брали, домоваго его отличишь сейчасъ—темный совсѣмъ.

— Зачѣмъ же темнѣе-то онъ?

— Мѣста такія, по водѣ и рыба. Баткашныя мѣста больше. Есть такія, что весь шестъ увязишь—ямы что-ли, такъ и ползетъ шестъ въ баткакъ, грунта не добьешься. Попробуешь въ Малой Прорвѣ—увидишь.

Вскорѣ въ проранѣ появился неводникъ, а за нимъ собрались и остальныя суда. Всѣ стали вмѣстѣ. Берегъ оживился говоромъ. Солнце садилось; появились костры. Люди отвязывали паруса для пологовъ, потому что комаръ сильно напоминалъ о себѣ. Рабочіе варили рыбу и чай. У Звягина кипѣлъ самоваръ на палубѣ и бѣлѣлъ уже поставленный пологъ.

Между тѣмъ, къ стану краснояръ, вывернувшись изъ-за рынка, пристали двѣ лодки-будары и люди завозились на берегу, выстилая волокушу (видъ небольшаго невода). Костеръ запылалъ и тамъ.

Полчаса спустя отъ берега отдѣлилась лодка, направляясь прямо на станъ Звягина. Въ ней были видны двое.

Звягинъ, уже напившійся чаю и тревожимый комарами, намѣревался было скрыться подъ пологъ, но видя подходящую лодку, остался на палубѣ и закурилъ папиросу, расчитывая дымомъ, хотя нѣсколько, защититься отъ аттакующаго комара.

Лодка пристала къ берегу и прибывшіе вскорѣ вошли на палубу къ Звягину.

— Николай Васильичу! послышался чей-то знакомый Звягину позабытый голосъ.

— Кто тамъ?

— Прохоръ Макарычъ, отвѣчала фигура, вступившая на палубу и теперь ясно видная.

— А, Макарычъ — сазаній богъ! Здоровъ ли? Чаю не хочешь ли?

— Сейчасъ только пили, Николай Васильичъ. Давно ли Господь принесъ? Что, провѣдать пришелъ, на своемъ ли мѣстѣ Прорва бѣжитъ? ухмыльнулся старикъ. Опоздалъ, ваше степенство, опоздалъ.

— Вижу, что опоздалъ, да дѣлать-то нечего. Что это, вы рыбу-то здѣсь передушили что-ли? — по всему морю плаваетъ.

— Ой-ли? И въ правду?.... вотъ они выгона-то! кивнулъ онъ, покосившись на своего товарища.

— Что-же развѣ сильны были?

— Да какъ тебѣ сказать-то? Я вотъ, чай, поболѣ двадцати лѣтъ въ эти мѣста ходить сталъ, а такой оказіи, какъ четвертаго дня была, не видывалъ. Начисто воду-то выгнало.

— И изъ ильменей-то, чай, тухлую всю выперло. Не даромъ судакъ-то по морю плаваетъ вверхъ спиною.

— А здѣсь-то?—баткакъ одинъ остался, а рыбы — никогда не видывалъ столько, ровно грязи. Видно въ штормъ-отъ въ море не хотѣлось выкатываться,—вотъ, она подъ затишкою-то все и ждала, да до того дождалась, сердешная, што и выхода нѣтъ наконецъ. Некуда! Такъ соберется въ ямку въ какую-нибудь, гдѣ вода еще есть да и стоитъ—перо наружѣ и махалкой поводитъ—смерть, молъ, моя, послѣдній конецъ пришелъ. Тутъ

какъ не задохнуться. Кажись, кабы народъ,—взглянулъ онъ опять съ досадою на товарища,— огрязъ бы рыбою, надавился бы по горло.

— Вѣтеръ-то силе́нъ дулъ, чай не тянули въ это время, вставилъ Сысоевъ.

— Чего тянуть-то, добрый человѣкъ? Ходи да собирай, кая показалась, кою облюбовалъ, ту и бери—выбрасывай на берегъ-то, сколько сила возьметъ. Сазана-то, чай, видѣлъ, што у насъ высланъ—на выборъ брали.

— Да, подходили мы—видѣли, да што жъ вы мало набрали-то, будто?

— А вотъ, съ сердцемъ кивнулъ Макарычъ на товарища, забрались въ море ни́вѣсть зачѣмъ, да тамъ штормъ-отъ подъ островомъ и караулили. Будь-ко здѣсь народъ—не то бы было. Вотъ кабы на твой народъ этакъ-то, Николай Васильичъ. И-и-и-и!... Огрязли бы рыбой-то! Я съ мальчонкой семьсотъ рыбъ сазана на берегъ выволокъ, а будь народное дѣло — берегъ завалить можно было. На выборъ бралъ.... Подойдешь, а онъ уткнетъ башку въ баткакъ да и водитъ перомъ-то и водитъ по водѣ-то—индо волосы на себѣ рвалъ, право.

— Да ты какъ же въ протокѣ-то остался, если ваши въ морѣ были?

— Воду-то выжало—на сухомъ мы. Сидѣли, сидѣли—одурь взяла. Мы съ Мишкой засучили шаровары да на берегъ и пошли. А не пойди, и не догадались бы, какая здѣсь оказія была. Вышли мы къ берегу-то на Малой Прорвѣ. Смотримъ—рыба. Что тутъ дѣлать, не то рыбу брать, не то за своими бѣжать. Если бѣжать, думаю, то какъ бы хуже не надѣлать: не ближній свѣтъ. Туда да назадъ, а здѣсь вздохнетъ вода малость—только ее и видѣли. Давай, говорю, Миша, брать, пока дается—некогда тутъ. Ну, на выборъ и брали. Да и то бѣда—покидали которую.

— Какъ покидали?

— А такъ и покидали. Соль у насъ вся вышла въ это самое время.

— А далеко за солью-то сходить — день одинъ, улыбнулся Звягинъ.

— Это ты думаешь, въ еричкѣ-то, али у Бирючка?—то-то и бѣда, што нѣтъ ни зерна.

— Куда жъ она дѣвалась? спросилъ Звягинъ, не довѣряя словамъ Макарыча, и улыбнулся: соль была корчемная, по поня-

тіямъ акцизнаго вѣдомства, и Божья, по понятіямъ мѣстной голытьбы вообще и землепроходовъ въ особенности.

Согласиться съ тѣмъ, что соль надо везти сотни верстъ и притомъ туда, гдѣ милліоны пудовъ ея лежатъ никѣмъ не тронутые сотни лѣтъ, до такой степени противно логикѣ русскаго простолюдина, что онъ и при возможности беретъ только самое необходимое количество соли въ морѣ изъ дому, чтобы по напрасну не загружать лодки. Еще будетъ рыба или нѣтъ, а соли бери. На первое время взялъ—и довольно!

— Куда дѣвалась?! Съѣзди-ка, взглянь. Тамъ, на мѣстѣ солите, воды по грудь человѣку стоитъ. Видно снѣжно здѣсь было, што ли?

— Какъ же вы безъ соли-то?

— Пастухъ здѣсь на кряжу сидитъ—онъ привезъ, спасибо; верстъ за сорокъ изъ степи, говоритъ, тащилъ.

— Вретъ, конечно. Ну что, какъ вообще-то рыба была?

— Севрюга одно время больно ладно была, ну, на короткое время. Сазанъ тоже было толкнулся хорошо, недавно впрочемъ, мы было его въ Ильменѣ, гдѣ соль-то, заперли неводомъ. Да съ обороту выгонъ подулъ, не далъ во время навѣдаться къ ему. А послѣ выгона-то прибѣжали—ужъ онъ неводъ-отъ начисто вынесъ, повалилъ, значитъ, всю переставу-то.

— Это, можетъ, вѣтромъ?

— Нѣту, какой вѣтромъ—рыба была. Ужъ я тебѣ сказываю—самъ ставилъ.

— А что, смотритель былъ здѣсь?

— Это «баринъ-то» што ли?

— Да, баринъ-то?

— Нѣтъ еще не было этого,—соляной вотъ былъ, изъ Гурьева што ль то, а былъ.

— Соли-то степной не было еще?

— Образцы были, какъ же, привозилъ киргизишка-то. Съ пересѣкъ было.

— Ну что же?

— А чево ему? Рази онъ понимаетъ въ ей? Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ—записку спросилъ. Ну, мы ему подали, изъ Астрахани, пріятель далъ. На, молъ, тебѣ! Отмѣтку сдѣлалъ. Умора! Ровно впрямь дѣло какое.

Помолчали. Совсѣмъ вечерѣло. Закатъ потухъ и потемнѣлъ. Глубокое безмолвіе нарушалось только храпомъ изъ-подъ полога рабочихъ.

— Однако, пора и намъ, произнесъ было, подымаясь, Макарычъ.

— Постой минуту, обратился къ нему Звягинъ. Ты вѣдь на Прорву-то, чай, давно ходишь?

— Чай, близъ трехъ десятковъ годовъ хожу. А што?

— Далеко ты по ней бывалъ?

— Какъ тебѣ сказать, до Буинскихъ [25]) бѣгалъ, а далѣ не случалось.

— Глубоко по ней?

— Это по Прорвѣ-то? Если на бороздину угодишь—большимъ судномъ пройдешь. Тюленя туда дохлаго собирать ходятъ. Теперь ужъ не ходятъ, правда,—прежде ходили. А тебѣ на што туда—рыбы тамъ нѣту; сказываютъ, бычокъ одинъ.

— Нѣтъ, я не объ рыбѣ. Мѣста тамъ есть, я слышалъ, прирыя, прямо ко кряжу хоть судномъ приставай?

— Это какъ есть. У меня два товарища были тамъ—горы вплоть видать, ну и къ самому берегу, точно, судномъ пристанешь, сказывали. Бараній [26]) лобъ-отъ, слыхалъ,—тамъ это, гдѣ-то.

Собесѣдники опять помолчали. На горизонтѣ выдвигалась красная, огромная луна. Комаръ становился гуще.

— Ну, одначе, намъ время... Прости, Николай Васильичъ. Теперь близко—свидимся.

Землепроходы сошли на берегъ къ лодкѣ, а Звягинъ, достаточно искусанный комарами, забрался подъ пологъ и сталъ раздѣваться.

Невыразимо пріятное ощущеніе влаги и свѣжести ночи, послѣ жаркаго дня, охватило его. Онъ протянулся точно въ ваннѣ прохладной воды и дышалъ полной, отдыхавшей грудью. Краснова-тый свѣтъ луны тронулъ вершину полога, внизу былъ сѣрый полумракъ. Комары гудѣли снаружи, чуя человѣка. Увѣренность въ близости безсильныхъ кровопійцъ довершали благосостояніе. Сквозь пологъ кое-гдѣ мигали звѣзды и слышался всплескъ и возня рыбы въ тихой водѣ.

— Вотъ оно.... а Ивашинцевъ промѣры моря дѣлалъ чуть не до двухъ футъ.... Прорвы-то этой и вовсе не видали, да и теперь не знаютъ.... Вѣдь оттуда, куда она ведетъ-то, трое, четверо сутокъ, до Аральскаго моря. Какой-нибудь Кочакъ [27]) промѣрили, а кому онъ нуженъ? А Прорву прозѣвали.... До народа эти господа не касаются—имъ и знать ее нельзя—и входа-то не отыщутъ. А чего это стóитъ Россіи-то? Не одной сотни

тысячъ, разумѣется, на моихъ глазахъ.... Этимъ путемъ недавно Веревкинъ изъ Уральска на Хиву шелъ, а за нимъ, чуть не тысячу верстъ, провіантъ, фуражъ и разныя тяжести везли туда, куда бы ихъ ничего не стоило водой доставить, да еще съ волжскихъ пристаней прямо. Въ одной цѣнѣ-то какая разница, не говоря ужъ о доставкѣ. А кто про то знаетъ, какъ это сдѣлать?... Русскій мужикъ—піонеръ, землепроходъ...—думалъ Звягинъ, лежа и мало по малу забываясь.—Или, вотъ, при мнѣ Нижне-хлебянское укрѣпленіе строили—лѣсъ изъ Оренбурга возили сухопутно, а изъ Астрахани водою стоило бы чуть не въ десятеро дешевле.... О, Русь православная!... Когда.... когда?... засыпалъ онъ. Однако.... надо.... пройти.... узнать.... и онъ заснулъ глубочайшимъ сномъ, какъ спится только на просторѣ и на свободѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Солёное озеро — озеро горько-соленой воды. Соляно́е озеро — озеро самосадочной соли.

[2]) Заливъ Сары-ташь—въ сѣверной части Мангышлакскаго полуострова.

[3]) Острова Долгіе, Малый и Большой, лежатъ на параллели острова Кулалы, къ востоку, у самаго полуострова Бузачи.

[4]) Заворотъ—пунктъ у береговъ Бузачи, въ морѣ.

[5]) Ордашный — вышедшій изъ глубины орды; невидавшій ничего, кромѣ степи; дикій.

[6]) Котельная сѣть, что ставится невозбранно повсюду и во всякое время для котла, т. е. для пищи.

[7]) Байгушъ — бѣднякъ.

[8]) Кряжъ — материкъ.

[9]) Пряжа садочная, которой сажаютъ сѣти, невода, волокуши и вообще сѣтной иховязъ (ядро); усаживая, прикрѣпляютъ къ веревкамъ.

[10]) Иглица—деревянная, остроносая планочка вершковъ пяти длины и поменьше вершка ширины, на которую вдоль наматывается пряжа для садки и для метки сѣтей и пр. Дѣлается такой ширины, чтобы свободно проходила въ ячею сѣти или невода.

[11]) Чаканъ — болотное растеніе. Туго вяжется въ пачки вершковъ 6-ти длины и употребляется, ради легкости и дешевизны, вмѣсто балберы для поддержанія на плаву снасти и сѣтей.

[12]) Подъ названіемъ *гуся*, въ этомъ случаѣ, надо понимать краснокрыла (видъ фламинго), котораго мѣстное населеніе называетъ *краснымъ гусемъ* и котораго много держится въ Мертвомъ Култукѣ.

[13]) Прорва — урочище и огромный проранъ въ сѣверо-восточной части моря, въ той части его, которая носитъ названіе Мертваго Култука или залива Атравъ.

[14]) Палати дѣлаются отъ комара, около мачты, сажени на полторы отъ палубы. Тамъ спятъ, ѣдятъ и пьютъ чай хозяева или старшіе въ артели. Мачта и ванты служатъ для укрѣпленія ихъ. Во время вѣтра и передъ вѣт-

ромъ комаръ не поднимается высоко и даетъ хоть кратковременный покой обитателямъ палатей.

[15]) „Нѣтъ ни пера“ говорится ловцами на безрыбье, если дѣло идетъ о частиковой рыбѣ; „нѣтъ ни жучки“ — если дѣло идетъ о красной.

[16]) Абы — грубые киргизскіе могильные памятники, дѣлаемые обыкновенно изъ глины.

[17]) Заломъ — самая крупная частиковая рыба.

[18]) Аистовы — небольшой заливъ въ Мертвомъ Култукѣ.

[19]) Бѣлинскіе, Сухіе — острова въ астраханскихъ черняхъ.

[20]) Кайдакъ — длинный заливъ въ юго-восточной части Мертваго Култука.

[21]) Позорило — пораззорило.

[22]) Обаткашенный, обаткаченный — покрытый баткакомъ, иломъ. Баткашно—вязко, грязно. Баткакъ—вязкая, иловатая грязь.

[23]) Кара-Бугазъ — заливъ по восточному берегу моря, почти особое морцо четырехъ-пяти футъ глубины, только весьма узкимъ проливомъ соединенное съ открытымъ моремъ.

[24]) Сбить въ бунтъ — сложить въ бунтъ.

[25]) Буинскіе — острова въ юго-восточной части Мертваго Култука.

[26]) Бараній лобъ — урочище въ самой глубинѣ Мертваго Култука.

[27]) Кочакъ — заливъ къ востоку отъ залива Сары-ташь у сѣверныхъ береговъ Мангышлакскаго полуострова.

Н. Бобылевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII в. *)

VIII.

Вліяніе помѣщика на вступленіе крѣпостныхъ въ бракъ. — Выводныя деньги и покупка невѣстъ.—Помѣщичій развратъ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что крестьяне не пользовались свободою относительно своей женитьбы: помѣщикъ, по достиженіи молодыми людьми извѣстнаго возраста, то соединялъ пары по своему усмотрѣнію, то предоставлялъ это крестьянскому сходу. Говоря о замужествѣ крестьянки, мы должны различить два случая: выходъ замужъ за крѣпостнаго того же господина и за человѣка посторонняго. Относительно совершенія браковъ между крѣпостными одного господина, законъ (до перваго Свода Законовъ) нигдѣ не требовалъ прямо согласія помѣщика, тѣмъ не менѣе это было повсемѣстнымъ обычаемъ. Что касается браковъ съ людьми посторонними, то относительно этого мы встрѣчаемъ слѣдующія постановленія въ нашихъ законахъ. Въ Уложеніи сказано: «а будетъ который помѣщикъ или вотчинникъ изъ помѣстья своего или изъ вотчины... крестьянскихъ дочерей, дѣвокъ или вдовъ учнутъ отпускать замужъ за чьихъ людей или за крестьянъ: и имъ тѣмъ крестьянскимъ дочерямъ, дѣвкамъ и вдовамъ давати отпускныя за своими или за отцовъ своихъ духовныхъ руками, впредь для спору» (т. е. чтобъ можно было доказать, что онѣ не бѣглыя). «А выводъ имати за тѣ крестьянскія дочери по договору» (гл. XI, ст. 19). Является вопросъ: могъ ли помѣщикъ отказать въ выдачѣ замужъ своей крѣпостной, если ему предлагали выводныя деньги въ достаточномъ количествѣ? Съ нашей современной точки зрѣнія, мы не находимъ

*) См. май, іюнь, авг. и сент.

въ Уложеніи отвѣта на этотъ вопросъ; но мы полагаемъ, что въ то время приведенная статья была составлена и понималась въ такомъ смыслѣ, что помѣщикъ можетъ вовсе не выпустить изъ вотчины свою крѣпостную дѣвушку. На это, намъ кажется, указываетъ какъ самая редакція статьи («учнутъ отпускать»), такъ и обычай, выработавшійся уже въ то время, просить дозволенія владѣльца даже на вступленіе въ бракъ съ крѣпостною того же господина *), а это показываетъ, какъ вообще велика была власть владѣльца въ вопросѣ о бракахъ. Въ началѣ XVII столѣтія существовало постановленіе (указъ Шуйскаго 9 марта 1607 г.), что помѣщики должны были выдавать замужъ дѣвушку не старѣе 18 лѣтъ, а парня женить не позже 20 лѣтъ, и въ случаѣ, если помѣщикъ, по наступленіи этого возраста, самъ ихъ не женитъ и имъ воли не даетъ, то тотъ и другая могли требовать себѣ отпускной отъ правительства. Въ Уложеніи уже ничего не упоминается объ этомъ правѣ крѣпостныхъ на бракъ въ извѣстномъ возрастѣ. Но изъ приведеннаго факта видно, что если бы правительство не предоставляло помѣщику права категорически воспретить выходъ замужъ дѣвушки въ другую вотчину, то оно оговорило бы въ Уложеніи ихъ право требовать себѣ въ этомъ случаѣ отпускной, чего однако же сдѣлано не было.

Въ узаконеніяхъ послѣдующаго времени повторяется требованіе отпускнаго письма въ случаѣ замужества крѣпостной съ постороннимъ человѣкомъ. Но при Петрѣ Великомъ въ 1724 г. было постановлено, что, при выходѣ замужъ за солдата, помѣщикъ не долженъ удерживать свою крѣпостную, если женихъ «заплатитъ выводъ противъ того, какъ и съ другихъ обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ брать». Ограничивалось ли это правило только тѣмъ случаемъ, когда женихомъ являлся солдатъ, или этотъ законъ имѣлъ и болѣе широкое примѣненіе? Не смотря на то, что въ текстѣ закона упоминается только о солдатахъ, онъ могъ бы примѣниться и къ крестьянамъ, подобно тому, какъ извѣстныя узаконенія Воинскаго Устава примѣнялись въ довольно неподходящихъ случаяхъ убійства помѣщиками крѣпостныхъ. Но едва ли когда либо законъ 1724 г. примѣнялся къ бракамъ крестьянъ; мы, по крайней мѣрѣ, не нашли на это никакого указанія. Крестьянамъ удавалось, по крайней мѣрѣ, въ первую половину XVIII в.,

*) *Бѣляевъ*. Крестьяне на Руси. Изд. 2, стр. 219.

обходиться безъ выводныхъ писемъ помѣщика *); но тутъ, только повидимому, было не соблюдаемо правило о необходимости согласія помѣщика: въ поѣздѣ должны были присутствовать прикащикъ или выборныя власти; первый, назначаемый помѣщикомъ, замѣнялъ въ этомъ случаѣ его лицо, и согласіе прикащика было равнозначительно съ согласіемъ помѣщика; тамъ же, гдѣ вотчина управлялась исключительно выборными властями, ихъ присутствіе въ свадебномъ поѣздѣ также показывало согласіе на выводъ, вѣроятно, на извѣстныхъ условіяхъ. Но и въ это время были помѣщики, категорически запрещавшіе выводъ изъ своихъ вотчинъ. Такимъ образомъ, изъ указа 1754 г. мы можемъ заключить только о формальномъ несоблюденіи требованія относительно согласія помѣщика, т. е. выдачи выводнаго письма; но и это было запрещено указомъ 1754 г., гдѣ сказано: «а впредь.... ежели чьи вдовы и дѣвки за постороннихъ.... людей и крестьянъ безъ отпускныхъ и выводныхъ писемъ въ замужество выданы будутъ, *хотя и по вышеписанному порядку съ поѣздомъ*, такихъ считать бѣглыми».

При Екатеринѣ II, въ инструкціяхъ полковникамъ (1764 и 1766 гг.) было предписано солдатамъ безъ отпускныхъ «невѣстъ не брать, также и выводныя деньги по примѣру тутошнихъ мѣстъ платить должно», при чемъ однако не были повторены слова указа 1724 г., что помѣщикъ не можетъ удерживать свою крѣпостную, если женихъ заплатитъ обычный выводъ. Такимъ образомъ, даже и относительно жениховъ изъ солдатъ, права помѣщиковъ не были ограничены такъ ясно, какъ въ указѣ 1724 г.

Люди духовные, какъ вѣрные хранители обычая и проникнутые взглядомъ греко-римскаго законодательства на рабовъ, стояли за сохраненіе полнаго вліянія помѣщиковъ надъ браками ихъ крѣпостныхъ. Въ наказѣ депутату отъ синода въ коммиссію Уложенія было сказано: «не вѣнчать хотящихъ брачитись по одному произволенію своему, безъ воли родителей, *помѣщиковъ* или попечителей». Напротивъ того, императрица Екатерина, въ своемъ Наказѣ, говоритъ: «обыкновенно въ указаніяхъ положено отцамъ

*) Это видно изъ слѣдующихъ словъ указа 1754 г. о бѣглыхъ: «а которыя вдовы и дѣвки за чьихъ людей и крестьянъ до сего указа въ замужество выданы, *хотя и безъ выводныхъ писемъ, но вѣнчаны оныя съ поѣздомъ тѣхъ вотчинъ*, чьи тѣ вдовы и дѣвки, *прикащиковъ, старостъ и выборныхъ крестьянъ*, а не побѣгомъ вышли... и такихъ въ побѣгъ не ставить, а быть онымъ за тѣми людьми, за кѣмъ мужья въ прежнюю перепись во вторую ревизію написаны».

сочетавать союзомъ брачнымъ дѣтей своихъ. Но что изъ сего выйдетъ, если притѣсненіе и сребролюбіе дойдутъ до того, что присвоятъ себѣ неправильнымъ образомъ власть отцовскую? Надлежало бы отцовъ поощряти, чтобъ дѣтей своихъ бракомъ сочетавали, а не отымать у нихъ воли сочетавать дѣтей по ихъ лучшему усмотрѣнію». Депутатъ города Дерпта, Гадебушъ, въ своихъ «мысляхъ о крестьянскомъ сословіи», точно также, какъ и новгородскій губернаторъ Сиверсъ, настаиваетъ на отмѣнѣ выводныхъ денегъ, такъ какъ взиманіе ихъ вредитъ увеличенію народонаселенія.

Не смотря на эти требованія и взгляды самой составительницы Наказа, не было издано никакого закона о бракахъ между помѣщичьими крестьянами; что же касается людей некрѣпостныхъ, то въ манифестѣ 1775 г. было сказано: «гдѣ въ которой области имперіи нашей состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго и градоначальника, и за таковое дозволеніе сбирается сборъ или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе всемилостивѣйше отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа». Послѣ этого мѣстами еще продолжали сбирать выводныя деньги за дѣвушекъ, отдаваемыхъ въ помѣщичьи вотчины, но въ 1782 г. было разъяснено, что этого дѣлать не слѣдуетъ. Однако, въ концѣ XVIII в., дворцовое вѣдомство едва ли не придерживалось относительно помѣщиковъ системы обмѣна, предложенной въ одной статьѣ Р. Воронцовымъ *), и только черезъ два года послѣ изданія узаконенія о томъ, что всѣ вдовы и дѣвушки вольнаго происхожденія, вышедшія замужъ за помѣщичьихъ крестьянъ, по смерти мужей не должны быть обращаемы въ крѣпостныхъ, было въ 1817 г. еще разъ категорически предписано выпускать изъ казенныхъ селеній въ замужество за помѣщичьихъ людей безъ выводныхъ денегъ.

Сопоставляя узаконенія, изданныя при Екатеринѣ II и до нея, съ упоминаніемъ Сиверса о предположеніяхъ правительства опредѣлить размѣръ выводныхъ денегъ въ помѣщичьихъ вотчи-

*) Въ одномъ указѣ 1800 г., между прочимъ, упоминается, что удѣльный департаментъ «предписалъ всѣмъ удѣльнымъ экспедиціямъ во владѣльческія селенія удѣльныхъ вдовъ и дѣвокъ выпускать по обряду помѣщичьему, но брать, по соглашенію обѣихъ сторонъ, также и изъ помѣщичьихъ деревень въ замужество за удѣльныхъ крестьянъ».

нахъ, мы видимъ ясно, что постановленія относительно браковъ солдатъ съ крѣпостными дѣвушками вовсе не считались общею мѣрою, гарантирующею право крѣпостнаго крестьянина выдать свою дочь за посторонняго съ уплатою выводныхъ денегъ по мѣстнымъ цѣнамъ. И такъ, крѣпостной крестьянинъ не могъ безъ согласія владѣльца вступить въ бракъ, или выдать замужъ свою дочь, ни въ предѣлахъ вотчины, къ которой онъ принадлежалъ, ни внѣ ея.

Единственно, что прямо запрещено было закономъ, такъ это принуждать крѣпостныхъ къ браку противъ ихъ желанія, выбирать женихамъ невѣстъ, а невѣстамъ женіховъ; но мы сейчасъ увидимъ, что и этотъ законъ постоянно нарушался помѣщиками. Согласное съ кормчею книгою и указомъ Петра Великаго желаніе синода, выраженное въ его наказѣ, чтобы запрещено было «вѣнчать по одному произволенію родителей, помѣщиковъ, командировъ, сродниковъ и попечителей, но непремѣнно, чтобы притомъ и брачущіяся оба лица самоизвольное свое въ церкви... свободно, явно и добровольно объявили желаніе», не вызвало подтвержденія петровскаго указа при Екатеринѣ II.

Помѣщики очень часто женили по своему усмотрѣнію крѣпостныхъ. Вотъ, напр., Болотову вздумалось женить старика, служителя своего отца, онъ такъ и сдѣлалъ и «выпустилъ его въ крестьяне», но потомъ снова взялъ во дворъ. Когда крестьяне Суворова предложили сдать въ солдаты бобыля, «который никакихъ податей не платитъ, а шатается по сторонамъ, года по два и по три, и въ домъ не приходитъ», то, въ отвѣтъ на это, былъ полученъ такой приказъ господина: «Не надлежало дозволять ему бродить по сторонамъ. Съ полученіемъ сего *въ сей же мясоѣдъ этого бобыля женить* и завести ему міромъ хозяйство; буде же замѣшкаетесь, то я велю его женить на вашей первостатейной дѣвицѣ; а доколѣ онъ исправится, ему пособлять міромъ во всемъ: завести ему домъ, ложку, плошку, скотину и проч.». Или вотъ еще приказъ Суворова своему новгородскому управляющему: «не можно ль, государь мой, выбрать... изъ моихъ крестьянскихъ.... дворовымъ людямъ въ невѣсты дѣвочку-другую, только чтобъ то мужичкамъ было безобидно. Сихъ дѣвицъ извольте отправлять.... на крестьянскихъ подводахъ, безъ нарядовъ, однѣхъ за другими, какъ возятъ куръ, не очень сохранно.» Что при этомъ исключительно имѣлись въ виду хозяйственныя соображенія, а личность крѣпостнаго совершенно сту-

шевывалась, всего лучше видно изъ слѣдующаго разсужденія автора неизданныхъ замѣтокъ, присланныхъ въ 1791 г. въ Вольное Экономическое Общество. «Дѣвокъ, писалъ онъ, отъ 18 лѣтъ въ супружество отдавать; *добрые экономы отъ скотины и птицъ стараются племя разводить*, а человѣкъ, просвѣщеніе разумѣющій, паче долженъ о размноженіи рода человѣческаго, при помощи Божіей, печностѣ (т. е. заботливость) приложить.» Люди менѣе откровенные приводили еще и нравственное побужденіе: заботливость о сохраненіи чистоты нравовъ среди крѣпостныхъ; даже авторъ только-что упомянутыхъ замѣтокъ прибавляетъ къ приведеннымъ выше словамъ: «чрезъ сіе средство не будетъ повода къ соблазнительнымъ дѣяніямъ и шалостямъ съ обѣихъ сторонъ.» В. Орловъ въ своемъ уложеніи писалъ: «Крайне нужно, чтобы дѣвки, поспѣвшія къ замужеству, и холостые, достигшіе до зрѣлыхъ лѣтъ, вступали въ бракъ. Сіе есть дѣло богоугодное, чрезъ что сохранятся нравы и пороки удалятся. И такъ, предписывается начальству, а паче всѣхъ бурмистру, склонять таковыхъ увѣщаніями и другими средствами ко вступленію въ бракъ.» Дѣло ограничивается увѣщаніями только до поры до времени: помѣщикъ непремѣнно требуетъ, чтобы, по достиженіи извѣстнаго возраста, молодые люди начинали исполненіе своихъ обязанностей—размножать число крѣпостныхъ своего господина, и если они уклонялись отъ этой повинности, то начинались репрессивныя мѣры. «Когда дѣвкѣ совершится 20 лѣтъ, читаемъ въ уложеніи Орлова, таковыхъ старшій въ семьѣ отдавалъ бы замужъ, а на пріисканіе жениха дать сроку полгода. Если же въ назначенный срокъ дѣвки выданы не будутъ, съ таковыхъ взыскивать ежегодно съ средняго дома 25 р., съ богатаго 50 р.; бѣдныхъ же, кои не въ состояніи платить, наказывать по разсужденію начальства. Потомъ начальникъ, приглася выборныхъ и лучшихъ стариковъ, пріискиваютъ онымъ дѣвкамъ жениховъ по своему усмотрѣнію и соединяютъ ихъ законнымъ бракомъ, наблюдая притомъ тщательно, чтобы они другъ друга и домъ дома стоили. Съ холостыми, достигшими 25 лѣтъ и далѣе, не вступающими въ бракъ, поступать, какъ о дѣвкахъ предписано.... Сему закону подлежатъ и вдовцы» *).

*) Рычковъ, въ „Наказѣ для управителя“, также высказываетъ требованіе, чтобы „изъ крестьянъ молодые люди далѣе 18 лѣтъ, а по крайней мѣрѣ свыше 20 лѣтъ, холостыми не шатались“.

Тутъ власть помѣщика замѣняется наблюденіемъ и давленіемъ со стороны міра. Но помѣщикъ все-таки оставляетъ за собою высшій контроль: онъ приказалъ составить списокъ всѣхъ достигшихъ опредѣленнаго возраста и еще не вступившихъ въ бракъ и прислать въ контору съ указаніемъ, какія мѣры приняты относительно ихъ вотчиннымъ начальствомъ. Помѣщикъ оказывается, впрочемъ, на столько любезнымъ, что не приневоливаетъ къ браку людей физически неспособныхъ къ нему и даже прибавляетъ въ уложеніи, что «за то не подлежатъ они никакому наказанію», но онъ разрѣшаетъ увольнять по этой причинѣ отъ общей повинности не иначе, какъ съ большою осмотрительностію: «за симъ смотрѣть накрѣпко начальству, дабы, по сему случаю, обмана не было и не отбывали бы отъ брака тѣ, которые къ оному способны». Для полноты системы не доставало только публичныхъ испытаній въ способности къ брачной жизни. — Въ приказахъ Суворова мы встрѣчаемъ распоряженія о женитьбѣ такихъ-то парней на извѣстныхъ дѣвушкахъ; въ иныхъ случаяхъ при этомъ прибавлено «съ общаго согласія», но чаще только названы имена, слѣдовательно, бракъ совершается по предложенію міра или по усмотрѣнію помѣщика. Иногда это и прямо высказано, напримѣръ: «вдовцамъ Клюеву, Борисову и Куркину надлежало бы первѣе всего жениться. Того ради женить ихъ міромъ». Членъ коммиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ, требовавшій сохраненія власти помѣщика надъ браками крѣпостныхъ, говоритъ: «когда одного помѣщика крестьяне согласоваться будутъ къ женитьбѣ, то никогда не запрещается отъ господъ и женятся по волѣ.» Но когда господинъ приказываетъ во что бы то ни стало женить какого-то бродягу-бобыля, съ угрозою выдать иначе за него замужъ самую лучшую дѣвушку, или когда помѣщикъ велитъ выслать невѣстъ для своихъ дворовыхъ, и дѣвушка отправляется въ путь, даже не зная еще, кому она достанется въ жены, то тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо добровольномъ соглашеніи. Что система принужденія къ браку, особенно по достиженіи извѣстнаго возраста, была въ то время общепринятою, это видно изъ того, что о ней безъ всякаго стѣсненія заявляли и печатно. Рычковъ, въ своемъ «Наказѣ для прикащика», увѣнчанномъ медалью отъ Вольнаго Экономическаго Общества, говоритъ: «ежели молодой человѣкъ отрицается отъ женитьбы, или отецъ и мать его, по какой-нибудь слабости, къ тому не склонны, въ такомъ случаѣ, пристойнымъ

образомъ, слѣдуетъ ихъ къ тому и понудить»*). Бывали, впрочемъ, случаи, что господинъ увольнялъ отъ брачной повинности людей, просившихъ его о томъ. Такъ, въ одномъ изъ приказовъ Суворова, сказано: «вдову Иванову, какъ она въ замужство не желаетъ, никому не дозволяю сватать. Помочь ей міромъ въ выстройкѣ той избы, которая была срублена еще ея умершимъ мужемъ.»

Повѣнчаться крестьянамъ самовольно, вопреки желанію помѣщика, было чрезвычайно трудно, такъ какъ священникъ, находившійся въ полной экономической зависимости отъ землевладѣльца, на это не согласился бы. Такіе случаи, однако, бывали, какъ видно изъ слѣдующаго приказа Суворова: «крестьянъ, которые самовольно повѣнчались и были грубы противъ священника, отдать на покаяніе и приказать говѣть имъ въ Филипповъ постъ».

Помѣщикъ могъ, впрочемъ, и съ пользою употреблять свое право распоряжаться крестьянскими браками: онъ могъ не допускать весьма обычной въ то время женитьбы малолѣтнихъ ребятъ на взрослыхъ дѣвушкахъ, что̀ вело къ самымъ безобразнымъ семейнымъ отношеніямъ и развитію сноxачества. Рычковъ, указывая на этотъ обычай, совѣтовалъ не допускать такихъ браковъ. Хорошіе помѣщики такъ и дѣлали: «крестьянъ менѣе 16 лѣтъ не женить, а дѣвокъ менѣе 14 лѣтъ замужъ не выдавать, также молодыхъ ребятъ на старыхъ дѣвкахъ не женить», писалъ Лунинъ въ приказѣ своему управляющему. Но были и такіе землевладѣльцы, которые допускали выдачу замужъ 30-лѣтней дѣвушки за 11—12-лѣтняго мальчика и, наоборотъ, выдавали замужъ малолѣтнихъ дѣвочекъ. Въ царствованіе Елизаветы до свѣдѣнія синода дошло, что одинъ помѣщикъ старицкаго уѣзда принуждалъ священника вѣнчать крестьянина съ десятилѣтней дѣвочкой и за неисполненіе требованія разрушилъ его избу, ограбилъ все имущество, дочь и сноху травилъ собаками.

Мы упоминали уже объ обычаѣ брать выводъ за невѣстъ, выдаваемыхъ за людей постороннихъ. Это требованіе имѣло хоть какое-нибудь основаніе, такъ какъ эти деньги считались вознагражденіемъ за утраченную рабочую силу; но нѣкоторые помѣ-

*) Заботливый помѣщикъ заранѣе предусматривалъ всѣ препятствія, какія могли представиться для совершенія брака. Такъ Татищевъ предписываетъ: „въ своей деревнѣ кумовства не имѣть затѣмъ, чтобъ можно было жениться.“

щики брали, по случаю женитьбы, значительные поборы даже со своихъ собственныхъ людей. По словамъ Радищева, одинъ помѣщикъ собиралъ повѣнечнаго по 2 пуда меду; но другіе совсѣмъ не требовали этого сбора со своихъ крестьянъ, напр. В. Орловъ.

Нѣкоторые крестьяне, особенно зажиточные, вмѣсто того, чтобы отпустить дочь изъ дому, предпочитали взять къ себѣ зятя. Такъ какъ при этомъ все-таки можно было положить новое тягло и, слѣдовательно, интересы помѣщика при этомъ не страдали, то это не запрещалось, такъ было по крайней мѣрѣ у В. Орлова, который требовалъ только, чтобы поставленныя при этомъ условія были записаны въ вотчинномъ правленіи, во избѣжаніе всевозможныхъ недоразумѣній.

Мы видѣли выше, что изданныя правительствомъ узаконенія, за исключеніемъ закона Петра Великаго о женитьбѣ солдатъ, не обязывали помѣщиковъ выдавать своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, въ случаѣ ихъ желанія, за людей постороннихъ. Это видно также и изъ того, что нѣкоторые помѣщики совершенно запрещали выводъ изъ своихъ имѣній за какую бы то ни было плату. Такъ напр. Татищевъ, конечно, хорошо знавшій законы, писалъ въ своихъ «Экономическихъ запискахъ» (1742 г.): «вдовъ и дѣвокъ на выводъ не давать подъ жестокимъ наказаніемъ». Напротивъ, В. Орловъ въ своихъ имѣніяхъ допускалъ это съ уплатою «предписаннаго выводу»; однако и онъ установилъ нѣкоторыя ограниченія: если у крестьянина были только дочери, то ихъ запрещено было выдавать въ чужія вотчины, чтобы имущество не могло перейти въ постороннія руки; такому же правилу подлежали и вдовы, не имѣющія сыновей.

Правительство признавало право помѣщика брать такъ называемыя *выводныя деньги* и не опредѣлило высшей мѣры этого взысканія. Правительство установило размѣръ вывода только въ случаѣ брака бѣглой съ чужимъ крестьяниномъ или солдатомъ; тогда опредѣлено было вносить по 10 р. *). Въ случаѣ же вы-

*) Помѣщики находили такую плату недостаточною: дворяне великолуцкаго уѣзда, въ своемъ наказѣ, просили взыскивать 20 р. за вышедшую замужъ въ бѣгахъ; депутатъ Поповъ предлагалъ повысить плату даже до 100 р.; однако желаніе ихъ не было исполнено, и въ 1780 г. тотъ же выводъ (10 р.) велѣно было взыскать съ вольноотпущенныхъ, женившихся на крѣпостныхъ. Въ отписныхъ имѣніяхъ канцелярія конфискаціи также находило нужнымъ брать по 10 р. и предлагала отпускать дѣвушекъ лишь въ томъ случаѣ, если въ вотчинѣ вовсе не будетъ жениховъ.

дачи замужъ не бѣглой крѣпостной за посторонняго человѣка, выводъ былъ обыкновенно значительнѣе: въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія помѣщики брали отъ 10 до 20 р. за каждую невѣсту, а въ началѣ 80-хъ годовъ по 30 и 40 р.; извѣстная кн. Дашкова, въ 1807 г., брала въ своемъ новгородскомъ имѣніи даже по 100 р.

Депутатъ Радванскій, защищая необходимость вліянія помѣщика на заключеніе брака между крѣпостными, указывалъ, между прочимъ, на то, что помѣщики иногда покупаютъ невѣстъ для своихъ крестьянъ. У Суворова всякому парню, принужденному по недостатку невѣстъ въ вотчинѣ покупать дѣвушку на сторонѣ, выдавалось въ помощь отъ помѣщика по 10 р., а такъ какъ этого не хватало, то предписывалось въ этомъ случаѣ оказывать помощь всѣмъ міромъ. Для дворовыхъ же помѣщики или брали невѣстъ у своихъ крестьянъ (см. выше распоряженіе Суворова), или покупали на свой счетъ. Болотовъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о покупкѣ невѣстъ для лакеевъ. Суворовъ иногда находитъ, что брать невѣстъ изъ вотчинъ будетъ отяготительно для крестьянъ и потому въ одномъ приказѣ предписываетъ купить дѣвокъ въ замужество за дворовыхъ, «кои, какъ дубы, выросли»; въ другомъ онъ пишетъ: «многіе дворовые ребята у меня такъ подросли, что ихъ женить пора. Дѣвокъ здѣсь нѣтъ и купить ихъ гораздо дороже, нежели въ вашей сторонѣ»; поэтому онъ приказываетъ купить для нихъ четыре дѣвушки отъ 14 до 18 лѣтъ изъ крестьянокъ или дворовыхъ; «лица не очень разбирай», прибавляетъ онъ, «лишь бы были здоровы.»

Насильственная женитьба своихъ крестьянъ — еще не самое худшее, что дозволяли себѣ помѣщики: иные употребляли насиліе для собственнаго удовольствія и устроивали въ своихъ имѣніяхъ особую барщину для женщинъ. У одного помѣщика, Бахметьева, «въ деревнѣ былъ по ночамъ бабій караулъ; поочередно, каждую ночь, наряжали двухъ бабъ караулить село и барскія хоромы: одна баба ходила съ трещеткой около дома и стучала въ доску, а другая должна была ночевать въ домѣ... Хорошъ былъ старикъ, нечего сказать!» прибавляетъ разскащица. «Мудрено ли, что послѣ этого отъ него жена бѣжала.» У другаго, казанскаго помѣщика, Есипова, даже и гости угощались лобзаніями крѣпостныхъ артистокъ (см. выше разсказъ Вигеля). Въ XIX в. у нѣкоторыхъ помѣщиковъ были цѣлые гаремы, какъ напр. у извѣстнаго генерала Измайлова. Не довольствуясь тѣмъ, что

самъ изнасиловалъ множество дѣвушекъ, онъ любезно угощалъ ими и своихъ гостей, при чемъ для болѣе важныхъ, или пріѣхавшихъ въ первый разъ выбирались невинныя, хотя бы имъ было всего 12 лѣтъ отъ роду. Измайловъ былъ далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ саратовской губерніи, уже не задолго передъ крестьянской реформой, въ имѣніи одного помѣщика, десятникъ каждый вечеръ приказывалъ тому или другому мужику посылать къ барину свою дочь или даже жену. Двѣ дѣвушки не захотѣли повиноваться приказу: одна утопилась, другую баринъ такъ избилъ палкою, что она умерла черезъ двѣ недѣли. Другой помѣщикъ той же губерніи не жилъ постоянно въ своей вотчинѣ, а пріѣзжалъ каждое лѣто на нѣсколько недѣль. Въ день пріѣзда управляющій подносилъ барину списокъ всѣхъ подросшихъ дѣвушекъ, и тотъ бралъ къ себѣ каждую дня на три, на четыре. Когда запасъ истощался, онъ уѣзжалъ въ другія деревни и вновь возвращался на слѣдующій годъ.

Вліяніе господина, столь чувствительно сказывавшееся при вступленіи крестьянина въ бракъ, тяготѣло потомъ и надъ его семейною жизнью. Помѣщики считали семейные раздѣлы вредными для благосостоянія крестьянъ, а слѣдовательно, и для своей собственной выгоды и потому дозволяли ихъ лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ. Дѣйствительно, въ экономическомъ отношеніи, жизнь большою семьею была выгоднѣе, но при этомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто страдала нравственная личность членовъ семьи отъ деспотизма главы дома. На такіе пустяки помѣщики, конечно, не обращали вниманія. «Всевозможно удерживать крестьянъ отъ вредныхъ для нихъ раздѣловъ», писалъ Р. Воронцовъ; Болотовъ также совѣтовалъ не допускать до раздѣловъ «безъ важныхъ причинъ». В. Орловъ, въ 80-хъ годахъ, далъ приказъ во всѣ вотчины свои и своихъ братьевъ, чтобы крестьяне не дѣлились; но вѣроятно трудно было его исполнить, потому что въ своемъ уложеніи онъ дозволяетъ раздѣлы, впрочемъ только съ согласія бурмистра, выборныхъ и лучшихъ людей; раздѣлившихся самовольно онъ велитъ наказывать. Понятно, что въ господскихъ вотчинахъ семьи были многочисленнѣе, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ.

Въ западной Европѣ, въ XVIII в., землевладѣльцы сохранили вообще лишь ничтожную часть своего прежняго вліянія на совершеніе брака крѣпостныхъ. Во Франціи легисты выражали удивленіе, что встрѣчаются еще сеньёры, присвоивающіе себѣ

право противиться бракамъ своихъ крестьянъ: очевидно, такіе землевладѣльцы составляли исключеніе. Извѣстно, напр., что *въ нѣкоторыхъ сеньёріяхъ* Франшъ-Конте еще въ 1789 г. существовалъ droit de formariage, по которому сервы не могли вступать въ бракъ безъ разрѣшенія сеньёра. Отвратительное право первой ночи (droit de marquette или jus primae noctis) уже замѣнено было разными символическими знаками: поцѣлуями, взглядами новобрачной. Около середины XVIII в. были еще сеньёры, которые претендовали на денежный выкупъ за droit de marquette, уже запрещенный постановленіями парламента; во второй половинѣ столѣтія нѣкоторые землевладѣльцы требовали, чтобы новобрачные подносили имъ въ день свадьбы различные припасы, а въ крестьянскихъ наказахъ 1789 г. встрѣчаемъ настоятельныя требованія уничтожить право сеньёра цѣловать новобрачную «et autres usages outrageux et extravagants». Въ Пруссіи землевладѣльцы собирали пошлину за дозволеніе вступать въ бракъ и только въ началѣ XIX в. крѣпостные были избавлены отъ необходимости испрашивать это дозволеніе; но, при выходѣ замужъ крѣпостной за предѣлы имѣнія, господинъ еще и тогда получалъ выкупъ, размѣры котораго были впрочемъ опредѣлены. Въ Шлезвигѣ и Гольштиніи крѣпостные въ прошломъ столѣтіи не могли жениться безъ согласія господина; то же самое было и въ Австріи *). Въ Ганноверѣ до самой іюльской революціи крѣпостные должны были выдавать замужъ своихъ дочерей не иначе, какъ получивъ письменное разрѣшеніе помѣщика, за что имъ приходилось платить отъ 5 до 30, а у нѣкоторыхъ жестокихъ помѣщиковъ даже 40—50 талеровъ. Относительно Баваріи есть указаніе, что тамъ до послѣднихъ десятилѣтій XVIII в. существовало право первой ночи, хотя нужно думать, что оно выражалось не въ самой грубой формѣ, а въ какомъ либо сборѣ деньгами или натурою.

Въ Польшѣ издавна существовало правило, что крестьяне могутъ вступать въ бракъ только съ согласія помѣщика. Въ XVIII в. авторы нѣкоторыхъ брошюръ по крестьянскому вопросу требовали, чтобы крестьянамъ дано было право выдавать замужъ своихъ дочерей въ чужія села и деревни и парнямъ жениться, гдѣ они пожелаютъ.

*) Марія Терезія отмѣнила существовавшій въ Богеміи сборъ въ пользу землевладѣльца за согласіе на бракъ крѣпостнаго, носившій знакомое намъ названіе: *куница*.

Въ Лифляндіи и Эстляндіи крестьяне имѣли право жаловаться на помѣщика консисторіи, если онъ препятствовалъ браку безъ основательныхъ причинъ; но это все-таки не гарантировало ихъ отъ насилія господина и въ 1804 г. пришлось постановить закономъ, чтобы помѣщики не запрещали крестьянамъ жениться. — Въ Малороссіи посполитые крестьяне также платили «куницу», «куничные гроши» за дозволеніе вступить въ бракъ.

IX.

Крестьяне юридически не имѣютъ права собственности на движимое имущество, но фактически пользуются имъ. — Они покупаютъ землю лишь на имя помѣщика. — Холопы крѣпостныхъ крестьянъ.

Если крѣпостной крестьянинъ не пользовался свободою даже въ такомъ интимномъ дѣлѣ, какъ вступленіе въ бракъ, то понятно, что онъ находился въ полной зависимости отъ господина и въ имущественномъ отношеніи. Мы говорили уже, что вся земля считалась собственностію помѣщика и что крестьянинъ получалъ только опредѣленный надѣлъ во временное пользованіе, пропорціонально тяжести наложенныхъ на него повинностей. Это еще было бы не бѣда: русскій народъ вообще мало знаетъ до сего времени личное право собственности на землю и передѣлы земли считаетъ вещью необходимою и справедливою. Но дѣло въ томъ, что помѣщикъ могъ по своему желанію урѣзать общее количество земли, находившееся въ пользованіи крестьянъ, и, такимъ, образомъ уменьшить надѣлъ каждаго, могъ увеличить число тяголъ, наконецъ — вовсе лишить отдѣльнаго крестьянина земли, превративъ его въ своего дворовaго. Правда, урѣзка земли и превращеніе въ дворовыхъ бывали не часто, но все-таки они случались. Что касается движимаго имущества, то точно также крѣпостному крестьянину не было гарантировано относительно его неотъемлемое право собственности. Изъ того, что нѣкоторые крѣпостные крестьяне брали на себя откупа, записывались въ купечество, вели торговлю, видно, что на дѣлѣ они пользовались нѣкоторыми правами собственности. «Крестьянинъ каждый, говоритъ Болтинъ, имѣетъ свою собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ, который имѣетъ силу, не меньшую закона». То, что крѣпостной пріобрѣтетъ сверхъ необходимаго для уплаты оброка, или исполнивъ другія повинности, себѣ заработаетъ, «остается точно ему принадлежа-

щимъ: тѣмъ владѣетъ онъ во всю жизнь свою спокойно, отдаетъ въ приданое за дочерьми, оставляетъ въ наслѣдіе своимъ сыновьямъ и родственникамъ, по волѣ своей невозбранно.» Все это дѣйствительно было такъ у помѣщиковъ, гуманно относившихся къ своимъ крестьянамъ; но тѣмъ не менѣе юридическаго права собственности крестьяне не имѣли, и каждую минуту они могли, по волѣ владѣльца, лишиться всего своего достоянія. Самъ Болтинъ признаетъ, что высказанное имъ правило не было всеобщимъ: «нѣкоторыхъ токмо помѣщиковъ крестьяне, говоритъ онъ, изъ сего всеобщаго состоянія исключаются, кои, по безчеловѣчію господъ своихъ, не будучи удостовѣрены о собственности, не радѣютъ о пріобрѣтеніи своемъ и не иначе работаютъ, какъ изъ-подъ палки. Лишены будучи имѣнія и желаній оное пріобрѣтать, живутъ въ отчаянной непривязанности къ жизни и едва помышляютъ о насущномъ хлѣбѣ.... Но, по истинѣ, таковыхъ нынѣ мало и время отъ времени становится меньше.» Отбираніе пожитковъ крестьянина, въ видѣ наказанія, встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ и въ XIX вѣкѣ. Такъ напримѣръ, знакомый намъ генералъ Измайловъ у провинившагося въ чемъ-то прикащика отобралъ все, что онъ имѣлъ; у несчастныхъ дворовыхъ сплошь и рядомъ «отнимали ихъ жалкое, скудное имущество, — какую-нибудь коровенку, какую-нибудь домашнюю птицу, полусгнившіе домишки, даже одежду и обувь» *). Могутъ сказать, что Измайловъ, по своей жестокости и самодурству, составлялъ рѣдкое исключеніе, но вѣдь дѣянія только такихъ личностей и доходятъ до суда и такимъ образомъ дѣлаются достояніемъ исторіи, а болѣе мелкіе подвиги насилія и жестокости остаются неизвѣстными. Уже одно то, что такимъ помѣщикамъ, какъ Измайловъ, удавалось остаться безнаказанными, показываетъ, какъ беззащитны были личность и имущество крѣпостныхъ. Понятно, что крѣпостные должны были зарывать свои деньги въ землю, какъ это свидѣтельствуетъ англійскій путешественникъ Коксъ, посѣтившій Россію при Екатеринѣ II.

Тѣмъ не менѣе, если не по закону, то по обычаю крѣпостные все-таки пользовались правомъ собственности на движимое имущество. Существовалъ обычай, чтобы и при продажѣ

*) *Славутинскій.* „Генералъ Измайловъ и его дворня". Древняя и Новая Россія, 1876 г.

крестьянъ въ розницу, они продавались вмѣстѣ со своимъ движимымъ имуществомъ. Когда Унгернъ-Штенбергъ, въ своемъ проектѣ крестьянскихъ правъ, предложилъ постановить, что, «продавая или даря своего крестьянина, помѣщикъ долженъ отпускать его со всѣмъ движимымъ имѣніемъ», то на это согласился даже усердный защитникъ помѣщичьихъ правъ, Радванскій, прибавивъ только, что «и прежде навсегда продавались съ пожитками, (такъ) и въ крѣпостяхъ пишутъ». Нѣкоторые крѣпостные крестьяне имѣли фабрики; напр., въ нерехотскомъ уѣздѣ (въ первые годы XIX вѣка), въ селѣ князя Голицына, было 6 ткацкихъ фабрикъ, принадлежавшихъ его крѣпостнымъ (работники на нихъ были вольнонаемные); въ этомъ же селѣ былъ мыльный заводъ, принадлежавшій крестьянину и приносившій въ годъ 2000 руб. доходу. Даже Леклеркъ свидѣтельствуетъ, что многіе изъ крѣпостныхъ крестьянъ владѣли большими богатствами, которыми свободно располагали; онъ заявляетъ, что лично зналъ такихъ, у которыхъ было имѣнія болѣе, чѣмъ на 200.000 руб.

Въ то время, когда у насъ право собственности крестьянъ на движимое имущество вовсе не было гарантировано закономъ, въ Германіи они вездѣ могли свободно распоряжатся всѣмъ, что пріобрѣли сверхъ инвентаря, даннаго господиномъ. Но на сторонѣ нашихъ крестьянъ была одна выгода: за исключеніемъ тѣхъ немногихъ помѣщиковъ, которые посягали на движимое имущество крестьянъ, у остальныхъ родители безъ всякихъ пошлинъ передавали свои пожитки дѣтямъ; напротивъ того, въ Германіи существовалъ обычай взимать изъ имущества умершаго хозяина одну штуку лучшаго скота (Besthaupt, Todtfall, mortuarium). Мы встрѣчаемъ его повсемѣстно въ Силезіи (и даже въ другихъ провинціяхъ Пруссіи), Баденѣ, нидерландской провинціи Гельдернѣ; въ Ганноверѣ отбирали даже половину всего движимаго имущества. Въ Австріи этотъ сборъ натурою былъ отмѣненъ императоромъ Леопольдомъ, но его продолжали взимать деньгами, въ размѣрѣ отъ 5 до 20% цѣнности всего движимаго имущества.

Въ Польшѣ положеніе крестьянъ въ этомъ отношеніи было не лучше, чѣмъ у насъ.

Въ Лифляндіи на ландтагѣ 1765 г., по предложенію генералъ-губернатора, гр. Броуна, за крестьянами было признано право собственности на движимое имущество, но однако же продать

лошадь, или что-нибудь изъ скота, крестьянинъ могъ только съ согласія господина.

Землю наши крестьяне могли покупать только на имя помѣщика и притомъ съ его согласія. Любопытно, что когда при императорѣ Николаѣ, въ 1848 г., было дозволено крѣпостнымъ крестьянамъ и вообще помѣщичьимъ людямъ пріобрѣтать уже на свое имя, но все-таки съ согласія помѣщиковъ, земли, дома, лавки и всякаго рода недвижимыя имущества *), то было при этомъ разъяснено, что если въ прежнее время нѣкоторыми крѣпостными были куплены земли, дома или лавки на имя помѣщиковъ, то никакіе о томъ споры со стороны крѣпостныхъ не допускаются и никакія розысканія по нимъ не дѣлаются; впрочемъ, помѣщикамъ было дозволено, по своему собственному усмотрѣнію, выдавать владѣющимъ такими имуществами, если только они не находятся въ залогѣ, или въ составѣ заложенныхъ имѣній, надлежащія на нихъ купчія крѣпости. Разсказываютъ, что помѣщики присвоили себѣ не мало земель, пріобрѣтенныхъ на кровныя крестьянскія деньги; да и какъ было этого не сдѣлать, когда правительство само подсказывало это указомъ 1848 г.!

Всего любопытнѣе, что у крѣпостныхъ крестьянъ были иногда свои крѣпостные. Такъ было въ XVII и въ началѣ XVIII в.; въ 1739 г. у дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ было отнято право покупать людей, какъ въ услуженіе, такъ и для поставки вмѣсто себя въ рекруты; но крѣпостные продолжали пріобрѣтать людей съ тою и другою цѣлью, только не на свое имя, а на имя помѣщика и съ его разрѣшенія. В. Орловъ установилъ по этому предмету весьма подробныя правила въ своемъ уложеніи. Его крестьяне, желавшіе покупать «для услугъ своихъ» работниковъ или работницъ, должны были просить дозволенія у бурмистра; тотъ, прежде всего, собиралъ свѣдѣнія, «стоятъ ли они этой милости», т. е. можно ли ожидать, что они «будутъ содержать купленныхъ людей порядочно, не отягчать лишнею работою и не наказывать не дѣльно», и доносилъ объ этомъ господину, отъ котораго и получалось разрѣшеніе; если же оказывалось, что просившіе не стоятъ этого, то отказывалъ, не донося даже помѣщику. Запрещалось также покупать людей порочныхъ, чтобы не причинить безпокойства господину и его конторѣ. «Кто же осмѣлится, писалъ Орловъ, купить на чу-

*) На отчужденіе ихъ требовалось тоже согласіе помѣщика.

жое имя людей или дворы, или другое недвижимое имѣніе безъ позволенія моего, о таковыхъ бурмистру съ выборными и лучшими людьми представлять сомнѣніемъ, какому наказанію подлежатъ, и ожидать рѣшенія *).» Сельское начальство вообще, а особенно бурмистръ, должны были смотрѣть, чтобы хозяева хорошо обходились съ купленными ими людьми. О тѣхъ, кто нарушитъ это правило, и такимъ образомъ окажется недостойнымъ «имѣть у себя людей въ услугахъ», слѣдовало представлять въ главную контору съ мнѣніемъ, куда дѣвать купленныхъ ими людей, если же хозяева «по худому своему поведенію заслуживаютъ, то позволяется отбирать отъ нихъ сихъ людей и безъ всякой заплаты имъ. Таковое наказаніе послужитъ примѣромъ другимъ хозяевамъ и неповадно имъ будетъ обходиться худо съ покупными людьми». Однако, если оказывалось, что, по ошибкѣ, были куплены люди дурные и лѣнивые, то дозволялось самимъ хозяевамъ «наказывать и исправлять ихъ»; впрочемъ, они могли обратиться съ просьбою о помощи и къ бурмистру, и тогда виновные подвергались наказанію «при правленіи», смотря по ихъ винамъ. «Ежели же къ исправленію ихъ надежда малая, то представлять со мнѣніемъ, куда таковыхъ негодяевъ дѣвать и ожидать рѣшенія». Изъ этихъ постановленій видно, что купленные крѣпостными люди далеко не были ихъ полною собственностію; они могли быть отобраны, какъ въ томъ случаѣ, если хозяева будутъ дурно обходиться съ ними, такъ и тогда, если они сами окажутся людьми слишкомъ порочными. Ограниченіе власти хозяевъ надъ купленными ими крестьянами сказалось, между прочимъ, и въ томъ, что хотя имъ было позволено выдавать своихъ женщинъ замужъ за постороннихъ, но велѣно не брать за нихъ выводныхъ денегъ. Нужно замѣтить, что хозяева купленныхъ людей не должны были платить за нихъ оброка господину, но однако же обязаны были вносить подушныя подати и нести рекрутскую повинность, не возлагая того и другого на крестьянское общество. — Люди, пріобрѣтаемые такимъ образомъ крѣпостными для услуженія, отличались въ уложеніи Орлова отъ покупаемыхъ только для отдачи въ рекруты; относительно пріобрѣтенія людей съ послѣднею цѣлію въ уложеніи сказано: «Ежели изъ крестьянъ кто пожелаетъ купить рекрута

*) При наступленіи новаго года, Орловъ велѣлъ присылать подробную роспись всѣхъ людей, купленныхъ его крестьянами.

за свое семейство, тотъ вносилъ бы деньги заблаговременно; кто же, вѣдая свою очередь, не внесетъ денегъ заранѣе, дабы пробыть за отдачею другихъ, и станетъ вносить деньги во время набора, то у таковыхъ деньги не примутся, а отдадутся они натурою». Такимъ образомъ, покупка рекрутъ производилась, какъ видно, сельскимъ начальствомъ за всѣхъ, пожелавшихъ избавиться отъ рекрутчины и внесшихъ нужную сумму. — Что покупка людей крѣпостными была не исключительною особенностію вотчинъ Орлова, видно изъ того, что кн. И. П. Оболенскій, который заимствовалъ изъ уложенія Орлова все, подходящее для его имѣній, сохранилъ всѣ статьи о покупкѣ людей, кромѣ приведеннаго нами въ концѣ правила о взносѣ денегъ на покупку рекрутъ. Это подтверждается еще словами одного помѣщика, присматривавшаго, по порученію Суворова, за его новгородскими вотчинами: «здѣсь говорятъ, писалъ онъ Суворову, что новгородцу (крестьянину) нужно въ 1-хъ.... (выскоблено въ подлинникѣ), во 2-хъ—*холопъ*, въ 3-хъ—земля.» Нѣкоторые крѣпостные крестьяне имѣли весьма значительное количество такихъ холоповъ. «Мнѣ говорили, разсказываетъ Пассенанъ, что одинъ крѣпостной гр. Шереметева владѣетъ 500 душъ крестьянъ.» Гагстгаузенъ также свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые крестьяне Шереметева (уже въ николаевскую эпоху) имѣли отъ 600 до 700 крѣпостныхъ.

Не въ одной Россіи бывали холопы у несвободныхъ людей, хотя въ XVIII в. этого, повидимому, нигдѣ не было въ западной Европѣ. Мы встрѣчаемъ указанія, что въ древней Греціи рабыни имѣли своихъ рабынь; гораздо болѣе извѣстій о томъ, что въ Римѣ рабы имѣли своихъ рабовъ (викаріевъ) и даже извѣстенъ случай, что такой викарій имѣлъ въ свою очередь своего раба-викарія. Освободить своего викарія рабъ могъ только съ согласія своего господина *). Въ началѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху Каролинговъ крестьяне (литы, колоны и проч.) иногда также имѣли своихъ рабовъ и точно также могли отпускать ихъ на волю только съ согласія господина; въ нѣкоторыхъ деревняхъ на одинъ крестьянскій дворъ приходилось отъ 4 до 9 рабовъ **). Любопытно, что на Кавказѣ, именно въ Грузіи, въ XVIII и

*) *Wallon*, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. P. 2 ed. 1879.

**) *Maurer*, Geschichte der Fronhöfe; *Bonnemère*, Histoire des paysans en France.

XIX в. крѣпостные могли имѣть своихъ крѣпостныхъ или рабовъ *).

Мы окончили обзоръ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ въ предѣлахъ его вотчины и нашли, что крестьяне были юридически людьми совершенно безправными предъ лицомъ помѣщика. Повинности крѣпостныхъ не были опредѣлены закономъ; имъ не было также дано право на земельный надѣлъ, и помѣщикъ могъ лишить ихъ земли точно также, какъ и отнять движимое имущество по своему усмотрѣнію; помѣщикъ могъ переселить крестьянъ, куда ему вздумается, могъ продать безъ земли по одиночкѣ, могъ женить по своему произволу; мало того, господинъ могъ сослать своего крестьянина на поселеніе и въ каторжную работу, могъ истязать его до полусмерти. Законъ преслѣдовалъ помѣщика лишь въ томъ случаѣ, если крѣпостной умретъ во время самыхъ истязаній или почти немедленно послѣ того. Неограниченному произволу помѣщика были противупоставлены только нѣкоторые установившіеся обычаи,—узда слишкомъ слабая для барскаго самодурства. Единственная обязанность помѣщика, опредѣленная закономъ, прокармливать своихъ крестьянъ во время голода — сплошь и рядомъ не была ими исполняема.

X.

Повинности крѣпостныхъ въ пользу государства: подушная подать, рекрутская повинность.— Права крѣпостныхъ.—Вольноотпущенные.

Теперь изъ тѣснаго круга отношеній въ предѣлахъ помѣщичьей вотчины мы должны выступить на болѣе обширную арену: взглянуть на отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ правительству, на ихъ права и обязанности, какъ членовъ государства, убѣдиться въ томъ, сохранилось ли за крѣпостными какое-нибудь значеніе въ обществѣ, или ихъ личность была совершенно заслонена лицомъ помѣщика.

Казенные крестьяне уплачивали два вида денежныхъ налоговъ: подушную подать и оброчный сборъ. Первый оставался неизмѣннымъ почти до самаго конца царствованія имп. Екатерины и ровнялся 70 коп. съ души (только въ началѣ установленія подушной подати она нѣсколькими копѣйками превышала эту сумму, а въ 1794 г. была возвышена до рубля). Въ та-

*) *Каланторовъ.* Крѣпостное право въ Грузіи въ началѣ настоящаго столѣтія. Тифлисъ. 1877 г.

комъ же размѣрѣ уплачивали подушную подать и крѣпостные крестьяне. Казенные, кромѣ того, вносили оброчный сборъ, увеличившійся со времени Петра Великаго до конца царствованія Екатерины болѣе чѣмъ въ 7 разъ — отъ 40 коп. до 3 р. съ души; у крѣпостныхъ крестьянъ этотъ сборъ замѣнялся барщинною повинностію или денежнымъ оброкомъ въ пользу помѣщика, при чемъ, какъ мы видѣли, въ концѣ царствованія Екатерины, наиболѣе обычный оброкъ равнялся 5 р.

И такъ крѣпостные крестьяне (въ томъ числѣ и дворовые) платили въ пользу государства подушную подать; этимъ они отличались отъ холоповъ до-петровской Руси, избавленныхъ отъ всякихъ государственныхъ сборовъ. Но и тутъ личность помѣщика какъ бы становилась между крѣпостными и помѣщикомъ: указомъ 1722 г. помѣщики были сдѣланы отвѣтственными передъ правительствомъ за аккуратный взносъ подушныхъ податей; тѣмъ не менѣе и послѣ того мѣстныя власти продолжали обращаться съ понужденіемъ о взносѣ къ самимъ крестьянамъ. По оффиціальному свидѣтельству это дѣлалось такимъ образомъ: когда наступалъ срокъ уплаты, изъ мѣстныхъ канцелярій не разъ посылали нарочныхъ съ повѣсткой, чтобы крестьяне несли подушныя деньги, и при этомъ «отъ взятья тѣми нарочно посланными подводъ и отъ прочихъ бываемыхъ при томъ расходовъ чинятся чувствительныя весьма крестьянству отягощенія, а какъ означенные сроки къ окончанію приходятъ, то еще нарочные посылаются въ уѣзды и забираютъ уже крестьянъ въ канцеляріи и держатъ подъ карауломъ за неплатежъ, отъ чего у крестьянъ сверхъ несносныхъ имъ отъ подводъ и прочаго убытковъ и самое то время пропадаетъ, когда бъ они обыкновенную свою крестьянскую домашнюю работу исправляли, и многіе чрезъ то и послѣдняго своего иждивенія лишаются.» Чтобы избавить крестьянъ отъ такихъ отягощеній, и въ то же время обезпечить исправное поступленіе въ казну податей, сенатъ, въ царствованіе Петра III, приказалъ, «чтобы подушныя деньги съ крестьянъ въ положенные сроки *собирали сами помѣщики,* кои въ деревняхъ живутъ, или прикащики-старосты и выборные, кому помѣщики прикажутъ», и сами бы приносили въ канцелярію; если же подушныя не будутъ внесены въ указанный срокъ, тогда на счетъ прикащиковъ, старостъ и выборныхъ посылать изъ канцеляріи нарочныхъ и наказывать ихъ нещадно батогами, подушныя же деньги взыскивать безъ послабленія. Такимъ обра-

зомъ, наказанію за недоимки должны были подвергаться прикащики, старосты и выборные, а не помѣщики. Тамъ, гдѣ дѣло шло о повинностяхъ, сенатъ, составленный изъ лицъ дворянскаго сословія, предоставилъ расплачиваться самимъ крестьянамъ, не безпокоя помѣщиковъ. Понятно, что и послѣ этого указа господа мало заботились о томъ, чтобы ихъ крестьяне имѣли возможность аккуратно вносить подати; какъ бы ни былъ тяжелъ оброкъ, помѣщикъ принуждалъ вносить его аккуратно въ извѣстные сроки, между тѣмъ, какъ въ государственныхъ податяхъ накоплялись недоимки за нѣсколько лѣтъ. Это вполнѣ оправдываетъ мѣру, принятую относительно помѣщиковъ, по винѣ которыхъ крестьяне оказывались неаккуратными во взносѣ платежей въ пользу государства: оно предписало секвестровать эти имѣнія, если деньги не будутъ внесены въ извѣстный срокъ, и, обложивъ крестьянъ оброкомъ, обращать его на уплату податей, а излишекъ зачитать въ погашеніе недоимки.

Однако же и послѣ того подушныя подати платились самими крестьянами. Распредѣленіе податей и помѣщичьяго оброка было тѣсно связано съ поземельнымъ раздѣломъ, но, тѣмъ не менѣе, подушныя подати всегда сбирались сверхъ оброка, т. е. не помѣщикъ платилъ ихъ изъ собраннаго оброка, а крестьяне вносили ихъ за себя чрезъ своихъ вотчинныхъ властей. Помѣщикъ обыкновенно ограничивался тѣмъ, что предписывалъ: «подушныя деньги платить въ узаконенные сроки, не ожидая понужденія на сіе отъ правительства. Въ платежѣ оныхъ брать квитанціи.» Правда, депутатъ Опочининъ, въ своемъ возраженіи Коробьину, сказалъ, что владѣльцы нерѣдко изъ своихъ денегъ уплачиваютъ подати за крестьянъ, но намъ не удалось встрѣтить ни одного факта въ подтвержденіе этого заявленія. О томъ, что подати, также какъ и оброкъ, раскладывались обыкновенно по тягламъ, было уже говорено.

Мы не знаемъ, кто чаще платилъ за дворовыхъ: крестьянскій ли міръ, или помѣщикъ; судя потому, что по уложенію Орлова, весьма популярному въ то время, крестьяне обязаны были платить подати за дворовыхъ, можно думать, что это было общимъ обыкновеніемъ. За купленныхъ крѣпостными крестьянами людей платили тѣ, кто ихъ купилъ.

Приведемъ нѣсколько свѣдѣній о сборѣ государственныхъ податей съ крѣпостныхъ крестьянъ въ западной Европѣ. Во Франціи эти подати были очень тяжелы и поглощали огромную часть

дохода крестьянина. Мы видѣли, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ наказовъ, крестьянинъ уплачивалъ въ видѣ налоговъ 1/6 сбора; въ Бургундіи 1/3 валового дохода; были случаи, что налоги поглощали даже половину дохода. — «Въ Пруссіи, также какъ и въ другихъ государствахъ нѣмецкихъ, говоритъ Самаринъ, никогда не прерывалась прямая связь между крѣпостнымъ сословіемъ и правительствомъ. Сама казна чрезъ своихъ чиновниковъ получала изъ рукъ крестьянъ бо́льшую часть податей и наряжала ихъ на исправленіе натуральныхъ повинностей. Конечно, и помѣщикъ не былъ безусловно устраненъ отъ денежной за нихъ отвѣтственности; но она падала на него, такъ сказать, косвенно и въ тѣхъ только случаяхъ, когда крестьяне приходили въ несостоятельность вслѣдствіе дознанныхъ съ его стороны вымогательствъ. Бо́льшая часть государственныхъ окладныхъ податей лежала на землѣ, притомъ именно на землѣ крестьянской, Bauerland, на тѣхъ участкахъ, которыми пользовались поселяне, остальная, господская (Vorwerksland, Hofsland) пользовалась въ этомъ случаѣ значительными привилегіями.» Въ Даніи господинъ былъ отвѣтственъ за исправную уплату государственныхъ податей, чрезъ это, какъ сказано въ свѣдѣніяхъ о положеніи крестьянъ, доставленныхъ въ коммиссію Уложенія, «устраняются притѣсненія отъ сборщиковъ податей, охотно приступающихъ къ экзекуціи, и господинъ, ради собственной своей пользы, щадитъ своихъ крестьянъ, такъ какъ, если бы они обѣднѣли и оставили землю, то ему пришлось бы самому нести всю тягость податей.» Напротивъ того, въ Шлезвигѣ и Гольштиніи поземельныя подати, лежащія на крестьянскихъ гуфахъ, вносилъ самъ господинъ. Въ собственной Австріи землевладѣлецъ, какъ сказано въ тѣхъ же матеріалахъ коммиссіи Уложенія, «распредѣляетъ (между своими крѣпостными) государственные налоги и онъ же собираетъ ихъ; это скорѣе бремя для господъ, нежели преимущество, такъ какъ онъ долженъ отвѣчать за всѣхъ своихъ неуплатившихъ крестьянъ. Впрочемъ, господинъ можетъ возвращать издержанное имъ съ помощію различныхъ строгихъ мѣръ: отправить къ крестьянамъ-недоимщикамъ военную экзекуцію, посадить ихъ въ тюрьму или продать все ихъ собственное имущество.» Напротивъ того, въ Богеміи и Моравіи господа не обязаны были отвѣчать за исправность взноса государственныхъ налоговъ ихъ крѣпостными, и королевскіе сборщики производили взысканія непосредственно съ крестьянъ.

Въ Польшѣ крѣпостные были издавна освобождены отъ всѣхъ повинностей въ пользу государства. Напротивъ, въ Малороссіи, въ половинѣ XVIII в., они платили въ казну небольшой сборъ. Въ Лифляндіи государственныя повинности лежали исключительно на крестьянской землѣ.

Уплата податей все-таки мало затрогивала интересы помѣщиковъ: правда они были отвѣтственны за аккуратный взносъ ихъ, но такъ какъ почти всегда оказывалось возможнымъ выбить подати изъ мужика, то баринъ въ этихъ случаяхъ былъ ни причемъ. Гораздо ближе затрогивала его достояніе рекрутская повинность, такъ какъ тутъ приходилось разстаться съ лишнею рабочею силою. Поэтому нѣкоторые помѣщики прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы эта повинность какъ можно легче ложилась на ихъ имѣніе. Такъ, напр., по оффиціальному извѣстію, въ курскомъ намѣстничествѣ нѣкоторые помѣщики во время рекрутчины отвозили всѣхъ молодыхъ и годныхъ людей въ другія деревни и потомъ ссылались на то, что у нихъ нѣтъ человѣка, котораго можно было бы сдать въ рекруты; другіе фиктивно раздѣляли свое имѣніе между женою, дѣтьми и даже посторонними лицами, такъ какъ рекрутъ ставили только имѣющіе болѣе 20 душъ *) и, такимъ образомъ, изъ имѣній, въ которыхъ крестьянъ было немногимъ болѣе этого количества, иногда приходилось давать рекрута два года сряду, а болѣе крупные владѣльцы избѣгали этого въ продолженіи нѣскольскихъ наборовъ. Наконецъ, помѣщики, владѣвшіе имѣніями въ другихъ губерніяхъ, объявляли, что будутъ тамъ исполнять рекрутскую повинность за всѣхъ своихъ крестьянъ. Во избѣжаніе этихъ мошенническихъ продѣлокъ, орловскому и курскому намѣстнику, Прозоровскому, пришлось установить подробныя правила о раскладкѣ рекрутской повинности между помѣщичьими имѣніями. Сенатъ запретилъ помѣщикамъ, за которыми была очередь ставить рекрута, приписывать своихъ крестьянъ для отправленія повинности къ населенію деревень, находящихся въ другихъ мѣстностяхъ. По поводу того, что въ симбирской губерніи, какъ и въ курской, владѣльцы,

*) Относительно мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ генеральномъ учрежденіи о рекрутчинѣ (1766 г.) было постановлено, что они дѣлаютъ складчину и вознаграждаютъ деньгами того, кто поставитъ рекрута. Кому давать рекрута натурою, рѣшалось жребіемъ, въ которомъ однако не принимали участія имѣвшіе менѣе 20 душъ. Такъ какъ казенная цѣна рекрута при Екатеринѣ до 1786 г. равнялась 120 р. и была ниже дѣйствительной его стоимости, то всегда было выгоднѣе заплатить свою часть деньгами, чѣмъ поставить рекрута.

для уклоненія отъ рекрутской повинности, производили фиктивный раздѣлъ имѣнія между нѣсколькими наслѣдниками, сенатъ приказалъ не обращать на такіе раздѣлы вниманія и разсматривать подобныя имѣнія относительно рекрутской повинности, какъ принадлежащія одному лицу.

Но какъ ни уклоняйся отъ дачи рекруть, въ концѣ концовъ, обыкновенно приходилось покрыть числящуюся на имѣніи рекрутскую недоимку. Помѣщики, не желавшіе прибѣгать ни къ какимъ уловкамъ, установляли точныя правила относительно рекрутчины въ своихъ уложеніяхъ и инструкціяхъ. Орловъ предписывалъ, чтобы предъ всякимъ рекрутскимъ наборомъ доносили конторѣ, сколько на лицо рекрутскихъ квитанцій и за сколько душъ слѣдуетъ ставить рекрутъ натурою; для рекрутской повинности въ его имѣніяхъ составлялась особая очередная книга, которой онъ и предписывалъ держаться. Остальныя правила его—о сдачѣ въ рекруты людей порочныхъ, о желающихъ купить за себя рекрута и о наказаніи за уклоненіе отъ рекрутчины—намъ уже извѣстны. Раскладка рекрутской повинности, установленіе очереди производилось міромъ, но, какъ видно, тутъ сильное вліяніе имѣлъ голосъ и мѣстнаго вотчиннаго начальства. Въ самыхъ первыхъ своихъ приказахъ, гр. В. Орловъ, дозволяя отдавать безъ очереди пьяницъ, воровъ и гулякъ, запрещалъ притѣснять бѣдныхъ «добраго житія» и грозилъ за это начальникамъ и вообще виновнымъ въ томъ жестокимъ наказаніемъ. Онъ старался также, чтобы на богатыхъ рекрутская повинность ложилась тяжелѣе, чѣмъ на бѣдныхъ. Въ томъ же приказѣ онъ писалъ: «съ нѣкоторыми крестьянами (изъ разныхъ своихъ вотчинъ) говорилъ я и разсуждалъ, чтобы первостатейные или лучшаго состоянія крестьяне, при раскладкѣ рекрутъ, несли болѣе тягостей, нежели бѣдные; они добровольно на оное согласились, и я надѣюсь, что и другіе первостатейные въ ономъ спорить не будутъ. Маковкинъ (какой-то богатый крестьянинъ Орлова) обѣщалъ добровольно во всякій рекрутскій наборъ ставить по рекруту, имѣя только три души оплачивать. Я его похвалилъ ревность.» Вѣроятно, ревности «первостатейныхъ» хватило не на долго, потому что въ уложеніи Орлова уже нѣтъ и помину о бо́льшихъ пожертвованіяхъ со стороны богатыхъ.—Помѣщикъ, а въ отсутствіе его вотчинныя власти имѣли огромное вліяніе на отдачу крестьянъ въ рекруты; это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ неизвѣстнаго автора записки, присланной въ Вольное Экономическое Общество

«о спокойствіи духа помѣщичьихъ подданныхъ.» «Въ рекрутскую отдачу не ловятъ у меня по прихотямъ, говоритъ онъ, но по моей переписи идутъ въ жеребій прежде большія семьи напр.... тѣ, въ которой семьѣ 9 мужскихъ душъ; когда оныя выйдутъ, то пойдутъ тѣ, въ которыхъ 8 душъ и т. д., посему, во время рекрутскаго набора, когда почти во всѣхъ уѣздахъ крестьяне бѣгаютъ и укрываются, семьи ихъ воютъ и ихъ куютъ: *иныхъ ради взятокъ, иныхъ въ отомщеніе за досаду и ради всякихъ другихъ прихотей*,—у меня тогда готовятся только тѣ очередныя семьи, а прочія всѣ, гдѣ меньше душъ, такъ спокойны, какъ будто бы и не было рекрутскаго набора.»

Болтинъ свидѣтельствуетъ, что «многіе крестьяне, по общему согласію между собою», несутъ рекрутчину не натурою, а покупаютъ рекрутъ; тогда, говоритъ онъ, при обыкновенномъ наборѣ, по одному человѣку съ 500 душъ, придется заплатить съ тягла рубля по два или немного болѣе. Суворовъ же въ своихъ имѣніяхъ вовсе запретилъ сдавать рекрутъ натурою, а приказалъ всегда покупать ихъ, и такимъ образомъ переложилъ натуральную повинность въ денежную. При этомъ на покупку каждаго рекрута онъ давалъ изъ своихъ денегъ подмоги по 75 р. Однажды въ 80-хъ годахъ, для двухъ его вотчинъ, въ которыхъ было 982 души, было куплено три рекрута по 350 р. за каждаго. Крестьяне, однако, находили такой денежный расходъ слишкомъ для себя обременительнымъ и просили не покупать остальныхъ рекрутъ, а поставить изъ свой вотчины; другіе просили сдать въ рекруты какого-то бобыля. Недовольство крестьянъ, по всей вѣроятности, имѣло основаніе: для вотчинъ зажиточныхъ, гдѣ крестьяне занимались какимъ либо промысломъ, переложеніе рекрутчины въ денежную повинность могло быть дѣйствительно полезно; но въ такихъ случаяхъ сами мужики безъ всякаго понужденія покупали рекрутъ. Въ бѣдныхъ же вотчинахъ лишній сборъ въ 2 р. съ тягла дѣйствительно могъ быть не по силамъ. Это не исключаетъ, впрочемъ, возможности случаевъ, гдѣ міръ, руководимый кулаками, тѣснилъ бѣдняковъ, несправедливо сдавалъ ихъ въ рекруты, и потому былъ недоволенъ переложеніемъ натуральной повинности въ денежную, которую приходилось по приказу Суворова разверстывать «по имуществу каждаго всѣмъ міромъ.» Какъ бы то ни было, Суворовъ былъ неумолимъ. Онъ объявилъ, что не позволяетъ сдавать въ рекруты даже и въ видѣ наказанія. Крестьяне, однако, умудрялись иногда тайкомъ,

вопреки господской волѣ, сдавать въ военную службу кой-кого изъ своихъ. Въ донесеніи изъ одной вотчины Суворова было сказано, что какой-то крестьянинъ, «убоясь солдатчины», отрубилъ себѣ палецъ; по этому поводу спрашивали господина, что̀ съ нимъ дѣлать. Суворовъ написалъ: «вы его грѣху причина. Впредь не налегайте. За это васъ самихъ буду сѣчь. Знать онъ слышалъ, что отъ меня не велѣно въ натурѣ рекрутъ своихъ отдавать, а покупать ихъ міромъ на сторонѣ, чтобы рекрутчины никто не боялся. Развѣ не помните, что въ третьемъ годѣ я у васъ засталъ? *За недоимку по налогамъ вы управляли людей въ рекруты*, за что и были отъ меня наказаны. Если впредь еще хоть чуть что будетъ, я отдамъ старосту въ рекруты.» Другіе сельскіе хозяева, напротивъ того, не одобряли замѣны рекрутчины денежнымъ оброкомъ: «всегда полезнѣе для общей пользы деревни, писалъ Болотовъ, лишиться человѣка, нежели вдругъ отяготить крестьянъ великою для нихъ суммою.» Болотовъ совѣтовалъ помѣщикамъ оказать помощь крестьянамъ, когда необходимо сдѣлать «складку» на рекрута. Если вѣрить словамъ депутата Бровцына, возражавшаго на мнѣніе Коробьина, помѣщики такъ иногда и дѣлали, особенно же во время войны съ Пруссіею, когда «платили за складку къ рекруту по 2 и по 3 р. съ души.»

Даже и въ томъ случаѣ, когда рекрутская повинность была исполняема натурою, она сопровождалась нѣкоторыми денежными расходами: по словамъ Болтина, на снабженіе рекрута платьемъ, обувью, провіантомъ до распредѣленія по полкамъ, на доставку рекрута въ городъ и другіе мелкіе расходы нужно отъ 25 до 30 р., что̀, по его вычисленію, составляло на тягло отъ 15 до 20 коп. По уложенію Орлова, слѣдовало давать каждому рекруту «на платье и въ награжденіе» по 30 р.

Кромѣ рекрутской, крѣпостные крестьяне несли и другія натуральныя повинности: дорожную, постойную, подводную и проч. Не останавливаясь здѣсь долѣе на этомъ вопросѣ, такъ какъ въ этомъ отношеніи они раздѣляли судьбу всѣхъ остальныхъ крестьянъ, мы упомянемъ только о злоупотребленіяхъ, связанныхъ съ постоемъ солдатъ. Составители наказа обонежской пятины, новгородскаго уѣзда, жаловались, что стоящія на непремѣнныхъ квартирахъ войска, чинятъ такія притѣсненія жителямъ: «крестьяне, если нѣтъ самихъ помѣщиковъ по близости, принуждены какъ будто добровольно давать подводы для перевозки провіанта,

мостить конюшни и крыть ихъ своею соломою, которая, вслѣдствіе неурожая хлѣба, и самимъ имъ очень нужна для прокормленія скота; стоящихъ же солдатъ, кромѣ ихъ провіанта, хозяева нѣкоторые по согласію, а другіе неспокойныхъ по необходимости принуждены довольствовать харчемъ и солью безденежно, не упоминая о прочихъ приметкахъ и ссорахъ по амбиціи солдатской, яко бы въ непочтеніи и въ неучтивости отъ хозяевъ къ стоящимъ; ротные же командиры и прочіе субалтернъ-офицеры, по рангамъ ихъ, берутъ себѣ квартиры, гдѣ двухъ избъ нѣтъ, высылая хозяевъ совсѣмъ вонъ, которые, лишась своихъ домовъ, принуждены скитаться съ женами и съ дѣтьми по чужимъ дворамъ», поэтому помѣщики многихъ мѣстностей просили о постройкѣ въ уѣздахъ казармъ для постоя войскъ. Но эти желанія объ избавленіи крестьянъ отъ постойной повинности и до сихъ поръ еще не приведены въ исполненіе; поэтому Суворовъ поступилъ весьма благоразумно, построивъ въ одномъ изъ своихъ имѣній казармы для постоя солдатъ.

И такъ крѣпостные крестьяне, работая на барщинѣ для господина или внося ему оброкъ, въ то же время несли и всѣ государственныя повинности, кромѣ оброчнаго сбора. Посмотримъ теперь, что же давало имъ государство въ вознагражденіе за ту службу, которую они на него несли. Прежде всего оно должно было бы защищать крѣпостнаго крестьянина отъ различныхъ злоупотребленій со стороны помѣщика; но мы видѣли, что оно оставило его въ этомъ отношеніи совершенно безправнымъ и обыкновенно вмѣшивалось въ отношенія господина къ его крѣпостному только тогда, когда дѣло доходило до смертоубійства. Во всякомъ случаѣ, для раскрытія злоупотребленій помѣщика крѣпостнымъ слѣдовало дать право жаловаться на помѣщика въ присутственныя мѣста, а, между тѣмъ, при Екатеринѣ II, въ 1767 г., имъ было окончательно запрещено подавать какія бы то ни было жалобы на своего господина.

Произволъ помѣщика былъ ограниченъ только указомъ Петра В. объ отдачѣ въ опеку имѣній тѣхъ владѣльцевъ, которые раззоряли своихъ крестьянъ; хотя и рѣдко, но все-таки иногда онъ примѣнялся къ дѣлу. Имп. Екатерина въ «Учрежденіи о губерніяхъ» возложила на намѣстника обязанность «пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и раззорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранства и жестокость.»

Какими же правами пользовались крѣпостные, какъ члены государства? Упомянемъ прежде всего, что когда при Екатеринѣ II всѣ свѣтскія сословія государства приглашались прислать своихъ представителей для великаго дѣла составленія новыхъ законовъ, только крѣпостные лишены были этого права, между тѣмъ, какъ во Франціи въ 1789 г. сервы принимали участіе въ выборахъ и составленіи cahiers (Карѣевъ, 364).—Крестьяне не могли жаловаться на своихъ помѣщиковъ, но это еще не значило, чтобы по закону они не имѣли права сами за себя искать и отвѣчать въ гражданскихъ дѣлахъ. Однако же нѣкоторые помѣщики прямо запрещали своимъ крестьянамъ самимъ начинать иски. В. Орловъ постановилъ такое правило въ своемъ уложеніи: «Всѣмъ рядовымъ крестьянамъ запрещается входить самимъ въ тяжебныя дѣла. Если они живутъ дома, то относились бы по онымъ къ начальству своему, а начальство, разсмотря и посовѣтуясь съ смышленными людьми—или самъ проситель сіе сдѣлаетъ—представляло бы въ контору мою. Ежели же проситель находится въ отлучкѣ и неудобно ему просить начальство вотчинное, въ такомъ случаѣ позволяется ему просить о дѣлѣ своемъ въ конторѣ моей или въ Петербургѣ того, кому поручено отъ меня главное смотрѣніе надъ крестьянами.»—Помѣщикъ отвѣчалъ за убытки, причиненные его крестьяниномъ, за то и крѣпостнымъ приходилось иногда жестоко платиться за преступленія, совершенныя по прямому приказу господина, напр. за участіе въ вооруженномъ наѣздѣ, содѣйствіи помѣщику при жестокихъ истязаніяхъ другихъ его людей и т. п. — Вознагражденіе за безчестіе крѣпостнымъ было назначено Уложеніемъ Алексѣя Михайловича одинаковое съ казенными крестьянами. — Занимать деньги подъ вексель было запрещено всѣмъ крестьянамъ, а подъ заемное письмо крѣпостные могли брать только съ дозволенія помѣщика, также какъ для остальныхъ крестьянъ нужно было дозволеніе ихъ начальства.— Въ 1774 г., въ отмѣну прежнихъ постановленій, запрещавшихъ крестьянамъ вступать въ подряды и откупа, дозволено было допускать къ винному откупу крѣпостныхъ людей и крестьянъ, но только такихъ, за которыхъ надежные помѣщики поручатся, что они будутъ исправны въ платежѣ денегъ *).—Въ первой по-

*) Впрочемъ, еще въ 1758 г. крестьянамъ было дозволено брать на себя поставку провіанта, но только „обществомъ, цѣлыми волостями, селами и деревнями“ и при томъ крѣпостные должны были представить письменное свидѣтельство помѣщика, что имъ вѣрить можно.

ловинѣ XVIII вѣка крѣпостные крестьяне, занимавшіеся торговлею па извѣстную сумму, могли записываться въ города, платя подати въ казну наравнѣ съ посадскими и въ то же время продолжая платить оброкъ помѣщику, при чемъ помѣщикъ не долженъ былъ облагать ихъ оброкомъ выше того, что платили его деревенскіе крестьяне; но указомъ 1762 г., изданномъ при Петрѣ III, для этого требовалось уже увольнительное письмо отъ помѣщика; при Екатеринѣ, въ 1777 г., это было подтверждено. Такимъ образомъ, вступленіе крѣпостныхъ въ купечество зависѣло уже не отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія, какъ было прежде, а отъ согласія помѣщика. Противъ этого закона возставалъ Сиверсъ, желая, чтобы крестьяне могли записываться въ это сословіе и безъ согласія владѣльцевъ.—Всякая отлучка крестьянина изъ вотчины также требовала разрѣшенія помѣщика. Въ 1724 г. было запрещено крестьянину отлучаться безъ письменнаго вида отъ помѣщика и притомъ даннаго на срокъ, а для всякой отлучки далѣе 30 верстъ, въ другіе уѣзды, недостаточно было и дозволенія одного помѣщика, а требовалась сверхъ того подпись земскаго коммиссара и полковника. Съ 1744 г., велѣно было уходящимъ далѣе 30 верстъ брать печатные паспорты отъ губернаторовъ и воеводъ, конечно, съ согласія помѣщика; изъ этого правила исключались только судорабочіе, для которыхъ было достаточно пропуска отъ помѣщика, прикащика или старосты. Предписаніе брать печатные паспорты, какъ весьма стѣснительное, нарушалось и потому объ исполненіи его приходилось подтверждать и при Екатеринѣ II. Такимъ образомъ, отъ помѣщика вполнѣ зависѣло отпустить или не отпустить крестьянина въ отхожій промыселъ и господа пользовались этимъ правомъ. Орловъ въ своемъ уложеніи постановилъ: по паспортамъ увольнять только крестьянъ хорошаго поведенія, а порочныхъ, т.-е. такихъ, которые «что ни пріобрѣтутъ—промотаютъ», не увольнять; въ неотдаленныя же мѣста позволяется давать письменные виды за подписью бурмистра и съ приложеніемъ печати господина. Въ Херсонъ и тамошній край В. Орловъ не позволилъ давать паспортовъ безъ его согласія, такъ какъ въ той сторонѣ «много людей пропадаетъ разными случаями: иные тамъ вовсе остаются, иные отъ пьянства и другихъ пороковъ погибаютъ.» Что крестьяне подвергались у нѣкоторыхъ помѣщиковъ большимъ стѣсненіямъ относительно отхожихъ промысловъ, видно, между прочимъ, и изъ слѣдующихъ словъ Болотова: «Отпусканіе въ работу

не только затяглыхъ, но и тягловыхъ нужно въ осеннее и зимнее время, и потому не малымъ для нихъ отягощеніемъ бываетъ, если гдѣ ни одинъ человѣкъ и никогда въ работу не отпускается.»

И такъ оказывается, что внѣ вотчины своего господина крепостные были почти столь же безправными, какъ и въ ихъ предѣлахъ: юридически они не лишены были права искать за себя въ гражданскихъ дѣлахъ, но фактически едва ли имъ пользовались; не потеряли также права быть свидѣтелями на судѣ; выдавать же заемныя письма, вступать въ купечество, идти на заработки могли только съ дозволенія помѣщика, а брать на себя откупъ—лишь за его поручительствомъ. Прибавимъ еще къ тому, что имъ, какъ и остальнымъ, несущимъ подушную подать, была отрѣзана дорога къ среднему и высшему образованію, и что поступать въ духовное званіе (какъ въ число бѣлаго, такъ и чернаго духовенства) они также могли лишь по увольненіи отъ помѣщика, который тогда долженъ былъ принять на себя уплату подушной подати.

Мы подошли, такимъ образомъ, къ вопросу: какія были средства избавиться отъ крѣпостной зависимости для человѣка, имѣвшаго несчастіе быть крѣпостнымъ? Всего чаще крѣпостные смѣняли зависимость отъ помѣщика на солдатскую лямку. При этомъ, дѣйствительно, не только отданный въ солдаты переставалъ быть крѣпостнымъ, но и его жена дѣлалась свободною; но мы знаемъ, что крѣпостной не могъ сдѣлаться солдатомъ по своему желанію и что это вполнѣ зависѣло отъ господина. Слѣдуетъ еще замѣтить, что такъ какъ отставные солдаты обязаны были избрать опредѣленный родъ занятій, то иногда они вновь попадали въ крѣпостную зависимость. Въ «Учрежденіи о монастырскихъ имѣніяхъ» (1764 г.) было сказано, что отставные солдаты, пожелавшіе возвратиться къ своему помѣщику и принятые имъ, должны оказывать ему полное повиновеніе, и при ревизіяхъ они записывались въ подушный окладъ за господиномъ. Что касается солдатскихъ дѣтей, то въ томъ же году въ полковничьей инструкціи было постановлено общимъ правиломъ, что прижитыя до службы принадлежатъ помѣщикамъ, а рожденныя, когда отецъ былъ солдатомъ, причисляются къ военному вѣдомству и должны быть опредѣляемы на службу.

Точно также, какъ при сдачѣ въ рекруты, крѣпостной освобождался отъ власти господина и при ссылкѣ на поселеніе въ зачетъ рекрутъ; мы видѣли, что при этомъ по закону помѣщикъ

долженъ былъ отправлять съ нимъ и жену, хотя это не всегда исполнялось; дѣтей же могъ оставить въ своемъ имѣніи. Но, разумѣется, и въ томъ случаѣ дѣти, рожденныя уже въ Сибири, были свободны. Мы видимъ, что какъ ни тяжело было переселеніе за нѣсколько тысячъ верстъ, нѣкоторые освободившіеся такимъ образомъ крѣпостные предпочли бы свое новое положеніе прежней жизни, если бы только ихъ не разлучали съ семьями.

Иногда крѣпостные получали свободу въ наказаніе владѣльцу за его провинность или даже преступленіе; такъ, за прописку душъ при ревизіи, т. е. укрываніе людей отъ записки въ подушный окладъ, велѣно было отбирать деревни, а если того и не было сдѣлано, то, по крайней мѣрѣ, донесшій о прописке получалъ свободу. Намъ извѣстенъ также одинъ случай, что крѣпостной при Екатеринѣ II получилъ свободу вслѣдствіе того, что господинъ принудилъ его принять на себя небывалое преступленіе.

Извѣстно, что при Екатеринѣ весьма многія села были обращены въ города; если эти села прежде принадлежали помѣщику, то они покупались правительствомъ и, такимъ образомъ, крѣпостные обращались въ свободныхъ мѣщанъ (часто ли они выигрывали при этомъ—это другой вопросъ).

Но всѣ эти средства освобожденія, также какъ и отпускъ на волю самимъ помѣщикомъ, были совершенно случайныя и вовсе не зависѣли отъ воли крѣпостнаго. Въ прежнее время, если не для крестьянъ, то для дворовыхъ, было еще одно законное средство избавиться отъ власти помѣщика: при Петрѣ В. дворовые могли, не спрашивая разрѣшенія своихъ господъ, поступать въ военную службу; но по смерти Петра, въ 1727 г., это было запрещено. Когда въ 1742 г. многіе крѣпостные люди, бѣжавъ отъ помѣщиковъ, подавали императрицѣ просьбы о принятіи на службу, ихъ частію наказывали кнутомъ, частію ссылали на каторгу въ Сибирь; вмѣстѣ съ тѣмъ было вновь объявлено, чтобы крѣпостные не осмѣливались покидать своихъ господъ въ надеждѣ быть записанными, какъ тогда говорили, «въ вольницу».

Крѣпостные, скопившіе деньженки какими-нибудь промыслами или торговлею, могли, конечно, предложить помѣщику выкупъ за себя и свое семейство, но отъ господина вполнѣ зависило какъ согласіе вообще на эту сдѣлку, такъ и назначеніе цѣны даруемой свободы, а нѣкоторые помѣщики, напр. Шереметьевъ, обыкновенно не дозволяли выкупа, какъ видно, поставляя свою

гордость въ томъ, чтобы имѣть въ своей власти богатыхъ людей, иногда даже имѣющихъ нѣсколько сотъ своихъ холоповъ. Необходимо было опредѣлить закономъ размѣръ суммы, за которую крѣпостной могъ бы выкупаться и противъ желанія помѣщика,—этого и требовали люди, подобные Сиверсу, — но имп. Екатерина не рѣшилась даже на это ничтожное ограниченіе помѣщичьей власти. Случилось во второй половинѣ XVIII в., что помѣщики предлагали всей своей вотчинѣ выкупиться на свободу; такъ, кн. П. Репнинъ назначилъ за выкупъ своей ярославской вотчины, въ которой было 2500 душъ, со всѣми землями и угодьями 60.000 р., т. е. по 24 р. за душу—цѣна по тому времени умѣренная; но крестьяне не могли собрать такихъ денегъ. При выкупѣ по одиночкѣ цѣна была гораздо выше, особенно если крѣпостной зналъ какое-нибудь ремесло или былъ надѣленъ какими либо талантами.

Въ какомъ же положеніи находились выкупившіеся на свободу или отпущенные самимъ помѣщикомъ, разумѣя при этомъ освободившихся по одиночкѣ, а не цѣлыми вотчинами? Вольноотпущенные въ теченіи года должны были избрать себѣ опредѣленный родъ занятій: записаться въ купцы, въ мѣщане, идти въ солдаты или, наконецъ, вновь сдѣлаться крѣпостнымъ другаго помѣщика,—государство XVIII в. не терпѣло вольныхъ гулящихъ людей. Но въ 1775 г. вольно-отпущеннымъ было запрещено вновь дѣлаться крѣпостными.

Подати до новой ревизіи за вольно-отпущенныхъ долженъ былъ платить помѣщикъ, и это было несомнѣнно однимъ изъ препятствій къ освобожденію. Правда, случалось, что императрица приказывала немедленно исключить вольно-отпущенныхъ изъ подушнаго оклада, но, повидимому, это дѣлалось только для лицъ, имѣвшихъ связи при дворѣ и, слѣдовательно, располагавшихъ возможностію исходатайствовать относительно этого именной указъ императрицы. Въ видѣ же общей мѣры для поощренія освобожденія, правительство при Екатеринѣ ограничилось такою бездѣлицею, какъ уничтоженіе (въ 1777 г.) сбора пошлинъ съ явки отпускныхъ на людей, увольняемыхъ на свободу.

На основаніи манифеста 1775 г. вольно-отпущенные должны были при новой ревизіи заявлять, что они желаютъ поступить на службу или записаться въ мѣщане, купцы. Оказалось, однако, что многіе изъ нихъ не желаютъ увеличивать численность нашего tiers état, не хотятъ быть ни купцами, ни мѣща-

нами, не вступаютъ также и на службу, а желаютъ приписаться въ государственные крестьяне. Когда петербургская казенная палата въ 1785 г. подняла вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли имъ это дозволять, сенатъ разрѣшилъ его утвердительно, предписавъ только палатѣ наблюдать, «чтобы не было въ тѣхъ селеніяхъ, куда они о причисленіи себя просятъ, по числу душъ въ земляхъ и угодьяхъ никакого недостатка, дабы не сдѣлать чрезъ то прежнимъ жителямъ утѣсненія». Чтобы быть записанными въ казенное селеніе, вольно-отпущенные, кромѣ своихъ отпускныхъ, должны были представлять мірской приговоръ отъ крестьянъ того селенія, что они «въ общество ихъ принять, казенныя подати платить и земляным участкомъ удовольствовать согласны». Петербургское губернское правленіе въ 1788 г. опять усомнилось, полезно ли дозволять приписку вольно-отпущенныхъ къ казеннымъ волостямъ, на томъ основаніи, что крестьяне только для того заманиваютъ вольно-отпущенныхъ приписаться къ нимъ, чтобы потомъ сдать ихъ въ рекруты, а иногда даже во время набора покупаютъ людей у помѣщиковъ, а съ другой стороны случается, что и вольно-отпущенные, промотавъ полученныя ими въ награжденіе деньги, скрываются и обманываютъ крестьянъ. Но сенатъ вновь подтвердилъ прежнее разрѣшеніе. Наконецъ, черезъ четыре года послѣ того именнымъ указомъ было объявлено, что вольно-отпущенные могутъ повсемѣстно приписываться къ казеннымъ селеніямъ, а послѣднія сдавать ихъ въ рекруты.

В. И. Семевскій.

Русская земельная община.

VII *).

Личный составъ и организація общинныхъ союзовъ.

Всякій общинный союзъ, разсматриваемый чисто съ внѣшней стороны, представляетъ группу лицъ различныхъ возрастовъ, состояній и положеній. Это, повидимому, какая-то смѣсь людей во всемъ томъ разнообразіи, какое только можетъ дать современная русская деревня. Тутъ рядомъ съ отживающимъ свой вѣкъ старикомъ начинаетъ свою жизнь зеленая молодежь, бокъ-о-бокъ съ богачами встрѣчаются положительные бѣдняки, люди одинокіе, семейные, женщины, дѣти, всѣ, всѣ, однимъ словомъ, въ общей своей массѣ составляютъ этотъ сборъ деревенскаго люда. Неравенство имущественныхъ состояній, неравенство по отношенію къ тому нравственному почету, которымъ пользуется каждая отдѣльная личность въ общественномъ мнѣніи, неравенство физическое: въ одномъ случаѣ—избытокъ силъ, въ другомъ—явная захудалость, одинаково уживаются здѣсь на ряду одно съ другимъ и чередуются, какъ чередуются они и вообще въ человѣческой жизни. Но, всматриваясь нѣсколько ближе и глубже въ это внѣшнее, хотя и не очень рѣзкое, но все-таки несомнѣнное разнообразіе личнаго состава общинныхъ союзовъ, легко уловить, при самомъ поверхностномъ даже взглядѣ на дѣйствительность, и такія черты, которыя придаютъ общиннымъ союзамъ особенно своеобразный и цѣлостный характеръ. Общинный союзъ оказывается въ такомъ случаѣ уже не конгломератомъ, не смѣсью ничѣмъ не связанныхъ между собою личностей, а живымъ, органическимъ цѣлымъ.

*) См. май, іюнь, іюль и августъ.

Разсматриваемые по отношенію къ своему внутреннему составу, общинные союзы представляютъ собою прежде всего союзы трудящихся личностей. Единоличный и общественный трудъ этихъ личностей служитъ тѣмъ связующимъ элементомъ, который объединяетъ ихъ въ одну общую компактную группу. Старики и дѣти, женщины и мущины, заурядные общинники и личности выдающіяся—всѣ въ этомъ отношеніи являются лишь отдѣльными частями одного общественнаго механизма. Трудовое начало составляетъ въ такомъ видѣ основную черту общинной жизни и отражается положительно на всемъ—и на личной жизни общинника, и на его семейномъ положеніи, и на его принадлежности къ той или другой части общиннаго союза, и, вообще, на его участіи въ самомъ этомъ союзѣ. Народъ пріурочиваетъ къ этому началу всѣ важнѣйшіе случаи своей жизни, измѣряя и провѣряя ими и свои обыденныя семейныя отношенія, и отношенія общественнаго характера. Тотъ, у кого отодвигается на задній планъ трудовая дѣятельность, кто замѣняетъ ее наживою на счетъ ближняго, является, съ народной точки зрѣнія, отщепенцемъ и врагомъ общины. Это—торгашъ, кабатчикъ, кулакъ, міроѣдъ, и ни нравственныя чувства общинника, ни его идеальныя воззрѣнія на общественныя отношенія не позволяютъ ему видѣть въ этихъ людяхъ своихъ естественныхъ союзниковъ и близкихъ, по основнымъ жизненнымъ цѣлямъ, сожителей. Такимъ образомъ, трудовое начало придаетъ особую окраску общиннымъ союзамъ русскаго народа, окраску, предъ которой стушевываются всѣ внѣшнія черты и различія этихъ союзовъ.

Но трудовое начало — не единственный факторъ общинной жизни. Имъ далеко не исчерпывается все разнообразіе разныхъ проявленій этой послѣдней. Оно не играетъ совершенно самостоятельной и независимой роли. Напротивъ, оно служитъ лишь орудіемъ, при помощи котораго достигаются наиболѣе справедливыя отношенія людей. Стало быть, въ такомъ видѣ оно имѣетъ только относительное значеніе и играетъ соподчиненную роль. Вся суть оказывается собственно въ тѣхъ нравственныхъ основаніяхъ, на которыхъ держится и которыми регулируется общинная жизнь русскаго народа. И вотъ, разсматриваемые съ этой послѣдней точки зрѣнія общинные союзы представляютъ собою крайне оригинальныя проявленія народнаго разума и воли. Союзы эти являются коллективными организмами, имѣющими свои ясно опредѣленныя функціи и живущими внутреннею са-

мобытною жизнію. Народная масса оказывается сплоченною въ нихъ не внѣшнимъ образомъ, не механически, а тою внутреннею ассоціаціонною связью, которую можно назвать довольно неопредѣленнымъ именемъ «общиннаго начала». Народъ руководится въ своей жизни и отношеніяхъ не писанными законами, не гражданскимъ кодексомъ, даже не религіозною моралью, а тѣми обычными правилами, которыя дали ему его историческая жизнь и опытъ. На этихъ правилахъ держится общественное мнѣніе, ими регулируется взаимная круговая порука и обезпеченіе общинниковъ, ими, вообще, оформляются всѣ важнѣйшія отношенія частной и общественной жизни народа, и если можно было бы свести всѣ эти правила къ одному общему знаменателю, то такимъ знаменателемъ несомнѣнно оказалась бы общинная солидарность, какъ высшая гарантія наиболѣе справедливыхъ отношеній.

И такъ, на сколько бы разнообразными ни казались общинные союзы по своимъ внѣшнимъ признакамъ и отличіямъ,—имъ свойственны такія двѣ черты, которыя собственно и составляютъ ихъ «душу живу». Это, во-первыхъ, широкое значеніе въ ихъ жизни трудоваго начала и, во-вторыхъ, премирующая роль общинной солидарности. Благодаря этимъ чертамъ, общинные союзы оказываются не смѣсью разнаго рода личностей, связанныхъ между собою искусственно, механически, однимъ лишь мѣстожительствомъ или отбываніемъ повинностей, а самостоятельными общественными организмами. Въ такомъ видѣ они имѣютъ свой обычный кодексъ общественной и частной нравственности, какъ продуктъ историческаго прошлаго и опыта, и живутъ единою внутреннею самобытною жизнію. Но разсмотримъ предварительно ихъ составъ и организацію и затѣмъ уже перейдемъ къ опредѣленію болѣе общихъ и основныхъ чертъ и особенностей.

Подобно тому, какъ и общинно-земельныя формы, общинные союзы также можно отнести, по ихъ строенію и организаціи, къ двумъ главнымъ видамъ—къ простому и сложному. Въ составъ первыхъ входятъ такіе союзы, населеніе которыхъ имѣетъ только одно опредѣленное мѣстожительство; ко вторымъ, наоборотъ, нужно причислить союзы, охватывающіе собою цѣлыя группы поселочныхъ мѣстъ. Затѣмъ рядомъ съ первыми и вторыми встрѣчается масса другихъ разновидностей, представляющихъ безпрерывную варіацію основныхъ видовыхъ формъ. Такъ, существуютъ общины, носящія характеръ федеративныхъ сою-

зовъ, есть общины съ сильно развитыми центральными пунктами мѣстожительства, къ которымъ, какъ къ главному ядру общиннаго населенія, тяготѣетъ населеніе мелкихъ второстепенныхъ поселочныхъ формъ, бываютъ однопоселочныя общины, дробящіяся на болѣе или менѣе обособленныя части «по кутъкамъ», «улицамъ» или «краямъ» и пр. пр. Вообще можно сказать, что между людьми и землею существуетъ въ этомъ отношеніи самая близкая связь и зависимость, и, уясняя разнаго рода общинные союзы со стороны ихъ организаціи, по необходимости придется касаться и общинно-земельныхъ формъ. Часто какой-нибудь ничтожный клочекъ земли служитъ связью въ поземельномъ отношеніи для нѣсколькихъ деревень или даже общинъ. Смотря потому, въ какія отношенія другъ къ другу приходилось становиться отдѣльнымъ поселеніямъ при борьбѣ съ окружающею природою, и общинные союзы принимали тѣ или другія формы. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи происходилъ тотъ же самый процессъ развитія, расширенія и обособленія, съ которымъ мы имѣли уже дѣло въ предшествующей главѣ.

Но какъ бы тамъ въ частности ни дробилось населеніе по мѣстожительству, всякій общинный союзъ, въ отношеніи своего состава, можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ — со стороны его общей организаціи и со стороны той или другой группировки его правоспособныхъ представителей. Въ первомъ случаѣ, организація простирается на всю массу населенія, принадлежащаго къ тому или другому общинному союзу, во второмъ— она касается только извѣстныхъ лицъ. Такимъ образомъ, нужно отличать собственно общинный союзъ отъ главнѣйшаго органа его самоуправленія, массу отъ учрежденія. Отличіе—не кажущееся только, но весьма существенное, потому что каждой изъ отмѣченныхъ сторонъ общинной организаціи соотвѣтствуютъ свои близкія, спеціальныя черты и особенности, какъ результатъ различныхъ по характеру функцій частной и общественной жизни общиннаго населенія.

Общинное населеніе, разсматриваемое въ общей своей массѣ, съ перваго взгляда можетъ показаться лишеннымъ всякой организаціи. Это повидимому лишь простое сожительство людей, живущихъ вмѣстѣ или въ смежныхъ деревняхъ, сожительство, связующимъ звеномъ въ которомъ служитъ только извѣстная группа лицъ, заправлявшихъ общими дѣлами. Отдѣльныя личности составляютъ здѣсь союзъ какъ будто бы не потому, что

придерживаются извѣстнаго принципа или идеи, а потому, что близко живутъ другъ къ другу. Но такое воззрѣніе на дѣйствительность было бы положительно ошибкою. Достаточно самаго поверхностнаго взгляда на жизнь общиннаго населенія, чтобы убѣдиться въ томъ, что общественныя связи этого населенія лежатъ не въ одномъ только фактѣ простаго сожительства людей на извѣстной территоріи, но кроются гораздо глубже, въ жизненной средѣ и обстановкѣ нашего народа-общинника.

Въ общей своей массѣ общинное населеніе дѣлится прежде всего на отдѣльныя семьи или хозяйства. Оставляя до другаго раза подробное разсмотрѣніе этихъ простѣйшихъ формъ общинной жизни, мы укажемъ здѣсь только то ближайшее отношеніе, которое онѣ имѣютъ къ организаціи общинныхъ союзовъ.

Какъ извѣстно, крестьянская семья представляетъ собою довольно сложное и чрезвычайно оригинальное явленіе въ народной жизни. Она оказывается союзомъ на столько же родовымъ, на сколько и экономически-производительнымъ. Благодаря такому двойственному характеру, семьею, въ экономическомъ смыслѣ, можно назвать родственную группу лицъ, ведущихъ одно общее хозяйство. Будетъ ли въ эту группу входить нѣсколько супружескихъ съ дѣтьми и безъ нихъ паръ, или только одна, другими словами, будетъ ли это семья сложная въ родственномъ отношеніи, или простая, она во всякомъ случаѣ является рабочимъ союзомъ, построеннымъ на принципѣ совмѣстнаго труда и общаго владѣнія и пользованія имуществомъ. Каждый ея отдѣльный членъ представляетъ своего рода пайщика, заинтересованнаго въ общемъ экономическомъ предпріятіи. Короче, это—артель родственныхъ между собою лицъ, экономическая община въ маломъ видѣ, прототипъ самыхъ общинныхъ союзовъ. И, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, какъ мы замѣтили уже и выше, въ одной изъ предыдущихъ главъ, между семьею и общиною много общаго, сходнаго. Общность имущества и видная роль трудоваго начала въ семьѣ вполнѣ аналогичны съ общностью общинно-земельной собственности и виднымъ также значеніемъ трудоваго начала въ общинѣ.

И такъ, слѣдовательно, семья есть та основная, простѣйшая форма, изъ суммы которыхъ складываются общинные союзы. Это—форма уже строго общественная, на сколько она служитъ выразительницею потребностей и трудовой, производительной дѣятельности входящихъ въ составъ ея личностей. Лицо

является въ ней, съ одной стороны, участникомъ частнаго, семейнаго хозяйства, съ другой, членомъ всего общиннаго союза. Его умственныя, нравственныя и экономическія потребности, зарождаясь и развиваясь въ области семейной жизни, имѣютъ общія точки соприкосновенія съ такими же потребностями всей массы остальныхъ общинниковъ. Его экономическіе интересы, исходя изъ личной нужды и требованій, перекрещиваются и ассоціируются съ интересами всей общины. Его личныя права, служа гарантіей индивидуальной жизни и развитія, регулируются и обезпечиваются вмѣстѣ съ тѣмъ правомъ общиннымъ, общественнымъ. Однимъ словомъ, личность является въ семьѣ чѣмъ-то въ родѣ двуликаго Януса, и такъ какъ она оказывается при этомъ только отдѣльною единицею семьи, то, такимъ образомъ, и эта послѣдняя служитъ формою, связующею частную жизнь общинника съ его жизнью общественною. Вотъ почему семья съ ея хозяйствомъ играетъ, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, такую дѣятельную роль во всѣхъ общинно-земельныхъ порядкахъ. Она служитъ для общественнаго союза основною формою, въ которой ярче, проще и естественнѣе, чѣмъ гдѣ либо, выражаются какъ жизненныя нужды и потребности общинника, такъ и тѣ средства, съ помощію которыхъ онъ достигаетъ ихъ удовлетворенія.

Въ дѣйствительной жизни можно найти массу указаній на ту естественную связь, которая существуетъ между отдѣльными семейными союзами и рельефнѣе всего выражается въ общественномъ мнѣніи всего общиннаго населенія. Близкая, совмѣстная жизнь деревенскаго люда вездѣ выработала цѣлую сложную систему общинной взаимопомощи и обычныхъ правовыхъ отношеній, и тотъ, кто идетъ на перекоръ этой системѣ или, что еще хуже, нарушаетъ права другихъ лицъ, одинаково является человѣкомъ неправды и преступникомъ съ точки зрѣнія и вполнѣ взрослаго, полноправнаго общинника, и подростка или даже мальчика. Украсть чужое добро, не уважить просьбы ближняго, не помочь сосѣду, надругаться надъ старикомъ, стѣснить чѣмъ бы то ни было бѣдняка, насмѣяться надъ личностью обездоленною и пр. пр., значитъ именно сдѣлать правонарушеніе въ этомъ смыслѣ. Общественное мнѣніе выражается въ критикѣ подобнаго рода фактовъ, критикѣ, регулируемой извѣстными обычаями и традиціонными правилами. Въ такой формѣ оно и служитъ тою могучею общинною силою, которою собственно поддерживается и утверждается организація всего общиннаго населенія, какъ

одного коллективнаго цѣлаго. Въ такомъ видѣ его давленію одинаково подчиняются и выдающіеся представители общинныхъ союзовъ, и ихъ заурядные члены, одинаково руководится имъ и семья, и лицо.

Такимъ образомъ, общественное мнѣніе или, точнѣе, мнѣніе всего общиннаго населенія оказывается яркимъ и характернымъ признакомъ той организаціонной связи, которая охватываетъ все общинное населеніе въ цѣлой его массѣ; а лицо, какъ самостоятельный индивидуумъ, и семья, какъ простѣйшая ассоціаціонная форма, представляютъ собою тѣ основные элементы, изъ которыхъ складывается общая организація общинныхъ союзовъ.

Посмотримъ теперь на болѣе спеціальную ихъ организацію, какъ выражается она въ группировкѣ главнѣйшихъ общинныхъ представителей, составляющихъ собственно органъ общиннаго самоуправленія.

Для обозначенія такой организаціи,—какъ это уже извѣстно намъ изъ разсмотрѣнія народной терминологіи, касающейся основнаго понятія о земельной общинѣ,—у русскаго народа существуетъ нѣсколько наименованій. Таковы слова: «общество», «міръ» и «громада». Каждое изъ этихъ названій, употребляемое въ смыслѣ обозначенія правоспособныхъ общинниковъ, предполагаетъ собою именно органъ общиннаго самоуправленія. Но употребляя эти названія, необходимо отличать тотъ ихъ смыслъ, который придаетъ имъ народъ въ своемъ языкѣ, отъ того значенія, какое они получаютъ отъ смѣшенія административной общины съ общиною земельною.

Дѣло въ томъ, что административное дѣленіе деревенскихъ поселеній на волости и сельскія общества не рѣдко совсѣмъ не совпадаетъ съ дѣленіемъ хозяйственнымъ. Часто въ составъ одного и того же сельскаго общества входитъ нѣсколько совершенно обособленныхъ и самостоятельныхъ земельныхъ общинъ. И вотъ, термины: «общество», «міръ» и «громада», употребляемые въ такихъ случаяхъ для обозначенія схода всего сельскаго общества, означаютъ совсѣмъ не то, что разумѣетъ подъ ними обыкновенно народъ, когда называетъ ими правоспособныхъ общинниковъ одной хозяйственной общины. Очевидно, что сельское общество будетъ состоять въ такихъ случаяхъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ поземельныхъ обществъ, міровъ или громадъ. Это будетъ, такъ сказать, сложно-составной органъ общиннаго самоуправленія. Точный же смыслъ вышепоименованныхъ терминовъ,

какъ выражается онъ собственно въ народной рѣчи, предполагаетъ собою группу правоспособныхъ общинниковъ только одной нераздѣльной въ какомъ бы то ни было отношеніи общины. Въ такомъ именно смыслѣ мы вездѣ и будемъ употреблять эти термины, разумѣя подъ ними организацію представителей одной хозяйственной или земельной общины.

Чѣмъ же собственно обусловливается полноправность членовъ, годныхъ быть представителями общиннаго самоуправленія? Почему такими членами могутъ быть не всѣ вообще члены общины, а только извѣстная ихъ часть?—Въ отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ можно было бы, конечно, указать на тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ любой общинѣ всегда можно найти извѣстное количество лицъ, совершенно негодныхъ не только въ дѣлѣ самоуправленія, но и вообще въ обыкновенной трудовой жизни, лицъ или безсильныхъ, или неразвившихся, или же болѣзненныхъ, каковы одряхлѣвшіе и выжившіе изъ ума старики, дѣти, калѣки и т. п., и что, слѣдовательно, по одному уже этому принимать активное участіе въ общинномъ самоуправленіи можетъ только извѣстное количество отборныхъ, лучшихъ или, точнѣе, пригодныхъ для этой цѣли лицъ. Но суть дѣла заключается не въ одномъ этомъ фактѣ. Она кроется въ цѣлой суммѣ соціальныхъ и экономическихъ условій и причинъ, въ одномъ случаѣ способствующихъ, въ другомъ мѣшающихъ выступить разнымъ лицамъ въ качествѣ дѣятелей общиннаго самоуправленія. Такимъ образомъ, тотъ или другой составъ и организація общинныхъ органовъ самоуправленія въ сущности обусловливается извѣстною степенью развитія самихъ общинъ, бо́льшимъ или меньшимъ осложненіемъ тѣхъ условій, въ которыхъ онѣ находятся.

Существуетъ, между прочимъ, мнѣніе, что первенствующую роль въ дѣлѣ общиннаго самоуправленія играютъ собственно одни «старики». Изъ нихъ главнымъ образомъ составляются общинные сходы; они руководятъ этими сходами и вершатъ всевозможныя дѣла и недоразумѣнія, возникающія въ средѣ общиннаго поселенія; они же, въ качествѣ большаковъ, служатъ связующимъ звеномъ между семьями и общиною. Мнѣніе это до послѣдняго времени считалось единственнымъ въ своемъ родѣ, безошибочнымъ и какъ нельзя болѣе соотвѣтствующимъ фактомъ дѣйствительной жизни. При всемъ томъ оно врядъ ли можетъ выдержать строгую критику. Приложенное къ прошлому русской земельной

общины, оно, дѣйствительно, вѣрно характеризовало суть общиннаго самоуправленія. Но совершенно не то нужно сказать о самоуправленіи существующихъ общинъ. Въ общественныхъ дѣлахъ этихъ послѣднихъ старики, конечно, по прежнему продолжаютъ играть свою обычную роль, но рядомъ съ ними не менѣе дѣятельную, а часто и совсѣмъ подавляющую роль играютъ и другіе представители общинныхъ союзовъ. Общинная жизнь въ послѣднее время значительно осложнилась, потребности личности расширились, сила патріархальнаго режима быстро утрачиваетъ свое прежнее значеніе, вообще, подъ вліяніемъ этихъ осложненій и расширяющихся потребностей, многія прежнія черты и особенности общинной жизни должны были принять иной характеръ, а другія и совсѣмъ исчезнуть, стушеваться. Значитъ, и само приведенное выше мнѣніе не можетъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на поставленные раньше вопросы.

Основаніемъ для понятія о правоспособности того или другаго общинника на участіе въ общинномъ самоуправленіи служитъ собственно понятіе о «работникѣ». Понятіе это, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ исконную принадлежность народной жизни и отношеній и есть прямое слѣдствіе дѣятельнаго участія въ этой жизни и отношеніяхъ труда. Работникомъ считается обыкновенно лицо, вполнѣ годное для произведенія всѣхъ главнѣйшихъ и второстепенныхъ работъ въ домашней жизни общинника. Сможетъ ли при этомъ лицо исполнить искусно или неискусно, удовлетворительно или посредственно эти работы, знаетъ ли оно ихъ въ совершенствѣ или нѣтъ — это въ сущности безразлично: этимъ только измѣряются качественныя достоинства и недостатки работника, какъ единичнаго дѣятеля. Въ общемъ же отвлеченномъ понятіи народа о «работникѣ» оказывается важнымъ собственно присутствіе извѣстныхъ силъ, достиженіе лицомъ положеннаго возраста. Работникомъ не можетъ быть ни ребенокъ, ни одряхлѣвшій старикъ, но только тотъ, чей организмъ вполнѣ развился для физическаго труда и возможности проявлять извѣстную интеллектуальную дѣятельность. Въ разныхъ мѣстахъ и общинахъ принимаются обыкновенно и различные годы, которыми опредѣляется средній періодъ такой дѣятельности для работника. Въ одномъ случаѣ періодъ этотъ для подростка наступаетъ раньше, въ другомъ позже; точно также, въ одномъ случаѣ онъ раньше и оканчивается, а въ другомъ позже. Впрочемъ, существующія въ этомъ отношеніи раз-

личія не представляютъ чего-нибудь особенно рѣзкаго. Они сводятся къ двумъ, тремъ и вообще нѣсколькимъ годамъ. Такъ, въ Кубанской области, гдѣ козачье населеніе несетъ поголовную военную службу, начиная съ 21 года, съ этого же года начинается собственно считаться и полная правомочность работника; въ крестьянскихъ общинахъ Московской губерніи, въ которой значительная часть земледѣльческаго населенія находится въ крайне неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, работниками считаются лица отъ 18 до 60 лѣтъ; но тутъ же встрѣчаются и на столько бѣдствующія общины, что лица, едва достигшія 16—17 лѣтъ, принимаются также за полныхъ работниковъ*); въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, во всѣхъ общинахъ, гдѣ особенно цѣнится передѣляемая земля и гдѣ рабочія руки дешевы, наоборотъ, рабочій возрастъ наступаетъ позже, чѣмъ у крестьянъ Московской губерніи, такъ что часто вполнѣ развившіеся восемнадцати или двадцатилѣтніе парни не считаются еще полными работниками и несутъ полу-душевые надѣлы, и т. д., и т. д. Вообще народъ придерживается въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ того правила, чтобы понятію о работникахъ соотвѣтствовала въ дѣйствительности полнѣйшая пригодность лица къ трудовой жизни и дѣятельности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не существуетъ такого соотвѣтствія, когда лицо не въ состояніи нести всего бремени, налагаемаго жизнію на работника-общинника,—общинникъ считается неполнымъ работникомъ, а только «полу-работникомъ» и иногда даже, такъ сказать, «четверть-работникомъ». Такими лицами считаются одряхлѣвшіе старики и подростки.

Понимая, такимъ образомъ, подъ работникомъ лицо, вполнѣ годное къ дѣятельности, обезпечивающей хозяйство и потребности общинника, народъ возлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на это лицо и извѣстнаго рода обязанности, вытекающія изъ общественныхъ отношеній населенія. Такъ, работникъ обязанъ прежде всего быть непремѣннымъ участникомъ общинныхъ сходовъ. Затѣмъ онъ долженъ принять на себя ту или другую общинную должность, разъ онъ избранъ въ нее сходомъ; наконецъ, на него налагаются опредѣленныя подати и повинности, смотря по тому, какимъ надѣломъ онъ пользуется по общественной разверсткѣ. Въ несеніи всѣхъ этихъ обязанностей и кроются собственно юри-

*) В. Орловъ. „Формы крестьянскаго землевлад.“, выпускъ 1-й, стр. 9.

дическія основы полноправности работника на участіе въ общинномъ самоуправленіи. Тотъ, кто не имѣетъ общиннаго надѣла, кто живетъ за предѣлами общины и, вообще, является пассивнымъ членомъ по отношенію къ жизни своей общины, не можетъ считаться полноправнымъ членомъ общины, ея «работникомъ», хотя бы онъ и былъ въ рабочемъ возрастѣ. Стало быть, къ понятію объ извѣстной физической и интеллектуальной правоспособности, какъ внутренней чертѣ, по которой «міръ» или «громада» отличаетъ работника отъ неработника, присоединяется еще другой элементъ — несеніе общественныхъ обязанностей, составляющее, такъ сказать, внѣшній признакъ вполнѣ правоспособнаго съ народной точки зрѣнія члена общины. На этихъ двухъ элементахъ и держится собственно основное понятіе народа о работникѣ, какъ вполнѣ полноправной и годной на всякую общинную дѣятельность личности.

Воспользуемся же теперь этимъ понятіемъ для того, чтобы ближе ознакомиться съ организаціей общиннаго самоуправленія, какъ выражается она въ общинныхъ сходахъ и ихъ общественныхъ дѣлахъ. Посмотримъ прежде всего, какую роль играютъ въ этой организаціи «старики».

Если подъ «стариками» разумѣть однихъ людей преклоннаго возраста, тогда участіе лицъ этого рода въ общинномъ самоуправленіи окажется довольно незначительнымъ или во всякомъ случаѣ не на столько значительнымъ, какъ это обыкновенно принято считать. Старики не всегда служатъ представителями отдѣльныхъ семей или домохозяйствъ. Часто ихъ замѣняютъ въ этомъ отношеніи и другіе члены семьи, каковы старшіе сыновья. Случаи, подобные сообщенному Потанинымъ относительно Никольскаго уѣзда, гдѣ одряхлѣвшіе родители не только теряютъ свое главенствующее положеніе въ семьѣ, но и выполняютъ мелкія работы по назначенію и указаніямъ большака, хотя бы большакомъ и былъ ихъ родной сынъ, надо полагать, не рѣдки и не исключительны въ народной жизни; а разъ старики занимаютъ подобное положеніе въ домашней жизни, тогда само собою понятно, что это же положеніе должно мѣшать имъ принимать болѣе или менѣе дѣятельное участіе и въ жизни общественной, въ общинномъ самоуправленіи и дѣлахъ. Стариковъ, сохранившихъ свѣжесть физическихъ силъ въ тѣхъ лѣтахъ, при которыхъ оканчивается, по обычнымъ воззрѣніямъ народа, предѣльный возрастъ работниковъ, немного. То же нужно сказать и

относительно сохраненія людьми этого возраста умственныхъ силъ. Значитъ, ни способность къ физическому труду, ни умственное или нравственное превосходство надъ массою остальныхъ общинниковъ не составляютъ такихъ качествъ, которыя были бы неизбѣжною принадлежностью каждаго старика и доставляли бы, такимъ образомъ, возможность людямъ преклоннаго возраста всѣмъ безъ изъятія участвовать въ общественныхъ дѣлахъ. Къ этому вообще нужно прибавить и то обстоятельство, что, благодаря разрушенію старыхъ патріархальныхъ началъ въ семьѣ, власть стариковъ постепенно ослабѣваетъ, а это, въ свою очередь, отражается ослабляющимъ образомъ и на самомъ участіи стариковъ въ общественныхъ сходахъ и дѣлахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ средѣ малорусскаго населенія Кубанской области, положеніе стариковъ сильно пошатнулось въ этомъ отношеніи за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ, такъ что они совершенно оттерты отъ общественныхъ дѣлъ людьми средняго возраста. Однимъ словомъ, старики составляютъ въ организаціи общиннаго самоуправленія не главную силу, а только извѣстную часть, часть не на столько дѣятельную и выдающуюся, какъ это принято считать.

Не то надо сказать о домохозяевахъ. Если подъ домохозяевами разумѣть вообще всѣхъ безъ различія представителей отдѣльныхъ семей или домохозяйствъ,—будутъ ли это старики, люди средняго возраста или даже совсѣмъ молодые работники,—тогда, разумѣется, домохозяева составятъ основную силу общиннаго самоуправленія и сходовъ. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть. Главные участники и дѣятели въ общинномъ самоуправленіи именно домохозяева. Они служатъ связующимъ звеномъ между семьею и общиною. На нихъ лежитъ отвѣтственность предъ этою послѣднею, какъ за себя, такъ и за тѣ семьи, представителями которыхъ они служатъ, въ случаѣ, конечно, неисполненія тѣхъ или другихъ повинностей, налагаемыхъ на отдѣльныя домохозяйства. Естественно, по этому, что домохозяева являются и главными воротилами общиннаго самоуправленія. Но кто же собственно можетъ быть домохозяиномъ? Всякій, на комъ лежитъ главное бремя веденія хозяйства и за кѣмъ вообще стоитъ практика, опытъ, умственное или нравственное превосходство и пр. Домохозяинъ долженъ быть прежде всего по преимуществу работникомъ, и такихъ домохозяевъ всегда бываетъ большинство. Но домохозяиномъ можетъ быть также и старикъ или даже старуха. Народъ

является въ этомъ отношеніи разумнымъ и прогрессивнымъ практикомъ, искусно примѣняющимся къ обстоятельствамъ и времени. Тамъ, гдѣ мужчина бываетъ на лицо, мужчина оказывается и главою въ семьѣ и хозяйствѣ, и, наоборотъ, при отсутствіи въ семьѣ мужчины, его мѣсто занимаетъ женщина. Въ одномъ случаѣ эта послѣдняя оттѣсняетъ на задній планъ другихъ мужчинъ и становится домоправительницею, благодаря своему нравственному авторитету и семейному положенію; въ другомъ она является главою семьи и хозяйства просто потому, что въ семьѣ взрослаго мужчины совсѣмъ нѣтъ; въ третьемъ, наконецъ, она замѣняетъ мѣсто этого послѣдняго только на время отсутствія его изъ дома, ухода на заработки и пр. Но чѣмъ бы въ частности ни обусловливалось положеніе женщины, какъ главы семьи и хозяйства, она во всякомъ случаѣ является дѣятельнымъ и полноправнымъ участникомъ въ общинномъ самоуправленіи на ряду съ другими домохозяевами, пользуясь всѣми правами этихъ послѣднихъ. Какая-нибудь «гусариха», старуха, на рукахъ которой находится «пятеро ребятишекъ», тянетъ общественную лямку на равнѣ со всѣми другими домохозяевами своей общины, участвуя вмѣстѣ съ тѣмъ и на сходѣ, какъ совершенно полноправный ея членъ *). Какая-нибудь «Дарья-солдатка» заставляетъ міръ уничтожить сдѣлку, совершенную этимъ послѣднимъ безъ ея участія, и міръ подчиняется ея требованію, какъ вполнѣ полноправнаго члена **).

И такъ, слѣдовательно, не старики, а собственно домохозяева составляютъ основную силу въ организаціи общиннаго самоуправленія, при чемъ домохозяевами могутъ обыкновенно считаться и старики, и старухи, и люди средняго возраста, и даже молодежь. Въ одномъ случаѣ право на роль домохозяина даетъ въ семьѣ извѣстному лицу просто обычай, традиціонное слѣдованіе извѣстнымъ семейнымъ порядкамъ, въ другомъ умственная сила и нравственный авторитетъ, а въ третьемъ полная рабочая правомочность. Народъ оказывается въ этомъ отношеніи не узкимъ практикомъ, а разумнымъ и гуманнымъ организаторомъ своихъ общественныхъ отношеній, допуская участвовать въ общественныхъ дѣлахъ всѣхъ годныхъ для этой цѣли лицъ, безъ различія пола, возраста и состоянія. Основную силу въ общинномъ самоуправленіи составляютъ люди отборные, выдающіеся

*) «Деревенскіе будни», стр. 512. «Отечеств. Записки», 1879 г. № 6-й.

**) Боголѣповъ. «Село Спасъ-Темня», стр. 12 въ Сборникѣ В. Орлова, томъ 4-й, выпускъ 1-й.

въ какомъ бы то ни было отношеніи потому уже, что они выдвигаются на первый планъ самою жизнію, своею частною дѣятельностью и вообще тѣми преимуществами, которыми они отличаются отъ другихъ членовъ своихъ семей. Часто, напр., большакомъ считается извѣстное лицо только номинально; въ дѣйствительности же, на дѣлѣ, главнымъ дѣятелемъ и въ семьѣ, и въ общинномъ представительствѣ оказывается, благодаря своимъ личнымъ качествамъ и способностямъ, какой-нибудь второстепенный по своему положенію членъ семьи. Такимъ образомъ, искусственныя градаціи и подраздѣленія лицъ устраняются естественнымъ подборомъ ихъ и суть дѣла при этомъ остается неизмѣнною.

Но какое отношеніе въ такомъ случаѣ имѣютъ къ организаціи общиннаго самоуправленія другія лица, на сколько они являются представителями рабочей силы и семейныхъ союзовъ? Чѣмъ собственно оказывается въ этомъ отношеніи «работникъ, какъ полноправная» и вполнѣ годная на всякую частную и общественную дѣятельность личность?

Какъ мы видѣли сейчасъ, тѣ же самые домохозяева, которые составляютъ главную силу въ организаціи общиннаго самоуправленія, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и работниками. Лицъ, неспособныхъ къ физическому труду, но заправляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйствомъ и участвующихъ въ общинныхъ сходахъ, вообще крайне мало, а такихъ, которые были бы неспособны ни къ какой, ни къ умственной, ни къ физической дѣятельности и были бы въ то же время представителями отдѣльныхъ домохозяйствъ, и совсѣмъ не встрѣчается. Но не одни хозяева считаются народомъ работниками. За домохозяевами стоитъ, кромѣ того, цѣлая масса другихъ лицъ, ихъ сыновей, братьевъ, племянниковъ, лицъ, представляющихъ собою также вполнѣ правомочныхъ членовъ общины—работниковъ. Какое отношеніе имѣютъ къ организаціи общиннаго самоуправленія эти послѣдніе? Играя второстепенную, рядовую роль въ семьѣ и хозяйствѣ, они составляютъ тѣмъ не менѣе видную и дѣятельную группу участниковъ въ общинномъ самоуправленіи. Ни одна сходка не обходится безъ этихъ лицъ, ни одно общественное дѣло немыслимо безъ ихъ участія, разъ оно носитъ общій, общинный характеръ. Отдѣльные домохозяева являются только ихъ представителями, но едва ли не главная масса экономической дѣятельности и производительности лежитъ именно на этихъ рядовыхъ работникахъ. Естественно, по этому, что и въ дѣлѣ общиннаго самоуправленія они

служатъ не менѣе важными и активными участниками, чѣмъ какими оказываются вообще домохозяева. Однимъ словомъ, причисливъ къ домохозяевамъ рядовыхъ работниковъ-общинниковъ, окажется, что организація общиннаго самоуправленія есть въ сущности организація работниковъ, независимо отъ того положенія, какое занимаетъ каждый изъ нихъ въ отдѣльныхъ семьяхъ и хозяйствахъ.

Есть затѣмъ еще одинъ разрядъ лицъ, указывающій своимъ отношеніемъ къ общинному самоуправленію на важное значеніе въ организаціи этого послѣдняго рабочей силы, трудоваго элемента; это—подростки. Въ разныхъ общинахъ этотъ разрядъ общинниковъ имѣетъ и различнаго рода отношеніе къ общинному самоуправленію. Въ тѣхъ козачьихъ общинахъ, гдѣ не существуетъ еще никакихъ передѣловъ земельныхъ угодій и гдѣ вообще повинности не ложатся особенно тяжело на малоимочное населеніе, подростки не принимаютъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ. Въ общинахъ крестьянскихъ, поставленныхъ въ болѣе нѣвыгодныя экономическія условія и вынужденныхъ этими условіями обременять повинностями и свое малоимочное населеніе, подростки наравнѣ съ другими принимаютъ извѣстное участіе въ общественныхъ сходахъ и дѣлахъ и часто вліяютъ даже на самое распредѣленіе міромъ общинно-земельной собственности между своими членами для временнаго пользованія ею. Орловъ въ своемъ цѣнномъ «Сборникѣ» приводитъ нѣсколько весьма характерныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи. Такъ, въ деревнѣ Талаевѣ, Клинскаго уѣзда, «поводомъ для передѣла (земель) послужило требованіе надѣла со стороны подростковъ»*). Въ деревнѣ Елевѣ, Можайскаго уѣзда, послѣдній передѣлъ былъ произведенъ вслѣдствіе того, что «подросли новые работники, на которыхъ нужно было навалить землю; а свободная земля, снятая съ упалыхъ душъ и ходившая въ міру, вся была пустовалая. Вотъ, чтобы не обидѣть подростковъ, которымъ тоже приходилось подати платить наравнѣ со всѣми, міръ и порѣшилъ сдѣлать новый передѣлъ»**). Въ деревняхъ Бурцевкѣ и Полежайкахъ, Звенигородскаго уѣзда, подростки, не пожелавшіе взять въ надѣлъ пустыри, также вызвали общій передѣлъ общинныхъ земель***) и т. д. Такимъ образомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ подростки являются

*) В. Орловъ. «Формы крестьянскаго землевлад.» т. 4-й, вып. 1, стр. 221.
**) Тамъ же, стр. 234.
***) Тамъ же, стр. 225.

такими же участниками въ организаціи общиннаго самоуправленія, какъ и вполнѣ развившіеся, правомочные работники, и являются единственно потому, что сами играютъ въ общинной жизни роль работниковъ или хотя бы даже только полу-работниковъ.

Если теперь, послѣ всего вышесказаннаго, мы снова попытаемся отвѣтить на вопросъ: изъ кого же собственно составляются органы общиннаго самоуправленія?—то отвѣтъ самъ собою станетъ яснымъ: изъ работниковъ. Только одинъ работникъ является вполнѣ полноправнымъ членомъ общиннаго самоуправленія. Въ дѣйствительности существуютъ повидимому нѣкоторыя отступленія отъ этого правила, но отступленія эти также говорятъ за, а не противъ нашего вывода. Если старикъ, потерявшій способность къ физическому труду, является тѣмъ не менѣе дѣятельнымъ участникомъ въ семейной жизни и въ общинныхъ дѣлахъ, то такое положеніе его обусловливается его опытомъ и знаніями, позволяющими ему приносить свою посильную пользу и, слѣдовательно, выполнять хоть извѣстныя функціи, отправляемыя вполнѣ полномочными рабочими. Точно также и неискусившійся еще въ жизни подростокъ становится участникомъ въ общинномъ самоуправленіи, благодаря тому обстоятельству, что онъ несетъ извѣстную ношу работника-общинника и въ формѣ труда, и въ формѣ отбыванія общественныхъ повинностей. Право на участіе въ общинныхъ дѣлахъ опредѣляется и физическою, и интеллектуальною пригодностью на дѣло вообще. Тотъ, кто лишенъ способности быть годнымъ въ одномъ отношеніи, можетъ сослужить службу въ другомъ. Народъ смотритъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія общественнаго блага и интересовъ, и безконечная приспособляемость разныхъ лицъ въ общинныхъ союзахъ къ дѣламъ общественнымъ служитъ лишь фактическимъ выраженіемъ этого взгляда. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, оказывается, что въ дѣлѣ общиннаго самоуправленія принимаетъ участіе каждый, ставшій, какъ говорится, на свои собственныя ноги, общинникъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. Въ этомъ и заключается суть общинной организаціи, ея настоящій смыслъ и характеръ, безъ всякой примѣси сторонніхъ неблагопріятныхъ вліяній. На этомъ и держится та основная схема, подъ которую можно подвести любую организацію любаго общиннаго союза.

Опредѣливъ такимъ образомъ общій характеръ организаціи общиннаго самоуправленія, здѣсь умѣстно будетъ коснуться и

той общей его формы, въ которой оно выражается. Такою формою, какъ извѣстно, служитъ общинный сходъ. Вотъ какъ, напримѣръ, Златовратскій описываетъ одинъ изъ такихъ сходовъ:

«Прежде всего меня особенно поразило внѣшнее однообразіе собравшихся мірянъ: дѣйствительно, все это былъ «середнякъ-мужикъ», рослый, здоровый, коренастый, съ рыжими и черными небольшими кудрявившимися бородками, съ замѣчательно самоувѣренными взорами и осанкою, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, однимъ словомъ, въ мірянинѣ Нижнихъ Лопуховъ такъ и свѣтился умственный, предпріимчивый, работящій, сообразительный и обладающій громаднымъ здравымъ смысломъ «оброшный» русскій мужикъ, не знавшій никогда барщины и искони относительно свободно располагавшій своимъ трудомъ. Стариковъ было всего два-три, да и то далеко еще не были настоящіе, ветхіе старики; не было и молодежи, кромѣ двухъ-трехъ подростковъ лѣтъ 17-ти, да сына старосты лѣтъ 25-ти, исполнявшаго, по согласію міра, должность отца, ходившаго въ Москвѣ въ десятникахъ. Я спросилъ брательниковъ, всѣ ли тутъ мужики на лицо? Оказалось, что вообще-то на лѣто остается въ деревнѣ только треть мужиковъ, а двѣ трети, преимущественно молодежь, уходятъ на заработки, изъ которыхъ (т. е. двухъ третей молодежи?) многія уже «хозяйствуютъ» на сторонѣ съ братьями и отцами. Стариковъ у нихъ на селѣ мало, «что-то не живутъ», а тѣ, которые еще живы, дома сидятъ и на сходы не ходятъ. Такимъ образомъ, на сходѣ присутствовалъ исключительно «ядреный народъ» *).

Изъ одного уже этого примѣра видно, что общинный сходъ не представляетъ собою чего-нибудь постояннаго, неизмѣннаго по составу. Это — такая форма народной жизнедѣятельности, въ которой составныя части могутъ мѣняться до безконечности. Присутствуй, въ самомъ дѣлѣ, на Нижне-Лопухинскомъ сходѣ тѣ двѣ трети молодежи, которыя ушли на заработки, тогда, понятно, и составъ схода носилъ бы иной характеръ: преобладающимъ элементомъ на сходѣ былъ бы не «середнякъ-мужикъ», не «ядренный народъ», а молодежь. Видоизмѣняемость въ этомъ отношеніи сходовъ, можно сказать, до чрезвычайности разнообразна. Можетъ мѣняться по своему составу сходъ одной и той

*) „Деревенскіе будни“, стр. 536 и 537. „Отечественныя Записки“, 1879 г. № 12-й.

же общины. Еще сильнѣе варьируется составъ сходовъ въ разныхъ общинахъ. Вездѣ и во всѣхъ случаяхъ остается неизмѣнною одна лишь внѣшняя форма, въ которой проявляется общинное самоуправленіе; лица же, ее составляющія, правоспособные общинники, дѣйствуютъ такъ, какъ того требуютъ жизнь и обстоятельства. Въ одномъ случаѣ сходъ оказывается немноголюднымъ, неполнымъ, состоящимъ изъ особенно рьяныхъ и преданныхъ общественному дѣлу членовъ, просто потому, что стоящіе на очереди общественные вопросы не представляютъ предмета особенной важности для всей общины. Въ другомъ—его составляютъ только одни старики, женщины и подростки, вслѣдствіе того, что и «ядреные мужики», и молодежь отстутствуютъ гдѣнибудь на сторонѣ, на заработкахъ. Въ третьемъ—сбору многолюднаго схода, составлявшагося изъ всѣхъ правоспособныхъ своихъ членовъ, способствуетъ и время, и важность предстоящихъ рѣшенію вопросовъ и т. д., и т. д. Причинами въ этомъ отношеніи служатъ самыя разнообразныя обстоятельства и условія, хотя, конечно, они и могутъ быть сведены къ одному общему пункту—къ вліянію экономическихъ нуждъ и потребностей на внутренній складъ общинной жизни. Далѣе. Въ одномъ случаѣ на общественномъ сходѣ присутствуетъ почти поголовно все населеніе общины, отъ мала до велика, даже тѣ элементы его, которые по обычаю не могутъ считаться правоспособными; одни находятся здѣсь въ качествѣ дѣятельныхъ участниковъ схода, другіе—пассивныхъ зрителей, какъ свои близкія, домашнія лица, которымъ, однако, ни возрастъ, ни положеніе не даютъ права на иную роль. Такимъ характеромъ отличаются общинные сходы въ тѣхъ мелкихъ деревняхъ, которыя представляютъ изъ себя самостоятельныя однопоселечныя общины и населеніе которыхъ живетъ интимною жизнью небольшой группы поселянъ-односельцевъ. Сходами съ подобнымъ характеромъ богаты общины сѣверной и средней Россіи. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, общинные сходы всегда составляются изъ отборнаго только люда, изъ общинниковъ, пользующихся особеннымъ вѣсомъ и виднымъ положеніемъ въ жизни. Такъ, въ общественныхъ сходахъ козачьяго населенія участвуютъ почти исключительно одни правомочные члены и, притомъ, тѣ изъ нихъ, которые не отличаются молодостью. Въ какой-нибудь Новодеревянковской или Новощербиновской общинѣ Кубанскихъ козаковъ, насчитывающей тысячами своихъ членовъ, на сходъ собирается нѣсколько сотъ че-

ловѣкъ—и все это большею частію люди средняго возраста, за которыми какъ-то стушевываются и немногочисленная группа стариковъ, и немногіе представители «зеленой» молодежи. Однимъ словомъ, каждая община придерживается въ этомъ отношеніи тѣхъ или другихъ частностей, устраивая сходы сообразно съ тѣмъ, какъ того требуютъ обычаи, жизненная практика, опытъ прошедшаго и текущія обстоятельства. Народъ отдаетъ въ этомъ отношеніи всему извѣстную дань, неизмѣнно преслѣдуя одну и ту же цѣль—общее благо.

Что касается затѣмъ существующихъ на сходахъ порядковъ, при помощи которыхъ община приводитъ къ рѣшенію свои дѣла и вопросы, то между отдѣльными общинами въ этомъ отношеніи не существуетъ никакихъ рѣзкихъ отличій. Сходъ каждой общины представляетъ одну общую группу равноправныхъ лицъ. Всякій общинникъ пользуется тутъ одинаковымъ со всѣми другими членами и сотоварищами правомъ голоса. Сходомъ, строго говоря, почти никто не руководитъ и не заправляетъ. Не существуетъ на этотъ счетъ ни строго соблюдаемыхъ парламентарныхъ порядковъ, ни вообще какихъ бы то ни было установленныхъ разъ навсегда регламентацій. Каждый дѣйствуетъ по своему личному усмотрѣнію и подъ вліяніемъ общаго возбужденія. Изрѣдка сходомъ руководитъ староста, да и то только въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ общинъ, которыя составляютъ изъ себя «сельское общество», при чемъ вся предсѣдательская роль старосты сводится въ такихъ случаяхъ къ постановкѣ извѣстнаго вопроса или къ заявленію какого-нибудь распоряженія. Обыкновенно же, сплошь и рядомъ староста совершенно стушевывается на сходѣ, и сходъ ведетъ свои пренія самъ собою, безъ всякаго руководительства. Всѣ наблюдавшіе общинные сходы русскаго народа почти единогласно устанавливаютъ тотъ фактъ, что общинникъ, являясь на сходѣ самымъ горячимъ и, повидимому, меньше всего податливымъ на какое бы то ни было убѣжденіе противника спорщикомъ, на самомъ дѣлѣ ведетъ весьма толково и разумно свои пренія, всегда почти приходитъ къ единогласному рѣшенію и, только при явномъ насиліи, уступаетъ въ своихъ рѣшеніяхъ интересамъ меньшинства. Мы приведемъ здѣсь слова уже цитированнаго нами выше писателя, слова, въ которыхъ мѣтко охарактеризованы общинные сходы крестьянъ съ этой именно стороны:

«Сходка была, видимо, полная. Большая толпа колыхалась противъ моей избы. Тутъ собралась, кажется, вся деревня: старики, обстоятельные хозяева, молодые сыновья, вернувшіеся съ заработковъ на страдное время, бабы и ребятишки. Я помѣстился, какъ и всегда, у избы, противоположной сходкѣ (какъ человѣкъ новый въ деревнѣ, я не рисковалъ забраться въ самую сходку, просто, чтобъ не стѣснять ни себя, ни мужиковъ). Въ этотъ моментъ ораторскія пренія на сходкѣ достигли уже своего апогея. Если я и на болѣе спокойныхъ сходкахъ очень немногое могъ сообразить, то теперь и подавно; я ощущалъ только безразличный сплошной гулъ въ ушахъ, иногда покрываемый особенно рѣзко вырвавшейся изъ общаго гула фразой. Но я видѣлъ предъ собою непосредственнаго человѣка au naturel, въ своей рубашкѣ, во всей своей красѣ. Прежде всего, меня поразила замѣчательная откровенность непосредственнаго человѣка; чѣмъ онъ непосредственнѣе, тѣмъ меньше въ состояніи маскировать свои мысли и ощущенія; разъ овладѣло имъ возбужденіе, оно охватываетъ его быстро—и онъ ужъ тутъ весь загорается и не потухаетъ до тѣхъ поръ, пока не высыплетъ передъ вами все состояніе своей души; онъ тутъ не передъ кѣмъ не стѣсняется; тутъ нѣтъ и признака дипломатіи. Мало того, что онъ раскроетъ здѣсь всю свою душу, онъ еще разскажетъ и про васъ все, что только когда либо зналъ, и не только про васъ, но и про вашего отца, дѣда, прадѣда.... Здѣсь все идетъ на-чистоту, все становится ребромъ; если кто-либо, по малодушію или изъ расчета, вздумаетъ отдѣлаться умолчаніемъ, его безжалостно выведутъ на свѣжую воду. Да и малодушныхъ этихъ на особенно важныхъ сходахъ бываетъ очень мало. Я видалъ самыхъ смирныхъ, самыхъ безотвѣтныхъ мужиковъ, которые, въ другое время, слова не заикнутся сказать противъ кого-нибудь,—на сходахъ, въ минуты общаго возбужденія, совершенно преображались и, вѣруя пословицѣ «на людяхъ и смерть красна», набирались такой храбрости, что успѣвали перещеголять завѣдомо храбрыхъ мужиковъ. Въ минуты своего апогея, сходъ дѣлается просто открытой взаимной исповѣдью и взаимнымъ разоблаченіемъ, проявленіемъ самой широкой гласности. Въ эти же минуты, когда, повидимому, частные интересы каждаго достигаютъ высшей степени напряженія, въ свою очередь, общественные интересы и справедливость достигаютъ высшей степени контроля. Эта замѣчательная черта

общественныхъ сходовъ непосредственнаго деревенскаго человѣка особенно поражала меня» *).

Такимъ образомъ, строго говоря, на общинныхъ сходахъ не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ порядковъ для постановки и разрѣшенія текущихъ дѣлъ и очередныхъ вопросовъ. Существуетъ собственно одна свобода преній, свобода полная и широкая для всякаго, кто только принимаетъ въ нихъ участіе, и затѣмъ надъ всѣмъ сходомъ царитъ идея общественнаго блага, какъ необходимая гарантія соглашенія разнородныхъ мнѣній, допускаемыхъ этою свободою. Черта въ высшей степени своеобразная и замѣчательная, но эта именно черта и служитъ указаніемъ на новыя стороны въ организаціи общиннаго самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ, разъ обычай допускаетъ свободное обсужденіе вопросовъ на сходахъ, разъ, благодаря этой свободѣ, возможно различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ,—дѣленіе общинниковъ на группы или партіи должно быть дѣломъ вполнѣ естественнымъ, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что общиннику приходится соглашать на сходахъ такія трудно согласимыя проявленія человѣческихъ стремленій, какъ личный интересъ и общественное благо. Что же представляютъ въ этомъ отношеніи общинные союзы русскаго народа?

Какъ ни интересенъ и ни желателенъ былъ бы сколько-нибудь обстоятельный отвѣтъ на такой вопросъ, но, къ сожалѣнію, онъ немыслимъ при существующемъ запасѣ свѣдѣній относительно этого предмета. Изученіе русской общины заставляетъ желать многаго, не только въ отношеніи разнаго рода мелочей и спеціальныхъ особенностей, но и со стороны уясненія самыхъ обыковенныхъ и повидимому банальныхъ ея чертъ. Такіе вопросы, какъ вопросъ объ отношеніи личности къ общинной организаціи и самоуправленію, съ одной стороны, и дробленіе общинниковъ по преслѣдуемымъ ими тендеціямъ на партіи, съ другой, пока еще носятъ совершенно открытый и неразрѣшенный характеръ. Для сколько-нибудь удовлетворительнаго ихъ разрѣшенія нужны прежде всего факты и факты, а именно фактовъ пока и оказывается очень мало въ наличности. Правда, со стороны извѣстной клики въ печати не разъ раздавались голоса о томъ, что личность подавлена въ общинѣ, что «міръ» оказывается по

*) «Деревенскіе будни», стр. 510 и 511. «Отечественныя Записки», 1879 г. № 6-й.

отношенію къ ней ужаснѣйшимъ деспотомъ, правда также, не разъ было говорено разными представителями печати и о томъ, что общинное населеніе повсемѣстно дѣлится на двѣ рѣзко противоположныя группы—на кулаковъ, людей богатыхъ, и на закабаленныхъ, рядовую бѣдноту. Но въ этомъ говорѣ слаба была именно фактическая подкладка, вслѣдствіе чего и оказывалось, что, въ одномъ случаѣ, на общину просто клепали, а въ другомъ, дѣйствительность замѣняли апріорными догадками и соображеніями. Понятно, что отъ этого дѣло не выигрывало, а проигрывало, не подвигалось впередъ, а продолжало отличаться неопредѣленностью и, что всего хуже, затемнялось, тормозилось. Явленія глубокой важности и интереса низводились на степень банальныхъ вопросовъ и въ такомъ видѣ плотно окутывались фразой и общими, поверхностными отговорками. Однимъ словомъ, не смотря на кажущуюся общеизвѣстность такихъ явленій, какъ подраздѣленіе общиннаго населенія на рядовую чернь и имущественную, деревенскую аристократію, явленія эти въ сущности остаются «темною водою во облацѣхъ». Можно собственно только констатировать одинъ тотъ фактъ, что извѣстная партіозность въ средѣ общиннаго населенія, партіозность, обусловливаемая именно различіемъ экономическаго благосостоянія этого населенія, дѣйствительно существуетъ, и что эта партіозность съ каждымъ днемъ даетъ себя чувствовать все больше и больше народу. Но — и только. Въ чемъ заключается центръ тяжести этого явленія, какъ велики его дѣйствительные размѣры, какими условіями оно обставлено, какъ относится къ нему большинство населенія, какіе мѣры, способы и пріемы практикуются за и противъ него, съ какими сторонами народной жизни оно наиболѣе вяжется, и какимъ особенно противорѣчитъ, на какой исторической подкладкѣ оно возросло и пр. пр.,—все это пока terra incognita, нерѣшенные вопросы, неуясненныя черты общинныхъ союзовъ. И такъ, позволимъ себѣ въ данномъ случаѣ констатировать только одинъ тотъ голый фактъ, что въ экономическомъ отношеніи общинное населеніе почти повсемѣстно можетъ быть раздѣлено на двѣ группы—богачей-эксплуататоровъ, и рядовую чернь,—эксплуатируемыхъ, и что дѣленіе это ярко обнаруживается какъ на общинныхъ сходахъ, такъ и вообще въ общинныхъ дѣлахъ. Затѣмъ существуетъ ли какое-нибудь другое дѣленіе общиннаго населенія на группы или партіи съ извѣстною соціально-политиче-

скою уже окраскою—на этотъ вопросъ мы не беремся отвѣтить. по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ.

Но существуетъ, кромѣ того, еще иное подраздѣленіе общиннаго населенія, принадлежащаго къ одному и тому же союзу. на группы, подраздѣленіе, такъ сказать, естественное, вытекающее изъ самыхъ условій развитія общинной жизни и формъ. Находясь въ тѣсной зависимости отъ распредѣленія населенія по мѣсту жительства, дѣленіе это замѣчается прежде всего въ крупныхъ однопоселочныхъ общинахъ, затѣмъ особенно ярко обнаруживается въ сложныхъ, волостныхъ формахъ и, наконецъ. какъ бы переходитъ въ подраздѣленіе отдѣльныхъ общинъ на большія естественныя группы населенія, группы, связанныя между собою федеративными отношеніями. Ближайшее знакомство съ этою новою чертою организаціи общинныхъ союзовъ можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на самое происхожденіе такихъ формъ, которыя связаны между собою федеративными отношеніями. Здѣсь кроются также прямыя указанія на тѣ причины. которыя могутъ способствовать ослабленію внутренней связи между отдѣльными поселеніями большихъ волостныхъ общинъ и притомъ ослабленію, надо замѣтить, происходящему чисто естественнымъ путемъ, безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній и давленія. И такъ, въ чемъ же заключаются основныя черты этого естественнаго подраздѣленія общинныхъ союзовъ, дробящаго населеніе ихъ по мѣсту жительства на группы?

Чтобы уяснить себѣ нѣсколько основанія этого подраздѣленія общиннаго населенія по группамъ, необходимо снова коснуться той организаціи общинныхъ союзовъ, которую придаетъ имъ естественное дѣленіе ихъ населенія на отдѣльныя семьи или домохозяйства. Каждая семья, взятая особнякомъ, представляетъ изъ себя простѣйшую ассоціаціонную форму, способствующую экономической жизни и производительности ея членовъ. Общія условія этой жизни, съ одной стороны, и естественное стремленіе человѣка къ ассоціаціи съ подобными ему существами, съ другой, ставятъ отдѣльныя семьи въ общія, взаимно-солидарныя между ними отношенія. Между семейными формами, въ силу этихъ причинъ, идетъ постоянная мѣна труда и взаимныхъ услугъ, выражающаяся въ цѣломъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ случаевъ деревенской взаимопомощи. Складывается чрезвычайно своеобразная, тѣсная, интимная жизнь трудящагося люда, жизнь, происходящая у всѣхъ на виду, подъ контролемъ одного общественнаго

мнѣнія и въ строгой зависимости отъ двухъ крайнихъ факторовъ—личнаго интереса и общинной солидарности. Такимъ образомъ, единство общиннаго населенія, связывающее его въ одну крѣпкую группу, есть единство прежде всего экономическое, и если бы даже только одно оно лежало въ основѣ организаціи общинныхъ союзовъ, то и тогда они отличались бы тѣми общими чертами, которыя свойственны имъ, какъ формамъ общественнымъ, живущимъ общею, однообразною жизнію не только въ экономическомъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—и въ интеллектуальномъ, и въ нравственномъ, и въ религіозномъ.

Тамъ, гдѣ община состоитъ изъ одного только поселенія и гдѣ само это поселеніе незначительно по размѣру, взаимная связь между отдѣльными домохозяйствами особенно близка и тѣсна. Все населеніе живетъ интимною жизнью однодеревенцевъ-сосѣдей и не существуетъ никакихъ подраздѣленій по мѣстожительству на группы или партіи. На сходахъ, въ повседневной жизни, при праздничной обстановкѣ, въ счастьѣ и въ горѣ,—словомъ, во всѣхъ важнѣйшихъ жизненныхъ случаяхъ, община представляетъ собою одно тѣсно сплоченное цѣлое. Такимъ именно характеромъ отличаются мелкія однопоселочныя общины средней и сѣверной Россіи. Но не такими оказываются взаимныя отношенія въ средѣ населенія крупныхъ, населенныхъ общинъ. Здѣсь уже существуетъ извѣстное дѣленіе населенія на группы по мѣстожительству. Таково дѣленіе малорусскихъ общинъ по «куткамъ» и «краямъ» и вообще разграниченіе населенія на части въ крупныхъ однопоселочныхъ общинахъ. Вотъ какъ, напр., описываетъ составъ малорусской «громады» Борисовъ при раздѣленіи села на такъ называемые «кутки», естественные центры, къ которымъ тяготѣютъ извѣстныя группы домохозяйствъ:

«Каждое село дѣлится обыкновенно на кутки и каждый кутокъ представляетъ своего рода самостоятельную единицу, имѣетъ свою исторію и своихъ героевъ, которые или служатъ ему въ похвалу, которыми онъ гордится или которыми конфузится, которые служатъ ему въ упрекъ, которые послужили поводомъ къ такому или иному мнѣнію всего села о «куткѣ». На общей громадской сходкѣ каждый кутокъ представляетъ своего рода партію. Каждая такая партія на сходкѣ защищаетъ свои собственные кутковые интересы, напр., открытіе школы на своемъ куткѣ, нежеланіе отвести выгонъ подъ солдатскія усадьбы (?) и т. п. Что каждый кутокъ считаетъ себя самостоятельною

частью цѣлаго села, въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ фактовъ: каждый кутокъ имѣетъ свою «вулицу» (т. е. «улицу». мѣсто ночныхъ гульбищъ молодежи), свои «досвітки» (посидѣлки), гдѣ исключительно почти гуляетъ кутковая молодежь».

«Не слѣдуетъ думать, продолжаетъ далѣе тотъ же авторъ, что такая децентрализація малорусскаго села слишкомъ вредно отзывается на интересахъ всего села,—далеко нѣтъ; каждый кутокъ блюдетъ, чтобы не быть стѣсненнымъ въ экономическомъ и общественномъ отношеніяхъ другими кутками, и тѣмъ самымъ эта децентрализація способствуетъ правильному отправленію экономическихъ и общественныхъ отношеній всего села. Кромѣ того, разнообразіе мнѣній способствуетъ всестороннему обсужденію вопросовъ, взаимныхъ уступокъ, что, въ свою очередь, значительно способствуетъ развитію уваженія къ личности и къ группѣ личностей, уваженія къ коллективному общественному мнѣнію».

Что касается происхожденія кутковъ, то, по мнѣнію того же автора, оно могло совершиться двоякимъ образомъ: «посредствомъ разростанія семей, первоначально поселившихся въ той или другой мѣстности (?) села (въ началѣ его образованія), на что указываютъ нерѣдко и самыя названія кутковъ и составъ населенія кутка, состоящаго изъ родственниковъ, хоть и очень далекихъ; или же чрезъ наростаніе народонаселенія всего села, въ силу котораго отдѣлившіяся семьи селятся на отведенныхъ обществомъ мѣстахъ и мало-по-малу образуютъ цѣлый кутокъ; нерѣдко можно найти кутки, населенные ткачами или рыбалками и т. п. Названія кутковъ — или отъ фамилій первыхъ поселенцевъ, или отъ характера занятій жителей кутка, иногда отъ мѣстности кутка, а нерѣдко и отъ случайныхъ условій: окрестить кутокъ или зданіе одного жителя его, по какому-нибудь выдающемуся поводу, мѣткимъ эпитетомъ, такъ этотъ эпитетъ и остается прозвищемъ кутка на вѣчныя времена. Словомъ, кутки—не историческій остатокъ административнаго дѣленія старыхъ городовъ на пятины, десятины и т. п., а результатъ историческаго и экономическаго роста села. Кутокъ нельзя смѣшивать также съ приселкомъ; послѣдній самъ дѣлится на кутки и отличается отъ села только (?) тѣмъ, что не составляетъ штатнаго прихода, и названіе приселка нерѣдко возникаетъ по совершенно случайнымъ, не имѣющимъ никакого серьезнаго основанія, причинамъ*).

*) Евг. Борисовъ. „Малорус. сельское общество“. Слово, 1879 г.; № 1-й, стр. 9—11.

Не смотря на нѣкоторую неполноту и не совсѣмъ грамотное изложеніе этой характеристики малорусскихъ кутковъ, въ ней, въ этой характеристикѣ, во всякомъ случаѣ остаются вѣрными, какъ самый фактъ существованія кутковъ въ малорусскихъ селахъ, такъ и то замѣчаніе, что причинъ происхожденія кутковъ нужно искать не въ административныхъ дѣленіяхъ села, а во внутреннихъ естественныхъ условіяхъ его исторической жизни. Кутки составляютъ повсемѣстную принадлежность крупныхъ поселеній южной Россіи, но не вездѣ нынѣшнее существованіе ихъ характеризуется одними и тѣми же признаками. Въ однихъ мѣстахъ значеніе кутковъ выступаетъ наружу съ особенною рельефностью, въ другихъ оно менѣе замѣтно. Если не каждое село, то извѣстныя мѣстности отличаются въ этомъ отношеніи нѣкоторыми особенностями. Въ одномъ случаѣ, обособленіе кутковъ, какъ простѣйшихъ центровъ внутренней бытовой жизни народа, поддерживается только молодежью, имѣющею свою отдѣльную «улицу» и «досвітки», отдѣльно «щедрующею» и «колядующею» и отдѣльно устраивающею свои праздничныя и зимнія игрища—«складки», т. е. характеризуется чисто этнологическими чертами, и часть этихъ чертъ свойственна любому малорусскому селу. Въ другомъ, къ нимъ примѣшиваются такія явленія, какъ празднованіе кутковыхъ «обжинокъ», оригинальнаго обычая древней сельской общины, устройство кутковыхъ помочей и пр., что встрѣчается, въ нѣкоторыхъ селахъ Борзенскаго уѣзда Черниговской губерніи. Въ третьемъ, особенно сильно выступаетъ наружу значеніе экономическихъ интересовъ кутка: «кутокъ» или «кѣрай» содержитъ свою отдѣльную «череду» рогатаго скота и «черёдку» телятъ, имѣетъ по возможности въ одномъ мѣстѣ «царину», т. е. пашни, а также капустники и пр., чѣмъ характеризуется большинство станицъ бывшихъ черноморскихъ козаковъ. Наконецъ, въ четвертомъ, куткамъ свойственны сходъ и судъ сосѣдей*), и это едва ли не самая своеобразная и самая важная черта, констатирующая самостоятельное, до извѣстной степени автономное значеніе кутковъ въ жизни села,—черта, если и рѣдкая по отношенію къ общему количеству крупныхъ

*) О судѣ сосѣдей упоминаютъ: П. П. Чубинскій въ „Очеркахъ юридическихъ обычаевъ въ Малороссіи“ и П. С. Ефименко въ своей книгѣ „Народные юридическіе обычаи въ Архангельской губерніи“. Кромѣ того, есть краткія указанія на него въ „Трудахъ Коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“. (Е. Якушкинъ. „Об. право“, стр. XXV.)

поселеній Россіи, то несомнѣнно общая всѣмъ, болѣе или менѣе значительнымъ ея мѣстамъ. Такимъ образомъ, изъ одного этого перечня основныхъ чертъ, характеризующихъ значеніе кутковъ въ жизни крупныхъ селъ, можно вывести уже то заключеніе, что подраздѣленіе общинныхъ союзовъ на кутки представляетъ собою явленіе довольно сложное и тѣсно вяжущееся съ основнымъ характеромъ общинной жизни народа.

Если на самомъ дѣлѣ допустить, что на образованіе кутковъ вліяли, съ одной стороны, родовое начало, а съ другой, чисто экономическія причины, а иныхъ причинъ, имѣющихъ болѣе или менѣе широкое жизненное значеніе, собственно говоря, и немыслимо допустить,—то тогда само собою станетъ ясно, что процессъ образованія кутковъ совершенно сходенъ съ процессомъ образованія и вообще общинно-земельныхъ формъ и союзовъ. Разросталась какая-нибудь семья, выдѣлялись изъ среды ея самостоятельные хозяева и селились отдѣльными дворами рядомъ съ родичами—и вотъ въ результатѣ получался кутокъ. Родовая связь продолжала существовать между отдѣльными семьями, общія экономическія нужды еще болѣе укрѣпляли эту связь — и кутокъ принималъ характеръ чего-то цѣлаго, единаго, живущаго въ извѣстныхъ рамкахъ совершенно самостоятельною автономною жизнью. Съ другой стороны, та же общность экономическихъ нуждъ заставляла объединяться въ отдѣльную кутковую группу и совершенно чуждыхъ другъ другу поселянъ, какъ близкихъ сосѣдей. Такъ, положимъ, въ Стародеревянковской станицѣ Кубанской области когда-то образовался кутокъ Сохачивка, получившій свое названіе отъ многочисленной родни—Сохачей, а въ станицѣ Новодеревянковской, лежащей рядомъ съ Стародеревянковской и населенной самыми разнородными выходцами изъ другихъ мѣстъ Черноморіи и Малороссіи, раздѣленіе жителей на два кутка или «края»—на «крайчанъ» и «гребельщиковъ»,—совершилось безъ всякаго участія родоваго принципа въ этомъ дѣленіи, просто путемъ естественнаго объединенія поселенцевъ по мѣсту жительства подъ вліяніемъ экономическихъ нуждъ и интересовъ. Подобные же факты, по словамъ Борисова, встрѣчаются и въ Малороссіи. Но не то ли же самое происходило и при образованіи общинно-земельныхъ союзовъ?—Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что именно то же самое.

Такимъ образомъ, на кутки можно смотрѣть, какъ на зачаточныя формы самихъ общинныхъ союзовъ. На это указываетъ,

какъ процессъ ихъ образованія, такъ и извѣстная степень ихъ автономности. Разъ кутокъ отличается какою-нибудь особенностью, выдѣляющею его изъ остальныхъ частей села, какъ нѣчто цѣльное и единое,—вполнѣ естественно, что его представители являются въ формѣ обособленной группы и на сходахъ. Сходъ получаетъ сложную, составную форму, образуются своего рода партіи и все село получаетъ, такимъ образомъ, характеръ волостной общины. Кутки отправляютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ роль какъ бы отдѣльныхъ поселеній, а ихъ взаимная связь поддерживается принадлежностью къ одной и той же общинѣ. И дѣйствительно, проводя съ этой стороны параллель между крупными однопоселочными общинными формами съ ихъ дѣленіями на кутки и общинами волостными, легко найти между ними много общихъ точекъ соприкосновенія.

Волостная община представляетъ, такъ сказать, только дальнѣйшее дѣленіе общинныхъ союзовъ на части, соотвѣтствующія куткамъ однопоселочныхъ общинъ. Каждая деревня, входящая въ ея составъ, является уже въ силу своего естественнаго положенія чѣмъ-то отдѣльнымъ, обособленнымъ. Въ такомъ видѣ она имѣетъ всѣ важнѣйшія черты, разумѣется, въ зачаточной формѣ—простѣйшаго общиннаго союза, свое общественное мнѣніе, извѣстный кругъ своихъ общихъ экономическихъ нуждъ и потребностей, свой сходъ, свой судъ, иногда свой деревенскій праздникъ, свою школу и пр. Являясь, такимъ образомъ, болѣе или менѣе самостоятельною и автономною единицею по отношенію къ достиженію своихъ ближайшихъ, непосредственныхъ цѣлей, она входитъ въ общинный союзъ только въ видѣ части, преслѣдующей наравнѣ съ другими подобными ей частями уже болѣе общіе цѣли и интересы. Значитъ, что касается вообще общественныхъ нуждъ и потребностей, то каждая деревня волостной общины играетъ въ этомъ отношеніи двойственную роль, роль самостоятельной единицы и роль составной части общиннаго самоуправленія. Ея полноправные члены оказываются, поэтому, разомъ представителями и отдѣльныхъ семей, и цѣлой деревни. Участвуя въ сходахъ всего міра вмѣстѣ съ представителями другихъ деревень, они нерѣдко устраиваютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свои собственные деревенскіе сходы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Воробинской волости Сольвычегодскаго уѣзда, такіе сходы носятъ на языкѣ крестьянъ названіе «сходовъ сосѣдей» или «сходовъ деревни». Однимъ словомъ, обособленіе отдѣльныхъ

деревень въ волостной общинѣ достигаетъ своихъ крайнихъ границъ и самая организація общиннаго самоуправленія происходитъ вслѣдствіе этого на счетъ союза совершенно самостоятельныхъ общественныхъ единицъ или партій, какими оказываются группы представителей отдѣльныхъ деревень.

Чѣмъ обособленнѣе оказывается жизнь отдѣльныхъ деревень, чѣмъ меньше точекъ соприкосновенія существуетъ между этими послѣдними, тѣмъ, понятно, слабѣе бываетъ ихъ взаимная связь и тѣмъ неустойчивѣе должна быть сама община, состоящая изъ такихъ деревень. Когда волостная община владѣетъ и пользуется сообща положительно всѣми угодьями, тогда внутренняя связь и единство ея составныхъ частей достигаетъ наибольшей силы. Чаще эта связь поддерживается общностью пользованія одними сѣнокосными или лѣсными угодьями. Тогда внутренняя связь и единство составныхъ частей должны отличаться, понятно, меньшею интенсивностью, чѣмъ какою они отличаются въ предыдущемъ случаѣ. Наконецъ, бываютъ иногда и такіе случаи, когда связь между отдѣльными деревнями ограничивается общностью владѣнія и пользованія только однимъ какимъ-нибудь клочкомъ земли. Тогда является федеративная форма общинныхъ союзовъ. Стало быть, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, обособленіе отдѣльныхъ деревень или группъ ихъ достигаетъ своей крайней степени. Каждая деревня или группа ихъ составляетъ совершенно самостоятельную и независимую общину, а общая федеративная связь такихъ общинъ является только незначительною дополнительною чертою ихъ внутренней жизни. Еще шагъ — и община можетъ распасться окончательно на свои составныя части, изъ которыхъ каждая будетъ составлять уже совершенно обособленную общину, теряющую всякую поземельную связь съ другими общинами и деревнями. Излишне было бы подтверждать все это фактическими указаніями, которыя, впрочемъ, мы приводили уже отчасти въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ эта глава заняла и безъ того достаточно много мѣста. Мы ограничимся, поэтому, здѣсь только однимъ констатированіемъ тѣхъ общихъ чертъ въ организаціи сложныхъ общинныхъ союзовъ, что организація эта держится на взаимной связи такихъ крупныхъ частей, какъ отдѣльныя деревни или даже цѣлыя группы ихъ, что каждая изъ такихъ частей является обособленною коллективною единицею уже въ силу своего естественнаго положенія въ ряду другихъ и что, наконецъ, чѣмъ шире бываетъ кругъ владѣнія и пользованія

общинными землями и угодьями со стороны отдѣльныхъ составныхъ частей волостныхъ общинныхъ союзовъ, тѣмъ прочнѣе ихъ организація, и наоборотъ.

Итакъ, суммируя все сказанное въ настоящей главѣ относительно личнаго состава и организаціи общинныхъ союзовъ, можно отмѣтить собственно только три существенныя черты этой организаціи: во-первыхъ, основною ячеичною формою всякой общинной организаціи оказывается семья; во-вторыхъ, въ каждой общинѣ бываетъ только извѣстное число правоспособныхъ членовъ, являющихся представителями семей и составляющихъ изъ себя организацію общиннаго самоуправленія, и въ-третьихъ, наконецъ, естественная группировка отдѣльныхъ семействъ или хозяйствъ по мѣстожительству дѣлитъ общинное населеніе на болѣе или менѣе значительныя части или группы, придавая, такимъ образомъ, и организаціи большинства общинныхъ союзовъ сложно составной характеръ. Лицо при этомъ одинаково служитъ связующимъ звеномъ, какъ между всѣми этими группами и подраздѣленіями общинныхъ союзовъ, такъ и въ самомъ составѣ такихъ группъ. Центръ тяжести лежитъ именно въ немъ, въ лицѣ или, точнѣе, въ томъ, что принято называть на языкѣ народа «работникомъ»; затѣмъ весь механизмъ организаціи общинныхъ союзовъ складывается изъ того или другаго соотношенія между собою отдѣльныхъ лицъ. Таково собственно построеніе общинныхъ союзовъ. Но чѣмъ же, однако, регулируются важнѣйшія отправленія этихъ формъ, въ чемъ заключается то основное начало, которымъ объединяются эти отправленія — вотъ вопросъ, отвѣтъ на который мы попытаемся дать уже въ слѣдующей главѣ.

Ф. Щербина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Боярская дума древней Руси.

Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.

ГЛАВА V*).

Старцы градскіе X в. — остатокъ военнаго устройства, въ какое стали облекаться большіе торговые города съ IX в. и изъ котораго вышелъ русскій князь съ дружиной.

Въ общественномъ быту восточныхъ Славянъ хозарскаго времени мы можемъ разглядѣть только экономическія основанія, можемъ догадываться о происхожденіи промышленныхъ округовъ, городскихъ и погостовыхъ, сельскихъ. Но политическія отношенія между ними остаются неясны. Они обозначаются яснѣе съ той минуты, какъ стало колебаться хозарское владычество.

Признаки этого колебанія показываются въ первой половинѣ IX в. Изъ нихъ два встрѣчаемъ въ иноземныхъ источникахъ, третій въ русскихъ. Византійское извѣстіе о построеніи крѣпости Саркела на Дону въ 830-хъ гг. объясняется потребностью Хозаръ укрѣпиться съ этой стороны противъ кочевниковъ, уже прорывавшихся изъ-за Волги къ Дону и далѣе на западъ. Въ извѣстномъ разсказѣ Бертинской лѣтописи о послахъ изъ народа или отъ народа Руси, приходившихъ въ Константинополь и оттуда попавшихъ на Рейнъ къ императору Людовику въ 839 г., есть одна подробность, не подвергавшаяся такому спору критиковъ, какъ другія черты того же разсказа. Послы, прибывшіе въ Царьградъ, очевидно, съ Днѣпра, чего не оспариваютъ толкователи, не пошли назадъ прежней дорогой, потому что она пролегала «среди варварскихъ и чрезвычайно свирѣпыхъ народовъ». Краткое извѣстіе, попавшее въ нашъ лѣтописный сводъ поздняго времени, указываетъ по крайней мѣрѣ на одинъ изъ этихъ дикихъ народовъ, затруднявшихъ сношенія Приднѣпровья съ Царьградомъ. Аскольдъ и

---

*) См. янв., март. и апрѣл.

Диръ, защищая Полянъ кіевскихъ отъ обижавшихъ ихъ сосѣдей, въ 867 г., по свидѣтельству Никоновскаго списка лѣтописи, избили «множество Печенѣгъ». Къ числу этихъ же народовъ надобно повидимому отнести и Булгаръ, въ 864 г. убившихъ Аскольдова сына: вѣроятно, это тѣ же Черные Булгары, «пакостившіе», по азовскимъ и черноморскимъ прибрежьямъ, на которыхъ указываютъ въ X в. Масуди и Игоревъ договоръ. Между тремя приведенными извѣстіями есть очевидная внутренняя связь: они отмѣтили разновременныя явленія одного и того же факта, который состоялъ въ томъ, что новые хищные гости южнорусскихъ степей, тревожившіе Хозаръ на Дону въ началѣ IX в., въ три-четыре десятилѣтія успѣли продвинуться такъ далеко на западъ, что обсѣли берега нижняго Днѣпра и даже начали безпокоить обывателей кіевскаго края.

Итакъ, Хозары въ первой половинѣ IX в. уже не были въ состояніи сдерживать кочевыхъ варваровъ, напиравшихъ съ востока, и торговые пути, проторенные изъ славянскаго Приднѣпровья въ продолженіе болѣе чѣмъ столѣтія подъ хозарскимъ покровительствомъ, начали засариваться. Рядъ городовъ по нижнему Днѣпру, которые Константинъ Багрянородный зналъ уже въ развалинахъ во время владычества Печенѣговъ и которые, можетъ быть, питались шедшимъ здѣсь прежде торговымъ движеніемъ, вѣроятно, погибли подъ тѣмъ же печенѣжскимъ наплывомъ. Упадокъ хозарскаго владычества произвелъ большой переворотъ въ положеніи днѣпровскаго славянства. Главнымъ послѣдствіемъ этого упадка было то, что прежніе промышленные округа стали превращаться въ политическія области, рынки становились источниками и средоточіями власти. Можно возстановить нѣкоторыя черты этого важнаго процесса.

Прежде всего можно доказать, что торговые центры, главные города начали становиться на военную ногу, вооружаться, чтобы защитить себя и свои торговые пути отъ новыхъ обитателей степей. Одно изъ доказательствъ этого можно найти въ административномъ устройствѣ большихъ городовъ X и XI в.; другое—въ составѣ ихъ населенія.

Уже въ X в. скупой на бытовыя указанія разсказъ нашей древней лѣтописи даетъ замѣтить признаки военнаго устройства нѣкоторыхъ русскихъ городовъ. О князѣ Владимірѣ читаемъ, что, установивъ пиры въ своей кіевской гридницѣ по воскресеньямъ, онъ приглашалъ на нихъ вмѣстѣ съ людьми княжей дружины

еще сотскихъ, десятскихъ и нарочитыхъ мужей. Памятники слѣдующихъ столѣтій ближе знакомятъ насъ съ этимъ устройствомъ. Населеніе значительнаго города, независимо отъ военнаго люда, составлявшаго княжескую дружину, представляло военно-административную единицу, полкъ, «тысячу», которая подраздѣлялась на роты, «сотни»; этими сотнями командовали сотники съ набольшимъ городовымъ вождемъ, тысяцкимъ, во главѣ. О должности тысяцкаго выражались въ XI—XIII вѣкахъ: такой-то держитъ воеводство тысячи кіевской или какого-либо другаго города. Лѣтопись разсказываетъ, какъ въ 1252 году владимірцы встрѣтили и посадили на отцовскій столъ возвратившагося изъ Орды кн. Александра Невскаго, «тысящу предержащу Роману Михайловичу и *весь рядъ*». Эти послѣднія слова показываютъ, что все собственно городовое управленіе Владиміра сосредоточивалось въ рукахъ тысяцкаго. Военное значеніе *воеводы*, принадлежавшее тысяцкому, объясняетъ, почему иностранцы называли новгородскаго тысяцкаго *герцогомъ*. Впослѣдствіи, въ городахъ Московскаго государства тысячи и тысяцкіе исчезаютъ, но сотни съ ихъ сотниками остаются; только онѣ теряютъ свое первоначальное военное значеніе. Какъ извѣстно, эти военно-административныя сотни не были исключительнымъ явленіемъ нашей исторіи; но у насъ онѣ отличались одной любопытной особенностью. На западѣ, въ древней Германіи и странахъ, завоеванныхъ Германцами, это были единицы общаго территоріальнаго дѣленія; оно возникло раньше появленія городовъ у Германцевъ и, значитъ, сотня была первоначально собственно сельскимъ округомъ. Въ древней Руси дѣленіе на сотни съ самыхъ раннихъ поръ, какъ только появляются его признаки въ историческихъ памятникахъ, составляетъ отличительную принадлежность города, и не находимъ слѣдовъ, которые указывали бы на то, что оно до земскихъ реформъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. существовало независимо отъ города среди сельскаго крестьянскаго населенія. Извѣстная соціально-административная формула, являющаяся въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями уже съ XIII в., прямо указываетъ на сотенное дѣленіе, какъ на особенность, которой отличалось устройство городскаго промышленнаго населенія отъ сельскаго: по новгородской старинѣ-пошлинѣ купецъ тянулъ въ свое сто, а смердъ въ свой погостъ. Правда, нѣсколько позднѣе въ московскихъ актахъ мы встрѣчаемъ и сельскихъ сотскихъ съ десятскими; но это было простымъ пере-

несеніемъ городской административной терминологіи на сельскія учрежденія, издавна существовавшія и имѣвшія вовсе неодинаковое происхожденіе съ древними городскими сотнями и десятками. Причиной этого перенесенія было устройство областнаго управленія въ удѣльное время. Какъ извѣстно, область того времени, уѣздъ не былъ цѣльной административной единицей: волостели, правители сельскихъ волостей, на которыя раздѣлялся уѣздъ, по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ только высшей уголовной юрисдикціи, и то не вездѣ, завѣдовали своими округами совершенно независимо отъ уѣзднаго намѣстника, власть котораго простиралась собственно только на главный городъ уѣзда съ нѣсколькими окологородными волостями. Эти приписанныя къ городу волости или станы, составлявшіе собственно «городской уѣздъ», по выраженію древнихъ московскихъ грамотъ, управляемые одинаково съ городомъ, однимъ и тѣмъ же намѣстникомъ съ его тіунами и доводчиками, начали рано усвоять и своимъ общиннымъ земскимъ учрежденіямъ нѣкоторые термины городской администраціи. Такъ старинному учрежденію, выборному волостному старостѣ московскіе акты уже въ XV в. усвояютъ названіе сотскаго, когда говорятъ о старостѣ подгороднаго стана, подвѣдомственнаго намѣстнику города. Наглядным указаніемъ на такую причину перенесенія административнаго термина изъ городскаго управленія въ сельское можетъ служить подмосковная Васильцева волость. Какъ приписанная непосредственно къ городу, она въ половинѣ XIV в., въ духовныхъ вел. кн. Ивана Ивановича, называется станомъ, но въ духовныхъ грамотахъ преемниковъ этого Ивана уже носитъ названіе Васильцева *ста*, какъ назывались въ старину городскія сотни; въ актахъ XVII в. опять является Васильцевъ *станъ* (А. Ист. III, № 133). Впрочемъ такое названіе приписнаго къ городу стана—довольно рѣдкое явленіе. Чаще встрѣчаемъ въ актахъ до половины XVI в. одну видимую несообразность, какъ доказательство того, что сотенное дѣленіе первоначально было чуждо сельскому міру и впослѣдствіи сюда проникла только его терминологія: именно старосты подгородныхъ становъ обыкновенно называются сотскими; но самые станы не называются сотнями, а сохраняютъ свое настоящее административное названіе, хотя и мелкія выборныя власти стана, подчиненныя становому старостѣ—сотскому, зовутся десятскими. Перенесеніе терминовъ городской администраціи на чуждую для нихъ почву шло даже дальше подгородныхъ становъ: въ актахъ конца XV и начала

XVI в. старосты неприписныхъ, самостоятельныхъ волостей иногда называются сотскими, хотя въ половинѣ XV в., судя по грамотѣ в. княгини Марьи Ярославны (А. А. Э. I, № 53), «староста волостной» отличался отъ сотскаго, какъ управителя, котораго въ волости не бываетъ. Эта путаница въ административномъ языкѣ усиливаетъ запутанность, которой и безъ того страдало областное управленіе удѣльнаго времени. Съ развитіемъ земскихъ учрежденій въ XVI в. здѣсь устанавливается больше порядка и стройности; только съ этого времени и сотенное дѣленіе водворяется въ сельской администраціи, но съ особымъ характеромъ, непохожимъ на прежнее городское. Съ передачей мѣстнымъ обществамъ, городскимъ и сельскимъ, власти административной, судебной и полицейской, особенно права судить и казнить лихихъ людей, велѣно было раздѣлить станы и волости по числу дворовъ на сотни, полусотни и десятки, выбравъ въ нихъ для наблюденія за порядкомъ и безопасностью сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ, дѣйствовавшихъ подъ руководствомъ главныхъ выборныхъ начальниковъ округа, излюбленныхъ головъ, выборныхъ судей, губныхъ старостъ и т. п. Самое это распоряженіе о раздѣленіи округовъ на сотни показываетъ, что такого административнаго дѣленія здѣсь не существовало прежде, хотя старосты становъ и волостей носили названіе сотскихъ. Такимъ образомъ, сотня, переставъ быть исключительно городской, получила значеніе земско-полицейскаго участка. Кромѣ названія въ этихъ полицейскихъ участкахъ незамѣтно ничего, что имѣло бы прямую историческую связь съ древними городскими сотнями, развѣ предположить, что при введеніи новыхъ учрежденій еще помнили о полицейскихъ обязанностяхъ, какія соединяли сотники въ древнихъ городахъ съ своимъ военнымъ значеніемъ. Во всякомъ случаѣ, сельскія сотни XVI в. были развитіемъ и дальнѣйшимъ распространеніемъ въ сельскомъ мірѣ учрежденія, возникшаго и долго дѣйствовавшаго только въ городѣ, а не въ селѣ. Но старинныя сотни не исчезли безслѣдно въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в. Какъ извѣстно, здѣсь въ эти вѣка высшее купечество, сосредоточенное въ столицѣ, дѣлилось на двѣ сотни, гостинную и суконную, изъ которыхъ выдѣлялся еще немногочисленный разрядъ такъ называемыхъ «гостей», стоявшій на самой вершинѣ московской іерархіи коммерческихъ чиновъ. Эти двѣ торговыя сотни съ выдѣлявшейся изъ нихъ верхушкой по своему значенію напоминаютъ нынѣшнія ку-

печескія гильдіи и составляли привилегированный классъ по отношенію къ торговымъ людямъ московскихъ «черныхъ сотенъ и слободъ», т. е. къ рядовому московскому мѣщанству того времени. Судя по названіямъ, встрѣчающимся въ памятникахъ XVII в., эти черныя сотни (Покровская, Срѣтенская и др.) сохраняли еще мѣстное значеніе, какое имѣли онѣ въ старину, т. е. были своего рода кварталами, на которые дѣлился посадъ города Москвы. Но въ XVII в. въ нихъ, какъ и въ промысловыхъ городскихъ слободахъ, можно замѣтить и нѣкоторые зачатки цехового дѣленія, не достигшіе ни достаточнаго промышленнаго развитія, ни надлежащей корпоративной твердости. По нѣкоторымъ признакамъ можно догадываться, что эти сословно-цеховыя черныя сотни XVII в. имѣли прямую историческую связь съ военнымъ дѣленіемъ древнихъ городовъ Руси и, слѣдовательно, были остаткомъ тѣхъ сотенъ города Москвы, которыми въ XIV в. командовалъ московскій тысяцкій, такъ какъ эти послѣднія по своему характеру были одинаковы съ сотнями старинныхъ волостныхъ городовъ Руси. Типическій представитель этихъ городовъ, Новгородъ Великій, дѣлился на 10 сотенъ. Но изслѣдователи съ недоумѣніемъ останавливались на двухъ чертахъ новгородскаго устройства, не зная, какъ примирить ихъ съ этимъ дѣленіемъ. Во-первыхъ, по вышеприведенному положенію новгородскихъ договорныхъ грамотъ, что купецъ тянетъ въ свое сто, выходитъ, какъ будто въ Новгородѣ только кущы дѣлились на сотни, а купцами назывался въ Новгородѣ одинъ классъ общества, слѣдовавшій по мѣстному соціальному распорядку за боярами и житыми людьми и стоявшій выше черныхъ людей. Во-вторыхъ, оказывается, что тысяцкій, названіе котораго указываетъ на начальника всѣхъ городскихъ сотенъ, не командовалъ именно купцами, дѣлившимися на сотни: въ извѣстной грамотѣ кн. Всеволода, данной церкви св. Іоанна на Опокахъ, онъ является представителемъ черныхъ людей. При разъясненіи этого двойнаго недоумѣнія прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе сходство терминологіи московской сотенной администраціи XVII в. съ древней новгородской. Сотнямъ рядоваго посадскаго населенія города Москвы въ XVII в. принадлежало спеціальное названіе «черныхъ»; и въ Новгородѣ десять сотскихъ съ тысяцкимъ являются представителями черныхъ людей, массы простонародья, въ отличіе отъ высшаго купечества. Въ Москвѣ головы высшихъ торговыхъ сотенъ, гостинной и суконной, назывались

не сотниками, а старостами*); и въ Новгородѣ во главѣ высшаго купечества, стоявшаго между боярами и черными людьми, во главѣ «купцовъ» или «торгощей», видимъ «старостъ», которыхъ обѣ уставныя грамоты Всеволода отличаютъ отъ тысяцкаго и сотскихъ и даже противополагаютъ имъ, какъ представителямъ массы городскаго населенія. Такой внѣшній признакъ, какъ сходство терминологіи, получаетъ нѣкоторое значеніе, когда за нимъ замѣчаемъ сходныя явленія, не смотря на раздѣляющее ихъ разстояніе въ 4—5 столѣтій. Гостинная и суконная сотни въ Москвѣ выдѣлялись изъ числа черныхъ сотенъ, какъ высшіе разряды торговыхъ людей, своего рода купеческія гильдіи изъ рядоваго мѣщанства. Такое же отношеніе замѣтно и между классами новгородскаго общества: не говоря о боярахъ, которые, какъ самые крупные и привилегированные капиталисты, могутъ быть сопоставляемы съ московскими гостями, житые люди и купцы являются по отношенію къ массѣ черныхъ людей Новгорода тѣмъ же, чѣмъ были торговые люди гостинной и суконной сотенъ среди люда, изъ котораго состояли московскія черныя сотни и слободы. Эта догадка поддерживается особенно тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ высшихъ разрядовъ новгородскаго общества, являющійся въ актахъ подъ спеціальнымъ названіемъ «купцовъ», обозначался одинаковымъ сословно-административнымъ терминомъ съ московскими гильдіями XVII в., составлялъ «сотню»: новгородецъ Климентъ въ своей духовной (XIII в.) перечисляетъ должниковъ своихъ, членовъ «купецкаго ста», къ которому, вѣроятно, онъ и самъ принадлежалъ. Значитъ, новгородскія договорныя грамоты, говоря, что купецъ долженъ тянуть въ сто, какъ смердъ въ свой погостъ, разумѣютъ не сотни, на которыя дѣлился весь Новгородъ, а гильдейскія корпораціи, похожія на суконную и гостинную сотни московскихъ купцовъ. Сходство обоихъ городовъ въ разсматриваемомъ отношеніи замѣтно не только въ высшихъ, но и въ низшихъ слояхъ городскаго населенія, въ массѣ «черныхъ» людей. Въ московскихъ черныхъ сотняхъ и слободахъ можно замѣтить признаки цеховаго дѣленія по роду занятій, по промысламъ. Намекъ на такое же раздѣленіе черныхъ людей въ Новгородѣ можно видѣть въ названіяхъ нѣкоторыхъ концевъ, подраздѣлявшихся на сотни, именно концевъ Плотницкаго и Гончарнаго. Указанные сейчасъ признаки сходства въ

*) Доп. къ Акт. Ист., т. III, № 47. Ср. А. А. Э. II, стр. 53.

городовомъ устройствѣ Новгорода и Москвы вскрываютъ одну нелишенную интереса черту изъ исторіи послѣдней: бывъ едва ли не до половины XIII в. однимъ изъ пригородовъ Суздальской земли, городомъ новой формаціи, и потомъ ставъ главою особой княжеской волости, Москва не замедлила устроиться по типу стараго волостнаго города.

И такъ, древнерусская сотня возникла въ городѣ, изстари была отличительной чертой устройства собственно городскаго промышленнаго населенія и въ сельскую администрацію проникла при посредствѣ своеобразнаго устройства областнаго управленія въ древней Руси; но съ теченіемъ времени ея первоначальное военное значеніе, вслѣдствіе переустройства военныхъ силъ страны, исчезло, уступивъ мѣсто значенію сословно-промышленному, признаки котораго замѣтны въ Новгородѣ уже по памятникамъ XII и XIII в. Теперь надобно отмѣтить въ дальнѣйшей исторіи сотни явленія, которыя наглядно показываютъ, при какихъ обстоятельствахъ возникло это военное дѣленіе обывателей въ нашихъ древнихъ городахъ и въ какихъ именно городахъ: это приведетъ насъ прямо къ отвѣту на вопросъ, вызвавшій настоящее длинное отступленіе.

Въ XVI и XVII в.в. въ предѣлахъ Русской земли существовала и чисто военная сотня не исключительно городская, но и не сельская, т. е. не крестьянская. Она была притомъ двухъ видовъ, которые держались на южныхъ окраинахъ тогдашней Руси: одна была казацкая сотня, другая—помѣстная. Извѣстно устройство казацкаго приднѣпровскаго населенія, повторившееся въ основныхъ чертахъ на Дону и на Яикѣ. Для нашего вопроса важны нѣкоторыя внѣшнія черты его. Въ половинѣ XVII в. малороссійское войско размѣщалось очень разбросанно. Обыкновенно полкъ занималъ нѣсколько городовъ, селъ и мелкихъ поселеній, имѣя средоточіемъ городъ, имя котораго онъ носилъ. Полки раздѣлялись на неодинаковое число сотенъ: въ Корсунскомъ считалось 16 сотенъ, въ Нѣжинскомъ даже 35, тогда какъ въ Прилуцкомъ было 10, такъ что, говоря административнымъ языкомъ Руси XII в., его можно было бы назвать Прилуцкой тысячей; тоже число сотенъ было въ Каневскомъ полку. Сотня, впрочемъ, имѣла номинальное значеніе; большею частію въ ней было больше ста казаковъ, рѣже меньше ста: въ Почапской сотнѣ числилось до 900, а въ Топольской всего 85; Каневская полковая тысяча считала въ себѣ 3152 рядовыхъ казака. Въ городахъ помѣща-

лось по одной или по нѣскольку сотенъ, въ иныхъ по полусотнѣ; иногда сотня составляла сельскій округъ, своего рода волость или станъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ селъ и деревень: въ переписи 1654 г. отмѣчена «сотня села Понырскаго» въ Нѣжинскомъ полку, состоявшая изъ 250 казаковъ и занимавшая большое село, давшее ей имя, три малыхъ сельца и двѣ деревни *). Такой видъ представляло малороссійское казачество въ эпоху разносторонней борьбы съ поляками, турками и татарами. Перейдемъ на московскую юговосточную украйну второй половины XVI в., когда здѣсь также шла напряженная борьба съ татарами. Ряжскій уѣздъ составлялъ тогда часть этой украйны и былъ довольно густо испомѣщенъ служилыми людьми: въ 1597 г. верстанныхъ помѣстными и денежными окладами дѣтей боярскихъ и атамановъ было здѣсь 546 человѣкъ да служилыхъ помѣстныхъ людей, которымъ по разнымъ причинамъ не было дано денежнаго жалованья, числилось 191. Между первыми различались служившіе полковую службу, т. е. ходившіе въ походы вмѣстѣ съ помѣщиками другихъ уѣздовъ, и «служившіе съ пищальми» или пищальники, предназначенные преимущественно для мѣстной службы и имѣвшіе потому постоянную мѣстную организацію, независимую отъ полковыхъ походныхъ распорядковъ. Въ числѣ 546 ряжскихъ служилыхъ людей, имѣвшихъ помѣстные и денежные оклады, такихъ пищальниковъ было 307; они были раздѣлены на шесть сотенъ, каждой изъ которыхъ командовалъ сотникъ изъ помѣщиковъ того же уѣзда; значительная часть каждой имѣла помѣстья отъ 250 до 150 четей, а такъ какъ по положенію съ каждыхъ ста четей долженъ былъ являться на службу одинъ вооруженный всадникъ, то эти триста пищальниковъ, раздѣленные на шесть сотенъ, представляли въ дѣйствительности вооруженную массу въ 450—500 человѣкъ **). Легко себѣ представить, какъ размѣщались пищальники каждой сотни по своимъ помѣстьямъ при тогдашнемъ порядкѣ испомѣщенія, особенно при обычаѣ верстать помѣстьями подросшихъ новиковъ и безпомѣстныхъ служилыхъ людей «изъ порожихъ земель, изъ лишковъ и изъ дикаго поля». Въ этихъ помѣстныхъ сотняхъ было еще меньше сосредоточенности, больше черезполосицы, чѣмъ въ казацкихъ. При первомъ взглядѣ на военное устройство обѣихъ

*) Переписныя книги малор. город. и полковъ, изд. г. *Карповымъ* въ Акт. Ю. и З. Росс., т. X, № 5 и приложеніе.

**) Десятня ряжская 105 г. № 97, рукоп. Моск. Арх. Министерства Юст.

окраинъ Русской земли легко замѣтить, что тамъ и здѣсь дѣйствовали сходныя обстоятельства, которыя приводили къ сходнымъ явленіямъ; тамъ и здѣсь шло вооруженное наступленіе въ степь, которая шагъ за шагомъ отвоевывалась у кочевниковъ, и это постепенное наступательное движеніе разбросало по отвоеванному полю сотни днѣпровскихъ казаковъ и ряжскихъ помѣщиковъ. Такъ было въ ряжскомъ уѣздѣ въ концѣ XVI в. Нѣсколько южнѣе еще въ XVII в. застаемъ явленія, наглядно показывающія, какъ подготовлялось образованіе разбросанной помѣстной сотни и какъ возникало военное сотенное устройство древнихъ городовъ. Въ первой половинѣ XVII в. козловскій уѣздъ былъ украйной, еще не въ полнѣ отвоеванной у степныхъ кочевниковъ. По инструкціи 1638 г., въ опасное время, когда грозилъ набѣгъ изъ степи, воевода козловскій Кикинъ долженъ былъ собрать и «расписать въ сотни» не только мѣстныхъ служилыхъ людей, но и простыхъ обывателей, «черныхъ людей», однихъ разослать на дальнія и ближнія сторожи въ степь, другихъ разставить по городскимъ укрѣпленіямъ и такъ «осаду устроить накрѣпко», чтобъ въ случаѣ набѣга жить въ Козловѣ «безстрашно и надежно» (Бум. Кикиныхъ въ *Симб. Сборн.*, стр. 31).

Обратимся теперь къ древнимъ русскимъ городамъ. Здѣсь, напротивъ, замѣтны слѣды усиленнаго сосредоточенія вооруженныхъ силъ. Остатки военнаго устройства уцѣлѣли только въ городахъ, притомъ лишь въ нѣкоторыхъ. Псковъ — старинный городъ и уже въ X в. по своей значительности едва ли уступалъ иному волостному городу. Но онъ не стоялъ во главѣ особой волости, былъ пригородомъ Новгорода до XIV в. и не имѣлъ потому тысяцкаго, хотя также дѣлился на сотни. Устроенными въ цѣльные полки, въ полныя тысячи являются только главные города волостей. Такое стремленіе стянуть военныя силы въ немногіе пункты показываетъ, что тамъ, гдѣ позднѣе вооруженное движеніе въ степь создало разбросанные по селамъ и деревнямъ казацкіе полки, нѣкогда господствовало обратное движеніе, шла вооруженная оборона противъ наступающаго непріятеля. Впослѣдствіи, въ XII в., замѣчаемъ и здѣсь явленія, напоминающія казацкое военное устройство; но они были созданы переходомъ отъ оборонительной борьбы къ наступательной. Въ извѣстныхъ статьяхъ Русской Правды, излагающихъ законъ Владиміра Мономаха о процентахъ, рядомъ съ тысяцкимъ волостныхъ городовъ Кіева и Переяславля названъ и тысяцкій Бѣлго-

родскій. Бѣлгородъ—не волостной городъ; но это была военная колонія, набранная по распоряженію правительства изъ боевыхъ людей разныхъ областей, изъ «лучшихъ мужей», по выраженію лѣтописи; она выдвинулась на степную границу при кн. Владимірѣ, когда кіевскій князь, соединивъ въ своемъ распоряженіи силы многихъ волостей, велъ уже наступательное движеніе въ степь, подвигаясь медленно, отвоевывая каждый шагъ: въ половинѣ X в., по словамъ Константина Багрянороднаго, отъ Кіева до кочевыхъ Печенѣговъ былъ всего одинъ день пути, а въ 1007 г., по свидѣтельству миссіонера Бруно, два дня. Въ полстолѣтіе Русь подвинулась въ степь миль на шесть. Это наступленіе продолжалось почти до половины XII в., до смерти Мономахова сына Мстислава, и подъ 1149 г. встрѣчаемъ въ лѣтописи необычное извѣстіе, что одинъ князь во время усобицы взялъ у противника Курскъ съ Посемьемъ и «Сновскую тысячу», не городъ Сновскъ или округъ Посновье, а именно Сновскую тысячу. Это значитъ, что въ краю по рѣкѣ Снову поселенъ былъ цѣлый полкъ ратныхъ людей. Были ли это выселенцы изъ городовъ, которые, разсѣявшись по селамъ и деревнямъ, не теряли характера городовыхъ «воевъ» и подобно малороссійскимъ казакамъ до реестра добровольно служили мѣстною стражей; или это были военные люди, поселенные правительствомъ и принадлежавшіе къ княжеской дружинѣ, въ родѣ ряжскихъ пищальниковъ XVI в.: въ томъ и другомъ случаѣ Сновская тысяча указываетъ на то, что въ періодъ наступательнаго движенія въ степь военный людъ началъ выходить изъ-за стѣнъ главныхъ волостныхъ городовъ, куда онъ стягивался дотолѣ, и селился либо сосредоточенно по пограничнымъ укрѣпленнымъ пунктамъ, либо разбросанно въ открытыхъ мѣстностяхъ.

Древняя лѣтопись ясно и точно указываетъ, когда и отчего началось это разсѣяніе военнаго люда: она прямо говоритъ, что Олегъ, утверждаясь въ Кіевѣ, собралъ здѣсь вокругъ себя Варяговъ и Новгородцевъ и прочихъ, т. е. привелъ ратныя силы племенъ, ему покорившихся; вслѣдъ за тѣмъ она прибавляетъ, что Олегъ началъ города ставить, а постройка городовъ по кіевской окраинѣ сопровождалась, какъ это было при Владимірѣ, переселеніемъ въ нихъ «лучшихъ мужей» изъ «иныхъ городовъ», изъ Новгорода, изъ Кривичей, Чуди и другихъ подвластныхъ племенъ. Наступательное движеніе на степь изъ Кіева, продолжавшееся съ перерывами почти до половины XII в., именно

и началось заложеніемъ этой линіи пограничныхъ военныхъ городковъ, послужившей операціоннымъ базисомъ для наступающихъ. Но соединеніе мѣстныхъ боевыхъ силъ подъ командой кіевскаго князя, давшее средства населить эти городки и предпринять это наступленіе, было только заключительнымъ моментомъ процесса, стягивавшаго боевыя силы страны въ немногіе пункты, въ тѣ города, которые являются потомъ во главѣ волостей; подъ рукой князя въ Кіевѣ собралась ратная масса, которая предварительно собиралась по частямъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ. Значитъ, обстоятельства, вызвавшія это сосредоточеніе по волостнымъ городамъ, непосредственно предшествовали появленію князя въ Кіевѣ и ему содѣйствовали. Они вышли изъ потрясенія, испытаннаго Русскою землей въ первой половинѣ IX в. Потрясеніе это началось упадкомъ хозарскаго владычества и продолжалось на сѣверѣ страны нападеніями Варяговъ изъ-за моря, на югѣ появленіемъ новыхъ непріятелей въ степи, на которыхъ глухо указывало въ Константинополѣ русское посольство 839 г. Эта двусторонняя невзгода разорвала нити экономическихъ и общественныхъ отношеній, успѣвшія завязаться впродолженіе VIII в., и начала сбивать русскую жизнь съ протоптанныхъ ею путей. Особенно тяжко было закрытіе торговыхъ путей и рынковъ для главныхъ промышленныхъ городовъ Руси, и чтобы защитить или прочистить ихъ, они съ тянувшими къ нимъ промышленными районами начали сжиматься, сбираться съ силами, опоясываться стѣнами и отовсюду стягивать за эти стѣны боевыхъ людей. Только къ этому времени и къ такому положенію дѣлъ можно пріурочить завязку тѣхъ городовыхъ «тысячъ», которыя являются особенностью устройства нашихъ древнихъ волостныхъ городовъ.

Ту же перемѣну въ положеніи большихъ городовъ открываемъ мы и другимъ путемъ, изучая соціально-этнографическій составъ ихъ населенія въ IX—XI в. Отсюда узнаемъ, изъ какихъ элементовъ составлялся воинственный людъ, которымъ стали запасаться большіе промышленные города Руси въ IX в., когда внѣшнія опасности заставили ихъ вооружиться. Въ лѣтописномъ разсказѣ о событіяхъ X и XI в. встрѣчаемъ одну любопытную черту: всякій разъ, когда князь задумывалъ военное дѣло, котораго не могъ сдѣлать съ одной своей дружиной, онъ повидимому безъ труда могъ набрать сколько угодно ратниковъ изъ Варягъ и Руси. Такіе «вои» изъ русскихъ городовъ, ясно отли-

чаемые отъ собственной дружины князя, кіевляне, новгородцы и проч., то-и-дѣло участвуютъ вмѣстѣ съ послѣдней въ княжескихъ походахъ. За Варягами часто посылали за море; но иногда, какъ въ разсказѣ о походѣ Ярослава изъ Новгорода на выручку осажденнаго Печенѣгами Кіева въ 1036 г., лѣтопись вовсе не упоминаетъ о нарочной посылкѣ за море, а замѣчаетъ просто: «собравъ много воевъ, Варяговъ и Славянъ (новгородцевъ), Ярославъ пришелъ къ Кіеву». Повидимому, людей этого сорта, готовыхъ къ услугамъ воинственнаго предпринимателя, всегда было довольно по русскимъ городамъ. Не въ одной лѣтописи встрѣчаемъ намеки на то, что по большимъ русскимъ городамъ того времени проживало немало пришельцевъ изъ балтійскаго заморья, промышлявшихъ военнымъ наймомъ или торгомъ и не принадлежавшихъ къ дружинѣ русскаго князя. Русская Правда знаетъ варяга, какъ простаго и обычнаго обывателя Русской земли, который, не принадлежа къ княжескимъ слугамъ, пользовался однако на судѣ нѣкоторыми преимуществами предъ туземцами, какъ покровительствуемый иностранецъ. Въ одной поздней редакціи Правды, впрочемъ, съ замѣтно пострадавшимъ текстомъ, «варягъ, крещенія не имѣяй», поставленъ даже рядомъ съ «боляриномъ» и «людиномъ», т. е. наравнѣ съ главными классами русскаго общества, какъ значительный и видный элементъ его (Русск. Пр., изд. г. *Калачовымъ*, IV, 4). Издавна сбродный людъ славянскаго и чуждаго происхожденія скоплялся на угрожаемыхъ окраинахъ земли, на Волховѣ и особенно на кіевскомъ Днѣпрѣ, на безпокойной границѣ съ степью, иногда буйствуя, иногда съ пользой служа мѣстнымъ земскимъ и княжескимъ нуждамъ. Извѣстенъ отрядъ, который со времени занятія Кіева Олегомъ до смерти Ярослава, впродолженіе 170 лѣтъ, содержался въ Новгородѣ на счетъ области «мира дѣля», т. е. ему платили, чтобы онъ не шумѣлъ и не давалъ шумѣть приходившимъ въ Новгородъ гостямъ изъ варяжскаго заморья; въ первое время по крайней мѣрѣ онъ состоялъ изъ однихъ Варяговъ, какъ эту городовую стражу и называетъ лѣтопись въ своемъ разсказѣ объ Олегѣ; въ XI в. она даетъ этому отряду названіе «гридей». Въ кіевскомъ краѣ населеніе уже въ X в. должно было отличаться пестротой своего состава, особенно благодаря усиленной стройкѣ сторожевыхъ городковъ на степной границѣ при Олегѣ и Владимірѣ: князья переводили въ эти городки способнѣйшихъ къ военному дѣлу людей изъ отдаленныхъ

областей тогдашней Руси, изъ Новгорода, изъ земли Кривичей, Вятичей, даже изъ Финновъ. Вслѣдъ за ними туда же должны были потянуться отовсюду вольные переселенцы, которымъ плохо жилось дома и которыхъ манила надежда на военный или торговый заработокъ въ краѣ, который давно былъ торговымъ средоточіемъ Русской земли, а теперь становился и политическимъ ея средоточіемъ; между ними немало было и бѣглыхъ рабовъ, искавшихъ на степной украйнѣ свободы и приволья. Варяги, подкрѣпляемые и въ X в. новыми пришельцами изъ заморья по зову князей русскихъ, входили въ составъ этого кіевскаго сброда и даже составляли очень видную его часть. Разсказъ лѣтописи о Варягахъ, нанятыхъ Владиміромъ за моремъ для похода на кіевскаго брата Ярополка въ 980 г., очень живо рисуетъ положеніе и значеніе этихъ пришельцевъ на Руси X в. Когда, занявъ Кіевъ съ своимъ нанимателемъ, они начали шумѣть, требуя денегъ, Владиміръ отобралъ изъ нихъ лучшихъ и разослалъ по городамъ на выгодныя кормленія, т. е. принялъ ихъ въ свою дружину, а остальнымъ предоставилъ идти, куда хотятъ, и они отправились въ Царьградъ. Лѣтъ 30 спустя послѣ того, какъ Владиміръ началъ строить рядъ новыхъ городковъ по степной границѣ, были въ Кіевскомъ краю нѣмцы, участвовавшіе въ походѣ польскаго короля Болеслава I на Кіевъ въ 1018 году; они застали населеніе области въ томъ видѣ, какой получило оно къ концу X в. подъ вліяніемъ борьбы съ Византіей и Печенѣгами и вызванныхъ этой борьбой мѣръ кіевскаго правительства. Съ этой стороны весьма любопытны наблюденія этихъ нѣмцевъ, сообщенныя ими по возвращеніи изъ Кіева Титмару, епископу Мерзебургскому: болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно со словъ этихъ соотечественниковъ изъ арміи Болеслава епископъ за нѣсколько дней до своей смерти въ томъ же году разсказалъ въ концѣ своей хроники о кіевскомъ походѣ Болеслава *). Титмаръ называетъ Кіевъ большимъ и чрезвычайно крѣпкимъ городомъ; въ немъ болѣе 400 церквей и 8 рынковъ, «а народу и невѣсть сколько» (такъ переводимъ мы выраженіе: populi autem ignota manus); главную массу въ населеніи Кіева, какъ и всей его области, составляютъ бѣглые рабы, стекающіеся сюда со всѣхъ сторонъ, а всего болѣе проворные Даны, и все это сбродное населеніе доселѣ отбивалось

*) Thietmari Chron. VIII, 16 у *Перца* въ Monum. Germ., Script. III, p. 871.

отъ Печенѣговъ, которые дѣлаютъ ему много зла, а иныхъ и побѣждало. Ни въ лѣтописи и ни въ какомъ другомъ древнѣйшемъ памятникѣ нашей исторіи не изображены такъ живо составъ и характеръ кіевскаго населенія Владимірова и Ярославова времени, какъ въ этомъ современномъ свидѣтельствѣ иноземца. Значитъ, явленія, имѣвшія мѣсто въ жизни того же края 500 лѣтъ спустя, въ казацкое время, были во многомъ только повтореніемъ того, что происходило здѣсь въ X—XI в., и Литвинъ Михалонъ, описывая южную Русь въ половинѣ XVI в. (въ 9-мъ отрывкѣ своего сочиненія о Татарахъ, Литовцахъ и Москвитянахъ), какъ будто повторяетъ Титмара, разсказывая, что кіевскій край славится своей населенностью (hominum affluentia), что сюда стекаются люди изъ многолюдныхъ городовъ и селеній по Днѣпру и его притокамъ, одни—убѣгая отъ власти отцовской, отъ рабства, работы, наказаній или долговъ, другіе въ надеждѣ найти болѣе богатую наживу и лучшее мѣсто, что опасности звѣриной охоты и татарскихъ набѣговъ, развивая въ здѣшнемъ населеніи отвагу и боевую опытность, готовятъ изъ него обильный запасъ хорошихъ солдатъ. Переступаемъ въ IX в. и въ лѣтописныхъ преданіяхъ о немъ находимъ остатки нѣкотораго цѣльнаго представленія о Варягахъ, объ ихъ положеніи и значеніи на Руси около половины этого вѣка. Лѣтописецъ представлялъ ихъ себѣ новымъ пришлымъ слоемъ въ составѣ русскаго населенія, распространившимся по главнымъ городамъ тогдашней Руси и покрывшимъ собою туземцевъ, «первыхъ насельниковъ» Новгорода, Полоцка, Ростова и т. д. По представленію лѣтописца, Аскольдъ и Диръ, утвердившись въ Кіевѣ, могли скоро собрать сюда «много Варяговъ», на столько много, чтобы отважиться пойти на Византію. Въ одной поздней редакціи начальной лѣтописи (по такъ называемому Воскресенскому списку), въ которой однако разсказъ о событіяхъ IX в. сохранилъ нѣкоторыя любопытныя черты, сглаженныя въ старшихъ сводахъ, Варяги являются даже основателями самого Кіева: здѣсь читаемъ, что «первіи насельницы» были въ Кіевѣ Варяги, какъ въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря и т. д. Нѣтъ достаточнаго основанія видѣть въ этомъ замѣчаніи описку писца или произвольный вымыселъ составителя свода. Кіевъ такъ давно, съ такихъ едва памятныхъ временъ служилъ главнымъ сборнымъ пунктомъ для Варяговъ на Руси и ихъ всегда проживало здѣсь такъ много, что въ историческихъ представленіяхъ южной Руси XI и XII в. воспоминаніе о первоначальномъ Кіевѣ стало нераз-

лучно съ мыслью о его исконныхъ и самыхъ значительныхъ обывателяхъ. И тѣмъ нѣмцамъ, кіевскими впечатлѣніями которыхъ руководился Титмаръ въ своемъ извѣстіи о современномъ ему Кіевѣ, показалось, что Даны, т. е. Норманны, Варяги, были самой значительной частью въ составѣ населенія Кіева и его «провинціи».

Такъ, отправляясь отъ времени Русской Правды и восходя къ половинѣ IX в., встрѣчаемъ на всемъ этомъ пространствѣ времени рядъ ясныхъ свидѣтельствъ или намековъ, прямыхъ или косвенныхъ указаній, которыя говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ, именно о томъ, что по большимъ городамъ Руси этихъ вѣковъ и особенно въ Кіевѣ существовалъ полувоенный и полуторговый классъ, который не входилъ въ составъ княжеской дружины, но часто присоединялся къ ней въ княжескихъ походахъ, и что значительную, если не самую видную часть, этого класса составляли пришлые Варяги. Въ признаніи этого факта совершенно согласны между собою и историческіе памятники XI в., и темныя преданія, идущія изъ IX столѣтія. Судя по послѣднимъ, классъ этотъ уже существовалъ около половины IX в., когда Аскольдъ и Диръ утверждались въ Кіевѣ. Когда и зачѣмъ онъ появился? Отвѣтъ на этотъ двойной вопросъ даютъ послы отъ народа Руси, которые въ 839 г. жаловались въ Константинополѣ на варварскіе народы, затруднявшіе прямое сообщеніе между Русью и Царьградомъ, а по справкѣ оказалось, что эти послы, пришедшіе изъ Руси, были Шведы, Варяги. Такъ новый рядъ историческихъ указаній привелъ насъ къ прежнему заключенію, что въ первой половинѣ IX в. главные промышленные города Руси почувствовали потребность въ боевыхъ людяхъ и потребность эта была вызвана появленіемъ враждебныхъ народовъ, затруднявшихъ внѣшнія сношенія этихъ городовъ. Настаивать на этомъ заключеніи заставляетъ сопоставленіе указаній, идущихъ съ различныхъ сторонъ. Разсѣянные по Руси монетные клады, какъ мы видѣли, свидѣтельствуютъ о живыхъ торговыхъ сношеніяхъ ея съ арабскимъ востокомъ въ VIII и началѣ IX в. Потомъ приливъ восточныхъ монетъ усиливается съ конца IX в. Но съ этого же времени идетъ рядъ русскихъ набѣговъ на прикаспійскія страны, какъ будто прокладывавшихъ кущамъ на время залегавшія дороги къ здѣшнимъ рынкамъ. Съ другой стороны, въ X в. Русь заключаетъ рядъ торговыхъ договоровъ съ Византіей и въ промежутки походовъ на нее ежегодно отпускаетъ

туда большіе торговые караваны. Въ IX в. не слышно о такихъ торговыхъ сношеніяхъ. Между тѣмъ, Русь задолго до Олега была извѣстна въ Византіи; только въ этихъ извѣстіяхъ она является не мирной торговой страной. Въ 865 г. она совершаетъ набѣгъ на Царьградъ. Еще раньше, до 842 г., какъ открывается изъ основательнаго разбора житія св. Георгія Амастридскаго, она предпринимала набѣгъ на южные берега Чернаго моря и опустошила Амастриду *). Около того же времени, въ 839 г., послы ея ищутъ дружбы съ Византіей и жалуются императору на затрудненіе сношеній Руси съ Царьградомъ варварскими народами, а въ промежуткѣ между походомъ Аскольда и набѣгомъ на Амастриду, въ 854 г., по извѣстію писателя X в. Генесія, въ императорской дружинѣ являются на службѣ Скиѳы изъ Таврики, въ которыхъ не безъ основанія видятъ ту же Русь.

Если признать фактъ, доказываемый изложенными выше соображеніями, то извѣстныя событія, совершившіяся въ нашей землѣ по лѣтописи около половины IX в., довольно легко укладываются въ рядъ послѣдовательныхъ моментовъ одного историческаго процесса, предшествовавшаго появленію князя въ Кіевѣ. Большіе промышленные города, являющіеся потомъ главами волостей, вооружились прежде другихъ потому, что имѣли больше средствъ къ тому и новыя опасности всего сильнѣе затрогивали ихъ промышленные интересы. Но, превратившись въ вооруженные пункты, они получили новое средство давленія на промышленные округа, къ нимъ тянувшіе: оставаясь для послѣднихъ центральными мѣстами сбыта, они могли теперь въ случаѣ опасности дать убѣжище и защиту, въ случаѣ столкновенія прибѣгнуть къ силѣ. Такъ, не теряя своего прежняго экономическаго значенія, эти города пріобрѣли теперь еще значеніе политическое; они потому и стали главными городами волостей, «властями», по выраженію лѣтописца XII в., что были прежде главными рынками промышленныхъ районовъ. Военно-экономическимъ происхожденіемъ городовыхъ областей объясняется то, что предѣлы ихъ не совпадали съ племеннымъ дѣленіемъ восточнаго славянства. Власть этихъ городовъ установилась не безъ борьбы. Бывали, вѣроятно, случаи прямаго завоеванія городомъ какой либо части его волости, какъ впослѣдствіи «молодцы» изъ Новгорода расширяли предѣлы новгородской волости. Потрясеніе, всюду отозвав-

*) Русско-виз. отрывки. г. *Васильевскаго*, въ Журн. М. Нар. Пр. 1878 г., мартъ, стр. 175.

шееся въ первой половинѣ IX в., сопровождалось разрывомъ прежнихъ общественныхъ связей, установившихся мирнымъ экономическимъ путемъ. Въ такія тревожныя минуты, когда колеблются и падаютъ привычныя искусственныя отношенія жизни, рвутся широкія общественныя связи, испуганные люди обыкновенно торопливо хватаются за остатки мелкихъ естественныхъ союзовъ, чтобы съ ихъ помощью возстановить разрушающійся порядокъ и безопасность. Такая минута отмѣчена лѣтописью въ жизни сѣвернаго русскаго славянства IX в. Когда здѣсь племена, по изгнаніи Варяговъ, почувствовали себя предоставленными самимъ себѣ, начали «владѣть сами собою», у нихъ пошли усобицы, возсталъ родъ на родъ. Среди общаго безпорядка на нѣкоторое время оживились преданія и обычаи родоваго союза, уже терявшаго юридическую силу. Усобица прекращена была не внезапнымъ появленіемъ сторонней силы, а взаимнымъ соглашеніемъ сѣверныхъ племенъ, призвавшихъ эту силу. Уцѣлѣли намеки на то, что это соглашеніе среди усобицы достигнуто было не одними мирными средствами. Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ (Воскресенскомъ и Никоновскомъ) замѣчено, что племена, изгнавшія Варяговъ, начали сами собою владѣть и «грады ставити», не было у нихъ правды, возсталъ родъ на родъ, была между ними брань великая, рати и плѣненія и кровопролитія безпрестанныя. Мелкіе союзы, на которые распадалось общество, начали вооружаться во взаимной борьбѣ и восторжествовали вооружившіеся сильнѣе другихъ, значительные промышленные города, и болѣе всѣхъ самый промышленный изъ нихъ Новгородъ, который и является руководителемъ соглашенія сѣверныхъ племенъ. Подобныя явленія повторялись и въ другихъ краяхъ тогдашней Руси. Воспоминаніе объ этой минутной политической реставраціи родоваго союза и отразилось въ извѣстной идиллической картинѣ родоваго быта, нарисованной въ древней нашей лѣтописи.

Такъ устроились отношенія по большимъ рѣчнымъ путямъ Волхова, Двины, Днѣпра, Десны, гдѣ существовали значительные промышленные города. Лѣтопись даетъ меньше матеріала для сужденія о томъ, какой порядокъ установился среди племенъ, жившихъ въ сторонѣ отъ этихъ путей, гдѣ не было большихъ городовъ, служившихъ прежде торговыми средоточіями для значительныхъ округовъ и способныхъ стать теперь ихъ политическими центрами. Едва ли однако и здѣсь родовой союзъ въ какомъ либо видѣ остался господствующей формой политическаго

быта. Встрѣчаемъ рядъ городовъ, возникшихъ еще до княжескаго объединенія Руси изъ Кіева. Впослѣдствіи они не были главами особыхъ волостей, но нѣкогда, повидимому, имѣли тоже значеніе, какое принадлежало городу Смоленскаго края Вержавску среди девяти погостовъ Вержавлянъ Великихъ, т. е. они собирали изъ окрестныхъ селеній подъ своимъ руководствомъ особыя маленькія волости, послѣ поглощенныя болѣе крупными. Таковы были Изборскъ и Псковъ въ Новгородской землѣ, Любечъ въ Черниговской, Туровъ у южныхъ Дреговичей, Коростенъ у Древлянъ, Корденъ у Вятичей. Процессъ образованія такихъ волостей не оставилъ слѣдовъ въ сохранившихся памятникахъ. Только изъ переданной лѣтописью былины объ Ольгиной мести знаемъ, что въ Древлянской землѣ было нѣсколько городовъ, подобныхъ Коростену, что эти города «пахали свои нивы», т. е. были укрѣпленными средоточіями земледѣльческихъ селеній, что этими городами руководили независимые одинъ отъ другаго «князья», изъ которыхъ одинъ (Малъ) извѣстенъ былъ во времена лѣтописца даже по имени, что эти князья «держали» землю не одни, а съ цѣлымъ правительственнымъ классомъ «старѣйшинъ» и «лучшихъ мужей.» Знаемъ сверхъ того, что въ XII в., когда званіе князя было уже исключительной собственностью потомства Владиміра Святаго, у Вятичей еще существовали очень похожіе на древлянскихъ князей вожди, которыхъ лѣтопись зоветъ просто старшинами, а Мономахъ въ своемъ поученіи сберегъ имя одного изъ нихъ, Ходоты. Извѣстно, наконецъ, что въ Изборскѣ и Туровѣ нѣкоторое время господствовали пришлыя изъ-за моря дружины, въ первомъ подъ предводительствомъ Трувора, во второмъ—иноземца, которому лѣтопись даетъ имя Туры. Изъ всѣхъ этихъ скудныхъ указаній можно извлечь то наиболѣе вѣроятное заключеніе, что процессъ, создавшій крупныя городовыя волости, повторялся въ меньшихъ размѣрахъ всюду, что тамъ, куда не достигало вліяніе большихъ городовъ, являлись мелкія городовыя волости, которыя складывались на одинаковыхъ основаніяхъ съ крупными изъ мѣстныхъ экономическихъ связей, при участіи руководящаго класса, происхожденіе котораго остается неяснымъ, хотя и можно замѣтить, что по мѣстамъ въ составъ его входили заморскіе пришельцы.

Впрочемъ, ходъ образованія тѣхъ и другихъ волостей нѣсколько уясняется тѣмъ, какъ устроивался самъ въ себѣ большой городъ въ то время, когда, вооружившись, онъ становился

политическимъ центромъ своего экономическаго округа. Эта перемѣна во внѣшнемъ политическомъ положеніи сопровождалась для него внутреннимъ соціальнымъ переворотомъ. Значительное участіе въ этомъ переворотѣ принимали пришельцы, которыхъ наша лѣтопись зоветъ Варягами. Изслѣдователи, наименѣе расположенные признавать скандинавское вліяніе въ первые вѣка нашей исторіи, соглашаются однако, что эти Варяги, если не всѣ, то въ значительномъ числѣ, были люди скандинавскаго происхожденія. Но не меньше ихъ національности любопытенъ въ научномъ отношеніи ихъ общественный характеръ, выработанный господствующимъ занятіемъ, промысломъ этихъ пришельцевъ. Въ началѣ IX в., съ конца царствованія Карла Великаго, въ то самое время, когда промышленный міръ на Руси по рѣчному пути «изъ Варягъ въ Греки» почувствовалъ нужду въ военныхъ людяхъ, Норманны становятся извѣстны въ западной Европѣ, какъ морскіе пираты, преимущественно подъ именемъ Дановъ. Пользуясь смутами въ имперіи Карла Великаго при его преемникахъ, они почти каждый годъ, иногда нѣсколькими партіями заразъ, являлись опустошать прибрежья моря и рѣкъ, куда они могли проникнуть съ моря. Съ каждымъ годомъ расширяя поле своихъ дѣйствій, они въ продолженіе IX в. обогнули всю западную Европу, начавъ съ Фрисландіи и кончивъ устьями Роны и Италіей. Лѣтописи монастырей Бертинскаго и Ваастскаго (съ 830 по 900 г.) разсказываютъ чрезвычайно однообразную и печальную драму этихъ скандинавскихъ вторженій, многія сцены которой живо напоминаютъ сказанія нашей лѣтописи о Варягахъ. Можно даже сказать, что рѣдкое варяжское явленіе нашей лѣтописи не повторяется по нѣскольку разъ въ разсказѣ этихъ западныхъ хроникъ о Данахъ. Какъ и наши Варяги, Даны на Западѣ являлись въ чужой странѣ съ двоякой цѣлью: грабить ее или защищать отъ грабителей, своихъ же соотечественниковъ. Разсыпаясь отдѣльными шайками, которыя въ иные годы и пересчитать трудно, одни изъ нихъ, покоривъ край, селились въ немъ надолго, основывали прочное гнѣздо обыкновенно гдѣ-нибудь въ сторонѣ, поближе къ морю, въ устьѣ рѣки, на островѣ, и облекали грабежъ въ стройную систему, облагая жителей данью по своему усмотрѣнію, «имая дань изъ заморья», по выраженію нашей лѣтописи. Такъ возникло нѣсколько норманнскихъ владѣній въ предѣлахъ нынѣшней Франціи. Одна шайка лѣтъ 20 держалась на Луарѣ, владѣя областью этой рѣки и иногда пред-

принимая далекія экскурсіи вглубь страны, пока въ 873 г. ее не принудили очистить укрѣпленную «старую стоянку» на островѣ въ низовьяхъ Луары. Разсказывая о томъ, какъ эти осѣдлыя шайки покончивали свое существованіе во Франціи, наша лѣтопись нѣсколько разъ повторила бы слова, сказанныя ею о Варягахъ, которые господствовали надъ Новгородцами до 862 года: «изгнаша ихъ за море и не даша имъ данн». Бывали тамъ и призванія Дановъ: иной князь, вождь норманнской шайки, пограбивъ въ беззащитной странѣ, находилъ выгоднымъ принять договоръ, который предлагало ему мѣстное правительство, становился вассаломъ чужаго короля, получалъ отъ него во владѣніе пограничныя графства, въ которыхъ размѣщалъ на покормъ свою дружину, обязуясь защищать страну отъ другихъ Дановъ. Впрочемъ, роли быстро мѣнялись и запутывались: то одна разбойничавшая въ странѣ толпа нанималась прогнать или истребить другую, то наемная стража измѣняла своему обѣщанію и принималась разбойничать. Когда упомянутая выше луарская шайка взяла Анжеръ и Карлъ Лысый осадилъ ее въ этомъ городѣ, стѣсненные имъ норманнскіе старшины явились къ королю и поклялись, покинувъ Анжеръ, не разбойничать при жизни своей во владѣніяхъ Карла и другимъ не давать этого дѣлать, прибавивъ къ этому, что тѣ изъ ихъ дружины, кто крещенъ или желаетъ креститься, явятся къ королю, а остальные покинутъ страну и впредь не появятся въ ней съ дурными цѣлями. На страницахъ Бертинской лѣтописи въ продолженіе 22 лѣтъ разсѣяны отрывочныя, мимоходомъ брошенныя черты, рисующія безпокойную карьеру датскаго викинга, современнаго и соименнаго прародителю нашихъ древнихъ князей, нѣкоего Рорика. Дядя его, Геріольдъ, на котораго лѣтопись жалуется, какъ на злаго разбойника, не смотря на то, получилъ хорошій ленъ отъ Лотаря, сына короля Людовика Благочестиваго. Самъ Рорикъ нѣсколько разъ давалъ ленную присягу преемникамъ Людовика, получая владѣнія во Фрисландіи, съ обязательствомъ защищать страну отъ морскихъ разбоевъ или хоть не разбойничать самому, нѣсколько разъ измѣнялъ присягѣ и, побывавъ на родинѣ, приводилъ оттуда толпы соотчичей за добычей; разъ сами жители Фрисландіи прогнали этого королевскаго вассала, но онъ, воротясь съ новыми земляками, заключилъ новый союзъ съ королемъ Карломъ Лысымъ. Словомъ, едва ли не половину лѣтописей

Бертинской и Ваастской можно перенести въ комментарій къ преданіямъ нашей лѣтописи о Варягахъ.

Но сходныя во многомъ съ дѣяніями западныхъ Дановъ, наши варяжскія явленія осложнялись одной мѣстной особенностью. По Россіи шелъ тогда торговый и военный транзитъ изъ Балтики къ Каспію и Черноморью. Кажется, первоначально балтійскіе Варяги болѣе всего и дорожили нашей страной, какъ проходнымъ краемъ по пути въ Грецію и Хазарію, гдѣ можно было съ выгодой повоевать и поторговать. Сравнительно бѣдныя и труднопроходимыя пространства, чрезъ которыя пролегалъ этотъ путь, и 5—6 значительныхъ промышленныхъ городовъ, разбросанныхъ по нему на огромныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, не могли быть заманчивой военной добычей. Въ Варягахъ, появлявшихся на сѣверномъ концѣ этого транзитнаго пути, на Волховѣ, и наша лѣтопись отмѣчаетъ стремленіе спуститься по Днѣпру на югъ до Кіева, а оттуда при случаѣ уйти въ Царьградъ. Потому въ нашей странѣ балтійскій пиратъ, какого бы онъ ни былъ племени, являлся съ иной физіономіей, не съ той, какую имѣлъ Данъ въ западной Европѣ. Любопытно, что когда русскому военному Варягу приходилось скрывать свое ремесло подъ наиболѣе вѣроятной, близкой къ дѣйствительности маской, онъ и по нашей лѣтописи, и по скандинавской сагѣ прикидывался купцемъ. Такъ поступилъ Олегъ, когда, приплывъ къ Кіеву, послалъ сказать Аскольду и Диру, что пришли купцы, ихъ земляки, идущіе въ Грецію. Точно также конунгъ Олафъ Триггвасонъ, на возвратномъ пути домой изъ Кіева, послѣ долгой и полезной службы русскому князю Вальдамару (Владиміру), занесенный бурей въ страну Венедовъ, во владѣнія померанской княгини-славянки Гейры Буриславны, выдалъ себя за купца, идущаго изъ Россіи. Значитъ, господствующимъ варяжскимъ типомъ на Руси былъ не пиратъ, какъ на Западѣ, а вооруженный купецъ. Именно вооруженный купецъ и былъ нуженъ и могъ промышлять въ торговыхъ городахъ Руси при обстоятельствахъ, наступившихъ въ первой половинѣ IX в. Поэтому Варяги водворялись на Руси двумя путями: они или разсѣевались по торговымъ городамъ съ торговыми цѣлями или приглашались сюда партіями для обороны торговыхъ предпріятій. Только торговые города на Руси и были знакомы этимъ пришельцамъ изъ-за моря. Можно думать, что этимъ частію объясняется, почему нашу сельскую страну скандинавскія саги называютъ громкимъ именемъ «Царства городовъ»: и по

древнерусскому представленію Варяги были поселенцами главныхъ торговыхъ городовъ. Бывали, вѣроятно, и на Руси завоевательныя варяжскія вторженія, подобныя западнымъ: таково было, повидимому, первое извѣстное лѣтописи появленіе Варяговъ на Руси, времени и обстоятельствъ котораго она не помнитъ, но знаетъ послѣдствія,—дань и изгнаніе завоевателей. Чаще дѣло улаживалось безъ участія оружія, какъ было въ Кіевѣ при появленіи Аскольда съ Диромъ: толпу вооруженныхъ пришельцевъ, заявлявшихъ мирныя намѣренія, принимали, или не имѣя средствъ сопротивляться, или нуждаясь въ такихъ людяхъ. Память о такихъ пріемахъ и призывахъ, вольныхъ или невольныхъ, нерѣдкихъ въ IX в., не разъ повторявшихся въ X и XI в., перешла въ народное преданіе, какъ самое сильное историческое впечатлѣніе, которое послужило основнымъ мотивомъ сказанія о призывѣ князей изъ-за моря. Этотъ мотивъ и сообщилъ сказанію такой добродушный характеръ, хотя въ лѣтописныхъ сводахъ не успѣли еще исчезнуть подробности событія, показывающія, что званные гости не всѣми приняты были такъ радушно.

Пришлые вооруженные торговцы послужили кадрами класса, образовавшагося въ торговыхъ городахъ при новыхъ обстоятельствахъ. Одинаковые интересы, далекія и опасныя предпріятія сблизили пришельцевъ съ туземными негоціантами. Изъ тѣхъ и другихъ и составился классъ, который получилъ правительственное значеніе, когда главные торговые города сдѣлались политическими руководителями своихъ промышленныхъ округовъ. Злоупотребляя нѣсколько терминологіей, его можно назвать патриціатомъ или городовымъ боярствомъ. Новгородское боярство, какимъ является оно въ XII в., было именно такого происхожденія и характера: это крупные капиталисты, руководившіе мѣстнымъ управленіемъ и пріобрѣтшіе этимъ при князьяхъ служилое званіе бояръ. Въ этомъ патриціатѣ зародился тотъ крѣпкій мѣщанско-аристократическій духъ, который, гнѣздясь въ волостныхъ городахъ, рѣзко отпечатлѣлся на всемъ общественномъ строѣ такъ-называемой кіевской Руси, всего полнѣе развился въ вольномъ Новгородѣ, долго противился всѣмъ историческимъ превратностямъ и не разъ отзывался подъ позднѣйшими наносными формами городоваго устройства. Такъ въ то время, когда торговый городъ оружіемъ или торгомъ покорялъ свою волость, самъ онъ былъ покоренъ классомъ, который росъ вмѣстѣ съ городомъ, былъ экономической силой, когда послѣдній былъ цен-

тральнымъ рынкомъ области, и съ превращеніемъ его въ политическій центръ этой области сталъ силой военно-правительственной. Та и другая перемѣна совершилась при помощи пришельцевъ, начавшихъ приливать въ этотъ городъ въ то время, когда начиналась первая изъ нихъ.

Оба элемента, пришлый и туземный, не вездѣ встрѣчались въ одинаковой пропорціи. Въ иныхъ городахъ усиленный приливъ изъ-за моря давалъ первому изъ нихъ рѣшительный перевѣсъ. Тогда городъ съ своей областью получалъ характеръ варяжскаго владѣнія. Лѣтопись помнитъ нѣсколько такихъ владѣній: въ началѣ второй половины IX в. три на сѣверѣ (владѣнія Рюрика и его братьевъ) и четвертое на югѣ — Аскольдово, въ X в. еще два, Рогволодово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ. Со стороны это казалось настоящимъ завоеваніемъ. Представленіе, сложившееся изъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ, передано писателемъ X в., евреемъ Ибрагимомъ, въ отрывкѣ, приведенномъ у араба Ал-Бекри, гдѣ читаемъ, что племена сѣвера (Норманны) завладѣли нѣкоторыми изъ Славянъ и по сіе время обитаютъ между ними. Въ такихъ случаяхъ, повидимому, существенно измѣнялись внутреннія отношенія въ городѣ. Пришельцы не смѣшивались съ горожанами, составляя отдѣльный вооруженный отрядъ, пребываніе котораго въ городѣ оплачивалось обывателями или въ видѣ мировой дани («мира дѣля»), какую Новгородъ платилъ Варягамъ, оставшимся здѣсь по уходѣ Олега въ Кіевъ, или въ видѣ окупа, какого потребовали съ кіевлянъ у Владиміра помогавшіе ему Варяги. Вождь такого отряда былъ уже не предводителемъ вооруженнаго города, тысяцкимъ, а верховнымъ военнымъ его властителемъ, *конунгомъ* (русская форма этого слова *князь*). По сагѣ Олафа, норманнскій витязь, собиравшій вокругъ себя дружину для военныхъ предпріятій, получалъ званіе конунга, хотя бы у него не было владѣнія, княжества. Въ такомъ же смыслѣ Якуна, вождя варяжской толпы, призванной изъ-за моря Ярославомъ въ 1024 г., наша лѣтопись называетъ «княземъ варяжскимъ». И въ русскихъ договорахъ съ Греками X в. областные правители, посадники кіевскаго князя, сидѣвшіе съ дружинами, съ своими «отроками», по главнымъ областнымъ городамъ, называются князьями, и кіевскій князь отличается отъ нихъ только званіемъ «великаго», т. е. старшаго. Олегъ оспаривалъ у Аскольда и Дира званіе князей потому,

что эти конунги прежде принадлежали сами къ Рюриковой дружинѣ, которой теперь командовалъ Олегъ.

Самая важная черта, отмѣченная лѣтописью въ разсказѣ объ этихъ вождяхъ городовыхъ дружинъ, это — ихъ соперничество другъ съ другомъ. Привлеченные въ страну торговыми разсчетами и надеждой если не на боевую добычу, то на хорошій кормъ за военныя услуги, они имѣли много случаевъ сталкиваться другъ съ другомъ, перебивая одинъ у другаго ратныхъ людей, доходный городъ, выгодный торговый путь, и губя одинъ другаго. Такъ Олегъ новгородскій погубилъ Аскольда и Дира кіевскихъ; такъ другой новгородскій конунгъ Владиміръ погубилъ Рогволода, конунга полоцкаго, отбившаго Полоцкъ у преемниковъ Рюрика, который посадилъ своего посадника въ этомъ городѣ. Это соперничество людей одного ремесла привело къ первому опыту политическаго объединенія Русской земли: родъ Рюрика, истребивъ или подчинивъ себѣ своихъ соперниковъ, другихъ такихъ же конунговъ, призванныхъ или явившихся въ страну безъ зова, сталъ первой русской династіей.

Ходъ и внутреннія причины этого опыта открываются изъ связи основныхъ фактовъ нашей исторіи IX в., на которыхъ мы такъ долго останавливались въ настоящей и предыдущихъ главахъ. Новыя опасности, отъ которыхъ разстроились экономическія отношенія, установившіяся на Руси въ хозарское время, заставили города, наиболѣе отъ того страдавшіе, принять оборонительныя мѣры и устроиться по военному. Въ этихъ усиліяхъ они воспользовались содѣйствіемъ заморскихъ пришельцевъ, которые въ то же самое время приливали на Русь не столько съ завоевательными, сколько торговыми цѣлями. Слѣдствіемъ вооруженія главныхъ торговыхъ городовъ было образованіе городовыхъ волостей, а при образованіи этихъ волостей, политически подчиненныхъ городамъ, руководящей правительственной силой въ тѣхъ и другихъ сталъ классъ горожанъ, составившійся изъ прежнихъ руководителей торговыхъ оборотовъ края и изъ поселившихся среди нихъ пришельцевъ. При политическомъ обособленіи городовыхъ волостей былъ одинъ интересъ, общій для правительственнаго класса, руководившаго всѣми ими. Торговые пути, сходившіеся подъ Кіевомъ, оставались запертыми, пока не было свободнаго выхода изъ Кіева внизъ по Днѣпру черезъ степь. Этотъ интересъ впервые и соединилъ разобщенные городовые міры для общаго дѣла. Одинъ изъ городовыхъ вождей и

самый сильный, утвердившійся на сѣверномъ концѣ главнаго торговаго пути въ Новгородѣ, столкнулся съ другими городовыми вождями, захватившими южный конецъ его въ Кіевѣ. Когда Олегъ пошелъ на Кіевъ, не только сѣверныя городовыя ополченія послѣдовали за нимъ, но и южные днѣпровскіе города, Смоленскъ, Любечъ, даже самъ Кіевъ, встрѣтили его безъ замѣтной борьбы. Они не противодѣйствовали и соперникамъ Олега, Аскольду и Диру, когда тѣ шли изъ Новгорода на югъ, потому что послѣдніе, какъ и слѣдовавшій за ними Олегъ, шли къ Кіеву, чтобы прочистить отсюда старый путь къ приморскимъ рынкамъ, растворить закрытыя днѣпровскія ворота для русскаго сбыта. Классъ общества, интересамъ котораго служилъ Олегъ, открывается изъ того, что этотъ князь, подчинивъ себѣ племена, жившія по ближайшимъ къ Кіеву днѣпровскимъ притокамъ, вступилъ въ борьбу съ племенами, занимавшими нижніе концы южнорусскихъ рѣчныхъ путей, Улучами и Тиверцами, а потомъ сходилъ на Царьградъ, гдѣ заключилъ договоръ съ Греками, договоръ торговый, обезпечившій выгоды именно русскихъ торговыхъ городовъ: Кіева, Чернигова, Переяславля и проч. Это было завершеніемъ давнихъ усилій русскаго промышленнаго міра пробиться къ черноморскимъ портамъ, отъ которыхъ онъ былъ отрѣзанъ неблагопріятными обстоятельствами первой половины IX в. Эти обстоятельства заставили его вооружиться и высылать, вмѣсто торговыхъ каравановъ, отважныя толпы для опустошительныхъ набѣговъ, чтобы прочистить залегшія торговыя дороги; по греческимъ извѣстіямъ, эти набѣги достигали южныхъ береговъ Чернаго моря уже за 20 лѣтъ слишкомъ до Аскольдова набѣга на Царьградъ. На прикаспійскія страны, долѣе остававшіяся закрытыми для русской торговли, они продолжались и въ X в. И какъ только днѣпровско-черноморскій путь послѣ болѣе чѣмъ полувѣковыхъ усилій сталъ чистъ, русскій купецъ покидаетъ вынужденные набѣги и является съ настоящей своей физіономіей, «строитъ» торговый договоръ съ Греками. Вотъ почему приднѣпровскія племена, среди которыхъ были значительные торговые города, подчинились Олегу безъ борьбы или послѣ легкой борьбы, тогда какъ другія племена, не имѣвшія такихъ городовъ, долго и упорно сопротивлялись ему и его преемникамъ: общественный классъ, руководившій первыми, состоялъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ какихъ составилось вооруженное общество, шедшее съ Олегомъ къ Кіеву и потомъ помогавшее ему отсюда

покорять окрестныя племена, и эти элементы, среди какого бы племени они ни присутствовали, по единству интересовъ готовы были поддержать и издавна поддерживали всякаго вождя, возстановлявшаго старые пути русской торговли.

Такъ возникла власть, впервые объединившая политически разрозненныя части Русской земли. Упомянутая выше городовая торговая аристократія, какъ видно, была одной изъ самыхъ дѣятельныхъ силъ въ созданіи этого факта. Но какъ скоро этотъ фактъ совершился, въ ней должно было обнаружиться раздѣленіе. Ея прошлое сообщило ей двойственный характеръ: руководя торговыми оборотами края, она въ IX в. стала еще военно-правительственнымъ классомъ. Теперь ея боевые элементы начали переходить въ дружину кіевскаго князя, становились его «мужами» или «отроками». Политическое объединеніе Руси и началось этимъ сосредоточеніемъ подъ рукой кіевскаго князя боевыхъ силъ, разсѣянныхъ дотолѣ по русскимъ городамъ. Составитель одного лѣтописнаго свода (такъ-называемой *Тверской Лѣтописи*), обыватель Ростовскаго края XVI в., записалъ въ прозаическомъ сокращеніи богатырскую былину о ростовскомъ храбрецѣ Александрѣ Поповичѣ. Служилъ онъ долго и вѣрно великому князю Всеволоду Юрьевичу († 1212) и его старшему сыну Константину, много людей побилъ во время усобицы послѣдняго съ младшимъ братомъ Юріемъ, и когда умеръ Константинъ, онъ созвалъ къ себѣ мѣстныхъ богатырей и на общемъ совѣтѣ было положено, что если станутъ они служить князьямъ по разнымъ княжествамъ, такъ и нехотя перебьютъ другъ друга, потому что разладица идетъ между князьями на Руси и часто они дерутся другъ съ другомъ. Положили они уговоръ служить одному великому князю въ Кіевѣ,—матери городовъ русскихъ, всѣ били челомъ къ нему на службу и на Калкскомъ побоищѣ съ Татарами полегли вмѣстѣ съ своимъ княземъ за землю Русскую. Нѣчто подобное происходило по русскимъ городамъ во второй половинѣ IX в., когда въ Кіевѣ утверждался первый русскій князь. Но, между тѣмъ, какъ одни шли изъ городовъ въ составъ новаго военно-правительственнаго класса, получавшаго не мѣстное, а общерусское значеніе, другіе люди того же происхожденія и положенія оставались на мѣстахъ, продолжая руководить мѣстными обществами. Они попрежнему были сотскими городскихъ сотенъ, занимали другія должности по городовому управленію, вообще составляли городскую старшину, правительствен-

ный классъ въ волости. Это и были тѣ «нарочитые мужи», «старцы градскіе», «старѣйшины по всѣмъ градомъ», которые въ X в. являлись въ торжественныхъ или важныхъ случаяхъ при князѣ рядомъ съ боярами.

Въ первыя минуты раздѣленія оба класса, княжеская дружина и городовая старшина, стояли рядомъ, отдѣляемые другъ отъ друга едва замѣтной политической чертой, хорошо помня свое соціальное родство. Къ этому времени относятся приведенныя въ началѣ нашего трактата извѣстія X и XI в.в., указывающія на политическую и экономическую близость высшаго слоя городскаго населенія къ служилому классу, къ княжеской дружинѣ. Изъ Русской Правды, которая во многихъ статьяхъ своихъ приподнимаетъ только край завѣсы, закрывающей отъ насъ общественныя отношенія тѣхъ вѣковъ, узнаемъ, что еще около половины XI вѣка не были точно обозначены предѣлы, отдѣлявшіе старшую княжескую дружину, княжихъ мужей, отъ младшей дружины, княжихъ отроковъ и отъ простыхъ свободныхъ людей: вопросъ о томъ, принадлежитъ ли княжескій староста конюшій къ высшему разряду служилыхъ людей, убійство которыхъ оплачивалось двойной вирой и 80-гривеннымъ головничествомъ, впервые разрѣшенъ былъ утвердительно приговоромъ Ярославова сына Изяслава по одному частному случаю.

Такова, по нашему мнѣнію, политическая генеалогія «городскихъ старцевъ», открывающаяся изъ разбора явленій нашей начальной исторіи. Это должностныя лица по городовому управленію, тысяцкіе, сотскіе и десятскіе городовъ, ставшихъ во главѣ волостей еще до объединенія Руси подъ княжескою властью, ихъ военно-административная старшина. Это городовое управленіе при первыхъ князьяхъ еще сохраняло военный характеръ, какой сообщили ему создавшія его обстоятельства первой половины IX в. Только при князьяхъ главные командиры городовыхъ полковъ, тысяцкіе, кажется, утратили земскій мѣстный характеръ, назначались княземъ изъ его «мужей», изъ членовъ старшей дружины. Прежде и они вмѣстѣ съ командирами частей городовой тысячи, офицерствомъ полка, выходили изъ высшаго слоя городскаго населенія, который имѣлъ значеніе правительственной аристократіи и получилъ такое значеніе благодаря тѣмъ же обстоятельствамъ, которыя создали и военное устройство волостныхъ городовъ. Мысль о военномъ происхожденіи городскихъ старцевъ мелькаетъ у Эверса въ его сочиненіи о древнѣйшемъ русскомъ

правѣ; но она закрывается у него представленіемъ о родовомъ значеніи этихъ старшинъ, подсказаннымъ ему лѣтописной терминологіей, буквальнымъ смысломъ слова «старцы», которое остается неяснымъ и въ лѣтописи, потому что извѣстныя редакціи ея составлялись въ то время, когда уже разрушалось первоначальное городовое устройство. Эверсъ говоритъ, что «градскіе старцы» были почетнѣйшіе мужи въ воинскихъ родахъ, обитавшихъ въ городѣ, старѣйшины знаменитѣйшихъ воинскихъ родовъ, по своей старости и опытности имѣвшіе рѣшительное преимущество передъ своими согражданами. Но при усиленномъ исканіи пока не открывается надежныхъ указаній на прямую связь городскихъ старшинъ X в. съ существовавшими у насъ нѣкогда родовыми старшинами. Неясно представляя себѣ своихъ старцевъ, лѣтопись однако сохранила остатки старинныхъ преданій, въ которыхъ эти древніе старцы являются не старѣйшинами какихъ-либо родовъ, а просто военными начальниками вооруженнаго города. Въ 997 г., когда Печенѣги осаждали Бѣлгородъ, здѣсь собралось вѣче и рѣшило сдаться. Одинъ «старецъ», не присутствовавшій на вѣчѣ, узнавъ о рѣшеніи отъ «людей», созвалъ «городскихъ старѣйшинъ» и уговорилъ ихъ отмѣнить вѣчевое постановленіе. Хотя «люди», рядовые обыватели города, знали уже рѣшеніе и повидимому присутствовали на вѣчѣ, однако вѣчевой приговоръ является дѣломъ однихъ старѣйшинъ, по крайней мѣрѣ отмѣняется ими безъ участія «людей». Но Бѣлгородъ — пограничная военная колонія, возникшая всего лѣтъ за шесть до этой осады, составившаяся изъ переселенцевъ, которыхъ перевели туда изъ другихъ городовъ по распоряженію князя. Въ сбродномъ сторожевомъ поселкѣ, наполненномъ людьми, которые недавно вырваны были изъ разныхъ мѣстныхъ обществъ, ушли отъ родни, трудно искать родоваго быта и въ старѣйшинахъ такого городка видѣть представителей знаменитѣйшихъ воинскихъ родовъ. Хотя еще въ концѣ XI в. современникъ въ разсказѣ объ ослѣпленіи кн. Василька называетъ Бѣлгородъ «градомъ малымъ у Кіева», но изъ Русской Правды знаемъ, что онъ на подобіе большихъ волостныхъ городовъ устроенъ былъ въ городовой полкъ, военную тысячу, которой командовалъ тысяцкій съ сотскими и десятскими: этимъ полковымъ начальствомъ и были «старѣйшины градскіе» въ записанной лѣтописью былинѣ о Бѣлгородѣ.

Пока новое правительство, князь съ дружиной, не укрѣпилось и нуждалось въ помощи городоваго патриціата, изъ котораго оно

само вышло, оно стояло очень близко къ нему. Весь X вѣкъ обѣ общественныя силы дѣйствуютъ дружно и остаются очень похожи одна на другую. Онѣ вмѣстѣ воюютъ и торгуютъ, такъ что арабскимъ писателямъ этого столѣтія вся Русь безъ различія классовъ представлялась исключительно торговой, не имѣющей поземельной собственности, ни селъ, ни пашни, а Левъ Діаконъ изображаетъ ее народомъ, отважнымъ до безумія, нападающимъ на всѣ сосѣдніе народы. Въ то время, какъ княжеская фамилія и боярство заботливо сбывали свои доходы натурой за море, ежегодно снаряжая торговые караваны въ черноморскіе порты и въ самый Царьградъ, въ городскомъ населеніи оставалось еще много привычнаго къ оружію и походамъ люда, изъ котораго составлялись отряды для смѣлыхъ набѣговъ на прикаспійскія страны и даже пополнялись ряды княжеской дружины. Наконецъ, эта близость двухъ господствующихъ политическихъ силъ завершалась появленіемъ городовой старшины въ княжеской думѣ при обсужденіи важнѣйшихъ законодательныхъ вопросовъ: купецъ, занимавшій въ городовомъ управленіи должность по выборамъ, садился въ государственномъ совѣтѣ, имѣлъ политическій голосъ, который почтительно выслушивали бояре — явленіе, которому до послѣдняго времени не удалось у насъ повториться.

Но потомъ обѣ политическія силы, столь родственныя по происхожденію, расходятся все дальше. Это взаимное удаленіе обнаруживается съ половины XI вѣка, при дѣтяхъ Ярослава, и было подготовлено разными обстоятельствами. Княжеское правительство, устроившись и укрѣпившись въ административномъ и военномъ отношеніи, стало меньше нуждаться въ содѣйствіи, какъ городоваго управленія, такъ и городовыхъ полковъ. Княженіе Владиміра, когда старѣйшины городскіе такъ часто появлялись въ княжескомъ дворцѣ рядомъ съ боярами, было временемъ самой напряженной борьбы съ степью, когда кіевское правительство всюду усиленно искало ратныхъ силъ. Но страшное пораженіе, нанесенное Ярославомъ Печенѣгамъ въ 1036 г. подъ стѣнами Кіева, на нѣкоторое время развязало руки правительству съ этой стороны. Въ то же время стало замѣтно расширяться политическое и экономическое разстояніе между княжеской дружиной и городской аристократіей. Служебныя преимущества все болѣе сообщали первой значеніе дворянства, низводя послѣднюю въ положеніе простыхъ мѣщанъ. Торговые успѣхи разлили по странѣ значительный оборотный капиталъ, подняли денежные доходы правительственнаго класса на

счетъ дохода натурой и ослабили его непосредственное участіе въ торговыхъ операціяхъ городовъ. Появленіе у бояръ привиллегированной земельной собственности, признаки чего становятся замѣтны съ XI вѣка, еще болѣе отдалило этотъ классъ отъ городскаго общества, владѣвшаго торговымъ капиталомъ.

Такъ разорвался союзъ между историческими братьями. Въ XI в. городскіе старцы исчезаютъ изъ княжеской думы. За то чаще становятся городскія вѣча, гдѣ эти старцы остаются руководителями. Дѣти и внуки Ярослава, рѣже видя ихъ въ своей гридницѣ, тѣмъ чаще встрѣчались съ ними на городской площади и встрѣчались большею частью недружелюбно. Много было причинъ, питавшихъ взаимную вражду. Между прочимъ, неумѣренное размноженіе Ярославова потомства, съ одной стороны, запутало княжескіе счеты и усобицы, которыми тяготились города, съ другой, заставило по всѣмъ значительнымъ городамъ разсажать князей: ихъ множество, все увеличивавшееся, заставляло кроить изъ волостей все новыя княжества, перепутывая старинныя волостныя границы; ихъ личное присутствіе съ дружинами въ городахъ, стѣсняя мѣстныхъ руководителей общества, ускоряло и обостряло столкновенія между обѣими сторонами. Мы потеряемъ нить событій XI и XII в., если забудемъ основной, господствующій фактъ, который скрывается подъ ними—борьбу двухъ аристократій: служилой, боярской, и городской, торговой. Опытъ политическаго объединенія Русской земли, предпринятый вѣка за два до смерти Ярослава, повидимому, оказался неудачнымъ при его преемникахъ. Обѣ общественныя силы, дружнымъ дѣйствіемъ которыхъ былъ начатъ этотъ опытъ и доселѣ поддерживался политическій порядокъ, столкнувшись другъ съ другомъ, какъ будто повернули назадъ, къ положенію, въ какомъ онѣ были до князя Олега. Князья стали превращаться въ старинныхъ варяжскихъ конунговъ, бездомныхъ искателей военной добычи или хорошаго корма но богатымъ городамъ за административныя и военныя услуги; въ XII в. они сами называли одинъ другаго бродягами въ родѣ Половцевъ. Часто вынуждаемые уступать городскимъ патриціямъ, заправителямъ вѣчъ, непосредственное руководство волостями, они въ самомъ дѣлѣ оставались безъ почвы, оторванными отъ земли скитальцами. Городовыя волости въ свою очередь стремились возвратиться къ прежнему политическому обособленію. Вліяніе, какое пріобрѣталъ старшій волостной городъ XII в. въ своей волости, было только возстановленіемъ того значенія, какое онъ

имѣлъ въ IX в. и которое потомъ было нѣсколько принижено княземъ и его волостными посадниками.

Во время этого продолжительнаго столкновенія, когда городская аристократія успѣшно отбивала у князей и ихъ дружинъ прямое вліяніе на волостныя общества, княжеская дума стала болѣе прежняго замкнутымъ учрежденіемъ. Съ выходомъ изъ нея городскихъ старцевъ она получила односословный боярскій характеръ. Это должно было уменьшить ея политическое значеніе при тогдашнемъ отношеніи общественныхъ силъ. Можетъ быть, потому она мелькаетъ едва замѣтнымъ явленіемъ въ памятникахъ того времени. Немногія черты, какія можно извлечь изъ памятниковъ того времени и которыя приведены въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія, не позволяютъ разсмотрѣть ни устройства, ни отношенія этой думы къ другимъ органамъ управленія. На пространствѣ трехъ столѣтій (X—XII) появленіе въ ней и исчезновеніе изъ нея городскихъ старѣйшинъ остается самымъ крупнымъ фактомъ, связывающимъ ея исторію съ перемѣнами, какія совершились въ это время въ составѣ общества кіевской Руси. Ближе знакомимся съ ней при измѣнившихся обстоятельствахъ, въ другое время и въ другомъ краю Русской земли, въ удѣльной Руси на суздальско-московскомъ сѣверо-востокѣ XIII—XV в. Только въ Новгородѣ, которому обстоятельства помогали въ чистотѣ хранить древній политическій строй волостнаго города, и въ XII в. встрѣчаемъ княжескую думу въ томъ же составѣ, въ какомъ она являлась при кіевскомъ князѣ Владимірѣ въ X в. Князь Всеволодъ Мстиславичъ, задумавъ дать церковный уставъ своей волости, для обсужденія этого законодательнаго акта призвалъ къ себѣ на совѣтъ вмѣстѣ съ епископомъ и боярами еще 10 сотскихъ отъ черныхъ людей города и старостъ отъ новгородскаго купечества; древняя лѣтопись сказала бы объ этой думѣ Всеволода: «созва боляры своя и старцы градскіе». Такихъ извѣстій не встрѣчаемъ о княжеской думѣ въ другихъ волостяхъ XII в. Смоленскій князь Ростиславъ, въ уставной грамотѣ, данной Смоленской епископіи, неясно замѣчаетъ, что онъ учредилъ эту епископію, «сдумавъ съ людьми своими». Ни въ Кіевѣ, ни въ другихъ волостяхъ этого вѣка представители волостнаго города не садятся рядомъ съ боярами въ княжескомъ совѣтѣ; городской міръ является передъ княземъ обыкновенно въ видѣ городскаго вѣча. Часто говоря объ этихъ вѣчахъ, лѣтопись рѣдко и мимоходомъ упоминаетъ о думѣ князя съ боярами.

(Продолженіе слѣдуетъ). **В. Ключевскій.**

БЕДУИНЪ.

ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

(Переводъ посвящается В. М. Лаврову).

Какъ рѣзвый челнъ по зыби голубой
Скользитъ, отъ берега роднаго убѣгая,
И лебедемъ несется надъ волной,
Трепещущимъ весломъ морскую грудь лаская,—
Такъ бедуинъ изъ горъ съ конемъ своимъ летитъ
Въ пустынную, безбрежную свободу,
И конская нога въ волнахъ песка шипитъ,
Какъ сталь каленая, опущенная въ воду.

Уже плыветъ мой конь среди пучинъ сухихъ
И грудью, какъ дельфинъ, разрѣзываетъ ихъ.
Мы все быстрѣй летимъ стрѣлою...
Слѣдъ исчезаетъ за конемъ...
Все выше, выше.... пыль за мною
Встаетъ клубящимся столбомъ.

Какъ туча, черный конь среди степныхъ полянъ,
Звѣзда съ чела его денницею сіяетъ,
Волнистой гривою играетъ ураганъ,
А бѣлыхъ ногъ полетъ, какъ молнія, сверкаетъ.

Конь бѣлоногій мой, лети!
Лѣса и горы, прочь съ пути!

Напрасно пальма, зеленѣя,
Зоветъ въ пріютъ прохладный свой:
Промчался мимо на конѣ я,
И вотъ она уже за мной

Въ глуби оазиса осталася далеко
И, листьями шумя, задумалась глубоко.

Пустыни стражъ нѣмой, вотъ дикихъ скалъ гранитъ;
Съ зловѣщей думою онъ на меня глядитъ,
Копытъ послѣдніе удары повторяя,
И слышится за мной угроза роковая:

«Куда, безумецъ, полетѣлъ!
Тамъ отъ полдневныхъ жгучихъ стрѣлъ
Не сыщешь въ помощь ничего ты,
Тебя не ждутъ тамъ ни наиёты,
Ни пальмъ зеленая краса,
Одинъ шатеръ тамъ — небеса,
Однѣ лишь скалы тамъ сухія,
Да въ небѣ звѣзды кочевыя....»

Угрозы тщетны!... Ускакалъ
Я вдаль съ двойною быстротою.
Смотрю, а рядъ угрюмыхъ скалъ
Уже вдали, вдали за мною.
Онѣ назадъ бѣгутъ толпой,
Одна скрываясь за другой.

Вотъ коршунъ, обольщенъ угрозой роковою,
Увѣренъ, что ѣздокъ его добычей сталъ,
И, крылья распустивъ въ погоню, надо мною
Зловѣщій черный кругъ онъ трижды описалъ
И каркнулъ: «чую ваши трупы!
И конь, и всадникъ, какъ вы глупы!
Путь ищетъ здѣсь ѣздокъ шальной,
А конь травы въ сухой пустынѣ....
Напрасенъ трудъ вашъ будетъ нынѣ:
Кто разъ попалъ сюда, тотъ мой!
Здѣсь по пути лишь вихорь бродитъ,
Слѣдъ унося въ пескахъ степей,
А этотъ лугъ не для коней:
Лишь острый клювъ здѣсь кормъ находитъ,
Одни лишь трупы здѣсь гніютъ,
Лишь коршуны кочуютъ тутъ....»

Сжавъ когти черные, злорадно онъ взглянулъ,
И взорами впились мы трижды око въ око.

Кто жъ оробѣлъ? Не я, а коршунъ! И высоко
Взвился, когда майданъ я грозно натянулъ....
Вотъ онъ уже за мной далеко въ небѣ рѣетъ,
Вотъ въ воздухѣ повисъ чуть видимымъ пятномъ....
Вонъ съ воробья ужъ сталъ.... вонъ мушкою чернѣетъ....
И утонулъ совсѣмъ въ пространствѣ голубомъ....

Конь бѣлоногій мой, лети!
Прочь, скалы, коршуны, съ пути!

Вонъ туча въ небесахъ на солнце набѣжала
И гонится за мной бѣлѣющимъ крыломъ....
Какъ я лечу въ степи, такъ въ небѣ голубомъ
Она летѣть кичливо возмечтала.
И вотъ она повисла надо мной
Съ своей угрозой роковой:

«Куда, безумный, онъ несется!
Тамъ жажда грудь ему спалитъ,
Тамъ жгучій зной безбрежно льется
И дождь главы не окропитъ.
Ручей, журча, не орошаетъ
Безплодную пустыню ту,
И росу вѣтеръ поглощаетъ,
Хватая жадно на лету....»

Угрозы тщетныя! Лечу я все быстрѣй!
А туча стелется все ниже надо мною,
Съ минутой каждою тяжелѣ и слабѣй,
И падаетъ въ безсильи надъ скалою.
Съ презрѣніемъ назадъ бросаю гордый взглядъ,—
И вотъ она уже вдали на небосклонѣ....
Я знаю, что у ней сокрыто въ гнѣвномъ лонѣ!...
Вотъ побагровѣла и, выпустивши ядъ,
Вся желчью зависти облившись, обозлилась
И, почернѣвъ, какъ трупъ, съ стыдомъ въ горахъ укрылась....

Конь бѣлоногій мой, лети!
Прочь, тучи, коршуны, съ пути!

Теперь вокругъ обвелъ я взоромъ:
Лишь степь и небо безъ конца
Безбрежнымъ стелются просторомъ,

И нѣтъ за мной уже гонца!
Природу чары сна объемлютъ,
Здѣсь ни слѣда стопы людской,
Стихіи безмятежно дремлютъ,
Какъ звѣри въ тишинѣ лѣсной,
Что не боятся человѣка,
Его не видѣвши отъ вѣка.

Но, Боже! Я въ пескахъ безжизненной страны
Не первый!... Вонъ вдали толпа людей мелькаетъ....
Въ засадѣ ли сидитъ, добычи ль ожидаетъ?
И кони, и они — всѣ страшной бѣлизны!...
Я мчусь на нихъ — стоятъ.... кричу имъ — нѣтъ отвѣта,
И въ каждомъ узнаю изсохшаго скелета!...
Верблюдовъ остовы съ костями сѣдоковъ....
То—старый караванъ, изъ глубины песковъ
Разрытый вихрями, въ лучахъ дневнаго свѣта.
И вотъ, изъ впадинъ ихъ глазныхъ,
Изъ челюстей изсохшихъ мхъ,
Крутясь, песокъ бѣжитъ струею,
Шумя съ угрозой предо мною:

«Куда, безумный бедуинъ!
Тамъ ураганъ царитъ одинъ!...»

Прочь! Я впередъ лечу стрѣлою!
Конь бѣлоногій мой, лети!
Скелеты, вихри, прочь съ пути!

Вотъ дикій ураганъ, могучей силы полнъ,
Свободный сынъ степей, пришелъ и въ отдаленьи
Остановилъ свой бѣгъ среди песчаныхъ волнъ
И дико засвисталъ, крутясь въ недоумѣньи:
«Какой изъ вихрей тамъ, братишка младшій мой,
Мои владѣнія такъ дерзко попираетъ?
А самъ ничтоженъ такъ и низко такъ летаетъ....»
Свирѣпо зарычалъ онъ, топнувши ногой...
И вся Аравія вокругъ затрепетала,
Но, увидавъ, что я не оробѣлъ ни мало,
Онъ хлынулъ на меня песчаною горой,
Сталъ, какъ драконъ, меня на части рвать когтями,
Валилъ могучими крылами,

Дыханьемъ огненнымъ палилъ,
Въ песчаныхъ нѣдрахъ зарывая,
Съ земли срывалъ, объ землю билъ,
Горами пыли засыпая....
Но я въ борьбѣ не уступалъ
Съ его сыпучими волнами,
Песчаный станъ четвертовалъ
И грызъ неистово зубами....
Изъ рукъ моихъ хотѣлъ онъ взвиться въ небеса,
Да нѣтъ!... Не вырвался!.... Напрасныя усилья!
И вотъ дождемъ песку со скалъ онъ полился
И палъ у ногъ моихъ, какъ трупъ, свернувши крылья....

Какъ сладко отдохнуть! Къ звѣздамъ возвелъ я взглядъ.
И звѣзды всѣ блестящими очами
На одного меня съ высотъ небесъ глядятъ,
И кромѣ некого имъ озарить лучами!
Какъ вольно дышетъ грудь, отрадою полна!
Въ ней нѣга разлита, всего меня волнуя,
Какъ будто бы во всей Аравіи могу я
Воздушный океанъ теперь испить до дна!...
Какъ сладко погрузить въ просторъ безбрежный око
Такъ далеко и такъ глубоко!...
И рвется дальше, дальше взоръ
За безпредѣльный кругозоръ!...
Какъ я раскрылъ мои объятія широко!
Какъ будто небо все до запада съ востока
Я обнялъ.... а мечта паритъ, легка, свѣтла,
Все выше къ небесамъ, и, словно какъ пчела,
Что, жало погрузивъ, всѣ силы изливаетъ,
Такъ съ мыслью и душа въ безбрежность улетаетъ!...

Л. Пальминъ.

Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

III*).

Третья степень элементарнаго образованія.

Школы грамматическія (Grammar school).

Эти школы принесены первыми колонистами изъ Англіи, но въ настоящее время онѣ такъ обамериканились, что осталось только имя, а смыслъ и содержаніе ихъ теперь совершенно стали иные. Чтобы это было ясно, мы представимъ здѣсь возможно-краткую исторію этихъ школъ, чтобы видѣть ихъ перерожденіе въ настоящую форму.

Грамматическими школами въ Англіи называются такія школы, въ которыхъ почти весь курсъ состоитъ изъ изученія латинскаго и греческаго языковъ, преимущественно же латинскаго, при чемъ на родной языкъ обращается очень мало вниманія. Онѣ образовались по образцамъ школъ церковныхъ и монастырскихъ и поддерживались частными пожертвованіями и субсидіями отъ правительства. Въ Англіи такихъ школъ, содержавшихся на частныя средства благотворителей, было много и нѣкоторыя изъ нихъ были очень древняго происхожденія. Королевскія грамматическія школы были учреждены при Генрихѣ VIII, Эдуардѣ VI и Елизаветѣ; на содержаніе этихъ школъ были назначены суммы, происшедшія отъ продажи католическихъ религіозныхъ зданій, такъ какъ католики были гонимы въ это время. До нѣкоторой степени эти школы были общедоступными. Американскій педагогъ-историкъ Барнардъ говоритъ объ этихъ школахъ слѣдующее: «Въ эти школы выбирались немногія дѣти тѣхъ бѣдныхъ родителей,

*) См. январь и апрѣль.

которые были не въ состояніи платить за ихъ обученіе, изучали классическіе языки и, при извѣстныхъ условіяхъ, были поддерживаемы до и въ теченіи университетскаго курса. Эти общественныя грамматическія школы были, такимъ образомъ, питомниками ученыхъ въ Англіи, въ которыхъ богатые и бѣдные до нѣкоторой степени пользовались одинаковыми выгодами обученія и чрезъ нихъ могли доходить до высшихъ государственныхъ почестей».

Такія школы были почти во всѣхъ городахъ Англіи и вполнѣ соотвѣтствовали, и по своимъ правамъ на поступленіе въ университетъ, и по классическому содержанію курса однороднымъ школамъ, которыя называются классическими школами (classical schools), нѣмецкимъ гимназіямъ и французскимъ лицеямъ, т. е. это были среднеучебныя заведенія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ грамматическія школы первоначально имѣли тотъ же характеръ, т. е. строго-классическій и содержались большею частію на щедрыя пожертвованія частныхъ благотворителей. Эти школы были разсадниками классическаго образованія въ Америкѣ, которое отъ нихъ перешло въ академіи и высшія школы, о которыхъ мы говоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Постепенное развитіе общественныхъ элементарныхъ школъ въ Соединенныхъ Штатахъ пошатнуло классическую систему воспитанія: греческій и латинскій языки стали въ грамматическихъ школахъ приходить въ упадокъ; на нихъ перестали смотрѣть, какъ на единственное средство воспитанія; въ народѣ появился спросъ на науки и предметы болѣе практическаго характера, болѣе полезнаго для жизни. Вслѣдствіе этого, духъ и характеръ грамматическихъ школъ здѣсь совершенно измѣнился, такъ что имя grammar school въ Америкѣ и въ Англіи имѣетъ теперь совершенно разное значеніе. Грамматическими школами стали называть такія *элементарныя* школы, въ которыхъ, вмѣсто латинской и греческой грамматики, стала преподаваться грамматика англійскаго языка и, такимъ образомъ, изученіе роднаго языка заступило мѣсто классическихъ, которые были отнесены къ среднеучебному курсу; кромѣ роднаго языка, сюда были введены и прочіе предметы общаго элементарнаго образованія.

Такимъ образомъ, грамматическія школы въ Америкѣ въ настоящее время представляютъ собою, съ одной стороны, завершеніе общаго элементарнаго образованія, а съ другой — приготовленіе для поступленія въ среднія учебныя заведенія.

Курсъ въ этихъ школахъ продолжается обыкновенно три и четыре года. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалены отъ среднихъ школъ, въ грамматическія школы вводятся предметы практическаго характера, принадлежащіе къ курсу среднихъ заведеній. Такъ, въ нѣкоторыхъ грамматическихъ школахъ преподаются: латинскій языкъ, химія, физика, алгебра, геометрія; въ такомъ случаѣ, продолжительность курса въ этихъ школахъ удлиняется на столько, сколько требуется на прохожденіе курса дополнительныхъ предметовъ. Но, во всякомъ случаѣ, такихъ уклоненій отъ строго-элементарнаго курса встрѣчается немного, потому что среднеучебныхъ заведеній въ Америкѣ достаточно.

Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ (очень немногихъ) мѣстностяхъ грамматическою школою называется *все элементарное образованіе,* которое здѣсь повсюду обыкновенно подраздѣляется на primary, secondary и grammar schools. Очевидно, въ такихъ исключительныхъ случаяхъ выраженіе «грамматическая школа» употребляется въ смыслѣ неопредѣленномъ, но при этомъ указывается, что въ такой школѣ курсъ обученія вообще выше первой.

Грамматическія школы составляютъ одинаковую принадлежность элементарнаго образованія, какъ въ сельскихъ округахъ, такъ и въ городахъ. И какъ общее правило, въ сельскихъ округахъ зданія грамматическихъ школъ обыкновенно очень красивы, просторны, хорошо мѣблированы и удовлетворительно снабжены учебными пособіями.

IV.

Содержаніе, объемъ и характеръ учебнаго курса въ элементарныхъ школахъ Америки.

Рядъ образовательныхъ предметовъ для изученія въ школѣ, приведенныхъ въ извѣстный порядокъ, въ какомъ эти предметы должны изучаться, обыкновенно дѣлится на извѣстныя группы или отдѣленія для изученія ихъ въ опредѣленное время. Это принято называть курсомъ образованія или обученія. Это распредѣленіе образовательныхъ предметовъ въ Америкѣ называется *graded course,* т. е. распредѣленный по степенямъ. Факультетскіе курсы же высшихъ учебныхъ заведеній называетъ *curriculum*, т. е. кругъ, обнимающій извѣстную группу однородныхъ наукъ. Подробное же распредѣленіе учебныхъ предметовъ по днямъ и числу уроковъ называется здѣсь *программою.*

Для цѣлей правильной умственной культуры *выборъ* учебныхъ предметовъ, какъ извѣстно, дѣло важности первостепенной; за тѣмъ слѣдуютъ порядокъ или распредѣленіе выбранныхъ предметовъ по классамъ продолжительности курса и количество одновременно изучаемыхъ предметовъ.

Что касается до выбора образовательныхъ предметовъ, то здѣсь въ этомъ отношеніи идетъ довольно серьезная борьба между старыми преданіями школы и новыми требованіями жизни. Одни смотрятъ на учебные предметы только какъ на средства умственнаго развитія, какъ на гимнастику для ума, придавая очень мало значенія тому, на сколько нужны для практической жизни эти учебные предметы, орудія умственной дрессировки. Другіе же, имѣя въ виду практическія потребности и нужды обыденной жизни, требуютъ, чтобы въ курсъ учебныхъ предметовъ входили только такіе предметы, которые, развивая и укрѣпляя умъ, сообщали бы въ то же время учащимся и знанія, пригодныя для практической жизни. Вопросъ этотъ, очень знакомый Россіи, какъ и почти всей Европѣ, въ Америкѣ рѣшается практикою. Въ ранній періодъ американской исторіи, когда ея просвѣщеніе находилось подъ вліяніемъ и давленіемъ классической Европы, а особенно Англіи, преобладало первое воззрѣніе. Но жизнь шла впередъ; борьба съ природою и борьба за существованіе мало-по-малу привели здѣсь людей къ мысли, что школа должна готовить людей къ этой суровой, немилосердой, трудной школѣ, называемой жизнью. Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ латинскій и греческій языки, бывшіе альфою и омегою воспитанія, были удалены изъ элементарной школы совершенно и отнесены къ среднеучебному курсу.

Въ элементарныхъ, или начальныхъ школахъ, общеизучаемые теперь предметы суть слѣдующіе: 1) родной языкъ, т. е.: а) чтеніе, б) искусство произношенія (elocution), в) правописаніе (spelling), г) анализъ и опредѣленіе словъ, д) грамматика, е) сочиненіе (composition); 2) начальная математика, т. е. умственная и письменная ариѳметика, алгебра и геометрія; 3) элементарная наука (elementary science), или знаніе вещей, начиная съ предметныхъ уроковъ до *элементовъ* географіи, естественной исторіи, физіологіи, физики, астрономіи; 4) исторія; 5) графическія искусства—писаніе, рисованіе, черченіе; 6) гимнастика; 7) музыка вокальная или инструментальная. Въ дополненіе къ этимъ предметамъ въ иныхъ школахъ вводится препо-

дованіе новыхъ языковъ, преимущественно французскаго и нѣмецкаго, въ Калифорніи и Техасѣ—испанскаго.

Если смотрѣть только на предметы обученія, то нельзя видѣть большой разницы въ курсѣ элементарномъ и среднемъ; но эта разница есть въ объемѣ и содержаніи предметовъ и въ ихъ учебной постановкѣ. При небольшомъ развитіи умственныхъ способностей, какое возможно въ элементарной школѣ, гдѣ нѣтъ мѣста слишкомъ серьезнымъ отвлеченіямъ, обобщеніямъ и умозаключеніямъ, названные предметы могутъ быть передаваемы только въ самыхъ упрощенныхъ элементарныхъ формахъ. Но, говоря вообще, очень трудно провести строгую демаркаціонную линію между элементарнымъ и среднимъ образованіемъ, и это еще труднѣе въ школахъ американскихъ. Какъ общее правило, здѣсь обыкновенно требуется, чтобы названные предметы элементарнаго курса были усвоены въ опредѣленной степени для вступленія въ среднія школы. Въ крайнемъ же случаѣ ученики для вступленія въ среднеучебныя заведенія должны хорошо читать, правильно писать, знать ариѳметику, географію, англійскую грамматику и исторію Соединенныхъ Штатовъ. Это—conditio sine qua non.

Пересматривая курсы элементарныхъ школъ въ разныхъ штатахъ, городахъ и сельскихъ округахъ, мы видимъ чрезвычайное разнообразіе во взглядахъ и требованіяхъ отъ элементарной школы со стороны мѣстнаго населенія. Эти курсы различаются, и по количеству предметовъ, и по классификаціи ихъ, и по продолжительности времени для ихъ изученія. Штаты въ своихъ предѣлахъ не предписываютъ никакого однообразнаго курса, иногда только заявляя минимумъ того, что должны знать ученики элементарныхъ школъ, maximum при этомъ остается во власти и волѣ самаго населенія. Самое бо́льшее, чего нѣкоторые штаты могли достичь для однообразія,—это предписать извѣстные учебники для общественныхъ школъ. Но и такія слабыя попытки къ однообразію курсовъ обыкновенно встрѣчаются криками о централизаціи, о давленіи мѣстной жизни и т. п., хотя въ сущности такое однообразіе для многихъ школъ было бы существенно полезно. Но, судя по ходу дѣлъ и по современному положенію школъ, едва ли можно ожидать и въ будущемъ коренной реформы въ этомъ отношеніи; это вмѣшательство штата въ частныя дѣла школъ можетъ быть здѣсь въ очень ограниченныхъ предѣлахъ, такъ что «*о предписанномъ курсѣ*» здѣсь пока не

можетъ быть рѣчи. Но помимо привычекъ и обычая, предписанные курсы считаются вредными здѣсь и съ педагогической точки зрѣнія. Когда объ этомъ была рѣчь въ національной педагогической ассоціаціи, въ 1873 г., то педагоги нашли, что если предписывать курсы, то это поведетъ къ тому, что школы, стараясь выполнить предписанія, превратятся въ выставки, на которыхъ будутъ показываться не дѣйствительные, а мнимые, вздутые успѣхи учениковъ; образованіе же и прочная культура ума рискуютъ при этомъ остаться въ пренебреженіи. При этомъ были указаны примѣры нѣкоторыхъ сѣверныхъ городовъ съ предписанными курсами для ихъ школъ. На основаніи этихъ примѣровъ было установлено, какъ фактъ, что предписанія эти отозвались тяжелымъ гнетомъ для школъ во многихъ случаяхъ. Поэтому курсы здѣсь составляются мѣстными педагогическими совѣтами при пособіи лицъ педагогическаго надзора. Единство въ главныхъ, общепринятыхъ предметахъ элементарной школы достигнуто почти повсюду и при этомъ изолированномъ способѣ составленія курсовъ. Но въ предметахъ дополнительныхъ, а также въ распредѣленіи курса и составленія программы на учебное время — почти вездѣ встрѣчаются свои особенности. Для этого единства на практикѣ много служитъ общность взглядовъ на элементарное образованіе. Въ Бостонѣ ли, Нью-Іоркѣ, Чикаго, Сан-Франциско, Новомъ Орлеанѣ—вездѣ на элементарную школу смотрятъ здѣсь одинаково, т. е. она должна дать учащимся основныя научныя знанія, чтеніе, письмо и т. д. и вмѣстѣ съ тѣмъ дисциплинировать ихъ умы такъ, чтобы они стали способными не только пріобрѣтать знанія, но и *пользоваться ими* при выполненіи тѣхъ обязанностей, которыя ихъ ожидаютъ въ практической жизни послѣ школы.

Раздѣленіе учебнаго курса по классамъ дѣлается также различно въ разныхъ школахъ. Въ иныхъ школахъ курсы дѣлятся соотвѣтственно принятымъ учебникамъ; при чемъ на каждый учебный годъ или полугодіе опредѣляется, на основаніе опыта, извѣстное число главъ или параграфовъ. Конечно, при этомъ обращается вниманіе на то, чтобы эти главы или параграфы обнимали извѣстный отдѣлъ учебнаго предмета. Въ другихъ же школахъ указанія на учебники не дѣлается, а только обозначаются и перечисляются тѣ предметы, которые должны быть пройдены въ извѣстномъ классѣ въ извѣстное время. Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ здѣсь своихъ защитниковъ.

Одни педагоги находятъ, что способъ распредѣленія учебнаго матеріала безъ указанія опредѣленныхъ учебниковъ даетъ учителю болѣе простора и свободы въ преподаваніи, не связывая его самодѣятельности обязательными учебниками,—что при этомъ дѣятельность учителя, будучи болѣе отвѣтственною, дѣлается болѣе производительною и оригинальною. Живое слово учителя гораздо болѣе дѣйствительно, производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ какой бы то ни было учебникъ. При этомъ способѣ, говорятъ, предметъ обученія и потребности учениковъ стоятъ на первомъ планѣ; учебники же играютъ роль второстепенную, роль справочныхъ книгъ, пособій для воспоминанія. Кромѣ того, учебниковъ совершенныхъ, говорятъ далѣе, нѣтъ: во всѣхъ есть не только недостатки, но и ошибки, поэтому они не могутъ быть надежными авторитетами ни для учениковъ, ни для учителя. Поэтому, при необязательности опредѣленныхъ учебниковъ, учитель и ученики, на сколько это возможно, могутъ при справкахъ свѣрять разные учебники, сравнивать ихъ положенія и утвержденія, исправлять ошибки и, такимъ образомъ, могутъ получаться результаты болѣе плодотворные при необязательности *опредѣленныхъ* учебниковъ, чѣмъ при ихъ обязательности. Такимъ образомъ, говорятъ, если исторія, напр., Соединенныхъ Штатовъ будетъ распредѣлена безъ опредѣленнаго учебника такъ, что въ одномъ классѣ назначено пройти колоніальный періодъ, въ другомъ—учрежденіе союзнаго правительства и т. д., то учитель и ученики могутъ выбирать въ разныхъ учебникахъ тѣ главы и параграфы, которые наилучшимъ образомъ трактуютъ объ извѣстномъ предметѣ. Тоже относительно и прочихъ предметовъ. Поэтому опредѣленные, обязательные учебники сравниваютъ здѣсь съ Прокрустовымъ ложемъ для самодѣятельности учителя и учениковъ.

Защитники же обязательныхъ учебниковъ ссылаются въ своихъ доказательствахъ на то, что не всѣ учителя достаточно опытны и компетентны для такого веденія дѣла; что ученики могутъ потеряться при различіи учебныхъ пособій и что при обязательныхъ учебникахъ и курсъ, и познанія учениковъ имѣютъ болѣе твердости, опредѣленности и законченности. Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ доброкачественности учителя. Поэтому здѣсь, какъ и вездѣ, дѣло практически рѣшается компромиссомъ; если педагогическіе мѣстные совѣты и учителя признаютъ, что обязательные учебники лучше, то вводятся учебники обязательные; если же признаютъ, что безъ обязательныхъ

учебниковъ дѣло пойдетъ лучше, то ихъ не вводятъ. Въ такомъ случаѣ, самые успѣхи учениковъ уже опредѣляютъ, какого способа держаться на будущее время въ этомъ отношеніи.

Общія замѣчанія объ объемѣ, содержаніи и характерѣ преподаванія учебныхъ предметовъ элементарнаго образованія въ американскихъ школахъ.

Родной языкъ, т. е. англійскій.

Главное мѣсто въ элементарной школѣ, центръ ея курса, какъ и должно быть, составляетъ обученіе родному языку. Это обученіе дѣлится здѣсь на слѣдующія *самостоятельныя* вѣтви: чтеніе, правописаніе, грамматика, сочиненія и декламація. Разсмотримъ по возможности кратко всѣ эти вѣтви.

Чтеніе.

Научить дѣтей читать по-англійски дѣло очень трудное и требуетъ отъ учителя много опытности, такта и умѣнья. Причина этому заключается въ нелѣпомъ англійскомъ правописаніи и почти полномъ разладѣ письма съ рѣчью. Поэтому чтеніе продолжается въ теченіи всего элементарнаго курса, проходя чрезъ всѣ степени элементарной школы, т. е. чрезъ primary, secondary и grammar школы. Въ настоящее время существуютъ въ школахъ всѣ способы обученія чтенію, т. е. *методъ азбучный* (Alphabet mettod), когда ребенокъ сначала изучаетъ всѣ буквы азбуки, затѣмъ складываетъ эти буквы и выучивается произносить разныя комбинаціи буквъ. Этотъ способъ въ настоящее время осужденъ также и въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, какъ методъ, забивающій способности, отупляющій и нелогичный. Онъ здѣсь существуетъ въ смыслѣ рѣдкихъ обломковъ прошлаго невѣжества. Гораздо болѣе распространенъ здѣсь способъ обученія чтенію *словесный* (Word mettod), при которомъ ребенокъ выучивается произносить короткія слова и притомъ изучаетъ звуки и имена буквъ посредствомъ анализа буквъ. Но общепринятый здѣсь теперь звуковой методъ обученія чтенію называется *фоническимъ* (phonic mettod), при которомъ ребенокъ получаетъ истинное произношеніе слова посредствомъ анализа звуковъ буквъ, составляющихъ произносимое слово. Напр. cat (кошка) ребенокъ произноситъ *катъ* (*а* здѣсь звукъ средній между *а* и *е*), между тѣмъ, какъ по азбучному методу онъ долженъ бы

былъ сначала сказать: *си-е-ти*—катъ. Понятно, что никакой самый геніальный ребенокъ не могъ бы понять такой чепухи, что изъ *си-е-ти* почему-то выходитъ *катъ*. Словомъ, здѣсь происходитъ старая исторія: «буки-азъ-ба». Но такъ какъ нелѣпости англійской орѳографіи доходятъ до чудовищныхъ размѣровъ, то для первоначальнаго обученія чтенію (для перваго года) это правописаніе приводятъ въ учебникѣ въ нѣсколько смягченномъ видѣ, ради дѣтей приближаясь нѣсколько къ здравому смыслу, т. е. дѣлаютъ намѣренно *неправильное правописаніе*, чтобы легче было учить дѣтей. Этотъ способъ называется здѣсь *фонетическимъ* (phonetic method). Но, конечно, всѣ эти способы имѣютъ цѣлью научить механизму чтенія. Чтеніе же здѣсь, какъ и должно быть, составляетъ часть воспитанія ума и имѣетъ двѣ цѣли: во-первыхъ, *пониманіе* читаемаго и, во-вторыхъ, умѣніе правильно выразить читаемое голосомъ. Такимъ образомъ, здѣсь возлагается на учителя обязанность развитія правильнаго сужденія въ дѣтяхъ, знакомства и пониманія *не только* читаемыхъ *словъ и фразъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе и пониманіе тѣхъ *предметовъ*, которые обозначены буквами и фразами. Поэтому при чтеніи здѣсь *обязательно для всѣхъ преподавателей* опредѣлять и объяснять собственное и несобственное значеніе словъ, фразъ и идіомовъ языка, для чего они должны пріискивать соотвѣтствующія упражненія и научить читать не только ясно и правильно, но и выразительно, соотвѣтственно содержанію читаемаго. Общее чтеніе всѣхъ дѣтей или учащихся вмѣстѣ поэтому не употребляется; читаетъ обыкновенно одинъ, останавливаясь по требованію учителя, причемъ дѣлаются поправки и объясненія и вообще работа со всѣмъ классомъ. Статьи для чтенія выбираются обыкновенно содержательныя, небольшія, но законченныя. Содержанію статьи обыкновенно тоже придается значеніе и ученики должны его понять и усвоить. Каждая статья въ учебникѣ сопровождается *вопросами*, на которые ученики должны отвѣчать устно или письменно, смотря по классу и по требованію учителя. Этими упражненіями, особенно въ формѣ письменныхъ отвѣтовъ, сопровождаются всѣ статьи, чѣмъ достигается хорошее усвоеніе прочитанныхъ статей и постоянное упражненіе въ правописаніи.

Краеугольнымъ камнемъ элементарной американской школы служатъ *читальники*, т. е. книги для чтенія (reader отъ *to read*, произн. ридъ — читать). Они обыкновенно составлены систематически, начиная съ самыхъ простыхъ и обыденныхъ фразъ

и понятій и оканчивая курсомъ реторики, т. е. статьи въ этихъ читальникахъ расположены съ соблюденіемъ перехода отъ легкаго къ трудному не только по языку, но и по своему содержанію. Выработанное многолѣтнимъ опытомъ и практикуемое въ настоящее время *число* этихъ читальниковъ обыкновенно *пять*. Но въ начальной школѣ обыкновенно употребляется четыре, а пятый, содержащій при хрестоматіи реторику и правила для ораторовъ, относится обыкновенно къ среднимъ заведеніямъ. Но важность свою читальники получаютъ здѣсь не потому только, что они служатъ средствомъ для правильнаго чтенія, произношенія, знакомства съ литературою по лучшимъ образцамъ въ стихахъ и прозѣ; а, главнымъ и существеннымъ образомъ, потому, что при ихъ посредствѣ дается *нравственное общечеловѣческое и гражданское воспитаніе*. Въ читальникахъ обыкновенно очень мало сухихъ статей естественно-историческихъ или физическихъ описаній природы: эти предметы преподаются отдѣльно, а потому имъ здѣсь нѣтъ мѣста. Обыкновенно, одна треть этихъ читальниковъ, которые вѣрнѣе можно назвать хрестоматіями, состоитъ изъ стиховъ, а двѣ трети изъ прозы. Содержаніе этихъ статей имѣетъ цѣлью: 1) сообщить дѣтямъ понятія о долгѣ, обязанностяхъ, чести, о необходимости благодарности и признательности, объ уваженіи личности человѣческой, самоуваженіи, трудѣ, правильныхъ отношеніяхъ къ старшимъ и тому подобныя правила кодекса общепринятой морали. 2) Возбудить въ дѣтяхъ чувства *патріотизма и національной гордости;* для этого приводятся факты изъ американской исторіи, разсказанные лучшими писателями, относительно колонизаціи Америки, изъ борьбы за независимость, черты изъ жизни замѣчательныхъ патріотовъ съ ихъ сентенціями и т. д. 3) Сообщить дѣтямъ *религіозное настроеніе*. Какъ извѣстно, библія въ американскихъ школахъ и обученіе какой либо вѣрѣ воспрещены; но американцы вообще народъ религіозный, поэтому они проводятъ религіозный духъ и характеръ въ школахъ посредствомъ такихъ статей, изъ которыхъ дѣти могли бы научиться видѣть во всемъ премудрость, благость и любовь Божію, хотя при этомъ нѣтъ ни одной статьи, заимствованной изъ библіи или другихъ религіозныхъ источниковъ, даже рѣдко встрѣчается упоминаніе о Христѣ, потому что учебники эти назначаются и для евреевъ, и для китайцевъ.

Въ подробный анализъ этихъ читальниковъ мы здѣсь не входимъ, потому что это завело бы насъ черезчуръ далеко; огра-

ничимся здѣсь указаніемъ лучшихъ читальниковъ или reader'овъ, которые употребляются въ настоящее время въ американскихъ школахъ. Наиболѣе употребляемые въ школахъ читальники называются «національными» безъ имени ихъ составителей (National readers). Затѣмъ пользуются хорошею извѣстностью изданные фирмою Апельтона и К° читальники Гарриса (Harris изъ Миссури), Рыкова (A. J. Rickoff изъ Огайьо; фамилія Рыкова очевидно русская), Марка Бели (Mere Bailey, профессора краснорѣчія въ Yale'скомъ университетѣ) и многіе другіе. Такъ какъ школъ въ Америкѣ очень много, то учебники издавать и составлять очень выгодно; поэтому ихъ здѣсь огромное количество по всѣмъ предметамъ, почему безъ рекомендаціи суперинтендентовъ выборъ ихъ для школъ былъ бы затруднителенъ.

Правописаніе.

Бичъ, зараза школъ, самая непроизводительная и отупляющая затрата дорогаго учебнаго времени, то, что извѣстно подъ именемъ орѳографіи или правописанія, составляетъ, какъ въ англійскихъ, такъ и американскихъ школахъ, особый и очень трудный предметъ обученія въ элементарныхъ школахъ. Это тяжелое бремя, которое все человѣчество добровольно несетъ на себѣ безъ смысла и безъ цѣли, оказывается особенно тяжелымъ для дѣтей, говорящихъ по-англійски или, правильнѣе, по-*англо-американски*. Во всѣхъ языкахъ существуетъ нелѣпое правило говорить и писать различно, т. е. писать не такъ, какъ говорится; только итальянцы и испанцы сдѣлали въ этомъ отношеніи очень значительныя уступки требованіямъ здраваго смысла; но англійскій языкъ дошелъ въ этомъ отношеніи до такого абсурда, что дальше идти нельзя въ этомъ направленіи, и онъ начинаетъ дѣлать робкія попытки движенія къ указаніямъ здраваго смысла.

Кто знаетъ, какъ трудно дается наше сравнительно гораздо менѣе нелѣпое правописаніе нашимъ русскимъ дѣтямъ, тотъ поймѣтъ, какихъ страшныхъ трудовъ стоитъ это ни на что не нужное искусство англо-американскимъ дѣтямъ. Для пониманія этой трудности мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, взятыхъ на удачу. Объясните и научите ребенка, напр., такимъ мудростямъ: sign, знакъ, произн. *сайнъ*; meantime, между тѣмъ, однако, пр. *минтаймъ*; science, наука, пр. *сайенсъ*; such, такой,—*сачъ*; lead, свинецъ,—*ледъ*, a lead, вести, *лидъ*; gaol, тюрьма,—

джелз; gauge пр. *деджз*; giant—*джайантъ*; gig пр. *гигъ*, gibe—*джайбъ*; psychology—*сайкòлоджи*; cychlopaedia — *сайклопидіа*; door — *дорз*; moon — *мунъ*; dough, тѣсто,—*до*; trough —*трёфъ*; daughter, дочь,—*датёръ* и т. д. и т. д.; при этомъ буква *a* имѣетъ четыре произношенія, а по нѣкоторымъ филологамъ даже 6; буква *o* три звука; *u*—три, *e*—два, *i* и *y*—два и т. д.; затѣмъ множество дифтонговъ и буквъ непроизносимыхъ, такъ что все это вмѣстѣ представляетъ хаосъ и путаницу чрезвычайные и необычайные. И все это бѣдныя дѣти должны усвоить, переварить, чтобы быть впослѣдствіи признанными за получившихъ образованіе. И оно, дѣйствительно, выходитъ такъ. Если вы встрѣчаете, что американецъ пишетъ правильно по-англійски, это ясный признакъ, что онъ провелъ въ школѣ по крайней мѣрѣ лѣтъ шесть или семь, потому что безъ школы усвоить эту нелѣпость невозможно.

Чтобы объяснить, почему и какъ англійскій народъ подчинялся такому позорному игу и какъ самый простой, ясный, логическій по грамматикѣ языкъ англійскій обезобразился такъ въ правописаніи, мы приведемъ здѣсь самый краткій очеркъ исторіи англійскаго правописанія, извлеченный изъ History of English pronounciation (исторія англійскаго произношенія) Эллиса (London, 1867).

Въ древнее время англо-саксонцы не имѣли своей азбуки; миссіонеры вмѣстѣ съ христіанствомъ ввели между ними латинскій алфавитъ. Латинскимъ буквамъ при этомъ давалось ихъ латинское, значеніе, или, во всякомъ случаѣ подходило очень близко къ нимъ, т. е. *a* произносилось за *a*, *e* за *e* и т. д. Для недостававшихъ звуковъ были приданы звуки *a* какъ въ *fat*, *th* въ their, *th* какъ thine и *w*. Здѣсь произошла значительная неурядица отъ этого, но дѣло было еще сносно. Явились норманны, покорили англо-саксовъ и хаосъ отъ этого вторженія въ языкѣ сталъ чрезвычайный. Бо́льшую часть словъ норманскихъ было очень трудно произносить англо-саксамъ, а норманнамъ трудно было произносить англо-саксонскія слова; а жить-то пришлось вмѣстѣ. Ученые этого времени предложили произносить буквы соотвѣтственно древнимъ книгамъ; но норманны, какъ побѣдители, вѣроятно, отбросили англо-саксонское произношеніе и стали вставлять и писать въ книгахъ свои собственныя буквы тѣхъ звуковъ, которые произносились англо-саксами. Но эти норманскія буквы, какъ чуждыя англо-саксонцамъ, народъ не про-

износилъ. Такимъ образомъ, возникло множество непроизносимыхъ буквъ (silent letters). Нѣкоторыя буквы вставлялись тогдашними учеными въ смыслѣ, такъ сказать, компромисса между двумя племенами; но эта попытка не удалась, потому что ни норманны, ни англо-саксы не произносили ихъ, но привыкли видѣть эти буквы въ книгахъ и писать ихъ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ они были понаставлены учеными. Такимъ образомъ, произошло не вавилонское, а англійское смѣшеніе языковъ. Замкнуты гласные (close vawels), подъ вліяніемъ акцента, измѣнились въ двоегласные посредствомъ принятія *a* передъ ними. Старое *i* измѣнилось въ *ай*; *u*, произносившееся какъ русское *y*, стало произносится какъ *аи*. И, наоборотъ, звуки открытые и смѣшанные стали замкнутыми: полное *a* измѣнилось въ *e* (fate), въ *o* и т. д.; *e* въ *u*; двойное *o* въ *y*: старые двоегласные стали одногласными; долгіе и короткіе звуки, не имѣя особыхъ знаковъ, какъ въ другихъ языкахъ, стали писаться одинаковыми буквами; промежуточные звуки, тоже не имѣя особыхъ знаковъ, приняли буквы звуковъ долгихъ. Въ такомъ же положеніи находились четыре согласныхъ: *sh*, *zh*, *th*, *dh*. Эта безурядица и хаосъ мало-по-малу такъ вошли въ обычай, что народъ совершенно потерялъ изъ виду необходимость согласія устной рѣчи съ письменной и что буквы, знаки звуковъ, должны выражать именно звуки, а не занимать мѣста на бумагѣ безъ смысла и цѣли. Оказалось, что не одна только бумага можетъ все терпѣть, но и цѣлый народъ, да и народъ притомъ въ высшей степени дѣловой, практическій.

Но какъ бы тамъ ни было въ теоріи, а на практикѣ учитель долженъ *вперять* правила и исключенія безсмысленнаго правописанія. Опредѣленныхъ, строго-установленныхъ правилъ произношенія нѣтъ, такъ что американское произношеніе во многомъ отличается отъ англійскаго, не говоря уже о шотландскомъ и ирландскомъ діалектахъ. Поэтому учитель держится самъ авторитетныхъ словарей, смотря по тому, какой словарь гдѣ принятъ за standard, т. е. за основной. Иные учителя, преимущественно въ Новой Англіи, держались болѣе консервативнаго словаря Уорсестера (Worcester; огромный его словарь англійскаго языка составленъ по Джонсону съ произношеніемъ Уокера (Walker); другіе же преподаватели держатся болѣе либеральнаго словаря Уэбстёра (Webster; его словарь самый полный; его учебникъ англійскаго правописанія въ трехъ частяхъ разошелся въ періодъ

времени съ 1782 г. по 1876 въ количествѣ *семидесяти милліоновъ* экземпляровъ—успѣхъ, вѣроятно, единственный во всемірной педагогической литературѣ). Какой-нибудь изъ этихъ словарей считается въ числѣ обязательныхъ учебныхъ пособій въ школахъ всѣхъ степеней и наименованій.

Обыкновенный способъ обученія правописанію заключается въ томъ, чтобы по учебнику, назначенному спеціально для правописанія, (такіе учебники называются speller—отъ spell—или spelling-book, т. е. учебникъ правописанія), образовывать и называть каждую изъ буквъ алфавита; затѣмъ дѣлаются комбинаціи буквъ по парамъ, причемъ называется каждая буква особо и произносится вмѣстѣ, какъ одинъ звукъ; далѣе идутъ комбинаціи изъ трехъ, четырехъ буквъ и т. д. Этотъ процессъ въ сущности то же, что наши старые склады. Эти слоги и слова выбираются съ особою заботливостью; сходные звуки группируются вмѣстѣ, и группы располагаются въ орѳографическомъ учебникѣ по степени ихъ трудности въ строгомъ порядкѣ. Для облегченія первой степени процесса употребляются иногда блоки съ буквами на нихъ, чтобы ученикъ могъ ихъ манипулировать по требованіямъ урока въ слоги и слова. При этомъ всѣ остальные ученики пишутъ или на аспидныхъ доскахъ, или на бумагѣ, или на классной доскѣ. Для наглядности въ учебникахъ употребляются картинки, чертежи, рисунки, чтобы разученное слово связать съ предметомъ, иногда нѣкоторыя особенно трудныя слова передаются въ рифмахъ, чтобы облегчить усвоеніе памятью.

Другой способъ обученія правописанію, употребляемый когда дѣти нѣсколько уже понавыкли читать, заключается въ томъ, что ученики, такъ сказать, рисуютъ слово безъ анализа и произносятъ его, повторяя произношеніе учителя. Дѣло примѣрно происходитъ такъ: учитель пишетъ на доскѣ слово: *cage*—клѣтка; ученики срисовываютъ это; затѣмъ учитель произноситъ: *кеджъ*! ученики повторяютъ это произношеніе. Затѣмъ учитель, при помощи учебника орѳографіи, выбираетъ рядъ одинаково произносящихся словъ, умалчивая объ исключеніяхъ. Когда наберется достаточно такихъ словъ и ученики усвоятъ ихъ хорошо, тогда учитель дѣлаетъ анализъ и устанавливаетъ правила произношенія, напр., что въ словѣ cage и подобныхъ буква *си* произносится какъ *k*, потому что стоитъ передъ *a*,—что *a* произносится какъ *е*, потому что оно здѣсь долгое, на что̀ указываетъ нѣмое *е*,—что *g* произносится здѣсь какъ *джи*, потому что стоитъ

передъ *e*,—что *e* нѣмое, потому что конечное. Здѣсь требуется много труда и искусства вести дѣло такимъ полумеханическимъ способомъ и безъ орѳографическихъ учебниковъ это была бы сизифова работа. Поэтому всѣ ученики снабжены этими учебниками. Употребляется также при этомъ и фоническій методъ.

Такъ какъ правописаніе лежитъ на обязанности учителя роднаго языка, то онъ, смотря по тому, какъ удобнѣе, иногда соединяетъ чтеніе по читальнику съ упражненіемъ въ правописаніи, а иногда раздѣляетъ эти занятія на отдѣльные часы; но во всѣхъ программахъ заведеній обыкновенно чтеніе и правописаніе разсматриваются, какъ отдѣльные предметы и для нихъ назначаются отдѣльные часы и требуются отдѣльные экзамены.

Но при всѣхъ возможныхъ пособіяхъ, облегченіяхъ и ухищреніяхъ преподавателей все-таки хорошее правописаніе англійское требуетъ очень много времени и стоитъ дорого. Оно продолжается и въ среднихъ заведеніяхъ, и въ учительскихъ семинаріяхъ (Normal school); поэтому и въ Англіи, и въ Америкѣ на человѣка, который пишетъ безошибочно, смотрятъ, какъ на получившаго очень хорошее общее образованіе, такъ что это ненужное ни для чего знаніе вдругъ становится мѣркою образованности!

При экзаменахъ на должности по гражданской службѣ и при вступленіи въ коледжи и университеты, между прочимъ, неизбѣжно бываетъ экзаменъ изъ правописанія. Въ Англіи при экзаменахъ на гражданскую службу изъ 1979 экзаменовавшихся не выдержали экзамена изъ правописанія 1866 кандидатовъ. Послѣ оказалось, что и всѣ министры дѣлаютъ ошибки въ правописаніи. Самые лучшіе учителя не свободны отъ нихъ. Англійскіе и особенно американскіе педагоги единогласно признаютъ свое правописаніе варварскимъ и однимъ изъ великихъ тормазовъ школы. Милліоны долларовъ издерживаются ежегодно на печатаніе нѣмыхъ буквъ. Въ настоящее время дѣлаются серьезныя усилія уменьшить давленіе этого историческаго бремени. Филологическія ассоціаціи въ Англіи и Америкѣ, ассоціаціи учителей,—общія и частныя, въ Америкѣ и Англіи, и даже нѣкоторыя легислатуры штатовъ назначили спеціальные комитеты для разсмотрѣнія вопросовъ правописанія и его упрощенія. Многіе проекты реформы уже представлены, наиболѣе цѣнные — Эллисомъ, Питманомъ, Е. Джонсомъ и А. М. Белемъ. Бель придумалъ родъ буквъ, совершенно непохожихъ на настоящія буквы; эти новые знаки своею

формою указываютъ положеніе органовъ рѣчи. Питманъ предложилъ прибавить къ существующему алфавиту 16 новыхъ знаковъ. Онъ издаетъ по этой системѣ Phonetic Journal, который расходится въ 10,000 экземплярахъ. Американская филологическая ассоціація держала спеціальное засѣданіе въ Филадельфіи, во время выставки 1876 г., для рѣшенія вопросовъ относительно реформы въ правописаніи. Здѣсь приняты нѣкоторыя упрощенія въ правописаніи, которыя входятъ теперь мало-по-малу въ печать и въ школы. Но полное согласіе относительно способовъ полной реформы далеко еще не достигнуто. Благо и то, что начало положено и дѣятельная разработка началась.

Грамматика.

Грамматика англійскаго языка, какъ извѣстно, проще, чѣмъ грамматика какого либо другаго языка. Но ни въ primary, ни въ secondary school не полагается для нея никакого учебника; ея правила и положенія разъясняются практически при анализѣ статей въ читальникѣ и при обученіи правописанію, то есть, грамматика въ первой и второй ступени элементарной школы проходится *практически*; въ третьей ступени, которая и называется grammar school, вводится опредѣленный учебникъ, въ видѣ пособія для учениковъ, но грамматика продолжаетъ изучаться практически. Въ нѣкоторыхъ школахъ вмѣсто грамматики вводятся такъ называемые Language lessons, т. е. уроки языка, какъ нѣкоторая замѣна грамматическаго анализа. Но цѣль, достигаемая этими уроками, одинакова съ грамматикою, т. е. правильное употребленіе языка.

Въ нѣкоторыхъ школахъ, очень немногихъ, которыя быстро исчезаютъ, уступая духу новыхъ методовъ, можно встрѣтить и старый способъ обученія грамматикѣ, т. е. гдѣ ученики заучиваютъ грамматическія опредѣленія и правила наизусть безъ предварительнаго многосторонняго подготовленія къ пониманію этихъ правилъ и опредѣленій, т. е. заучиваютъ ихъ, какъ попугаи, или, выражаясь русскимъ терминомъ, въ зубрячку. Но, повторяемъ, такія аномаліи сохранились, какъ памятники старой системы обученія, въ очень рѣдкихъ экземплярахъ. Мнѣ лично самому встрѣтить ничего подобнаго не пришлось, и я руковожусь въ этомъ заявленіи отчетами суперинтендентовъ просвѣщенія. Преобладающій же духъ между педагогами по отношенію къ грамматикѣ можно назвать *анти-грамматическимъ*. Такъ, многіе учи-

теля считаютъ, напр., раздѣленіе нарѣчій по мѣсту, времени и пр., предлоговъ, союзовъ и т. п., грамматическимъ балластомъ; и есть учебники, въ которыхъ даны только понятія о частяхъ рѣчи и предложеніяхъ въ такой сжатой формѣ, съ опущеніемъ всѣхъ второстепенныхъ подробностей, что весь текстъ можетъ быть умѣщенъ на пяти или шести страницахъ. Конечно, это уже крайность: такіе педагоги забываютъ, что грамматика есть логика даннаго языка и представляетъ собою очень важное средство для пріученія ума къ отвлеченіямъ, обобщеніямъ и въ то же время значительно облегчаетъ изученіе чужихъ языковъ. Но этотъ фактъ даетъ понятіе о направленіи и отношеніи къ грамматикѣ американскихъ педагоговъ. Большинство же стоитъ за солидную постановку этого предмета въ школѣ и грамматическіе анализы, самые обстоятельные, составляютъ очень серьезный предметъ въ грамматическихъ школахъ. Анализъ этотъ дѣлается всегда и устно, и письменно. На сколько англійское правописаніе трудно и безсмысленно, на столько англійская грамматика легка и логична. Поэтому, понятно, она беретъ времени немного, а даетъ много. При грамматическомъ анализѣ—синтаксисъ, т. е. разборъ предложеній, обыкновенно предшествуетъ разбору этимологическому.

Упражненія въ сочиненіи (Composition).

Цѣль этихъ упражненій заключается въ томъ, чтобы постепенно научить учащихся правильно выражать свои мысли на бумагѣ. Упражненія этого рода начинаются очень рано, какъ только ребенокъ нѣсколько освоится съ механизмомъ чтенія. Подготовка къ этимъ занятіямъ заключается сначала въ требованіи полныхъ отвѣтовъ на вопросы учителя, въ требованіи связывать короткіе отвѣты въ болѣе сложный одинъ отвѣтъ. Главнымъ образомъ уроки эти въ primary и secondary school связаны съ предметными уроками, причемъ разсмотрѣнный и изученный въ классѣ предметъ дается ученикамъ, какъ тема для составленія описанія его. Отвлеченныя темы совершенно выведены изъ употребленія. Въ грамматической школѣ письменныя упражненія связаны главнымъ образомъ съ грамматикою, причемъ учитель, исправляя ошибки въ упражненіяхъ, пользуется ими для объясненія и уясненія синтаксическихъ и этимологическихъ требованій языка.

Декламація.

Американецъ—человѣкъ общественный по преимуществу; ему приходится въ жизни говорить много и часто и по самымъ разнообразнымъ вопросамъ текущей жизни. Поэтому искусство говорить, т. е. правильно и цѣлесообразно выражать свои мысли устно о данномъ предметѣ, цѣнится очень высоко и школѣ вмѣнено въ обязанность научить этому искусству. Поэтому декламація входитъ, какъ обязательный предметъ не только въ средня, но и въ элементарныя школы.

Въ содержаніе обученія декламаціи обыкновенно входятъ слѣдующіе предметы: 1) образованіе и выдержка (training) голоса; 2) практика въ произношеніи; 3) пріученіе къ публичной рѣчи съ довѣріемъ и увѣренностію, легкостію и пріятностію; 4) образованіе вкуса къ публичной рѣчи и 5) усовершенствованіе искусства въ сочиненіяхъ.

Педагогическія правила, соблюдаемыя при обученіи декламаціи въ американскихъ школахъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) пьеса или статья, назначенная для декламированія, предварительно всесторонне разучивается; приэтомъ подвергается анализу не только ея языкъ, но она разсматривается и по отношенію къ мыслямъ, чувствамъ, способу умозаключеній и пр. для того, чтобы декламирующій на сколько возможно вполнѣ понималъ самъ декламируемое; 2) послѣ декламированія, разсматриваются хорошія стороны рѣчи декламировавшаго и ея недостатки, причемъ объясняется, почему хорошее было хорошо и почему нѣкоторыя стороны декламаціи были нехороши; 3) сообщаются основныя правила жестикуляціи, но принято не стѣснять особыми предписаніями декламирующаго, чтобы жестикуляція была возможно-естественнѣе; 4) требуется при обученіи декламаціи обращать главное вниманіе на духъ статьи и меньшее на ея форму, причемъ разучиваемыя статьи ни въ какомъ случаѣ не должны превышать пониманія учащихся, но чтобы учащіеся могли относиться къ нимъ вполнѣ сознательно. Въ элементарныхъ школахъ при обученіи декламаціи употребляются и діалоги между двумя или болѣе учениками. Это даетъ болѣе оживленія обученію. Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и коледжахъ пишутъ для декламаціи и самостоятельныя рѣчи. Но, конечно, элементарной школѣ это не по силамъ.

Ариѳметика и алгебра.

Едва ли есть страна въ мірѣ, гдѣ бы математическія знанія цѣнились такъ высоко, какъ въ Америкѣ. Поэтому предметъ этотъ изучается самымъ серьезнымъ образомъ и въ школахъ элементарныхъ, и среднихъ, и въ коледжахъ, и университетахъ, и заведеніяхъ профессіональныхъ. Американцевъ называютъ народомъ практическимъ, а математическія знанія постоянно нужны не только въ практической жизни, но и при всѣхъ механическихъ производствахъ, не говоря уже о научныхъ требованіяхъ.

Въ курсъ элементарной школы обыкновенно входитъ полный курсъ ариѳметики и начальная алгебра. Ариѳметика во всѣхъ классахъ въ теченіи всего курса проходится параллельно устно и письменно, причемъ письменная ариѳметика начинается полугодіемъ позже устной. Курсы ариѳметики обыкновенно всѣ составлены строго систематически; но обученіе производится согласно требованіямъ современной дидактики этого предмета, который у насъ прекрасно развитъ въ извѣстномъ трудѣ г. Евтушевскаго «Методика ариѳметики». Заучиваніе наизусть опредѣленій и правилъ ариѳметики по старому способу составляетъ такое же исключеніе, какъ заучиваніе правилъ и опредѣленій грамматическихъ. Всѣ труды нѣмецкихъ педагоговъ по этому предмету переведены и по ихъ образцамъ составлены американскія руководства. Примѣры и задачи для ариѳметическихъ вычисленій берутся обыкновенно изъ практической жизни, причемъ разучиваются незамѣтно измѣренія длины, плоскостей и объемовъ, вѣсъ различныхъ тѣлъ, монеты, вѣсъ и мѣры иностранныхъ государствъ. Метрическая система почти обязательно входитъ въ эти упражненія. Переходъ отъ ариѳметики къ алгебрѣ дѣлается такъ легко и естественно и начинается такъ рано, что учащіеся избѣгаютъ почти всѣхъ трудностей, которые такъ естественны, когда начинаютъ изученіе алгебры ex abrupto. Но мѣсто алгебры собственно въ грамматической школѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ проходится систематическій курсъ ариѳметики.

Географія.

Въ primary school изучается курсъ отчизновѣдѣнія и родной штатъ; въ secondary school общее обозрѣніе земнаго шара и всѣхъ частей свѣта въ физическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Въ grammar school — подробная географія Соединенныхъ

Штатовъ. Американскій континентъ изучается наиболѣе подробно, затѣмъ Европа, гдѣ наиболѣе подробно изучаются Великобританія съ Ирландіей, Германія и Франція; остальныя государства Европы и прочія части свѣта—въ самыхъ общихъ чертахъ, если Америка не имѣетъ къ нимъ какого либо серьезнаго отношенія. Пособіями во всѣхъ школахъ служатъ глобусъ, стѣнныя карты и атласы. Черченіе картъ самими учениками при прохожденіи курса географіи обязательно во всѣхъ школахъ.

Рисованіе.

Искусство выражать мысли и понятія линіями или сообщать видимое представленіе нашихъ понятій на поверхности, называемое рисованіемъ, выдвинуто потребностями современной цивилизаціи впередъ и поставлено въ число необходимыхъ предметовъ элементарнаго, средняго, высшаго и профессіональнаго образованія. Польза рисованія очевидна во всѣхъ механическихъ знаніяхъ и ихъ приложеніяхъ, потому что всѣ они основаны на концепціи формъ и ихъ реализаціи въ матеріальныхъ продуктахъ. Рисованіе дополняетъ, такимъ образомъ, обыкновенный языкъ, функція котораго заключается въ томъ, чтобы вызвать идеи въ умѣ черезъ ихъ отвлеченное представленіе въ словахъ. Но слова могутъ вызвать концепціи формы только въ очень ограниченномъ размѣрѣ, и часто неправильно и спутанно. Рисованіе же, напротивъ, посредствомъ комбинаціи простыхъ элементовъ линій различнаго рода и въ различныхъ отношеніяхъ другъ къ другу можетъ перенести изъ одного ума въ другой самыя сложныя концепціи дѣйствительныхъ предметовъ или произведенныхъ воображеніемъ. Употребленіе и приложенія этой прекрасной и выразительной формы языка поэтому стали въ настоящее время безграничны. Это привело къ тому, что въ понятіе о хорошо образованномъ человѣкѣ рисованіе въ настоящее время входитъ, какъ существенный элементъ. Отсюда рисованіе стало занимать и въ школѣ надлежащее мѣсто. Въ американскихъ же школахъ оно вошло въ число предметовъ обязательныхъ во всѣхъ школахъ.

Не смотря на всю важность и значеніе рисованія въ техникѣ, въ изящныхъ искусствахъ, при преподаваніи, при печатаніи и въ обыденной жизни, рисованіе обратило на себя серьезное вниманіе въ Америкѣ недавно. Можно приблизительно опредѣлить новоротъ общественнаго мнѣнія въ пользу рисованія, какъ учебнаго предмета, временемъ около 1850 года.

Ранѣе этого времени было общераспространенное и общепринятое мнѣніе, что не всѣ обладаютъ способностью къ рисованію, что только избранныя натуры, особеннымъ образомъ одаренныя отъ природы, могутъ посвящать себя съ успѣхомъ этому искусству. Но никому тогда и въ голову не приходило высказать такую ересь, что рисованіе нужно всѣмъ людямъ, что этому искусству можетъ научиться всякій, кто можетъ научиться писать, и что поэтому оно должно составлять въ школѣ предметъ обученія не менѣе важный, какъ и обученіе письму. Если бы тогда кто высказалъ такую мысль, то его сочли бы за помѣшаннаго: такъ силенъ былъ предразсудочный взглядъ на рисованіе. Мало этого, большинство педагоговъ и такъ называемыхъ *серьезныхъ людей* смотрѣло въ то время на очень рѣдкое, добровольное занятіе рисованіемъ, какъ на глупое времяпровожденіе, какъ на непроизводительную, пустую затрату времени. Учителя рисованія играли жалкую роль и были предметомъ насмѣшекъ и въ литературѣ, и въ жизни. Большинство педагоговъ и серьезныхъ людей находило, что для дѣтей гораздо лучше и полезнѣе писать латинскія и греческія слова, заучивать ихъ наизусть, изучать спряженія неправильныхъ греческихъ глаголовъ, знать употребленіе частицъ и разницу въ діалектахъ аттическомъ, іоническомъ, чѣмъ изучать дивное искусство — выражать мысли образами и вмѣсто буквъ употреблять линіи. И теперь еще много есть и такихъ педагоговъ и такихъ серьезныхъ людей; но ихъ исчезновеніе—вопросъ времени.

Частные опыты въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ показали и доказали, что кто можетъ учиться писать, тотъ можетъ и рисовать. Въ Англіи, именно въ Обществѣ Друзей, или квакеровъ, рисованію учились всѣ ихъ дѣти съ успѣхомъ. Но на эти опыты и указанія жизни не обращалось вниманія и не дѣлалось вывода, который бы убивалъ предразсудокъ противъ рисованія. Толчекъ этому дѣлу дала всемірная выставка въ Лондонѣ 1851 г. Здѣсь англичане оказались почти послѣдними въ производствѣ всѣхъ тѣхъ предметовъ, гдѣ требуется вкусъ, изящество, красота. Послѣ этого всемірнаго униженія, правительство англійское стало искать средствъ къ устраненію зла. Учителя общественныхъ школъ посовѣтовали ввести рисованіе въ общественныя школы въ видѣ пробы на годъ. Предложенный совѣтъ былъ принятъ. Послѣ годичнаго испытанія, конвенція учителей въ Лондонѣ, въ 1852 г., высказала свое мнѣніе, что *всѣ дѣти*,

которыя вообще могутъ учиться, могутъ также учиться и рисованію; какъ основаніе этого положенія, они привели тотъ фактъ, что половина того времени, которое прежде давалось писанію, было отдано рисованію, и что въ результатѣ оказалось, что дѣти оказали успѣхи въ писаніи при половинномъ времени большіе, чѣмъ прежде при двойномъ количествѣ времени, и что искусство рисованія оказалось чистымъ выигрышемъ, плюсомъ къ лучшему писанію. Съ этого времени, благодаря серьезной поддержкѣ правительства, предметъ этотъ сталъ получать большее и большее благоволеніе между педагогами, и дѣло кончилось тѣмъ, что теперь рисованіе введено во всѣ школы Англіи. А относительно способности къ рисованію теперь общепринято, что къ нему неспособны только слѣпые, идіоты, съумасшедшіе и разбитые параличемъ. Всѣ же остальные обоего пола вполнѣ способны усвоить это искусство. Было время, когда также смотрѣли и на математику, или цифирную науку, будто для ея изученія нужны какія-то особенныя способности. Учитель же, владѣющій современными методами обученія, съ улыбкою иронiи смотритъ и слушаетъ эти наивно-глупыя рѣчи.

Одновременно съ Англіей рисованіе стало находить себѣ мѣсто и въ Америкѣ. Здѣсь инiціатива этому дѣлу принадлежитъ Бостону (въ Массачузетсѣ); оттуда распространилось оно по всему союзу и теперь поставлено въ школѣ по-американски, т. е. вполнѣ солидно.

Основныя правила для обученія рисованію въ общественныхъ школахъ, выработанныя американскими педагогами, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Обучать только тѣмъ элементарнымъ вѣтвямъ этого искусства, которыя имѣютъ воспитательное вліяніе и значеніе которыхъ можетъ имѣть практическое приложеніе, особенно при разныхъ строительныхъ частяхъ индустріи; 2) искусство рисованія должно преподаваться во всѣхъ школахъ: элементарныхъ, среднихъ, высшихъ и профессіональныхъ; 3) въ основѣ всего обученія должно находиться геометрическое черченіе, которое объясняетъ факты правильности формъ, и перспективное, которое опредѣляетъ проявленія этихъ фактовъ; 4) оригинальные рисунки должны составлять часть обычныхъ упражненій, требуемыхъ отъ учениковъ вмѣстѣ съ прочими ихъ упражненіями, т. е. рисованіемъ на память или подъ диктовку, съ цѣлью дать большее разнообразіе ихъ занятіямъ; 5) правила рисованія тѣней и

свѣта и разныхъ оттѣнковъ, должны быть изучаемы по правильнымъ формамъ, съ строго-научнымъ методомъ и точностію прежде, чѣмъ ученикамъ будетъ дозволено перейти къ формамъ неправильнымъ для того, чтобъ они могли сознательно относиться къ работамъ надъ формами неправильными; во всей практикѣ рисованія должно строго наблюдаться правило перехода отъ простаго къ сложному, запутанному, отъ правильнаго къ неправильному, отъ факта къ его явленіямъ; 6) наилучшее приготовленіе къ правдѣ и красотѣ въ рисованіи (т. е. живописи) есть возможно полное знакомство съ великими образцами прошлаго и настоящаго времени; поэтому это знакомство, при пособіи спеціалистовъ-художниковъ, считается существеннымъ для рисованія въ высшей формѣ, какъ художества. Но это уже не относится къ элементарной школѣ.

Курсъ рисованія для элементарной собственно школы выработанъ и практикуется слѣдующій:

Первый годъ обученія рисованію: названія геометрическихъ формъ и линій; рисованіе прямыхъ линій и ихъ комбинацій въ простыхъ формахъ; тоже самое—на память. Всѣ работы на аспидной доскѣ.

Второй годъ: рисованіе подъ диктовку и на память геометрическихъ примѣровъ; простые рисунки, составленные изъ прямыхъ линій и простыхъ кривыхъ. Работы на аспидной доскѣ.

Третій годъ: упражненія на бумагѣ въ томъ, что было разучено прежде; быстрое черченіе на память и подъ диктовку формъ, предварительно скопированныхъ. Рисованіе новыхъ комбинацій съ копій.

Четвертый годъ: рисованіе очерковъ отъ руки, геометрическое черченіе, рисованіе образцовъ по формамъ кривымъ и по предметамъ, ограниченнымъ прямыми линіями.

Пятый годъ: черченіе орнаментовъ и предметовъ историческаго характера, каковы напр., египетскія лотосовыя формы, греческія вазы и пр.; рисунки воспроизводятся на память; геометрическое черченіе болѣе трудныхъ формъ.

Шестой годъ и послѣдующіе 7-й, 8-й и 9-й: черченіе и рисованіе отъ руки, геометрическое черченіе, черченіе формъ твердыхъ тѣлъ; перспективное черченіе, какъ приготовленіе къ высшимъ степенямъ искусства; рисованіе и черченіе подъ диктантъ и на память. Рисованіе зданій съ окружающими предметами. Ботаническія формы и имена. Цвѣта и основные принципы ихъ, гармонія.

Этотъ курсъ съ небольшими измѣненіями практикуется во всѣхъ элементарныхъ школахъ; поэтому на учителей возлагается обязанность быть знакомыми съ этимъ искусствомъ не только теоретически, но и практически. Что это искусство процвѣтаетъ во всѣхъ школахъ Америки, это очень достаточно было показано и доказано на столѣтней выставкѣ 1876 г. въ Филадельфіи, гдѣ были представлены десятки тысячъ образцовъ рисованія, черченія, живописи и писанія картъ и моделей разныхъ машинъ, кораблей, зданій и всего, что можетъ быть выражено этимъ искусствомъ, обнимающимъ не только всю видимую природу, но и способнымъ выражать наши понятія и представленія.

Писаніе.

Писаніе проходитъ чрезъ весь курсъ элементарной школы. Здѣсь существуетъ нѣсколько такъ называемыхъ системъ обученія письму, но основные ихъ принципы одни и тѣ же во всѣхъ. Различіе между ними заключается, главнымъ образомъ, въ способѣ распредѣленія элементовъ, изъ которыхъ состоятъ буквы, съ легкими измѣненіями ихъ формъ и въ способѣ ихъ изображенія перомъ Всѣ эти такъ называемыя системы письма имѣютъ цѣлью, во-первыхъ, собщеніе полнаго знанія буквенныхъ элементовъ и, во-вторыхъ, соотвѣтствующее управленіе перомъ для ихъ изображенія. Эти два основныя требованія выполняются одновременно, но для облегченія первыхъ шаговъ въ письмѣ ему предшествуютъ ознакомленіе дѣтей съ элементами буквъ и элементарное рисованіе. Въ этихъ начальныхъ урокахъ формы приспособляются къ непривычнымъ мускуламъ дѣтей и смѣшиваются и усложняются pari passu съ пріученіемъ кисти и руки. При этомъ требуется правильное положеніе тѣла и цѣлесообразное держаніе пера, какъ необходимыя условія достиженія успѣховъ. Уроки въ писаніи обыкновенно предваряются тщательнымъ анализомъ элементарныхъ формъ буквъ, и въ этомъ отношеніи различіе между системами очень велико. Но во всякомъ случаѣ въ существенномъ и здѣсь много общаго. Начиная съ прямой линіи, переходятъ къ уклоненіямъ съ совершеннымъ параллелизмомъ: такъ, ученикъ идетъ впередъ постепенно къ крючкамъ, къ украшеніямъ, эллипсису, какъ въ *о* и пр. до тѣхъ поръ, пока онъ не изучилъ эти элементы и ихъ комбинаціи въ цѣлыхъ буквахъ прописнаго алфавита малыхъ буквъ. Такимъ же способомъ разучиваются большія или заглавныя буквы, отъ нихъ

переходятъ къ словамъ, фразамъ, сентенціямъ и параграфамъ. Употребленіе прописей ограничивается временемъ, когда ученикъ ознакомится вполнѣ съ формами буквъ и пріобрѣтетъ почеркъ, и обыкновенно требуется сокращать это время копированія возможно болѣе. Качествами хорошаго письма признаются правильность буквъ и быстрота ихъ исполненія. Каллиграфія въ смыслѣ художественнаго письма не требуется и преслѣдуется, но четкій и красивый почеркъ считается обязательнымъ, что и дѣйствительно достигается. Наиболѣе употребительны системы обученія письму Пейсона (Payson) и Дёнтона (Dunton).

Пѣніе.

Обученіе пѣнію существуетъ во всѣхъ элементарныхъ школахъ и начинается со дня вступленія въ школу, причемъ существуетъ и теоретическое изученіе музыкальной азбуки и музыкальныхъ терминовъ. Въ каждый урокъ пѣнія, предварительно избранная пьеса объясняется теоретически и затѣмъ исполняется голосомъ. Разученныя пьесы пишутся нотными знаками каждымъ изъ учащихся. Вообще музыка здѣсь проходится систематически и экзамены изъ нея, на равнѣ съ другими предметами, дѣлаются письменные, посредствомъ отвѣтовъ на заданные вопросы изъ теоріи, и испытаніе голосовое. Пѣніемъ обыкновенно начинаются, оканчиваются, а иногда и прерываются уроки. Въ церквахъ половина богослуженія состоитъ изъ пѣнія почти во всѣхъ сектахъ. При домашнихъ собраніяхъ—пѣніе составляетъ любимое развлеченіе; съ педагогической точки зрѣнія значеніе пѣнія общепризнано, какъ одно изъ могучихъ средствъ облагороженія учащихся и какъ средство придать обученію и школѣ веселый, привлекательный характеръ; далеко не всѣ школы въ Америкѣ имѣютъ музыкальные инструменты, но каждая школа считаетъ обязанностью обзавестись ими при первой возможности. Знаніе музыки распространено въ массахъ американскаго народа такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ, и напр., употребленіе такихъ дорогихъ инструментовъ, какъ фортепіано, составляетъ какъ бы необходимость, такъ что многіе фермеры входятъ въ долги или тратятъ свои запасы на покупку этого инструмента. Во всѣхъ мало-мальски зажиточныхъ семьяхъ, въ отдаленныхъ захолустьяхъ, можно встрѣтить нѣсколько такихъ инструментовъ.

Въ городахъ же дома, не имѣющіе фортепіано,—не болѣе какъ исключенія. Производство этихъ инструментовъ достигаетъ гро-

мадныхъ размѣровъ, отъ чего ихъ цѣна значительно понижается, что̀ еще болѣе содѣйствуетъ ихъ распространенію. Въ Европѣ этотъ инструментъ составляетъ принадлежность только богатыхъ семействъ или же музыкантовъ по профессіи, здѣсь же, можно безошибочно утверждать, большинство американскихъ семействъ имѣютъ этотъ инструментъ. Всѣ прочіе роды музыкальныхъ инструментовъ, конечно, какъ болѣе дешевые, распространены еще въ большемъ количествѣ. Въ каждомъ городѣ и въ большихъ поселеніяхъ непремѣнно находятся музыкальныя общества, которыя собираются регулярно въ осенніе и зимніе мѣсяцы еженедѣльно по разу или по два для музыкальныхъ удовольствій. Но, конечно, инструментальная музыка элементарной школѣ еще не по средствамъ; вокальная же поставлена такъ прочно и такъ вошла̀ въ нравы и понятія и требованія народа, что ея успѣхъ здѣсь обезпеченъ вполнѣ.

Oral Instruction.

Разсматривая программы и ежедневныя росписанія учебныхъ занятій по часамъ, мы въ очень многихъ изъ нихъ, даже въ большинствѣ, встрѣчаемъ обыкновенно рубрики и часы, назначенные для Oral instruction. Въ буквальномъ переводѣ (отъ лат. *os*—уста и *instructio*—обученіе) это значитъ *устное обученіе*. Oral instruction—техническій терминъ, употребляемый только въ американскихъ школахъ. Этимъ терминомъ обозначается обученіе *безъ учебниковъ*; предметами этого обученія служатъ природа и употребленіе обыденныхъ предметовъ и сообщеніе элементарныхъ свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, всякое обученіе, даваемое учителемъ въ классѣ, въ смыслѣ ли дополненія къ учебникамъ или посредствомъ объясненій, можетъ быть названо устнымъ (oral), и, разсматриваемое въ этомъ смыслѣ, оно принадлежитъ каждому изучаемому предмету. Но американское oral instruction, какъ это видно изъ установившагося курса этого обученія, имѣетъ свой опредѣленный характеръ, отличный отъ другихъ предметовъ, и поэтому его не слѣдуетъ смѣшивать съ общимъ родомъ обученія въ цѣломъ ряду предметовъ. Oral instruction отличается также и отъ предметныхъ уроковъ (object lessons или object teaching); это особое дѣло и отличіе oral instruction отъ предметныхъ уроковъ существенное въ томъ, что оно не ограничивается только осязаемыми предметами. Oral instruction употребляется не только съ дѣтьми пер-

вичной школы (primary school), а и съ болѣе взрослыми и успѣвшими дѣтьми, которыя уже имѣли дѣло съ предметными уроками. Oral instruction имѣетъ цѣлью сообщеніе элементарнаго знанія естественныхъ наукъ. Основная идея этого обученія именно въ томъ и заключается, чтобы сообщить это знаніе *безъ учебниковъ*. Учитель здѣсь замѣняетъ книгу; все знаніе исходитъ отъ него и способность его передать это знаніе служитъ мѣрою его успѣховъ. Будучи устнымъ, оно должно имѣть характеръ семейный, домашній. Методъ здѣсь обязателенъ такой, который былъ бы близокъ къ способамъ обученія въ просвѣщенныхъ, хорошихъ семьяхъ; онъ предполагаетъ со стороны учителя доброту, терпѣніе, заботливую бдительность родителей, или искренно любящаго друга. Приэтомъ каждый урокъ долженъ быть тщательно обдуманъ учителемъ со всѣхъ сторонъ, какъ относительно содержанія, такъ и объема, и способа развитія этого содержанія въ классѣ, чтобы такимъ приготовленіемъ можно было избѣжать, съ одной стороны, характера забавы и дѣтскаго при урокѣ, а съ другой—чтобы урокъ не былъ механическимъ и сухимъ. Достоинство этого обученія и его проба находятся въ учителѣ, который творитъ и поддерживаетъ этотъ способъ обученія, и въ той степени жизни и одушевленія, съ которыми дѣти участвуютъ въ урокѣ. Чтобы это обученіе было плодотворно, для этого требуется, чтобы оно сопровождалось возможно большимъ количествомъ объясненій. Преподаваніе должно быть разнообразно, отличаться гибкостью и полнымъ соотвѣтствіемъ съ силами учащихся. Если нужны для поясненія опыты, то они должны быть наивозможно просты и заимствованы изъ повседневной жизни. Результатомъ этого *дружескаго* обученія должно быть возникновеніе въ дѣтяхъ массы вопросовъ и преимущественно въ желаніи сообщить свои соображенія относительно изучаемыхъ предметовъ. Это дѣлаетъ эти занятія еще болѣе оживленными и дружественными, умы дѣтей и учителя приходятъ въ самое тѣсное соприкосновеніе, что усиливаетъ въ дѣтяхъ пытливость и любознательность, а учителю указываетъ новые, болѣе цѣлесообразные способы объясненій, постановки и обработки слѣдующихъ уроковъ. Эти уроки—*не лекціи* и *не повторенія* со словъ учителя, а именно живыя, одушевленныя, *обдуманныя* заранѣе научно-дружескія бесѣды учителя съ учениками. Учитель не задаетъ уроковъ для выучиванія наизусть; все усвоивается, дополняется, разъясняется, сравнивается, комбинируется

и повторяется въ классѣ. Такъ какъ главный предметъ обученія при oral instruction естественныя науки, то здѣсь иногда нужны опредѣленія и классификація. При этомъ требуется, чтобы учитель давалъ или приводилъ дѣтей къ возможно строго-научнымъ опредѣленіямъ по содержанію, но отнюдь не по формѣ, не по языку; тоже и относительно классификаціи. Никакихъ ученыхъ терминовъ, ни латинскихъ, ни греческихъ учитель здѣсь не долженъ употреблять; все должно быть выражено научно, но въ обыденной рѣчи и съ обыденными названіями предметовъ. Но и въ этихъ предѣлахъ, учителю рекомендуется быть крайне воздержаннымъ. Цѣль считается достигнутою, если возбуждено вниманіе дѣтей, если укрѣплена и направлена ихъ наблюдательная способность, если дѣти получили желаніе составлять и собирать предметы для своихъ коллекцій, которыя они располагаютъ въ должномъ порядкѣ,—если они получили нѣкоторое понятіе о простыхъ элементахъ науки, въ предѣлахъ чего находились и сами уроки. Цѣль считается далѣе достигнутою, если, въ дополненіе къ сказанному, ученики пріобрѣли навыкъ выражать своимъ языкомъ усвоенное и изученное безъ замѣшательства и остановки отъ недостатка словъ. Американскіе педагоги опредѣляютъ этотъ способъ обученія, какъ соединеніе субъективнаго и объективнаго обученія (union of conceptive and objective training). Обученіе это не удаляетъ предметныхъ объясненій, не основывается на одномъ только чистомъ развитіи понятій.

Обученіе это исходитъ изъ того принципа, что въ умѣ каждаго здороваго ребенка восьми лѣтъ существуетъ множество довольно сносно различаемыхъ воспріятій, полученныхъ чувствами, пассивнымъ наблюденіемъ, пріобрѣтенныхъ разговоромъ, чтеніемъ, домашнимъ обученіемъ и игрою; что эти воспріятія преимущественно обильны въ отношеніи къ естественнымъ предметамъ. Учитель долженъ узнавать количество и качество этихъ воспріятій въ дѣтяхъ, чтобы пользоваться этими воспріятіями для образованія новыхъ, болѣе сложныхъ понятій въ дѣтскихъ умахъ, долженъ стараться смутныя представленія дѣлать болѣе ясными и точными и, такимъ образомъ, воспитывать въ дѣтскихъ умахъ ясность, точность и опредѣленность сознанія, а также способствовать развитію умственной самодѣятельности и критической мысли.

Относительно возраста, въ которомъ считается oral instruction цѣлесообразнымъ, между педагогами нѣтъ разногласія

теоретическаго, а практически обыкновенно начинаютъ его съ primary school. Авторитетный американскій педагогъ, Портеръ, въ своемъ трудѣ (Human Intellect) говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: «Первыми предметами занятій должны быть тѣ, которые требуютъ и дисциплинируютъ способности наблюденія и воспріятія и для которыхъ нужны только память и воображеніе въ противоположность занятіямъ, которыя требуютъ серьезныхъ усилій и воспитанныхъ пріемовъ мысли. А такъ какъ матеріальные предметы понимаются и изучаются въ раннюю пору возраста съ гораздо большею легкостью и успѣхомъ, чѣмъ дѣйствія и состоянія духа, то объективныя и матеріальныя занятія должны имѣть почти исключительное предпочтеніе. Способность точнаго и различающаго воспріятія, равно какъ и ясной, прочной памяти слѣдуетъ развивать такъ широко, какъ это только возможно. Воображеніе во всѣхъ его формахъ слѣдуетъ направлять и возвышать, — мы не говоримъ «стимулировать», потому что у большинства дѣтей оно дѣйствуетъ неустанно, занимаются ли они, или играютъ; мы не говоримъ также «культивировать» воспріятіе, память или воображеніе съ исключеніемъ мысли или ея подавленія, потому что это невозможно. Силы эти, находясь въ дѣйствіи, должны быть проникнуты всецѣло мыслью. Если ихъ воспитывать разумно посредствомъ соотвѣтственныхъ упражненій, то онѣ необходимо обнаруживаются въ различеніи, сравненіи и объясненіи. Учить по этому *чистому* наблюденію или изучать предметы и слова безъ классификаціи и истолкованія значитъ быть невѣжественнымъ до простой глупости (is to be ignorant even to simple stupidity).» Тотъ же авторъ, говоря о различныхъ занятіяхъ дѣтскаго возраста, выражается такъ: «Естественная исторія во всѣхъ ея вѣтвяхъ должна быть изучаема съ предметами передъ глазами, т. е. цвѣтами, минералами, раковинами, птицами и звѣрями. Эти предметы должны быть изучаемы въ весеннюю пору жизни, когда вкусы просты, сердце свѣжо и глазъ владѣетъ остротою и ясностью. Но прочіе предметы, языкъ ли, природа, душа, Богъ, *какъ предметы научные*, не должны занимать мѣста въ такомъ незрѣломъ возрастѣ.» (Human Intellect by pr. Porter).

Предметные уроки (object teaching).

Предметные уроки, въ настоящее время, далеко еще не обработаны, и съ педагогической точки зрѣнія вопросъ о нихъ остается

открытымъ, какъ въ Европѣ, такъ и Америкѣ. Труды Песталоцци переведены всѣ на англо-американскій языкъ; равно какъ и все, что относится до предметныхъ уроковъ изъ трудовъ Амоса Коменскаго, Локка, Руссо, Базедова, Рохова и другихъ также переведено и собрано. Учебниковъ составлено также много и всѣ лучшіе труды иностранные находятся также въ переводѣ. Во всѣхъ почти primary schools для предметныхъ уроковъ назначается особое время и суперинтенденты просвѣщенія, каждый съ своей стороны, рекомендуютъ наилучшіе способы веденія этихъ уроковъ. Но разногласіе между педагогами существуетъ очень значительное, которое естественно отражается и на постановкѣ предметныхъ уроковъ въ школѣ. Собственно, мѣсто этихъ уроковъ въ дѣтскомъ саду; но такъ какъ дѣтскіе сады здѣсь пока еще въ зачаточномъ состояніи, а, между тѣмъ, польза предметныхъ уроковъ, если они ведутся дѣльно, очевидна, то имъ отведено мѣсто и время въ начальной школѣ; содержаніе же, объемъ и характеръ предоставляется обыкновенно мѣстнымъ педагогическимъ силамъ. При разногласіи во взглядѣ на предметные уроки, почти всѣ американскіе педагоги признаютъ за ними слѣдующее педагогическое значеніе: 1) они приготовляютъ дѣтей къ серьезному обученію; 2) изощряютъ чувства и упражняютъ всѣ умственныя способности; 3) даютъ хорошее упражненіе въ языкѣ; 4) сообщаютъ знанія объ окружающихъ предметахъ, искусственныхъ и естественныхъ и 5) содѣйствуютъ нравственному воспитанію. При этомъ дѣлается различіе между object teaching и objective teaching. Подъ object teaching разумѣется изученіе предметовъ самихъ по себѣ, т. е. ихъ свойствъ и качествъ; а подъ objective teaching разумѣется изученіе предметовъ для вывода изъ этого изученія общихъ положеній, общихъ многимъ предметамъ. Поэтому для object teaching отводятся первый годъ школы или два, послѣ чего начинается objective teaching. По-русски можно передать object teaching—предметъ изучаемый, а objective teaching — предметное обученіе. Проходятся эти уроки и съ учебниками, и безъ нихъ; предметы собираются и приводятся въ порядокъ учениками при помощи учителя. Въ нѣкоторыхъ старыхъ школахъ составлены прекрасныя коллекціи самыхъ разнородныхъ предметовъ для этихъ уроковъ; вообще, это дѣло далеко здѣсь незаконченное и находится въ полномъ ходу своего развитія.

Различіе между oral instruction и предметными уроками заключается преимущественно въ томъ, что при oral instruction имѣются въ виду и составляютъ содержаніе уроковъ явленія и предметы естественно-историческіе, предметы же искусственные вводятся только попутно, для объясненій, тогда какъ въ предметныхъ урокахъ искусственные предметы занимаютъ первостепенное мѣсто.

Нравственное обученіе (Moral instruction).

Сообщеніе нравственныхъ понятій, ихъ объясненіе и развитіе дѣлается обыкновенно при анализѣ и изученіи статей по читальнику; кромѣ того, при всѣхъ другихъ предметахъ нравственность не упускается изъ виду и вся школа организуется и ведется съ возможно высшимъ нравственнымъ характеромъ. Но американцы придаютъ такое высокое значеніе развитію нравственныхъ понятій и наклонностей въ дѣтяхъ, будущихъ гражданахъ, что этотъ предметъ проходится во всѣхъ школахъ особо и для него назначаются особенные часы въ учебныхъ росписаніяхъ. При обязательномъ отсутствіи въ школахъ религіознаго воспитанія, предметъ этотъ получилъ почти религіозное значеніе.

Средствами для нравственнаго воспитанія здѣсь служатъ: 1) нравственныя *сентенціи*, въ формѣ нравственныхъ предписаній, которыя направлены къ разсудку и къ совѣсти; 2) *примѣръ*, вызывающій подражаніе въ дѣтяхъ и просвѣтляющій ихъ собственное сознаніе. Основою здѣсь служитъ старое изреченіе: verba movent, exempla trahunt. Примѣръ, сопровождаемый любовью и справедливостью, вызываетъ чувства любви и уваженія къ воспитателямъ въ дѣтяхъ и служитъ сильнымъ стимуломъ къ порядочности. 3) Образованіе *навыковъ* посредствомъ постояннаго повторенія нравственныхъ поступковъ. 4) Упражненія для укрѣпленія нравственныхъ чувствъ, внесенныхъ въ игру и въ образованіе навыковъ. Для этихъ упражненій дѣтская дѣятельность, ихъ столкновенія, ссоры, непріятности взаимныя и т. п. подаютъ обильныя средства.

Главныя руководящія идеи американскаго взгляда педагоговъ на нравственность и на нравственное воспитаніе опираются, главнымъ образомъ, на современныхъ изслѣдованіяхъ англійскихъ и американскихъ писателей по этому предмету. Наиболѣе авторитетнымъ признается извѣстный трудъ Герберта Спенсера: «Ум-

ственное, нравственное и физическое воспитаніе». Большимъ почетомъ также пользуются труды Аберкромби (Abercrombie: The Philosophy of the Moral feelings), Даймонда: «Принципы нравственности» (Dymond: Principles of Morality); Gow: Good Morals and Gentle Manners и пр.

Разсматривая эти труды и нѣкоторыя руководства къ обученію нравственности, можно видѣть, что этотъ предметъ въ школѣ педагоги силятся поставить на возможно твердыя научныя основанія, но что до исполненія этого труда еще очень далеко, потому что самый предметъ далеко не разработанъ научно. Въ сущности же въ школахъ преподаются общепринятыя нравственныя правила и понятія, которыя мы здѣсь исчисляемъ по одному изъ руководствъ. Задача нравственнаго обученія и воспитанія заключается въ томъ, чтобы, во-первыхъ, развивать добродѣтели и, во-вторыхъ, исправлять пороки. Между добродѣтелями поименованы: вѣрность, честность, справедливость, чистота, скромность, доброта, прилежаніе, повиновеніе закону, благодарность, вѣрность данному слову или обѣщанію и патріотизмъ. Между пороками исчислены противоположныя добродѣтелямъ дѣйствія воли человѣческой: ложь и обманъ, расположеніе къ воровству, жестокость къ животнымъ, недоброта и несправедливость къ сотоварищамъ, насиліе и драчливость, злость, гнѣвъ и раздражительность, безстыдство, лѣность, нерѣшительность и откладываніе до завтра, самообожаніе и самомнѣніе. Это существенные добродѣтели и пороки, не выписываемъ производныхъ отъ нихъ.

Въ сущности весь кодексъ нравственности, преподаваемый въ американскихъ школахъ, отличается очень немногимъ отъ постановки этого предмета въ школахъ европейскихъ, не смотря на отсутствіе религіознаго характера. Различіе здѣсь только въ *мотивахъ и цѣляхъ* относительно добродѣтели, потому что къ добродѣтелямъ не побуждаютъ ни радостями загробной жизни, ни ея ужасами для порочныхъ, и нравственныя положенія не представляются учащимся, какъ богооткровенныя, потому что придавать религіозный характеръ нравственнымъ предписаніямъ школы *не имѣютъ права*. Это дѣло представляется вѣдѣнію тѣхъ разныхъ религіозныхъ сектъ, къ которымъ принадлежатъ дѣти и вообще учащіеся.

Юридическое положеніе религіи и библіи въ американскихъ школахъ.

Американцы вообще народъ религіозный, но господствующей, государственной религіи нѣтъ; это значитъ, что здѣсь существуетъ отдѣленіе церкви отъ государства. Конституція Соединенныхъ Штатовъ не только не установляетъ господствующей религіи для всего Союза, но воспрещаетъ ее установлять и отдѣльнымъ штатамъ. Такъ какъ общественныя школы содержатся и находятся подъ надзоромъ государства, т. е. отдѣльныхъ штатовъ, то естественно, что обучать въ нихъ религіи въ интересахъ какой либо спеціальной церкви или секты и допускать къ преподаванію лицъ извѣстнаго вѣроисповѣданія значило бы нарушать органическій законъ страны. Частныя школы могутъ быть открываемы какихъ угодно церквей или сектъ—этого законъ не касается, но не общественныя. Чтобы болѣе сильно отмѣтить это отдѣленіе церкви отъ государства, многіе штаты, какъ Арканзасъ, Иллиной, Канзасъ, Кентёки, Массачузетсъ, Невада, Небраска, Нью-Джёрзи, Нью-Іоркъ, Огайо, Сѣверная Каролина и Уисконсинъ, въ своихъ конституціяхъ особыми статьями воспрещаютъ сектаторское образованіе и контроль какой либо секты надъ школами. Но и въ тѣхъ школахъ, гдѣ такихъ запрещеній нѣтъ въ конституціяхъ, на практикѣ они существуютъ во всей силѣ. При отсутствіи государственной церкви, здѣсь существуетъ очень много церквей и сектъ разныхъ наименованій, которыя живутъ и, если способны къ развитію, развиваются совершенно свободно. Эти секты и церкви основываютъ *свои* школы всѣхъ степеней, но на *свои собственныя* средства; государство не поддерживаетъ ихъ. Всѣ такія церкви и школы даютъ религіозное образованіе учащимся въ народныхъ школахъ въ интересахъ своей секты или церкви. Обученіе религіи въ Америкѣ считается обязанностью семьи и церкви или секты, но не государства. Такое положеніе религіи въ школѣ вошло въ нравы и взгляды народа и всѣ находятъ такое положеніе правильнымъ и естественнымъ, всѣ, конечно, за исключеніемъ католиковъ, которые считаютъ государство подчиненнымъ церкви. Но этотъ теоретическій взглядъ католиковъ не имѣетъ практическаго значенія. Большинство американскаго народа убѣждено, въ настоящее время, что религія есть предметъ индивидуальный, что каждый вѣруетъ согласно своей совѣсти, и что ни общество, ни его представители не

имѣютъ права вторгаться въ эту область; что церкви—свободныя ассоціаціи лицъ одинаковыхъ религіозныхъ воззрѣній и, какъ такія, въ глазахъ государства должны быть неприкосновенными, и что государство не имѣетъ права облагать народъ въ интересахъ какой либо религіи или секты. Но, достигнувъ согласія въ общемъ взглядѣ на отношеніе государства къ религіи, какъ на двѣ различныя области, народъ до сихъ поръ не можетъ придти къ соглашенію относительно *положенія библіи въ школѣ*. Всѣ различныя секты и церкви признаютъ библію за священную книгу и желали бы, чтобы она имѣла мѣсто въ школѣ; но какъ скоро дѣло коснется ея употребленія въ ней, то разногласія становятся непримиримыми. Протестантскія секты требуютъ, чтобы въ школахъ читалась библія въ тѣхъ частяхъ, гдѣ разъясняются нравственныя понятія, но безъ толкованій, предоставляя толкованія законоучителямъ каждой церкви или секты; но католики возстаютъ противъ этого, находя опаснымъ давать дѣтямъ голый текстъ библіи и требуя при ея чтеніи авторитетнаго истолкованія библейскаго текста католическою церковью. На препирательствахъ объ этомъ предметѣ дѣло стоитъ и до сихъ поръ, поэтому положеніе библіи въ школахъ въ настоящее время неопредѣленно и различно. Въ однихъ школахъ ее читаютъ, въ другихъ нѣтъ; въ однихъ читаютъ только нравственныя сентенціи, а въ другихъ касаются и историческаго ея содержанія; въ нѣкоторыхъ школахъ употребленіе ея воспрещается рѣшительно и безусловно, тогда какъ въ другихъ употребленіе ея поддерживается весьма энергически. Рѣшеніе этого вопроса вообще зависитъ отъ мѣстныхъ педагогическихъ комитетовъ, воззрѣнія которыхъ и составъ весьма различны въ разныхъ мѣстностяхъ. Но и самостоятельность мѣстныхъ педагогическихъ совѣтовъ въ разныхъ штатахъ различна. Легислатуры *нѣкоторыхъ* штатовъ издали спеціальные законы, въ силу которыхъ ни одинъ мѣстный педагогическій совѣтъ не имѣетъ права воспретить чтеніе библіи въ школѣ. Католики, евреи и нехристіане вообще требуютъ исключенія библіи изъ общественныхъ школъ, тогда какъ протестанты стоятъ за ея удержаніе.

Въ Цинциннати, въ 1869 г., педагогическій совѣтъ города постановилъ резолюцію, въ силу которой чтеніе библіи воспрещалось во всѣхъ городскихъ общественныхъ школахъ. По этой резолюціи возникло судебное дѣло, которое тянулось *четыре* года. Судебная палата г. Цинциннати рѣшила дѣло *противъ* педагогиче-

скаго совѣта, т. е. что онъ не имѣлъ права дѣлать такого запрещенія. Но верховный судъ штата Огайо, разсмотрѣвъ дѣло вслѣдствіе апелляціи, отмѣнилъ рѣшеніе Цинциннатской судебной палаты, признавъ за педагогическимъ совѣтомъ это право—дозволить или воспретить чтеніе библіи. Педагогическій совѣтъ г. Чикаго, въ 1875 г., послѣдовалъ примѣру Цинциннати, воспретивъ чтеніе библіи въ своихъ общественныхъ школахъ. Тоже сдѣлалъ и Нью-Іоркъ въ 1874 году.

Президентъ Грантъ предлагалъ радикальную мѣру для прекращенія этихъ споровъ и несогласій, а именно: въ своемъ посланіи конгрессу, въ декабрѣ 1875 г., онъ предлагалъ, чтобы конгрессъ обратилъ на это вниманіе, съ тѣмъ, чтобы въ общую конституцію ввести новую дополнительную статью относительно общественныхъ школъ во всемъ Союзѣ; въ силу этой статьи предлагалось установить закономъ, чтобы общественныя школы доставляли элементарное воспитаніе всѣмъ дѣтямъ, не обращая при этомъ вниманія ни на полъ, ни на цвѣтъ, ни на мѣсторожденія или религію; и чтобы въ этихъ школахъ были воспрещены, какъ ученія религіозныя, такъ равно атеистическія или языческія, съ полнымъ воспрещеніемъ помогать такимъ школамъ изъ общественныхъ суммъ или средствъ.—Но конгрессъ оставилъ это предложеніе безъ вниманія и дѣло до сихъ поръ остается въ неопредѣленномъ положеніи. Но, очевидно, судя по ходу дѣлъ и по настроенію общественнаго мнѣнія, предложенный законъ въ недалекомъ будущемъ изъ законопроекта превратится въ дѣйствующій законъ.

Гражданское управленіе или ученіе о правительствѣ.
(Civil government, or science of government).

Предметъ этотъ преподается въ сжатомъ видѣ въ элементарной школѣ, а въ распространенномъ видѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Цѣль этого—приготовить учащихся къ разумному и полезному отправленію гражданскихъ обязанностей. Предметъ этотъ содержитъ въ себѣ полный текстъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Текстъ этотъ изучается по отдѣламъ, причемъ каждая статья конституціи разсматривается отдѣльно. Общіе отдѣлы этого предмета обыкновенно слѣдующіе: Введеніе. Власть законодательная: конгрессъ (сенатъ и палата представителей). Власть исполнительная: президентъ, его кабинетъ и главныя части государственнаго управленія. Власть судебная: верховный судъ

Соед. Штатовъ и его низшія формы. Запрещенія. Права отдѣльныхъ штатовъ. Общія права всѣхъ гражданъ.

Въ дополненіе къ этому обыкновенно изучается мѣстная конституція того *штата,* гдѣ находится школа, по слѣдующимъ рубрикамъ: Власть законодательная: легислатура (или общее собраніе, какъ оно называется въ нѣкоторыхъ штатахъ), сенатъ и палата депутатовъ. Власть исполнительная: правитель и высшія и административныя лица въ штатѣ. Власть судебная.— Если школа находится въ городѣ, то изучаются законы того города, конечно, въ самыхъ существенныхъ чертахъ, т. е. права городскаго совѣта, т. е. совѣта алдерменовъ, какъ мѣстной законодательной власти,—мера, какъ власти исполнительной, и мѣстнаго суда. Если же школа находится въ сельскомъ округѣ, то мѣстные законы и правила округа или цѣлаго графства.

Учебники по этому предмету обработаны такъ хорошо, что лучшаго желать нельзя. Простота, ясность, логичность — главныя ихъ достоинства. При изученіи законовъ сообщаются и факты историческіе, вызвавшіе тотъ или другой законъ, причемъ объясняются смыслъ и значеніе, возникновеніе и причины и поводы разногласія между политическими партіями.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ.

Предметъ этотъ преподается самостоятельно въ системѣ. Обыкновенно начинается онъ съ открытія Америки, затѣмъ излогается постепенное завоеваніе европейцами и занятіе всѣхъ частей новооткрытаго материка. Далѣе, періодъ колоніальный до борьбы за независимость и самая борьба. Послѣ этого, исторія Соединенныхъ Штатовъ разсматривается по администраціямъ президентовъ, т. е. дѣлится на столько отдѣловъ, сколько было президентовъ. Учебники исторіи обыкновенно составлены просто и интересно и снабжены *множествомъ плановъ, чертежей и картъ* въ самомъ *текстѣ.* Біографіи и этнографическіе очерки обыкновенно помѣщаются въ reader'ахъ, или читальникахъ, а характеръ и ходъ законодательства входятъ въ «ученіе о правительствѣ», поэтому предметы эти входятъ въ историческіе учебники въ самомъ сокращенномъ видѣ.

Изъ исторіи прочихъ народовъ, преимущественно Греціи, Рима, Великобританіи съ Ирландіей сообщаются наиболѣе интересные и характерные очерки въ читальникахъ и при прохожденіи курса географіи. Кромѣ того, въ ученическихъ библіотекахъ,

которыя находятся при каждой школѣ, всегда есть всѣ лучшіе элементарные труды по исторіи и географіи Европы и Америки.

Гимнастика.

Гимнастика входитъ, какъ предметъ физическаго воспитанія и устраненія вреда отъ долгаго сидѣнья въ школѣ, во всѣ правильно организованныя школы. А такъ какъ въ американскихъ школахъ большею частью дѣти обоего пола учатся вмѣстѣ, то гимнастика получила здѣсь двѣ формы съ разными названіями. Гимнастикою здѣсь называются тѣлесныя упражненія, назначенныя для учащихся *мужескаго пола,* и зала для этихъ упражненій называется *гимназіей* (gymnasium). Предметъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ постановки его въ лучшихъ европейскихъ школахъ. Мы здѣсь обратимъ вниманіе собственно на гимнастику для дѣвочекъ и дѣвушекъ.

Женская гимнастика называется здѣсь *калистеникс* (Calisthenics отъ греч. καλός—прекрасный и σθένος—крѣпость, сила) и зала для гимнастическихъ упражненій женщинъ называется *калистенія* (Calisthenium составлена по образцу gymnasium).

Цѣль женской гимнастики, по взгляду американскихъ педагоговъ и какъ это видно изъ самаго названія ея калистеніею, заключается въ томъ, чтобы посредствомъ извѣстной системы физическихъ движеній, приспособленныхъ къ требованіямъ женскаго организма, укрѣпить организмъ и сообщить въ то же время граціозность всѣмъ его движеніямъ (gracefulness), или же, содѣйствуя естественному и гармоническому развитію мускульной системы, улучшить здоровье и увеличить природную красоту и привлекательность.

Калистеническія и гимнастическія упражненія основаны на одномъ и томъ же принципѣ, т. е. что упражненіе существенно необходимо для правильнаго развитія, какъ физическихъ, такъ и умственныхъ способностей, и для поддержанія ихъ въ здоровомъ состояніи, и что при воспитаніи требуется, чтобы для этой цѣли употреблялись соотвѣтственныя средства. Различіе же между калистеніей и гимнастикой состоитъ только въ томъ, что онѣ приспособлены къ различнымъ требованіямъ разныхъ половъ, такъ какъ упражненія для дѣвушекъ требуютъ гораздо меньшаго напряженія мускульной системы. Эти упражненія производятся безъ аппаратовъ и съ аппаратами. Упражненія безъ аппаратовъ заключаются въ такихъ движеніяхъ, чтобы привести въ правиль-

ное и систематическое дѣйствіе всѣ части тѣла. Эти движенія ни особенно усиленныя, ни сложныя, немногимъ отличаются отъ обыкновеннаго движенія членовъ. Преимущество этихъ искусственныхъ движеній надъ обыкновенными движеніями въ играхъ дѣвушекъ или ихъ забавахъ въ ихъ систематической правильности, посредствомъ чего достигается равное и правильное дѣйствіе мускуловъ. Американскіе педагоги требуютъ, чтобы калистеническія упражненія были такъ разнообразны, чтобы не только достигалась ими правильная мускульная дѣятельность, но чтобы они производили воодушевленіе и веселость, такъ какъ безъ этого не достигается полное благотворное ихъ дѣйствіе. При упражненіяхъ съ аппаратами требуется систематичность и граціозность движеній, причемъ рекомендуется совершать эти движенія *подъ музыку,* что̀ и практикуется теперь во многихъ новыхъ школахъ. Калистеническія упражненія начинаются обыкновенно въ возрастѣ съ 12 или 14 лѣтъ. Главные и существенные элементы калистеническихъ упражненій заимствованы здѣсь изъ извѣстнаго шведскаго гигіениста Линга (Ling), который развилъ этотъ предметъ многосторонне и полно (въ Die allgemeine Gründe der Gimnastik, Стокгольмъ, 1840 г.). Трудъ этотъ цѣнится очень высоко американскими педагогами и образцовое гимнастическое заведеніе Линга нашло здѣсь много подражателей, которые ведутъ это дѣло далѣе, пользуясь современными пособіями науки и техники.

Находя большую гигіеническую пользу въ танцахъ, которые составляютъ существенный элементъ развлеченій молодыхъ людей обоего пола, нѣкоторые педагоги рекомендуютъ введеніе танцевъ въ школы, какъ дополненіе къ калистеническимъ упражненіямъ. Нужно при этомъ замѣтить, что ни въ одной общественной школѣ обученія танцамъ не существуетъ, но во всѣхъ городахъ находится множество частныхъ заведеній, гдѣ обучаются танцамъ желающіе, и учителя танцевъ обыкновенно называютъ себя профессорами и въ такомъ родѣ дѣлаютъ о себѣ публикаціи.

За введеніе танцевъ въ школы съ калистеническими цѣлями стоятъ преимущественно педагоги-женщины. Такъ, довольно извѣстный здѣсь педагогъ г-жа Уиллардъ (Willard) по этому поводу говоритъ слѣдующее: «Грація движеній должна изучаться, главнымъ образомъ, посредствомъ танцевъ. Если эти занятія поведутся правильно, то сверхъ пріобрѣтенія граціозности движеній окажутся и другія выгоды. Упражненія нужны для здоровья, а рекреація для веселости и удовольствія юности. Не слѣдуетъ

допускать, чтобы женское юношество скучало, ища для себя развлеченій. Если дѣвушкамъ запрещать удовольствія совершенно, то онѣ будутъ ихъ искать воровскимъ образомъ (by stealth), а это можетъ повести ко многимъ неправильностямъ въ ихъ поведеніи и можетъ отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на ихъ характерѣ, развивъ въ нихъ привычку ходить по запрещеннымъ тропинкамъ. Поэтому самое лучшее доставлять имъ хорошій отдыхъ отъ занятій посредствомъ организаціи веселаго, но благороднаго времяпровожденія по вечерамъ подъ бдительнымъ, но любящимъ глазомъ ихъ воспитателей. Танцы отвѣчаютъ этому вполнѣ, и какъ удовольствіе, и какъ тѣлесное упражненіе, а едва ли какимъ либо другимъ способомъ въ короткое время можно достигнуть большихъ результатовъ.»

Г-жа Бичеръ въ своихъ «Педагогическихъ воспоминаніяхъ» (Miss C. E. Beecher: Educational Reminiscences) по этому поводу замѣчаетъ: «Когда физическое воспитаніе ведется въ школахъ правильно и занимаетъ должное мѣсто, то молодыя дѣвушки получаютъ въ классныхъ комнатахъ правильную выдержку. Онѣ пріучаются къ граціознымъ движеніямъ головы, кисти рукъ; получаютъ навыкъ къ правильной и пріятной походкѣ, сидѣнью, стоянью, и калистеническія упражненія входятъ въ рядъ ихъ ежедневныхъ занятій въ промежуткахъ между умственными занятіями. Эти упражненія, сопровождаемыя музыкою, составляютъ обыкновенно одно изъ самыхъ пріятныхъ развлеченій школы.»

Содержаніе, объемъ и характеръ калистеническихъ упражненій очень полно обработаны упомянутою Бичеръ въ ея трудѣ: Физіологія и калистенія (Physiology and Calisthenics, New Iork, 1856, Catharine E. Beecher).

Учебный курсъ въ элементарныхъ американскихъ школахъ.

До сихъ поръ мы разсматривали предметы курса элементарныхъ школъ съ цѣлью дать правильное понятіе о характерѣ изученія этихъ предметовъ въ начальной школѣ. Но, очевидно, ограничиться этимъ значило бы дать о содержаніи курса элементарной школы не только недостаточное, но и очень смутное и неопредѣленное понятіе. Между тѣмъ, *содержаніе* курса предметъ первостепенной важности. Поэтому мы прилагаемъ здѣсь полный курсъ элементарной школы. Въ этомъ курсѣ слиты первыя двѣ степени элементарной школы въ одну, т. е. курсы primary и secondary школъ, какъ составляющія въ сущности одно цѣлое, представлены нераздѣльно. Кто же желаетъ имѣть

понятіе о курсѣ школы, промежуточной между primary и grammar, тотъ пусть отдѣлитъ послѣдніе три года передъ grammar school и получитъ желаемый курсъ.

Представляемый курсъ элементарной школы выработанъ въ г. Рочестерѣ (въ нью-іоркскомъ штатѣ) рочестерскимъ педагогическимъ совѣтомъ въ 1870 г. Изъ сотни подобныхъ курсовъ, изученныхъ нами въ отчетахъ суперинтендентовъ и въ донесеніяхъ лицъ ревизирующихъ и въ программахъ отдѣльныхъ заведеній, рочестерскій учебный курсъ наилучшимъ образомъ представляетъ дѣйствительное учебное состояніе американской элементарной школы, такъ что его безошибочно можно принять за *типическій;* прочіе курсы элементарныхъ школъ или тождественны съ нимъ, или нѣсколько отклоняются во второстепенныхъ подробностяхъ. Сверхъ этого, рочестерскій курсъ рекомендуется суперинтендентами просвѣщенія мѣстнымъ педагогическимъ совѣтамъ, какъ заслуживающій полнаго вниманія.

Послѣ того, что выше сказано о каждомъ учебномъ предметѣ элементарной школы, курсъ этотъ вполнѣ ясенъ, равно какъ и терминологія.

Первыя шесть лѣтъ обнимаютъ въ немъ primary, или первичную, и secondary, или вторичную, дополнительную или промежуточную школу и послѣдніе три года обнимаютъ курсъ школы грамматической, т. е. девятилѣтній курсъ элементарнаго обученія, которое даетъ право на поступленіе въ средніе учебныя заведенія или же приготовляетъ для вступленія прямо въ практическую жизнь, какъ бываетъ большею частью между дѣтьми небогатыхъ гражданъ. Нерѣдко бываетъ, что по окончаніи элементарной школы проходитъ нѣсколько лѣтъ въ трудовой жизни, и молодой человѣкъ, находя свое образованіе недостаточнымъ и пріобрѣтя средства, поступаетъ въ одну изъ высшихъ школъ (high school), которыя содержатся на общественный счетъ и обученіе въ нихъ безплатно, и, такимъ образомъ, оканчиваетъ курсъ въ среднеучебномъ заведеніи, откуда, если имѣетъ средства и охоту, переходитъ въ коллегіи, университеты и заведенія профессіональныя.

Типическій курсъ американскаго элементарнаго образованія.*)

Первая и вторая школа (Primary and secondary schools). Курсъ девятилѣтній.

Первый годъ (9 степень).

Oral Instruction (Устное обученіе). Разговорные уроки. Пять уроковъ. Такъ какъ предметъ этихъ уроковъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать школу привлекательною, ребенка счастливымъ и *своимъ* въ школѣ, то на эти уроки слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе. Первое впечатлѣніе школы на ребенка дѣйствуетъ поражающимъ и унылымъ образомъ. Если это впечатлѣніе неблагопріятно, то придется потратить много дорогаго времени, прежде чѣмъ это впечатлѣніе изгладится.

Ребенокъ съ удовольствіемъ говоритъ о тѣхъ предметахъ, съ которыми онъ хорошо знакомъ, поэтому слѣдуетъ выбирать такіе предметы, которые подпадали наблюденію ребенка дома или въ другомъ мѣстѣ.

Предметъ. Дружескій разговоръ о собакѣ, кошкѣ, домашней птицѣ, другихъ птицахъ, которыхъ дѣти могли видѣть, или о подобныхъ предметахъ.

Цвѣтъ. Пять уроковъ. Различеніе и названія цвѣтовъ.

Цвѣта радуги. Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, индиго, фіолетовый.

Десять уроковъ: Припоминаніе отсутствующихъ предметовъ даннаго цвѣта.

Цвѣта. Красный, желтый, голубой, оранжевый, зеленый, пурпуровый, сѣрый, черный, бѣлый.—Обозрѣніе.

Пять уроковъ: Гармонія цвѣтовъ. Дополнительные цвѣта.

Обыденные предметы. Двадцать уроковъ: Предметъ—образованіе воспріятія и языка.

Обыкновенные предметы разсматриваются, какъ состоящіе изъ частей; ихъ имена, число, положеніе и употребленіе, разпознаваніе чего требуетъ внимательнаго и точнаго упражненія воспріятія. Одна изъ важныхъ цѣлей во всѣхъ этихъ первыхъ урокахъ есть образованіе словаря.

Peanut *(земляной орѣхъ)*. Земляной орѣхъ имѣетъ части. Эти части суть скорлупа и ядрышки (kernels).

Ключъ: стволъ (shaft); кольцо; круглая пустота (barrel); губа (lip); задвижка (ward); зарубпна.

Чашка: кругловатый сосудъ (bowl); ручка; выпуклый край; дно; внутренность; наружность; края.

Яблоко.
Вѣточка.
Кожица.
Мякоть.
Ямочка.
Сердцевина.
Сѣмяна.
Жилки.
Сокъ.
Глазокъ.

Свинцовый карандашъ.
Дерево.
Свинецъ.
Вершина
Остріе
Число.
Имя фабрики или фирмы.

Ножницы.
Клинья.
Дуги.
Края.
Перемычка (pivot).
Остріе.
Задъ.
Стволъ

*) Программа курса приводится здѣсь въ *буквальномъ* переводѣ.

Такимъ же образомъ должны быть разсматриваемы: *наперстокъ, апельсинъ, ведро, столъ, центъ, башмакъ, кресло, раковина, звонокъ, зонтикъ, ножъ.*

Человѣческое тѣло. Пять уроковъ. 1) Главныя части тѣла. Члены. Связки. Обозрѣніе. 2) Нижнія оконечности. Обозрѣніе. 3) Руки, голова, глаза. Обозрѣніе. 4) Носъ, ротъ, волоса и голова. Обозрѣніе. 5) Затылокъ, кости; различіе между ногою и рукою. Пять чувствъ. Обозрѣніе.

Мѣсто. Пять уроковъ. Положеніе предметовъ,—сначала чрезъ подраженіе, а затѣмъ на память. Относительное положеніе частей учебной комнаты. Относительное положеніе предметовъ на столѣ. Понятіе о востокѣ и западѣ, сѣверѣ и югѣ. Упражненія въ этомъ.

Животныя. Предметъ для воспитанія силы воспріятія и языка. Наблюденіе наиболѣе выдающихся частей, имена, число, положеніе и описаніе частей. Въ урокъ не слѣдуетъ вводить болѣе одного новаго термина и не всѣ упомянутыя части должны входить въ одинъ урокъ.

Пять уроковъ. Домашнія птицы. Домашнія животныя. Птицы. Млекопитающія.

Форма. Пять уроковъ. 1) Поверхность, наружность (faces), различные роды тѣхъ и другихъ, края и разные ихъ виды. 2) Углы. Прямыя линіи. Кривыя линіи. Углы, образуемые линіями. 3) Прямые углы, острые, тупые. Треугольникъ. Прямоугольный треугольникъ. 4) Остро-и тупоугольники; равносторонній треугольникъ. Кривоугольный треугольникъ. Общее обозрѣніе.

Объемъ. Развитіе общаго понятія объ объемѣ и вѣсѣ. Пять уроковъ: 1) Большой и малый. Болѣе и менѣе. Самый большой и самый малый. Длинный и короткій, длиннѣе и короче. 2) Самый длинный и самый короткій. Широкій и узкій. Обозрѣніе. Шире и уже. Самый широкій и самый узкій. Толстый и тонкій. Обозрѣніе. Толще и тоньше, самый толстый и самый тонкій. 3) Глубокій и мелкій. Глубже и мелче. Самый глубокій и самый мелкій. Высокій и низкій. Обозрѣніе. Выше и ниже, самый высокій и самый низкій. Общее обозрѣніе. 4) Легкій и тяжелый, легче и тяжелѣ, самый легкій и самый тяжелый. Обозрѣніе. Вѣсъ сравнительно съ объемомъ. Большой и тяжелый, малый и тяжелый. Большой и легкій, малый и легкій. Общее обозрѣніе объема и вѣса.

Число. Во второй и третей трети учебнаго года. Два раза въ недѣлю. Понедѣльникъ и четвергъ. Идея и отношенія чиселъ. Пятнадцать уроковъ. Развитіе идеи чиселъ отъ одного до 10 включительно. Пять уроковъ. Развитіе понятія о первомъ, второмъ и т. д. до десятаго включительно. Постепенное увеличеніе чиселъ. Сравненіе чиселъ по ихъ общей величинѣ.

Общее понятіе о буквахъ и звукахъ (topical spelling). Во второй и третьей трети года. Разъ въ недѣлю. Вторникъ. *Десять уроковъ.* Топики (topics). Что дѣти любятъ ѣсть, дѣлать, видѣть. Предметы въ учебной комнатѣ, кухнѣ. Имена деревьевъ, цвѣтовъ, птицъ, четвероногихъ. *Шесть уроковъ.* Образованіе словъ отъ даннаго слова. Напр. Washington и пусть дѣти изъ этого слова сдѣлаютъ столько новыхъ, сколько въ состояніи, и каждое слово дѣти должны складывать и разбирать по звукамъ, и послѣ этого учитель отпечатываетъ эти слова (printed) на классной доскѣ.

Нравственное обученіе. *Первая треть года.* Два раза въ недѣлю. Понедѣльникъ и среда. Предметы: привычки и порядокъ. Правильное сидѣніе на своихъ стульяхъ, хожденіе чрезъ классную комнату, предложеніе вопросовъ и пр. 2) Повиновеніе мгновенное и одновременное по данному знаку. 3) Поведеніе въ школѣ, въ церкви, дома, на игральномъ плацу, на улицѣ. 4) Обязанности относительно родителей, учителей, братьевъ и сестеръ, сотоварищей и относительно тѣхъ, кто обращается къ намъ за помощью. 5) О порчѣ чужой собственности. 6) Ссоры и драки. 7) Обзываніе дурными именами, употребленіе скверныхъ словъ. 8) Почтительность. 9) Забвеніе. 10) Плата за зло зломъ. 11) Ложь. 12) Эгоизмъ.

13) Жестокость относительно животныхъ. 14) Доброта. 15) Учтивость, вѣжливость. 16) Беззаботность, небрежность. 17) Манеры (manners). 18) Опрятность, чистота. 19) Воровство. 20) Золотое правило.

Вторая треть. Разъ въ недѣлю. Среда. 1) Лѣность и праздность. 2) Любопытство. 3) Плаксивость и крикъ. 4) Болтовня. 5) Разореніе птичьихъ гнѣздъ. 6) Повиновеніе. 7) Довѣрчивость. 8) Переставать дѣлать дурное. 9) Учиться дѣлать хорошее. 10) Правильный образъ обращенія съ людьми. 11) Поведеніе въ различныхъ мѣстахъ и при различныхъ обстоятельствахъ.

Третья треть. Одинъ урокъ въ недѣлю. Среда. 1) Правильный образъ просьбы о чемъ либо. 2) Быть гнѣвнымъ или сердитымъ. 3) Басня о потерянномъ ножѣ. 4) Разсказы, объясняющіе грѣхъ говорить ложь.

Черченіе по способу наведенія (Inventive Drawing, т. е. когда ученикъ вопросами наводится или ставится въ возможность дойти до искомаго). На весь годъ. Урокъ въ недѣлю. Четвергъ. Нахожденія съ прямыми линіями. Первая комбинація съ двумя линіями, затѣмъ съ тремя и т. д. до восьми.

Рисованіе по способу Варфоломея (Bartholomew's Drawing). На весь годъ. Три раза въ недѣлю. Понедѣльникъ, среда и пятница. Рисовальная карта Варфоломеевой системы № 1.

Печатаніе (printing) *и писаніе.* На весь годъ. Одно упражненіе въ недѣлю. Копіи съ классной доски или карты. Фоническое обученіе чтенію. *Первая треть года.* Два раза въ недѣлю. Вторникъ и четвергъ. *Вторая и третья треть года.* Ежедневныя упражненія въ соединеніи съ чтеніемъ и письмомъ.

Пѣніе. Ученіе новыхъ пьесъ.

Декламація. На весь годъ. Упражненіе разъ въ недѣлю. Пятница.

Языкъ. Всѣ неправильныя и неэлегантныя (ineligant) выраженія замѣчать и исправлять.

Чтеніе. Устные уроки съ картъ, таблицъ, классной доски и пр. Выполнить праймёръ (Primer, такъ называется азбука и первый читальникъ). Читать съ выраженіемъ и пониманіемъ, полно произнося каждое слово передъ глазами. Складываніе фонетическое и буквенное словъ, встрѣчающихся въ читальникѣ (Primer), и печатаніе словъ на классной доскѣ или на графитной.

Калистеническіе гимны ежедневно (Calisthenic songs).

Окончаніе классовъ послѣ полудня должны быть часомъ ранѣе, чѣмъ въ высшихъ классахъ.

Годъ второй (8-я степень).

Обыкновенные предметы. Качества предметовъ, какъ-то: гладкій, твердый, мягкій, шероховатый и пр. безъ опредѣленій. Пять уроковъ. 1) Предметы: вода, свинецъ, сахаръ, перо, бумага. Открытыя качества и ихъ значеніе изучатся практически посредствомъ чувствъ, простаго опыта или объясненій. 2) Качества: тусклый, хрупкій, естественный, искусственный, жидкій. 3) Растворимый, пахучій, прозрачный, крошащійся, непромокаемый. 4) Липкій, нитевидный, благовонный, кислый.

Упражненія въ сложеніи и разложеніи звуковъ (topical spelling). Десять уроковъ. Вещи, содержащія золото, серебро, дерево. Вещи въ мелочныхъ лавкахъ, въ магазинахъ, въ жестяныхъ лавкахъ. Разные виды пищи, платья. Образованіе словъ по данному слову.

Цвѣтъ. Пять уроковъ. Оттѣнки краснаго. Главный цвѣтъ—карминъ. Оттѣнокъ—малиновый, румяный, червленый, алый, розовый. 2) Оттѣнки желтаго. Главный—желтый. Оттѣнки—цитронный, лимонный, канареичный, соломенный. 3) Оттѣнки голубаго. Главный—голубой. Оттѣнки — индиго, свѣтло-голубой, небесно-голубой.

Животныя. Продолженіе описанія частей; образъ жизни, жилища, пища, характерныя дѣйствія, включая сюда и звуки, но не все это въ одномъ урокѣ. Пять уроковъ. Млекопитающія, птицы, рыбы и пресмыкающіяся.

Мѣсто. Пять уроковъ. Относительный объемъ и пропорція предметовъ. Раздѣленіе линій на двѣ, четыре и три части.

Языкъ. Пять уроковъ. Имена различныхъ предметовъ и слова, выражающія качества, съ глаголомъ есть (is), какъ напр. стекло (есть) хрупко. Одно имя съ нѣсколькими въ немъ качествами: сахаръ бѣлъ, сахаръ сладокъ, сахаръ растворимъ. Сокращеніе: сахаръ (есть) бѣлъ, сладокъ, растворимъ. Примѣры одного качества, свойственнаго нѣсколькимъ предметамъ.

Форма. Пять уроковъ. Линіи вертикальная, горизонтальная, наклонная, параллельная, квадратъ. 2) Продолговатый, ромбъ, ромбоидъ, трапезоидъ, трапеція. 3) Пяти-,шести-,семи-,восьми - и девятиугольники. 4) Десятиугольникъ, кругъ полукругъ, квадратъ. Обозрѣніе.

Человѣческое тѣло. Десять уроковъ. Чувство осязанія—положеніе и употребленіе, зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ; здоровая пища и питье, обильное вдыханіе чистаго воздуха, должный отдыхъ, достаточный сонъ; выработка хорошихъ привычекъ.

Рисованіе по способу Bartolomew. На весь годъ. Разъ въ недѣлю. Понедѣльникъ. Карта № 2.

Инвентивное рисованіе. На весь годъ. Упражненіе разъ въ недѣлю. Четвергъ: Комбинаціи съ углами и треугольниками.

Нравственное обученіе. На весь годъ. Разъ въ недѣлю. Среда. 1) Трудолюбіе. 2) Довѣріе. 3) Гордость. 4) Доброта. 5) Терпѣніе. 6) Миротвореніе. 7) Честность. 8) Повиновеніе. 9) Зависть. 10) Обращеніе ко злу отъ добра. 11) Обязанности относительно бѣдныхъ. 12) Великодушіе. 13) Жадность. 14) Забвеніе. 15) Благодарность. 16) Неповиновеніе. 17) Ненависть. 18) Эгоизмъ. 19) Невоздержность. 20) Самопожертвованіе. 21) Прилежаніе. 22) Воровство. 23) Почтеніе. 24) Вѣжливость. 25) Болтовня. 26) Недоброта. 27) Нечестность. 28) Учтивость. 29) Жестокость къ животнымъ. 30) Прозвища и сквернословіе.

Печатаніе и письмо. На весь годъ. Разъ въ недѣлю. Четвергъ. Копировка съ классной доски или картъ съ образцами письма.

Пѣніе. Разучиваніе новыхъ пьесъ.

Декламація. Весь годъ. Разъ въ недѣлю. Пятница.

Число. Весь годъ. Ежедневное упражненіе. Упражненіе въ сложеніи, вычитаніи, умноженіи и дѣленіи. Число *десять* должно быть *крайнимъ предѣломъ* чиселъ, употребляемыхъ для процесса.

Первая треть года. Ежедневное упражненіе. Двадцать уроковъ: Сложеніе. Десять уроковъ: найти, какія числа должны быть приданы къ данному числу, чтобы произвести другое данное число. Пятнадцать уроковъ: произвести данное число черезъ комбинацію двухъ чиселъ. Пять уроковъ: простое прибавленіе къ тремъ, четыремъ и пяти числамъ. Пятнадцать уроковъ: произвести данное число чрезъ комбинацію трехъ чиселъ. Обозрѣніе—въ пяти урокахъ.

Вторая треть. Ежедневное упражненіе. Десять уроковъ: вычитаніе чиселъ. Вычитаніе и возсоединеніе чиселъ. Найти, какое число должно быть взято отъ даннаго числа, чтобы низвести его до другаго даннаго числа. Сравненіе даннаго числа со всѣми, которыя ниже его. Пять уроковъ; вычитаніе даннаго числа отъ невыраженной суммы двухъ чиселъ. Вычитаніе даннаго числа отъ невыраженной суммы трехъ чиселъ. Вычитаніе суммы двухъ нижнихъ чиселъ изъ суммы двухъ высшихъ. Вычитаніе суммы трехъ нижнихъ чиселъ изъ суммы двухъ высшихъ. Смѣшанное сложеніе и вычитаніе.

Третья треть. Ежедневное упражненіе. Умноженіе и дѣленіе чиселъ.

Уроки чтенія по читальнику. Первый читальникъ заканчивается. Чтеніе всѣхъ словъ бѣглое съ гибкостью и выразительностью. Разборъ фонетическій и буквенный словъ, встрѣчающихся въ читальникѣ, и печатаніе уроковъ на классной доскѣ или графитныхъ доскахъ.

Калистеническія пѣсни ежедневно.

Классъ этотъ оканчивается часомъ ранѣе, чѣмъ высшіе классы.

Годъ третій (7-я степень).

Сложеніе и разложеніе звуковъ (topical spelling).

Десять уроковъ. Имена всѣхъ жидкостей, минераловъ, плодовъ, овощей, твердыхъ тѣлъ, деревъ, цвѣтовъ. Имена вещей, содержащихъ желѣзо, мѣдь, олово. Пять уроковъ. Образованіе словъ изъ даннаго слова.

Обыденные предметы. Качества, открываемыя въ предметахъ, и ихъ значеніе изучаются практически, посредствомъ чувствъ, простымъ отвѣтомъ или объясненіями.

1) Пять уроковъ. Ковкій, свѣтоносный, скважистый, поглащающій, воспламеняемый.

При этомъ дѣлается болѣе цѣльное изслѣдованіе предметовъ. Предметъ разсматривается, какъ имѣющій многія качества, и ихъ значеніе изучается практически, т. е. посредствомъ чувства, простаго опыта или чрезъ объясненія. Годность качествъ для употребленія можетъ быть также разсматриваема. Слѣдующіе новые термины должны быть изучены:

2) Пять уроковъ. Качества: неблаговонный, полупрозрачный, горючій, эластическій (три рода), искрящійся. 3) Зернистый, гибкій, морщинистый, ѣдкій, прочный. 4) Безвкусный, растительный, минеральный, сочный.

Объемъ. Десять уроковъ. Черченіе линій даннаго числа дюймовъ или футовъ. Пять уроковъ. Черченіе четыреугольныхъ фигуръ даннаго числа дюймовъ.

Цвѣтъ. 1) Четыре урока. Тѣни и оттѣнки оранжеваго. Главный—оранжевый, тѣнь—темно-антарный, оттѣнки—цвѣтъ семги, буйволовой кожи, крема. 2) Тѣнь и оттѣнки зеленаго. Главный—зеленый; тѣнь его—оливковый, оттѣнки—изумрудный, гороховый, гнѣдой.

3. Тѣни пурпуроваго. Главный—пурпуровый. Его тѣнь—царскій пурпуръ, оттѣнки—фіолетовый, лилейный, цвѣтъ увѣчной травы (lavender). Тѣни каряго или бураго (brown); тѣнь—каштановый; оттѣнки—сѣрмяжный, табачный, дикій.

Форма. 1. Пять уроковъ. Секторъ, кольцо, полумѣсяцъ, эллипсисъ, овалъ. 2. Твердое тѣло, кубъ, квадратъ, призма, треугольная призма, шестиугольная призма. 3. Цилиндръ, конусъ, конондъ, квадратная пирамида, треугольная пирамида. 4. Шаръ, полушаръ, сфероидъ, расширенный въ стороны и сплющенный у полюсовъ; яйцевидный.

Животныя. Обученіе должно принять болѣе систематическій характеръ. Устройство и обычаи должны быть разсматриваемы съ спеціальнымъ указаніемъ соотношенія устройства животнаго къ его жизни. Это поведетъ къ иной степени въ классификаціи. Пять уроковъ. Птицы, млекопитающія, птицы, рыбы и пресмыкающіяся.

Мѣсто. Пять уроковъ. Черченіе карты округа, гдѣ школа, и размѣщеніе улицъ, церквей и пр.

Пятнадцать уроковъ. Черченіе карты города или округа, общее описаніе карты, масштаба и пр., размѣщеніе главныхъ дорогъ, улицъ, рѣкъ, водопадовъ, мостовъ, каналовъ, желѣзныхъ дорогъ и ихъ депо, общественныхъ зданій, главныхъ торговыхъ и особенно интересныхъ мѣстъ и пр.

Человѣческое тѣло. Пища, тѣлесныя упражненія, вентиляція, чистота, спинной хребетъ, положеніе при сидѣніи, стояніи и проч.

Языкъ. Пятнадцать уроковъ. Выборъ нѣкоторыхъ наиболѣе простыхъ упражненій изъ англійской грамматики до 20 страницы. (Авторъ не указанъ).

Число. Первая треть года. Ежедневное упражненіе. Десять уроковъ. Арабское счисленіе, алгебраическіе знаки +, —, =. Развитіе чиселъ отъ десяти до ста. Двадцать уроковъ: сложеніе и вычитаніе отъ 2, 3, 4. Изученіе таблицъ въ руководствѣ. Предметы для объясненій, какія встрѣтятся.

Вторая треть. Ежедневно. Двадцать уроковъ. Сложеніе и вычитаніе изъ 5, 6, 7. Изученіе таблицъ въ руководствѣ и упражненія, находящіяся въ немъ. Постоянное исправленіе ошибокъ и предметы для объясненій, какія попадутся.

Третья треть года. Сложеніе и вычитаніе изъ 8 и 9. Изученіе таблицъ разныхъ серій и упражненій, помѣщенныхъ въ руководствѣ до 168 стр.

Рисованіе по методу Bartholomew. На весь годъ. Два раза въ недѣлю. Понедѣльникъ и четвергъ. Рисовальная карта № 3.

Инвентивное черченіе. Весь годъ. Разъ въ недѣлю. Вторникъ. Комбинаціи съ четыреугольными фигурами.

Нравственное обученіе. Первая треть: довѣріе, честность, патріотизмъ, дружба, радушіе и привѣтливость, соперничество, гордость, зависть, дѣланіе добра, конфузливость, несоблюденіе довѣреннаго секрета и пересказываньe, своенравіе, самонадѣянность, разсказъ о честномъ дровосѣкѣ. Вторая треть: благодарность, вниманіе, настойчивость, постоянство, заботливость, ложь, воздержаніе, воровство, миротвореніе, справедливость, наушничество, скупость. Третья треть: любопытство, эгоизмъ, робость, недоброта.

Пѣніе. Разучиваніе новыхъ пьесъ.

Декламація. Весь годъ. Разъ въ недѣлю. Въ пятницу послѣ обѣда.

Уроки по учебнику. Второй читальникъ, съ особеннымъ вниманіемъ къ выраженію, произношенію и пр. Правописаніе фоническое и буквенное словъ, встрѣчающихся въ читальникѣ.

Калистеническіе гимны ежедневно.

Классы оканчиваются послѣ обѣда получасомъ ранѣе высшихъ классовъ.

Годъ четвертый (6-я степень).

Мѣсто. Различныя проявленія земли и воды въ разнообразіи ихъ формъ и общаго характера. Термины должны быть объясняемы и повторяемы до тѣхъ поръ, пока не запечатлѣются въ памяти.—Пять уроковъ: Земля, на которой мы живемъ. Горы и равнины. Горы. Горныя цѣпи и долины.. Горы, равнины и долины. Десять уроковъ: Карта графства; границы, размѣщеніе поселеній и мѣста школы. Пять уроковъ: Выгоды отъ горъ (два урока), озера, рѣки, море. Десять уроковъ: продолженіе карты графства (county). Общее описаніе карты. Помѣщеніе болѣе мелкихъ населеній и административнаго центра графства, желѣзныя дороги, озера, рѣки, заливы, болота и пр. Историческіе разсказы объ интересныхъ фактахъ, преданія о графствѣ и его значеніи. Описаніе почвы, произведеній, минераловъ и проч.

Растенія. Простые и привлекательные уроки. Руководство для учителя: „Дѣтская книга природы“ Гукера (Hooker's Child's book of Natur): 1. Пять уроковъ: наша любовь къ цвѣтамъ, какъ дѣлаются цвѣты, цвѣта цвѣтовъ, запахъ цвѣтовъ, форма цвѣтовъ. 2. Привычки цвѣтовъ, что живетъ на цвѣтахъ, плоды, для чего сѣмена, жизнь въ сѣменахъ. 3. Какъ сѣмена сѣются, листья, сокъ въ листьяхъ, употребленіе листьевъ, листья осенью. 4. Листовая почка, покровъ почекъ, для чего корни, стебель и стволъ, кора деревьевъ и кустарниковъ. 5. Древесина въ деревьяхъ и кустарникахъ, что дѣлается изъ сока, обращеніе сока, сонъ и смерть растеній. Обозрѣніе.

Обыкновенные предметы. Предметы разсматриваются, какъ имѣющіе части, качества и употребленіе; приспособленіе качествъ къ употребленію; качества, отъ которыхъ зависитъ употребленіе; качества, зависящія одно отъ другаго. Слѣдующіе новые термины должны быть изучены: 1. Пять уроковъ: качества: соленый, ароматическій, звучный, пловучій, пыльный или порошковый. 2. Животный, сжимаемый, твердый, механическій, нерастворимый. 3. Проницаемый, мануфактурный, замораживаемый, щелочный, съѣдобный. 4. Вывозной, ввозный, тягучій, непроницаемый, желобовидный.

Сложеніе и разложеніе звуковъ. (topical spelling): Занятія мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Вещи въ экипажномъ магазинѣ, въ машинномъ магазинѣ, на почтѣ, въ конторѣ экстренной почты. Названіе всѣхъ видовъ сообщенія землею, водою, звуками. Предметы, содержащіе стекло, хлопчатую бумагу, шерсть, мѣдь, свинецъ.

Десять уроковъ: образованіе словъ изъ даннаго слова.

Цвѣтъ. Десять уроковъ: Смѣшанные цвѣта. Произведеніе вторичныхъ цвѣтовъ отъ первичныхъ, третичныхъ отъ вторичныхъ и извѣстной пропорціи первичныхъ.

Животныя. Продолжаются уроки 7-ой степени (т. е. 3-го года) и классификація птицъ. Двадцать уроковъ: птицы. Пять уроковъ: млекопитающія. Классификація птицъ воздушныхъ и водяныхъ по образу ихъ жизни.

Человѣческое тѣло. Десять уроковъ: ротъ, губы, щеки, языкъ, зубы, слюнныя желѣза, слюня, глотаніе, жеваніе, глотка.

Число. Первая треть. Ежедневно. Умноженіе чиселъ, произведенія которыхъ не превосходятъ ста, а множители не свыше девяти. Развитіе всѣхъ таблицъ, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 въ связи съ предметами. Вторая треть. Ежедневно. Дѣленіе чиселъ, не превосходящихъ ста, при дѣлителѣ не выше девяти. Развитіе всѣхъ таблицъ на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 въ связи съ предметами. Третья треть. Ежедневно. Смѣшанныя упражненія въ умноженіи и дѣленіи чиселъ, равно дѣленіе чиселъ съ остаткомъ.

Рисованіе по методу Bartholomew. Весь годъ. Два раза въ недѣлю. Понедѣльникъ и четвергъ.

Инвентивное черченіе. Весь годъ. Разъ въ недѣлю. Вторникъ. Комбинаціи криволинейныхъ угловъ, треугольниковъ и четыреугольныхъ фигуръ.

Нравственное обученіе. Весь годъ. Разъ въ недѣлю. Среда. Первая треть: веселость, торопливость, нетерпѣніе, самоуваженіе, пронырливость, ревность, обязательность, недовольство, довѣріе, зависимость, почтеніе, великодушіе, милосердіе, довольство. Вторая треть: вѣрность, безпокойство, честность, обманчивость, лживость, правдивость, согласіе, воровство, довѣріе, любезность, доброжелательство, справедливость. Третья треть: патріотизмъ, глупыя шалости, дѣланіе добра, вѣрность обѣщанію.

Пѣніе. Разучиваніе новыхъ піесъ и *декламація* весь годъ. Разъ въ недѣлю, по пятницамъ.

Уроки по учебнику: Третій читальникъ до 34 страницы, съ обращеніемъ вниманія на выраженіе и произношеніе, паузы и проч. Фонетическое и буквенное сложеніе и разложеніе словъ въ читальникѣ.

Калистеническія пѣсни и тѣлесныя упражненія ежедневно.

Ариѳметика: до дѣленія.

Классы оканчиваются послѣ обѣда получасомъ ранѣе высшихъ классовъ.

Годъ пятый (5-я степень).

Растенія

1. Сѣмена. 12 урок.
2. Почки. 12 „
3. Цвѣты. 10 „
4. Листья. 10 „
5. Края листьевъ. 8 „

Сторонъ, съ которыхъ всѣ эти предметы должны разсматриваться на урокахъ, мы не перечисляемъ, потому что очень много подробностей, которыя можно найти въ любой ботаникѣ. Число же уроковъ для этого въ программѣ назначено двадцать.

Мѣсто.—Двадцать уроковъ: Черченіе карты штата съ обозначеніемъ горъ, рѣкъ, озеръ, столицы, графствъ, городовъ и проч. Общее описаніе штата съ отмѣткою его достопримѣчательностей естественныхъ, какъ-то: разсѣлинъ, пещеръ, цѣлебныхъ ключей и т. п. Интересные историческіе факты и преданія. Описаніе почвы, произведеній, минераловъ, дикихъ животныхъ и проч.

Животныя. Двадцать уроковъ: Млекопитающія, продолженіе курса четвертаго года (пятой степени). Десять уроковъ: классификація млекопитающихъ.

Нравственное обученіе: Десять уроковъ: статьи: Заблудшій мальчикъ, рыбакъ, экспедиція Джона Франклина, собираніе пороха, пастухъ, неблагодарность и неповиновеніе, вѣрность обѣщанію, самонадѣянность, насмѣхательство.

Обыкновенные предметы. Двадцать уроковъ: Матеріалъ или структура и приспособленіе къ употребленію; пути къ открытію качествъ въ предметахъ: существенныя и несущественныя качества; сравненіе предметовъ. Качества: ковкій, упорный, звучный, удобрительный, предохранительный, ароматическій, медицинскій, смѣшанный, слизистый и проч. Строеніе или структура: тканый, клѣточный, трубчатый, сѣтчатый, зубчатый, зазубренный, кристаллическій, выпуклый, вогнутый, спиральный и т. д. Природа и состояніе: металлическій, текучій, водяной, сладкій, соленый, ядовитый, мануфактурный, привозный, вывозный.

Человѣческое тѣло. Десять уроковъ: Кожа—употребленіе, качество, приспособленіе качествъ къ употребленію. Мясо—жиръ, мускулы, качества, употребленіе, кровь, кости, голова, туловище, члены, нервы.

Экспромтныя сочиненія: Двадцать уроковъ: Выборъ предметовъ, знакомыхъ дѣтямъ; форма фразъ или сентенцій составляется по даннымъ словамъ. Далѣе, напр., пять фразъ о перьяхъ птицы, гнѣздахъ, яйцахъ, ихъ мясѣ и пользѣ птицъ. Затѣмъ ученики выбираютъ сами предметы для фразъ и сентенцій. Сюда же входитъ перечисленіе предметовъ изъ уроковъ объ обыденныхъ предметахъ. Въ помощь можно давать рисунки, картинки и т. п.

Сложеніе и разложеніе звуковъ: (topical spelling): Лѣсныя деревья, цвѣты, имена и прозваніе ихъ, твердыя тѣла, жидкости, четвероногія, птицы; президенты, титулы, названія общественныхъ заведеній. Десять уроковъ: образованіе словъ отъ даннаго слова.

Число. Ежедневно. Первая треть: разныя упражненія въ сложеніи, вычитаніи и умноженіи. Вторая треть: упражненія въ дѣленіи и дробяхъ. Третья треть: упражненія въ дробяхъ.

Рисованіе по методу Bartholomew, весь годъ, два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ.

Инвентивное черченіе, весь годъ, разъ въ недѣлю, по вторникамъ.

Фонетическое правописаніе, весь годъ, разъ въ недѣлю, по средамъ.

Пѣніе, декламація и повтореніе, весь годъ, разъ въ недѣлю, по пятницамъ.

Уроки по учебнику: третій читальникъ, съ самымъ заботливымъ вниманіемъ къ пунктуаціи, опредѣленію словъ, значенію объясненныхъ фразъ, и индивидуальныя упражненія въ различныхъ комбинаціяхъ устно.

Языкъ. Выборъ упражненій отъ каждаго изъ семи принциповъ естественной системы англійскаго языка до 36 страницы (авторъ не указанъ).

Ариѳметика. Заканчивается начальная. Правила умноженія (учебникъ не указанъ).

Географія—Элементарная до 3-й части (учебникъ не названъ).

Правописаніе—Учебникъ правописанія (Speller) до 37 страницы.

Писаніе. Первая тетрадь, съ особеннымъ вниманіемъ къ положенію, совершенству и анализу буквъ.

Калистеническіе гимны и тѣлесныя упражненія ежедневно.

Годъ шестой (4-я ступень).

Обыкновенные предметы; Двадцать пять уроковъ. Минералы. 1. *Желѣзо:* мины; желѣзная руда, горное дѣло, рудокопы; сѣрное желѣзо или желѣзный пиритъ; магнитная руда. 2. Процессъ добыванія желѣза изъ руды. 3. Качества литаго желѣза: 1. Хрупкость, плавкость, тяжесть, твердость, прочность, непрозрачность, сгараемый, естественность, звучность; принадлежность его минераламъ, лѣчебность. 2. Способность къ полировкѣ, ржавчинѣ, съ металлическимъ блескомъ, проводникъ теплоты, лученспускаемость теплоты, расширеніе отъ теплоты. 4. Обработанное желѣзо. 5. Качества обработаннаго желѣза: гибко, тяжело, ковко, твердо, тягуче, вязко, непрозрачно, прочно, плавко, горюче, эластично, отражательно, естественно, можетъ быть полированно, сварено и проварено, проводитъ теплоту, лученспускаетъ ее, ржавѣетъ и имѣетъ металлическій блескъ. Процессъ нагрѣванія и медленнаго охлажденія, называемый закаливаніемъ. 6. *Сталь*. Приготовленіе стали. 7. Качества стали и ея закаливаніе. 8. Употребленіе литаго желѣза и какъ дѣлаются предметы и вещи изъ желѣза. Литейные заводы. 9. Употребленіе обработаннаго желѣза и производство разныхъ вещей изъ него; кузницы и проч. 10. Употребленіе стали и способъ подѣлокъ изъ нея.

Мѣдь. 1. Добывается изъ рудниковъ; мѣдный пиритъ; мѣдь безъ примѣси, въ глыбахъ; процессъ полученія мѣди изъ руды. 2. Качества мѣди. 3. Употребленіе мѣди и способъ издѣлій изъ нея. Желтая мѣдь. Подѣлки изъ нея. Дѣланіе мѣдной монеты. Бронза. Колокольная мѣдь.

Меркурій. 1. Добываніе. Амальгама; чистый меркурій. Процессъ добыванія меркурія изъ циннабара. 2. Качества меркурія. 3. Употребленіе меркурія. Термометръ. Зеркала.

Золото. 1. Гдѣ добывается и въ какомъ видѣ. Какъ добывается. 2. Качества золота. 3. Употребленіе золота.

Олово. 1. Гдѣ находится и процессъ добыванія его руды. 2. Качества олова. 3. Употребленіе олова и способъ производства изъ него вещей. Жесть и способъ ея приготовленія.

Растенія. Тридцать уроковъ: 1. Стебли. 2. Плоды. 3. Корни. 4. Цвѣты. 5. Подземные стебли. (Подробности здѣсь выпущены переводчикомъ).

Экспромтныя упражненія. Двадцать пять уроковъ: Описанія путешествій въ городъ, графство, штатъ, континентъ, иноземныя страны; описаніе производствъ какой либо страны или мѣстности; описаніе предметовъ въ лавкахъ, магазинахъ, на мельницахъ, въ рѣкахъ, океанахъ. Предметы, привозимые изъ Китая, Индіи, Англіи, Франціи и проч., описаніе животныхъ дикихъ и домашнихъ, земныхъ и водяныхъ, четвероногихъ и двуногихъ, съ указаніемъ, гдѣ они живутъ. Описаніе растеній, минераловъ и проч. Описаніе праздниковъ, какъ-то—Рождества Христова (Christmas), Новаго года, дня рожденія и т. п. Писаніе писемъ.

Насѣкомыя. Пять уроковъ: строеніе насѣкомыхъ.

Человѣческое тѣло. Десять уроковъ: глазъ.

Нравственное обученіе. Десять уроковъ. Статьи: Аналогія между весною и дѣтствомъ. Аналогія теченія рѣки съ человѣческою жизнью. Соловей и свѣтлякъ. Ссора. Солдатъ. Недовольство, аффектація, возвышенность, самоуваженіе, вѣрность.

Сложеніе и разложеніе звуковъ (topical spelling): слова, означающія дѣйствія, качества, производства. Все, что летаетъ, живетъ въ водѣ, на землѣ и въ воздухѣ. Части книги. Графства и штаты; горы штата. Штаты въ Союзѣ. Зерно, пища, носильное платье, плоды, овощи.—Десять уроковъ для образованія словъ изъ даннаго слова.

Рисованіе по способу Batrholomew. Весь годъ. Два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и вторникамъ.

Инвентивное рисованіе. Весь годъ, разъ въ недѣлю. Обозрѣніе всего курса.

Пѣніе, декламація и розсказы (т. е. разсказы учениковъ). Весь годъ, разъ въ недѣлю, по пятницамъ.

Уроки по учебнику чтенія. Четвертый читальникъ до 59 урока, съ самымъ строгимъ вниманіемъ къ элементарнымъ звукамъ, точности, выраженію, выразительности, остановкамъ, измѣненіямъ словъ, сокращеніямъ и опредѣленіямъ словъ.

Языкъ. Выборъ упражненій отъ каждаго изъ девяти принциповъ естественной системы англійскаго языка до 45 страницы.

Ариѳметика. Умственная до 57 страницы; письменная до дробей.

Географія. Окончаніе элементарной; черченіе картъ на графитной доскѣ, на классной доскѣ и на бумагѣ.

Правописаніе. По учебнику правописанія до 65 страницы.

Писаніе. Тетрадь 2-я и 3-я.

Пѣніе и калистенія. Ежедневно.

Грамматическія Школы.

Годъ седьмой (3-ья степень).

Первая треть года (first term).

Устное обученіе (Oral Instruction). Еженедѣльныя упражненія по пятницамъ послѣ обѣда въ слѣдующихъ предметахъ: Воздухъ, вода, естественная исторія, ботаника, правительство штата и союзное правительство.

Нравственное обученіе: разъ въ недѣлю уроки по вопросамъ нравственности и общежитія.

Языкъ—экспромтныя сочиненія: ежедневно, но по очереди, или поперемѣнно, т. е. однажды въ двѣ недѣли по каждому предмету.

Ариѳметика. Прогрессивная умственная до дробей; прогрессивная письменная до раздѣленія дробей.

Рисованіе. Прогрессивное рисованіе по картамъ и методу Bartholomew.

Географія. Второй курсъ до 31 страницы, съ обученіемъ черченію картъ Сѣверной и Южной Америки.

Чтеніе. Четвертый читальникъ до 89 урока, съ анализомъ сентенцій, элементарныхъ звуковъ и буквъ и вниманіемъ къ произношенію, выразительности, остановкамъ, сокращеніямъ и опредѣленіямъ.

Правописаніе. По учебнику правописанія до 81 страницы, съ случайными упражненіями въ сложеніи и разложеніи словъ.

Писаніе. Тетрадь № 3.

Пѣніе и калистенія ежедневно.

Декламація и разсказы разъ въ недѣлю.

Вторая треть года.

Устное обученіе—предметы тѣ же.

Ариѳметика. Прогрессивная умственная до 100-й страницы. Прогрессивная письменная до приведенія дробей къ одному знаменателю.

Рисованіе. Прогрессивное рисованіе по картамъ Bartholomew.

Географія до 50 страницы, съ обученіемъ черченію картъ Европы, Азіи, Африки и Австраліи.

Чтеніе. Четвертый читальникъ оканчивается. Обученіе, какъ и въ первую треть.

Правописаніе. По учебнику до 95 страницы, съ случайными упражненіями въ разложеніи словъ.

Писаніе—Тетрадь 4 я.

Пѣніе и калистенія—ежедневно.

Декламація и разсказы—разъ въ недѣлю.

Третья треть года.

Устное обученіе—предметы тѣ же.

Обозрѣніе. Всѣ учебники пересматриваются сначала.

Писаніе и рисованіе—продолженіе.

Пѣніе и калистенія—ежедневно.

Декламація и разсказы—разъ въ недѣлю.

Годъ восьмой (2-я степень).

Первая треть года.

Устное обученіе. Еженедѣльныя упражненія по пятницамъ послѣ обѣда въ слѣдующихъ предметахъ: геологія, ботаника, свѣтъ и теплота.

Нравственное обученіе. Еженедѣльные уроки по вопросамъ нравственности и общежитія.

Языкъ и экспромтныя сочиненія — ежедневно въ теченіи всего года, разъ въ недѣлю, поперемѣнно.

Ариѳметика — Прогрессивная умственная до 123 страницы, прогрессивная письменная до сложенія смѣшанныхъ чиселъ.

Географія. Окончаніе 2-го курса до южныхъ штатовъ при Атлантикѣ и Мексиканскомъ заливѣ, съ ежедневнымъ упражненіемъ въ рисованіи картъ по картамъ и на память.

Чтеніе. Четвертый читальникъ, съ анализомъ словъ, съ должнымъ тономъ и объемомъ голоса, быстротою выраженія и проч.

Правописаніе. По учебнику отъ 95 до 115 страницы, съ случайными упражненіями въ разложеніи словъ.

Грамматика. Краткій курсъ Кёрля до 69 страницы.

Писанье.—Тетрадь № 4.

Пѣніе и калистенія—ежедневно.

Декламація и разсказы разъ въ недѣлю.

Вторая треть года.

Устное обученіе—предметы тѣ же.

Ариѳметика — Прогрессивная умственная до 145 страницы; прогрессивная письменная до простыхъ процентовъ.

Рисованіе—прогрессивное черченіе по картамъ Bartholomew.

Географія — 2-й курсъ оканчивается. Ежедневное упражненіе въ черченіи картъ съ картъ и на память.

Чтеніе. Четвертый читальникъ до 67 урока, съ прежними требованіями обученія.

Правописаніе. По учебнику до 134 стр., съ случайными упражненіями въ разложеніи словъ.

Грамматика—Краткій курсъ грамматики Кёрля до 138 страницы.

Писаніе. Тетрадь № 5.

Пѣніе и калистенія—ежедневно.

Декламація и разсказы—разъ въ недѣлю.

Третья треть года.

Устное обученіе—то же, что и въ первую треть.

Обозрѣніе пройденнаго по всѣмъ предметамъ курса.

Пѣніе и калистенія—ежедневно.

Декламація и разсказы—разъ въ недѣлю.

Годъ девятый (1-я степень).

(Первая степень дѣлится на два класса, обозначаемые буквами В и А. В классъ—продолжаетъ вторую степень непосредственно, а А классъ—болѣе успѣвшій, ушедшій далѣе. Здѣсь представляются курсы обоихъ этихъ классовъ).

Классъ В. Первая треть года.

Устное обученіе. Еженедѣльныя упражненія по пятницамъ послѣ обѣда въ слѣдующихъ предметахъ: физіологіи, геологіи, электричествѣ, физической географіи и астрономіи.

Нравственное обученіе—Разъ въ недѣлю уроки по вопросамъ нравственности и общежитія.

Ариѳметика—Письменная, практическая.

Писаніе и рисованіе—попеременно.

Чтеніе и правописаніе—попеременно.

Грамматика.

Экспромтныя сочиненія—разъ въ недѣлю.

Декламація и сочиненіе (на тему).

Пѣніе и калистенія—ежедневно.

Вторая треть.

То же, что и въ первую треть; прибавлена *Алгебра.*

Третья треть года.

То же, что и во вторую треть.

Классъ А. Первая треть.

Oral Instruction.—Ежедневное упражненіе по пятницамъ послѣ обѣда въ слѣдующихъ предметахъ: Физіологіи, геологіи, электричествѣ, физической географіи и астрономіи.

Нравственное обученіе—Разъ въ недѣлю уроки по вопросамъ нравственности и общежитія.

Ариѳметика—практическая.

Писаніе и рисованіе—попеременно.

Географія.

Чтеніе и правописаніе—попеременно.

Алгебра.

Грамматика.

Гражданское Правительство (Civil Government).

Экспромтныя сочиненія—разъ въ недѣлю.

Декламація и сочиненіе (на тему).

Пѣніе и калистенія ежедневно.

Вторая треть.

Oral Instruction—то же, что и въ первую треть.
Ариѳметика и **алгебра**—попеременно.
Писаніе и рисованіе—попеременно.
Географія.
Чтеніе и правописаніе—попеременно.
Грамматика.
Гражданское Правительство оканчивается.
Экспромтныя сочиненія—разъ въ недѣлю.
Декламація и сочиненіе (на тему).
Пѣніе и калистенія—ежедневно.

Третья треть года (послѣдняя).

Общее обозрѣніе и повтореніе пройденнаго и приготовленіе къ экзаменамъ для допущенія въ общественныя среднеучебныя заведенія, производимымъ спеціальными экзаменаторами.

В. Миропольскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Предано вседневнымъ думамъ и заботамъ,
Сердце словно дремлетъ подъ тяжелымъ гнётомъ,
Но порой нежданно дрогнетъ и проснется.
Изъ дали былаго эхомъ донесется
Звукъ забытой пѣсни, милый ликъ проглянетъ,
Свѣтлая картина изо мрака встанетъ,
Грёзъ, любви и страсти ароматъ знакомый
Вдругъ пахнётъ весенней сладкою истомой,
Оживетъ волшебно золотое время....
Боже! хоть на мигъ бы сна тупаго бремя
Сбросить и умчаться въ молодые годы,
Въ эту даль, гдѣ ярко блещутъ небосводы,
Гдѣ цвѣты и солнце, страсть и упоенье!
Воплотить бы снова свѣтлое видѣнье,
Съ нимъ въ лобзаньи жаркомъ всей душою слиться
И въ его объятьяхъ сладостно забыться!...
Нѣтъ! что миновало, то невозвратимо!
Свѣтлое видѣнье пролетаетъ мимо,
И опять безъ нѣги, безъ любви бывалой,
Жизнь польется скучной, сонною и вялой....
Такъ изгнанникъ-ангелъ предъ вратами рая,
Полный грусти, смотритъ, какъ вдали играя
Божьяго сіянья дивно струи льются,
Ангельскія пѣсни издали несутся,
Лиръ волшебныхъ звуки сладко долетаютъ....
Но ужъ нѣтъ возврата!... А кругомъ блуждаютъ
Въ бурѣ и хаосѣ глыбы міровыя,
Носятся кометы, дикія, слѣпыя,
И его, что полонъ и тоски, и муки,
Что напрасно къ свѣту простираетъ руки,
Увлекаютъ вихри въ бездну мірозданья,
Мчатъ въ хаосъ безбрежный отъ лучей сіянья....

Л. Пальминъ.

КРИТИКА.

О ПРЕКРАСНОМЪ ВЪ МУЗЫКѢ.

Ст. Ганслика.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая переводъ замѣчательнаго сочиненія Ганслика „о прекрасномъ въ музыкѣ", мы полагаемъ, что не будетъ лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, безъ которыхъ, по нашему мнѣнію, нельзя оставить нѣкоторыя, впрочемъ немногія, положенія автора.

Г. Гансликъ говоритъ: „прекрасное остается прекраснымъ, даже если оно не производитъ никакого впечатлѣнія на окружающихъ". Такое положеніе можетъ показаться очень страннымъ, если принять его въ буквальномъ смыслѣ. Предметъ, непроизводящій ни на кого никакого впечатлѣнія, не можетъ быть названъ прекраснымъ, потому что не даетъ никакого повода признать его такимъ, а не безобразнымъ. Вѣроятно, авторъ хочетъ сказать, что прекрасный предметъ можетъ быть разсматриваемъ только относительно элементовъ и законовъ его бытія, самъ по себѣ, независимо отъ впечатлѣнія, имъ производимаго. Но и этого нельзя утверждать абсолютно, потому что эстетическая сторона прекраснаго предмета заключается не въ физическихъ или химическихъ или логическихъ законахъ его бытія, а въ тѣхъ свойствахъ его, которыя производятъ прекрасное впечатлѣніе. И такъ, первый вопросъ, на который долженъ отвѣтить эстетикъ, состоитъ въ томъ, что̀ такое прекрасное впечатлѣніе и какими признаками отличается чувство, возбуждаемое имъ, отъ всѣхъ прочихъ чувствъ. Далѣе въ своемъ разсужденіи авторъ глубоко вѣрно отличаетъ психическій актъ воспріятія прекраснаго отъ двухъ душевныхъ движеній, возбуждаемыхъ въ насъ впечатлѣніями, приходящими из-

внѣ, и называетъ его не просто чувствомъ, а *художественнымъ созерцаніемъ*. Само прекрасное произведеніе есть плодъ художественнаго созерцанія и въ окружающихъ возбуждаетъ оно такое же созерцаніе, служащее источникомъ особаго наслажденія, котораго не могутъ дать другія движенія и состоянія души. Хотя такое впечатлѣніе, производимое прекраснымъ, и составляетъ цѣль существованія послѣдняго, но ее достигаютъ поэты, художники, артисты не преднамѣренно и даже тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ менѣе думаютъ объ ней, потому что сила, возбуждающая художественное созерцаніе, есть необходимый, неустранимый элементъ самой сущности, самой жизни прекраснаго, какъ таковаго.

Эти свойства предмета, составляющія эстетическую сторону жизни его, разъ они намѣчены ясно сознаннымъ и понятымъ художественнымъ созерцаніемъ, разъ они выдѣлены изъ числа другихъ свойствъ его, и могутъ быть мыслимы существующими сами по себѣ и изучаемы эстетикомъ; ибо они существуютъ въ дѣйствительности. Такъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ понимать положеніе автора. Это, впрочемъ, и подтверждается всѣмъ его трудомъ, который мы печатаемъ.

Такъ какъ психическій актъ, названный художественнымъ созерцаніемъ, выдѣляетъ эстетическую сторону, подлежащую изслѣдованію, изъ всѣхъ прочихъ сторонъ предмета и самая сила возбужденія этого психическаго акта составляетъ неустранимый элементъ жизни прекраснаго, то прежде всего должны быть опредѣлены свойства и сущность художественнаго созерцанія вообще и силы, возбуждающей его. Поэтому, хотя прекрасный предметъ, и существуя самъ по себѣ и имѣя свою самостоятельную жизнь, какъ предметъ прекрасный, требуетъ, какъ такой, объективнаго изученія, тѣмъ не менѣе эстетика все-таки коренится въ психологіи. Такъ и быть должно, потому что художественно-прекрасное есть продуктъ особаго творческаго акта человѣческаго духа, результатъ движенія и дѣятельности самыхъ глубокихъ основныхъ духовныхъ силъ. Поэтому нельзя согласиться съ авторомъ, что изученіе прекраснаго будетъ совершенствоваться по мѣрѣ своего приближенія къ методу естественныхъ наукъ. Въ изслѣдованіи эстетика психологія входитъ существенными элементами, при изученіи же природы внѣшняго міра не предстоитъ надобности углубляться въ пси-

хологическіе вопросы. Мы имѣли примѣръ результатовъ такого объективнаго изученія прекрасныхъ произведеній въ теоріяхъ французскихъ классиковъ. Изучая великія произведенія древнихъ поэтовъ, какъ внѣшніе предметы, независимо отъ творческаго акта души, ихъ создавшаго, классики извлекли изъ нихъ формулы и правила, слѣдуя которымъ можно было, по ихъ мнѣнію, создавать трагедіи, равныя по достоинству Софокловымъ. Если результаты, добытые тогдашними французскими эстетиками, грѣшатъ формальнымъ схоластическимъ своимъ характеромъ, то современные намъ эстетики, слѣдуя методу естественныхъ наукъ, грѣшатъ другою крайностью—грубымъ реализмомъ, чему примѣромъ можетъ быть и эстетика высокодаровитаго романиста Зола. Къ счастію, г. Гансликъ избѣгъ этой крайности и въ печатаемомъ нами сочиненіи не остается на почвѣ естествоиспытателей. Онъ еще болѣе удовлетворилъ бы своей задачѣ, если бы выяснилъ понятіе о художественномъ созерцаніи, которое онъ такъ рѣзко выдѣлилъ изъ прочихъ чувствъ, но онъ не сдѣлалъ этого. Со временемъ мы попытаемся выяснить это понятіе и тогда, по нашему мнѣнію, еще полнѣе опредѣлится важность и достоинство труда г. Ганслика.

Мы также не можемъ согласиться съ авторомъ, чтобы устарѣлая, какъ онъ ее называетъ, эстетика разбирала прекрасное *только* по отношенію впечатлѣній, производимыхъ имъ, и что прежними учеными изслѣдователями прекраснаго не руководило убѣжденіе, что законы красоты каждаго искусства вытекаютъ изъ особенностей его матеріала. Достаточно для этого сослаться хоть на трактатъ Леонардо-да-Винчи „о живописи“, на „исторію искусствъ“ Винкельмана, на „Лаокоона“ Лессинга. И германскіе мыслители Шеллингъ и Гегель, которыхъ авторъ, конечно, причисляетъ къ метафизикамъ, не рѣшали вопросъ о прекрасномъ только въ смыслѣ субъективномъ, а разсматривали красоту, какъ существующую саму по себѣ, и опредѣлили ея сущность такъ, что этого опредѣленія не поколеблятъ никакіе результаты, добытые методами естественныхъ наукъ.

Ред.

I.

Эстетическая теорія музыки страдала до сихъ поръ важнымъ недостаткомъ. Мы вездѣ встрѣчаемъ не разборъ того, что прекрасно въ музыкѣ, а описаніе чувствъ, возбуждаемыхъ ею. Этотъ взглядъ вполнѣ соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія тѣхъ устарѣлыхъ системъ эстетики, которыя разбирали прекрасное *только* по отношенію ощущеній, производимыхъ имъ. Стремленіе къ объективному взгляду на предметы, которое въ наше время руководитъ изслѣдованіями во всѣхъ областяхъ знанія, должно служить также основаніемъ изученія прекраснаго. Это будетъ возможно только тогда, когда эстетическія изслѣдованія отрѣшатся отъ метода, который, исходя изъ чисто субъективныхъ ощущеній, возвращается, послѣ поверхностно поэтическаго описанія предмета, къ тѣмъ же ощущеніямъ или чувствамъ. Изученіе прекраснаго найдетъ себѣ твердую почву только по мѣрѣ своего приближенія къ методу естественныхъ наукъ, то есть, когда оно приступитъ къ изслѣдованію самого предмета, называемаго прекраснымъ, и того, что въ немъ есть положительнаго, объективнаго, не зависящаго отъ постоянно мѣняющихся впѣчатленій.

Относительно поэзіи и пластическихъ искусствъ, эти воззрѣнія уже отчасти выяснились, особенно по двумъ пунктамъ.

Во-первыхъ, ученые, занимающіеся ими давно, отбросили ложный взглядъ, что эстетика какого либо искусства состоитъ въ примѣненіи къ нему общаго, метафизическаго понятія красоты. *Рабская зависимость* спеціальныхъ эстетическихъ изслѣдованій отъ высшаго метафизическаго принципа всеобщей эстетики по-немногу уступаетъ убѣжденію, что законы красоты каждаго отдѣльнаго искусства вытекаютъ изъ особенностей его матеріала и его техники и потому требуютъ отдѣльнаго, спеціальнаго изученія.

Кромѣ того, относительно поэзіи и пластическихъ искусствъ, эстетики уже убѣдились, что, при изслѣдованіи прекраснаго, должно изучать самый предметъ, а не субъективныя ощущенія воспринимающаго лица. Поэтъ, живописецъ не успокоится въ убѣжденіи, что онъ опредѣлилъ красоту своего искусства, если онъ прослѣдилъ, какія чувства возбуждаютъ въ окружающихъ его драма или его ландшафтъ. Онъ будетъ доискиваться причины, *почему* его произведеніе дѣйствуетъ на людей такъ, а не иначе.

По отношенію къ одной музыкѣ это воззрѣніе еще не установилось. До сихъ поръ строго раздѣляютъ ея теоретическія правила отъ эстетическихъ соображеній,—причемъ, по непонятной прихоти, первыя передаются по возможности разсудочно-сухо, а вторыя расплываются въ лирической сентиментальности. Эстетики не хотятъ смотрѣть на содержаніе музыкальнаго произведенія какъ на особый, самостоятельный видъ красоты, и до сихъ поръ мы въ книгахъ, критическихъ разборахъ и разговорахъ часто наталкиваемся на воззрѣніе, что одни аффекты составляютъ основу музыкальнаго искусства, что они одни должны служить мѣриломъ художественнаго достинства даннаго произведенія.

Музыка, говорятъ намъ, не можетъ, подобно поэзіи, занимать нашъ умъ, обогащать его новыми понятіями, она также не въ состояніи на насъ дѣйствовать видимыми формами, подобно пластическимъ искусствамъ; слѣдовательно, ея призваніемъ должно быть прямое дѣйствіе на наши чувства. Въ чемъ именно состоитъ связь музыки съ чувствами, какими законами искусства она обусловливается, на какихъ законахъ природы основывается извѣстное впечатлѣніе отъ даннаго произведенія, этого еще никто не сумѣлъ объяснить.

Притомъ, мы замѣчаемъ, что въ существующемъ воззрѣніи на музыку чувство играетъ двоякую роль. Во-первыхъ, утверждаютъ, что цѣль или назначеніе музыки состоитъ въ возбужденіи чувствъ (или, какъ обыкновенно выражаются, «возвышенныхъ чувствъ»); во-вторыхъ,—что чувства составляютъ и содержаніе музыкальныхъ произведеній.

Оба положенія одинаково ошибочны. Прекрасное не можетъ имѣть цѣли внѣ себя и содержаніе его нераздѣльно съ формой. Чувства, возбуждаемыя прекраснымъ, не имѣютъ прямого соотношенія къ нему. Прекрасное остается прекраснымъ, даже если оно не производитъ никакого впечатлѣнія на окружающихъ.

Поэтому и въ музыкѣ не можетъ быть рѣчи о прямой цѣли, и связь, существующая между этимъ искусствомъ и нашими чувствами, нисколько не оправдываетъ утвержденія, что въ этой-то связи состоитъ его эстетическое значеніе. Чтобы ближе разсмотрѣть эту связь, мы должны строго различать смыслъ двухъ понятій—*ощущенія* и *чувства*.

Ощущеніемъ мы называемъ чувственное впечатлѣніе, дошедшее до сознанія. Словомъ *чувство* мы обозначаемъ внутреннее, душевное движеніе или состояніе, являющееся результатомъ ощущеній. Прекрасное первоначально дѣйствуетъ на наши органы чувствъ. Этотъ путь свойственъ не ему одному—имъ же доходятъ до насъ и всѣ вообще явленія. Ощущеніе служитъ началомъ и условіемъ для всякаго эстетическаго наслажденія и составляетъ только основу чувства, возникновеніе котораго обусловливается соотношеніемъ элементовъ прекраснаго, соотношеніемъ, часто весьма сложнымъ. Возбудить ощущеніе можетъ и отдѣльный звукъ, отдѣльный цвѣтъ—для этого еще не требуется искусства. По словамъ упомянутыхъ критиковъ, музыка должна въ насъ возбуждать попеременно любовь, благоговѣніе, грусть или восторгъ. На самомъ же дѣлѣ, ни одно искусство не ставитъ себѣ подобныхъ задачъ;—единственное назначеніе искусства состоитъ въ изображеніи прекраснаго. Мы воспринимаемъ прекрасное не чувствомъ, а воображеніемъ. Воображеніе художника создаетъ музыкальный мотивъ, а воображеніе слушателя его воспринимаетъ. Разумѣется, воображеніе не непосредственно воспринимаетъ прекрасное, а съ помощью разсудка, т. е. представленій и сужденій. Этотъ процессъ совершается такъ быстро, что часто ускользаетъ отъ нашего сознанія. Этимъ не ограничивается дѣятельность воображенія: также быстро, какъ оно само,

оно воспринимаетъ впечатлѣніе извнѣ и передаетъ его въ область разсудка и чувства. Но и чувство, и разсудокъ играютъ второстепенную роль въ истинномъ воспріятіи прекраснаго. Оно зиждется на *чистомъ созерцаніи*; къ нему не долженъ примѣшиваться никакой посторонній мотивъ, какъ, напримѣръ, стремленіе возбуждать въ себѣ аффекты.

Исключительную дѣятельность разсудка при воспріятіи прекраснаго скорѣе можно отнести къ логикѣ, чѣмъ къ эстетикѣ; а дѣйствіе прекраснаго на одно чувство уже входитъ въ область патологіи.

Всѣ эти заключенія уже давно приняты эстетикой, и они также вѣрны для музыки, какъ и для остальныхъ искусствъ. Между тѣмъ, знатоки музыки ихъ до сихъ поръ не признаютъ и утверждаютъ, что возбужденіе чувствъ составляетъ задачу музыки и ея характеристическую особенность, отличающую ее отъ другихъ искусствъ.

Съ этимъ послѣднимъ воззрѣніемъ намъ невозможно согласиться. Если признать воображеніе истиннымъ органомъ для воспріятія прекраснаго, то мы непремѣнно встрѣтимъ во всякомъ искусствѣ косвенное дѣйствіе и на чувства. Развѣ хорошая историческая картина не будетъ на насъ имѣть дѣйствія настоящаго происшествія? Развѣ Мадонны Рафаэля не возбуждаютъ въ насъ религіознаго настроенія, а ландшафты Пуссена—стремленія вдаль? Развѣ Страсбургскій соборъ не наводитъ на насъ особаго, торжественнаго настроенія?—Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ.

Мы видѣли, что всѣ искусства сильно дѣйствуютъ на наши чувства; относительно музыки будетъ только вопросъ о степени. Не говоря о томъ, что это совершенно ненужная постановка вопроса, можетъ еще возникнуть споръ о томъ, что сильнѣе возбуждаетъ чувства: Моцартова симфонія или драма Шекспира, стихотвореніе Уланда или рондо Гумеля?

Если же будутъ утверждать, что музыка дѣйствуетъ непосредственно, остальныя же искусства посредствомъ *понятій*, то и это мы должны оспоривать, такъ какъ мы уже раньше доказали, что прекрасное въ музыкѣ доходитъ до чувства только посредствомъ воображенія.

Мы безпрестанно встрѣчаемъ въ музыкальныхъ статьяхъ очень вѣрное сравненіе музыки съ архитектурой. Могло ли бы придти въ голову какому-нибудь разумному архитектору, что цѣль архитектуры состоитъ въ возбужденіи чувствъ и что эти чувства составляютъ ея содержаніе?

Каждое произведеніе искусства находится въ какомъ-нибудь соотношеніи къ нашимъ чувствамъ, но никакъ не въ исключительномъ. Поэтому это свойство въ музыкѣ отнюдь не опредѣляетъ ея эстетическаго принципа.

Тѣмъ не менѣе, всѣ попытки изслѣдовать прекрасное въ музыкѣ опираются главнымъ образомъ на эту ея черту; между тѣмъ, какъ дѣйствіе, производимое прекраснымъ на наше душевное состояніе, скорѣе относится къ психологіи, чѣмъ къ эстетикѣ. Если дѣйствительно музыкѣ одной свойственно это вліяніе, то тѣмъ болѣе мы должны отвлечься отъ него, чтобы опредѣлить его причину.

Эстетики, занимающіеся этимъ вопросомъ, выводятъ заключенія о свойствахъ искусства изъ субъективнаго впечатлѣнія. Но это тѣмъ ошибочнѣе, что дѣйствіе какого либо музыкальнаго произведенія на наши чувства не есть необходимое. Та же музыка вліяетъ совершенно различно на людей разной національности, разнаго темперамента, разныхъ лѣтъ, или даже на одно и то же лицо въ различныя минуты. Случается, что какое-нибудь музыкальное произведеніе растрогиваетъ насъ до слезъ, въ другой же разъ оно на насъ не дѣлаетъ никакого впечатлѣнія. Даже когда впечатлѣніе точно произведено, мы часто въ немъ откроемъ много условнаго. Не въ одной только внѣшности, или въ обычаяхъ, но и въ мышленіи и въ чувствахъ образуется въ теченіи времени много условнаго. Это, главнымъ образомъ, относится къ тому роду музыкальныхъ произведеній, которыя служатъ для извѣстныхъ цѣлей, какъ-то: къ церковной, военной и театральной музыкѣ. Въ нихъ сложилась цѣлая терминологія для выраженія чувствъ извѣстными сочетаніями звуковъ, — терминологія, которая, впрочемъ, измѣняется въ теченіи времени. Въ каждую эпоху иначе слушаютъ и иначе чувствуютъ. Музыка остается неизмѣнной, но измѣняется ея дѣйствіе, вмѣстѣ съ степенью образованія или условнаго пониманія.

Какъ легко наши чувства поддаются обману, видно изъ тѣхъ ничтожныхъ, безсодержательныхъ музыкальныхъ пьесокъ, въ которыхъ мы готовы узнать и «Вечеръ передъ битвой», и «Лѣтній день въ Норвегіи», и «Жену рыбака», если только сочинители рѣшатся дать имъ подобныя тенденціозныя названія. Заглавія даютъ нашимъ чувствамъ извѣстное направленіе, которое мы часто приписываемъ самой музыкѣ.

Изъ всего этого мы видимъ, что въ дѣйствіи музыки на чувства нѣтъ ни того постоянства, ни той исключительности и необходимости, на которыхъ долженъ основываться эстетическій принципъ.

Мы не желаемъ пренебрегать ни сильными чувствами, возбуждаемыми въ насъ музыкой, ни тѣми сладкими или томными настроеніями, въ которыя она насъ погружаетъ. Мы вовсе не намѣрены отрицать ея способности пробуждать подобныя движенія въ душѣ человѣческой; напротивъ того, мы видимъ тутъ одно изъ проявленій ея божественной силы, но вовсе не исключительное, и должны еще разъ настаивать, что оно не можетъ служить достаточной основой для эстетической теоріи музыки. Все дѣло въ томъ, какимъ путемъ, какими средствами музыка вліяетъ на чувства? Положительную сторону этого вопроса мы подробнѣе разовьемъ въ IV и V главахъ нашей статьи. Но здѣсь, при самомъ вступленіи, мы не можемъ довольно рѣзко выставить отрицательную сторону вопроса, стараясь доказать ненаучность и неосновательность мнѣній, господствующихъ до сихъ поръ.

II.

Въ связи съ теоріей, ставящей задачу музыки въ возбужденіи чувствъ, и какъ бы дополненіемъ къ ней, является положеніе, что чувства составляютъ содержаніе музыки.

Философское изслѣдованіе какого либо искусства прямо приводитъ къ вопросу о его содержаніи. Каждому искусству свойственна отдѣльная область мыслей и понятій, которыя оно старается изобразить ему же свойственными способами выраженія — звуками, словами, красками, линіями. Такимъ образомъ, каждое отдѣльное произведеніе искусства воплощаетъ опредѣленную идею въ чувственной формѣ. Эта опредѣленная идея, форма, ее воплощающая, и единство обѣихъ—непремѣнныя условія понятія красоты.

Содержаніе любаго произведенія поэзіи или пластическихъ искусствъ не трудно выразить словами и свести на общія понятія. Мы говоримъ: эта картина изображаетъ поселянку, эта статуя—гладіатора, это стихотвореніе—подвиги Гектора. На болѣе или менѣе полномъ сліяніи такого опредѣленнаго содержанія съ его художественной формой основывается наше сужденіе о красотѣ произведенія.

Содержаніемъ музыки, какъ обыкновенно полагаютъ, должны служить «всѣ оттѣнки человѣческихъ чувствъ». Въ этомъ видятъ ея особенность и отличіе отъ другихъ искусствъ. Такимъ образомъ, звуки и ихъ правильныя соотношенія—только матеріалъ, средства выраженія, которыми композиторъ изображаетъ любовь, радость или гнѣвъ. Въ прелестной мелодіи, въ глубокомысленной гармоніи восхищаютъ насъ не онѣ сами, а шепотъ нѣжности, бурные порывы страстей.

Чтобъ стать на твердую почву, мы сперва должны безпощадно разложить подобныя метафоры, освященныя давнишнимъ употребленіемъ. Шепотъ?—Пожалуй,—но не шепотъ нѣжности. Порывы?—Да, но не порывы страсти. И точно, въ музыкѣ мы находимъ одно безъ другаго: она можетъ шептать, замирать, гремѣть, порываться, но любовь и гнѣвъ въ нее вноситъ наше собственное сердце.

Изображеніе опредѣленнаго чувства или страсти вовсе недоступно музыкѣ. Дѣло въ томъ, что эти чувства въ душѣ человѣка вовсе не такъ независимы, изолированы, чтобы возможно было ихъ искусственно выдѣлить. Они, напротивъ того, въ прямой связи съ разными физіологическими и патологическими особенностями, они обусловливаются разными представленіями, сужденіями, т. е. цѣлою областью разумнаго и разсудочнаго мышленія, которому такъ охотно противопоставляютъ область чувства.

Чѣмъ собственно опредѣляется и характеризуется извѣстное чувство: любовь, надежда, грусть? Своею ли силой, напряженностью, порывистостью? Ясно, что нѣтъ. Всѣ эти степени и состоянія могутъ быть оди-

наклы при различныхъ чувствахъ и могутъ смѣняться въ одномъ и томъ же чувствѣ, судя по времени и по обстоятельствамъ. Только на основаніи извѣстныхъ—пожалуй, безсознательныхъ—представленій, мы можемъ дойти до того душевнаго состоянія, которое мы называемъ чувствомъ.

Чувство надежды нераздѣльно отъ представленія о будущемъ счастьи и отъ сравненія его съ настоящимъ положеніемъ; грусть сравниваетъ прошлое благополучіе съ настоящею безотрадностью—все это понятія точныя, опредѣленныя. Безъ этой умственной, разсудочной подкладки невозможно назвать данное настроеніе надеждой или грустью; остается только общее ощущеніе удовлетворенія или недовольства.

Любовь немыслима безъ любимаго предмета, безъ желаній и стремленій, которыя имѣютъ цѣлью *этотъ* именно предметъ. Не размѣры душевнаго движенія, а его корень, его дѣйствительное, историческое содержаніе, опредѣляетъ его какъ любовь или ненависть. Въ динамическомъ отношеніи, это чувство можетъ быть тихо или бурно, порывисто или спокойно, но все-таки останется любовью. Одно это ясно указываетъ, что музыка можетъ выразить всѣ эти прилагательныя, но не само существительное—любовь. Опредѣленное чувство (страсть, аффектъ) не можетъ существовать безъ дѣйствительнаго содержанія, а это содержаніе можно выразить, только подводя его подъ общія понятія. Музыка же, какъ языкъ неопредѣленный, общихъ понятій изображать не въ состояніи; не ясно ли послѣ этого, что въ ней нельзя искать опредѣленныхъ чувствъ?

Какимъ образомъ музыка тѣмъ не менѣе *можетъ* (но отнюдь не *должна*) возбуждать нѣкоторыя чувства, мы разберемъ впослѣдствіи, когда будетъ рѣчь о ея субъективномъ воздѣйствіи, а покуда ограничимся лишь вопросомъ о ея содержаніи.

Намъ кажется, что музыка, свойственными ей средствами, вполнѣ можетъ изображать извѣстный кругъ представленій. На первомъ же ряду являются всѣ представленія, основанныя на ощутимыхъ измѣненіяхъ силы, движенія, пропорціи, какъ, напримѣръ, представленіе возрастанія, замиранія, стремленія, замедленія, представленіе мѣрнаго движенія, сплетенія и т. п.

Далѣе, мы можемъ назвать художественное впечатлѣніе музыки—ласкающимъ, нѣжнымъ, бурнымъ, сильнымъ, изящнымъ, освѣжающимъ, потому что всѣ эти представленія могутъ найти соотвѣтствующее, чувственное выраженіе въ сочетаніи звуковъ. Мы можемъ всѣ эти эпитеты непосредственно прилагать къ музыкальнымъ явленіямъ, отвлекаясь отъ ихъ значенія для выраженія душевныхъ состояній, но постоянно должны имѣть въ виду это различіе.

Представленія, изображаемыя композиторомъ, прежде всего чисто музыкальныя. Въ его воображеніи возникаетъ опредѣленная мелодія. Она ничего не представляетъ, кромѣ себя самой. Но всякое конкретное явленіе наводитъ насъ на то высшее понятіе, которое оно намъ представляетъ въ

частности, и такъ далѣе и далѣе, до абсолютно-общей идеи; то же самое мы встрѣчаемъ и въ музыкѣ. Такъ, напримѣръ, это нѣжное, гармонично-звучащее адажіо намъ невольно рисуетъ представленіе нѣжнаго, гармоничнаго вообще. Болѣе широкая фантазія, связующая всѣ идеи художественной красоты съ внутренней душевной жизнью, найдетъ въ немъ выраженіе тихой покорности судьбѣ, а можетъ быть и намекъ на вѣчное успокоеніе въ лучшемъ мірѣ.

Есть представленія, которыя находятъ полное свое выраженіе въ звукахъ, а, между тѣмъ, не могутъ назваться чувствами; точно также есть чувства на столько сложныя, что ихъ невозможно свести на представленія, доступныя музыкѣ.

Что же такое доступно музыкѣ изъ области чувствъ? Только ихъ *динамическая* сторона. Она можетъ изображать переходы душевнаго состоянія по ихъ моментамъ быстроты, замедленія, усиленія, ослабѣванія, возрастанія, замиранія и т. д. Но движеніе—только свойство, моментъ чувства, а не чувство само. Музыка изображаетъ не любовь, а извѣстное движеніе, возможное и при любви, и при другомъ чувствѣ, во всякомъ случаѣ нисколько ея не характеризующее. *Любовь* — понятіе отвлеченное, точно также какъ «добродѣтель», «безсмертіе» и т. п., а излишнимъ будетъ доказывать, что музыка не можетъ выражать отвлеченныхъ понятій—это немыслимо ни для какого искусства. Только *представленія*, т. е. понятія конкретныя, могутъ служить художественнымъ содержаніемъ. Но даже представленія любви, гнѣва, страха и т. д. не могутъ быть изображаемы въ музыкальномъ произведеніи, потому что между этими представленіями и сочетаніями звуковъ нѣтъ прямой связи; одинъ только ихъ моментъ можетъ быть выраженъ вполнѣ,—моментъ движенія, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова (какъ напримѣръ, возрастаніе и замираніе отдѣльнаго звука можно также подвести подъ понятіе движенія).

Кромѣ того, музыка можетъ вызывать извѣстныя настроенія, пользуясь своими составными элементами, тонами, аккордами, тэмбрами, которые сами по себѣ носятъ опредѣленный характеръ, отнюдь не символическій, какъ полагали нѣкоторые ученые (въ томъ числѣ и Шубертъ), но чисто реальный, подобно колориту въ живописи.

Другими средствами музыка не располагаетъ.

Мы можемъ это пояснить примѣромъ: какія чувства или аффекты мы находимъ, напр., въ увертюрѣ «Прометея» Бетговена? Вотъ, что прежде всего поражаетъ вниманіе слушателя (мы говоримъ объ Allegro послѣ интродукціи): звуки перваго такта быстро и легко стремятся вверхъ и повторяются безъ измѣненій во второмъ; третій и четвертый такты представляютъ то же движеніе, съ болѣе широкимъ размахомъ, точно сильно-бьющая струя брызгами сыплетъ внизъ; четыре же послѣднихъ такта воспроизводятъ ту же фигуру, тотъ же образъ. Передъ воображеніемъ слушателя ясно обрисовывается: симметрическое отношеніе двухъ первыхъ

тактовъ между собою, такое же отношеніе этихъ двухъ тактовъ къ двумъ послѣдующимъ, наконецъ, широкою дугой, возстаетъ соотношеніе всѣхъ четырехъ первыхъ тактовъ къ четыремъ послѣднимъ. Бассъ, указывающій ритмъ, обозначаетъ начало первыхъ трехъ тактовъ однимъ ударомъ, четвертый же тактъ—двумя, точно также и въ четырехъ слѣдующихъ тактахъ. Такимъ образомъ, измѣненія въ четырехъ первыхъ тактахъ, своимъ повтореніемъ въ четырехъ послѣдующихъ, становятся симметричными и пріятно поражаютъ слухъ единствомъ въ разнообразіи.

Въ гармоніи мы опять-таки встрѣчаемъ соотношеніе большой дуги къ двумъ малымъ. Основному аккорду C-dur въ четырехъ первыхъ тактахъ соотвѣтствуютъ аккорды въ секундѣ въ пятомъ и шестомъ, потомъ аккорды квинты-сексты въ седьмомъ и осьмомъ тактахъ. Это соотвѣтствіе между мелодіей, ритмомъ и гармоніей создаетъ строго симметричную и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразную картину, еще богаче окрашенную тэмбрами различныхъ инструментовъ и различіемъ въ силѣ самаго звука.

Инаго содержанія, кромѣ вышеизложеннаго, мы не найдемъ въ этой темѣ; еще менѣе удастся намъ назвать то *чувство*, которое она должна возбуждать въ слушателяхъ. Такой мелочно-строгій анализъ превращаетъ цвѣтущее тѣло въ скелетъ, но за то, вмѣстѣ съ красотой, убиваетъ возможность ложныхъ толкованій.

Къ подобнымъ же выводамъ мы придемъ, разбирая всякій другой мотивъ инструментальной музыки. Многочисленный разрядъ знатоковъ этого искусства ставитъ въ серьезный упрекъ т. н. «классической музыкѣ», что она пренебрегаетъ аффектами. Они прямо заявляютъ, что во всѣхъ 48-ми фугахъ и прелюдіяхъ I. C. Баха (Wohltemperirtes Clavier) невозможно доискаться *чувства*, дающаго имъ содержаніе. Прекрасно,—это одно можетъ служить доказательствомъ, что музыка не *должна* обязательно возбуждать или выражать какія либо чувства. Въ противномъ случаѣ, не имѣла бы смысла вся обширная область «фигуральной» музыки (Figuralmusik); но когда, для подтвержденія теоріи, приходится вычеркивать цѣлыя отрасли искусства, съ твердыми историческими и эстетическими основами, можно смѣло сказать, что теорія ложна.

Но воззрѣнія, опровергаемыя нами, такъ вошли въ плоть и кровь всѣхъ эстетическихъ изслѣдованій, что приходится искоренять и дальнѣйшія ихъ развѣтвленія. Сюда относится мнѣніе, что можно изображать звуками предметы видимые или невидимые, но недоступные слуху. Когда рѣчь идетъ о т. н. «живописи звуками», ученые критики мудро оговариваются, что музыка не въ состояніи намъ передать само явленіе, а только чувства, имъ возбуждаемыя. На дѣлѣ же выходитъ наоборотъ. Музыка можетъ подражать внѣшнему явленію, но никогда ей не удастся передать опредѣленнаго чувства, которое оно въ насъ вызываетъ. Мягкое паденіе снѣжныхъ хлопьевъ, порханье птицъ, восхожденіе солнца можно изобразить звуками, только возбуждая въ слушателѣ аналогичныя впечатлѣнія,

динамически сходныя съ вышеприведенными явленіями. Высота, сила, быстрота, мѣрная послѣдовательность звуковъ могутъ возбудить въ насъ слуховые образы, до нѣкоторой степени напоминающіе впечатлѣнія, воспринимаемыя другими чувствами. Такъ какъ между движеніемъ во времени и въ пространствѣ, между окраской, тонкостью, величиной предмета—съ одной стороны, и высотой, тэмбромъ, силой звука—съ другой, существуетъ дѣйствительная, а не условная аналогія, то возможно, въ нѣкоторой мѣрѣ, предметы изображать звуками; но всѣ сложные оттѣнки чувства, которые эти предметы въ насъ могутъ пробудить, музыкѣ положительно недоступны.

Точно также отрицательно намъ придется отнестись къ мнѣнію, что музыка хотя выражаетъ чувства, но только *неопредѣленныя*. Но чувство неопредѣленное не можетъ служить художественнымъ содержаніемъ; искусство прежде всего имѣетъ дѣло съ формой; первая его задача состоитъ въ обособленіи, въ индивидуализаціи, въ выдѣленіи опредѣленнаго изъ неопредѣленнаго, частнаго изъ общаго.

Мы съ намѣреніемъ ссылаемся на примѣры изъ инструментальной музыки: она одна являетъ намъ музыкальное искусство въ его чистотѣ. То, что недоступно музыкѣ инструментальной, недоступно музыкѣ вообще. Какое бы предпочтеніе не отдавали иные любители музыкѣ вокальной, они не могутъ отрицать, что въ нее входятъ и посторонніе элементы, что дѣйствіе ея основывается не на одномъ сочетаніи звуковъ. Говоря о содержаніи музыки, мы даже оставляемъ въ сторонѣ всѣ произведенія, написанныя на опредѣленную программу или даже съ тенденціозными заглавіями. Соединеніе музыки съ поэзіей можетъ усилить могущество первой, но не расширить ея границъ.

Вокальная музыка намъ представляетъ слитное произведеніе, изъ котораго уже нѣтъ возможности выдѣлить тотъ или другой факторъ. Когда рѣчь идетъ о дѣйствіи поэзіи, никому и въ голову не придетъ привести въ примѣръ оперу. Такой же разборчивости и опредѣлительности требуетъ и музыкальная эстетика.

Вокальная музыка только окрашиваетъ рисунокъ текста. Она можетъ придать почти неотразимую силу словамъ посредственнаго стихотворенія, но, тѣмъ не менѣе, содержаніе дано словами, а не звуками. Рисункомъ, а не колоритомъ опредѣляется изображаемый предметъ. Обращаемся къ самому слушателю и къ его способности отвлеченія. Пусть онъ себѣ вообразитъ любую драматическую арію отдѣльно отъ ея словъ. При этихъ условіяхъ въ мелодіи, выражающей, напр., гнѣвъ и ненависть, врядъ ли можно будетъ найти что-нибудь иное, кромѣ сильнаго душевнаго движенія; къ ней точно также подойдутъ слова страстной любви, т. е. прямая противуположность первоначальнаго текста.

Въ то время, когда знаменитая арія Орфея:

«J'ai perdu mon Eurydice,
Rien n' égale mon malheur»

дсводила до слёзъ тысячи слушателей (въ томъ числѣ такихъ знатоковъ, какъ Руссо), одинъ изъ современниковъ Глюка, Бойэ (Boyé), весьма справедливо замѣтилъ, что, безъ малѣйшаго ущерба, даже съ нѣкоторой выгодой для мелодіи, можно было бы слова замѣнить слѣдующими:

«J'ai trouvé mon Eurydice,
Rien n' égale mon bonheur».

Конечно, тутъ вина отчасти лежитъ и на композиторѣ; музыка можетъ гораздо ближе подойти къ выраженію печали и горести, но мы выбрали этотъ примѣръ изъ сотни другихъ, во-первыхъ, потому, что тутъ дѣло идетъ о художникѣ, который ставилъ себѣ задачей—по возможности соображать музыку съ текстомъ, и, во-вторыхъ, потому, что тутъ нѣсколько поколѣній видѣли въ этой *мелодіи* выраженіе глубочайшей горести, изображенной въ ея словахъ.

Но и въ другихъ, гораздо болѣе законченныхъ и характерныхъ произведеніяхъ мы, независимо отъ текста, только смутно можемъ догадываться о чувствѣ, которое они выражаютъ. Винтерфельдъ доказалъ, что Гендель заимствовалъ многія изъ замѣчательнѣйшихъ и величавѣйшихъ мелодій своего «Мессіи» изъ любовныхъ дуэтовъ, которые онъ сочинилъ (1711—1712) для принцессы Каролины Ганноверской на слова мадригаловъ Мауро Ортензіо. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, стоитъ сравнить 2-й дуэтъ, начинающійся словами:

«No, di voi non vò fidarmi
Cieco amor, crudel beltà
Troppo siete menzognere
Lusinghiere deità!»

съ знаменитымъ хоромъ «Denn uns ist ein Kind geboren». Мотивъ третьей строфы этого мадригала «So per prova i vostri inganni» мы встрѣчаемъ безъ измѣненій въ хорѣ II части «Мессіи»: «Wie Schafe gehen». Мадригалъ № 16 (дуэтъ для сопрано и для альта) почти не разнится отъ дуэта въ III части «Мессіи»; первоначальныя же его слова были:

«Se tu non lasci amore,
Mio cor, ti pentirai,
Lo so ben io!»

Изъ этого явствуетъ, что вокальная музыка, непригодная для опредѣленія теоріи, и на практикѣ не можетъ опровергать заключеній, выведенныхъ нами изъ разбора музыки инструментальной.

Извѣстный долголѣтній споръ «глюкистовъ» и «пиччинистовъ» потому именно имѣетъ важное значеніе въ исторіи искусства, что впервые поднялъ вопросъ о самостоятельныхъ задачахъ музыки, впервые выяснилъ противорѣчіе между составными элементами оперы—музыкальнымъ и дра-

матическимъ *). Къ сожалѣнію, споръ велся не довольно сознательно и научно-строго, чтобы дать положительные выводы. Правда, что даровитѣйшіе люди того времени, Сюаръ и аббатъ Арно—на сторонѣ Глюка. Мармонтель и Ла-Гарпъ—противъ него, нѣсколько разъ пытались возвыситься отъ частной критики его произведеній до принципіальнаго вопроса объ отношеніи драматическаго искусства къ музыкальному; но они къ нему обращались случайно, видя въ немъ одну изъ особенностей оперы, а не основное ея условіе. Они и не догадывались, что отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ само существованіе оперы. Однако, любопытно видѣть, какъ близко подходили къ правильной его постановкѣ нѣкоторые изъ противниковъ Глюка. Такъ, Ла-Гарпъ въ своемъ «Journal de Politique et de Littérature», за 5 октября 1777 г., говоритъ, по поводу «Альцесты» Глюка:

«Мнѣ возразятъ, что неестественно пѣть арію въ минуту высшаго разгара страсти, что черезъ это замедляется ходъ дѣйствія и уничтожается эффектъ. — Я эти возраженія считаю вполнѣ несостоятельными. Если уже допускать пѣніе, нужно отъ него требовать высшаго совершенства; развѣ болѣе естественно пѣть плохо, чѣмъ пѣть хорошо? Всѣ искусства носятъ въ себѣ долю условнаго. Я въ оперу иду, чтобъ слушать музыку. Мнѣ хорошо извѣстно, что Альцеста не прощалась съ Адметомъ, распѣвая арію; но, такъ какъ Альцеста является на театрѣ для того, чтобы пѣть, если она выражаетъ свое горе и свою любовь мелодическими звуками, я буду наслаждаться ея пѣньемъ и сочувствовать ея несчастію».

Но самъ Ла-Гарпъ не сознавалъ, на какую твердую почву онъ ступилъ. Немного спустя, онъ осуждаетъ дуэтъ изъ «Ифигеніи» между Ахиллесомъ и Агамемнономъ на томъ основаніи, что «несовмѣстно съ достоинствомъ этихъ двухъ героевъ говорить за-разъ и другъ друга перебивать». Этими словами онъ безсознательно отрекся отъ точки зрѣнія музыкально-прекраснаго и призналъ основной принципъ своего противника.

Но если этотъ принципъ проводить послѣдовательно, если въ оперѣ постоянно подчинять музыкальное искусство драматическому, мы этимъ самымъ уничтожаемъ оперу и неизбѣжно возвращаемся къ простой драмѣ. Въ художественной практикѣ эта истина часто брала верхъ надъ противорѣчащими ей теоріями. Строгій драматистъ Глюкъ хотя и отстаивалъ ложеученіе, что оперная музыка должна быть только идеализованною де-

*) Въ наше время за этотъ вопросъ съ жаромъ ухватился Рихардъ Вагнеръ. Особливо въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ онъ даетъ рѣшительный перевѣсъ драматическому принципу въ ущербъ музыкальному; съ его точки зрѣнія, лучшей его оперой должно считать „Тристана и Изольду“, мы же несравненно выше ставимъ „Таннгейзера“, въ которомъ композиторъ хотя и далеко не возвысился до точки зрѣнія чисто музыкальной красоты, но, по крайней мѣрѣ, *завѣдомо* не отрекается отъ нея.

кламаціей, однако, на дѣлѣ, почти всегда слѣдовалъ внушеніямъ своей музыкальной натуры, что́ и составляетъ великое достоинство его произведеній. Тоже самое можно сказать и о Рихардѣ Вагнерѣ. Для насъ важно только опровергнуть теоретическое положеніе, высказанное Вагнеромъ въ первомъ томѣ его сочиненія «Опера и Драма». Вотъ подлинныя его слова: «Ошибка оперы, какъ отдѣльнаго вида музыкальнаго искусства, состоитъ въ томъ, что обыкновенно средство (музыку) принимаютъ за цѣль, а цѣль (драма) становится средствомъ».—По нашему же мнѣнію, опера, въ которой музыка только служитъ подспорьемъ драматическому выраженію, совершенно лишена художественнаго смысла.

Какъ объяснить, что въ любой аріи малѣйшее измѣненіе въ мотивѣ, нисколько не ослабляющее драматической выразительности словъ, совершенно уничтожаетъ красоту мелодіи? Съ точки зрѣнія теоріи, ставящей чувство въ основу музыки, это было бы невозможно. Въ чемъ же искать принципа музыкальной красоты, если устранить чувства и ихъ выраженіе?

Въ совершенно независимомъ элементѣ, которымъ мы сейчасъ займемся.

III.

До сихъ поръ мы разбирали только отрицательную сторону вопроса и старались опровергнуть распространенное мнѣніе, что эстетическое содержаніе музыки состоитъ въ изображеніи чувствъ.

Теперь мы должны заняться вопросомъ о сущности прекраснаго въ музыкальныхъ произведеніяхъ.

Это прекрасное есть *исключительно музыкальное*. Оно заключается въ самихъ звукахъ и ихъ художественномъ сочетаніи и, такимъ образомъ, независимо отъ содержанія, влагаемаго извнѣ. Гармоническое вліяніе звуковъ, правильная смѣна однихъ другими, переливы и переходы ихъ отъ сильныхъ и полныхъ къ слабымъ и замирающимъ—вотъ то, что воспринимается нами, какъ прекрасное.

Основной элементъ музыки есть *созвучіе*, необходимое условіе ея существованія—*ритмъ*; ритмъ вообще, какъ соразмѣрность и стройность въ построеніи, и въ частности, какъ взаимно пропорціональное движеніе во времени. Неисчерпаемо богатый матеріалъ, изъ котораго создаетъ художникъ, заключается въ совокупности всѣхъ звуковъ, при взаимномъ сочетаніи дающихъ мелодію, гармонію и ритмъ. Основу музыкальной красоты представляетъ *мелодія;* безконечными превращеніями, переходами, переливами, ослабѣваніями и усиленіями звуковъ, *гармонія* даетъ вѣчно новыя настроенія; обѣими вмѣстѣ движетъ *ритмъ*, этотъ пульсъ музыкальной жизни, и всему этому даетъ колоритъ разнообразіе *тэмбра*. Этими матеріалами пользуется художникъ для выраженія *музыкальныхъ идей*. Вполнѣ развитая и выраженная, музыкальная идея уже сама по себѣ есть *прекрасное*, существуетъ самостоятельно, а совсѣмъ не средство только или матеріалъ для выраженія чувствъ и мыслей.

Содержаніе музыки составляютъ *звуковыя формы*. Какимъ образомъ музыка можетъ изображать только *прекрасныя формы*, безъ представленія содержанія, опредѣленнаго *аффекта*, намъ можетъ объяснить, при сравненіи съ пластическими искусствами, одинъ отдѣлъ орнаментики — *арабески*. Передъ вашими глазами разбросаны тысячи линій, то мягко опускающихся, то смѣло стремящихся вверхъ; одна сталкивается съ другою, снова отдѣляется отъ нея, капризно извивается и, въ то же время, строго соотвѣтствуетъ другимъ. Эти частности, изящныя сами по себѣ, хотя съ перваго взгляда несоразмѣрныя, составляютъ одно художественное цѣлое. Представьте себѣ теперь, что вы видите арабеску, не высѣченную изъ камня, а живую, непрерывно образующуюся; эта живая арабеска будетъ несравненно привлекательнѣе мертвой, неподвижной; развѣ впечатлѣніе отъ такого произведенія не будетъ близко къ тому, которое мы получаемъ отъ музыкальной піесы? Каждаго изъ насъ, въ дѣтствѣ, занимала, конечно, игра фигуръ и красокъ въ *калейдоскопѣ*. Музыка — такой же калейдоскопъ, только неизмѣримо болѣе изящный и сложный. Она также представляетъ постоянную смѣну формъ и цвѣтовъ, но все въ строгой соразмѣрности и симметріи. Главное отличіе то, что этотъ калейдоскопъ звуковъ есть непосредственное произведеніе художественно-творческаго генія, а калейдоскопъ цвѣтовъ — только забавная механическая игрушка.

Если какой-нибудь цѣнитель музыки найдетъ, что искусство унижается аналогіями, подобно только-что приведенной, то мы возразимъ, что тутъ весь вопросъ въ томъ, вѣрна ли аналогія. Мы выбрали сравненіе съ калейдоскопомъ потому, что оно поясняетъ присущее музыкѣ свойство движенія, развитія во времени. Конечно, для музыкально-прекраснаго можно подыскать и другія, болѣе достойныя и высокія аналогіи, напр., въ архитектурныхъ произведеніяхъ, въ человѣческомъ тѣлѣ, въ ландшафтѣ, которыя также обладаютъ красотой формъ и очертаній, хотя и неподвижной, неизмѣнчивой.

Если до сихъ поръ не хотятъ признать, что красота заключается въ музыкальныхъ формахъ, то причина этому лежитъ въ ложномъ пониманіи *чувственнаго*, которому старые эстетики противопоставляютъ *нравственное*, Гегель—*идею*. Каждое искусство созидается изъ чувственныхъ элементовъ и пользуется ими для своего развитія. Теорія, признающая задачей музыки изображеніе и возбужденіе чувствъ, не допускаетъ этого и, пренебрегая чисто слуховыми воспріятіями, прямо переходитъ къ чувству. Музыка создана для сердца, а не для уха, говоритъ она.

Конечно, Бетговенъ писалъ свои произведенія, не имѣя въ виду того, что они называютъ ухомъ, т. е. лабиринта или барабанной перепонки, но воображеніе, которое наслаждается звуковыми фигурами, прелестной мелодіей, воспринимаетъ ихъ посредствомъ слуховыхъ органовъ.

Говорить о самостоятельной красотѣ музыки, изображать словами это «исключительно музыкальное» чрезвычайно трудно. Такъ какъ содержаніе музыки заключается въ самихъ звукахъ и ихъ группировкѣ, а не берется извнѣ, то описывать его можно или сухими, техническими выраженіями, или поэтическими сравненіями. Ея царство, въ самомъ дѣлѣ, «не отъ міра сего». Всѣ поэтическія описанія, характеристики, сравненія какого-нибудь музыкальнаго произведенія или иносказательны или ошибочны. То, что для произведеній другихъ искусствъ—описаніе, для музыки будетъ уже метафорой.

Но нельзя понимать подъ этимъ исключительно-музыкальнымъ только акустическую красоту, пропорціональность, симметрію звуковъ, еще менѣе возможно смотрѣть на него только какъ на пріятное щекотаніе уха. Мы ничуть не думаемъ исключать духовнаго содержанія, постоянно указывая на музыкальную красоту; мы не признаемъ возможности красоты безъ этого содержанія. Говоря, что прекрасное въ музыкѣ существенно заключается въ звукахъ, мы этимъ самымъ только указываемъ на тѣсную связь духовнаго содержанія съ этими звуковыми формами. Понятіе «формы» имѣетъ въ музыкѣ особое значеніе. Формы, образуемыя звуками, не пустыя, а, такъ сказать, наполненныя, не простое ограниченіе пространства, а проявленіе и выраженіе духа. Такимъ образомъ, музыка такое же изображеніе, какъ и арабески, но содержанія его мы не можемъ выразить словами и подвести подъ наши общія понятія и опредѣленія. Въ музыкѣ есть свой смыслъ, своя логика и послѣдовательность, но *музыкальныя*. Музыка — особый языкъ, который мы понимаемъ и на которомъ говоримъ, но котораго мы не въ состояніи перевести. Мы говоримъ о *мысли* извѣстнаго музыкальнаго произведенія, и опытное сужденіе можетъ здѣсь, какъ и въ обыкновенной рѣчи, отличить стройную мысль отъ пустой фразы. Логически законченную группу звуковъ мы называемъ *предложеніемъ* (Satz). Мы чувствуемъ здѣсь, какъ во всякомъ логически построенномъ періодѣ, гдѣ онъ начинается и гдѣ оканчивается, хотя содержаніе обоихъ вполнѣ несоизмѣримо.

Разумное начало, руководящее образованіемъ и развитіемъ музыкальныхъ формъ, опирается на основныхъ, естественныхъ законахъ, которые природа вложила въ организацію человѣка и во внѣшнія явленія звука. Основной законъ гармонической прогрессіи, хотя самъ по себѣ очень мало выясненный, даетъ возможность объяснить многія музыкальныя отношенія.

Всѣ музыкальные элементы находятся въ основанныхъ на естественныхъ законахъ тѣсной связи и сродствѣ между собою. Эта связь, обнимающая и ритмъ, и гармонію, и мелодію, требуетъ отъ музыкальныхъ произведеній строгаго подчиненія себѣ. Все, что противорѣчитъ ей, не можетъ быть прекраснымъ. Она понятна, хотя можетъ быть инстинктивно, а не въ строго-научной формулѣ, каждому развитому уму. Она непо-

средственно отличить естественное и разумное отъ неестественнаго, безсмысленнаго, хотя логическія понятія не даютъ намъ для этого никакого критерія. Этою внутреннею разумностью, присущею системѣ звуковъ, обусловливается дальнѣйшая возможность выражать положительно прекрасное. Своимъ богатствомъ, разнообразіемъ и гибкостью музыкальный матеріалъ представляетъ широкое поле дѣятельности для творческой фантазіи. Такъ какъ сочетаніе звуковъ, дѣлающее на насъ впечатлѣніе музыкально-прекраснаго, является не слѣдствіемъ механическаго ихъ подбора, а результатомъ свободнаго творчества фантазіи художника, то всѣ ея особенности, вся духовная сила сообщается произведенію и налагаетъ на него свою печать. Какъ выраженіе дѣятельности мыслящаго и чувствующаго существа, конечно, и композиція будетъ осмыслена и прочувствована. Отъ каждаго музыкальнаго произведенія мы будемъ требовать этого духовнаго содержанія, но оно должно заключаться въ самыхъ звуковыхъ сочетаніяхъ. Наше воззрѣніе на мысль и чувство, заключающіяся въ музыкальномъ произведеніи, относятся къ общераспространенному мнѣнію, какъ понятія *имманентности* и *трансцендентности* между собою.

Задача каждаго искусства—выражать идеи, зародившіяся въ фантазіи художника. Эти идеи въ музыкѣ суть чисто *звуковыя*, недоступныя разсудочному пониманію, передаваемыя только звуками. Композиторъ работаетъ не для того, чтобы музыкой выразить извѣстную страсть, а чтобы передать извѣстную мелодію, которая зародилась въ тѣхъ тайникахъ его души, куда не можетъ проникнуть человѣческій взоръ. Созданная мелодія насъ плѣняетъ сама по себѣ, какъ арабеска, какъ красота произведеній природы, какъ дерево или цвѣтокъ, а не потому, что она болѣе или менѣе вѣрно выражаетъ какое либо чувство, взятое извнѣ. Нѣтъ теоріи болѣе ошибочной, какъ та, которая раздѣляетъ музыкальныя произведенія на произведенія съ содержаніемъ и безъ содержанія. Извѣстная музыкальная мысль или глубока или пошла уже сама по себѣ. Чудный мотивъ, полный силы и достоинства, становится грубымъ или безцвѣтнымъ, если перемѣнить въ немъ двѣ-три ноты. Мы съ полнымъ правомъ называемъ такую-то піесу величественной, граціозной, продуманной или безсмысленной, тривіальной; но всѣ эти выраженія означаютъ только музыкальный характеръ даннаго сочиненія. Для характеристики извѣстнаго мотива мы выбираемъ часто сравненія изъ нашей психической жизни, какъ-то: гордый, нѣжный, пылкій, стремительный и т. п. Но мы можемъ ихъ точно также взять изъ другаго круга явленій и назвать музыку свѣжей, туманной, холодной и т. п. Такимъ образомъ, чувство служитъ только сравненіемъ для объясненія характера извѣстнаго мотива.

Точное изслѣдованіе музыкальной темы можетъ показать намъ нѣсколько ближайшихъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ *выраженіе* музыкальнаго произведенія. Каждый, порознь взятый музыкальный элементъ (т. е. каждый тэмбръ, ритмъ, интервалъ, аккордъ) имѣетъ свою

особую физіономію, дѣйствуетъ по своему. Одна и та же тема носитъ различный характеръ въ трезвучіяхъ и въ аккордахъ сексты. Развитіе мотива въ септимѣ отличается отъ того же мотива, написаннаго въ секстѣ. Различный ритмъ, аккомпаниментъ, различный тэмбръ инструментовъ совершенно измѣняютъ общій колоритъ. Однимъ словомъ, каждый отдѣльный музыкальный факторъ неизбѣжно обусловливаетъ то или другое выраженіе, способствуетъ тому, что произведеніе дѣйствуетъ на слушателя такъ, а не иначе. То, что музыку Галеви дѣлаетъ странною, музыку Обера—граціозною, что производитъ тѣ особенности, по которымъ мы тотчасъ узнаемъ Мендельсона, Шпора,—все это можно объяснить чисто музыкальными отношеніями, безъ ссылки на загадочное «чувство». Почему аккорды квинтъ-сексты, сжатыя діатоническія темы Мендельсона, хроматика и энгармоника Шпора, короткій двучленный ритмъ Обера и т. д. производятъ именно это, а не иное впечатлѣніе — на этотъ вопросъ не можетъ, конечно, отвѣтить ни физіологія, ни психологія.

Если отыскивать ближайшую, опредѣляющую причину (а это для искусства всего важнѣе), то, конечно, страстное впечатлѣніе, производимое извѣстными мотивами, зависитъ не отъ предполагаемаго глубокаго страданія композитора, а отъ чрезмѣрно большихъ интерваловъ, не отъ волненія его души, а отъ *тремоло*. Связь душевнаго состоянія съ этими внѣшними выраженіями, конечно, нельзя игнорировать, напротивъ, ее нужно изслѣдовать, но всегда помнить, что для *научнаго изслѣдованія* доступны только эти объективные, музыкальные факторы, а не предполагаемое настроеніе духа композитора.

Возможно, что ваше сужденіе будетъ и вѣрно, если вы станете объяснять впечатлѣніе музыкальной піесы этимъ настроеніемъ, но только вы тогда, такъ сказать, сдѣлаете скачекъ черезъ самый важный членъ дедукціи, т. е. самую музыку.

Практическое знаніе свойствъ и качествъ каждаго музыкальнаго элемента или инстинктивно или сознательно присуще каждому талантливому композитору. Но для научнаго объясненія ихъ дѣйствія, впечатлѣнія, производимаго ими, необходимо *теоретическое* знаніе этихъ свойствъ—какъ цѣлой группы элементовъ, такъ и каждаго порознь. Опредѣленное впечатлѣніе, производимое мелодіей, не «таинственное, необъяснимое чудо», которое мы только «смутно чувствуемъ», а необходимое слѣдствіе сочетанія извѣстныхъ музыкальныхъ факторовъ. Сжатый или широкій ритмъ, діатоническое или хроматическое развитіе темы, — все это имѣетъ свою характеристическую физіономію, все это дѣйствуетъ на насъ по своему. Образованный музыкантъ получитъ гораздо болѣе ясное представленіе о выраженіи извѣстной піесы, если ему скажутъ, что въ ней преобладаютъ уменьшенные аккорды септимы и тремоло, чѣмъ отъ цвѣтистаго описанія чувствъ, наполняющихъ разскащика при ея исполненіи.

Изслѣдованіе природы каждаго музыкальнаго элемента и его связи съ опредѣленными впечатлѣніями, далѣе, подведеніе этихъ отдѣльныхъ наблюденій подъ общіе законы составило бы основанія философіи музыки, къ чему стремятся многіе писатели, не объясняя хорошенько, что они подъ этимъ подразумѣваютъ. Но психическое и физическое воздѣйствіе отдѣльнаго аккорда, ритма, интервала никогда не будетъ объяснено, если станутъ говорить: то-то означаетъ красный цвѣтъ, это — зеленый, или: то-то означаетъ надежду, это — негодованіе и т. п. Научное пониманіе этихъ явленій возможно только при подведеніи отдѣльныхъ музыкальныхъ качествъ подъ общія эстетическія категоріи, а этихъ послѣднихъ подъ одинъ высшій принципъ. Если бы, такимъ образомъ, каждый музыкальный факторъ былъ объясненъ порознь, нужно бы было показать, какъ они опредѣляютъ и измѣняютъ другъ друга въ различныхъ комбинаціяхъ.

Многіе изъ ученыхъ музыкантовъ приводятъ гармонію и контрапунктный аккомпаниментъ въ особую связь съ содержаніемъ произведеній. Очевидно, что это очень поверхностное мнѣніе. Мелодію опредѣлили, какъ вдохновеніе генія, и приписали ей способность вліять на чувства, при этомъ итальянцы удостоились милостивой похвалы; мелодіи противопоставили гармонію и, считая ее результатомъ изученія и размышленія, навязали ей задачу выражать *духовное* содержаніе. Удивительно, какъ могли такъ долго довольствоваться такими туманными воззрѣніями. Доля правды, конечно, заключается въ этихъ взглядахъ, но они совершенно невѣрны, если видѣть въ этомъ общій и непреложный законъ. Гармонія и мелодія одновременно, рука объ руку, возникаютъ въ умѣ композитора. Онѣ не подчинены одна другой и не исключаютъ одна другую. То онѣ обѣ идутъ рядомъ, то уступаютъ мѣсто одна другой, и въ каждомъ изъ этихъ случаевъ можетъ быть достигнута высшая степень музыкальной красоты. Развѣ гармоніей (которой тутъ вовсе и нѣтъ) обусловливается выраженіе глубокой мысли въ увертюрѣ «Коріолана» Бетговена или въ «Гебридахъ» Мендельсона? Развѣ тема Россини «О Матильда» или какая-нибудь неаполитанская аріэтка сдѣлаются содержательнѣе, если подобрать къ нимъ рядъ сложныхъ аккордовъ или «basso continuo». Нѣтъ, мелодія и гармонія создаются вмѣстѣ, съ извѣстнымъ ритмомъ и для извѣстныхъ инструментовъ. Духовное содержаніе можно приписывать только суммѣ этихъ факторовъ, и потому измѣненіе одного изъ нихъ портитъ впечатлѣніе цѣлаго. Иногда преобладаніе мелодіи или гармоніи только усиливаетъ впечатлѣніе, и было бы педантизмомъ видѣть въ иномъ случаѣ все достоинство произведенія только въ аккордахъ, въ другомъ же ихъ отсутствію приписывать всѣ его недостатки. Вѣдь камелія не имѣетъ запаха, лилія не окрашена яркими цвѣтами, роза дѣйствуетъ на обоняніе и на зрѣніе — и, однако, каждый изъ этихъ цвѣтковъ прекрасенъ.

И такъ, философія музыки должна бы изслѣдовать каждый музыкальный элементъ и психическое вліяніе, имъ производимое, а также связь

этихъ элементовъ между собою. Это—задача въ высшей степени трудная, но разрѣшимая, въ *извѣстной мѣрѣ*; нельзя ожидать отъ «точной музыки» такого же совершенства, какого достигли химія или физика. Актъ музыкальнаго творчества даетъ намъ возможность глубже заглянуть въ особенности принципа музыкальной красоты. Музыкальная идея возникаетъ въ воображеніи композитора въ простой формѣ, онъ развиваетъ ее далѣе, обогащая разнообразіемъ новыхъ звуковыхъ сочетаній, и незамѣтно передъ нимъ выростаетъ образъ цѣлаго произведенія въ его главныхъ формахъ. При дальнѣйшей отдѣлкѣ, онъ критически разсматриваетъ, расширяетъ, измѣняетъ только частности. О представленіи заранѣе опредѣленнаго содержанія художникъ не думаетъ. Если же онъ становится на эту ложную точку зрѣнія, то является переводъ опредѣленной программы въ звуки, которые остаются непонятными безъ этой программы. Мы не хотимъ уничтожить блестящаго таланта Берліоза, если приведемъ его здѣсь въ примѣръ. За нимъ слѣдуетъ Листъ, съ своими несравненно болѣе слабыми «Симфоническими поэмами».

Подобно тому, какъ изъ одинаковыхъ кусковъ мрамора могутъ быть изваяны прелестныя и отвратительныя, грубыя фигуры, такъ и изъ звуковъ создается увертюра Бетговена или Верди. Въ чемъ ихъ различіе? Можетъ быть, одна представляетъ болѣе высокія чувства и выражаетъ ихъ правильнѣе? Нѣтъ, различіе только въ томъ, что она представляетъ болѣе прекрасныя формы. У одного композитора тема блеститъ умомъ, у другаго она отличается пошлостью; у одного разнообразная и оригинальная гармонія, у другаго она бѣдна; ритмъ у одного полонъ жизни и движенія, у другаго онъ сухъ и мертвъ, какъ военный сигналъ.

Ни въ одномъ искусствѣ формы выраженія не измѣняются такъ быстро, какъ въ музыкѣ. Модуляціи, каденцы, развитіе интерваловъ, переходы гармоніи изнашиваются на столько, въ теченіи 50-ти, даже 30-ти лѣтъ, что ни одинъ талантливый композиторъ не будетъ болѣе ими пользоваться, а будетъ стремиться къ созданію новыхъ и оригинальныхъ. О многихъ композиціяхъ, которыя въ свое время стояли выше общаго уровня, теперь можно только сказать, что когда-то онѣ были хороши. Воображеніе талантливаго композитора выберетъ изъ всѣхъ возможныхъ комбинацій звуковъ только самыя изящныя; звуковые образы будутъ результатомъ свободнаго творчества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, связаны внутреннею необходимостью. Такія произведенія мы, не задумываясь, назовемъ умными, содержательными, глубокими. Этимъ опровергается непонятный взглядъ Улыбышева, который говоритъ, что «въ инструментальной музыкѣ нельзя искать опредѣленнаго смысла, такъ какъ для композитора *смыслъ* заключается единственно въ извѣстномъ приложеніи его музыки къ опредѣленной программѣ».

Съ нашей точки зрѣнія было бы совершенно правильно назвать знаменитое «Dis» или нисходящіе унисоны въ «Аллегро» увертюры «Донъ-

Жуана» полными глубокаго смысла, но только ни въ какомъ случаѣ первое не показываетъ (какъ думаетъ Улыбышевъ) «враждебнаго отношенія Донъ-Жуана ко всему человѣческому роду» и второе не представляетъ отцовъ, мужей, братьевъ, любовниковъ и женщинъ, соблазненныхъ Донъ-Жуаномъ. Какъ ни ошибочны подобныя толкованія сами по себѣ, они дѣлаются вдвойнѣ несправедливыми по отношенію къ Моцарту, который обладалъ самою музыкальною натурой, какую только показываетъ намъ исторія искусства, превращая въ музыку все, до чего только касался. Въ симфоніи «G-moll» Улыбышевъ видитъ исторію страстной любви, представленной въ четырехъ различныхъ фазахъ. Симфонія «G-moll» только музыка, и больше ничего—этого довольно.

Музыкальными отношеніями обусловливается не только красота извѣстнаго произведенія, но на нихъ основываются законы его конструкціи. Относительно этого предмета существуетъ много шаткихъ, ошибочныхъ взглядовъ, изъ которыхъ мы здѣсь упомянемъ только объ одномъ. Эта распространенная теорія сонаты и симфоніи, возникшая на основаніи сентиментальнаго воззрѣнія на музыку. Композиторъ, говорятъ, долженъ въ отдѣльныхъ частяхъ сонаты изобразить четыре различныя душевныя состоянія, которыя однако находятся въ связи между собою. Чтобы объяснить дѣйствительно существующую связь этихъ частей и различныя дѣйствія, ими производимыя, слушателя принуждаютъ влагать въ нихъ собственныя чувства, какъ содержаніе. Такое объясненіе иногда подходитъ. очень часто не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но никогда не носитъ характера необходимости. Если же сказать, что четыре части соединены въ одно цѣлое и, по музыкальнымъ законамъ, усиливаютъ и оттѣняютъ другъ друга, то это будетъ вѣрно во всѣхъ случаяхъ. Часто приводятъ, что Бетговенъ, задумывая нѣкоторыя изъ своихъ композицій, имѣлъ въ виду извѣстныя событія или душевныя состоянія. Но Бетговенъ, какъ и всякій другой композиторъ, пользовался ими только какъ вспомогательными средствами, чтобы легче выдержать музыкальное единство настроенія. Это именно единство органически связываетъ четыре части сонаты, а не какія либо внѣшнія представленія. Для насъ безразлично, ставилъ ли себѣ Бетговенъ опредѣленныя задачи для каждаго своего сочиненія,— мы ихъ не знаемъ, онѣ потому не существенны для оцѣнки самаго произведенія. Оно само, безъ дальнѣйшихъ комментарій, даетъ все, что въ немъ заключается. Если отдѣльныя части его дѣлаютъ на насъ впечатлѣніе цѣлаго, то причина должна лежать въ чисто-музыкальныхъ отношеніяхъ *).

*) Эти строки ужаснули поклонниковъ Бетговена. Лучшимъ отвѣтомъ имъ могутъ служить слова Отто Яна (Jahn) въ его статьѣ о новомъ изданіи Бетговена (Breitkopf und Härtel). Янъ приводитъ извѣстный разсказъ Шиндлера о томъ, что Бетговенъ на вопросъ: что выражаютъ его сонаты D-moll и F-moll, отвѣтилъ: „Прочтите *Бурю* Шекспира“. Вѣроятно, говоритъ Янъ,

Возможныя недоразумѣнія мы постараемся отклонить тѣмъ, что съ трехъ сторонъ установимъ наши понятія о музыкально-прекрасномъ. Музыкально-прекрасное, въ усвоенномъ нами смыслѣ, не ограничивается только «классическимъ», не указываетъ на его превосходство надъ «романтическимъ». Оно одинаково приложимо къ Баху, какъ и къ Бетговену, къ Моцарту и къ Шуману. Наши положенія отнюдь не имѣютъ характера исключительности и односторонности. Все настоящее изслѣдованіе разсматриваетъ не то, что должно быть, а то, что есть; оно не даетъ намъ возможности вывести опредѣленный идеалъ музыкально-прекраснаго, а только показываетъ, что̀ есть прекраснаго въ каждомъ произведеніи, какъ бы несходны они ни были. Въ послѣднее время начали разсматривать художественныя произведенія въ связи съ идеями того времени, къ которому они принадлежатъ. Этой связи нельзя отрицать и въ музыкѣ. Какъ проявленіе человѣческаго духа, она должна имѣть связь съ остальными его дѣятельностями: съ созданіями поэзіи и пластическихъ искусствъ, съ политическимъ, соціальнымъ и научнымъ состояніемъ своего времени, наконецъ, съ событіями въ жизни самого автора и съ его убѣжденіями. Мы имѣемъ полное право отыскивать и преслѣдовать эту связь по отношенію къ отдѣльнымъ композиторамъ и ихъ произведеніямъ. Однако, нужно всегда помнить, что подобное изслѣдованіе зависимости — дѣло исторіи

спрашивавшій вынесъ при чтеніи твердое убѣжденіе, что „Буря“ Шекспира дѣйствуетъ на него иначе, чѣмъ на Бетговена, и не вдохновляетъ его ни на какія D-moll'ныя или F-moll'ныя сонаты. Намъ очень интересно знать, что именно эта драма могла побудить Бетговена къ такимъ созданіямъ. Но желаніе искать ихъ объясненіе въ Шекспирѣ было бы доказательствомъ отсутствія всякаго музыкальнаго пониманія. При адажіо квартета F-dur (Op. 18, № 1), Бетговенъ, говорятъ, думалъ о сценѣ въ склепѣ изъ «Ромео и Юліи». Если вы внимательно прочтете эту сцену „и будете представлять ее себѣ, слушая это адажіо, то усилите ли вы этимъ музыкальное наслажденіе, или повредите ему?»—Надписи и заглавія, даже сдѣланныя самимъ Бетговеномъ, не помогутъ существенно вникнуть въ смыслъ произведенія, напротивъ, можно опасаться, что они вызовутъ ложное толкованіе. Прекрасная соната въ Es-dur (Op. 81) носитъ, какъ извѣстно, заглавіе „Les adieux, l'absence, le retour“ и потому на нее указываютъ, какъ на блестящій примѣръ музыки, написанной на программу. „Что эти моменты изъ жизни влюбленной парочки“ говоритъ Марксъ (который, впрочемъ, не рѣшаетъ вопроса, обвѣнчаны эти влюбленные, или нѣтъ)—«предполагается само собой, но композиція намъ даетъ и доказательство“. Ленцъ видитъ въ финалѣ „двухъ любовниковъ, стремящихся другъ къ другу съ раскрытыми объятіями“. На самомъ дѣлѣ же оказывается, что Бетговенъ на оригинальной рукописи первой части сдѣлалъ замѣтку: „Прощаніе при отъѣздѣ Его Императорскаго Высочества Эрцгерцога Рудольфа, 4 мая 1809 года“. Вторая часть носитъ заглавіе „Прибытіе Его Императорскаго Высочества, Эрцгерцога Рудольфа, 30 января 1810 года“.—Мы можемъ только порадоваться, заключаетъ Янъ, что Бетговенъ обыкновенно не дѣлалъ такихъ надписей, которыя многихъ привели бы къ ложному мнѣнію, что кто понимаетъ заглавіе, пойметъ и само произведеніе. Его музыка выражаетъ все, что онъ хотѣлъ сказать.

искусства, а не эстетики. Какъ ни необходима является, съ точки зрѣнія метода, связь исторіи искусства съ эстетикой, однако каждая изъ этихъ наукъ должна сохранить свою независимость, не смѣшиваться съ другой.

Пусть историкъ, обобщая художественныя явленія, видитъ въ Спонтини «выраженіе французскаго императорства», въ Россини «политическую реставрацію»,—эстетикъ долженъ придерживаться произведеній этихъ композиторовъ, изслѣдовать, *что* въ этихъ произведеніяхъ прекрасно и *почему*. Эстетическое изслѣдованіе не знаетъ и не хочетъ знать о личныхъ обстоятельствахъ и исторической обстановкѣ композитора; оно будетъ слушать только то, вѣрить только тому, что высказываетъ само произведеніе. Оно увидитъ въ симфоніяхъ Бетговена, не зная даже имени и біографіи автора, борьбу, неудовлетворенныя стремленія, энергическій, сильный характеръ, однако оно никогда не прочтетъ въ этихъ самыхъ произведеніяхъ, что онъ былъ республиканецъ, глухъ, не женатъ и подобныя черты, о которыхъ намъ сообщаетъ исторія искусства. Сравнить міровоззрѣніе Баха, Моцарта, Гайдена, и различіемъ ихъ объяснить контрасты ихъ композицій, было бы въ высшей степени завлекательною задачей; однако, тутъ возможно тѣмъ болѣе ошибокъ, чѣмъ строже мы будемъ доказывать причинную связь. Легко можно случайныя вліянія представить какъ внутреннюю необходимость и толковать непереводимый языкъ звуковъ такъ, какъ этого хочешь, или какъ это удобнѣе.

Гегель также впалъ въ ошибку, говоря о музыкѣ: онъ незамѣтно смѣшалъ свою историческую точку зрѣнія съ чисто эстетической и приписываетъ музыкѣ такія свойства, какихъ она сама по себѣ вовсе не имѣетъ. Характеръ каждой музыкальной піесы имѣетъ, конечно, связь съ характеромъ ея автора, однако она остается неизвѣстной эстетику;—идея необходимой связи всѣхъ явленій можетъ быть доведена до каррикатурности, если мы будемъ прилагать ее конкретно во всѣхъ случаяхъ. Въ настоящее время нужно истинное геройство, чтобы выступить противъ этого направленія и сказать, что историческое пониманіе и эстетическое сужденіе—двѣ вещи разныя. Съ объективной точки зрѣнія, несомнѣнно, во-первыхъ, что характеръ выраженія въ различныхъ произведеніяхъ и школахъ обусловливается различнымъ расположеніемъ музыкальныхъ элементовъ, а во-вторыхъ, что вся красота извѣстной композиціи, будь это самая строгая фуга Баха или мечтательный ноктюрнъ Шопена—красота исключительно музыкальная.

Музыкально-прекрасное не можетъ также отождествляться съ архитектоническимъ; послѣднее представляетъ только одинъ изъ элементовъ перваго.

Многіе эстетики объясняютъ музыкальное наслажденіе удовольствіемъ отъ воспріятія правильнаго и симметричнаго. Но красота не можетъ состоять только въ одной правильности и симметріи. Самая пошлая тема можетъ быть развита вполнѣ симметрично. Симметрія есть только понятіе

объ отношеніи. Правильное расположеніе безсмысленныхъ, избитыхъ частей можно видѣть въ самыхъ плохихъ композиціяхъ. Музыкальный смыслъ требуетъ всегда *новыхъ* симметрическихъ образовъ.

Для полноты слѣдуетъ еще прибавить, что музыкальная красота не имѣетъ дѣла съ математикой. Представленія о роли математики въ музыкальныхъ произведеніяхъ у многихъ очень смѣлыя. Недовольные тѣмъ, что колебанія звуковъ, разстояніе интерваловъ, созвучія и диссонансы могутъ быть сведены на математическія отношенія, многіе думаютъ, что и красота всякаго музыкальнаго произведенія обусловливается математикой. Изученіе гармоніи и контрапункта, въ глазахъ несвѣдущихъ, представляется какой-то кабалистикой, которая даетъ правила для «вычисленія» композиціи.

Если математика и даетъ ключъ для изученія физической стороны музыки, то не нужно слишкомъ преувеличивать ея значенія для готоваго произведенія. Ни въ одной піесѣ, будь она хороша или дурна, нѣтъ математическихъ разсчетовъ. Творенія фантазіи вовсе не похожи на ариѳметическія задачи. Всѣ опыты съ монохордомъ, звуковыя фигуры Хладни, численныя отношенія интерваловъ сюда не относятся; область эстетики начинается только тамъ, гдѣ исчезаетъ значеніе этихъ элементарныхъ отношеній. Я не понимаю словъ Эрштедта (Gott in der Natur): «Достанетъ ли цѣлой жизни многихъ математиковъ, чтобы *вычислить* всѣ красоты Моцартовой симфоніи?» Что же нужно вычислить? Развѣ отношеніе колебаній каждаго тона къ слѣдующему? Или относительныя длины отдѣльныхъ періодовъ? — Мысль, духъ дѣлаетъ изъ музыки искусство и ставитъ ее выше простаго физическаго эксперимента, а мысль не подчиняется вычисленію. Математика играетъ такую же роль въ произведеніяхъ музыкальныхъ, какъ и въ произведеніяхъ другихъ искусствъ. Математика направляетъ рѣзецъ ваятеля, ею же руководствуется архитекторъ въ своихъ постройкахъ.

Часто сравнивали также музыку съ рѣчью и хотѣли примѣнить къ ней законы языка. Родство пѣнія съ рѣчью прямо бросается въ глаза, если принять во вниманіе физіологическія условія обоихъ, или ихъ общее значеніе для выраженія внутренняго состоянія человѣческимъ голосомъ. Аналогичныя отношенія здѣсь слишкомъ очевидны, чтобы стоило разбирать ихъ подробнѣе. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло о выраженіи душевнаго движенія, пѣніе, конечно, будетъ подражать вибраціямъ голоса при обыкновенной рѣчи. Что человѣкъ въ порывѣ страсти возвышаетъ голосъ, между тѣмъ, какъ спокойно говорящій проповѣдникъ понижаетъ его и т. п., не должно быть, конечно, оставлено безъ вниманія, особенно композиторомъ, пишущимъ оперу. Такихъ аналогій показалось однако мало и потому на самую музыку смотрятъ, какъ на неопредѣленный, но болѣе тонкій языкъ, и хотятъ вывести для нея законы красоты изъ природы рѣчи. Мы думаемъ, что тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ особенностяхъ какого

либо искусства, различія отъ родственныхъ областей гораздо важнѣе, чѣмъ сходства. Главное различіе здѣсь состоитъ въ томъ, что въ обыкновенной рѣчи звукъ есть только средство для выраженія, между тѣмъ какъ звуки въ музыкѣ вмѣстѣ и цѣль и средство. Всѣ музыкальные законы будутъ имѣть въ виду самостоятельное значеніе и красоту звуковъ; напротивъ, законы языка будутъ направлены на точное употребленіе звука съ цѣлью выразить извѣстную мысль.

Благодаря стремленію видѣть въ музыкѣ родъ особаго языка, возникло много ложныхъ и запутанныхъ воззрѣній. Не говоря объ операхъ Р. Вагнера, и въ маленькихъ, инструментальныхъ піескахъ мы часто встрѣчаемъ перерывы мелодіи отрывистыми каденцами, речитативами и т. п., которые, озадачивая слушателя, могутъ навести его на мысль о глубокомъ ихъ значеніи, между тѣмъ, какъ, на самомъ дѣлѣ, они не означаютъ ничего.

О новѣйшихъ композиціяхъ, въ которыхъ отъ времени до времени ритмъ прерывается загадочными вставками, усиленными контрастами, съ похвалой отзываются, «что онѣ стремятся сломать узкія рамки музыки и возвыситься до человѣческой рѣчи». Намъ такая похвала кажется весьма двусмысленной. Границы музыки совсѣмъ не узки, но рѣзко проведены, и она никогда не можетъ «возвыситься» до человѣческой рѣчи.

Это забываютъ часто наши пѣвцы, когда, въ минуты сильнѣйшаго аффекта, «говорятъ» слова и даже цѣлыя фразы, воображая, что они этимъ возвышаютъ музыку. Они не видятъ того, что переходъ отъ пѣнія къ говору есть всегда пониженіе, такъ какъ нормальный тонъ при разговорѣ всегда ниже, чѣмъ самыя низкія ноты того же голосоваго органа при пѣніи. Еще хуже, чѣмъ эти практическія слѣдствія, тѣ теоріи, которыя хотятъ заставить музыку слѣдовать законамъ построенія и развитія рѣчи. Эта попытка, сдѣланная Руссо и Рамо, въ настоящее время повторяется учениками Рихарда Вагнера.

Музыкальная эстетика должна поэтому считать одной изъ своихъ важнѣйшихъ задачъ — доказать основную разницу между сущностью музыки и рѣчи и строго проводить принципъ, что гдѣ идетъ дѣло объ исключительно музыкальномъ, аналогіи съ рѣчью не могутъ имѣть мѣста и примѣненія.*)

*) Нельзя умолчать о томъ, что одно изъ геніальнѣйшихъ и величайшихъ произведеній всѣхъ временъ способствовало своимъ блескомъ происхожденію ложной теоріи новѣйшихъ музыкальныхъ критиковъ «о внутреннемъ стремленіи музыки достичь опредѣленности человѣческой рѣчи». Мы говоримъ о 9-й симфоніи Бетговена. Она представляетъ очевидную, непроходимую грань между двумя противоположными направленіями. Тѣ музыканты, для которыхъ величавость намѣренія и значеніе отвлеченной задачи значитъ все, считаютъ 9-ю симфонію послѣднимъ словомъ музыки, между тѣмъ, какъ небольшая кучка людей, которая борется за чисто эстетическія требованія, сдерживаетъ свое удивленіе въ извѣстныхъ границахъ. Легко угадать, что здѣсь

IV.

Хотя мы опредѣлили, что задача музыкальной эстетики должна состоять въ изслѣдованіи прекраснаго, а не чувствъ, имъ возбуждаемыхъ, но однако эти послѣднія играютъ такую очевидную и важную роль въ практической жизни, что мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ. Такъ какъ не чувство, а фантазія, какъ дѣятельность чистаго созерцанія, есть тотъ органъ, для котораго и посредствомъ котораго прежде всего создается все прекрасное, то и музыкальныя произведенія представляютъ независимыя отъ нашихъ чувствъ, исключительно эстетическія созданія, которыя должны быть разсматриваемы наукою, какъ таковыя, независимо отъ второстепенныхъ условій происхожденія и вліянія.

Въ дѣйствительности, это самостоятельное художественное произведеніе является посредникомъ между композиторомъ и слушателемъ. Въ душевной жизни, художественная дѣятельность фантазіи не можетъ быть такъ выдѣлена, изолирована, какъ въ готовомъ произведеніи, лежащемъ у насъ передъ глазами. Тамъ она находится въ тѣсной связи съ ощущеніями и чувствами. Они будутъ, такимъ образомъ, имѣть громадное значеніе и *до* и *послѣ* созданія художественнаго произведенія, сначала въ композиторѣ, потомъ въ слушателѣ. Обратимся къ композитору. Возвышенное настроеніе будетъ исполнять его во время работы. Приметъ ли окраску этого настроенія будущее произведеніе и на сколько сильно его выразитъ—это зависитъ отъ индивидуальности сочинителя. Общіе законы эстетики должны, конечно, удерживать въ извѣстныхъ границахъ его порывы, чтобы одушевленіе не перешло въ подавляющій аффектъ, который уже выходитъ за предѣлы эстетики. Что касается спеціально творчества композитора, то нужно помнить, что оно есть постоянное образованіе, созиданіе зву-

---

говорится собственно о *финалѣ*, такъ какъ о высокой (хотя не безупречной) красотѣ первыхъ 3-хъ частей не можетъ быть спора. Въ послѣдней части мы видимъ исполинскую тѣнь, отбрасываемую великаномъ. Мы понимаемъ и признаемъ величіе идеи и однако не находимъ прекрасной самую музыку (при всѣхъ ея геніальныхъ особенностяхъ).

Мы знаемъ очень хорошо, какимъ строгимъ приговоромъ подвергаются такія отдѣльныя мнѣнія. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ и многостороннѣйшихъ ученыхъ Германіи, рѣшившійся оспаривать основную мысль 9-й симфоніи, призналъ необходимымъ подписать свою статью «Ограниченная голова.» Онъ указываетъ на эстетическую несообразность, заключающуюся въ этомъ переходѣ инструментальной музыки въ хоръ, и сравниваетъ Бетговена съ скульпторомъ, который изваялъ ноги, туловище и руки статуи изъ бѣлаго мрамора и придѣлалъ цвѣтную голову. Нужно думать, что на каждаго слушателя, обладающаго тонкимъ вкусомъ, переходъ отъ инструментовъ къ человѣческому голосу произведетъ такое же странное и непріятное впечатлѣніе, «потому что здѣсь художественное произведеніе разомъ измѣняетъ свой центръ тяжести и какъ бы угрожаетъ опрокинуть и слушателя». Почти десять лѣтъ спустя, мы имѣли удовольствіе узнать, что подъ псевдонимомъ «Ограниченная голова» скрывался Давидъ Штраусъ.

ковыхъ образовъ. Нигдѣ господство чувства, которое такъ охотно приписываютъ музыкѣ, не было бы такъ некстати какъ въ композиторѣ во время творчества. На музыкальное произведеніе нельзя смотрѣть какъ на воодушевленную импровизацію. Шагъ за шагомъ идущая работа, посредствомъ которой музыкальная піеса, въ неясныхъ образахъ носившаяся передъ воображеніемъ художника, получаетъ отдѣлку и опредѣленность, такъ трудна и сложна, какъ это едва ли будетъ понятно тому, кто не испробовалъ этого самъ. Не только фугированныя или контрапунктическія мѣста, въ которыхъ каждая нота размѣрена, но и самое бѣглое и легкое рондо, самая мелодичная арія требуютъ выработки и отдѣлки до мелочей. Композитора можно сравнить со всякимъ другимъ художникомъ — скульпторомъ, живописцемъ. Подобно имъ, онъ долженъ выразить въ чистыхъ, свободныхъ образахъ сознанный имъ идеалъ. Безъ внутренняго одушевленія нельзя производить на свѣтъ ни великаго, ни прекраснаго. Чувствомъ богато одаренъ всякій композиторъ, какъ и всякій поэтъ; но оно не есть творческая сила въ немъ. Положимъ, что сильная, опредѣленная страсть наполняетъ художника; она будетъ побужденіемъ ко многимъ музыкальнымъ произведеніямъ, но, какъ уже доказано, никогда ихъ содержаніемъ.

Мотивы, возникающіе въ фантазіи, а не въ чувствѣ художника, заставляютъ его приняться за работу. Рѣдко характеръ композиціи бываетъ результатомъ личныхъ чувствъ художника, рѣдко онъ изображаетъ въ музыкѣ опредѣленный аффектъ, и насъ интересуетъ самое произведеніе, его музыкальный характеръ, а не аффекты и чувства композитора.

Мы видѣли, что дѣятельность композитора состоитъ въ созиданіи образовъ; поэтому она вполнѣ *объективна*. Безконечно мягкій, гибкій матеріалъ звуковъ допускаетъ, чтобы субъективность художника выразилась въ самыхъ пріемахъ творчества. Такъ какъ характеристическое выраженіе свойственно уже отдѣльнымъ элементамъ, то отличительныя черты автора, какъ-то: сентиментальность, энергія, изящество, будутъ выражаться постояннымъ предпочтеніемъ извѣстныхъ тоновъ, ритмовъ, переходовъ и т. д. Съ точки зрѣнія принципа, субъективный моментъ останется всегда подчиненнымъ и выступитъ только въ различной степени, по отношенію къ объективному, смотря по различію индивидуальности. Сравните преимущественно субъективныя натуры, которыя стремились къ выраженію своего внутренняго состоянія (Бетговенъ, Шпоръ) съ объективно-создающими (Моцартъ, Глюкъ). Ихъ произведенія отличаются несомнѣнными особенностями, и всѣ вмѣстѣ отражаютъ въ себѣ индивидуальность своихъ творцовъ и однако всѣ, какъ тѣ, такъ и другія созданы, какъ самостоятельно прекрасное, ради ихъ самихъ, и только въ этихъ эстетическихъ границахъ носятъ субъективную окраску.

Хотя индивидуальность композитора отражается на его созданіяхъ, но было бы ошибочно выводить отсюда понятія, которыя могутъ основываться только на объективныхъ отношеніяхъ. Сюда принадлежитъ понятіе *стиля*.

Съ чисто музыкальной стороны, стиль можно опредѣлить какъ «совершенная техника, которая привычно употребляется для выраженія художественной мысли». Художникъ обладаетъ стилемъ, если онъ, воплощая ясносознанную идею, во всѣхъ техническихъ частностяхъ сохраняетъ художественную выдержку и отбрасываетъ все мелочное, неподходящее, тривіальное. Мы хотѣли бы вмѣстѣ съ Фишеромъ (Aesthet. § 527) употреблять слово «стиль» и въ музыкѣ и, не входя въ историческія или индивидуальныя подраздѣленія, говорить: «у этого композитора есть стиль», точно также, какъ говорятъ: «у него есть характеръ».

Архитектоническая сторона музыкально-прекраснаго выступаетъ, при вопросѣ о стилѣ, на первый планъ. Стиль извѣстной піесы можетъ быть испорченъ однимъ какимъ-нибудь тактомъ, который, будучи безупреченъ самъ по себѣ, не соотвѣтствуетъ характеру цѣлаго. Негели (Nägeli) сдѣлалъ много вѣрныхъ замѣчаній, указывая на ошибки стиля въ нѣкоторыхъ инструментальныхъ произведеніяхъ Моцарта, исходя при этомъ не изъ характера композитора, а изъ чисто музыкальныхъ соображеній.

Болѣе полная возможность непосредственной передачи чувствъ звуками является при исполненіи музыкальныхъ произведеній. Съ философской точки зрѣнія, разъ созданная піеса уже есть готовое художественное произведеніе, независимо отъ ея исполненія; но это не можетъ намъ препятствовать раздѣлять музыку на творчество и воспроизведеніе вездѣ, гдѣ это можетъ способствовать объясненію какого либо явленія. Особенно важно такое различіе для изслѣдованія субъективныхъ впечатлѣній, производимыхъ музыкой.

Исполнителю представляется возможность, посредствомъ своего инструмента, выразить чувство, наполняющее его въ данную минуту, и вложить въ свою игру выраженіе жгучей страсти, волненія, могучей силы и радости. Дрожаніе пальцевъ, ударяющихъ струны, или звуки голоса могутъ уже выразить личное настроеніе музыканта. Субъективность переходитъ здѣсь въ звуки *звука*, а не передается ихъ сочетаніями или звуковыми образами. Композиторъ работаетъ медленно, съ перерывами,—исполнитель играетъ сразу цѣлую піесу; работа перваго остается навсегда, послѣдній дѣйствуетъ только въ данную минуту. Такимъ образомъ, выражающій и возбуждающій чувства моментъ музыки заключается въ актѣ воспроизведенія. Конечно, исполнитель можетъ дать только то, что заключаетъ въ себѣ композиція, а это требуетъ немного болѣе, чѣмъ правильной передачи нотъ. Говорятъ: «исполнитель угадываетъ и передаетъ мысль композитора»—хорошо, но это усвоеніе мысли въ моментѣ воспроизведенія — уже дѣло его, исполнителя. Исполненіе одной и той же піесы наскучиваетъ или восхищаетъ, смотря по тому, на сколько оно даетъ жизнь звуковымъ образамъ. Самые лучшіе часы съ музыкой не растрогаютъ слушателя, а это можетъ сдѣлать самый простой музыкантъ, если онъ влагаетъ душу въ свою игру.

До высочайшей непосредственности достигаетъ, наконецъ, выраженіе душевнаго состоянія въ піесѣ, гдѣ творчество и исполненіе соединяются въ одномъ актѣ. Это — импровизація. Тамъ, гдѣ она выступаетъ не съ чисто-художественной, а преимущественно съ субъективной тенденціей (*патологической*, въ высшемъ смыслѣ слова), то выраженіе, которое музыкантъ влагаетъ въ звуки, можетъ превратиться въ настоящую рѣчь. Тутъ выражается все: любовь и ревность, радость и страданіе. Настроеніе музыканта сообщается и слушателю. Обратимся къ этому послѣднему.

Мы замѣчаемъ на немъ вліяніе музыки. Онъ настроенъ радостно или печально, онъ не только испытываетъ эстетическое наслажденіе, а потрясенъ въ глубинѣ души. Существованіе такого вліянія музыки не можетъ подлежать сомнѣнію и оно слишкомъ извѣстно, чтобы долго на немъ останавливаться. Нужно только разсмотрѣть: въ чемъ заключается специфическій характеръ этого возбужденія чувствъ музыкой, его отличіе отъ другихъ душевныхъ движеній и сколько въ этомъ дѣйствіи эстетическаго.

Хотя мы должны признать безъ исключенія за всѣми искусствами способность дѣйствовать на чувства, но не можемъ отрицать, что въ способѣ, какимъ дѣйствуетъ музыка, есть что-то особенное, ей только свойственное. Музыка вліяетъ на состояніе духа быстрѣе и интенсивнѣе, чѣмъ другія искусства. Нѣсколько аккордовъ могутъ погрузить насъ въ настроеніе, которое поэма намъ дастъ только посредствомъ длиннаго описанія картины, когда мы всмотримся и вдумаемся въ нее; хотя и живопись, и поэзія имѣютъ то преимущество передъ музыкой, что имъ доступенъ цѣлый кругъ представленій, отъ которыхъ зависятъ наши чувства радости и печали. Дѣйствіе звуковъ не только быстрѣе и непосредственнѣе, но интенсивнѣе. Другія искусства насъ убѣждаютъ, музыка овладѣваетъ нами. Это своеобразное вліяніе мы испытываемъ сильнѣе всего, находясь въ состояніи сильнаго возбужденія или унынія.

При такомъ душевномъ состояніи, гдѣ ни картины, ни стихи, ни статуи уже не могутъ привлечь нашего вниманія, музыка не теряетъ своей власти надъ нами, часто даже дѣйствуетъ сильнѣе обыкновеннаго. Когда слушаешь музыку въ минуту тоски, она точно разъѣдаетъ наши душевныя раны. Но одно искусство не можетъ тогда такъ глубоко и болѣзненно врѣзываться намъ въ душу. И форма, и характеръ слышаннаго теряютъ свое значеніе, будь это бѣшеный вальсъ или задумчивое адажіо, мы не въ силахъ отдѣлаться отъ него, мы чувствуемъ не красоту произведенія, а только силу звуковъ, прямо и неотразимо дѣйствующихъ на наши нервы.

Когда Гёте, въ глубокой старости, еще разъ поддался увлеченію любви, въ немъ вдругъ проснулась, неизвѣстная ему доселѣ, воспріимчивость къ музыкѣ. Онъ пишетъ къ Цельтеру, рисуя ему волшебные дни въ Маріенбадѣ (1823): «Какъ сильно на меня стала дѣйствовать музыка! Пѣніе дивной Мильдеръ, великолѣпный голосъ Шимановской, даже публичные

концерты здѣшняго егерскаго полка меня такъ и охватываютъ, такъ ласкаютъ, смягчая внутреннее напряженіе.... Я вполнѣ убѣжденъ, что на твоихъ спѣвкахъ я не въ силахъ былъ бы выстоять и двухъ-трехъ тактовъ». Ясный умъ Гёте не могъ не понять, какую сильную роль тутъ играло ненормальное возбужденіе нервъ; онъ заканчиваетъ письмо словами: «Ты, можетъ быть, сумѣлъ бы меня вылѣчить отъ болѣзненной раздражительности, которой я, главнымъ образомъ, приписываю всѣ подобныя явленія».

Эти наблюденія намъ ясно доказываютъ, что въ дѣйствіе музыки на чувства входятъ и посторонніе, не эстетическіе, элементы. Чисто художественное наслажденіе предполагаетъ вполнѣ здоровый организмъ, а не ищетъ подспорья въ ненормальномъ состояніи нервной системы.

Такъ или иначе, болѣе интенсивное дѣйствіе музыки, сравнительно съ другими искусствами, придаетъ ей особое могущество. Но если мы поближе разсмотримъ это могущество, мы убѣдимся, что тутъ различіе по преимуществу качественное, основанное на нѣкоторыхъ физіологическихъ особенностяхъ. Чувственный элементъ, нераздѣльный во всякомъ художественномъ наслажденіи съ элементомъ духовнымъ, въ музыкѣ играетъ бо́льшую роль, чѣмъ въ другихъ искусствахъ. Музыка, по своему неосязаемому матеріалу самое духовное, по своему способу дѣйствія самое чувственное изъ всѣхъ искусствъ, являетъ намъ таинственное объединеніе двухъ противоположностей и этимъ близко уподобляется нервамъ, этимъ таинственнымъ проводникамъ, связующимъ душевную жизнь съ тѣлесной.

Интенсивное дѣйствіе музыки на нервную систему признано психологіей, равно какъ и физіологіей. Къ сожалѣнію, ни та, ни другая наука намъ не даетъ удовлетворительнаго его объясненія. Психологія не въ состояніи прослѣдить, почему извѣстные аккорды, тэмбры, мелодіи производятъ на человѣческій организмъ то или другое впечатлѣніе, такъ какъ вопросъ сводится прежде всего на специфическое раздраженіе нервовъ. Но и физіологія, не смотря на всѣ свои громадные успѣхи, до сихъ поръ даже и не приблизилась къ разрѣшенію этой загадки.

Не всѣмъ меломанамъ, можетъ быть, извѣстно, что существуетъ цѣлая литература о физіологическомъ дѣйствіи музыки и о примѣненіи ея къ врачебнымъ цѣлямъ. Мы тутъ встрѣчаемъ не мало курьезовъ, но весьма рѣдко — серьезныя наблюденія или научныя объясненія. Бо́льшая часть этихъ медиковъ-музыкантовъ стараются придать исключительное и самобытное значеніе одному изъ многосложныхъ свойствъ музыки. Притомъ же, дѣйствіе музыки на физическій организмъ вовсе не такъ сильно и постоянно или такъ независимо отъ разныхъ психологическихъ и эстетическихъ условій, чтобы служить настоящимъ лечебнымъ средствомъ, которымъ бы врачъ могъ располагать по своему благоусмотрѣнію. Всякое исцѣленіе, совершенное посредствомъ музыки, является исключительнымъ случаемъ, въ которомъ успѣхъ невозможно приписать

музыкѣ, такъ какъ онъ непремѣнно зависитъ отъ множества чисто индивидуальныхъ особенностей, тѣлесныхъ и душевныхъ. Достойно замѣчанія, что единственное примѣненіе музыки, нынѣ встрѣчающееся въ медицинской практикѣ, а именно, при лѣченіи умалишенныхъ, основывается на духовномъ ея воздѣйствіи. Извѣстно, что новѣйшая психіатрія, во многихъ случаяхъ, съ успѣхомъ прибѣгаетъ къ музыкѣ. Но успѣхъ этотъ не основывается ни на физическомъ потрясеніи нервовъ, ни на возбужденіи аффектовъ, а на успокоительномъ дѣйствіи, которое гармоническіе переливы звуковъ, то развлекающіе, то приковывающіе вниманіе, могутъ имѣть на сумрачное или раздраженное настроеніе больныхъ. Конечно, на больныхъ вліяетъ прежде всего чувственный элементъ музыки, но уже одно возбужденіе вниманія есть шагъ къ художественному воспріятію.

Но что же вносятъ всѣ эти медицинскія теоріи въ научное изслѣдованіе музыки?—Подтвержденіе давно подмѣченнаго факта, а именно—физическаго возбужденія, сопровождающаго аффекты и чувства, вызываемыя музыкой. Если дознано и доказано, что музыка необходимо дѣйствуетъ и на физическій организмъ, то ясно, что ее слѣдуетъ разсматривать и съ этой, ея существенной стороны. И потому, человѣкъ, преданный этому искусству, не можетъ себѣ составить о немъ научнаго понятія, не ознакомясь съ новѣйшими выводами физіологіи относительно связи музыки съ ощущеніями и чувствами.

Если мы обратимся къ вопросу, какимъ способомъ мелодія дѣйствуетъ на наше внутреннее настроеніе, то мы увидимъ, что путь ея, отъ колеблющихся струнъ инструмента до нашего слуховаго нерва, достаточно извѣстенъ, послѣ знаменитаго труда Гельмгольца о звуковыхъ ощущеніяхъ. Акустика точно опредѣляетъ внѣшнія условія, при которыхъ мы можемъ слышать звукъ вообще, или тотъ или другой данный звукъ; анатомія, при помощи микроскопа, намъ открываетъ устройство слуховаго органа до мельчайшихъ подробностей; физіологія, наконецъ, хотя и не можетъ производить прямыхъ экспериментовъ надъ этимъ тонкимъ и нѣжнымъ, да притомъ глубоко запрятаннымъ снарядомъ, однако достаточно разъяснила намъ его дѣятельность, при помощи остроумной гипотезы Гельмгольца, — такъ, что весь физіологическій процессъ звуковыхъ ощущеній для насъ сталъ вполнѣ яснымъ и понятнымъ. Еще далѣе, въ области, гдѣ естественныя науки уже близко соприкасаются съ эстетикой, изслѣдованія Гельмгольца бросили яркій свѣтъ на законы созвучія и на сродство тоновъ. Но этимъ и ограничиваются наши познанія. *Главное* для насъ осталось необъяснимымъ, а именно, тотъ нервный процессъ, посредствомъ котораго звуковое ощущеніе переходитъ въ чувство или душевное настроеніе. Физіологія знаетъ, что то, что мы ощущаемъ, какъ звукъ, есть молекулярное движеніе нервнаго вещества въ слуховомъ нервѣ, какъ и въ центральныхъ органахъ. Оно знаетъ, что нити слуховаго нерва соприкасаются съ прочими нервами и передаютъ имъ свои раздраженія;

что слуховой аппаратъ, напримѣръ, находится въ связи съ большимъ и малымъ мозгомъ, съ горломъ, съ легкими, съ сердцемъ. Но ей неизвѣстенъ способъ, которымъ музыка дѣйствуетъ на нервы, тѣмъ болѣе законы, по которымъ различные тэмбры, аккорды, ритмы дѣйствуютъ на различные нервы. Распредѣляется ли музыкальное ощущеніе на всѣ нервы, связанные съ слуховымъ, или на нѣкоторые только? Съ равною ли интенсивностью? Какіе музыкальные элементы преимущественно дѣйствуютъ на мозговые нервы, какіе на сердце, на легкіе, и т. д.?

Несомнѣнно, что въ людяхъ молодыхъ, съ темпераментомъ еще не искаженнымъ условною культурой, плясовая музыка производитъ легкія судорги по всему тѣлу, особливо въ ногахъ. Было бы непростительною односторонностью видѣть тутъ одно дѣйствіе психологической ассоціаціи идей. Дѣйствительный психологическій элементъ—воспоминаніе уже испытаннаго удовольствія при танцахъ—не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ. Данная музыка не потому поднимаетъ насъ на ноги, что она плясовая, а, наоборотъ, она плясовая потому, что насъ поднимаетъ на ноги.

Кто бывалъ въ оперѣ, тотъ, конечно, замѣтилъ, какъ при оживленныхъ, легко понятныхъ мелодіяхъ, дамы невольно покачиваютъ головою направо и налѣво;—никогда этого не бываетъ при самомъ мелодичномъ и потрясающемъ адажіо. Можно ли изъ этого заключить, что извѣстныя ритмическія соотношенія дѣйствуютъ на двигательные нервы, а другія только на нервы чувствительные? Когда же происходитъ первое, когда второе?

Подвергаетъ ли музыка особымъ измѣненіямъ *солнечное сплетеніе*, которое нѣкогда считалось главнымъ центромъ ощущеній? Или она преимущественно дѣйствуетъ на *симпатическіе* нервы (въ которыхъ, какъ справедливо замѣтилъ Пуркиньэ, самое лучшее—ихъ названіе)?

Мы знаемъ, почему иной звукъ намъ кажется рѣзкимъ и непріятнымъ, а другой чистымъ и пріятнымъ — акустика намъ это объяснила, точно также какъ причину созвучія или диссонанса извѣстныхъ тоновъ; но эти объясненія болѣе или менѣе сложныхъ слуховыхъ ощущеній не могутъ удовлетворить эстетика; онъ требуетъ объясненія внутренняго чувства и спрашиваетъ: почему рядъ гармоническихъ звуковъ производитъ впечатлѣніе грусти, а другой рядъ, не менѣе гармоничный, впечатлѣніе радости? Отчего происходятъ разнообразныя, часто неотразимо охватывающія настроенія, которыя различные, одинаково благозвучные аккорды или инструменты непосредственно наводятъ на слушателя?

Сколько намъ извѣстно, физіологія не въ состояніи отвѣчать на эти вопросы. Да и не мудрено. Развѣ она знаетъ, какимъ образомъ горе порождаетъ слезы, или веселіе порождаетъ смѣхъ? Знаетъ ли она даже, что такое горе и веселіе? Нельзя требовать отъ науки разъясненія фактовъ, не входящихъ въ ея область.

Нѣтъ сомнѣнія, что первая причина каждаго чувства, вызываемаго музыкой, должна заключаться въ потрясеніи нервовъ слуховымъ впечатлѣ-

ніемъ. Но какимъ образомъ раздраженіе нерва (которое мы даже не можемъ прослѣдить до самаго его источника) переходитъ въ опредѣленное, *сознанное* впечатлѣніе, какъ чувственное впечатлѣніе превращается въ душевное состояніе, какъ, наконецъ, ощущеніе становится чувствомъ — все это скрывается за тою темною пропастью, которую еще не удалось перешагнуть ни одному изслѣдователю. Это только разныя стороны вѣковой, міровой загадки: отношенія души и тѣла.

Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что теоріи, основывающія принципъ музыкальной красоты на ея вліяніи на чувства, не имѣютъ никакого научнаго значенія, такъ какъ связь между этими чувствами и обусловливающими ихъ ощущеніями наукой не разъяснена. Съ точки зрѣнія чувства невозможно дойти до эстетическаго или научнаго опредѣленія музыки. Описаніемъ чисто субъективнаго настроенія, которое на него наводитъ какая-нибудь симфонія, критикъ не опредѣлитъ ея достоинства и значенія, не разъяснитъ его своимъ ученикамъ. Послѣднее особенно важно: если бъ, между извѣстными чувствами и опредѣленными музыкальными формами существовала такая прямая и необходимая связь, какъ многіе предполагаютъ, не трудно было бы начинающему композитору доработаться до высокой степени художественнаго творчества. Были даже попытки въ эту сторону.

Маттесонъ въ третьей главѣ своего «Образцоваго капельмейстера» пресерьезно учитъ, какъ изображать музыкально гордость, смиреніе и всѣвозможныя страсти. Онъ говоритъ, напримѣръ, что всѣ піесы, выражающія ревность, должны носить «мрачный, гнѣвный и жалобный отпечатокъ».

Другой писатель прошлаго столѣтія, Гейнхенъ, въ своемъ «Генералъ-Бассѣ» даетъ намъ 8 листовъ музыкальныхъ примѣровъ, какъ изображать «бѣшеныя, гордыя, злобныя или нѣжныя чувства». Но отсюда всего одинъ шагъ до извѣстныхъ кухонныхъ рецептовъ.

Если бы дѣйствіе каждаго музыкальнаго элемента на человѣческія чувства было бы необходимое и вполнѣ доступное изслѣдованію, то можно было бы играть на душѣ слушателя, какъ на любомъ инструментѣ. А если бъ это удалось,—было ли бы этимъ достигнуто назначеніе искусства? Въ самой постановкѣ этого вопроса уже заключается отрицательный отвѣтъ.— Музыкальная красота—единственная сила художника, она одна служитъ ему твердой и надежной почвой.

Мы видимъ, что оба наши вопроса, а именно: одарена ли музыка специфическимъ дѣйствіемъ на наше чувство и можно ли это дѣйствіе назвать вполнѣ эстетическимъ? — одинаково разъясняются изслѣдованіемъ интенсивнаго дѣйствія музыки на нашу нервную систему. На немъ-то основана особая непосредственность и сила, съ которой музыка, сравнительно съ другими искусствами, можетъ возбуждать въ насъ аффекты.

Но чѣмъ сильнѣе и неотразимѣе физіологическое дѣйствіе искусства, тѣмъ менѣе въ немъ участвуетъ художественный элементъ. И такъ, въ основѣ музыкальнаго творчества и воспринимания музыки долженъ лежать другой элементъ, представляющій чисто-эстетическую сторону искусства, связующую его со всѣми прочими. Особое его проявленіе въ музыкѣ и многостороннія его отношенія къ душевной жизни мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Важной помѣхой научному развитію музыкальной эстетики былъ слишкомъ большой вѣсъ, придаваемый дѣйствію музыки на чувства. Чѣмъ яснѣе проявлялось это дѣйствіе, тѣмъ болѣе напирали на него, какъ на признакъ музыкальной красоты. Мы же, напротивъ, видѣли, что именно въ болѣе сильномъ впечатлѣніи, производимомъ музыкой на слушателя, играетъ важную роль физическое возбужденіе. Это усиленное вліяніе музыки на нашу нервную систему зависитъ не столько отъ художественнаго элемента, дѣйствующаго, какъ мы видѣли, на одно воображеніе, какъ отъ самаго ея матеріала, одареннаго этимъ необъяснимымъ физіологическимъ дѣйствіемъ.

Внѣшняя сторона музыки, т. е. звукъ и ритмъ—вотъ что овладѣваетъ чувствами стольких любителей. Мы не желаемъ оспаривать права чувства при оцѣнкѣ музыки. Но это чувство, почти всегда сопровождающее чистое созерцаніе, только тогда можетъ считаться художественнымъ, когда оно ясно сознаетъ свою связь съ другимъ, эстетическимъ чувствомъ, т. е. съ наслажденіемъ прекраснымъ, въ настоящемъ случаѣ прекрасным въ музыкѣ.

Если нѣтъ этого сознанія, нѣтъ чистаго созерцанія прекраснаго, если нами овладѣваетъ одна стихійная сила звуковъ, то искусство тѣмъ менѣе можетъ приписать себѣ это впечатлѣніе, чѣмъ сильнѣе проявляется это послѣднее. Число лицъ, слушающихъ, или, лучше сказать, чувствующихъ музыку такимъ образомъ весьма значительно. Пассивное воспріятіе элементарной стороны музыки производитъ въ нихъ не то чувственное, не то умственное возбужденіе, опредѣляемое лишь общимъ характеромъ музыкальнаго произведенія. Ихъ отношеніе къ музыкѣ не созерцательное, а патологическое. Если подобный любитель прослушаетъ цѣлый рядъ музыкальныхъ піесъ одного и того же, скажемъ, беззавѣтно веселаго характера—онъ совершенно поддастся одному этому впечатлѣнію. Онъ уловитъ только то, что эти піесы имѣютъ общаго между собою, т. е. беззавѣтную веселость, между тѣмъ какъ особенности каждаго отдѣльнаго произведенія, его художественная индивидуальность ускользнетъ отъ его пониманія. Настоящій цѣнитель музыки, напротивъ того, будетъ такъ поглощенъ художественнымъ строемъ данной піесы, ея музыкальными особенностями, дѣлающими изъ нея самобытное произведеніе, что мало

придастъ значенія тому или другому аффекту, который она выражаетъ. Одностороннее восприиманіе отвлеченныхъ чувствъ, на мѣсто конкретныхъ художественныхъ образовъ, мы встрѣчаемъ преимущественно относительно музыки. Одно *освѣщеніе* имѣетъ аналогичное дѣйствіе на нехудожественно-настроенныхъ людей, которые часто такъ сильно поражены освѣщеніемъ въ какомъ-нибудь ландшафтѣ, что не умѣютъ себѣ отдать отчета въ достоинствахъ самой картины. Оно приводитъ ихъ въ восторженное состояніе, производитъ на нихъ такое же неясное впечатлѣніе (которое они считаютъ чисто умственнымъ), какъ музыкальныя модуляціи, когда звуки ростутъ или постепенно замираютъ, дрожатъ или гремятъ.

Подобные энтузіасты составляютъ самую благодарную часть публики, но они вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ достоинство искусства. Для нихъ не существуетъ эстетическаго различія между духовнымъ и чувственнымъ наслажденіемъ. Они сами не сознаютъ, что тонкая сигара, лакомое блюдо или теплая ванна на нихъ дѣйствуютъ почти также, какъ и симфонія или соната. Нельзя не сознаться, что музыка — то искусство, которое болѣе всѣхъ остальныхъ можетъ служить постороннимъ цѣлямъ. Лучшія музыкальныя произведенія могутъ служить украшеніемъ обѣдовъ и облегчать перевариваніе фазановъ. Музыка—самое «навязчивое», но также и самое снисходительное искусство. Шарманку, играющую передъ окномъ, нельзя не *слышать*, но даже симфонію Моцарта можно не *слушать*.

Нападки наши на подобную оцѣнку музыки не касаются вовсе того наивнаго удовольствія, которое необразованная часть публики находитъ въ созерцаніи внѣшней стороны каждаго художественнаго произведенія, между тѣмъ какъ идеальное его содержаніе доступно только развитому уму. Тутъ выясняется особенность отношенія въ музыкѣ *формы* къ *содержанію*. Обыкновенно называютъ чувство, одушевляющее музыкальное произведеніе, его художественнымъ, а идею—его духовнымъ содержаніемъ, сочетаніе же звуковъ—его внѣшнею формой, или чувственной оболочкой того умственнаго содержанія. Между тѣмъ, именно въ этой внѣшней формѣ и заключается сущность художественнаго созданія. Въ чисто конкретномъ сочетаніи звуковъ, а не въ общемъ впечатлѣніи отвлеченнаго чувства, заключается духовное содержаніе музыкальнаго произведенія. Въ противопоставленной чувству внѣшней формѣ состоитъ содержаніе музыки, состоитъ сама музыка, между тѣмъ какъ возбужденное чувство можно только назвать ея дѣйствіемъ.

Съ помощію сдѣланныхъ выше замѣчаній, не трудно дать вѣрную оцѣнку такъ называемаго «нравственнаго» дѣйствія музыки, на которое, также какъ на прежде упомянутое физіологическое дѣйствіе, такъ напирали прежніе теоретики.

Вліяніе музыки на наши чувства и даже на наши поступки (какое мы видимъ, напримѣръ, въ извѣстномъ анекдотѣ о должникѣ, который своимъ пѣньемъ побудилъ кредитора подарить ему весь долгъ) такое вли-

яніе доказываетъ только нашу слабость, а не могущество музыки. Проявленіе въ слушателѣ безпричинныхъ и безцѣльныхъ аффектовъ, не стоящихъ ни въ какомъ соотношеніи къ его мыслямъ и къ его волѣ, недостойно человѣческаго ума. У музыки нѣтъ подобнаго назначенія, но находящійся въ ней элементъ чувства дѣлаетъ возможнымъ это ложное пониманіе. На этомъ основаны первыя нападки на музыку: что она разслабляетъ, изнѣживаетъ, обезсиливаетъ. Если музыку употреблять, какъ средство для возбужденія «неопредѣленныхъ аффектовъ» или какъ «пищу чувствамъ», то эти упреки становятся справедливыми. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что подобныя нападки на вліяніе музыки болѣе основательны, чѣмъ чрезмѣрное его восхваленіе. Въ такой же зависимости, въ какой находится физіологическое дѣйствіе музыки отъ болѣзненнаго раздраженія нервной системы, стоитъ и нравственное вліяніе звуковъ отъ неразвитія ума и характера. Какъ извѣстно, музыка дѣйствуетъ всего сильнѣе на дикарей. Это нисколько не останавливаетъ нашихъ критиковъ. Они обыкновенно начинаютъ свои разсужденія съ многочисленныхъ примѣровъ, въ доказательство того, что «даже животныя» подчиняются могуществу звуковъ. Это совершенно справедливо: звукъ трубы воспламеняетъ коня къ битвѣ, скрипка одушевляетъ медвѣдя къ пляскѣ, ловкій паукъ и мѣшковатый слонъ двигаются подъ тактъ любимыхъ звуковъ. Но неужели подобное общество такъ лестно для энтузіастовъ музыки?

Послѣ примѣровъ изъ жизни животныхъ слѣдуютъ историческіе анекдоты, всѣ болѣе или менѣе во вкусѣ извѣстнаго разсказа объ Александрѣ Македонскомъ, который, доведенный до ярости игрой Тимоѳея, былъ укрощенъ пѣніемъ Антигенида.

То обстоятельство, что подобныя побѣды музыки надъ внутреннимъ міромъ человѣка относятся лишь къ древнимъ временамъ, насъ побуждаетъ искать этому историческое объясненіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что на древніе народы музыка дѣйствовала болѣе непосредственно, чѣмъ на новѣйшія поколѣнія. Причина этому та, что человѣчество, стоящее на первыхъ ступеняхъ развитія, ближе ко всему элементарному, чѣмъ впослѣдствіи, когда оно достигло болѣе высокой степени самосознанія. Въ Греціи къ этому присоединялось и особенное состояніе музыки: она не была искусствомъ въ теперешнемъ смыслѣ слова. Звукъ и ритмъ дѣйствовали независимо другъ отъ друга и не могли представить того богатства формъ, которыя мы находимъ теперь въ музыкѣ. Все, что намъ извѣстно о музыкѣ того времени, даетъ право заключить, что ея дѣятельность была только чувственная, но, при этой односторонности, весьма утонченная. Доказательствомъ тому, что музыка (въ теперешнемъ, художественномъ смыслѣ слова) не существовала въ классической древности, служитъ ея полнѣйшее исчезновеніе съ лица земли. Мы, разумѣется, исключаемъ при этомъ, какъ чисто научный отдѣлъ музыки, глубокое изученіе греками соотношеній звуковъ.

Развитіе мелодіи лишь въ границахъ речитатива, отсутствіе гармоніи и разнообразія музыкальныхъ формъ, очень понятное при древней звуковой системѣ, все это дѣлало невозможной музыку, какъ искусство. Она и не была самостоятельнымъ искусствомъ въ Греціи, а служила лишь дополненіемъ къ танцамъ, поэзіи и мимикѣ. Поэтому, музыка дѣйствовала только своею чувственной и символической стороной. Сжатая въ такія узкія рамки, она должна была довести эти стороны до крайней утонченности, какъ напримѣръ, употребленіе 1/4 тоновъ и энгармоническихъ различій.

Такое усложненное отношеніе звуковъ встрѣчало притомъ въ слушателяхъ болѣе тонкую воспріимчивость. Не говоря уже о томъ, что у грековъ былъ слухъ, болѣе способный къ различію тонкихъ интерваловъ, чѣмъ у насъ, воспитанныхъ на математически невѣрномъ строѣ фортепіанъ, нужно прибавить, что у нихъ была также болѣе сильная потребность возбуждать въ себѣ разнообразныя настроенія посредствомъ музыки, чѣмъ у насъ, привыкшихъ къ объективному созерцанію искусныхъ построеній звуковъ, умѣряющему ихъ элементарное дѣйствіе.

Послѣ всего сказаннаго, покажется понятнымъ болѣе интенсивное дѣйствіе музыки въ древности, а также и смыслъ разсказовъ, передающихъ намъ специфическое вліяніе каждаго тона. Объясненіемъ этихъ разсказовъ должно послужить и строгое раздѣленіе при употребленіи разныхъ тоновъ для извѣстныхъ цѣлей. *Дорійскій* тонъ употреблялся для серьезныхъ, большею частію религіозныхъ напѣвовъ; *фригійскимъ* одушевляли воиновъ на битву; *лидійскимъ* воспѣвали горе и тоску, а *эолійскимъ*—любовь и вино.

Черезъ это преднамѣренно-строгое распредѣленіе 4-хъ тоновъ (въ примѣненіи къ разнымъ душевнымъ состояніямъ) и черезъ послѣдовательное ихъ соединеніе съ подходящими по содержанію стихотвореніями, греки невольно привыкли, при звукахъ музыкальнаго произведенія, возбуждать въ себѣ настроеніе, соотвѣтствующее его тону. Вслѣдствіе односторонняго своего развитія, музыка сдѣлалась не самостоятельнымъ искусствомъ, а необходимымъ спутникомъ остальныхъ искусствъ и средствомъ для политическихъ, педагогическихъ и другихъ цѣлей. Такому патологическому дѣйствію звуковъ мы противопоставляемъ чистое созерцаніе музыкальнаго произведенія, т. е. единственное чисто-художественное восприниманіе. Къ прекрасному слѣдуетъ относиться активно, а не пассивно; не поддаваться его дѣйствію, а наслаждаться имъ.

Всего чаще упускаютъ изъ виду главный факторъ въ душевномъ процессѣ, сопровождающемъ воспріятіе музыкальнаго произведенія; мы подразумѣваемъ то удовлетвореніе, испытываемое слушателемъ, когда онъ слѣдитъ за мыслями сочинителя и даже предугадываетъ ихъ, часто находя оправданными свои предположенія, а иногда пріятно обманываясь въ нихъ. Только то музыкальное произведеніе можетъ назваться художественнымъ, которое вызываетъ и удовлетворяетъ подобную умственную

дѣятельность — своего рода раздумье воображенія. При слушаніи же музыки, эта дѣятельность потому особенно необходима, что произведенія этого искусства не являются разомъ передъ нами и, слѣдовательно, требуютъ неутомимаго вниманія.

Исключительное преобладаніе *верхняго голоса* въ итальянской музыкѣ мы можемъ объяснить безпечно-лѣнивымъ характеромъ этого народа, неспособнаго на умственную работу, необходимую, чтобъ слѣдить за искусной тканью гармоническихъ и контрапунктныхъ сплетеній.

Болѣе или менѣе сильное дѣйствіе музыки на чувства зависитъ, главнымъ образомъ отъ степени художественнаго развитія. При созерцаніи музыкальнаго произведенія, у непосвященныхъ въ искусство чувства играютъ главную роль, у образованнаго художника—самую незначительную. Чѣмъ сильнѣе въ слушателѣ эстетическое настроеніе, тѣмъ болѣе оно умѣряетъ чисто элементарное. Поэтому мы видимъ, что извѣстная аксіома: «мрачная музыка возбуждаетъ въ насъ грусть, веселая — радость» совсѣмъ не вѣрна.

Могли ли бы наслаждаться жизнію, если бъ каждый глухой «Requiem», каждый заунывный траурный маршъ, каждое слезливое адажіо должны были въ насъ возбуждать горестныя чувства?

Когда передъ нами возстаетъ, въ своей ясной и трезвой красотѣ, истинно-художественное произведеніе, мы испытываемъ высокую радость, хотя бы въ немъ вылилось все горе человѣчества. Развеселые же финалы Верди или кадрили Мюзара далеко не всегда на насъ наводятъ пріятное настроеніе.

Не смотря на наше утвержденіе, что эстетическое наслажденіе зависитъ отъ художественнаго достоинства музыкальнаго произведенія, нельзя не сознаться, что иногда простой призывъ рога въ горахъ, или тирольскій припѣвъ (Iodler) насъ приводятъ въ бо́льшій восторгъ, чѣмъ любая симфонія. Но въ этомъ случаѣ музыка становится на одинъ рядъ съ красотами природы. Она дѣйствуетъ не собственными звуковыми формами, а сливается въ нашемъ чувствѣ съ общимъ настроеніемъ окружающаго ландшафта. Лишь только музыка употребляется для возбужденія въ насъ того или другаго настроенія, какъ подспорье, какъ декорація, она перестаетъ быть чистымъ искусствомъ. Такъ легко смѣшиваютъ элементарное въ музыкѣ съ ея художественной красотой, принимая, такимъ образомъ, часть за цѣлое, что изъ этого возникаютъ нескончаемыя недоразумѣнія. Бо́льшая часть мнѣній, выраженныхъ о музыкѣ, относятся въ сущности не къ ней самой, а къ чувственному дѣйствію ея звуковъ.

Когда Генрихъ IV, у Шекспира, передъ самою смертью требуетъ музыки, то онъ, конечно, не желаетъ слѣдить за художественной красотой произведенія, а только хочетъ убаюкивать себя сладостными звуками. То же самое можно сказать и о Порціи съ Бассаніо, въ сценѣ выбора между тремя ящичками.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло не въ художественномъ достоинствѣ музыки, а въ общемъ ея настроеніи. При такомъ равнодушіи къ характернымъ особенностямъ каждаго произведенія, преобладаютъ впечатлѣнія чисто звуковыя, а не музыкальныя. Тотъ, по истинѣ, слушаетъ музыку, кому она даетъ опредѣленный художественный образъ, а не дѣйствуетъ только на его настроеніе. Неоспоримое дѣйствіе музыки на наши душевныя состоянія и его высокое психологическое и физіологическое значеніе не должны мѣшать нашей критикѣ различать въ немъ художественный элементъ отъ чувственнаго.

Весьма поучительнымъ примѣромъ такой путаницы понятій и словъ являются намъ «музыкальныя изверженія» (Musikalische Explosionen) Беттины Арнимъ, какъ называетъ Гёте ея письма о музыкѣ. Въ убѣжденіи, что она говоритъ о музыкѣ, она распространяется постоянно о загадочномъ дѣйствіи этого искусства на нее и преднамѣренно устраняетъ всякое разумное къ нему отношеніе.

Въ каждомъ музыкальномъ произведеніи она видитъ какую-то подавляющую тайну природы, а не твореніе человѣческаго ума; «музыкой» она называетъ безчисленныя явленія, которыя, пожалуй, имѣютъ съ музыкой какую-нибудь одну общую сторону—хоть благозвучіе, ритмъ, стройность и т. п. Немудрено, что она, въ своемъ музыкальномъ опьяненіи, доходитъ до того, что называетъ не только Гёте, но и Христа — великими музыкантами.

Мы не оспариваемъ права употреблять въ рѣчи извѣстныя метафоры и поэтическія вольности. Мы понимаемъ, почему Аристофанъ, въ своихъ «Осахъ», называетъ тонко образованный умъ «мудрымъ и музыкальнымъ», мы находимъ мѣткимъ отзывъ графа Рейнгардта объ Эленшлегерѣ, что у него «музыкальные глаза». Серьезныя же изслѣдованія не должны придавать музыкѣ инаго смысла, кромѣ того, который ей придаетъ эстетика, иначе окончательно подкапываются и безъ того шаткія основанія этой науки.

VI.

Всѣ искусства обязаны природѣ въ двухъ отношеніяхъ: она даетъ имъ, во-первыхъ, сырой матеріалъ, а во-вторыхъ, извѣстную долю прекраснаго, годную для художественной обработки. Постараемся перечислить, что̀ природа даетъ собственно музыкѣ.

Металлы, дерево, кожи и кишки звѣрей,— это сырой матеріалъ, необходимый человѣку для произведенія перваго основанія музыки—чистаго звука измѣримой высоты. Онъ — основа мелодіи и гармоніи, двухъ главныхъ факторовъ музыкальнаго искусства. Ни мелодія, ни гармонія не встрѣчаются въ природѣ, а суть произведенія человѣческаго ума. Звуковыя явленія природы лишены всякаго разумнаго отношенія въ послѣдовательности звуковъ, ихъ составляющихъ, т. е. не представляютъ со-

бою мелодіи и не могутъ быть воспроизведены на нашей гаммѣ. Безъ мелодіи же немыслимо дальнѣйшее развитіе музыкальнаго искусства.

Гармонія, въ музыкальномъ смыслѣ, т. е. одновременное созвучіе извѣстныхъ тоновъ, также не встрѣчается въ природѣ, а есть произведеніе человѣческаго ума, хоть и гораздо позднѣйшаго періода развитія. Грекамъ была извѣстна гармонія; они пѣли только въ октаву или унисонъ. Употребленіе терціи и сексты стало распространяться только съ XII столѣтія.

Только третій элементъ музыки—ритмъ, необходимое подспорье мелодіи и гармоніи, находится внѣ человѣка. Примѣромъ можетъ служить галопъ лошади, крикъ перепела, плескъ волнъ. Не всѣ, но большинство звуковыхъ явленій природы—ритмичны; а именно, въ природѣ встрѣчается часто двухстопный ритмъ, т. е. подъемъ и паденіе, приливъ и отливъ. Разница *музыкальнаго* ритма и ритма, встрѣчающагося въ природѣ, очевидна—въ музыкѣ гармонія и мелодія проявляются ритмически, а въ природѣ только сотрясенія воздуха слѣдуютъ одно за другимъ въ извѣстномъ ритмѣ. Всего раньше въ дикарѣ и ребенкѣ пробуждается сознаніе ритма, какъ единственнаго элемента музыки, встрѣчающагося въ природѣ.

Какимъ образомъ человѣческій умъ дошелъ до теперешней музыкальной системы, покажетъ намъ исторія музыки. Мы же удовольствуемся выводомъ, что мелодія и гармонія, наша музыкальная гамма, раздѣленіе тоновъ на Dur и на Moll — все это постепенно возникшія изобрѣтенія человѣческаго ума.

Фактъ, что часто ребенокъ или простолюдинъ вѣрно беретъ терціи и умѣетъ обращаться съ диссонансами, нисколько не опровергаетъ наше положеніе, а только показываетъ, какъ глубоко проникли въ нашу жизнь главнѣйшіе основные законы современной теоріи музыки.

Переходъ изъ области природы въ область музыкальнаго искусства совершается при помощи математики. Конечно, было бы ошибочно предполагать, что человѣкъ подобралъ гамму посредствомъ математическаго вычисленія колебаній, соотвѣтствующихъ каждой нотѣ; онъ безсознательно употреблялъ первобытныя представленія о величинахъ и отношеніяхъ, безсознательно считалъ и мѣрилъ, хотя впослѣдствіи наука доказала вѣрность его разсчетовъ.

Послѣ разсмотрѣнія этого вопроса, необходимаго для опредѣленія музыкально-прекраснаго, переходимъ на почву эстетики.

Измѣримой высоты звукъ и правильная система музыки—это только матеріалъ для сочинителя; остается рѣшить вопросъ, откуда онъ беретъ предметъ, *сюжетъ* для своихъ произведеній; откуда берется то, что отличаетъ одно произведеніе отъ другаго, т. е. его содержаніе. Пластическія искусства подражаютъ природѣ или описываютъ ее. Живописецъ не можетъ изобразить Наполеона или Ахилла, не изучивъ сперва анатомію человѣческаго тѣла и условія выраженія на человѣческомъ лицѣ.

Поэтъ, описывая поле битвы, представляетъ себѣ дѣйствительное побоище посредствомъ воображенія. Напротивъ того, музыка нигдѣ въ природѣ не находитъ себѣ первообраза для своихъ твореній, для музыки не существуетъ *красоты природы*.

Важность этого различія очевидна; творчество поэта, живописца, ваятеля, можно всегда свести на подражаніе; но невозможно найти предмета, подражаніемъ которому было бы, напримѣръ, соната, рондо, увертюра.

Композиторъ не подражаетъ природѣ, онъ творитъ самостоятельно. Когда, напримѣръ, говорятъ объ увертюрѣ *Эгмонта* Бетговена, о *Мелузинѣ* Мендельсона, то не слѣдуетъ предполагать, что извѣстные разсказы или былины дали сюжетъ композитору также какъ и поэту, который изъ нихъ сочинилъ бы драму или поэму. Поэту они дали типы, который онъ отчасти выяснилъ, отчасти измѣнилъ, а композитору эти типы служатъ только художественнымъ возбужденіемъ. Увертюра Бетговена не служитъ музыкальнымъ выраженіемъ подвиговъ, убѣжденій или судьбы Эгмонта, какъ картина, представляющая Эгмонта, или трагедія, въ которой онъ является героемъ. *Содержаніе* увертюры составляетъ рядъ звуковъ, созданный композиторомъ сообразно съ законами искусства; названіе же музыкальнаго произведенія такъ независимо отъ звуковъ, его составляющихъ, что, не дай самъ авторъ то или другое имя своему сочиненію, мы бы никакъ не напали на настоящее заглавіе. Только зная это заглавіе, мы можемъ судить о соотвѣтствіи музыки сюжету, но при этомъ сужденіи мы должны употреблять мѣрку не музыкальную. Хотя можно бы сказать, что увертюра *Прометея* не довольно грандіозна для такого предмета, ее можно назвать безукоризненною въ музыкальномъ отношеніи.

Еще одна необходимая оговорка: у Гайдена (Vier Jahreszeiten) и у Бетговена (Symphonie Pastorale) встрѣчаются звуки, которые суть явныя подражанія природѣ, напр. крикъ пѣтуха, кукушки, перепела и т. п.; но эти звуки имѣютъ не музыкальное, а поэтическое значеніе. Они должны намъ напоминать то впечатлѣніе, которое они въ дѣйствительности производили на насъ, а не представлять собою музыкально-прекраснаго.

VII.

Есть ли у музыки содержаніе?—Вотъ спорный вопросъ, постоянно поднимаемый во всѣхъ преніяхъ о нашемъ искусствѣ. Вопросъ этотъ рѣшаютъ въ различныя стороны. Вѣскіе голоса отстаиваютъ безсодержательность музыки;—они всѣ почти принадлежатъ философамъ, какъ, напримѣръ, Руссо, Кантъ, Гегель, Гербартъ, Калертъ и др. Изъ многочисленныхъ физіологовъ, придерживающихся этого воззрѣнія, для насъ всего важнѣе Лотце и Гельмгольцъ—глубокіе мыслители, замѣчательные также по своему музыкальному образованію. Несравненно многочисленнѣе шеренга, ратующая за содержаніе музыки; это, собственно, спеціалисты-

музыканты между писателями, и на ихъ же сторонѣ громадное большинство публики.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что именно люди, всего лучше знакомые съ техническими условіями музыки, не могутъ отдѣлаться отъ ошибки, явно противорѣчащей этимъ условіямъ, тогда какъ этого скорѣе можно было ожидать отъ отвлеченныхъ философовъ. Но это происходитъ оттого, что музыканты въ этомъ случаѣ преимущественно хлопочутъ о т. н. чести своего искусства; они вооружаются не противъ научнаго мнѣнія, а противъ преступной ереси. Противоположное воззрѣніе имъ кажется униженіемъ искусства, святотатствомъ.—«Какъ? Дивное искусство, которое насъ одушевляетъ и вдохновляетъ, которому столько возвышенныхъ умовъ посвятили свою жизнь, которое можетъ служить самымъ благороднымъ идеямъ, это искусство не имѣетъ содержанія? Его низводятъ на степень пустой забавы, безсмысленнаго щекотанія слуха?» Но такіе безсвязные возгласы ничего ровно не могутъ доказать или опровергнуть. Тутъ рѣчь идетъ не о вопросѣ чести, о знамени партіи, а просто объ изслѣдованіи истины, и для этого необходимо прежде всего ясно опредѣлить основныя понятія.

Смѣшеніе понятій *содержанія* и *предмета* или *цѣли* всего больше внесло неясности въ этотъ вопросъ; одно и то же понятіе часто обозначается различными словами, и, наоборотъ, одно и то же слово прилагается къ различнымъ понятіямъ. *Содержаніе* въ собственномъ, буквальномъ смыслѣ этого слова, есть то, что предметъ заключаетъ, *держитъ* въ себѣ. Въ этомъ смыслѣ, звуки, изъ которыхъ состоитъ музыкальное произведеніе и которые къ нему относятся какъ части къ цѣлому, составляютъ его содержаніе. Если никто не удовольствуется подобнымъ отвѣтомъ, видя въ немъ нѣчто само собою разумѣющееся, то это только потому, что обыкновенно смѣшиваютъ понятіе о *содержаніи* съ понятіемъ о *предметѣ* (цѣли, назначеніи). При вопросѣ о содержаніи музыки постоянно имѣютъ въ виду ея предметъ, сюжетъ, который, въ качествѣ *идеи* или *идеала*, прямо противопоставляется матеріальному элементу, *звукамъ*. Содержанія въ этомъ смыслѣ, т. е. сюжета, музыка имѣть не можетъ. Калертъ съ полнымъ правомъ напираетъ на то, что музыка не допускаетъ, подобно живописи, словеснаго объясненія (Aesthetik, 380), хотя онъ ошибается, утверждая тутъ же, что подобное объясненіе можетъ «служить подспорьемъ недостаточному художественному наслажденію». Во всякомъ случаѣ, его слова отчасти выясняютъ занимающій насъ вопросъ. Если бъ музыкальнымъ содержаніемъ являлся опредѣленный предметъ—его не трудно было бы передать словами. Не опредѣленное же содержаніе, которое каждый можетъ объяснить и обозвать по своему, которое «можно только прочувствовать, а не выразить словами»—нельзя назвать содержаніемъ въ томъ смыслѣ, который желаютъ придать этому слову.

Музыка состоитъ изъ звуковыхъ рядовъ, звуковыхъ формъ, которыя не имѣютъ другаго содержанія, кромѣ самихъ себя—мы опять-таки ихъ сравнимъ съ архитектурой и танцами. Какъ бы ни разбиралъ и ни объяснялъ каждый изъ насъ, судя по своимъ индивидуальнымъ особенностямъ, впечатлѣніе любаго музыкальнаго произведенія, онъ не найдетъ инаго содержанія, кромѣ звуковыхъ формъ, ибо музыка не только выражается звуками, но выражаетъ одни звуки.

Крюгеръ, ученый и остроумный защитникъ музыкальнаго содержанія, утверждаетъ, что музыка даетъ намъ только одну сторону того же содержанія, которымъ пользуются и другія искусства.

«Всякая пластическая фигура, говоритъ онъ (Beiträge, 131), представляется намъ въ минуту покоя; она являетъ намъ не настоящее дѣйствіе, а прошедшее, или же состояніе. И такъ, картина, или статуя не говоритъ намъ: Апполонъ побѣждаетъ!—но она намъ показываетъ побѣдителя, грознаго бойца» и т. д.—«Музыка же даетъ намъ сказуемыя къ этимъ неподвижнымъ, пластическимъ подлежащимъ, ихъ дѣятельность, душевное движеніе, и, если мы, въ первыхъ, узнаемъ дѣйствительное, постоянное содержаніе «гнѣвный, любящій» и т. п., то въ музыкѣ мы видимъ соотвѣтствующее ему движеніе «любить, гнѣваться, волноваться, стремиться». Но тутъ-то и ошибка: музыка можетъ и волноваться, и стремиться, но отнюдь не гнѣваться или любить—ссылаемся на вторую главу нашей статьи.

Мы уже намекали на то, какъ тѣсно связанъ вопросъ о содержаніи музыки съ ея отношеніемъ къ прекрасному въ природѣ. Музыкантъ не находитъ внѣ себя образцовъ для своего творчества,—а этими образцами опредѣляется и выясняется содержаніе другихъ искусствъ. Музыку же можно назвать въ полномъ смыслѣ *безплотнымъ* искусствомъ. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ прообразовъ ея твореній, и поэтому не могли включить ихъ въ кругъ нашихъ понятій. Она не изображаетъ извѣстнаго, опредѣленнаго предмета, и поэтому ея содержаніе не можетъ быть выражено словами, или формулировано по законамъ разсудочнаго мышленія.

О содержаніи художественнаго произведенія можетъ быть рѣчь только тогда, когда это *содержаніе* противопоставляютъ *формѣ* — оба понятія другъ друга обусловливаютъ и дополняютъ. Тамъ, гдѣ форма нераздѣльна отъ содержанія, немыслимо и самобытное содержаніе. Въ музыкѣ же мы находимъ форму и содержаніе, предметъ и внѣшнее построеніе слитыми въ нераздѣльное единство. Этою своею особенностью она рѣзко отличается отъ пластическихъ искусствъ и отъ поэзіи, которымъ возможно одно и то же содержаніе облекать въ различныя формы. Изъ жизни Вильгельма Телля Флоріанъ сдѣлалъ историческій романъ, Шиллеръ — драму, Гёте началъ было ее изображать въ эпической поэмѣ. Афродита, выходящая изъ волнъ морскихъ, стала предметомъ и содержаніемъ множества картинъ и статуй, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по формѣ. Но

въ музыкѣ нѣтъ содержанія помимо формы, или формы помимо содержанія. Разсмотримъ это нѣсколько подробнѣе.

Самостоятельною, эстетически-нераздѣльною, музыкальною единицею, во всякомъ сочиненіи, является тема; въ ней мы должны искать всѣ музыкальныя задачи и ихъ выполненіе. Прослушаемъ же, напримѣръ, хотя главную тему въ симфоніи B-dur Бетговена. — Что въ ней содержаніе? Что форма? Гдѣ кончается первое? Гдѣ начинается послѣднее? Мы доказали, что опредѣленное чувство не можетъ служить содержаніемъ музыкальной піесы и надѣемся, что каждый новый примѣръ еще болѣе подтвердитъ наше воззрѣніе. Въ чемъ же искать содержанія? Въ самихъ звукахъ?—Конечно, но они же даютъ и форму. Въ чемъ искать форму? Въ тѣхъ же звукахъ? — Но они намъ являются формой не пустою, а осмысленной. Всякая практическая попытка отдѣлить въ любой темѣ форму отъ содержанія приведетъ къ противорѣчіямъ или къ полной произвольности. Напримѣръ, что измѣняется въ мотивѣ, сыгранномъ октавою выше или на другомъ инструментѣ? Его содержаніе или его форма? Если послѣдняя, какъ большею частію станутъ утверждать, то что же останется содержаніемъ? Только опредѣленные, измѣримые интервалы между звуками? Но это музыкальный абстрактъ. Перенесеніе мотива на другой тонъ, на другой инструментъ, не измѣняетъ ни его формы, ни его содержанія, но только его окраску, какъ разноцвѣтныя стекла какой-нибудь бесѣдки намъ показываетъ окружающій ландшафтъ то въ синемъ, то въ красномъ, то въ желтомъ свѣтѣ. Музыка обладаетъ громаднымъ богатствомъ такихъ окрасокъ, отъ самыхъ яркихъ контрастовъ до самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, и пользуется ими для самыхъ разнообразныхъ эффектовъ.

Когда дѣло идетъ о цѣломъ, сложномъ сочиненіи, конечно, можно говорить о его формѣ и его содержаніи. Но тогда эти слова употребляются не въ точномъ ихъ смыслѣ. Формой симфоніи, увертюры, сонаты называютъ построенія и соотношенія ея отдѣльныхъ частей, точнѣе сказать, симметрію этихъ частей въ ихъ послѣдовательности, противоположности, повтореніи, постепенномъ развитіи и т. д. Содержаніемъ называютъ темы, на которыхъ построено все музыкальное зданіе. И такъ, тутъ рѣчь идетъ не о содержаніи въ смыслѣ сюжета, задачи, а о содержаніи чисто музыкальномъ. Если же слово *содержаніе* принято въ точномъ, логическомъ его смыслѣ, то мы должны его искать не въ цѣломъ, многосложномъ сочиненіи, а въ его музыкальной основѣ, т. е. въ темѣ или въ темахъ. Въ нихъ же форма нераздѣльно сливается съ содержаніемъ. Если мы захотимъ кому-нибудь передать содержаніе музыкальнаго мотива, мы должны ему сыграть или спѣть самый мотивъ.

Такъ какъ музыкальное творчество подчинено опредѣленнымъ эстетическимъ законамъ, то тема не можетъ расплываться въ произвольной импровизаціи, а должна послѣдовательно и постепенно развиваться, какъ цвѣтокъ изъ почки.

Безсодержательными мы поэтому назовемъ какія-нибудь свободныя прелюдіи, при которыхъ виртуозъ скорѣе отдыхаетъ, чѣмъ творитъ, въ которыхъ аккорды, арпеджіи, фіоритуры замѣняютъ самобытные звуковые образы. Такія прелюдіи индивидуальности не имѣютъ, мы ихъ съ трудомъ отличимъ другъ отъ друга, и смѣло можемъ сказать, что въ нихъ нѣтъ содержанія (въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова), потому что нѣтъ темы.

Наши эстетики и критики недостаточно понимаютъ важную роль главной темы въ музыкальномъ произведеніи. Тема сама по себѣ обнаруживаетъ настроеніе, одушевляющее всю піесу. Когда Бетговенъ начинаетъ свою увертюру «Леоноры» или Мендельсонъ свою «Фингалову пещеру», всякій истый музыкантъ, по первымъ же тактамъ, долженъ почувствовать, какое предъ нимъ воздвигается волшебное зданіе. По первой же темѣ «Фауста» Доницетти или «Луизы Миллеръ» Верди, достаточно, чтобы мы почувствовали себя въ кабачкѣ.

Въ Германіи и теорія, и практика придаютъ чрезмѣрное значеніе музыкальной разработкѣ сравнительно съ тематическимъ содержаніемъ. Но то, что не заключается въ темѣ (явно или скрыто), не можетъ быть впослѣдствіи органически развито, и бѣдности темъ, а не отсутствію умѣнія ихъ развивать, должно приписывать, что въ наше время уже не появляются симфоніи въ родѣ Бетговенскихъ.

Еще одна важная оговорка: безпредметная формальная красота музыки не мѣшаетъ ей налагать на свои творенія печать индивидуальности. Самъ способъ творчества, выборъ опредѣленной темы, разработка ея въ опредѣленную сторону ярко характеризуютъ каждое истинно-геніальное произведеніе. Мелодія Моцарта или Бетговена также цѣльна и индивидуальна, какъ стихъ Гёте, картина Рафаэля, статуя Торвальдсена. Самобытныя музыкальныя мысли (темы) въ ней опредѣлены, какъ цитаты, и наглядны, какъ пластическія изображенія; онѣ цѣльны, индивидуальны, вѣчны.

Мы никакъ не можемъ согласиться съ воззрѣніемъ Гегеля, который, не допуская въ музыкѣ объективнаго содержанія, видитъ въ ней только выраженіе «безличнаго внутренняго настроенія» (des individualitätslosen Innern). Даже съ его точки зрѣнія, если упускать изъ виду объективно-творческую дѣятельность композитора и находить въ музыкѣ одно «свободное проявленіе субъективности» (freie Entäusserung der Subjectivität), нельзя утверждать *безличность* музыкальныхъ произведеній, такъ какъ субъективность уже предполагаетъ индивидуальность.

Мы разсмотрѣли выше, какъ индивидуальность художника проявляется при выборѣ и разработкѣ музыкальныхъ элементовъ. Въ отвѣтъ на *упрекъ* безсодержательности, мы старались доказать, что музыка, въ свойственныхъ ей формахъ, одушевлена такою же божественной искрой, какъ и другія искусства. Но тѣмъ только, что мы отрицаемъ въ ней всякое постороннее содержаніе, мы можемъ защитить ея истинный, внутренній смыслъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Путешествіе г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Потребность измѣненій во всей системѣ нашего образованія.—Затишье въ другихъ областяхъ общественной жизни.—Сенаторская ревизія.—Сибирская желѣзная дорога.—Экономическое положеніе Россіи.—Мнѣніе А. И. Кошелева и необходимость развитія у насъ личности. — Факты, характеризующіе наше современное положеніе.

Отставка графа Толстаго, какъ хорошо помнятъ читатели, произвела необыкновенно радостное впечатлѣніе на русское общество. Рѣдко министръ бывалъ у насъ такъ непопуляренъ, какъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что графъ Толстой обладаетъ выдающимися способностями, что онъ обнаружилъ необычную для нашихъ государственныхъ людей стойкость и трудился не мало. Но отстаивалъ онъ мертвое дѣло, энергія его пошла на борьбу съ самыми законными стремленіями общества, на безпощадную ломку дѣтей, на ихъ дрессировку въ цѣляхъ самой отъявленной реакціи.

Понятно поэтому, какія надежды вызваны были отставкою этого государственнаго человѣка. Но «*Московскія Вѣдомости*» поспѣшили оповѣстить, что никакихъ измѣненій въ системѣ нашего образованія не будетъ, что замѣна графа Толстаго статсъ-секретаремъ Сабуровымъ представляетъ собою только личную перемѣну. Почти то же говорилъ и бывшій министръ. Подивились русскіе люди этимъ заявленіямъ; но, такъ какъ и графъ Толстой, и редакція *Московскихъ Вѣдомостей* черпали свои свѣдѣнія изъ надежныхъ, очевидно, источниковъ, то многіе имъ и повѣрили, утѣшаясь тѣмъ, что хуже, во всякомъ случаѣ, не будетъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія предпринялъ путешествіе по московскому и части харьковскаго учебнаго округа, и надежды, вызванныя отставкою его предшественника, оживились съ особенною силою. Почти во всѣхъ газетахъ (кромѣ, разумѣется, *Московскихъ Вѣдомостей*, хранящихъ гробовое, по-истинѣ, молчаніе) стали появляться корреспонденціи, которыя описываютъ въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ отношеніе г. Сабурова къ дѣтямъ, къ педагогамъ, къ семьѣ, къ земству.

Въ Ярославлѣ г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія обратился къ учителямъ классической гимназіи съ такою рѣчью, которая, по всей вѣроятности, озадачила многихъ изъ почтенныхъ педагоговъ Панургова стада. Отъ послѣднихъ вовсе не требуется, чтобы они отказались *смѣть свое сужденіе имѣть*. Наоборотъ: министръ желаетъ слышать *собственное* мнѣніе каждаго педагога о нуждахъ школы, собственный взглядъ наставника, по вопросамъ обученія и воспитанія. Министръ не принадлежитъ къ числу сторонниковъ теорій, вырабатываемыхъ кабинетными учеными или скрипучими канцелярскими перьями. Мы не знаемъ, конечно, на сколько вѣрно передаютъ газетныя сообщенія слова г. Сабурова; но ошибка въ пониманіи общаго смысла рѣчей министра едва ли возможна, такъ какъ въ этомъ отношеніи сходятся всѣ корреспонденціи.

И такъ, учитель гимназіи перестаетъ исполнять роль рабочаго, открывающаго и закрывающаго клапанъ учебно-воспитательной машины, по точнымъ инструкціямъ главнаго механика. Онъ долженъ прислушиваться къ голосу жизни, присматриваться къ душевнымъ особенностямъ ученика, наблюдать за его тѣлеснымъ здоровьемъ. Изъ школы изгоняется политика, она перестаетъ служить чистилищемъ, гдѣ истреблялась всякая самостоятельность ребенка, гдѣ разные Сиги гнули его совѣсть, обезличивали его мысль. Педагогическій совѣтъ, благодаря такимъ запросамъ отъ учителей, пріобрѣтаетъ высокое значеніе, совершенно утраченное имъ при графѣ Толстомъ.

Все это прекрасно. Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія говорилъ еще, что не понимаетъ стремленія основать среднеучебную школу исключительно на древнихъ языкахъ. Самъ министръ — сторонникъ классической системы, но онъ рѣшительно возстаетъ противъ ея крайностей и исключительности. Такимъ образомъ, можно ожидать, что въ русскихъ гимназіяхъ будетъ обращено большое вниманіе на русскую литературу, на русскую и всеобщую исторію, на физику, на естественныя науки. Къ сожалѣнію, послѣднему предположенію нѣсколько противорѣчитъ другая рѣчь г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ которой онъ, высказывая справедливую мысль, что способности средняго русскаго ребенка не ниже способностей нѣмецкаго или французскаго мальчика, утверждаетъ, что важно не то, *сколько* требуется въ нашихъ гимназіяхъ, а *какъ* требуется. Конечно, послѣднее важнѣе, но, думается намъ, если программа слишкомъ велика, то дѣлу можетъ помочь лишь ея измѣненіе. Лучше сократить программу и стремиться къ ея безукоризненному исполненію, чѣмъ ослабить требованіе собственно отъ исполненія. Къ тому же недовольство программою классическихъ гимназій замѣчается, не говоря уже о Франціи (реформаторская дѣятельность французскаго министра народнаго просвѣщенія, г. Жюля Ферри, извѣстна читателямъ), и въ самой Пруссіи, школьные порядки которой такъ раб-

ски скопировали защитники нашей духовной самобытности изъ школы *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ современномъ Лакедемонѣ, какъ сообщаетъ *Вѣстникъ Европы*, проектируютъ уравненіе первыхъ трехъ классовъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ, при чемъ преподаваніе въ первыхъ греческаго языка отсрочивается на годъ *).

Взглядъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія на постановку начальной народной школы возбудилъ почти всеобщія симпатіи. Г. Сабуровъ сказалъ, что народная школа составляетъ основу національ-

*) Эти строки были написаны, когда мы прочли въ *Русскомъ Курьерѣ* (№ 248) статью, подымающую тотъ же вопросъ. На съѣздѣ нѣмецкихъ психіатровъ въ Эйзенахѣ, недавно происходившемъ, члены собранія пришли относительно воспитанниковъ нѣмецкихъ гимназій къ заключенію, что не только ученики со слабыми способностями должны чрезмѣрно много сидѣть надъ уроками (zu viel über alles zulässige Mass) и что этимъ нарушается гармоническое развитіе человѣка,—мало того, такой порядокъ можетъ имѣть и непосредственно ощутительныя вредныя послѣдствія. Такъ, напр., директоръ брауншвейгскаго заведенія для умалишенныхъ въ Кенигслюттерѣ, докторъ Гассе, въ рѣчи по вопросу о вліяніи чрезмѣрнаго отягощенія учащейся молодежи на возникновеніе душевныхъ разстройствъ, указалъ на то, что, помимо всѣми замѣчаемаго чревычайно сильнаго возрастанія числа душевныхъ болѣзней, ему въ теченіе одного года поручено было 7 заболѣвшихъ учениковъ въ возрастѣ 16—20 лѣтъ, относительно которыхъ онъ констатировалъ фактъ, что на возникновеніе умственнаго разстройства имѣло рѣшительное вліяніе продолжительное и постоянное душевное угнетеніе, вслѣдствіе чрезмѣрнаго отягощенія развивающагося мозга. Для достиженія учебныхъ цѣлей гуманистическихъ школъ, говоритъ Гассе, отъ среднихъ учениковъ нисшихъ классовъ требуется въ день 2 часа, среднихъ — 3 часа и высшихъ классовъ — 4 часа домашнихъ занятій, кромѣ занятій школьныхъ, такъ что въ старшихъ классахъ 10 часовъ занятій въ день можно считать нормальными,

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса о нормальныхъ способностяхъ, требуемыхъ отъ ученика, докладчикъ выразилъ мнѣніе, что въ среднемъ выводѣ нѣмецкая молодежь не можетъ подойти подъ эти требованія, потому что значительно бо́льшая часть ея одарена односторонне, почему Гассе требуетъ раздѣленія труда и равноправности реальныхъ и классическихъ гимназій. При этомъ онъ исходилъ изъ той мысли, что правильное преподаваніе математическихъ и естественныхъ наукъ по своему значенію, какъ для формальнаго, такъ и идеальнаго воспитанія души ни въ какомъ отношеніи не уступаетъ преподаванію древнихъ языковъ.

Въ заключеніе собраніе признало чрезмѣрное отягощеніе воспитанниковъ и воспитанницъ гимназій и опасность возникающихъ отсюда разстройствъ нервной системы, которыя легко переходятъ въ душевныя разстройства. Поэтому постановлено продолжать разработку этого вопроса и изыскать средства къ устраненію опасности.

Надо замѣтить, что этотъ же вопросъ обсуждался уже ранѣе, три года тому назадъ, тѣмъ же обществомъ. Онъ занимаетъ видную роль и въ англійской, и во французской, и въ нѣмецкой литературѣ. Упсальскій психіатръ, докторъ Кіельбергъ, тоже обстоятельно разсматриваетъ его въ сочиненіи: „Influence du régime scolaire et des méthodes de l'enseignement actuel sur la santé de la jeunesse“.

наго образованія, что она составляетъ необходимый предметъ заботливости земства, почему для успѣшнаго хода элементарнаго воспитанія министерство народнаго просвѣщенія должно идти рука объ руку съ земствомъ. Министръ повсюду бесѣдовалъ съ земцами, вездѣ просилъ ихъ высказывать собственныя мнѣнія, сообщая имъ свои личныя воззрѣнія. На призывъ г. Сабурова, тульскіе земцы представили записку, въ которой высказали слѣдующія желанія:

1. Возстановить правила объ опредѣленіи учителей учительскими совѣтами по ст. 16 Положенія 1864 г.

2. Предоставить право уѣздному земству избирать своихъ собственныхъ инспекторовъ для надзора за народными школами.

3. Чтобы въ уѣздные училищные совѣты были допущены членами попечители училищъ, если бы того пожелалъ училищный совѣтъ, и чтобы предсѣдатель совѣта избирался изъ среды членовъ, составляющихъ училищный совѣтъ.

4. Устройство ежегодныхъ съѣздовъ при губернскомъ училищномъ совѣтѣ, съ участіемъ въ немъ по одному члену отъ каждаго уѣзднаго училищнаго совѣта и всѣхъ инспекторовъ. Эта мѣра дала бы возможность имѣть ясное понятіе о ходѣ дѣла въ училищахъ каждаго уѣзда, уяснялось бы, какія мѣропріятія и гдѣ принесли больше пользы.

5. Такъ какъ земства содержатъ училища, то нельзя ли вновь пересмотрѣть Положеніе о народныхъ училищахъ болѣе благопріятнымъ для земства образомъ.

6. Въ тѣхъ училищахъ, гдѣ нѣтъ возможности имѣть особаго законоучителя, нельзя ли допускать къ преподаванію, подъ наблюденіемъ мѣстнаго приходскаго священника, учителей.

7. Разрѣшить училищнымъ совѣтамъ подъ ихъ отвѣтственностью снабжать училища непосредственно дозволенными министерствомъ книгами.

8. Разрѣшать съ согласія губернскаго учительскаго совѣта съѣзды учителей съ цѣлію улучшенія преподаванія и утвержденія между преподавателями лучшихъ педагогическихъ пріемовъ.

9. Принявъ существующую теперь программу для сельскихъ училищъ за minimum требованій, разрѣшить въ тѣхъ училищахъ, гдѣ окажутся на то средства, расширеніе объема преподаванія, т. е. допустить преподаваніе краткой отечественной исторіи, географіи и, можетъ быть, элементарныхъ понятій объ естественныхъ наукахъ.

Министръ, по словамъ корреспондента *Новаго Времени*, отвѣтилъ, что нѣкоторыя изъ этихъ желаній могутъ быть разрѣшены только законодательнымъ путемъ, другія онъ готовъ исполнить, наконецъ, третьи подлежатъ еще обсужденію. Въ добрый часъ! Всего важнѣе, что г. Сабуровъ призналъ начальную народную школу *земскимъ дѣломъ*, что между министерствомъ народнаго просвѣщенія и земствомъ установятся теперь отношенія довѣрія и уваженія.

Къ семьѣ г. Сабуровъ вовсе не питаетъ той враждебности, которою отличался графъ Толстой и которая такъ блистательно засвидѣтельствована въ знаменитомъ циркулярѣ бывшаго министра (мы уже напоминали о немъ читателямъ *Русской Мысли*).

Корреспондентъ *Молвы*, передавая о пребываніи въ Тулѣ министра народнаго просвѣщенія, А. А. Сабурова, между прочимъ, сообщаетъ, что при посѣщеніи мѣстной гимназіи г. Сабуровъ, заговоривъ о религіозномъ развитіи дѣтей, высказался рѣшительно противъ обязательнаго хожденія учениковъ непремѣнно въ гимназическую церковь, находя, что такой формализмъ можетъ вовсе уничтожить въ дѣтяхъ всякое религіозное чувство. «Не лучше ли предоставить это семьѣ», сказалъ А. А. Сабуровъ. Заговоривъ на эту тему, г. министръ нѣсколько разъ выражалъ желаніе видѣть побольше общенія между семьей и школой, между родителями и преподавателями, рекомендуя послѣднимъ сердечныя отношенія къ учащимся. «Поменьше формализма и побольше души въ отношеніяхъ къ дѣтямъ», сказалъ г. Сабуровъ. Какъ должны при этихъ словахъ вздрагивать Сиги и Булюбаши педагогическаго міра, какую злобу должны возбуждать эти мысли у недавнихъ руководителей русскаго «*просвѣщенія*»!

Нечего и говорить, что г. Сабуровъ далеко не врагъ университетской автономіи. Затѣи гг. Каткова, Георгіевскаго и Любимова провести поскорѣе новый уставъ университетовъ, по всей вѣроятности, затѣями и останутся. Министръ уже прибылъ въ Москву, гдѣ надѣются услышать отъ него опредѣленныя заявленія и въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, о женскомъ образованіи г. Сабуровъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Образованіе дѣвушекъ—это важнѣйшій вопросъ. Это будущія матери, и если мы дойдемъ до того, что матери сами будутъ радѣть объ образованіи дѣтей, сами учить ихъ, то $^{9}/_{10}$ дѣла народнаго образованія сдѣлано. Мать вводитъ въ семью элементъ нравственный и задушевный, если черезъ нее будетъ проникать и образованность, то воспитаніе народа станетъ на добрую почву».

Что же это такое, гг. Сиги? Министръ, конечно, знаетъ, что его слова радостнымъ эхомъ разнесутся по всей русской землѣ, что они подадутъ поводъ и надѣяться, и озлобляться. Несомнѣнно также, что статсъ-секретарь Сабуровъ дѣйствуетъ на основаніи точнаго смысла Высочайшихъ повелѣній, что онъ служитъ вѣрнымъ выразителемъ желаній верховной власти, призвавшей его на многотрудный постъ руководителя народнымъ просвѣщеніемъ. Тутъ невозможны сомнѣнія. Графъ Толстой былъ министромъ четырнадцать лѣтъ; всѣ другіе министры оставались въ своей должности также продолжительное время (про князя Горчакова и графа Милютина нечего и говорить), и каждый разъ смѣна одного министра другимъ означала поэтому измѣненіе въ направленіи внутренней политики. Это и понятно: частыя колебанія во взглядахъ правительства ослабляли бы его законный авторитетъ.

Въ данномъ случаѣ, черезъ посредство г. Сабурова выражено довѣріе власти къ обществу, заявленъ призывъ къ совмѣстной съ правительствомъ работѣ. Не надо, конечно, обольщать себя чрезмѣрными надеждами. Армія нашихъ педагоговъ подбиралась такъ тщательно, что многіе изъ нихъ безусловно негодны для новаго, живаго дѣла, для дѣйствительно «человѣчной» школы; другіе готовы служить кому угодно, прислуживаться передъ кѣмъ угодно. Они постараются удержаться на своихъ мѣстахъ, но подобные люди всего менѣе способны руководить нашими дѣтьми, вести ихъ къ свѣту и добру. Съ другой стороны, и общество наше не отличается еще тою степенью самостоятельности, чтобы вполнѣ успѣшно взяться за дѣло. Но, конечно, плавать не выучишься, оставаясь на землѣ, и совмѣстная *не съ чиновниками министерства народнаго просвѣщенія*, а съ воспитателями государственныхъ учебныхъ заведеній, полная взаимнаго довѣрія работа представителей земскаго и городскаго самоуправленія не замедлитъ принести самые плодотворные результаты. Надо надѣяться, что не повторятся случаи, когда земства бывали вынуждены отказаться отъ всякихъ затратъ на народное образованіе, потому что администрація относилась къ голосу земскихъ людей съ нескрываемою враждебностію и не исполняла ихъ самыхъ законныхъ и разумныхъ желаній. Надо надѣяться, что не повторятся и случаи, подобные разсказанному *Русскимъ Курьеромъ*. «При проѣздѣ черезъ одинъ большой городъ (Москву), говоритъ газета, г. министръ народнаго просвѣщенія (г. Сабуровъ) обратился къ одному изъ директоровъ (реальнаго училища) съ приглашеніемъ высказать ему свое мнѣніе о нуждахъ ввѣреннаго ему заведенія. Директоръ исполнилъ желаніе г. министра, который любезно его благодарилъ и просилъ изложить высказанныя мысли письменно. Черезъ нѣсколько дней директора требуютъ къ мѣстному начальству, которое объявляетъ ему, что послѣ того, какъ директоръ взялъ на себя смѣлость высказывать министру *такіе* взгляды, имъ вмѣстѣ служить долѣе невозможно. Озадаченный неожиданнымъ оборотомъ дѣла, почтенный педагогъ — старикъ и отецъ большой семьи — уѣхалъ домой и... зарыдалъ. Его старшая дочь, увидя отца въ такомъ отчаяніи, получаетъ нервный ударъ. Злополучный директоръ ѣдетъ къ начальству и умоляетъ, чтобы его хотя перевели куда-нибудь. Старика перевели на другое мѣсто».

Разсказавши этотъ случай, *Русскій Курьеръ* основательно спрашиваетъ:

«Возможно ли, при такихъ условіяхъ, получать г. министру тѣ откровенныя мнѣнія, которыя, — мы не сомнѣваемся ни на минуту, — такъ искренно желаетъ онъ получить. Расчищено ли поле для подобной откровенности и не почерпнетъ ли, на самомъ дѣлѣ, большинство педагоговъ свои откровенныя мнѣнія въ канцеляріяхъ своего начальства, созданнаго и направленнаго еще прежнимъ министерствомъ?»

Надо надѣяться, надо надѣяться, отвѣтимъ мы. Слѣдуетъ крѣпко и дружно отстаивать гуманныя начала въ школѣ; общественное мнѣніе должно требовать справедливости повсюду, въ школѣ въ особенности. За право необходимо постоять, права необходимо пріобрѣсть настойчивою работою и честною мыслью. Къ тому же много препятствій къ правильному росту русскаго общества въ настоящее время устраняетъ само правительство. Что, напримѣръ, могло быть печальнѣе и для родителей, и для дѣтей, и для всего государства отказа въ пріемѣ въ учебныя заведенія по недостатку помѣщенія? Образованныхъ людей у насъ меньше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ Европы, а приготовлять ихъ отказываются вслѣдствіе тѣсноты классныхъ комнатъ! Но такому порядку скоро, вѣроятно, будетъ положенъ конецъ. Телеграфъ принесъ изъ Петербурга слѣдующее извѣстіе: 10 сентября, во время пріема просителей, въ присутствіи различныхъ лицъ, представлявшихся министру внутреннихъ дѣлъ, графу Лорисъ-Меликову, онъ обратился къ директору строительнаго училища съ слѣдующими словами: «У васъ нѣсколько человѣкъ не принято въ училищѣ, не смотря на то, что они выдержали экзаменъ. Распорядитесь, пожалуйста, чтобъ они всѣ были приняты; если нужны будутъ для этого особыя средства, то они найдутся; если будетъ тѣсно, ничего—потѣснятся; если въ чертежной, какъ вы говорите, тѣсно, я стѣны раздвину, только чтобы всѣ были приняты. Ваше училище показало себя отлично и я вами оченъ благодаренъ; только сдѣлайте это, пожалуйста, въ особенное мнѣ одолженіе. Такъ объявите имъ всѣмъ, что они приняты.» Рѣчь эта тронула до глубины души всѣхъ присутствовавшихъ *).

Къ дополненію утѣшительныхъ надеждъ въ области народнаго образованія слѣдуетъ упомянуть о закладкѣ сибирскаго университета, что оживляетъ надежду и на основаніе кавказскаго университета, и объ извѣстіяхъ, которыя сообщены *Новымъ Временемъ* **). «Одно изъ нихъ, говоритъ газета, касается насущнаго вопроса о сокращеніи канцеляризма. Мы имѣли случай видѣть процвѣтаніе этого рутиннаго начала съ верху до низу въ управленіи графа Толстаго. Это было столпотвореніе саженныхъ отчетовъ съ сотнями тысячъ графъ, исписанныхъ разноцвѣтными чернилами. Инспектора и директора народныхъ школъ содержали у себя цѣлый штатъ писарей и бо́льшую часть времени отдавали письмоводству, а не педагогіи. О дѣйствительномъ положеніи школъ можно было не знать, ошибаться, даже завѣдомо обманывать, но опасно было допустить хоть одну невѣрность въ милліонѣ отчетныхъ цифръ. Подъ вліяніемъ роста канцелярскихъ формъ самыя отношенія между служащими сдѣла-

*) Къ сожалѣнію, по свѣдѣніямъ *Молвы*, изъ числа жѣлавшихъ поступить въ институтъ инженеровъ путей сообщенія и въ технологическій институтъ, 669 человѣкъ не могли быть приняты также по недостатку, главнымъ образомъ, помѣщенія.

**) Новое Время, № 1611.

лись ненормальными. Служба дѣлу создаетъ людей взаимно уважающихъ; служба бумагѣ, наоборотъ, уничтожаетъ взаимное довѣріе и уваженіе».

Другое извѣстіе петербургской газеты относится къ вопросу о всеобщемъ обязательномъ народномъ образованіи. По словамъ *Новаго Времени*, вопросъ этотъ, не смотря на видимое затишье разговоровъ о немъ, подвигается едва ли не быстрѣе, чѣмъ прежде. Матеріалы оффиціальные и земскіе собираются воедино и вскорѣ появится въ печати ихъ второй томъ. По окончаніи ихъ изданія можно будетъ болѣе опредѣленно разсудить — когда настанетъ желанная пора для осуществленія обязательнаго обученія.

Къ сожалѣнію, во многихъ другихъ отношеніяхъ въ виду мало утѣшительнаго. Сенаторская ревизія восьми губерній, которую одни газеты встрѣтили съ преувеличенными надеждами, а другія довольно скептически, не произведетъ, по нашему мнѣнію, никакихъ серьезныхъ измѣненій ни въ административномъ строѣ, ни въ положеніи правосудія, ни въ экономическомъ состояніи населенія. «Выяснить, какъ думала одна вліятельная газета, взаимныя отношенія общественныхъ, судебныхъ и административныхъ учрежденій, раскрыть настоящее положеніе крестьянскаго и городскаго самоуправленій, нарисовать точную картину всѣхъ губернскихъ учрежденій, представить правдивое описаніе церкви и печати, промышленности и торговли, города и деревни, школы и кабака,—словомъ, изобразить губернію, какъ она есть»,—выяснить все это, повторяемъ, гг. сенаторы не будутъ въ состояніи. Сенаторскія ревизіи предпринимались много разъ; всегда ими раскрывались вопіющія нарушенія справедливости, самый возмутительный произволъ; и еще ни разу, на сколько намъ извѣстно, такого рода ревизія не достигала бо́льшихъ результатовъ. «Матеріалы», которые иногда весьма заботливо сбирались сенаторами, не шли ни на какую постройку. Быть можетъ, на нынѣшній разъ сенаторская ревизія и вызоветъ какія либо мѣропріятія, но странно было бы ожидать отъ нея многаго. Правительство чувствуетъ, въ извѣстные моменты, по крайней мѣрѣ, потребность въ знакомствѣ съ нуждами и положеніемъ имперіи не въ заурядномъ административномъ порядкѣ, почему и посылаетъ въ провинцію людей, незаинтересованныхъ посторонними побужденіями, свободныхъ отъ мѣстныхъ вліяній. Такія ревизіи представляютъ только крайне любопытный симптомъ....

Нѣкоторыя вѣдомства у насъ работаютъ такъ неудовлетворительно, что тормозятъ дѣятельность и другихъ. Таково было министерство народнаго просвѣщенія при графѣ Толстомъ. Таково нынѣшнее министерство финансовъ. Читатели помнятъ, что г. Грейгъ не нашелъ возможнымъ поставить на ближайшую очередь постройку сибирской желѣзной дороги, ссылаясь на недостаточность средствъ государственнаго казначейства и на необходимость какихъ-то другихъ предпріятій.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 195) напечатана слѣдующая телеграмма г. министра внутреннихъ дѣлъ изъ Ливадіи: «Нижего-

родскій временный генералъ-губернаторъ обратился ко мнѣ съ слѣдующею телеграммою: «Государю Императору благоугодно было утвердить, 18-го декабря 1875 года, сооруженіе сибирской желѣзной дороги. Нынѣ, по минованіи политическихъ обстоятельствъ, замедлявшихъ осуществленіе сего предпріятія, ярмарочное купечество, предсѣдатель биржеваго комитета, городской голова Нижняго и предсѣдатель нижегородскаго земства просили меня повергнуть къ стопамъ Государя Императора ходатайство о скорѣйшемъ сооруженіи участка Александровскаго пути, не превышающаго 300 верстъ и соединяющаго уральскую дорогу и Екатеринбургъ съ Тюменью, или обскій бассейнъ съ волжскимъ. Ярмарочное купечество вручило мнѣ сегодня всеподданнѣйшее прошеніе Его Императорскому Величеству о безотлагательной постройкѣ этого участка, какъ наиболѣе необходимаго въ торговомъ, промышленномъ и земледѣльческомъ отношеніяхъ. Въ виду государственнаго значенія этого сооруженія и многократныхъ ходатайствъ земства, города и всего россійскаго купечества, считаю долгомъ, независимо отъ представленія чрезъ ваше сіятельство всеподданнѣйшаго адреса, отправляемаго съ почтою въ Ливадію, телеграфировать о томъ, тѣмъ болѣе, что купечество развѣдется чрезъ нѣсколько дней изъ Нижняго во всѣ края Россіи». По докладу Государю Императору этой телеграммы, Его Величество, 29-го сего августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: «Теперь же передать означенное ходатайство, чрезъ министра финансовъ, на обсужденіе комитета министровъ, для изысканія способовъ къ безотлагательному сооруженію участка сибирской желѣзной дороги между Екатеринбургомъ и Тюменью, въ виду того, что означенное сооруженіе, помимо экономическаго его значенія, предоставитъ заработки приволжскому населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая».

По всей вѣроятности, комитетъ министровъ не замедлитъ указать г. министру финансовъ, гдѣ найти средства для постройки необходимой для Россіи дороги. А населеніе приволжскихъ и нѣкоторыхъ другихъ губерній пострадало очень сильно. Саратовскій корреспондентъ *Голоса* пишетъ:

«Для доказательства, какъ мало у насъ рабочаго скота вообще, приведу статистическія данныя. Во всей губерніи насчитывается 513,000 лошадей и 537,000 рогатаго скота (рабочихъ быковъ или коровъ — неизвѣстно; по всѣмъ вѣроятіямъ, коровъ должно быть гораздо больше). За исключеніемъ изъ этихъ цифръ надлежащаго процента для 11-ти городовъ, остается на 10 уѣздовъ: лошадей 448,000 и рогатаго скота 472,000, а какъ губернія занимаетъ семь съ половиною милліоновъ десятинъ, то оказывается, что одна лошадь и одна рогатая скотина приходится на 16 десятинъ. Возможно ли, поэтому, хорошая обработка земли и удобреніе? Но мы должны еще оговориться, что приведенныя цифры относятся къ 1879 году, а извѣстно, что по случаю неурожая въ этомъ году количество

скота у крестьянъ за зиму значительно сократилось, потому что скотъ, вслѣдствіе безкормицы, частью палъ, частью распроданъ *)».

Другой корреспондентъ той же газеты сообщаетъ, что въ четырехъ уѣздахъ: кузнецкомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ — полный неурожай; особенно отсутствіе ржи, этого главнаго продукта для остальныхъ семи уѣздовъ губерніи, тяжело отзывается на общемъ благосостояніи. Картина весьма печальная, и дай Богъ, чтобъ не дошло до полнаго голода въ народонаселеніи, которому незнакомы почти всѣ другія отрасли промышленности, кромѣ земледѣльческой! Причиной неурожая—засуха **).

Оренбургскій Листокъ говоритъ, что въ западной части губерніи поля почти также голы, какъ въ губерніи самарской. Очевидно, что разсчитывать на пониженіе цѣнъ хлѣба невозможно и въ этомъ году ***). Изъ сообщенія, сдѣланнаго симбирской губернской управѣ ея предсѣдателемъ, оказывается, что въ каширской, камышинской и верхнемаринской волостяхъ сызранскаго уѣзда «въ ржаныхъ поляхъ почти ничего нѣтъ; хлѣбъ не жали, а гдѣ что-нибудь родилось, тамъ дергали его отдѣльными колосьями. Но эти колосья оказывались почти безъ зерна ****). Не веселыя вѣсти съ юга. Изъ Маріуполя, напримѣръ, сообщаютъ въ *Донской Голосъ*: «Будущее предстоитъ намъ очень невеселое. На гавани нашей—полнѣйшая тишина, торговля во всѣхъ нашихъ лавкахъ, магазинахъ и другихъ мѣстахъ необычайно плоха» *****). Неурожай вызвалъ, разумѣется, оживленные толки въ печати, и столичной, и провинціальной. Въ послѣдней попадаются, конечно, необычайные курьезы. Одинъ, напримѣръ, областной публицистъ пишетъ: «*Это чисто кабинетное мнѣніе* (по которому самарское крестьянство истощило землю, сѣя пшеницу на пшеницу) *люди практическіе опровергаютъ тѣмъ, что все это чистый вздоръ*». Убѣдительно сказано. Бойкому публицисту рѣшительно всѣ чужія мнѣнія *кажутся поверхностными*, самъ же онъ сваливаетъ всю вину на *атмосферу*, благо она безотвѣтная.

Вопросу объ экономическомъ положеніи крестьянъ посвящены прекрасныя статьи А. И. Кошелева, появившіяся въ *Голосѣ* ******) и обратившія на себя всеобщее вниманіе.

Улучшился или ухудшился бытъ крестьянъ съ 1861 года? спрашиваетъ г. Кошелевъ. «Вотъ вопросъ, который часто предлагается и на который нѣтъ возможности дать прямой, положительный, безусловный отвѣтъ. Бытъ кре-

---

*) Голосъ, № 223.
**) Голосъ, № 229.
***) Оренбургскій Листокъ, № 32.
****) Симбирская Земская газета, № 203.
*****) Донской Голосъ, № 263.
******) № 250 и 251.

стьянъ, конечно, улучшился въ томъ отношеніи, что теперь ихъ не продаютъ на свозъ, не отбираютъ у нихъ, противъ ихъ воли, дѣтей для отдачи въ ученье какому-нибудь ремеслу или для взятія на службу въ господскій домъ, не лишаютъ крестьянъ собственности или не заставляютъ ихъ что-нибудь дѣлать по произволу барина или его прикащика, не высылаютъ ихъ на барщину по четыре, по пяти, даже по шести дней въ недѣлю, не сѣкутъ ихъ на барскомъ дворѣ ни за что ни про что, и прочее. Въ этомъ отношеніи улучшеніе крестьянскаго быта значительно и несомнѣнно.—Но крестьяне менѣе обезпечены землею, лѣсомъ, разными угодьями, даже кредитомъ, чѣмъ было прежде; они менѣе защищены отъ своеволій и притязаній полиціи; они отягощены разными земскими и общественными сборами и повинностями; у нихъ начальствъ столько, что ихъ и не перечтешь: старшина, староста, сборщикъ, исправникъ, становой, урядникъ, сотскій, присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, непремѣнный его членъ, предводитель дворянства, земская управа и проч. и проч.—словомъ, полное изобиліе въ командирахъ, и крестьяне не знаютъ, чье приказаніе исполнять и къ кому, въ случаѣ нужды, обращаться.»

По мнѣнію г. Кошелева, хотя и грустно, но должно сознаться, что крестьяне имѣютъ теперь въ селахъ и деревняхъ еще менѣе порядка и обезпеченности, чѣмъ они имѣли ихъ даже при помѣщичьемъ владѣніи. Особенно важно и тяжко то, что у крестьянъ, вслѣдствіе освобожденія отъ крѣпостной зависимости, явились новыя понятія, новыя желанія, а средствъ къ ихъ удовлетворенію не существуетъ. Причинъ такого печальнаго положенія много, и г. Кошелевъ мастерски указываетъ и анализируетъ эти причины. Мы отсылаемъ читателей къ статьямъ *Голоса*, если они хотятъ познакомиться со взглядами почтеннаго автора, и прямо перейдемъ къ тѣмъ мѣрамъ, принять которыя совѣтуетъ г. Кошелевъ для поднятія народнаго благосостоянія.

Первая изъ этихъ мѣръ, безъ всякаго сомнѣнія,—распространеніе образованія.—«Къ сожалѣнію, эта мѣра можетъ дѣйствовать только медленно и принести плоды только со временемъ; но какъ она ничѣмъ незамѣнима и какъ ея результаты не могутъ не быть благодѣтельными, то на нее необходимо обратить полное, неуклонное и безотложное вниманіе. Земства занялись было всѣ, болѣе и менѣе, сельскими первоначальными школами; но министерство народнаго просвѣщенія, руководимое нерасположеніемъ и недовѣріемъ къ земству, какими-то узкими аристократическими и чиновничьими соображеніями, всячески старалось забрать эти школы въ свои руки и устранить отъ нихъ земства, оставляя за ними одно хозяйственное завѣдываніе школами, т. е. ассигнованіе денегъ на ихъ содержаніе, безъ всякаго вмѣшательства въ учебные распорядки. Правительство должно, конечно, имѣть надзоръ за школами и его инспекторы могутъ пользоваться правомъ удаленія тѣхъ учителей, которые оказываются вредными или вовсе неумѣлыми; но, въ послѣдніе годы, школы не могли открываться безъ пред-

варительнаго разрѣшенія этихъ правительственныхъ агентовъ: учителя, безъ ихъ утвержденія, не имѣли права вступать въ отправленіе своей должности, и гг. инспекторы вздумали даже вводить свои методы преподаванія. Нѣкоторые инспекторы присвоивали себѣ даже власть опредѣлять учителей; но это удавалось имъ только въ селеніяхъ, гдѣ не было вовсе землевладѣльцевъ или гдѣ землевладѣльцы нисколько ни вмѣшивались въ школьное дѣло. Учительскія семинаріи, учрежденныя земствами, мало-помалу отбирались министерствомъ народнаго просвѣщенія въ его исключительное завѣдываніе. Въ послѣднее время, т. е. до благодатнаго дня 20-го апрѣля нынѣшняго года, это министерство, преисполненное ревности къ присвоенію себѣ всѣхъ, кромѣ денежныхъ, заботъ о сельскимъ школахъ, предписало даже не иначе производить закупку для нихъ книгъ, какъ съ утвержденія списковъ гг. инспекторами. Честь и благодарность земскимъ собраніямъ, что они, ограниченныя и стѣсненныя въ своей дѣятельности по школьному дѣлу, однако, не покинули его, не прекратили денежныхъ на него ассигновокъ и, въ надеждѣ на лучшее въ будущемъ, продолжали, хотя съ сокрушеніемъ въ душѣ, заниматься сельскими школами, на сколько это имъ было возможно!»

Вторая мѣра, предлагаемая г. Кошелевымъ, есть преобразованіе уѣздныхъ и губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Въ составъ присутствія должны войти, по крайней мѣрѣ, два крестьянина; кассаціонная власть присутствія по отношенію къ волостнымъ судамъ должна быть отмѣнена. У исправниковъ необходимо отнять власть штрафовать и сажать подъ арестъ старостъ и старшинъ. Необходимо, наконецъ, освободить крестьянское самоуправленіе отъ разныхъ циркуляровъ, предписаній и т. п. и дать ему возможность дѣйствовать сколь возможно самостоятельнѣе.

Г. Кошелевъ совѣтуетъ, въ 3-хъ, допустить апелляцію къ мировымъ судьямъ на приговоры волостныхъ судовъ и, въ 4-хъ, ограничить возможно точнѣе случаи вмѣшательства полиціи въ бытъ крестьянъ. Пятая мѣра, предлагаемая г. Кошелевымъ, относится къ преобразованію земскихъ выборовъ.

«Необходимо выяснить и поднять въ мнѣніи крестьянъ значеніе званія земскаго гласнаго и дать имъ возможность избирать отъ себя настоящихъ представителей, а не класть шары безъ всякаго сознанія или въ угоду тому или другому лицу. Землевладѣльцы и горожане избираютъ гласныхъ изъ своей среды; крестьяне же могутъ избирать и изъ членовъ избирательнаго съѣзда землевладѣльцевъ, и вообще изъ священнослужителей. Теперь сгоняютъ выборныхъ отъ крестьянъ изъ семи, восьми, даже десяти волостей въ одно мѣсто, куда пріѣзжаетъ, для наблюденія за правильностью выборовъ, или непремѣнный членъ, или предводитель дворянства, или иной кто изъ членовъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ; выборщики изъ разныхъ волостей сходятся на одинъ день, другъ друга не знаютъ, кого выбрать не вѣдаютъ и думаютъ, какъ бы засвѣтло добраться домой.

Тутъ являются искатели званія гласныхъ или изъ дворянъ, неувѣренныхъ быть избранными на землевладѣльческихъ съѣздахъ, или старшины и волостные писаря, по собственной охотѣ или по приказанію непремѣннаго члена. А потому избираются въ гласные не представители отъ крестьянства, а искатели этого званія изъ личныхъ какихъ-нибудь видовъ. Необходимо: 1) чтобъ выборы происходили по волостямъ, а не въ двухъ-трехъ назначенныхъ въ уѣздѣ мѣстахъ; 2) чтобы крестьяне избирали гласныхъ изъ своей среды; 3) чтобъ волостные старшины и писаря были включены въ ст. 36-ю «Положенія» о земскомъ учрежденіи, т. е. чтобъ, подобно губернаторамъ, исправникамъ и прочимъ чинамъ полиціи, не могли быть избираемы въ гласные. Необходимо также разрѣшить волостямъ при выборѣ уѣздныхъ гласныхъ, а уѣзднымъ земствамъ при выборѣ губернскихъ гласныхъ, назначать изъ своихъ суммъ суточныя деньги тѣмъ гласнымъ, которые заявятъ, что они на свой счетъ не въ состояніи отправиться въ земское собраніе и тамъ проживать во время его засѣданій. Всѣ эти мѣры совершенно необходимы для сообщенія выборамъ гласныхъ настоящаго земскаго характера и для уясненія крестьянамъ значенія предоставленныхъ имъ правъ. Эти мѣры будутъ весьма полезны и для земскихъ собраній вообще, потому что теперь въ губернскихъ собраніяхъ крестьяне почти вовсе отсутствуютъ, а въ уѣздныхъ они весьма недостаточно представлены.»

Г. Кошелевъ напоминаетъ мимоходомъ, чтобы присяжнымъ засѣдателямъ изъ крестьянъ назначали также суточныя деньги, потому что они большею частью люди бѣдные, въ городѣ сильно нуждаются, должны бываютъ даже милостыню просить, или, что̀ еще хуже, принимаютъ подачки или взятки отъ повѣренныхъ и другихъ лицъ. Обезпеченіе присяжнымъ засѣдателямъ крова и пищи—дѣло, совершенно необходимое для охраненія ихъ достоинства и правильнаго хода правосудія.

Почтенный авторъ требуетъ, кромѣ того, отмѣны подушной подати (наступленія одного изъ *счастливѣйшихъ дней!*), преобразованія паспортной системы, пересмотра выкупныхъ платежей*). «Кажется, довольно долго мы все откладывали; теперь этотъ способъ уже невозможенъ», таковы заключительныя слова г. Кошелева.

Дѣйствительно, откладывать, выжидать, aprѐs nous le dѐluge, — незамысловатая, но губительная для государства политика. Г. Кошелевъ, человѣкъ, вполнѣ компетентный въ вопросахъ о крестьянскомъ бытѣ, справедливо утверждаетъ, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости освободило отъ рабской приниженности и крестьянскую мысль. Изъ крѣпостныхъ могъ, конечно, выйдти Тарасъ Шевченко, но какихъ мукъ онъ натерпѣлся, сколько оскорбленій онъ вынесъ! Масса же коснѣла

*) Г. Кошелевъ ни слова не говоритъ, къ сожалѣнію, о необходимомъ расширеніи крестьянскихъ надѣловъ.

въ неволѣ и невѣжествѣ. Потребовался великій законодательный актъ, чтобъ разбить позорныя цѣпи и пробудить русскую народную мысль. Такимъ образомъ, *юридическое* измѣненіе государственнаго строя повлекло за собою неисчислимыя послѣдствія, экономическія и духовныя. У крестьянина явились потребности, которыхъ онъ прежде не зналъ; онъ располагаетъ теперь идеями, которыя прежде были недоступны мужицкому уму. Г. Кошелевъ видитъ въ этомъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ народнаго горя: желаній много, а средствъ къ ихъ удовлетворенію нѣтъ, въ головѣ родилась и созрѣла дума, но она встрѣчаетъ неласковый привѣтъ, должна прятаться, переряжаться. Бѣда застигла не одного крестьянина. Его всего тяжелѣе придавила нужда, но образованному человѣку также нелегко, въ другомъ изъ указанныхъ отношеній. Правда, бѣдность не составляетъ исключенія среди образованныхъ русскихъ людей, а среди стремящихся къ просвѣщенію она даже обычная посѣтительница. Темная и сырая комната, скудная и несвѣжая пища часто, слишкомъ часто, выпадаютъ на долю учащейся молодежи, мужской и женской. Но когда пройдетъ тяжелый курсъ, когда молодой человѣкъ побился еще два, три, четыре года, то, въ большинствѣ случаевъ, онъ можетъ устроиться безъ нужды. Труднѣе удовлетворить безпокойную мысль, далеко не легко справиться съ пробудившимися духовными, общественными потребностями. Правда, государственные люди стремятся, для славы и величія отечества, регулировать народную мысль, указывать предѣлы, въ которыхъ народная совѣсть можетъ двигаться совершенно свободно, намѣчать область, гдѣ эта совѣсть должна двигаться съ особою осторожностью, и, наконецъ, предписывать, куда она совсѣмъ не должна показываться. При такихъ условіяхъ, конечно, возможна относительная свобода печати, та свобода, о которой говоритъ Фигаро: «Pourvu que je ne parle en mes écrits ni de l'autorité, ni du culte, ni de la politique, ni de la morale, ni des gens en place, ni des corps en crédit, ni de l'opéra, ni des autres spectacles, ni de personne, qui tienne à quelque chose, je puis tout imprimer librement sous l'inspection de deux ou trois censeurs».

Но однажды пробудившаяся мысль неустанно двигается впередъ. Государственнымъ людямъ, какъ опытнымъ механикамъ, приходится то повышать, то понижать давленіе. Такого рода занятіе требуетъ, конечно, неусыпнаго вниманія, обширныхъ техническихъ свѣдѣній и вѣрнаго глаза. Сколько несчастныхъ случаевъ происходитъ даже при геніальныхъ государственныхъ механикахъ!

Не лучше ли отказаться отъ стремленія руководить тѣмъ, что, какъ вѣтеръ, не поддается руководству? Если общественные устои въ дѣйствительности крѣпки, то ихъ не сломитъ никакой бурѣ; если же они подгнили, то оборонить зданіе отъ ежедневной работы времени, подтачивающей окончательно фундаментъ и углы, нельзя иначе, какъ передѣлавши самое зданіе.

А стѣснять мысль значитъ стѣснять ростъ личности. Это невыгодно для государства. Проходятъ времена, когда безформенная масса, слѣпо повинуясь, создавала потомъ и кровью великія государства. Въ настоящее время государство можетъ крѣпко держаться только идеею, а идея сцѣпляетъ или рабовъ противъ ихъ владыки, или свободныхъ людей во имя отечества.

Посмотрите, какимъ сознаніемъ собственнаго достоинства преисполнены наши прибалтійскіе «рыцари», всѣ эти фонъ-Раутенфельды, фонъ-Будберги и иные. Читатели знаютъ изъ газетъ, что первый изъ этихъ господъ приказалъ своимъ рабочимъ избить капитана Жуковскаго за то, что тотъ не хотѣлъ отдать Раутенфельду ружье, съ которымъ проходилъ по владѣніямъ почтеннаго феодала. Самъ же феодалъ, памятуя о рыцарскомъ отношеніи къ женщинѣ, билъ кулаками жену капитана Жуковскаго.... Русская армія и все русское общество глубоко возмущены. *Новое Время*, *Голосъ*, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Русскій Курьеръ*, *Современныя Извѣстія* напечатали негодующія статьи, а *Берегъ* вступился за прибалтійскихъ рыцарей, а *Московскія Вѣдомости* отдѣлались молчаніемъ! Будберги выгоняютъ несчастныхъ рабочихъ изъ жалкихъ лачугъ въ открытое поле, гдѣ несчастные скитаются нѣсколько дней, и это проходитъ имъ почти безнаказанно, а почему? Потому что они, какъ общество, — организованная сила; потому что въ каждомъ изъ нихъ крѣпко живетъ сознаніе собственнаго достоинства. Скажутъ: стоитъ ли хлопотать о томъ и другомъ, если, при успѣшномъ исходѣ этихъ хлопотъ, у насъ выростутъ свои Раутенфельды? Напомню читателямъ, что подобные герои возможны въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ только потому, что тамъ уцѣлѣли нелѣпыя средневѣковыя привиллегированныя сословія, у насъ же въ результатѣ подъема и обезпеченія достоинства личности явилось бы только то, что Раутенфельды сдѣлались бы невозможными, что они встрѣчали бы каждый разъ быстрый и твердый отпоръ. Мы далеки отъ желанія возбуждать въ русскомъ обществѣ враждебныя чувства къ нашимъ согражданамъ нѣмецкаго происхожденія; мы вполнѣ убѣждены въ возможности не только мирныхъ, но и сердечныхъ отношеній между всѣми племенами, населяющими Россійскую имперію. Что для этого необходимо, объ этомъ мы говорили уже прежде и будемъ говорить впослѣдствіи. Теперь замѣтимъ, къ величайшему сожалѣнію, что враждебное отношеніе нѣмцевъ прибалтійскихъ губерній вообще къ русскимъ составляетъ не исключеніе, а общее правило, повидимому. Рижскій корреспондентъ *Новаго Времени* сообщаетъ о новыхъ подвигахъ почтенныхъ культуртрегеровъ. «Между двумя студентами, пишетъ корреспондетъ, однимъ полякомъ, членомъ корпораціи «Arconia» и дружины — русскимъ студентомъ М. произошла въ аудиторіи профессора политической экономіи размолвка изъ-за мѣстъ. Студентъ М., плохо знающій нѣмецкій языкъ, предложилъ противнику изъясняться по-русски, но тотъ не согласился, замѣтивъ, что М. не имѣетъ

права говорить *по-русски въ нѣмецкомъ* высшемъ учебномъ заведеніи, обратившись къ товарищамъ по корпораціи, предложилъ «вышвырнуть этого негодяя». Г. А., товарищъ обиженнаго студента М., знающій порядочно нѣмецкій языкъ, вступился за него и, послѣ непродолжительной размолвки, противники обмѣнялись карточками. Увидѣвъ карточку на русскомъ языкѣ, студентъ—членъ «Arcopia» не принялъ ее, сказавъ презрительно, что іероглифовъ не разбираетъ. Этимъ на этотъ разъ недоразуніе и окончилось. Наступила слѣдующая лекція политической экономіи, и русскій студентъ А., по порученію товарища М., потребовалъ объясненія у «аркона» по поводу оскорбительныхъ словъ, сказанныхъ на предыдущей лекціи. «Арконъ» сталъ отказываться отъ своихъ словъ и заявилъ, что ни въ какія объясненія вступать не намѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ вамъ сказать, что вы поступаете не какъ студентъ, а какъ уличный мальчишка и негодяй, заявилъ ему г. А. Противники обмѣнялись нѣсколькими рѣзкостями и разошлись. «Арконы» стали затѣмъ шептаться, о чемъ-то совѣтуясь. Послѣ лекціи, студентъ А., не подозрѣвая ничего худаго, спустился спокойно въ нижній этажъ съ товарищемъ М. М. пошелъ посмотрѣть, нѣтъ ли писемъ, а А. направился къ выходу. Едва успѣлъ онъ выйти изъ дверей, какъ увидѣлъ передъ собою толпу «арконовъ», человѣкъ отъ 20 до 30, и почувствовалъ, что его ударили нѣсколько разъ палками. Онъ пытался было защищаться, но тщетно.

— Я видѣлъ только, разсказывалъ мнѣ (корреспонденту) израненный А., лежа въ постели, какъ поднялся рядъ палокъ.... Затѣмъ я почувствовалъ страшный ударъ въ голову и упалъ, совершенно обезпамятѣвъ.

Избивъ и изранивъ несчастнаго, храбрые рыцари разбѣжались.

При этомъ побоищѣ присутствовало нѣсколько другихъ студентовъ, не принадлежавшихъ къ шайкѣ, но ихъ было сравнительно мало для того, чтобы защитить г. А.

— Я кричалъ имъ: что вы дѣлаете, господа! Перестаньте! говоритъ одинъ изъ нихъ; но на меня никто не обратилъ вниманія.

Избитаго А. посадили на извозчика и отвезли къ директору. Г. директоръ ужаснулся, увидавъ А. въ такомъ положеніи, и замѣтилъ чрезвычайно *предупредительно*, что не слѣдовало безпокоить его; можно было бы подождать и до слѣдующаго дня. Не дурно!

А. лежитъ въ постели. Онъ раненъ въ лобъ, возлѣ глаза, и потерялъ довольно много крови. Сорочка, платье, мѣсто побоища залиты кровью. Совѣтъ училища разсматриваетъ теперь это дѣло. Посмотримъ, чѣмъ это окончится».

Весьма возможно, замѣтимъ мы, что кончится пустяками *).

---

*) Нѣмецкія газеты толкуютъ о томъ, что остзейское дворянство объявляетъ дѣло Раутенфельда своимъ собственнымъ дѣломъ. Положеніе графа Тотлебена

Ёще разъ повторяемъ: грустно придти къ заключенію, что между гражданами одного и того же государства существуютъ непріязненныя отношенія, питаемыя племенными различіями; но къ иному заключенію нельзя придти, читая извѣстія изъ прибалтійскаго края. Русскому человѣку пора убѣдиться, что онъ долженъ надѣяться на себя, на дружную поддержку другихъ русскихъ людей. Тогда станутъ невозможными многія изъ печальныхъ и возмутительныхъ явленій нашей жизни. Оттого наша общественная атмосфера и отличается неустойчивостію, что неустойчивъ еще русскій человѣкъ, мало развита личность. Дѣятель, вносившій произволъ и жестокость на одномъ побережьѣ, не могъ развернуться на другомъ побережьѣ, потому что во второмъ случаѣ натолкнулся на стойкихъ и сплоченныхъ людей. А мы все ждемъ «вѣяній». Въ историческомъ отношеніи несравненно важнѣе вѣянія, идущія отъ общества, а не къ обществу.

Въ заключеніе — два факта къ характеристикѣ современнаго положенія. При № 101 *Смоленскаго Вѣстника* приложено слѣдующее объявленіе: «№ 100 нашего изданія не могъ быть выпущенъ въ свѣтъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ». Въ *Русскій Курьеръ* пишутъ изъ Тифлиса, что «пресловутый *хлѣбный вопросъ*, бывшій причиною разлада между мѣстною губернскою администраціею и городскою думой, кончился весьма печально для одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Такъ, выбранный въ качествѣ депутата отъ думы для представленія докладной записки о дѣйствіяхъ тифлисской полиціи, гласный Николадзе (извѣстный редакторъ газеты *Обзоръ*), по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, долженъ былъ поселиться на жительство въ г. Ставрополѣ».

В. Г.

поэтому будто бы сильно поколеблено и отставка его весьма вѣроятна. *National-Zeitung* (№ 444) разсказываетъ случай съ капитаномъ Жуковскимъ въ совершенно иной редакціи и считаетъ Раутенфельда безусловно правымъ. Берлинская газета очень хвалитъ статьи *Берега* по этому возмутительному дѣлу.

ЗЕМСТВО.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о сношеніяхъ между земствами.—Ходатайства по этому предмету.—Совѣщанія министра народнаго просвѣщенія съ земскими представителями.—Заявленія послѣднихъ о нуждахъ народной школы.

Въ нашемъ предыдущемъ обозрѣніи («Русская Мысль», сентябрь) мы указывали на ту пользу, которую могли бы принести съѣзды представителей земствъ разныхъ губерній для соглашеній по разнымъ предметамъ сельскаго хозяйства, касающимся интересовъ этихъ губерній. Вопросъ объ устройствѣ такихъ съѣздовъ неоднократно возбуждался земскими собраніями и составлялъ предметъ ходатайствъ ихъ передъ правительствомъ. Одно изъ такихъ ходатайствъ, подробно мотивированное, было возбуждено въ 1872 г. владимірскимъ губернскимъ собраніемъ, по предложенію двухъ гласныхъ отъ юрьевскаго уѣзда—В. В. Калачева и А. П. Лялина. «Шести-лѣтній практическій опытъ дѣятельности земскихъ учрежденій—говорили эти гласные въ представленной собранію запискѣ—долженъ бы выработать общія начала по важнѣйшимъ предметамъ земскаго хозяйства, къ которымъ относятся: народное образованіе, народное здравіе, народное продовольствіе, исполненіе натуральныхъ повинностей, сельское хозяйство, торговля и промышленность; но на дѣлѣ встрѣчается противное: многія земства, незнакомыя съ результатами практическихъ примѣненій и рѣшеній другихъ земствъ по предметамъ народнаго хозяйства, принимаютъ и вводятъ во всѣхъ мѣстностяхъ то, что другими земствами оставлено, какъ безполезное и непримѣнимое, и въ результатѣ выходитъ одна непроизводительность затрачиваемыхъ капиталовъ. Въ первое время открытія дѣйствій земскихъ учрежденій, земскіе дѣятели невольно должны были въ своихъ мѣстностяхъ дѣйствовать своеобразно, примѣняясь къ условіямъ ихъ и практическихъ своихъ взглядовъ (?), но время и опытъ должны были опредѣлить (?) примѣнимое и полезное отъ непримѣнимаго и безполезнаго, и поэтому должны были выработаться общія начала, общія правила по важнѣйшимъ отраслямъ земскаго хозяйства. Всѣ вышеисчисленные предметы, по важности своего значенія, безъ сомнѣнія, должны отнестись къ предметамъ общимъ, одинаково близкимъ для всѣхъ земствъ и сознаваe-

мымъ въ необходимости подчиненія ихъ общимъ основнымъ правиламъ. Разъединенность дѣйствій земскихъ учрежденій и невыгодныя послѣдствія оттого для нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія страны вызываютъ необходимость принятія мѣръ въ отклоненіи подобнаго рода недостатковъ, и, по нашему убѣжденію, единственнымъ средствомъ къ тому можетъ быть учрежденіе съѣздовъ земскихъ дѣятелей, составляющихся изъ людей, заинтересованныхъ ходомъ и развитіемъ земскаго дѣла и посвятившихъ себя ему, въ каждой губерніи, и, кромѣ того, общихъ центральныхъ, въ столицахъ или другихъ губернскихъ городахъ, по взаимному соглашенію земствъ. Опытомъ, основаннымъ на практикѣ, доказано, что подвинуть извѣстное дѣло впередъ, дать ему правильную организацію и объединить его не иначе возможно, какъ чрезъ составленіе съѣздовъ изъ людей, спеціально посвятившихъ себя тому дѣлу». По мысли авторовъ предложенія, «съѣзды земскихъ людей должны имѣть оффиціальное значеніе, дѣйствовать по программѣ, заблаговременно составленной; обсужденію должны подлежать только предметы, входящіе въ кругъ обязанностей земскихъ учрежденій и предоставленные имъ положеніемъ». Въ разрѣшеніи такихъ съѣздовъ со стороны правительства почтенные гласные не сомнѣвались: «напротивъ, думали они, можно разсчитывать на полное его сочувствіе и содѣйствіе къ дѣлу общему, близкому самому правительству» *).

Надежда эта однако не оправдалась: ходатайство собранія было отклонено комитетомъ министровъ на томъ основаніи, что «земскія учрежденія по характеру своему суть учрежденія мѣстныя и что обсужденіе и установленіе общихъ началъ, имѣющихъ связь съ пользами и нуждами земства всѣхъ мѣстностей, гдѣ введены земскія учрежденія, должны исключительно принадлежать правительству, которое, когда признаетъ это нужнымъ, само призываетъ земскія учрежденія къ обсужденію подобныхъ предметовъ» **).

Между тѣмъ, потребность объединенія земской дѣятельности, или, по крайней мѣрѣ, соглашенія между земствами сосѣднихъ губерній по отдѣльнымъ вопросамъ, продолжала ощущаться и земскія собранія вновь возбуждали ходатайство о разрѣшеніи съѣздовъ и сношеній. Такъ, въ прошедшемъ, 1879 году, новгородское губернское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи съѣзда лицъ, завѣдующихъ земскимъ страховымъ дѣломъ нѣсколькихъ смежныхъ губерній ***); въ 1878 году рязанское губернское собраніе ходатайствовало о созывѣ въ Москвѣ представителей земствъ разныхъ губерній для совѣщанія о мѣрахъ противъ грозившей въ то время эпидеміи и даже избрало двухъ

*) Журналы Владимірскаго г. з. с. 1872 г., стр. 72. Владим. Земск. Сборн. 1872 г., № 6.

**) Владимірскій Земскій Сборникъ 1873 г., № 5, стр. 54.

***) Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губ. за 1879 г., стр. 295.

депутатовъ на случай разрѣшенія такого съѣзда; въ томъ же году о созывѣ общеземскаго съѣзда ходатайствовало и воронежское губернское собраніе, по поводу предложенія гласнаго П. М. Плотникова объ изданіи общеземскаго періодическаго печатнаго органа. «Все чаще и чаще, говорилъ почтенный гласный, какъ въ обществѣ, такъ и въ нашей печати слышится упрекъ земству въ его апатіи, равнодушіи къ дѣламъ, упрекъ, нельзя не сознаться, отчасти справедливый; но гдѣ же причина этого факта? Какъ на одну изъ самыхъ главныхъ причинъ, я долженъ указать на отсутствіе земскаго періодическаго органа печати, который бы занялся разработкою вопросовъ мѣстнаго хозяйства, мѣстныхъ пользъ и нуждъ, который привелъ бы въ связь работы одного земства съ остальными и далъ бы намъ возможность пользоваться опытомъ нашихъ товарищей. Какъ тѣло безъ души, такъ земство безъ такого органа». Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія представляется, по мнѣнію г. Плотникова, изданіе общеземскаго періодическаго органа, «для чего необходимо войти въ соглашеніе съ остальными земствами и просить разрѣшенія о съѣздѣ делегатовъ отъ губернскихъ собраній для разработки программы періодическаго общеземскаго органа, при которомъ могъ бы издаваться, въ видѣ отдѣльнаго прибавленія, сборникъ или ежегодникъ. Съѣзду этому былъ бы порученъ выборъ редактора и его помощниковъ» *). И это ходатайство подверглось одинаковой участи съ владимірскимъ и рязанскимъ: комитетъ министровъ, «принявъ въ соображеніе, что воронежское губернское земское собраніе признало полезнымъ изданіе общеземскаго органа печати и ходатайствуетъ о допущеніи привести предположеніе это въ исполненіе, на основаніи программы, составленіе коей было бы поручено особому съѣзду уполномоченныхъ отъ земскихъ собраній въ Москвѣ и подъ редакціей лицъ, избранныхъ для сего означеннымъ съѣздомъ, и признавъ такія основанія не соотвѣтствующими ни существу возбужденнаго вопроса, ни установленному по земскимъ дѣламъ порядку», предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ ходатайство это отклонить **).

Независимо отъ тѣхъ соображеній, которыя послужили основаніемъ къ отказу въ ходатайствѣ владимірскаго земства, комитетъ министровъ указываетъ и на другія причины, дѣлающія излишними всякія измѣненія въ установленномъ порядкѣ сношеній между земствами. По его мнѣнію, существующій порядокъ вполнѣ удовлетворителенъ. По поводу ходатайства харьковскаго губернскаго собранія объ установленіи правилъ, опредѣляющихъ способъ сношеній между земствами нѣсколькихъ губерній по вопросамъ, имѣющимъ общій для нихъ интересъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ согласился и комитетъ министровъ, указалъ, что «въ самомъ законѣ таковыя правила существуютъ, такъ: а) въ при-

*) Журналъ Воронежскаго г. з с. 1878 г., стр. 80.
**) Журналъ Воронежскаго г. з с 1879 г., стр 31.

ложеніи къ ст. 84 Полож. о земск. учр. указаны дѣла, по которымъ сношенія или соглашенія между земствами могутъ производиться съ согласія губернатора; б) постановленія и журналы могутъ печататься съ разрѣшенія губернаторовъ; в) смѣты и раскладки печатаются въ губернскихъ вѣдомостяхъ и разсылаются гласнымъ», слѣдовательно, «земства имѣютъ возможность придать гласность своимъ распоряженіямъ и каждое собраніе можетъ слѣдить за дѣятельностью остальныхъ» *).

По буквальному смыслу закона, сношенія между земствами разныхъ губерній дѣйствительно допускаются. «Постановленія о сношеніи или соглашеніи съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ, или къ вопросамъ объ установленныхъ законами предѣлахъ вѣдомства собраній, вступаютъ въ силу и подлежатъ исполненію не иначе, какъ съ согласія губернатора», говоритъ ст. 16 Прав. о пор. произв. дѣлъ въ собраніяхъ (прилож. къ ст. 84 Пол. о земск. учр.). Статья эта не запрещаетъ, повидимому, сношеній не только письменныхъ, но и личныхъ, черезъ посредство делегатовъ заинтересованныхъ собраній, но на дѣлѣ она получаетъ другое примѣненіе. Въ сборникахъ правительственныхъ распоряженій по земскимъ дѣламъ мы встрѣчаемъ прямыя указанія на то, что постановленія собраній о сношеніи съ другими земствами отмѣняются сенатомъ не потому, чтобы на нихъ не было изъявлено согласіе губернаторомъ, а потому, что они признаются несогласными съ закономъ. Одно губернское собраніе, напр., предположило передать на обсужденіе управъ другихъ губерній вопросъ объ обложеніи каждаго выпиваемаго ведра вина налогомъ въ пользу земства. Сенатъ (рѣшеніе 4 мая 1867 г.) нашелъ, что «постановленіе о сообщеніи возбужденнаго предположенія всѣмъ губернскимъ управамъ другихъ губерній, съ тою цѣлью, чтобы этимъ путемъ оно могло дойти до такой опредѣленности, которая сдѣлала бы возможнымъ обобщить для всей имперіи предлагаемую мѣру, представляется несогласнымъ съ закономъ, ограничивающимъ кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій предѣлами губерніи или уѣзда, каждому изъ сихъ учрежденій ввѣренныхъ» **). По той же причинѣ отклонено ходатайство одного земства о разрѣшеніи ему, въ видахъ уменьшенія риска по добровольному страхованію, войти въ соглашеніе съ земствомъ другихъ губерній о взаимномъ перестрахованіи имуществъ. Просимое соглашеніе не дозволено потому, что «кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда, каждому изъ нихъ ввѣренныхъ», а въ то же время указано на возможность «входить въ соглашеніе съ частными обществами страхованія и перестрахованія» ***), не исключая, конечно, и тѣхъ, которыя находятся

*) Земскій Ежегодникъ за 1876 г., № 6039.

**) Сборникъ узаконеній, относящ. до земск. учрежд. Новгородѣ, 1879, стр. 8.

***) Тамъ же, стр. 543 (журн. Комит. Министр. 5 августа 1869 г.).

внѣ предѣловъ перестраховывающей губерніи. Наконецъ, на ходатайство московскаго губернскаго земства о разрѣшеніи ему войти въ соглашеніе съ земствомъ другихъ губерній по принятіи мѣръ противъ эпидеміи, бывшей въ Астраханской губ., послѣдовало извѣщеніе министра внутреннихъ дѣлъ, что «комитетъ министровъ предоставилъ ему, министру, помянутое ходатайство московскаго губернскаго земскаго собранія отклонить» *).

Такимъ образомъ, всѣ попытки земскихъ собраній воспользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ закономъ, оказывались неудачными, не смотря на то, что земства приступали къ нимъ съ крайней осторожностью: въ двухъ указанныхъ случаяхъ собранія, вмѣсто того, чтобы прямо сдѣлать постановленія о сношеніяхъ съ другими земствами, какъ это указано закономъ, возбудили ходатайство о дозволеніи имъ такихъ сношеній, но ходатайства ихъ оказались незаконными. Харьковское земство, слѣдовательно, было совершенно право, когда встрѣтило недоразумѣніе относительно способовъ примѣненія закона, дѣйствительно существующаго, и просило правительство объ указаніи этихъ способовъ; практика показываетъ, что вопросъ о сношеніяхъ между земствами оказывается гораздо болѣе сложнымъ, нежели какимъ онъ представлялся бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, а съ нимъ и комитету министровъ. Изъ указанныхъ министромъ способовъ сношеній первый, т. е. тотъ, который установленъ закономъ, оказывается совершенно непримѣнимымъ, ибо, какъ сказано, прибѣгать къ нему рѣшительно не дозволяется; остается затѣмъ обмѣнъ печатными постановленіями, смѣтами и раскладками, но если этотъ обмѣнъ и можетъ быть полезенъ для ознакомленія земствъ съ дѣятельностью другъ друга, то онъ отнюдь не можетъ замѣнить собою прямаго сношенія между сосѣдними губерніями по данному, интересующему ихъ вопросу. Какимъ образомъ черезъ обмѣнъ изданій могло бы, напр., состояться соглашеніе хотя бы по вопросу о мѣрахъ противъ эпидеміи между московскимъ и тульскимъ земствомъ? Съ другой стороны, если и помимо печатныхъ изданій возможенъ письменный обмѣнъ мыслей между управами, такъ какъ переписка управъ не подлежитъ контролю администраціи, то и это средство не всегда можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ, ибо во всякомъ дѣлѣ встрѣчается множество мелочей, весьма притомъ существенныхъ, которыя могутъ быть выяснены, примирены и улажены не иначе, какъ при личномъ объясненіи. Но и этимъ несовершеннымъ способомъ сношеній и соглашеній могутъ пользоваться только управы, а отнюдь не земскія собранія, за каждымъ шагомъ которыхъ слѣдитъ губернаторъ, готовый остановить всякое сколько-нибудь вольное движеніе.

Разрозненность земствъ и невозможность между ними сношеній, хотя и дозволенныхъ закономъ, весьма вредно отзываются на ходѣ земскаго

*) Журналы московскаго г. з. с. 1879 г., стр. 1.

дѣла: въ немъ нѣтъ никакого единства, даже въ тѣхъ отрасляхъ хозяйства, въ которыхъ такое единство существенно необходимо, не только въ интересахъ отдѣльныхъ земствъ, но и въ интересахъ государства. Къ числу такихъ отраслей принадлежатъ раскладки земскихъ сборовъ. Знакомясь съ основаніями обложенія земскими сборами имуществъ, напр., земель, нельзя не изумляться крайнему разнообразію пріемовъ оцѣнки, дѣлающихъ, по справедливому замѣчанію псковской губернской управы, невозможнымъ всякое сравненіе между губерніями и уѣздами, сравненіе, необходимое для правильной разверстки государственнаго поземельнаго налога, распредѣляемаго «по разрядамъ губерній, сообразно производительнымъ силамъ каждой изъ нихъ». Въ системахъ земскаго обложенія, говоритъ г. Полѣновъ въ недавно изданной имъ брошюрѣ, «мы нашли значительное разнообразіе оцѣночныхъ пріемовъ, какъ-то: часто ничѣмъ не оправдываемую разновременность производства оцѣнокъ, при которой устраняется возможность правильнаго вывода о сравнительномъ достоинствѣ земель въ разныхъ мѣстностяхъ, употребленіе совершенно не идущихъ къ дѣлу пріемовъ оцѣнки, отсутствіе общаго руководящаго начала и, наконецъ, иногда не вполнѣ серьезное отношеніе къ дѣлу», выражающееся въ пониженіи уѣздными собраніями оцѣнки земель «съ цѣлью наименьшаго участія въ платежѣ губернскаго сбора, распредѣляемаго между уѣздами соразмѣрно уѣзднымъ оцѣнкамъ». Устранить эти недостатки разрозненныя силы отдѣльныхъ уѣздовъ и губерній не въ состояніи; напротивъ, «съѣздъ представителей земствъ, говоритъ г. Полѣновъ, могъ бы сдѣлать въ теченіи одного-двухъ лѣтъ то, на что потребуются года и десятки лѣтъ. Куда какъ не скоро земства, путемъ печатанія своихъ изданій, придутъ къ соглашенію оцѣночныхъ системъ съ требованіями мѣстныхъ условій и особенностей! Въ настоящее же время дѣйствіе земствъ ограничено административными границами губерній и уѣздовъ и почвенныя границы съ ними очень часто не совпадаютъ; случается такъ, что сосѣднія и находящіяся въ одинаковыхъ экономическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ мѣстности подвергаются совершенно различному размѣру обложенія только потому, что ихъ земства случайно приняли ту или другую систему оцѣнки. И такъ, съѣздъ представителей земствъ, съ цѣлью выработки однообразныхъ, въ главныхъ чертахъ, основаній оцѣнки, представляется единственнымъ способомъ для правильнаго разрѣшенія вопроса о поземельномъ обложеніи. На подобный съѣздъ должна быть возложена не одна черновая работа; ему должна быть предоставлена нѣкоторая доля иниціативы, безъ чего работа съѣзда не можетъ быть самостоятельна. А для иной работы не стоитъ и созывать представителей земствъ: ее съ успѣхомъ могутъ выполнить и департаментскіе чиновники» *). Мы вполнѣ

*) Къ вопросу о податной реформѣ. Обзоръ системъ земскаго поземельнаго обложенія (1865—1879). Спб. 1880.

раздѣляемъ приведенное мнѣніе и думаемъ, что только указаннымъ путемъ могутъ быть достигнуты устраненіе той неуравнительности, которая отличаетъ нынѣшнія раскладки, и постановка всего дѣла на твердую почву. Конечно, съѣздъ не въ состояніи будетъ входить во всѣ мѣстныя подробности; за отдѣльными земствами должна быть сохранена свобода въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ общихъ началъ, но эти общія начала должны быть выработаны центральнымъ съѣздомъ, составленнымъ изъ людей, знакомыхъ съ страною и ея жизнью.

Въ связи съ вопросомъ о земскихъ раскладкахъ находится и другой важный вопросъ — объ организаціи собиранія статистическихъ свѣдѣній, безусловно необходимыхъ для правильнаго веденія земскаго дѣла. Для того, чтобы земскія учрежденія могли приносить дѣйствительную пользу населенію, удовлетворить его дѣйствительныя нужды, они должны быть подробно знакомы съ этими нуждами, со всѣми условіями народной жизни, а такое знакомство достигается только путемъ изслѣдованія. Какъ ни стара эта истина, но до сихъ поръ она еще не получила надлежащаго распространенія въ земской средѣ, лишь немногія земства обладаютъ нужными статистическими свѣдѣніями, другія не имѣютъ ихъ совсѣмъ и даже не заботятся объ ихъ собираніи, или собираютъ ихъ изъ самыхъ ненадежныхъ источниковъ — изъ волостныхъ правленій и полиціи. Многіе споры въ земскихъ собраніяхъ по существу своему совершенно безплодны, многія постановленія, не только безполезныя, но даже вредныя для населенія, вызываются именно незнакомствомъ съ мѣстными условіями. Подвинуть дѣло правильной организаціи земской статистики, необходимой въ интересахъ и земства, и государства, могъ бы тоже центральный земскій съѣздъ, который установилъ бы однообразные программы и пріемы собиранія статистическихъ свѣдѣній. Далѣе, какъ мы уже говорили въ нашемъ предыдущемъ обозрѣніи, земскіе съѣзды съ большимъ успѣхомъ могли бы выполнить ту задачу, которая предположена для будущихъ окружныхъ и общаго сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ. Говоря объ этихъ послѣднихъ, мы выразили сомнѣніе въ томъ, чтобы общество вообще и земство въ особенности встрѣтило ихъ сочувственно и, судя по газетнымъ извѣстіямъ, мы не ошиблись. По словамъ *Новаго Времени*, провинція отнеслась къ съѣздамъ далеко не сочувственно. Говорятъ даже, что многіе земскіе дѣятели, приглашенные къ участію въ съѣздахъ, «категорически отказались отъ этого участія, мотивируя свой отказъ недовѣріемъ въ успѣхѣ съѣздовъ, создаваемыхъ на бюрократическомъ началѣ».

Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ отраслей земскаго хозяйства, по которымъ установленіе общихъ руководящихъ началъ было бы полезно и желательно; остановимся лишь на одной, которая всегда была особенно дорога земству и въ которой, не смотря на всѣ пятнадцатилѣтнія усилія, сдѣлано еще такъ мало, — на начальномъ народномъ образованіи. Въ этой области земство, вступая въ жизнь, получило, какъ

извѣстно, самое скудное наслѣдство: почва была не подготовлена, опыта не было, жизнь не давала никакихъ поучительныхъ указаній и потому пришлось созидать все вновь — вырабатывать систему школьной организаціи, составлять программы, намѣчать задачи и предѣлы школы и т. д., и за неимѣніемъ своего, заимствовать у болѣе опытныхъ сосѣдей готовые методы и пріемы, выработанные при другихъ условіяхъ, возникшіе подъ вліяніемъ иной обстановки. При такихъ обстоятельствахъ, школьное дѣло, лишенное и указаній опыта, и общаго руководства, въ различныхъ мѣстностяхъ пошло различными, часто невѣрными путями и до сихъ поръ никакой общей системы у насъ еще не выработалось. Все, что дѣлалось и дѣлается по части народнаго образованія, составляетъ рядъ опытовъ, производимыхъ каждой губерніей, каждымъ уѣздомъ по своему, безъ всякаго общаго плана; пріемы, оказавшіеся непригодными въ одной мѣстности, примѣняются въ другой, чтобы вновь доказать свою несостоятельность. Разнообразіе и обиліе опытовъ могло бы, конечно, принести существенную пользу, если бы ихъ результаты дѣлались общимъ достояніемъ; но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ и опытъ пропадаетъ даромъ; ошибки, сдѣланныя одними, не служатъ поученіемъ для другихъ и вновь повторяются. Отношенія, установившіяся между училищнымъ начальствомъ и обществомъ, были, къ сожалѣнію, не такого свойства, чтобы содѣйствовать правильной постановкѣ школьнаго дѣла и его дальнѣйшему развитію; заявляя постоянное недовѣріе къ земству, враждебно относясь ко всѣмъ его начинаніямъ, оставляя безъ удовлетворенія самыя законныя, самыя существенныя его желанія и требованія, министерство народнаго просвѣщенія, во время управленія графа Толстаго, не могло сдѣлаться центромъ, который объединилъ бы школьное дѣло. Отношенія, въ особенности подъ конецъ, на столько обострились, что обѣ стороны не могли уже безпристрастно относиться другъ къ другу, а при такихъ условіяхъ о дружной, совокупной дѣятельности не могло быть и рѣчи. Въ настоящее время обстоятельства измѣнились: новый министръ народнаго просвѣщенія вступилъ въ непосредственныя сношенія съ мѣстными общественными представителями и не перестаетъ заявлять имъ свое довѣріе. «Прежде всего, говорилъ онъ въ Тулѣ, я долженъ замѣтить, что считаю дѣло народнаго образованія по преимуществу дѣломъ земскимъ. Земство должно знать, что нужно сдѣлать для того, чтобы удовлетворить потребностямъ школы и поставить ее на надлежащую высоту. Министерство народнаго просвѣщенія въ дѣлѣ этомъ представляетъ только спеціалиста-эксперта, помощника земства, къ которому оно можетъ обращаться съ полнымъ довѣріемъ». Въ Орлѣ А. А. Сабуровъ, обѣщая земскимъ дѣятелямъ полное содѣйствіе въ дѣлѣ особенно дорогаго ему народнаго образованія, высказывая увѣренность, что «отнынѣ всякія недоразумѣнія между лицами, завѣдующими администраціей школы, и обществомъ не будутъ болѣе существовать, и всѣ благомыслящіе русскіе люди, сочувствующіе дѣлу народ-

наго образованія, дружно и согласно будутъ содѣйствовать его преуспѣянію, по мѣрѣ силъ и средствъ каждаго». «Только въ единеніи земства и правительства заключается надежный залогъ преуспѣянія народнаго образованія», говорилъ министръ въ Тамбовѣ. При такомъ отношеніи къ земству лица, стоящаго во главѣ учебнаго вѣдомства, земскіе представители получаютъ возможность откровенно высказаться о всѣхъ нуждахъ народной школы, выяснить ея теперешнее положеніе и указать на тѣ условія, которыя препятствуютъ ея развитію. Между ними и министромъ не стоитъ теперь непроницаемая стѣна мѣстныхъ властей, иногда враждебныхъ имъ, и самому дѣлу, умѣющихъ, въ случаѣ надобности, дать всякому вопросу такую окраску, которая соотвѣтствуетъ ихъ интересамъ. Теперь министръ самъ выслушиваетъ общественныхъ дѣятелей, обѣщая, что «всѣ разумныя и справедливыя желанія земства будутъ немедленно удовлетворены», что представители земства «встрѣтятъ въ немъ самаго искренняго помощника во всякомъ благомъ начинаніи». Судя по газетнымъ извѣстіямъ, земскіе люди охотно пользуются такимъ внимательнымъ и довѣрчивымъ отношеніемъ министра, чтобы сообщить ему свои воззрѣнія, чтобы повторить передъ нимъ тѣ желанія, которыя неоднократно были представляемы правительству и оставались безъ удовлетворенія. Заявленія земцевъ, на сколько извѣстно изъ газетъ, сводятся къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ. Они желаютъ: 1) усиленія вліянія земства на завѣдываніе и управленіе народною школою, для чего необходимо увеличеніе числа членовъ отъ земства въ училищныхъ совѣтахъ и предоставленіе земству учреждать свою, отдѣльную отъ правительственной, инспекцію; 2) освобожденія народнаго образованія отъ опеки дворянства, посредствомъ предоставленія самимъ училищнымъ совѣтамъ права избирать своихъ предсѣдателей; 3) расширенія объема преподаванія въ народной школѣ введеніемъ въ ея программу нѣкоторыхъ предметовъ, въ настоящее время недопускаемыхъ, какъ-то: отечественной исторіи, географіи и элементарныхъ понятій объ естественныхъ наукахъ; 4) разрѣшенія учительскихъ съѣздовъ; 5) допущенія къ преподаванію закона Божія свѣтскихъ учителей и 6) отмѣны недавно установленныхъ правилъ относительно снабженія училищъ книгами. Всѣ эти желанія неоднократно уже были высказываемы земствами въ ихъ ходатайствахъ передъ правительствомъ. Въ особенности часто останавливалось вниманіе земскихъ собраній на вопросѣ о завѣдываніи училищами. Изъ неоднократныхъ рѣшеній сената оказывалось, что «участіе земствъ въ попеченіи о народномъ образованіи (не разумѣя участія матеріальнаго) ограничено представительствомъ въ училищномъ совѣтѣ» и что поэтому никакой иной земской инспекціи учреждаемо быть не можетъ (рѣшенія 20 января и 14 марта 1872 г.); между тѣмъ, по мѣрѣ развитія школьнаго дѣла и увеличенія числа училищъ, необходимость такой инспекціи ощущалась все болѣе и болѣе. Съ одной стороны, земскіе члены училищныхъ совѣтовъ не всегда имѣютъ достаточно времени для посѣ-

щенія значительнаго числа училищъ, съ другой, будучи избираемы исключительно изъ числа гласныхъ, они, въ большинствѣ случаевъ, не обладаютъ подготовкою и опытностію, необходимыми для того, чтобы направлять школьное дѣло и руководить учителей, часто неопытныхъ. «Одной правильной постановки школьнаго хозяйства—говорила въ 1876 г. московская уѣздная земская управа въ своемъ докладѣ: «о завѣдываніи земскими училищами»,—еще недостаточно для успѣшнаго хода учебнаго дѣла; недостаточно снабдить школу всѣми нужными пособіями и хорошо подготовленными учителями: будучи предоставлена самой себѣ, всякая школа, какъ бы хорошо она ни была устроена, очень скоро придетъ въ упадокъ. Нужно много опытности, много энергіи и любви къ дѣлу со стороны учителя, чтобы, среди той обстановки, въ которой онъ находится, не впасть въ рутину и не начать смотрѣть на свои обязанности исключительно съ формальной стороны. Между тѣмъ, значительная часть учительскихъ мѣстъ въ московскомъ уѣздѣ занята молодыми людьми, кончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и еще не успѣвшими пріобрѣсти надлежащей опытности. Прямо съ школьной скамьи приступая къ тяжелой учительской дѣятельности, эти молодые люди нуждаются въ руководствѣ, въ совѣтѣ, даже въ ободреніи со стороны лица, близко знакомаго и съ потребностями школы и съ особенностями учительскаго быта. Такое лицо,—говоря словами г. Рейса, бывшаго главнаго инспектора школъ въ Нью-Йоркѣ,—должно посѣщать каждый день школы, входить въ сношенія съ учителями и учениками, учить другихъ и поучаться самому, внушать рвеніе и, въ свою очередь, получать ободренія, помогать устройству нормальныхъ курсовъ, обсуждать планы обученія, могущіе направлять и развивать умственныя способности юношества, побуждать расположеніе къ школамъ родителей, подталкивать наставниковъ и дѣтей къ постоянному возвышенію въ умственной сферѣ, однимъ словомъ, развивать повсюду жизнь и энтузіазмъ».

«Взять на себя исполненіе такой обширной задачи не могутъ ни члены управы, ни члены училищнаго совѣта, ни многіе изъ попечителей училищъ. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо посвятить школамъ все свое время, а это невозможно для большинства указанныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого, чтобы училища, на которыя земство не щадитъ средствъ, достигали желаннаго успѣха, необходимо завѣдываніе ими поручить особому лицу, которое изо дня въ день слѣдило бы за ними, направляя ихъ дѣятельность и руководя неопытныхъ учителей указаніемъ и совѣтомъ. Ознакомленіе учителей съ усовершенствованными методами преподаванія, разъясненіе возникающихъ въ практикѣ ихъ недоумѣній, составленіе всѣхъ росписаній и программъ, выборъ руководствъ—вотъ тѣ предметы, которые, по мнѣнію управы, должны входить въ кругъ обязанностей такого лица. Для исполненія этихъ обязанностей существуютъ, правда, особыя должностныя лица—инспектора народныхъ училищъ; но вслѣдствіе крайне

недостаточнаго числа ихъ, они не въ состояніи во всѣхъ подробностяхъ слѣдить за каждой школой.»

Учредить такой надзоръ, въ виду препятствій со стороны закона, не представилось возможности и вотъ, черезъ три года послѣ представленія управою приведеннаго доклада, въ майской сессіи 1879 г., московское уѣздное собраніе узнало изъ записки гласнаго Д. Д. Филимонова, что «осмотръ школъ привелъ къ убѣжденію, что состояніе ихъ не совсѣмъ удовлетворительно и, что̀ еще печальнѣе, состояніе нѣкоторыхъ школъ, считавшихся прежде хорошими, лучшими, ухудшилось». Приписывая это явленіе различнымъ причинамъ—относительной новизнѣ школьнаго дѣла и экономическимъ условіямъ, препятствующимъ ученикамъ правильно посѣщать школу, почтенный авторъ записки главную причину его видитъ въ недостаткѣ надзора и замѣчаетъ, что «надзоръ за школами всего важнѣе, а надзоръ долженъ быть постоянный, неукоснительный и при строгомъ и неуклонномъ исполненіи разъ принятой и одобренной системы». Вести такой надзоръ училищные совѣты, какъ показалъ опытъ, рѣшительно не въ состояніи, и потому единственнымъ выходомъ для земства представляется учрежденіе въ уѣздахъ на земскій счетъ правительственныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ, согласно Высочайшаго повелѣнія 22 ноября 1875 г. Но осуществленіе этой мѣры не можетъ не встрѣтить существенныхъ затрудненій, ибо, отпуская деньги на содержаніе учреждаемыхъ по ходатайству его инспекторовъ, земство совершенно устраняется отъ всякаго на нихъ вліянія, такъ какъ инспектора эти назначаются и увольняются попечителями учебныхъ округовъ, безъ участія земства. Неудобство назначенія на земскій счетъ правительственнаго инспектора испытало елабужское, вятской губ., земство, которому принадлежитъ первый починъ въ этомъ дѣлѣ. Въ сессіи 1877 года «собранію доложено управою, что въ виду представленія земскимъ инспекторомъ народныхъ школъ отчетовъ, она не имѣетъ никакихъ иныхъ свѣдѣній о ходѣ народнаго образованія въ уѣздѣ, кромѣ числа школъ. Ревизіонная коммиссія, разсмотрѣвъ изложенныя управою пререкательства между управою и инспекторомъ, просила собраніе предложить г. Соболеву оставить службу уѣздному земству; если г. Соболевъ не оставитъ службы, то ходатайствовать предъ начальствомъ о его удаленіи. Собраніе утвердило заключеніе ревизіонной коммиссіи *). То же самое случилось въ бердянскомъ уѣздѣ, таврической губ. Здѣсь, согласно ходатайства собранія 1876 г., былъ назначенъ инспекторъ, который «вызывалъ недоразумѣнія и столкновенія съ управою, заставившія управу предложить собранію возбужденіе ряда ходатайствъ, направленныхъ къ огражденію училищъ» **). Весьма понятно поэтому, что нѣкоторыя земскія собранія воронежской губ., обсуждавшія

*) Земскій Ежегодникъ за 1877 г., № 2723.

**) Тамъ же, № 2873.

въ 1876 г. предложеніе директора народныхъ училищъ объ учрежденіи инспекторовъ съ содержаніемъ отъ земства, отклонили это предложеніе и что вообще немногія земства рѣшились на примѣненіе этой мѣры. При такихъ обстоятельствахъ, ходатайство земскихъ представителей, вновь заявленное министру народнаго просвѣщенія о предоставленіи земству болѣе дѣятельной роли въ завѣдываніи учебной частью народныхъ училищъ нельзя не признать вполнѣ основательнымъ. Для усиленія правильнаго надзора за школами необходимо, чтобы земству предоставлено было право или приглашать особыхъ инспекторовъ-педагоговъ, или же, чтобы число членовъ училищнаго совѣта отъ земства было увеличено, хотя бы пропорціонально числу училищъ въ уѣздѣ, съ тѣмъ, конечно, чтобы члены эти могли быть избираемы не изъ среды только гласныхъ.

Мы привели только тѣ заявленія земскихъ дѣятелей, о которыхъ сообщалось въ газетахъ. Конечно, А. А. Сабурову, при дальнѣйшихъ его сношеніяхъ съ лицами, близко стоящими къ народной школѣ, придется услыхать еще много иныхъ желаній и ходатайствъ, которыя, вслѣдствіе различія мѣстныхъ условій и личныхъ воззрѣній лицъ, ихъ заявляющихъ, не могутъ не представлять крайняго разнообразія. Разобраться въ этомъ обиліи разнообразныхъ и, можетъ быть, противорѣчивыхъ свѣдѣній и заявленій и вывести изъ нихъ заключеніе о дѣйствительныхъ желаніяхъ общества будетъ чрезвычайно трудно. Помочь въ этомъ трудномъ дѣлѣ могли бы представители земства, спеціально на то уполномоченные, если бы правительство предоставило имъ обмѣняться мыслями и обсудить всѣ тѣ потребности народной школы, которыя особенно нуждаются въ удовлетвореніи. Такое совѣщаніе принесло бы двоякую пользу: правительство подробно ознакомилось бы съ положеніемъ и нуждами школьнаго дѣла, а земская дѣятельность получила бы бо́льшее единство, особенно необходимое въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ народное образованіе.

Земство и земскія учрежденія въ 1876—77 годахъ.

I.

Управленіе дѣлами земства и отношенія земскихъ учрежденій къ прочимъ органамъ государственнаго строя.

(Продолженіе) *).

Помѣщенныя въ «Ежегодникѣ» постановленія земскихъ собраній, относящіяся къ опредѣленію чйсленности личнаго состава земскихъ управъ, крайне разнообразны. Одни изъ собраній довольствуются необходимымъ, для составленія коллегіи, числомъ членовъ управъ, другія доводятъ это число до четырехъ, пяти, шести. При этомъ нѣкоторыя собранія, не находя въ своей средѣ достаточнаго числа лицъ, желающихъ быть членами управъ, пользуются правомъ, предоставляемымъ имъ 60 ст. полож. о земскихъ учр., и пополняютъ свои управы приглашеніемъ сторонникъ лицъ. Въ 1876 году къ этой мѣрѣ прибѣгли собранія вельское, вятское и олонецкое, а въ 77-мъ—губернское воронежское и уѣздныя: котельничское, макарьевское и самарское.

1877 годъ былъ годомъ избранія предсѣдателей и членовъ управъ на новое трехлѣтіе и опредѣленія имъ содержанія. Изъ значительнаго числа помѣщенныхъ въ «Ежегодникѣ» постановленій о размѣрѣ этого содержанія видно, что предсѣдатели губернскихъ управъ получаютъ отъ 1500 до 3600 руб.; члены—отъ 1000 до 2000 р. Предсѣдатели уѣздныхъ управъ отъ 800 до 2000 р., члены—отъ 450 до 1200 р. Изъ губернскихъ земскихъ собраній самыми щедрыми въ этомъ отношеніи были: смоленское, самарское и тамбовское. Первое назначило предсѣдателю управы 3600, второе и третіе по 3000 р. Жалованье членовъ управы всѣ трое опредѣлили въ 2000 рублей. Изъ уѣздныхъ собраній темниковское, козловское, новгородское, макарьевское и краснослободское предсѣдателямъ управъ назначили по 2000 руб., членамъ — отъ 1000 до 1200 р. Крайне скупыми оказались: чухломское, назначившее предсѣдателю управы 800 р., членамъ по 500 р.; саранское—предсѣдателю 900 р., членамъ—по 450 р., богодуховское—предсѣдателю 800 р., членамъ—по 600 р. и любимское, опредѣлившее содержаніе и предсѣдателя, и членовъ въ 800 рублей. Чрезвычайною несоразмѣрностью отличается постановленіе горбатовскаго земскаго собранія, въ силу котораго предсѣдатель управы получаетъ 2000 р., члены же всего по 500 р.

---

*) См. сент.

Расходъ земства на содержаніе предсѣдателей и членовъ управы составляетъ только часть расходовъ по управленію его дѣлами. Содержаніе секретаря, бухгалтера, канцелярскіе расходы, расходы на наемъ помѣщенія, на напечатаніе смѣтъ раскладокъ, отчетовъ и постановленій собраній, все вмѣстѣ взятое составляетъ весьма значительную сумму, почти во всѣхъ земствахъ съ каждымъ годомъ увеличивающуюся. Но надо отдать справедливость земскимъ собраніямъ, что увеличеніе это вполнѣ соотвѣтственно дѣйствительнымъ потребностямъ и довольно умѣрено. Въ «Земскомъ Ежегодникѣ» 1877 года помѣщены смѣты расходовъ на 1878 годъ: 35 губернскихъ земствъ и 293 уѣздныхъ. Недостаетъ смѣтъ 74 уѣздныхъ земствъ. Если мы сравнимъ цифры, находящіяся въ графѣ этихъ смѣтъ, посвященной расходамъ «на содержаніе управъ», съ цифрами расходовъ на тотъ же предметъ, показанными въ смѣтахъ земскихъ расходовъ на 1868 годъ, помѣщенныхъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденной коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ», то увидимъ, что расходъ на содержаніе 28 губернскихъ управъ въ 1868 году предполагался въ 496.263 р.; по истеченіи же десяти лѣтъ то же смѣтное назначеніе на содержаніе тѣхъ же управъ возросло до 544.751 рубля, т. е. увеличилось всего на 9,7%.

Слѣдующая таблица подробно показываетъ размѣръ расходовъ по содержанію губернскихъ управъ въ 1868 и 78 годахъ:

Губернскія земства.	Назначено было:		Увеличилось.	Уменьшилось.	Земства, кои своихъ учрежденій въ 68 году не имѣли.	На 78 г. назначено было:
	на 68 годъ.	на 78 годъ.				
Херсонское	22.600	36.960	14.360	—	Уфимское	28.736
Полтавское	23.860	29.018	5.158	—	Пермское	27.160
Вятское.....	20.000	27.410	7.410	—	Донское.....	20.060
Харьковское....	21.090	26.950	5.860	—	Бессарабское.	13.260
Таврическое	21.250	24.000	2.750	—	Вологодское..	11.800
Казанское.....	24.390	23.334	—	1.056		
Екатеринославск.	18.500	22.968	4.468	—		
Курское	16.112	22.400	6.288	—		
Рязанское.....	17.500	22.100	4.600	—		
Тамбовское	18.500	21.500	3.000	—		
Самарское	27.543	20.452	—	7.091		
Черниговское....	21.000	20.100	—	900		
Новгородское ...	22.100	19.000	—	3.100		
Симбирское	13.600	18.500	4.900	—		
Нижегородское..	22.300	17.800	—	4.500		
Воронежское....	11.850	17.632	5.782	—		
Тверское.....	15.005	17.300	2.295	—		
Псковское	9.700	17.250	7.550	—		
Тульское.....	22.913	16.350	—	6.563		
Владимірское....	19.500	16.250	—	3.250		

Губернскія земства.	НАЗНАЧЕНО БЫЛО: на 68 годъ.	НАЗНАЧЕНО БЫЛО: на 78 годъ.	Увеличилось.	Уменьшилось.	Земства, кои своихъ учрежденій въ 68 году не имѣли.	На 78 г. назначено было.
Ярославское.....	10.900	16.000	5.100	—		
Орловское.....	16.500	15.620	—	880		
Смоленское.....	15.750	15.050	—	700		
Пензенское.....	12.000	13.000	1.000	—		
Костромское....	10.200	12.300	2.100	—		
Калужское.....	15.500	12.207	—	3.293		
Олонецкое.....	12.100	12.100	--	—		
Петербургское...	14.000	11.200	—	2.800		
Всего.....	496.263	544.751	82.621	34.133		
Московское.....	Свѣдѣній въ трудахъ коммиссіи нѣтъ.	42.700	48.488			
Саратовское.....	15.077	Свѣдѣній въ Ежегодникѣ нѣтъ.				

Сравнительные итоги расходовъ на тотъ же предметъ уѣздныхъ земствъ мы можемъ привести только по 14 губерніямъ, такъ какъ въ «Ежегодникѣ» смѣтъ многихъ уѣздныхъ земствъ нѣтъ. Цифры расходовъ 1868 года, показанныя въ нижеслѣдующей таблицѣ, взяты изъ «Трудовъ» той же коммиссіи.

Уѣздныя земства.	НАЗНАЧЕНО БЫЛО: на 68 годъ.	НАЗНАЧЕНО БЫЛО: на 78 годъ.	Увеличилось.	Уменьшилось.
Владимірскія.....	86.133	91.009	4.876	—
Костромскія.....	52.686	62.011	9.325	—
Курскія.....	82.859	92.145	9.286	—
Нижегородскія.....	84.283	69.535	—	14.748
Новгородскія.....	62.381	80.512	18.131	—
Олонецкія.....	24.150	33.648	9.498	—
Полтавскія.....	72.935	91.138	18.203	—
Самарскія.....	58.129	68.417	10.288	—
Петербургскія.....	72.289	65.902	—	6.387
Симбирскія	45.134	62.462	17.328	—
Таврическія.....	56.816	72.077	15.261	—
Тверскія.....	58.506	72.975	14.469	—
Херсонскія.....	65.265	76.348	11.083	—
Ярославскія.....	49.375	51.771	2.396	—
Всего.....	870.941	989.950	—	—

Общій итогъ по 14 губерніямъ въ теченіи 10 лѣтъ увеличился на 119.009 р., что̀ составляетъ увеличеніе въ 13,7%. Изъ этого слѣдуетъ, что расходы по содержанію уѣздныхъ управъ возрастаютъ значительнѣе расходовъ по содержанію управъ губернскихъ.

Въ 1867 году самыя скромныя суммы были ассигнованы на содержаніе слѣдующихъ уѣздныхъ управъ:

Бѣлевской	636 р. (?)
Повѣнецкой	2.170 »
Пудожской	2.180 »
Чухломской	2.400 »
Старо-Оскольской	2.932 »
Каргопольской	2.960 »

Наиболѣе крупныя ассигнованія были на содержаніе уѣздныхъ управъ:

Херсонской	13.500
Одесской	13.940
Елизаветградской	14.500
Рославльской	15.355

Къ 1877 году ни одно земское собраніе не ассигновало на содержаніе своей управы менѣе 3.000 рублей. Менѣе 4.000 было ассигновано только на содержаніе слѣдующихъ четырехъ управъ:

Олонецкой	3.085 р.
Боровской	3.170 »
Задонской	3.700 »
Мышкинской	3.953 »

Maximum назначеній доходитъ до 21.750 рублей. Болѣе 12/т. назначено на содержаніе уѣздныхъ управъ:

Богородской	12.374	Херсонской	14.088
Александровской	12.425	Уфимской	14.350
Харьковской	12.460	Московской	15.182
Бирской	12.583	Пермской	16.700
Чердынской	12.710	Бердянской	16.780
Казанской	12.800	Верхотурской	17.000
Самарской	12.825	Одесской	17.440
Елизаветградской	13.000	Екатеринбургской	21.750
Ростовск. (на Дону)	13.950		

Въ отдѣлѣ постановленій, устанавливающихъ порядокъ дѣлопроизводства и счетоводства земскихъ управъ, мы находимъ нѣсколько нелишенныхъ интереса постановленій. Такъ напримѣръ, вельское собраніе опредѣлило: для побужденія гг. членовъ управы къ болѣе исправному исполненію возлагаемыхъ на нихъ управою порученій, обязать ихъ на будущее время вести, по составленной ревизіонной коммиссіею формѣ, журналъ о своихъ занятіяхъ, куда должны вноситься порученія управы и время ихъ исполненія (76 г. № 243). Усть-Медвѣдицкое окружное собраніе отказало управѣ въ ходатайствѣ объ опредѣленіи бухгалтера и постановило возложить обязанность бухгалтера на одного изъ членовъ управы по ея усмотрѣнію (76 г. № 249). Въ противоположность такому странному постановленію, возлагающему обязанности, требующія спеціальныхъ знаній и

непрестанныхъ занятій на мѣстѣ, въ управѣ, на лицъ, такихъ познаній обыкновенно не имѣющихъ и по роду своей службы обязанныхъ къ частымъ отлучкамъ въ уѣздъ, ростовское (на Дону) собраніе нашло неудобнымъ совмѣстную дѣятельность члена управы по завѣдыванію кассой и текущими дѣлами земскаго хозяйства съ исправленіемъ должностей секретаря управы и бухгалтера (76 г. 312). Усманское собраніе пошло гораздо далѣе. Желая облегчить дѣятельность управы, оно предположило: создать органъ надзора и исполненія въ видѣ земскихъ участковъ, которыя должны быть отдѣленіями земскихъ управъ; завѣдываніе ими поручить гласнымъ или наемнымъ лицамъ; вмѣнить въ обязанность полицейскимъ властямъ и инымъ учрежденіямъ оказывать всякое законное содѣйствіе означеннымъ учрежденіямъ и территоріальное дѣленіе пріурочить къ призывнымъ участкамъ по воинской повинности. Предположеніе это было передано тамбовскимъ губернскимъ собраніемъ на заключеніе уѣздныхъ, которыя всѣ высказались противъ этой мѣры, послѣ чего и губернское собраніе окончательно отклонило ее (76 г. 282).

Всѣ остальныя, помѣщенныя въ «Ежегодникѣ», постановленія о дѣлопроизводствѣ и отчетности управъ содержатъ въ себѣ общія болѣе или менѣе всѣмъ земствамъ правила.

Отдѣлъ о возбужденіи отвѣтственности управъ и лицъ, служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, заключаетъ въ себѣ 63 постановленія, изъ коихъ 35 относятся къ 76 году и 28 къ 77-му. Растраты (въ большинствѣ случаевъ довольно незначительныя), небрежное веденіе дѣлъ, запутанность счетовъ и непредставленіе отчетности — вотъ главныя изъ тѣхъ дѣйствій, которыя вызвали эти постановленія. Одни изъ нихъ отличаются крайней снисходительностью къ совершеннымъ проступкамъ; другія (меньшинство) крайней придирчивостью, дающей право думать, что преслѣдовались не столько интересы правосудія, сколько какіе-то личные счеты и интересы партій. Такъ, между прочимъ, стерлитамакское собраніе, въ числѣ цѣлаго ряда обвиненій предсѣдателя управы Эннатскаго въ разныхъ противозаконныхъ поступкахъ, обвиняло его въ недостаткѣ энергіи въ распоряженіяхъ, въ исчезновеніи подлинной объяснительной записки къ смѣтѣ и раскладкѣ и веденіи книгъ входящихъ и исходящихъ бумагъ общихъ по управѣ и особо по бухгалтеріи, съ записью нѣкоторыхъ бумагъ одновременно въ ту и другую книгу, что отнимаетъ, по мнѣнію собранія, возможность сообразить, сколько всего поступило и выпущено номеровъ (?!). Не станемъ отрицать значительной доли халатности и распущенности въ веденіи дѣлъ земскихъ управъ; не отвергаемъ также грустнаго и часто повторяющагося факта растратъ земскихъ суммъ, но считаемъ нужнымъ указать на необходимость съ крайней осторожностью и осмотрительностью относиться къ вопросамъ о возбужденіи въ земскихъ собраніяхъ дѣлъ уголовнаго характера. Люди, вѣдающіе тайны провинціальной жизни, знаютъ, какъ сильно, въ послѣднее

время, въ нашихъ захолустьяхъ развилась манія допекать своихъ супостатовъ возбужденіемъ уголовныхъ преслѣдованій и рядомъ съ этимъ большое умѣніе тушить злоупотребленія своихъ друзей, союзниковъ и сподвижниковъ. Отсюда тѣ до нелѣпости доходящія натяжки въ ту или другую сторону, коими отличаются почти всѣ постановленія земскихъ собраній разсматриваемаго нами отдѣла. Съ удовольствіемъ отходимъ отъ него и обращаемся къ разсмотрѣнію мѣропріятій земскихъ собраній къ обезпеченію лицъ, служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ. Съ замѣчательнымъ единодушіемъ земскія собранія хлопочутъ объ учрежденіи пенсіонныхъ и эмеритурныхъ кассъ, которыя могли бы обезпечить старость и немощность трудившихся на поприщѣ земскихъ дѣлъ. Не мало и въ этомъ дѣлѣ встрѣчается разныхъ затрудненій. Неумѣніе взяться за дѣло и удовлетворительно составить довольно сложные уставы, нерасположеніе къ этому доброму и столь необходимому дѣлу лицъ, обезпеченныхъ и ни въ какихъ пенсіяхъ и эмеритурахъ не нуждающихся, составляютъ одну только сторону невзгодъ, постигающихъ стремленія земскихъ собраній обезпечить участь своихъ служащихъ. Есть и другая: между довольно многочисленными постановленіями собраній о пенсіяхъ и эмеритурахъ находимъ постановленія рязанскаго губернскаго собранія, въ которомъ сказано, что собраніе это согласилось съ мнѣніемъ управы, находившей, что, внося въ смѣту 5000 рублей на обезпеченіе участи служащихъ земству, слѣдуетъ не оставлять избраннаго пути — возобновленія уже трижды представляемаго правительству ходатайства объ утвержденіи проекта пенсіонной кассы. Конечно, долбитъ вода и камень, но грустно, что къ такимъ мѣрамъ приходится прибѣгать въ дѣлахъ до очевидности полезныхъ и до крайности необходимыхъ.

Если мы сравнимъ постановленія 76 года съ постановленіями 77-го, то увидимъ, что протекшій между ними годъ нѣсколько измѣнилъ положеніе дѣла. Въ 76 году постановленія собраній ограничиваются выраженіемъ желанія устроить кассы. Собранія поручаютъ управамъ приступить къ проектированію уставовъ, къ составленію расчисленій и т. п. Въ 1877 году появляются уже выработанные проекты, какъ, напримѣръ, проекты земствъ: владимірскаго, таврическаго, тверскаго и херсонскаго; собранія разсматриваютъ ихъ и направляютъ на утвержденіе правительства. Для бо́льшаго ознакомленія читателя съ этимъ дѣломъ приведемъ главныя основанія *устава эмеритальной кассы для служащихъ въ тверскомъ земствѣ*.

1) Тверская земская эмеритальная касса учреждается для выдачи единовременныхъ вспоможеній и пожизненныхъ пенсій: а) для лицъ, служащихъ въ канцеляріяхъ какъ губернской, такъ и уѣздныхъ управъ; б) для агентствъ взаимнаго земскаго страхованія; в) для учителей и учительницъ народныхъ школъ и училищъ, въ которыхъ содержаніе имъ производится изъ земскихъ суммъ; г) для смотрителей губернской и уѣздныхъ земскихъ больницъ; д) для

фельдшеровъ губерніи, нанимаемыхъ земствомъ и е) для служащихъ въ губернской земской типографіи. Учителя и учительницы, получающіе только награды отъ земства или пособія, хотя бы и каждогодныя, но не достигающія размѣра $^3/_4$ всего содержанія учителя, къ составу лицъ, пользующихся эмеритурой, не причисляются. Фельдшера, нанимаемые обществами, а равно и состоящіе на службѣ земства, но не имѣющіе аттестатовъ на званіе фельдшера, эмеритурой не пользуются. 2) Всѣ вышепоименованныя лица получаютъ право на пользованіе эмеритурой только тогда, когда занимаютъ штатныя мѣста, согласно табели, утвержденной губернскимъ собраніемъ. Лица, занимающія на службѣ земства сверхъ-штатныя должности, эмеритурой не пользуются и въ списки не включаются. 3) Срокъ, съ котораго исчисляется право на пользованіе эмеритурой, опредѣляется со времени поступленія лица на штатное мѣсто. 4) Эмеритальная касса учреждается при губернской управѣ, которая обязана вести каждогодно книги съ поименнымъ указаніемъ по каждому уѣзду лицъ, занимающихъ штатныя мѣста, и времени ихъ поступленія. О всякой перемѣнѣ лицъ при новыхъ наймахъ, при выбытіи изъ службы или назначеніи на другую штатную должность, уѣздныя управы въ то же время сообщаютъ губернской. Срокъ занятія штатной должности для лицъ, состоящихъ на службѣ въ 1 января 1878 года, долженъ считаться со времени поступленія ихъ на службу земства. 5) Правомъ полученія эмеритуры могутъ воспользоваться лишь лица, безпорочно прослужившія въ занимаемыхъ ими должностяхъ указанное ниже число лѣтъ. Служба должна быть непрерывная, но, въ исключительныхъ случаяхъ, отъ усмотрѣнія собранія зависитъ выдавать пенсіи, пособія и добавочное жалованье и при перерывахъ, лишь бы общій срокъ удовлетворялъ условіямъ устава. 6) Назначеніе эмеритурныхъ пособій, пенсій и добавочнаго содержанія лежитъ на обязанности губернской управы. 7) Дополнительное содержаніе выдается за каждый годъ по прошествіи года, а пенсіи помѣсячно по прошествіи мѣсяца. 8) Тому, кто, въ теченіи періода своей службы, занималъ двѣ или нѣсколько штатныхъ должностей съ различными окладами, эмеритурныя пособія, пенсіи и добавочныя содержанія назначаются по окладамъ каждой должности отдѣльно, соотвѣтственно числу лѣтъ, проведенныхъ на каждой изъ нихъ. 9) Прослужившимъ отъ пяти до десяти лѣтъ и оставившимъ свои занятія, по тяжкимъ неизлечимымъ болѣзнямъ, выдаются единовременныя пособія въ размѣрѣ 30% штатнаго содержанія. Въ случаѣ смерти лица, имѣющаго право получить единовременное пособіе, таковое выдается его семейству (женѣ или дѣтямъ, не достигшимъ совершеннолѣтія). 10) Пенсіи выдаются по оставленіи службы: а) прослужившимъ 15 лѣтъ въ размѣрѣ 50% оклада; б) прослужившимъ 20 лѣтъ въ размѣрѣ 80% оклада; в) прослужившимъ 25 лѣтъ и болѣе полное штатное содержаніе. 11) Оставившимъ службу по тяжкимъ и неизлечимымъ болѣзнямъ пенсіи выдаются: а) прослужившимъ 10 лѣтъ въ размѣрѣ 30% оклада; б) прослужившимъ 15 лѣтъ 50% оклада и в) прослужившимъ 20 и болѣе лѣтъ—полное штатное содержаніе. Ускоренныя пенсіи выдаются только въ томъ случаѣ, когда, по оставленіи службы въ земствѣ, данное лицо не имѣетъ никакой правительственной или общественной службы. 12) По смерти лица, имѣющаго право на пенсію или уже получавшаго ее, таковая выдается въ половинномъ размѣрѣ его семейству,—женѣ пожизненно или до выхода замужъ, сыновьямъ до совершеннолѣтія и дочерямъ до выхода замужъ или до совершеннолѣтія. 13) Ежегодное добавочное жалованье изъ эмеритальнаго капитала выдается остающимся на службѣ: а) если они прослужили 10 лѣтъ—въ размѣрѣ 15% оклада, прослужившимъ 15 лѣтъ—въ размѣрѣ 25% оклада; б) прослужившимъ 20 лѣтъ—въ размѣрѣ 50%; в) служащимъ 25 лѣтъ и болѣе — полное штатное содержаніе.

14) Фондъ эмеритальной кассы предположено было составить: а) изъ всѣхъ наличныхъ средствъ кассы, которыя должны были оказаться къ 1 Января 1878 г. въ % бумагахъ и наличныхъ деньгахъ; б) изъ ежегоднаго отчисленія изъ губернскихъ земскихъ суммъ 3% съ полныхъ штатныхъ окладовъ, для чего таковая сумма и должна вноситься каждогодно въ смѣту губернскаго сбора; в) изъ ежегоднаго отчисленія 5% съ чистаго дохода съ земской типографіи и г) ежегоднаго вычета съ служащихъ 3% съ штатнаго ихъ содержанія. 15) Фондъ кассы, съ нарастающими на него процентами, остается неприкосновеннымъ впредь до того времени, когда губернское собраніе признаетъ, что получаемыхъ процентовъ будетъ достаточно для удовлетворенія потребностей кассы, до тѣхъ же поръ всѣ выдачи кассы ежегодно удовлетворяются изъ статьи губернской смѣты на непредвидѣнные расходы. Равнымъ образомъ, ежегодный взносъ въ фондъ кассы 3% штатныхъ окладовъ изъ губернскаго земскаго сбора продолжается до тѣхъ поръ, пока губернское собраніе признаетъ, что образовавшійся капиталъ достаточенъ для цѣлей кассы. 16) Всѣ наличныя средства кассы должны быть помѣщаемы губернскою управою въ процентныя бумаги, приносящія не менѣе 5% дохода. Трехъ-процентный вычетъ со служащихъ производится уѣздными управами и отсылается въ губернскую управу полной суммой, въ январѣ мѣсяцѣ каждаго года, за годъ впередъ.

Проекты владимірскаго и таврическаго земствъ сходствуютъ съ проектомъ тверскаго, но, по мнѣнію нашему, менѣе удобны, требуютъ бо́льшихъ вычетовъ со служащихъ и предоставляютъ имъ менѣе выгодъ. Что же касается до проекта херсонскаго земства, то онъ построенъ на совершенно иныхъ началахъ. Проектъ этотъ, выработанный г. Герценштейномъ, имѣетъ въ виду обезпеченіе старости (60 лѣтъ) и вообще возможности имѣть средства къ существованію при потерѣ имущества, доходовъ, состоянія, службы и здоровья, участвующимъ въ кассѣ и предоставляетъ ихъ собственному усмотрѣнію выборъ размѣра обезпеченія отъ 200 до 1200 р. въ годъ. Собственно говоря, это есть скорѣе взаимное добровольное страхованіе доходовъ, зависящихъ отъ личнаго труда участвующихъ въ кассѣ, и земству предоставляется въ немъ участіе въ качествѣ учредителя, безъ обязательныхъ взносовъ. Всѣ эти проекты представлены на утвержденіе правительства, но утверждены ли—неизвѣстно. Приведенное нами постановленіе рязанскаго собранія указываетъ, что такое утвержденіе легко и скоро не дается.

Кромѣ пенсіонныхъ кассъ, общихъ для всѣхъ служащихъ по земству, нѣкоторыя земства обратили вниманіе на необходимость обезпечить участь учителей народныхъ школъ и приняли мѣры къ учрежденію кассъ, спеціально для нихъ назначенныхъ. Такъ, въ 1876 году, курское губернское собраніе утвердило проектъ устава пенсіонной кассы учителей и учительницъ земскихъ начальныхъ училищъ курской губерніи. Его главныя начала: пенсіонный капиталъ образуется изъ ежегоднаго въ теченіи 10 лѣтъ (начиная съ 1875 года) взноса губернскаго земства по 7250 р., изъ 2% вычета изъ жалованья учителей и учительницъ; изъ 5% вычета изъ получаемыхъ ими наградъ и изъ частныхъ пожертвованій. Размѣръ пенсіи: за 15 лѣтъ службы—100 р., за 20 лѣтъ—150 р., за 25

лѣтъ—200 рублей. Послѣ смерти лица, получавшаго пенсію или пріобрѣвшаго право на ея полученіе, пенсіею пользуется его семейство: вдова — половиною, а изъ другой половины 1/3 на ребенка. Завѣдываніе дѣлами пенсіонной кассы возложено на губернскую управу.

Вопросомъ объ обезпеченіи учителей народныхъ школъ, кромѣ курскаго собранія, въ 1876 году, занимались губернскія собранія: московское и черниговское и уѣздное ливенское,—въ 1877 году—кунгурское и осинское.

Изъ постановленія, помѣщеннаго въ «Ежегодникѣ» 1877 года (№ 270), видно, что при полтавской губернской управѣ имѣется уже вспомогательная касса для народныхъ учителей, капиталъ которой въ 1876 году состоялъ изъ 5.926 р. 62 к., въ томъ году поступило 2.048 р. 31 к., израсходовано 1.580 р., къ 1 января 1877 года осталось 6.394 р. 93 к.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что земство наше не забываетъ тѣхъ, кто ему служитъ; оно заботится и стремится обезпечить ихъ будущность и если не встрѣтится препятствій, внѣ земства стоящихъ, препятствій, заставляющихъ земскія собранія по нѣсколько разъ ходатайствовать объ одномъ и томъ же, то участь лицъ, служащихъ по земству, въ скоромъ времени будетъ обезпечена и лучше, и правильнѣе посвящающихъ всю свою жизнь службѣ государственной, и въ преклонной старости пріобрѣтающихъ право за свою разбитую и уничтоженную на службѣ жизнь получать то, что обезпечивало отъ голода сто лѣтъ тому назадъ. Конечно, все это не относится до тѣхъ, которые кончаютъ свое служебное поприще на мѣстахъ директоровъ департаментовъ и выше, но мы говоримъ о такъ называемой мелкой сошкѣ, о трудящемся и рабочемъ людѣ.

Н... Н... Б...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Политика Англіи въ связи съ парламентскими выборами 1870—1880 гг.

Со времени заключенія Парижскаго трактата и до начала семидесятыхъ годовъ Англія постоянно уклонялась отъ серьезнаго вмѣшательства въ вопросы, волновавшіе большинство европейскихъ державъ, какъ только подобное вмѣшательство грозило вовлечь ее въ опасную войну. Правда, консервативное министерство неоднократно принимало участіе при рѣшеніи существенныхъ международныхъ вопросовъ, но эти вопросы тѣмъ не менѣе нерѣдко рѣшались въ ущербъ интересамъ Англіи. Самъ лордъ Биконсфильдъ считалъ необходимымъ въ то время дѣлать уступки другимъ государствамъ, лишь бы спокойствіе въ Европѣ не было нарушено.

Министерство Гладстона, доведшее политику невмѣшательства до крайнихъ предѣловъ и заботившееся лишь о поднятіи въ Англіи общаго уровня благосостоянія, возбудило противъ себя неудовольствіе въ массѣ народа, считающей, что Англія въ своихъ собственныхъ интересахъ должна постоянно слѣдить за поддержаніемъ въ Европѣ равновѣсія.

Недовольство миролюбивою политикою Гладстона начало выказываться въ Англіи съ осени 1870 г. Учрежденіе республики во Франціи и осада Парижа возбудили въ англичанахъ сочувствіе къ французскому народу, а опасенія чрезмѣрнаго усиленія Пруссіи и тогдашняго союза ея съ Россіей вызвало стремленіе содѣйствовать скорѣйшему окончанію франко-прусской войны. Въ общественномъ мнѣніи Англіи, въ концѣ 1870 г., произошелъ поворотъ.

Еще во время поѣздки Тьера по европейскимъ дворамъ англійская печать единодушно высказывалась за невмѣшательстго въ франко-прусскую войну. «Times» и «Daily News» открыто заявляли, что не ожидаютъ никакихъ результатовъ отъ посланничества Тьера и полагаютъ благоразумнѣйшимъ предоставить Францію собственной ея участи, т. е. произволу побѣдителя, но выражали въ то же время надежду, что Германія устоитъ противъ увлеченія побѣдами, не подпадетъ искушенію возмездія

и не потребуетъ болѣе того, что дѣйствительно необходимо для ея собственной безопасности. «Daily News» не желала даже, чтобы Германія потребовала себѣ и менѣе того, что ей слѣдуетъ. Французское вмѣшательство и французская диктатура въ Европѣ, по мнѣнію газеты, должны были быть разъ навсегда подавлены. Но уже въ концѣ октября мѣсяца тѣ же газеты говорили о необходимости принять нѣкоторое участіе въ положеніи французовъ. Первыя заявленія въ этомъ смыслѣ были сдѣланы какъ-то неувѣренно, но впослѣдствіи требованія положить предѣлъ кровопролитію предъявлялись рѣшительнѣе.

Не смотря на перемѣну во взглядахъ печати, правительство продолжало твердо держаться политики невмѣшательства и только для успокоенія общественнаго мнѣнія дѣлало слабыя попытки содѣйствовать примиренію Германіи съ Франціей. Конечно, попытки эти не имѣли успѣха, такъ какъ графу Бисмарку было извѣстно, что серьезнаго вмѣшательства Англіи въ войну нельзя опасаться. Въ рѣчи, произнесенной англійскимъ канцлеромъ казначейства спустя нѣсколько недѣль послѣ седанскаго погрома, высказано было мнѣніе большинства кабинета по вопросу объ участіи Англіи въ франко-прусской войнѣ и Бисмаркъ хорошо понималъ поэтому, что Англія безусловно останется нейтральной. «Англія, заявилъ канцлеръ казначейства въ этой рѣчи, не можетъ и не должна въ настоящую минуту принимать ни малѣйшаго участія въ происходящей распрѣ и починъ въ дѣлѣ примиренія воюющихъ сторонъ не можетъ принадлежать ей, но вообще всѣмъ нейтральнымъ державамъ. Мы сердечно желаемъ, добавилъ министръ, предупредить нынѣшнюю печальную войну, а также не менѣе искренно и горячо желаемъ, чтобъ обѣ стороны вышли изъ борьбы съ возможно меньшими потерями и страданіями, но нашъ нейтралитетъ не одно пустое слово; оно выражаетъ истинный взглядъ нашъ и на происходящую нынѣ войну. Есть три вида участія, какое посторонняя держава можетъ принять въ войнѣ: во-первыхъ, *третейскій судъ*, для этого нужно было бы, чтобъ обѣ враждующія стороны обратились къ намъ съ просьбою разсудить ихъ несогласіе, но такъ какъ этого въ настоящую минуту не было, то о третейскомъ судѣ не можетъ быть и рѣчи; во-вторыхъ, *вмѣшательство*, что значило бы, отказавшись отъ нейтралитета, прямо идти на помощь той или другой изъ воюющихъ сторонъ. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія обратиться къ такому образу дѣйствій. Въ-третьихъ, *посредничество*, когда мы подаемъ добрый совѣтъ быть умѣренными, благоразумными и воздержанными отъ враждебныхъ дѣйствій». Въ заключеніе своей рѣчи министръ сказалъ, что Англіи одной только политики должно держаться—она должна остерегаться того, что онъ назвалъ бы оффиціальнымъ вмѣшательствомъ въ распрю. Если бъ Англія могла облегчить Франціи обращеніе къ врагу ея съ предложеніемъ о мирѣ, то правительство могло бы принять на себя передачу этихъ предложеній; или если бы Англія могла рѣшить споръ и обѣ сто-

роны желали ея рѣшенія, въ такомъ случаѣ правительство сочло бы долгомъ явиться посредникомъ, и вся англійская нація, безъ сомнѣнія, признала бы, что оно исполняетъ свою обязанность. Далѣе же этого, по мнѣнію канцлера казначейства, которое раздѣляло и которымъ руководствовалось правительство, Англія не могла идти.

Замѣчательная стойкость, выказанная кабинетомъ Гладстона въ вопросѣ о посредничествѣ, свидѣтельствуетъ, что, уклонясь отъ серьезнаго вмѣшательства въ борьбу Франціи и Германіи, министерство глубоко было убѣждено въ необходимости такъ дѣйствовать и полагало, что интересы Великобританіи не могутъ пострадать отъ исхода борьбы. Мнѣніе это правительство даже не считало полезнымъ скрывать и этимъ совершенно развязывало руки прусскому канцлеру, который воспользовался чрезмѣрнымъ миролюбіемъ Англіи и предъявилъ условія, крайне обременительныя для Франціи. Нельзя не признать, конечно, что либеральное министерство дѣйствовало логично, но въ принципѣ едва ли оно не заблуждалось. Какъ ни существенно для государства заботиться о скорѣйшемъ развитіи его внутреннихъ силъ, тѣмъ не менѣе каждой изъ великихъ державъ необходимо слѣдить за совершающимися въ Европѣ событіями и противиться такому рѣшенію всякаго существеннаго международнаго вопроса, которое грозило бы нарушить его интересы,—а именно въ такомъ положеніи и находилась Англія въ 1870 - 71 годахъ, по отношенію къ франко-прусской войнѣ. Правда, чрезмѣрное усиленіе Германіи лишь косвенно затрогивало интересы Великобританіи, но что рано или поздно между двумя этими государствами могутъ возникнуть недоразумѣнія—это едва ли подлежитъ малѣйшему сомнѣнію. Прошло только десять лѣтъ послѣ осады Парижа и тому же самому Гладстону приходится считаться съ Германіей, которая горячо теперь поддерживаетъ главнаго противника англійскаго либеральнаго министерства — австрійскую имперію. Въ настоящее время, когда къ бывшей войнѣ между Германіей и Франціей можно относиться совершенно спокойно, должно сознаться, что крайне печальные для Франціи и вообще для европейскаго мира результаты войны въ значительной степени лежатъ на отвѣтственности великихъ державъ.

Несомнѣнно, что, въ случаѣ серьезнаго вмѣшательства Европы, Германія не рѣшилась бы предъявлять тяжелыя и унизительныя для Франціи требованія и многія недоразумѣнія, возникшія вслѣдствіе созданнаго Франкфуртскимъ миромъ порядка вещей, были бы избѣгнуты. Только увѣренностью въ безусловное невмѣшательство Англіи и другихъ великихъ державъ въ войну Германіи съ Франціей можно объяснить слѣдующія слова циркуляра графа Бисмарка отъ 1-го сентября 1870 года: «Если французская нація придетъ къ убѣжденію, что, съ одной стороны, она одна легкомысленно объявила войну и что, съ другой, Германія одна довела войну до конца и потому она, безъ посторонняго вмѣшательства, должна свести свои счеты съ одной Германіей, то тогда она немедленно

положитъ предѣлъ сопротивленію, совершенно теперь безполезному. Было бы жестокостью со стороны нейтральныхъ державъ, въ отношеніи французской націи, допускать, чтобъ парижское правительство поддерживало въ народѣ неосуществимыя надежды на вмѣшательство и продолжало борьбу».

Послѣ того, какъ общественное мнѣніе въ Англіи начало высказываться за активную политику, правительство стало подвергаться самымъ рѣзкимъ нападкамъ. Даже наиболѣе умѣренные органы печати осуждали политику Гладстона. Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей оппозиціи, лордъ Бульверъ Литтонъ, напечаталъ письмо въ «Times», въ которомъ обвинялъ правительство не только въ недостаткѣ энергіи, но и въ непринятіи своевременно мѣръ для воспрепятствованія франко-прусской войнѣ. «Если бъ мы тогда опредѣлительно и съ твердостью, говорилъ Бульверъ, но безъ всякихъ враждебныхъ и угрожающихъ выраженій объявили, что войну, которую готовилась Франція начать, считаемъ несправедливою, и прибавили бы (какъ это и на самомъ дѣлѣ было), что такое мнѣніе девяносто девяти англичанъ изъ ста, и если бъ мы рѣшительно потребовали отъ тогдашняго правителя Франціи не начинать такой войны, то, безъ сомнѣнія, подобная нравственная угроза, являясь собственно угрозою общественнаго мнѣнія Англіи, остановила бы тогда еще колеблющуюся рѣшимость императора. Менѣе всякаго другаго, продолжаетъ сэръ Генри Бульверъ, способенъ я совѣтывать нашему правительству дѣлать угрозы, которыя оно не готово привести въ исполненіе; вовсе не желалъ бы я и того, чтобъ правительство поспѣшно, безъ самыхъ важныхъ къ тому поводовъ, вовлекало страну въ насильственный образъ дѣйствій. Но едва ли, съ другой стороны, была необходимость и въ томъ, чтобъ, только еще открывая ротъ (для предположенія своихъ совѣтовъ), правительство объявляло, что оно намѣрено лишь «поговорить» не болѣе. Есть благая середина между задирающимъ видомъ и разсылкою глашатаевъ, которые, звоня въ свой колокольчикъ, объявляютъ, что «Англія вовсе-де не намѣрена сражаться».

Письмо сэра Бульвера имѣло въ свое время большое значеніе, такъ какъ онъ высказывалъ въ немъ мысли, принимавшіяся за программу, которой руководствовалась бы консервативная партія, если бы она стояла во главѣ правительства Англіи. Либеральный кабинетъ видѣлъ, какъ оппозиція постоянно усиливается, но тѣмъ не менѣе строго держался программы, изложенной въ рѣчи канцлера казначейства, и депешей къ лорду Лофтусу отъ 20 октября лордъ Гренвиль подтвердилъ еще разъ, что правительство не измѣнитъ своего образа дѣйствій по отношенію къ франко-прусскому вопросу; графъ Бисмаркъ могъ заявить, по прочтеніи этой депеши, что, послѣ отказа правительства національной защиты созвать учредительныя собранія, Германіи остается только добиться силою оружія мира для нея удобнаго, не заботясь о томъ, что оттого произойдетъ для Парижа.

Признавая необходимымъ смягчить крайне невыгодное для кабинета впечатлѣніе, вызванное его иностранной политикой, Гладстонъ употреблялъ чрезвычайныя усилія, чтобы достичь наиболѣе благопріятныхъ результатовъ во внутреннемъ управленіи страной. Почти одновременно съ появленіемъ въ печати письма сэра Бульвера оффиціально сообщено было, что въ теченіи послѣдняго года правительство уменьшило государственный долгъ и что финансовое положеніе Англіи находилось въ блестящемъ состояніи. Изъ всей послѣдующей дѣятельности кабинета видно, что министерство стремилось обратить вниманіе англійскаго народа на внутреннія дѣла и по возможности отвлечь отъ политическихъ вопросовъ, но быстро слѣдовавшія одно за другимъ важныя событія невольно приковывали вниманіе англичанъ къ драмѣ, разыгравшейся на континентѣ, и въ нихъ постоянно говорило больное чувство, что вопросы первостепенной важности рѣшаются безъ прямаго участія Англіи. Положеніе либеральнаго министерства было поколеблено. Весьма вѣроятно, однако, что Гладстонъ сумѣлъ бы возстановить къ себѣ въ народѣ довѣріе и сами англичане впослѣдствіи были бы благодарны ему, что онъ, не роняя достоинства страны, избавилъ ее отъ опасной войны, если бы тотчасъ же, послѣ обезсиленія Франціи, имъ не пришлось испытать на себѣ невыгоды изолированнаго положенія въ Европѣ.

Заявленіе Россіи, что она не считаетъ для себя болѣе обязательнымъ статью Парижскаго трактата, ограничивающую права ея на Черномъ морѣ, произвело на англичанъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Извѣстно какихъ усилій стоила Англіи эта статья. Ослабленіе на югѣ русскаго вліянія было одной изъ завѣтныхъ желаній англійскаго народа и поэтому то легко понять волненіе, возбужденное въ немъ заявленіемъ Россіи. Само министерство увидѣло, что его миролюбивая политика дѣйствительно не вполнѣ отвѣчала интересамъ страны и что, оставаясь безучастнымъ зрителемъ совершавшихся на континентѣ перемѣнъ, оно подвергало Англію опасности не только утратить въ Европѣ вліяніе, но и лишиться того положенія, которое обезпечиваетъ ей преобладающее положеніе въ международной торговлѣ. Высказавшіяся въ пятидесятыхъ годахъ предположенія о тайныхъ замыслахъ Россіи сдѣлать Черное море внутреннимъ и поколебать положеніе Англіи на Средиземномъ морѣ, начали снова повторяться англійской печатью. Не имѣя въ рукахъ еще текста циркулярной ноты князя Горчакова, Times разоблачалъ уже истину, которая, будто бы, оставалась до того времени тайною для Россіи, а именно, что Англія не съ меньшимъ жаромъ и не съ меньшей энергіею желала въ пятидесятыхъ годахъ войны противъ Россіи, для «обузданія ея высокомѣрія и завоевательныхъ замысловъ», чѣмъ сама Франція, хотя Россія знала даже больше. Она знала, что и главною-то виновницею войны была не столько Франція, сколько Англія; не будь ея двусмысленной игры въ Константинополѣ и Петербургѣ, не будь ея подстрекательствъ, не было бы и войны.

Англійское правительство, въ виду намѣренія Россіи воспользоваться замѣшательствомъ въ Европѣ и снять съ себя насильственно положенное на нее обязательство, рѣшилось сдѣлать уступку общественному мнѣнію относительно франко-прусской войны, въ надеждѣ примирить отчасти съ своею политикою болѣе умѣренныхъ. Министры хорошо понимали, что требованіе Россіи должно вызвать серьезныя нападки на кабинетъ. Поэтому на банкетѣ, который давалъ Сити 29 октября, лордъ Гренвиль сказалъ, что Англія не могла помѣшать войнѣ, что она стремилась локализировать войну и служила посредницею для свиданія Бисмарка съ Жюлемъ Фавромъ и Тьеромъ, но что она не предлагала никакого условія ни для перемирія, ни для мира, потому что это оказалось неудобнымъ для нейтральныхъ державъ. Заявляя, что, къ несчастью, переговоры остались безуспѣшными, министръ прибавилъ, что «правительство не получало никакого оффиціальнаго сообщенія ни о ходѣ ихъ переговоровъ, ни о прекращеніи ихъ; Англія желала бы видѣть Германію сильною и единою, но она желала тоже избѣгнуть униженія Франціи и безполезнаго ея ослабленія. Къ сожалѣнію, она не знаетъ ни одного средства для возстановленія мира, но она всегда расположена способствовать этому по мѣрѣ своихъ силъ», заключилъ министръ.

Рѣчь эта хотя и произвела въ Англіи благопріятное для правительства впечатлѣніе, но не могла уже возстановить его авторитета, такъ какъ предъявленныя въ то время Россіей требованія прямо приписывались неудовлетворительности и слабости политики Гладстона.

Конецъ 1870 г. и первая половина 1871 года безспорно принадлежатъ къ числу наиболѣе выдающихся періодовъ политической жизни Англіи, періодовъ, дающихъ направленіе внѣшней политикѣ страны и долгое время отражающихся на отношеніяхъ ея къ другимъ государствамъ. Только хорошо ознакомившись съ промахами виговъ и причинами недовольства англичанъ образомъ дѣйствій Гладстона, можно понять почему авантюристская и раззорительная для страны политика Биконсфильда находила поддержку въ Англіи.

Въ жизни народовъ нерѣдко приходится видѣть, что они изъ одной крайности переходятъ въ другую, прежде чѣмъ приблизятся къ тому пути, который наиболѣе удовлетворяетъ ихъ интересамъ. Потребовались сотни милліоновъ фунтовъ стерл. и тысячи жертвъ, потребовалась безплодная восточная компанія Биконсфильда и финансовое разстройство, чтобъ убѣдить англійскихъ избирателей въ несостоятельности неумѣренно-активной политики маркиза д'Израели. Англіи пришлось поплатиться какъ за чрезмѣрное миролюбіе Гладстона, такъ и за воинственный задоръ Биконсфильда.

Но несомнѣнно, что потери, понесенныя Англіей за послѣдніе годы болѣе существенны, чѣмъ тѣ, которыя пришлось ей испытать въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей либе-

ральной партіи, Брайтъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ высказывалъ ту мысль, что стѣснительныя для Россіи условія, выработанныя на Парижскомъ конгрессѣ, имѣютъ значеніе лишь временной мѣры и что Россія впослѣдствіи избавится отъ нихъ. Поэтому-то отмѣна ею стѣснительной для нея статьи Парижскаго трактата, сильно повліявшая на положеніе кабинета, не можетъ быть признана только результатомъ слабости либеральнаго правительства. Рано или поздно, но Россія отказалась бы признавать обязательной для себя эту статью. Тѣмъ не менѣе, прослѣдивъ за ходомъ переговоровъ, приведшихъ къ этой отмѣнѣ, и ознакомившись съ колебаніями за это время общественнаго мнѣнія, нельзя не признать, что именно унизительная для Англіи Лондонская конференція 1871 года и образъ дѣйствій кабинета Гладстона по отношенію къ франко-прусской войны подготовили почву консервативному правительству.

Хотя Англія уступила Россіи только потому, что не представлялось возможнымъ оказать ей серьезное сопротивленіе, но либеральное министерство не согласилось на уступки, не истощивъ предварительно всѣхъ средствъ для борьбы. Отвѣтъ князя Горчакова англійскому послу, послѣ прочтенія послѣднимъ ноты лорда Гренвиля, по поводу циркуляра русскаго канцлера свидѣтельствуетъ, что положеніе англійскаго правительства было весьма затруднительное. «Я сожалѣю, сказалъ князь Горчаковъ, что встрѣчаются такія серьезныя опасенія со стороны Англіи, но считаю долгомъ заявить, что рѣшеніе Его Императорскаго Величества непоколебимо». Что было дѣлать Гладстону? Не смотря на уступки, сдѣланныя С.-Джемскимъ кабинетомъ, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ продолжалъ настаивать на предъявленномъ требованіи, а, между тѣмъ, и за эти уступки лордъ Гренвиль подвергся осужденіямъ. Разбирая его депешу, вѣнская газета «Neue Freie Presse» говорила: «отвѣтъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ на вызовъ, брошенный Россіей державамъ-поручительницамъ по поводу нейтрализаціи Чернаго моря,—жалкое произведеніе современной дипломатіи: такой вялый и соломенный, бездушный и безсильный документъ давно уже не выходилъ изъ дипломатической канцеляріи. Пусть бы лордъ Гренвиль обождалъ еще нѣсколько дней и обдумалъ поосновательнѣе это дѣло, чѣмъ отвѣчать уже 29-го октября на полученную наканунѣ депешу такимъ безпредѣльно смирнымъ и безсодержательнымъ тономъ. Теряешь охоту защищать твердо и рѣшительно дѣло, если видишь, какъ мизерно заступаются за оскорбленнаго. Да, когда дѣло заключается въ томъ, чтобы отстаивать нарушеніе нейтралитета доставкою оружія Франціи, тогда лордъ Гренвиль пишетъ высокимъ слогомъ, тогда онъ разгорячается и даже становится грубымъ. Но передъ Россіей, которая разорвала торжественно заключенный съ Англіей договоръ и клочки его бросила къ ней подъ ноги, онъ пропѣлъ свой отвѣтъ такъ смирнехонько и покорно, какъ будто онъ желаетъ просить извиненія у князя Горчакова. Англійскій отвѣтъ—не протестъ, но фор-

мальное нищенское прошеніе, обращенное къ Россіи, не нарушать мира».

Въ сущности нота эта положительно не заслуживала тѣхъ нарѣканій, которыми переполнена статья Neue Freie Presse и которыми наполнялись въ то время многія газеты, въ особенности же, если принять во вниманіе изолированное положеніе Англіи. Гренвиль въ этой нотѣ, между прочимъ, заявилъ даже, что «правительству королевы невозможно утвердить, насколько дѣло до него касается, образъ дѣйствій, возвѣщенный княземъ Горчаковымъ».

Замѣчательно, что рѣзкій отзывъ объ этой нотѣ вѣнской газеты былъ сочувственно встрѣченъ нѣкоторою частію англійской прессы. Большинство англійской печати протестовало противъ намѣреній Россіи болѣе умѣренно, но недовольство возбужденнымъ вопросомъ проглядывало въ каждой строчкѣ газетъ, какъ только затрогивался вопросъ объ отмѣнѣ ст. Парижскаго трактата относительно Чернаго моря. Въ общемъ разсужденія англійскихъ газетъ по этому вопросу сводились приблизительно къ слѣдующему: остается еще достаточно силъ, чтобы сломить русское честолюбіе, изъ какихъ бы основаній ни истекалъ возникающій споръ—изъ вопроса ли объ устьяхъ Дуная, или о нейтрализаціи Чернаго моря. Россіи никогда не дозволено будетъ по произволу распоряжаться международнымъ правомъ. Одна только попытка возбуждаетъ почти непреодолимыя препятствія. Благодаря своему образу дѣйствій, Россія поставила себя въ положеніе общаго врага.

Какъ ни было трудно въ то время англійскому кабинету противиться стремленію Россіи возстановить свои права по Черному морю, безъ согласія Европы, тѣмъ не менѣе кабинету Гладстона удалось убѣдить русское правительство облечь свои требованія въ законную форму и, предварительно признанія недѣйствительности стѣснительной для Россіи ст. Парижскаго трактата, получить отъ всѣхъ государствъ, принимавшихъ участіе въ Парижскомъ конгрессѣ, согласіе на отмѣну ее. Хотя всѣмъ хорошо было извѣстно, что желаніе Россіи должно быть исполнено, но согласіе послѣдней на конференцію удовлетворяло отчасти самолюбіе Англіи. Первое время по полученіи извѣстія, что русское правительство приметъ участіе въ конференціи, раздраженіе, возбужденное циркулярною нотою князя Горчакова, нѣсколько ослабло и болѣе миролюбивое настроеніе въ общественномъ мнѣніи Англіи отразилось и на печати. «Начнемъ ли мы—спрашивала въ одной изъ передовыхъ статей «Daily News»—войну изъ-за формы требованія, съ сущностью котораго мы готовы согласиться? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ идти только отъ Россіи. На нее ляжетъ отвѣтственность въ объявленіи войны, если только война дѣйствительно неизбѣжна. Князю Горчакову теперь извѣстно изъ общаго тона англійской журналистики, что мы теперь готовы, вмѣстѣ съ прочими державами, подписавшими трактатъ 1856 года, подвергнуть его пересмотру и облегчить

стѣснительность его условій, которыя, можетъ быть, и никогда не должны были бы быть налагаемы на Россію».

Но, не смотря на то, что заявленіе Россіи объ отмѣнѣ этихъ условій Парижскаго трактата и было облечено на Лондонской конференціи въ законную форму, Англія не могла не сознавать, что понесла дипломатическое пораженіе. Сторонники министерства, чтобы хотя нѣсколько смягчить неблагопріятное для правительства впечатлѣніе, произведенное черноморскимъ вопросомъ, утверждали, что Россія еще долгое время не будетъ въ состояніи воспользоваться тѣмъ правомъ, которое предоставлено ей и что пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ мы будемъ располагать на Черномъ морѣ значительными силами. Къ сожалѣнію, послѣднее предсказаніе вполнѣ оправдалось; но это обстоятельство надо приписать только случайности и ошибкамъ морскаго министерства, построившаго дорогія и безполезныя поповки. Усилія либераловъ смягчить понесенное пораженіе парализировались однако консервативною партіей, заявлявшей, что если Англія рѣшилась приложить свою подпись къ акту, резюмирующему занятія конференціи, то потому только, что она была значительно ослаблена отсутствіемъ поддержки со стороны Франціи. Особенно же рѣзко осудилъ дѣйствіе Европы въ черноморскомъ вопросѣ Джонъ Лемуанъ, извѣстный публицистъ, сотрудникъ Journal de Débats, пользующійся громаднымъ вліяніемъ на англійскую интеллигенцію.

Чтобы поддержать довѣріе страны къ себѣ, либеральное правительство рѣшилось на такую мѣру, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы ожидать отъ него. Оно предъявило требованіе, чтобы Германія сообщила Европѣ условія мира, предварительно заключенія съ Франціей договора. Требованіе это, конечно, не было исполнено, но самый фактъ подобнаго заявленія со стороны министерства Гладстона показываетъ, что правительство начало сознавать необходимость слѣдовать болѣе активной политикѣ. Замѣченная съ весны 1871 года перемѣна въ политикѣ либеральнаго кабинета не могла однако возвратить и возстановить его авторитета въ глазахъ избирателей и, чтобы оцѣнить дѣятельность этого кабинета, потребовалось испытать всѣ невыгоды авантюристской политики тори. Министерство Гладстона пало еще весною 1871 года, и если оно сохраняло въ своихъ рукахъ власть до 1874 года, то лишь потому, что большинство членовъ палаты общинъ состояло изъ сторонниковъ этого министерства. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что если бы тотчасъ же послѣ заключенія Франкфуртскаго мира въ Англіи приступлено было къ парламентскимъ выборамъ, то громадное большинство вотировало бы за консерваторовъ. Это понимало, конечно, и министерство. Тѣмъ не менѣе Гладстонъ не обратился къ странѣ, надѣясь современемъ смягчить впечатлѣніе, произведенное на избирателей тяжелыми для самолюбія Англіи событіями 1870 и 1871 года.

Изъ рѣчи королевы, произнесенной весною 1871 года, видно, что министерство вполнѣ сознавало свои ошибки и поэтому старалось обойти тѣ вопросы, въ которыхъ скомпрометировало себя *).

На сколько же въ то время усилилась оппозиція, можно судить уже потому, что даже финансовая политика Гладстона подверглась нападкамъ тори. Такъ, въ одномъ изъ засѣданій палаты, Смитомъ предложено было отвергнуть внесенный министерствомъ законъ объ увеличеніи налога. Гладстонъ и Лоу вынуждены были произнести пространныя рѣчи въ защиту внесеннаго ими закона и, чтобы отстоять свое предложеніе, премьеръ долженъ былъ указать на то, что либеральное министерство уменьшило подоходный налогъ на шесть милліоновъ, а государственный доходъ на десять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Частные выборы, происходившіе съ 1871 по 1874 гг., убѣдили главу либеральной партіи, что онъ болѣе не пользуется довѣріемъ страны, и за нѣсколько дней до открытія засѣданій палатъ въ январѣ 1874 года Гладстонъ предложилъ королевѣ распустить парламентъ. Къ этому ему слѣдовало прибѣгнуть еще въ 1873 году, когда министерство осталось въ меньшинствѣ при вотированіи ирландскаго билля, но такъ какъ въ то время маркизъ д'Израели отказался составить кабинетъ, то Гладстонъ и взялъ обратно поданное имъ королевѣ прошеніе объ отставкѣ. Не смотря на неожиданное никѣмъ зимою 1874 года распущеніе парламента, консервативная партія не сомнѣвалась въ успѣхѣ. Если глава либераловъ сумѣлъ за послѣдніе годы нѣсколько возстановить свой пошатнувшійся въ 1871 году авторитетъ благоразумными мѣрами по внутренней политикѣ и финансовымъ вопросамъ, то во внѣшней политикѣ онъ все же не выказывалъ, по мнѣнію большинства англичанъ, достаточной твердости. Униженія, испытанныя Англіей въ спорѣ съ Америкой, и Хивинская экспедиція Россіи многими признавались за существенные промахи либеральнаго правительства, которое должно бы было быть менѣе уступчиво относительно Америки и рѣшительно воспротивиться нашей экспедиціи. Даже нѣкоторые умѣренные виги считали дальнѣйшее пребываніе Гладстона во главѣ англійскаго правительства крайне опаснымъ для интересовъ страны. Паденіе либеральнаго министерства считалось неизбѣжнымъ.

Будучи однако не подготовлены къ избирательной борьбѣ, консерваторы сочли не лишнимъ, для полнаго обезпеченія успѣха въ выборахъ,

---

*) „Господа члены палаты депутатовъ! Доходы страны процвѣтаютъ и положеніе торговли и промышленности можетъ, хотя за нѣкоторыми исключеніями, считаться удовлетворительнымъ. Бюджетъ на текущій годъ будетъ въ скоромъ времени представленъ вамъ, господа лорды и джентельмены. Уроки военной опытности, представляемые настоящею войною, были многочислены и важны. Время, повидимому, благопріятствуетъ тому, чтобъ воспользоваться этими уроками съ болѣе рѣшительными, нежели прежде, усиліями, къ практическому усовершенствованію нашей военной организаціи.

въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждать принятое Гладстономъ рѣшеніе распустить парламентъ передъ открытіемъ сессіи; такъ «Morning Post» находилъ, что мѣра, принятая г. Гладстономъ,— настоящій государственный переворотъ (coup d'état) и высказывалъ надежду, что заманчивыя обѣщанія перваго министра не заставятъ избирателей забыть, что они недавно выразили свое недовѣріе къ министерству.

Чтобы объяснить причины, побудившія его потребовать распущенія парламента, Гладстонъ обратился съ письмомъ къ Гренвильскимъ избирателямъ, въ которомъ говорилъ, что «благосостояніе страны не можетъ быть развиваемо правительствомъ, не пользующимся достаточнымъ авторитетомъ». Авторитетъ этотъ, продолжалъ Гладстонъ, которымъ такъ щедро надѣлила въ 1868 году нація либеральную партію и ея вожаковъ, спустился ниже уровня, необходимаго для надлежащей защиты общественныхъ интересовъ, и можетъ быть возстановленъ законнымъ и дѣйствительнымъ образомъ не иначе, какъ путемъ обращенія къ народу, который своимъ отвѣтомъ на это обращеніе можетъ поставить внѣ всякаго оспариванія два великіе вопроса, именно: вопросъ о томъ, какъ исполнялись съ 1868 года данныя народомъ полномочія, и вопросъ, какими полномочіями намѣренъ онъ теперь облечь своихъ представителей и въ руки какой партіи намѣренъ передать правленіе страною. Онъ не считалъ возможнымъ подробно излагать причины, убѣдившія правительство въ необходимости обратиться къ странѣ, но ссылался на тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ фактическій характеръ. Затѣмъ онъ напоминалъ о затрудненіяхъ, въ которыя было вовлечено правительство отказомъ г. д'Израэли образовать новый кабинетъ послѣ пораженія, понесеннаго министерствомъ въ вопросѣ объ ирландскомъ университетскомъ биллѣ, и въ заключеніе заявлялъ, что вопросъ объ удаленіи министерства долженъ быть рѣшенъ общими выборами, такъ какъ частные выборы не могутъ рѣшить его, потому что ихъ исходъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ строгой дисциплины и сосредоточенныхъ усилій каждой партіи.

Письмо его нельзя не признать весьма слабой защитительною рѣчью. Но какъ только Гладстону приходилось защищать финансовыя соображенія правительства, доводы его становились весьма убѣдительными. Даже противники его не могли не признать благопріятныхъ для Англіи результатовъ финансовыхъ мѣръ Гладстона. Въ бюджетѣ 1874 года доходъ превышалъ расходы на 5.000.000 фунтовъ стерлинговъ. Поэтому тори, нападая на министерство, преимущественно указывали на его промахи во внѣшней политикѣ. Самъ д'Израэли, въ письмѣ къ своимъ избирателямъ, отчасти признавалъ благотворное для Англіи вліяніе Гладстона во внутреннемъ управленіи государствомъ. «Гладстону, сказалъ Биконсфильдъ, лучше было выказать въ своей внѣшней политикѣ гораздо больше энергіи и несравненно менѣе заботиться о внутреннемъ законодательствѣ».

Противъ обвиненій въ ошибкахъ по внѣшней политикѣ лучшее возраженіе было сдѣлано министромъ внутреннихъ дѣлъ Ло. Въ письмѣ къ своимъ избирателямъ, онъ ловко сослался на политику предыдущаго кабинета и выставилъ на видъ особенно ту осторожность, какую выказало правительство въ франко-прусскую войну, приведенную къ окончанію безъ ущерба для достоинства страны и безъ возбужденія неудовольствія одной изъ воевавшихъ сторонъ. Но такъ какъ доводы консерваторовъ были въ значительной степени основательны, то и возраженіе Ло не могло произвесть на англійскихъ избирателей сильное впечатлѣніе. Еще за недѣлю до начала выборовъ можно было съ увѣренностію предсказать, что результатъ ихъ будетъ неблагопріятенъ для Гладстона. Дѣйствительно, выборы, произведенные въ главныхъ центрахъ населенія и большихъ городахъ, гдѣ либеральная партія насчитываетъ наибольшее число приверженцевъ, дали сторонникамъ министерства только двадцать семь новыхъ мѣстъ, тогда какъ консерваторы пріобрѣли ихъ семьдесять одинъ. Въ числѣ пораженій, понесенныхъ либералами, были нѣкоторыя весьма значительныя: такъ, Яковъ Брайтъ (братъ министра), Фаусеттъ, Эйртонъ, постоянно посылавшіеся въ палату общинъ избирателями, не были избраны. Самъ Гладстонъ, произнесшій три рѣчи въ Гриничѣ, Вульвичѣ и Нью-Кроссѣ, получилъ почти на пятьсотъ голосовъ менѣе, чѣмъ въ 1868 году. Во многихъ случаяхъ либеральные кандидаты для того, чтобъ быть избранными, принуждены были въ своихъ рѣчахъ дѣлать уступки и обязываться поддерживать принципы, не совсѣмъ согласные съ программой ихъ партіи. Общіе результаты выборовъ оказались еще болѣе неблагопріятны министерству и Гладстонъ, не дожидаясь созванія парламента, подалъ въ отставку.

Консервативное министерство, послѣ паденія кабинета Гладстона, вступило въ управленіе страною при условіяхъ, весьма благопріятныхъ для упроченія положенія правительства. Со всѣми державами поддерживались дружественныя сношенія; доходы превышали расходъ слишкомъ на 5.000.000 фунтовъ стерл.; торговля развивалась и даже Ирландія не возбуждала никакихъ опасеній. Однимъ изъ благопріятныхъ условій министерства Биконсфильда должно признать также, что во время избирательной борьбы онъ не принялъ на себя передъ народомъ никакихъ обязательствъ. Лордъ Биконсфильдъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ передъ выборами ограничивался лишь рѣзкими нападками на политику Гладстона, но ни разу не высказывалъ своей собственной программы. Такая чрезмѣрная осторожность главы министерства даже возбудила недовѣріе въ силы правительства, но послѣдующія событія совершенно разсѣяли это недовѣріе. По внутреннимъ вопросамъ консервативное правительство оказалось дѣйствительно неудовлетворительнымъ, но за то во внѣшней политикѣ Англія пріобрѣла въ Европѣ одно время рѣшающій голосъ. Правда, дипломатическія побѣды, одерживавшіяся Биконсфильдомъ, не приносили Англіи существенной

пользы и неблагопріятно отражались на благосостояніи страны, но за то не страдало самолюбіе народа и Англія заняла между великими державами по праву принадлежащее ей положеніе.

Новое направленіе въ политикѣ Англіи вполнѣ обнаружилось весною 1875 года, когда великія державы совмѣстно приступили къ разрѣшенію недоразумѣній, возникшихъ по случаю герцеговинскаго возстанія. Изъявивъ готовность содѣйствовать улучшенію положенія христіанскаго населенія Турціи, Англія въ то же время заявила, что цѣлость Оттоманской Имперіи не должна быть нарушена и что только при этомъ условіи она готова поддерживать представленія великихъ державъ. Извѣстно, какъ приняты были ею всѣ предложенія Европы покончить съ возстаніемъ въ Герцеговинѣ. Порта, считая себя вполнѣ обезпеченною отъ совмѣстнаго воздѣйствія на нее великихъ державъ, постоянно уклонялась отъ сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія вопросовъ, возбужденныхъ герцеговинскимъ возстаніемъ. Инсургенты же не считали возможнымъ принять предложенія великихъ державъ, такъ какъ онѣ отказывались гарантировать, что турецкое правительство исполнитъ обѣщанія, данныя Европѣ. Ложное положеніе, въ которомъ находились великія державы какъ по отношенію къ Турціи, такъ и относительно инсургентовъ, въ значительной степени зависило отъ условнаго согласія Англіи оказывать содѣйствіе къ возстановленію спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому-то отвѣтственность за послѣдовавшія событія отчасти ложится на англійское правительство.

Двойная игра консервативнаго министерства, желавшаго поддержать Порту и поставленнаго въ необходимость содѣйствовать улучшенію положенія христіанскаго населенія Турціи, постоянно неблагопріятно отзывалась на дѣятельности прочихъ великихъ державъ. Правительства были вынуждены прибѣгать къ компромиссамъ, неудовлетворявшимъ ни одну изъ сторонъ и только дискредитировавшихъ ихъ въ глазахъ инсургентовъ и турокъ.

Исключительное положеніе, занятое Англіей въ Восточномъ вопросѣ, усилило вліяніе ея, заставило заискивать въ ней.

Передъ началомъ сербской войны первыя роли въ Восточномъ вопросѣ безспорно принадлежали Россіи и Англіи, но положеніе, занятое Россіею, было болѣе выгодно. Тѣмъ не менѣе С.-Джемскій кабинетъ былъ на столько увѣренъ въ своемъ вліяніи на текущія событія, что въ августѣ 1876 года, когда сербская армія понесла пораженіе отъ турокъ и возбужденъ былъ вопросъ о перемиріи, Уйатъ, бывшій въ Сербіи англійскимъ дипломатическимъ агентомъ, обѣщалъ министерству Ристича, что если правительство Милана немедленно подпишетъ миръ съ Турціей, то главнымъ условіемъ мирнаго договора будетъ statu quo ante bellum. Даже Россія и та не могла бы принять на себя въ то время подобнаго обязательства.

Въ переговорахъ о созваніи конференціи въ Константинополѣ Англія также принимала дѣятельное участіе и даже согласилась взять на себя починъ созванія державъ на конференцію.

Образъ дѣйствій представителя Англіи на конференціи въ Константинополѣ, лорда Салисбюри, и до настоящей минуты остается загадкой. Выказанная имъ готовность покончить съ вопросомъ, серьезно грозившимъ нарушить спокойствіе въ Европѣ, и поддержка, которую оказывалъ онъ Россіи во время конференціи, идутъ положительно въ разрѣзъ съ той политикой, которою онъ руководствовался при управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Былъ ли онъ увѣренъ, что выработанный конференціей проектъ будетъ отвергнутъ Портою или же, поддерживая наши предложенія, тайно подстрекалъ Порту къ сопротивленію,—трудно сказать теперь, но несомнѣнно, что, по внѣшнему виду, Константинопольская конференція представляется рѣдкимъ примѣромъ единодушія между державами. Отказъ англійскаго правительства безусловно присоединиться къ Лондонскому протоколу 19 марта 1877 года, менѣе унизительному для Порты, чѣмъ условія, выработанныя въ Константинополѣ, сильно заставляетъ сомнѣваться въ искренности образа дѣйствій Англіи во время этой конференціи. Послѣдствіемъ этого отказа былъ разрывъ между Россіей и Турціей. Оттоманское правительство, убѣдившись, что между великими державами нѣтъ единодушія, категорически отклонило Лондонскій протоколъ. Россія была вынуждена объявить войну Портѣ. Отвѣтственность за эту войну въ значительной степени ложится на Англію. Заботясь лишь объ усиленіи и упроченіи своего вліянія, торійскій кабинетъ готовъ былъ пожертвовать даже интересами союзниковъ.

Значеніе, пріобрѣтенное Англіей между державами, благодаря необыкновенно активной политикѣ консервативнаго правительства, дало ей возможность поставить намъ условія нейтралитета и мы, по-неволѣ, должны были принять ихъ. Понятно, что общественное мнѣніе Англіи сильно поддерживало въ то время маркиза д'Израэли.—Англійскій народъ въ то время не началъ еще испытывать на себѣ тѣхъ неудобствъ, которыя сопряжены съ европейскою войною. Быстрые успѣхи русскихъ зимою 1877 г. и движеніе нашихъ войскъ къ Константинополю едва не разстроили всѣхъ плановъ главы министерства тори. — Являлась необходимость или серьезно начать готовиться къ войнѣ съ Россіей, или же отказаться отъ того положенія, которое удалось занять послѣ долгихъ усилій. Но разрывъ съ Россіей не одобряло меньшинство кабинета, а отступать въ борьбѣ лордъ Биконсфильдъ считалъ унизительнымъ для достоинства Англіи. Благопріятный исходъ изъ этого положенія явился неожиданно—получилось извѣстіе, что наше движеніе къ Галлиполи и Константинополю было пріостановлено. Съ этого момента Англія заняла въ Восточномъ вопросѣ первенствующее положеніе. Не смотря на блестящія и многочисленныя побѣды, Россія до паденія министерства Бикнсфильда постоянно находилась подъ давленіемъ правительства королевы Викторіи. Будучи послѣ блестящихъ побѣдъ остановлены однимъ протестомъ Англіи, мы, конечно, не могли уже впослѣдствіи рѣшиться на занятіе Галлиполи. Консерватив-

ное же правительство, убѣдившись въ могуществѣ Англіи, начало дѣйствовать съ большею рѣшительностью. Англійскій флотъ одно время даже приблизился къ Константинополю.

Предоставивъ Россіи заключить договоръ съ Турціей, лордъ Биконсфильдъ тотчасъ же по обнародованіи этого договора потребовалъ представленія сего на обсужденіе Европы.—Съ подобнымъ же требованіемъ обратился къ побѣдителю и Гладстонъ въ 1871 г., но въ то время оно было отклонено Пруссіей и англійскій премьеръ не счелъ возможнымъ настаивать на немъ. Глава же консерваторовъ сдѣлалъ изъ вопроса о представленіи или непредставленіи всего С.-Стефанскаго договора на обсужденіе Европы вопросъ войны или мира. Такая рѣшительная политика не была даже одобрена наиболѣе умѣренными членами кабинета. Лордъ Дерби и лордъ Карновронъ вышли въ отставку. Тѣмъ не менѣе Россія исполнила желаніе Англіи. Но въ то время, какъ она представляла договоръ на обсужденіе конгресса, Англія заключила съ Турціей Кипрскую конвенцію, которую не сочла, однако, надобнымъ представить на обсужденіе конгресса.

Берлинскій конгрессъ былъ послѣдней блестящей побѣдою торійскаго правительства.

Какъ только потребовалось достичь положительныхъ результатовъ, выказалась полная несостоятельность авантюристской политики Биконсфильда. Порта, которую предполагалось сдѣлать послушнымъ орудіемъ въ рукахъ англичанъ, не только не выказала желанія принять эту роль, но, къ крайнему удивленію самого Биконсфильда, англійское вліяніе оказалось далеко не упроченнымъ въ Константинополѣ. Англичане съ неудовольствіемъ замѣчали, что положеніе ихъ сдѣлалось даже болѣе затруднительнымъ, чѣмъ передъ началомъ восточной войны. Протекторатъ же надъ Малой Азіей, признанный за ними по Кипрской конвенціи, оставался мертвою буквою. Обѣщая исполнить всѣ требованія англійскаго представителя въ Константинополѣ, Порта въ дѣйствительности нисколько не заботилась объ исполненіи этихъ требованій и англійское правительство должно было удовольствоваться одними обѣщаніями. Въ концѣ минувшаго года султанъ не затруднился даже наградить Гафиза-пашу, смѣны котораго требовалъ англійскій посолъ. Раздраженный пассивнымъ сопротивленіемъ турецкаго правительства лордъ Биконсильдъ даже отклонился отъ своей прежней программы и совмѣстно съ Германіей и Австріей началъ готовиться къ рѣшенію Восточнаго вопроса, или, точнѣе, къ раздѣлу Оттоманской имперіи. Планъ главы консервативной партіи не встрѣтилъ однако сочувствія англійскаго общества. Въ Азіи результаты политики Биконсфильда также по меньшей мѣрѣ были не удовлетворительны. Гандамакскій договоръ, выставлявшійся сторонниками министерства, какъ положительный результатъ, достигнутый торійскимъ правительствомъ, оказался невыполнимымъ и Индійское правительство находилось передъ паденіемъ министерства Биконсфильда въ весьма затруднительномъ положеніи, не зная, какъ выпутаться изъ Авганскаго дѣла. На югѣ

Африки дѣла шли сравнительно удовлетворительнѣе, но и тамъ повсемѣстное спокойствіе было далеко еще необезпечено. Въ Англіи же положеніе дѣлъ вызвало всеобщее неудовольствіе. Напряженное состояніе, въ которомъ находилась Европа съ 1875 года, крайне неблагопріятно отразилось на торговлѣ и промышленности. Многія фабрики должны были закрыться и сотни тысячъ рабочихъ остались безъ дѣла; расходы увеличились, доходы уменьшились; явился дефицитъ въ бюджетѣ и не предвидѣлось возможности улучшить финансовое положеніе страны.

Англійская морская торговля тоже страдала отъ неумѣренно-активной политики правительства, такъ какъ опасенія войны съ Россіей неблагопріятно отражались на англійской торговлѣ. Одно время даже значительно повысилась премія за страховку судовъ, ходящихъ подъ англійскимъ флагомъ. Все это не могло не вызывать неудовольствія въ народѣ, тѣмъ болѣе, что потери, которыя приходилось испытывать, не вознаграждались никакими пріобрѣтеніями.

Какъ ни чувствительны были потери, понесенныя благодаря миролюбивой политикѣ Гладстона, но ни въ какомъ случаѣ они не могли сравняться съ тѣми, которыя пришлось испытать вслѣдствіе ошибокъ торійскаго кабинета. Даже униженіе, испытанное Англіей въ началѣ семидесятыхъ годовъ, не возбуждало такого раздраженія въ народѣ, какъ безплодная и раззорительная политика лорда Биконсфильда. Слухи о намѣреніи консервативнаго правительства силою рѣшить Восточный вопросъ въ ущербъ интересамъ Россіи также вызывали въ народѣ неудовольствіе. Не только либеральная партія, но многіе консерваторы вполнѣ основательно опасались европейской войны, которая, даже въ случаѣ благопріятнаго для Англіи исхода, могла подорвать благосостояніе страны. Между тѣмъ, лордъ Биконсфильдъ, какъ бы не сознавая поворота совершившагося въ общественномъ мнѣніи Англіи, не только не измѣнялъ своей политики, но даже расширилъ кругъ своей политической дѣятельности. Китайская имперія и та обратила на себя вниманіе англійскаго премьера. Желая воспользоваться недоразумѣніями, возникшими по случаю отказа правительства богдыхана ратификовать ливадійскій трактатъ, лордъ Биконсфильдъ тайно подстрекалъ Китай къ сопротивленію, забывая, что, въ случаѣ столкновенія Россіи съ Китаемъ, наиболѣе пострадаютъ интересы англійскихъ подданныхъ, торговые обороты которыхъ съ Поднебесной имперіей простираются на десятки милліоновъ. Персія также не ускользнула отъ вниманія бывшаго главы министерства. Минувшею зимою англійская дипломатія употребляла чрезвычайныя усилія, чтобы склонить правительство шаха сдѣлаться орудіемъ англійской политики. Лордъ Биконсфильдъ не постыдился прибѣгнуть къ такому средству, которое въ настоящее время уже не одобряется, но на крайнемъ Востокѣ нерѣдко имѣетъ большое значеніе,—подкупу. Персіи была предложена значительная денежная субсидія. Весьма вѣроятно, что усилія англійской дипломатіи увѣнчались бы

успѣхомъ, если бы не пало торійское правительство. Но, заручившись содѣйствіемъ Персіи, Англія была бы вынуждена постоянно заботиться о поддержаніи дружественныхъ отношеній съ правительствомъ шаха, что̀ несомнѣнно требовало бы и новыхъ расходовъ и значительныхъ усилій, а не приносило бы Англіи никакихъ существенныхъ выгодъ.

Нельзя, однако, не отдать справедливости лорду Биконсфильду, что, намѣреваясь начать приводить въ исполненіе свой грандіозный планъ относительно распространенія англійскаго вліянія и обезсиленія всѣхъ противниковъ Англіи, онъ счелъ своимъ долгомъ обратиться къ странѣ, чтобы узнать мнѣніе избирателей о его образѣ дѣйствій. Надо полагать, впрочемъ, что Биконсфильдъ надѣялся встрѣтить въ англичанахъ большее сочувствіе своей политикѣ, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности, такъ какъ частные выборы въ парламентѣ, происходившіе незадолго до распущенія палаты, давали основаніе предполагать, что министерство сохранитъ большинство въ парламентѣ. Чтобы не дать повода партіи виговъ къ новымъ обвиненіямъ противъ кабинета, лордъ Биконсфильдъ счелъ себя вправѣ скрыть передъ выборами, какая именно сумма была поглащена авганской войной. Но и безъ тяжести расходовъ по авганской войнѣ англійскіе избиратели имѣли достаточно поводовъ, чтобъ не вотировать за консерваторовъ. Представленный канцлеромъ казначейства, Норскотомъ, бюджетъ на 1880 г., нѣсколько дней спустя послѣ объявленія о предстоящемъ распущеніи парламента, мало способствовалъ упроченію кабинета. Расходы исчислены были въ 82.075.000 фунтовъ, а доходы 82.259.000 фунтовъ, т. е. избытокъ доходовъ достигалъ 184.000. По провѣркѣ же, сдѣланной тотчасъ же по обнародованіи этого бюджета, оказалось, что въ дѣйствительности расходы значительно превышаютъ доходъ. Заявленіе Норскота, что за минувшій годъ дефицитъ дошелъ до 3.340.000 фунтовъ, подтвердило только основательность сдѣланной провѣрки.

Тотчасъ по объявленіи о распущеніи парламента, лордъ Биконсфильдъ, обратился съ письмомъ къ вице-королю Ирландіи, которое должно было замѣнить избирательный манифестъ. Подобно тому, какъ Гладстонъ передъ паденіемъ либеральнаго кабинета въ своихъ манифестахъ и рѣчахъ старался избѣгать тѣхъ вопросовъ, гдѣ имъ сдѣланы промахи, такъ и маркизъ д'Израэли въ письмѣ къ вице-королю Ирландіи не упоминаетъ о томъ, что вызывало особенно рѣзкія нападки оппозиціи и обращаетъ, главнымъ образомъ, вниманіе на ирландскій вопросъ. Хотя вопросъ этотъ и былъ минувшею весною однимъ изъ наиболѣе жгучихъ, но главѣ министерства, конечно, не подобало брать его главнымъ предметомъ избирательнаго манифеста. Ирландская партія гомъ-рулёровъ поспѣшила отвѣтить на манифестъ премьера. Болѣе безпощадной и рѣзкой критики едва ли подвергалась когда-либо дѣятельность лорда Биконсфильда. «Иностранная политика лорда Биконсфильда, сказано въ прокламаціи гомъ-рулёровъ, была

безславною и гибельною неудачей. Лѣтопись его внутренняго законодательства говоритъ о фальши и ни о чемъ иномъ, какъ только о фальши. Вотъ почему онъ избираетъ аттаку на ирландскій народъ и хочетъ науськать, какъ онъ надѣется, страсти невѣдающихъ и неразсуждающихъ противъ нашей родины. Лордъ Биконсфильдъ опасается, что англійскій народъ откажется апплодировать истребленію несчастныхъ авганцевъ и африканцевъ. Онъ страшится приговора общественнаго мнѣнія надъ его расточительностью національныхъ рессурсовъ. Съ свойственнымъ ему родомъ мужества, который постоянно заставляетъ его избѣгать труднаго состязанія, онъ издаетъ прокламацію гражданской войны противъ ирландскаго народа, потому что онъ составляетъ меньшинство, потому что онъ дурно управляется и подавленъ, потому что онъ погруженъ въ бѣдствія голода, который несправедливое поземельное право дѣлаетъ неизбѣжнымъ и который администрація лорда Биконсфильда или не знаетъ какъ облегчить, или же просто не хочетъ этого сдѣлать».

По всей вѣроятности, глава консервативной партіи впослѣдствіи раскаявался въ томъ, что предметомъ своихъ нападокъ избралъ ирландскій народъ. Какъ ни ревниво слѣдятъ англичане за всѣмъ, что совершается въ Ирландіи, но, возстановляя ихъ противъ ирландцевъ, едва ли можно возбудить къ себѣ расположеніе народа, который хорошо понимаетъ, что положеніе ирландцевъ дѣйствительно далеко не удовлетворительно.

Гладстонъ и лордъ Гартингтонъ также поспѣшили обнародовать свои манифесты къ избирателямъ. Въ письмѣ къ своимъ избирателямъ въ Мидловіэнѣ Гладстонъ съ большой энергіей высказался противъ политики правительства, особенно противъ его индиферентизма по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ страны. Что касается первенства Англіи въ совѣтѣ Европы, о которомъ заявлялъ лордъ Биконсфильдъ, Гладстонъ считалъ своимъ долгомъ вступиться за принципъ равенства между дружественными и независимыми державами. «Впрочемъ, прибавилъ Гладстонъ, примѣръ первенства нашего правительства, можно видѣть въ Турціи, гдѣ министръ, удаленія котораго требовала Англія, получилъ особенное повышеніе». Вообще положеніе консервативной партіи передъ началомъ выборовъ было весьма затруднительное. Рѣзкія нападки либераловъ, на которыя тори почти не могли возражать и въ особенности рѣчи и манифесты главы либеральной партіи производили сильное впечатлѣніе на избирателей. Даже на митингахъ консерваторовъ торійскимъ кандидатамъ нерѣдко приходилось выслушивать порицанія образа дѣйствій правительства. Такъ на одномъ изъ бывшихъ въ Лондонѣ митинговъ, собранныхъ для поддержанія парламентской кандидатуры морскаго министра Смита, почти третья часть присутствовавшихъ высказалась противъ него, хотя рѣчь, произнесенная имъ, принадлежитъ безспорно къ наиболѣе выдающимся рѣчамъ консервативныхъ кандидатовъ. «Наши оппоненты говорятъ, сказалъ морской министръ, что мы внесли раздоръ въ семью европейскихъ народовъ, между

тѣмъ, въ исторіи Англіи никогда не было періода, когда бы мы были въ лучшихъ отношеніяхъ съ европейскими народами, чѣмъ теперь. Мы были, правда, нѣкоторое время въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Россіей, но это обусловливалось не нашею враждою къ ней, а желаніемъ защитить публичное право Европы, помѣшать разорванію трактатовъ. Либералы потратили на Крымскую войну сотни тысячъ жизней и милліоны фунтовъ, мы же предупредили войну». Не смотря на миролюбивыя заявленія правительственныхъ кандидатовъ, довѣріе въ возможность мирнаго развитія страны подъ управленіемъ торійскаго кабинета было утрачено, а искусно распространявшіеся либералами слухи о тайныхъ намѣреніяхъ Биконсфильда вовлечь Великобританію въ европейскую войну отталкивали отъ консерваторовъ и многихъ ихъ приверженцевъ. Такъ, напримѣръ, въ рѣчи, произнесенной маркизомъ Гартингтономъ 10-го марта, онъ протестовалъ противъ проектировавшагося правительствомъ тройственнаго союза между Англіей, Германіей и Австріей. Гартингтонъ объяснилъ, что ничего не имѣетъ противъ Германіи и Австріи, но, при настоящемъ положеніи Европы, подобный союзъ непремѣнно сочли бы болѣе или менѣе враждебнымъ относительно нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ державъ. Какъ бы Англія не стремилась охранять европейскій миръ, она не допуститъ такого союза, который означалъ бы недовѣріе или недоброжелательство по отношенію къ Франціи.

Борьба между либеральной и консервативной партіями въ 1880 г., какъ и въ 1874 г., сводилась собственно къ иностранной политикѣ правительства; внутренніе же вопросы были отодвинуты на второй планъ. Это понимали всѣ избиратели и поэтому-то самый ходъ борьбы заслуживаетъ особеннаго вниманія. Какъ парламентская борьба 1874 г., кончившаяся пораженіемъ либераловъ, послужила исходною точкою долго волновавшей всю Европу политики Биконсфильда, такъ и борьба 1880 года должна отразиться на теперешней англійской политикѣ. Поэтому исходъ послѣднихъ выборовъ имѣетъ громадное политическое значеніе. Только внимательно прослѣдивъ за парламентской борьбой, можно уяснить себѣ до нѣкоторой степени текущія политическія событія въ Европѣ. Нельзя было не согласиться съ лордомъ Биконсфильдомъ, что «могущество Англіи и миръ въ Европѣ зависятъ отъ выборовъ страны», но именно для обезпеченія того и другаго избиратели должны были выразить порицаніе его политикѣ.

Громадное большинство, высказавшееся противъ политики правительства и обезпечившее прочное положеніе либеральному кабинету, произвело на Европу благопріятное впечатлѣніе. Только одна Австрія съ неудовольствіемъ узнала о пораженіи, понесенномъ лордомъ Биконсфильдомъ, такъ какъ съ паденіемъ консервативнаго министерства она потеряла надежду разрѣшить въ благопріятномъ для себя смыслѣ Восточный вопросъ.

Обѣщавъ народу руководствоваться миролюбивою политикой, не роняя достоинства Англіи, и поддерживать угнетенныя народности, Гладстонъ, немедленно по вступленіи въ управленіе кабинетомъ, заявилъ о намѣреніи правительства поддерживать со всѣми государствами дружественныя сношенія. Лица, наиболѣе содѣйствовавшія Биконсфильду и его авантюристской политикѣ и дѣятельность которыхъ серьезно угрожала миру, константинопольскій посолъ Леярдъ и вице-король Индіи—были отозваны и замѣнены болѣе умѣренными людьми. Главная задача Гладстона съ самаго вступленія его въ министерство и до настоящей минуты было мирное разрѣшеніе тѣхъ крайне запутанныхъ политическихъ вопросовъ, которые онъ принялъ отъ консервативнаго правительства. Нельзя не отдать справедливости англійскому премьеру, что онъ употребляетъ чрезвычайныя усилія, чтобы достичь благопріятныхъ результатовъ. Не смотря, однако, на уступчивость С.-Джемскаго кабинета нѣкоторые вопросы остаются и донынѣ неразрѣшенными, но надо полагать, что, благодаря сложившемуся въ Европѣ убѣжденію въ искренности либеральнаго министерства, существующія теперь затрудненія будутъ устранены. Но для упроченія настоящаго кабинета недостаточно разрѣшить тѣ вопросы, которые онъ принялъ отъ консервативнаго правительства. Необходимо, чтобы, на будущее время, Гладстонъ наученный опытомъ послѣдняго десятилѣтія, не увлекался настоящимъ миролюбивымъ настороеніемъ англійскаго народа и Англія сохранила бы за собой то положеніе, которое принадлежитъ ей по праву, какъ великой державѣ.

Честный образъ дѣйствій настоящаго кабинета и усиліе его обезпечить спокойствіе въ Европѣ вызвали готовность со стороны Россіи оказывать содѣйствіе ему. Установившіяся теперь между нами и Англіей отношенія могутъ служить гарантіей европейскому миру. Наши собственные интересы требуютъ поддержанія либеральнаго кабинета въ Англіи и поэтому на насъ лежитъ обязанность по возможности избѣгать поводовъ къ возбужденію неудовольствія противъ Россіи въ общественномъ мнѣніи Англіи, пока во главѣ кабинета находится Гладстонъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы намъ представлялась возможность воспользоваться ошибками премьера. Подвергнувъ правительство справедливымъ нападкамъ оппозиціи, мы, какъ это видно изъ хода выборовъ въ 1874 и 1880 гг., подготовили бы почву для консервативнаго министерства, а если власть въ Англіи опять перейдетъ въ руки лорда Биконсфильда, то мы снова будемъ поставлены въ затруднительное положеніе. Но если бы, по независящимъ отъ насъ причинамъ, произошли перемѣны правительства въ Англіи, то наши честнія и искреннія отношенія къ кабинету Гладстона во всякомъ случаѣ служили бы консервативному министерству препятствіемъ къ возбужденію противъ насъ общественнаго мнѣнія Англіи.

Только прослѣдивъ за избирательной борьбой, можно уяснить себѣ какой именно образъ дѣйствій относительно Англіи будетъ наиболѣе выго-

денъ для насъ. Выборы 1874 и 1880 годовъ показываютъ, что враждебное настроеніе Англіи къ Россіи обусловливается отчасти недостаточнымъ пониманіемъ нами при какихъ условіяхъ и въ чемъ именно можетъ состояться соглашеніе между Россіей и Англіей и какимъ образомъ должны мы дѣйствовать, чтобы поддержать это соглашеніе.

Въ настоящее время можно съ увѣренностію утверждать, что положеніе либеральной партіи на новыхъ выборахъ въ парламентъ въ значительной степени будетъ зависѣть отъ нашей политики, если только внутренніе вопросы не получатъ въ Англіи особеннаго значенія. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы въ нашихъ сношеніяхъ съ С.-Джемскимъ кабинетомъ мы избѣгали на будущее время всякихъ пріемовъ, которые подрывали бы вѣру въ искренность нашего образа дѣйствій по отношенію къ Англіи.

Влад—овъ.

Внутреннія политическія отношенія государствъ Запада Европы.

Наше общество стало въ послѣднее время слѣдить за общественною жизнью государствъ Запада съ живымъ интересомъ. Политическія движенія среди населенія этихъ государствъ, расположеніе и борьба партій, экономическое и интеллектуальное развитіе народовъ—все это привлекаетъ вниманіе русскаго общества и вызываетъ въ немъ оживленные толки. И это совершенно естественно. На пути реформъ и совершенствованій, по которому, повидимому, снова двинулась теперь Россія, нельзя удержаться отъ сравненія своего собственнаго состоянія съ положеніемъ другихъ народовъ. При такомъ сравненіи можно избѣжать многихъ ошибокъ, въ которыя впали другіе, можно иногда жить чужою опытностью и примѣнять лишь то, что, при особенностяхъ нашего общественнаго строя, можетъ быть дѣйствительно полезно. Не мудрено поэтому, что въ нашемъ обществѣ такъ интересуются общественною жизнью Запада.

Но въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить въ обществѣ нашемъ одной, довольно ненормальной черты. У насъ интересуются преимущественно тѣми государствами, которыя въ данное время играютъ преобладающую роль въ международной политикѣ. Если государство могущественно въ военномъ отношеніи, если оно угрожаетъ мирному сосуществованію государствъ и, въ особенности, если оно находится въ состояніи войны,—мы внимательно слѣдимъ и за внутренней его жизнью. Если даже и не очень сильное государство вызываетъ какое либо международное столкновеніе, мы не прочь бросить взглядъ на его внутреннее состояніе; но за то, если народъ издавна живетъ мирно и, развивая свое внутреннее благосостояніе, находитъ возможнымъ не затрогивать чужихъ интересовъ, мы не интересуемся его внутреннимъ бытомъ и охотно забываемъ про него, сохраняя о немъ, да и то не всегда, лишь тѣ немногія свѣдѣнія, которыя когда-то добыты изъ учебниковъ. Изрѣдка появляются о такихъ государствахъ извѣстія на столбцахъ нашихъ газетъ; но и они вскользь и неохотно читаются публикою.

Между тѣмъ, среди такихъ забытыхъ народовъ есть такіе, которые и по своей исторіи, и по современному положенію, представляютъ много интереснаго для наблюденія. Нѣкоторые изъ нихъ и потому еще заслу-

живаютъ вниманія, что въ общественномъ строѣ своемъ имѣютъ черты, довольно близко напоминающія характерныя стороны нашей общественной жизни.

Къ числу такихъ государствъ принадлежитъ и Норвегія. Объ ней какъ будто бы забыли въ Россіи, и только недавно русская пресса напомнила объ ней нашему обществу по поводу столкновенія между народнымъ представительствомъ Норвегіи и королемъ. Мы остановимся на этомъ столкновеніи и попытаемся уяснить его значеніе.

Норвегія имѣетъ чисто демократическое устройство. Конституціей 1819 г. введено политическое равенство между всѣми сословіями. Льготы дворянства и титулы были уничтожены, вмѣстѣ съ этимъ исчезли и маіораты, и субституціи. Представителямъ всего народа безъ всякаго различія принадлежитъ существенное участіе въ государственной власти. Демократическія учрежденія Норвегіи поддерживаются сравнительно высокимъ уровнемъ народнаго образованія. Едва ли можно найти въ Европѣ государство, въ которомъ грамотность, даже между простыми и бѣднѣйшими классами народонаселенія, была такъ развита, какъ въ Норвегіи. Въ каждомъ приходѣ непремѣнно существуетъ школа; тамъ, гдѣ населеніе, по роду своихъ занятій, должно перемѣнять мѣстожительство, какъ, напр., на сѣверѣ Норвегіи, въ странѣ бродячихъ звѣролововъ,—существуютъ странствующіе учителя, переходящіе изъ хижины въ хижину, научая обитателей ихъ писаному и печатному слову. При такихъ условіяхъ, законъ, недозволяющій вступать въ бракъ безграмотному и постановляющій отдачу безграмотнаго въ двадцать лѣтъ въ исправительное учебное заведеніе, не представляется въ Норвегіи строгимъ.

Къ особенностямъ политическаго строя Норвегіи принадлежитъ близкая связь общества и государства съ церковью. Лютеранская религія признается государственною и съ исповѣданіемъ ея сопряжены извѣстныя государственныя преимущества. Должности министровъ и судей, всѣхъ чиновъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія, какъ въ народныхъ школахъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, должности по городскому управленію могутъ быть заняты только лютеранами. Прежде этотъ списокъ былъ еще длиннѣе и лица, принадлежащія къ другимъ религіямъ, въ особенности же къ еврейской, не допускались ни къ какой должности, но въ послѣднее время въ Норвегіи повѣяло духомъ вѣротерпимости и иновѣрцы получили возможность занимать нѣкоторыя административныя должности.

Духовенство въ Норвегіи пользуется большимъ уваженіемъ. На избирательныхъ сходкахъ предсѣдательствуютъ пасторы. Такимъ образомъ, они пользуются не только нравственнымъ, но и политическимъ вліяніемъ.

Система выборовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ духу норвежской конституціи. Правомъ подавать голосъ пользуется всякій, кто владѣетъ самымъ небольшимъ клочкомъ земли, хотя бы и не его собственнымъ, но арен-

дуемымъ имъ; въ городахъ голосъ принадлежитъ домовладѣльцамъ. Такимъ образомъ право подачи голоса доступно громадному большинству населенія. Выборы депутатовъ производятся въ приходскихъ церквахъ подъ предсѣдательствомъ пастора. Передъ выборами читается текстъ конституціи.

По конституціи этой, законодательная власть всецѣло предоставлена *стиртингу*, т. е. палатѣ депутатовъ. Устройство палаты весьма оригинально: она распадается на двѣ половины—*одельстингъ* и *лагтингъ*. Но эти два отдѣленія ничего не имѣютъ общаго съ верхней и нижней палатами въ другихъ конституціонныхъ государствахъ. Въ государствахъ, гдѣ существуютъ двѣ палаты, обѣ онѣ имѣютъ почти равное значеніе въ принятіи закона или его отверженіи. Онѣ не зависятъ также другъ отъ друга въ порядкѣ своего образованія, такъ какъ пополненіе ихъ состава происходитъ различнымъ образомъ. Совсѣмъ другое представляютъ норвежскія палаты: депутаты избираютъ изъ своей среды четвертую часть, которая образуетъ лагтингъ; остальныя три четверти народныхъ представителей составляютъ одельстингъ. Оба отдѣленія стиртинга засѣдаютъ отдѣльно, но вся власть, очевидно, принадлежитъ одельстингу, такъ какъ лагтингъ представляетъ не болѣе, какъ постоянную коммиссію, избранную для подачи мнѣнія о законодательныхъ вопросахъ.

Законодательная иниціатива принадлежитъ королю и каждому члену одельстинга; члены лагтинта лишены этого права. Но проектъ закона, принятый одельстингомъ, непремѣнно препровождается въ лагтингъ, который можетъ сдѣлать въ немъ поправки или даже отвергнуть съ объясненіемъ причинъ этого. Тогда проектъ снова поступаетъ въ одельстингъ. Если одельстингъ не согласится съ доводами лагтинга, проектъ въ томъ же или измѣненномъ видѣ вновь поступаетъ на обсужденіе лагтинга. Наконецъ, если лагтингъ и во второй разъ отвергнетъ проектъ или потребуетъ въ немъ измѣненій, то обѣ палаты стиртинга соединяются вмѣстѣ въ одно общее засѣданіе, которымъ вопросъ разрѣшается большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Слѣдовательно, лагтингъ не можетъ совершенно остановить рѣшенія, принятаго одельстингомъ. Его значеніе состоитъ въ томъ, чтобы только сдерживать слишкомъ быстрое и стремительное разрѣшеніе вопросовъ, которое всегда можетъ имѣть мѣсто при обсужденіи закона въ одной палатѣ.

Такимъ образомъ, представительство Норвегіи есть въ сущности однокамерное. При этомъ условіи не можетъ быть достигнуто то равновѣсіе, которое соблюдается въ представительныхъ монархіяхъ съ двухкамернымъ представительствомъ. Въ Норвегіи или королевская власть, или стиртингъ должны перевѣшивать другъ друга, и историческія обстоятельства сложились такъ, что преобладаніе до сихъ поръ принадлежитъ стиртингу.

Трудно найти другой парламентъ, который бы обладалъ такими широкими правительственными правами, какъ права норвежскаго стиртинга.

Ему принадлежитъ (75 ст. конституціи): 1) издавать и отмѣнять законы, установлять налоги, таможенный тарифъ; 2) совершать государственные займы; 3) наблюдать за финансами; 4) утверждать смѣту государственныхъ расходовъ; 5) опредѣлять ежегодно сумму на содержаніе двора короля и на жалованье членамъ королевскаго семейства; 6) требовать на разсмотрѣніе всѣ протоколы государственнаго совѣта, рапорты, приказы и другіе документы (кромѣ военныхъ приказовъ), также трактаты съ другими государствами; 7) призывать для допроса въ государственныхъ вопросахъ всѣхъ лицъ, за исключеніемъ короля и членовъ его семейства, въ томъ случаѣ, если они не занимаютъ государственныхъ должностей; 8) разсматривать росписи жалованій и пенсій и дѣлать въ нихъ измѣненія; 9) назначать ежегодно коммиссію изъ пяти членовъ для ревизіи всѣхъ счетныхъ книгъ государства; 10) натурализировать иностранцевъ.

Король управляетъ государствомъ при помощи государственнаго совѣта. Во время отсутствія короля изъ Норвегіи (король постоянно живетъ въ Стокгольмѣ и очень рѣдко пріѣзжаетъ въ Норвегію), его замѣняетъ вице-король, права котораго еще меньше и ограниченнѣе, чѣмъ права короля: въ государственномъ совѣтѣ дѣла рѣшаются коллегіально и вице-король имѣетъ только одинъ голосъ.

По конституціи королю предоставлено право объявлять войну и заключать миръ. Но это право почти совершенно уничтожается не только возможностью, которую имѣетъ стиртингъ отказать королю въ деньгахъ на военныя издержки, но и особою статьею конституціи, согласно которой норвежское войско и флотъ могутъ быть употреблены для наступательной войны не иначе, какъ съ согласія стиртинга.

Власть короля значительно ограничена и по отношенію къ администраціи.

Очевидно, что въ дѣлѣ законодательства и управленія государствомъ стиртингъ Норвегіи имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ властью короля. Въ основаніи всего государственнаго механизма Норвегіи положены тѣ начала, которыя были выработаны во Франціи въ 1789 г.; но при этомъ во внѣшней своей формѣ норвежская конституція несравненно умѣреннѣе или сдержаннѣе, чѣмъ твореніе французовъ 1789 г. Норвежская хартія не содержитъ тѣхъ оскорбительныхъ для короля и задорныхъ по тону правилъ, которыми отличается ея прототипъ; выраженія ея и формы, напротивъ того, чрезвычайно вѣжливы и почтительны къ королю. Такъ, напр., стиртингъ «умоляетъ» короля утвердить законопроектъ, когда онъ былъ уже три раза вотированъ, т. е. тогда, когда законъ уже не нуждается, по конституціи, въ утвержденіи; кромѣ того, когда въ засѣданіе стиртинга является королевскій коммиссаръ, президентъ встрѣчаетъ и провожаетъ его до дверей залы; королевское предложеніе депутаты выслушиваютъ, стоя и т. д. Понятно, что эти внѣшніе признаки почтенія къ королю нисколько не нарушаютъ перевѣса стиртинга надъ королевскою властью.

Такой перевѣсъ народнаго представительства издавна тяготилъ королевское правительство. Живя постоянно не въ Норвегіи, а въ Швеціи, несвязанный съ Норвегіей ни происхожденіемъ, ни старинными политическими традиціями, норвежскій король неохотно подчинялся тѣмъ ограниченіямъ, которыя налагала на него норвежская конституція. Отсюда цѣлый рядъ попытокъ къ сокращенію этихъ ограниченій и увеличенію прерогативъ королевской власти. Съ другой стороны, норвежскій народъ, по мѣрѣ развитія своихъ политическихъ способностей и распространенія просвѣщенія, научился все болѣе и болѣе цѣнить либеральныя основанія своего государственнаго строя и твердо стоять за ихъ сохраненіе, и поэтому стиртингъ не даромъ недавно былъ названъ «попечителемъ норвежской свободы и независимости». Отсюда та борьба съ королевскими притязаніями, которая отъ времени до времени нарушаетъ спокойное теченіе дѣлъ въ Норвегіи и одинъ изъ эпизодовъ которой недавно обратилъ на себя вниманіе политической прессы всѣхъ государствъ Европы.

Дѣло идетъ объ измѣненіи одного изъ основныхъ или органическихъ законовъ норвежской конституціи. Министры, назначаемые въ Норвегіи королемъ, не могли быть избираемы изъ среды народныхъ представителей Норвегіи и не могли присутствовать на засѣданіяхъ стиртинга.

Теперь стиртингъ потребовалъ, чтобы этотъ законъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, чтобы изъ самаго состава стиртинга король могъ назначать министровъ своихъ и чтобы для министровъ было обязательно присутствовать на засѣданіяхъ палатъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ предложеніе это было сдѣлано не стиртингомъ правительству, а правительствомъ стиртингу. Королевское правительство разсчитывало, что при личномъ участіи министровъ въ засѣданіяхъ норвежскаго парламента, при возможности дѣйствовать на массу представителей путемъ ораторскаго слова, министрамъ удастся усилить свое вліяніе на стиртингъ, такъ что предложенія правительства будутъ имѣть больше шансовъ на принятіе. Такимъ образомъ, участіе министровъ въ засѣданіяхъ парламента предлагалось королевскимъ правительствомъ, какъ средство усиленія своей власти.

Прошло нѣсколько лѣтъ и теперь та же мѣра предлагается стиртингомъ, какъ средство противодѣйствія правительству, и правительство отказывается принять ее, находя ее слишкомъ опасною для своей власти. Это на первый взглядъ представляется даже не совсѣмъ понятнымъ. Но недоумѣніе разрѣшается тѣмъ соображеніемъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ составъ стиртинга былъ значительно слабѣе въ политическомъ отношеніи и личное воздѣйствіе неминуемо было бы въ пользу министровъ; теперь, при развитіи въ норвежскомъ народѣ политическихъ интересовъ и при поднятіи интеллектуальнаго уровня народныхъ представителей, присутствіе въ стиртингѣ могло бы сдѣлаться для министровъ иногда очень неловкимъ, а иногда и просто невыносимымъ. Это послѣднее соображе-

ніе и было приведено консервативными органами въ Стокгольмѣ, какъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ отказа короля утвердить предлагаемый стиртингомъ законъ.

Стиртингъ въ трехъ послѣдовательныхъ сессіяхъ требовалъ утвержденія своего законопроекта. Король три раза кассировалъ постановленіе стиртинга своимъ королевскимъ «veto». Но, по буквальному смыслу конституціи, королевское «veto» дѣйствительно только до трехъ разъ. Стиртингъ, «умоляя» короля утвердить его постановленіе, счелъ нужнымъ заявить, что постановленіе его имѣетъ силу органическаго закона и не можетъ быть отмѣнено королевскимъ предписаніемъ.

Такое дѣйствіе стиртинга вызвало протестъ со стороны министерства, которое смотритъ на дѣло съ другой точки зрѣнія. По мнѣнію министерства, та статья конституціонной хартіи, на которую ссылается стиртингъ, вовсе не касается органическихъ законовъ конституціи и конституція не можетъ быть измѣнена безъ согласія обѣихъ сторонъ, т. е. народнаго представительства и королевской власти. На этомъ основаніи король подписалъ декретъ, которымъ объявляетъ постановленіе стиртинга недѣйствительнымъ, а потому не подлежащимъ обнародованію.

Стиртингъ, въ свою очередь, призналъ королевскій декретъ несогласнымъ съ конституціей и постановилъ, записавъ его въ протоколъ, сдать въ архивъ на храненіе.

Столкновеніе стиртинга съ правительствомъ вызвало сильное движеніе въ народѣ. Послѣ признанія королевскаго декрета недѣйствительнымъ, президенту стиртинга, Свердруну, была устроена грандіозная демонстрація. Вообще норвежскій народъ очень сочувственно относится къ твердому образу дѣйствій стиртинга.

Въ Стокгольмѣ, наоборотъ, все сочувствіе на сторонѣ короля. Дѣйствія норвежскаго парламента клеймятся именемъ «революціонныхъ»; нѣкоторые утверждаютъ, что разладъ между королевскою властію и народнымъ представительствомъ Норвегіи не можетъ разрѣшиться иначе, какъ революціей. Но такое опасеніе едва ли справедливо. При такомъ либеральномъ строѣ государственной жизни, какой существуетъ въ Норвегіи, народная воля имѣетъ достаточно способовъ внѣшняго проявленія, чтобы не прибѣгать къ революціи; но какъ бы то ни было, нельзя не констатировать, что при закрытіи стиртинга, отношенія его къ королю были крайне натянуты. Стиртингъ закрылся, противъ обыкновенія, даже безъ тронной рѣчи короля.

Интересно, что настоящее столкновеніе королевское правительство думаетъ повернуть въ пользу усиленія королевской власти. Въ отвѣтъ на постановленіе стиртинга, выработанъ правительственный проектъ, который предлагается стиртингу на утвержденіе. Если стиртингъ приметъ его, то король согласится утвердить постановленія стиртинга. Этотъ законопроектъ представляетъ дальнѣйшее развитіе того, который еще въ

1873 г. былъ предложенъ королемъ стиртингу и не принятъ послѣднимъ. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: 1) королю предоставляется право сзывать и распускать стиртингъ; 2) срокъ засѣданій стиртинга опредѣляется въ три мѣсяца; 3) королю предоставляется послѣ закрытія стиртинга извѣстный срокъ для утвержденія законопроектовъ стиртинга или отказа въ немъ. Только къ этимъ тремъ пунктамъ присоединено еще измѣненіе въ порядкѣ выборовъ въ депутаты въ томъ смыслѣ, чтобы возвысить цензъ для права избранія и, такимъ образомъ, достичь болѣе консервативнаго контингента депутатовъ.

Теперь очень трудно опредѣлить, чѣмъ окончатся подобныя столкновенія, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, можно ожидать мирнаго исхода. Мы уже дописывали эти строки, когда прочли телеграмму, извѣщающую о поѣздкѣ короля въ Христіанію. Личное вліяніе короля, безъ сомнѣнія, благопріятно повліяетъ на мирный исходъ столкновенія.

Отъ Норвегіи мы переходимъ къ другому государству, тоже сравнительно очень небольшому и въ международной политикѣ совершенно второстепенному, но могущему служить примѣромъ для многихъ другихъ народовъ по своему конституціонному развитію—къ *Бельгіи*.

Въ послѣдней книжкѣ «Русской Мысли» мы говорили о Франціи и остановились на вопросѣ борьбы государства съ церковью и на значеніи французскаго національнаго праздника.

И въ Бельгіи, подобно тому, какъ во Франціи, происходитъ ожесточенная борьба между клерикальной и либеральной партіями; и здѣсь она возникла первоначально на почвѣ народнаго образованія, и Бельгія, также недавно праздновала свой національный праздникъ. Но всѣ эти событія носятъ въ Бельгіи нѣсколько иной, своеобразный характеръ. Вотъ почему сравненіе политическаго состоянія Франціи и Бельгіи въ настоящее время представляется не безинтереснымъ.

Въ бельгійскомъ парламентѣ большинство принадлежитъ теперь либеральной партіи. Эпитетъ «либеральная» прилагается къ этой партіи въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Либеральная партія въ Бельгіи идеаломъ своимъ выставляетъ развитіе конституціонной свободы; своими дѣйствіями она успѣла доказать, что программа ея не остается мертвою буквою.

Программа этой партіи отличается отъ программы либеральной партіи во Франціи тѣмъ, что въ Бельгіи либералы стоятъ за конституціонную форму монархіи; во Франціи же либералы желаютъ навсегда упрочить республику.

Обыкновенно къ либеральной партіи примыкаетъ радикальная, убѣжденія которой часто довольно близко подходятъ къ убѣжденіямъ самыхъ лѣвыхъ изъ либераловъ. Такъ, напр., во Франціи, какъ мы видѣли, радикалы составляютъ лишь фракцію либеральной или республиканской партіи. Характеристическою особенностью Бельгіи въ этомъ отношеніи является почти совершенное отсутствіе въ ней такой партіи; въ Бельгіи

есть отдѣльныя лица и депутаты съ радикальнымъ образомъ мыслей; но политической партіи они не представляютъ. Эту особенность можно объяснить, съ одной стороны, болѣе спокойнымъ характеромъ бельгійскаго народа сравнительно съ французами, а съ другой — тѣмъ, что бельгійцы уже давно стоятъ на высокой степени экономическаго благосостоянія и пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ политическою свободою.

Клерикальная партія въ Бельгіи носитъ названіе консервативной, хотя, вопреки этому названію, она крайне враждебно относится къ существующему порядку. Клерикальная партія въ Бельгіи заходитъ въ своихъ стремленіяхъ гораздо дальше, чѣмъ во Франціи. Если во Франціи клерикалы только мечтаютъ о возстановленіи монархіи, хотя бы и въ ограниченной ея формѣ, то въ Бельгіи, въ послѣднее время, прямо стремятся къ абсолютизму. «Проклятыя вольности» (libertés maudites), какъ они выражаются и подъ которыми разумѣютъ всякое участіе народа въ государственномъ управленіи, составляютъ то, противъ чего они ратуютъ. Интересно то, что эта вражда противъ конституціоннаго строя государства совершенно искусственно навязывается бельгійцамъ духовенствомъ, такъ какъ весь народъ вообще чрезвычайно преданъ своей конституціи. Положеніе клерикаловъ въ Бельгіи и въ томъ еще отношеніи отличается отъ положенія ихъ во Франціи, что французскіе клерикалы, мечтая замѣнить республику монархіей, имѣютъ въ виду опредѣленныхъ лицъ, которыя могли бы занять престолъ; бельгійскіе же клерикалы, по всей вѣроятности, сами недоумѣваютъ, кого бы они желали посадить на королевскій престолъ Бельгіи въ качествѣ абсолютнаго монарха, такъ какъ настоящій король такъ преданъ конституціонной формѣ правленія, какъ никакой другой государь Европы.

И, не смотря на всю неосуществимость своихъ стремленій, клерикальная партія, благодаря вліянію духовенства, очень сильна въ Бельгіи. Это сознаютъ и ея противники. Недавно происходили дополнительные выборы и, хотя въ общемъ результатѣ побѣда осталась за либералами, клерикальные кандидаты были все-таки избраны въ такихъ пунктахъ, гдѣ либералы уже никакъ не думали потерпѣть пораженіе. Это подало поводъ одному изъ выдающихся представителей бельгійскаго кабинета съ грустью заявить, что, по его мнѣнію, преобладаніе либеральной партіи въ Бельгіи непрочно и что, по всей вѣроятности, на слѣдующихъ выборахъ консервативная партія опять завладѣетъ правленіемъ.

Само собою разумѣется, что клерикальная партія въ парламентѣ находится въ рѣзкой оппозиціи. Положеніе кабинета было бы поэтому довольно затруднительно, если бы оно не опиралось на либеральное большинство, которое всегда дружно поддерживало его. Благодаря этой поддержкѣ, правительство могло проводить такія мѣры, которыя шли въ разрѣзъ съ требованіями клерикаловъ.

Изъ событій внутренней жизни Бельгіи за послѣдніе мѣсяцы обращаютъ на себя особенное вниманіе разрывъ съ Ватиканомъ и національный бельгійскій праздникъ.

Борьба между государствомъ и церковью возникла въ Бельгіи, какъ мы уже говорили, на почвѣ народнаго образованія. Нынѣшнимъ либеральнымъ министерствомъ Фреръ-Орбана были сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ законахъ о начальномъ обученіи; не представляя ничего антирелигіознаго, эти измѣненія въ значительной степени лишали католическое духовенство того преобладающаго вліянія, которымъ оно пользовалось прежде въ школахъ, часто злоупотребляя имъ. Католическое духовенство съ яростью воспротивилось измѣненію новаго закона.

Отлученія отъ церкви, воскресныя преподаванія въ правительственныхъ школахъ, нравственное давленіе на учащихся — все это было двинуто противъ новаго закона. Министерство обратилось къ самому папѣ съ просьбою смирить духовенство и внушить ему духъ умѣренности.

Римская курія поступила замѣчательно фальшиво. Оффиціально порицая крайній образъ дѣйствій бельгійскаго духовенства, она подъ руку поощряла его къ продолженію преслѣдованій. Но это не могло долго оставаться въ тайнѣ. Образъ дѣйствій папы («fourberie»—«мошенничество», какъ выразился Фреръ-Орбанъ) открылся и результатомъ этого было прекращеніе дипломатической миссіи при Ватиканѣ. Бельгійскіе клерикалы думали было замѣнить эту миссію делегатомъ изъ своей среды, но этому во-время воспрепятствовало правительство.

Національный праздникъ Бельгіи до сихъ поръ еще не окончился. Оффиціальныя торжества, правда, давно уже отошли, но промышленная выставка, которая была къ нему пріурочена, и теперь продолжаетъ привлекать массу посѣтителей. Да и вообще бельгійскій національный праздникъ оставитъ о себѣ больше воспоминаній, чѣмъ первое празднованіе во Франціи взятія Бастиліи. Онъ не прошелъ безслѣдно и для другихъ народовъ. Представители европейской печати, собравшіеся въ Брюсселѣ, постановили созвать въ будущемъ году «конгрессъ печати». Другіе пошли еще дальше. Было предложено учредить въ Брюсселѣ «центральное бюро всесвѣтной печати», какъ основаніе для предстоящихъ конгрессовъ. При томъ значеніи, которое имѣетъ теперь печать, учрежденіе этого бюро, конечно, весьма важно, и Бельгіи дѣлаетъ большую честь, что ей принадлежитъ починъ такого дѣла.

Отзывъ по поводу слова, сказаннаго Ѳ. М. Достоевскимъ на Пушкинскомъ торжествѣ.

Нельзя, безъ особенно глубокаго, сердечнаго сочувствія, прослушать или прочесть прекрасную статью Ѳ. М. Достоевскаго о нашемъ безсмертномъ Пушкинѣ, прочтенную въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности и напечатанную въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Статья эта произвела на слушателей и читателей сильнѣйшее, едва ли когда-либо прежде ощущавшееся впечатлѣніе. Да и не могла она не произвести у насъ, особенно теперь, такого потрясающаго дѣйствія. Мы всѣ чувствуемъ себя страждущими какимъ-то тяжкимъ, неопредѣленнымъ, но гнетущимъ недугомъ: одни изъ насъ мечутся, какъ угорѣлые, не ставя ни въ грошъ ни своихъ отношеній къ прочимъ людямъ, ни собственной жизни; другіе, хотя съ вида какъ будто спокойные, однако страдаютъ немного менѣе первыхъ, и если не пускаются въ отчаянныя попытки, то почти столько же удручены существующимъ порядкомъ вещей; а большинство населенія, т. е. стадная его часть, кое-какъ перебивается, исправляетъ обычныя, необходимыя работы, живетъ со дня на день, не мудрствуя лукаво, но оно далеко не наслаждается существующимъ и охотно прислушивается ко всякимъ жалобамъ и осужденіямъ. При такомъ общемъ настроеніи, слова Ѳ. М. Достоевскаго, пропитанныя душевною и духовною скорбію, указывающія, хотя и весьма сдержанно и не вполнѣ вѣрно, ея причины и источники, но возбуждающія надежды, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, на изцѣленіе, произвели и не могли не произвести какъ на слушателей, такъ и на читателей, сильнаго, животворнаго дѣйствія. Почти въ первый разъ раздалось у насъ, въ многочисленномъ собраніи и въ здѣшней печати, серьезное, глубоко прочувствованное и обдуманное слово. Могли ли мы остаться глухи и въ немъ безучастны?

Вполнѣ раздѣляя мнѣнія г. Достоевскаго на счетъ достоинствъ и заслугъ нашего безсмертнаго Пушкина, на счетъ великой будущности русскаго народа и тяжести нынѣшняго нашего положенія, мы не можемъ однако согласиться съ нѣкоторыми утвержденіями Ѳ. М. Онъ называетъ

Пушкина пророкомъ и даже по преимуществу таковымъ. Мы думаемъ, что всякій геніальный поэтъ и даже геніальный человѣкъ вообще—болѣе или менѣе пророкъ. Пророчество есть свойство и достоинство всякаго геніальнаго человѣка, говорящаго или пишущаго или дѣйствующаго, не на основаніи какихъ-либо данныхъ, соображеній и заключеній, которыя могутъ быть ошибочны, а по внушенію глубокаго чувства, которымъ онъ проникнутъ, и внутренняго, пожалуй, даже безсознательнаго прозрѣнія будущаго. Пушкинъ, исполненный народныхъ чувствъ и ими одушевленный, былъ, конечно, пророкомъ; но это не составляетъ отличительной его черты. Болѣе чѣмъ кто-либо изъ поэтовъ онъ отличался, какъ справедливо замѣтилъ г. Достоевскій, способностью перевоплощаться не только въ свой народъ, но даже въ чужеземцевъ. Пушкинъ, хотя воспитанный въ семействѣ, пропитанномъ духомъ французской литературы и во времена ея у насъ общаго господства, однако, силою своего генія, такъ перенесся въ бытъ и чувства нашего народа и такъ проникся его духомъ, что заговорилъ языкомъ, роднымъ для каждаго изъ насъ, высказывалъ то, что мы всѣ чувствовали и думали, но чего не могли выразить, и открывалъ намъ насъ самихъ. Онъ такъ очертилъ и передалъ намъ характеры Алеко, Онѣгина, Татьяны, инока-лѣтописца и нѣкоторыхъ другихъ личностей, что мы ихъ видимъ, ощущаемъ и должны сказать: никто, ни до, ни послѣ Пушкина, такъ вѣрно, живо и глубоко не постигалъ и не олицетворялъ русскаго человѣка. Но тутъ не пророчество, а ясновидѣніе или ясновѣденіе настоящаго. Вотъ, кажется намъ, отличительная черта Пушкина. Былъ у насъ другой поэтъ, котораго изрѣченія часто повторяются и видимо изъ области предсказанія переходятъ въ дѣйствительность—его болѣе чѣмъ кого-либо можно признать поэтомъ-пророкомъ. Стоитъ вспомнить или прочесть стихотворенія А. С. Хомякова, и нельзя не быть пораженнымъ его даромъ прозрѣнія. Его «Орелъ», «Мечта», «Островъ», его нѣсколько стихотвореній «Россія», его «Мы родъ избранный», «Вставайте, оковы распались», и пр. пр., сущностью и языкомъ дѣйствительно являютъ въ Хомяковѣ вдохновеннаго пророка. Всѣ его произведенія, отъ перваго и до послѣдняго, проникнуты однимъ духомъ, согрѣты живою вѣрою и исполнены высокихъ нравственныхъ чувствъ. Хомяковъ, какъ поэтъ, философъ и богословъ, у насъ еще далеко не оцѣненъ по достоинству; причиною тому—наша недостаточная развитость. Потребовалось намъ полвѣка для оцѣнки Пушкина—поэта ясновидца и ясновѣдца; авось, по истеченіи другаго полвѣка, мы доростемъ и до оцѣнки поэта-пророка и философа-богослова.

Г. Достоевскій говоритъ, что не было въ мірѣ поэта, который обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ. Съ этимъ нельзя не согласиться; но г. Достоевскій прибавляетъ: «и эту-то способность, *главнѣйшую способность нашей національности*, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ главнѣйше онъ и народ-

ный поэтъ». Вполнѣ согласны, что Пушкинъ народный поэтъ, и прибавимъ— первой степени; но что отзывчивость вообще составляетъ главнѣйшую способность нашей народности—это, кажется намъ, не вѣрно; и мы глубоко убѣждены, что не это свойство утвердило за Пушкинымъ достоинство народнаго поэта. Не споримъ, что отзывчивость есть одна изъ чертъ характера нашего народа вообще: онъ радушно, даже съ любовью относится къ другимъ людямъ, даже къ туркамъ и татарамъ; но онъ вовсе не расположенъ въ нихъ перевоплощаться. Если мы, люди «цивилизованные», и за-границею и у себя дома, такъ отзывчивы къ другимъ, что часто и легко перестаемъ быть самими собою и приносимъ въ жертву другимъ и языкъ, и обычаи и даже наши убѣжденія; то это происходитъ не отъ того, что мы русскіе, не въ силу народнаго духа, въ насъ пребывающаго, а вслѣдствіе зыбкости нашего положенія, происшедшей отъ разрыва нашего съ народомъ, отъ невозможности для насъ вполнѣ усвоить чужое и отъ поврежденности въ насъ коренныхъ русскихъ свойствъ и началъ. Отзывчивость русскаго человѣка не есть, думаемъ, отличительное, и тѣмъ еще менѣе главнѣйшее свойство его духа, а принадлежность его какъ человѣка вообще и, въ особенности, какъ народа, только недавно вступившаго на міровое поприще и чувствующаго потребность усвоить себѣ то, что человѣчествомъ до него узнано и сдѣлано. Отзывчивость конечно помогла Пушкину стать народнымъ поэтомъ; но не она утвердила его въ этомъ достоинствѣ: свойства болѣе существенныя и проявленныя въ характерахъ Татьяны и инока-лѣтописца и вообще въ твореніяхъ поэта утвердили за нимъ это высокое значеніе.

Не могу также согласиться съ слѣдующимъ мнѣніемъ г. Достоевскаго: «Что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея, въ конечныхъ цѣляхъ своихъ, ко всемірности и ко всечеловѣчности?» Думаемъ, что это стремленіе также вовсе не составляетъ отличительной черты характера русскаго народа. Всѣ народы, всѣ люди болѣе или мѣнѣе, съ сознаніемъ или безъ сознанія, стремятся осуществить идею человѣка — это задача каждаго изъ насъ. До сихъ поръ съ сознаніемъ мы менѣе другихъ народовъ ее исполняемъ или даже стремимся къ ея исполненію. Взгляните на француза, нѣмца или англичанина. Они всѣ убѣждены въ своемъ міровомъ значеніи и разнятся между собою только въ томъ, въ какихъ отношеніяхъ считаютъ себя обязанными быть къ прочимъ людямъ. Французы убѣждены, что они умнѣе, просвѣщеннѣе и ловчѣе всѣхъ, и что потому они обязаны просвѣщать міръ и заправлять его дѣлами. Нѣмцы убѣждены, что они соль земли, должны распространять свое владычество по всему міру, ради его блага, и что человѣчество достигнетъ совершенства только тогда, когда все будетъ подчинено Германіи и всѣ превратятся въ германцевъ. Англичане считаютъ міръ существующимъ для нихъ, что ихъ интересамъ все должно быть подчинено и что они не могутъ не быть всемірными владыками. Даже евреи и по-

ляки не покидаютъ до сихъ поръ мысли о предназначеніи своемъ быть первымъ народомъ въ мірѣ. Нашъ народъ всего менѣе питаетъ такія чувства и заявляетъ такія домогательства; онъ объ мірѣ мало заботится и одушевленъ преимущественно добрымъ расположеніемъ къ людямъ, съ которыми онъ поставленъ въ сношенія. Россія никогда не предпринимала войнъ ради завоеваній; ея владычество распространилось такъ, въ силу обстоятельствъ, почти вопреки ея желаніямъ. Наши войны съ Турціею, а въ особенности послѣдняя, предприняты были не съ цѣлью утвердить наше если и не господство, то вліяніе на востокѣ, а просто по долгу совѣсти и еще болѣе въ силу обстоятельствъ. Для насъ, для нашего народа славяне по преимуществу единовѣрцы, а турки враги вѣры Христовой; а потому мы считаемъ долгомъ помогать первымъ и бороться съ послѣдними. Одушевленіе, возбужденное въ Россіи востаніемъ босняковъ и герцеговинцевъ, борьбою сербовъ съ турками и затѣмъ собственною нашею съ ними войною, было, конечно, дѣло народное; но при этомъ стремленіе ко всемірности и всечеловѣчности было ни при чемъ. Братолюбіе, приверженность къ ученію Христову и чувство долга—вотъ что одушевляло русскій народъ и что составляетъ основу его духа и дѣйствій. Если мы, немногіе изъ народа, подъ часъ и лелѣемъ мысли о всемірности и всечеловѣчности въ будущемъ, то въ этомъ вовсе не заключается отличительной черты нашего народнаго духа. Вполнѣ признаемъ и убѣждены, что славянскому племени и русскому православному народу въ особенности предстоитъ великая будущность, что ему предлежатъ къ разрѣшенію великія задачи и что ему суждено, въ свое время, вложить свою лепту въ общечеловѣческую сокровищницу; но никакъ не можемъ согласиться, чтобы такое стремленіе составляло отличительную черту нашего народнаго духа. Потому, быть можетъ, и предстоитъ ему совершить многое, что скромны его желанія и требованія. Но да не подумаетъ кто-либо, что мы предназначаемъ русскому народу разыгрывать роль юродиваго и ждать, чтобы ниспала на него манна небесная. Конечно нѣтъ. Онъ долженъ неусыпно, неустанно, всѣми силами трудиться надъ умноженіемъ ввѣренныхъ ему талантовъ. На Бога надѣйся, а самъ не плошай.

Г. Достоевскій мастерски и вполнѣ вѣрно очертилъ характеры пушкинскихъ героевъ: Алеко, Онѣгина и Татьяны, и вполнѣ справедливо сказалъ, что въ нихъ проявленъ русскій человѣкъ глубже и живѣе, чѣмъ въ какихъ-либо русскихъ произведеніяхъ. Съ полнымъ сочувствіемъ повторяемъ слова г. Достоевскаго:

«Типъ этотъ (Алеко) вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей Русской землѣ поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ. И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у цыганъ, въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ, своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ

сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго—интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ соціализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя, какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастіе, чтобъ успокоиться: дешевле онъ не примирится,—конечно, пока дѣло только въ теоріи. Это все тотъ же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся. Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ втораго столѣтія послѣ великой Петровской реформы, въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ Русскихъ, и тогда при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи—и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ, безо всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста, болѣе соотвѣтствующія нашему времени. Много, много-что полибиральничаютъ «съ оттѣнкомъ европейскаго соціализма», но которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ,—но вѣдь все это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще и не начиналъ безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ. Всѣхъ въ свое время то же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь «избранныхъ», довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромному большинству не видать чрезъ нихъ покоя.»

Сдѣланная нами выписка длинна; но слова г. Достоевскаго такъ глубоко прочувствованы и обдуманы, что начавши разъ выписывать, мы съ трудомъ и здѣсь остановились. Дѣйствительно, мы, люди такъ называемые «цивилизованные», думаемъ, что достигнемъ въ нашемъ фантастическомъ дѣланіи какихъ-то высокихъ цѣлей и счастія не только для себя, но и для прочихъ людей. Мы думаемъ нашими усиліями создать рай на землѣ, и нѣтъ предѣла нашимъ мечтамъ и надеждамъ. Да, мы великіе фантазеры! А это отчего? Конечно не оттого, что мечтательность лежитъ въ основѣ нашего народнаго характера. Нѣтъ! Русскій человѣкъ по природѣ весьма практиченъ и вовсе не расположенъ предаваться игрѣ воображенія. Это думаемъ и говоримъ не мы одни: это признается и иностранцами, которые хотя нѣсколько насъ изучили; сверхъ того, это несомнѣнно, кажется, доказано всею нашею исторіею: непрактическій народъ не могъ бы, въ теченіи тысячи лѣтъ, основать, утвердить и возвеличить въ мірѣ такого государства, какъ наша существующая имперія.

Собственно мы фантазеры не по природѣ, а въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ: намъ душно, намъ скучно; дѣйствительная наша жизнь не представляетъ намъ ничего отраднаго. Всѣ наши идеалы мы должны переносить Богъ вѣсть куда, ибо здѣсь мы не можемъ не только стремиться къ ихъ осуществленію, но почти не имѣемъ къ чему ихъ даже приткнуть. Стремленіе къ осуществленію мечтательныхъ затѣй не составляетъ свойства русскаго духа; напротивъ, какъ произведеніе нашей оторванности отъ народа, нашего искусственнаго одиночества и всей окружающей насъ обстановки, оно составляетъ принадлежность только меньшинства русскихъ людей, хирѣющихъ и чуть-чуть не безумствующихъ. Это болѣзненное состояніе усиливается и порожаетъ все большее и большее число людей. Къ прискорбію, оно тяготитъ всего болѣе молодежь и людей чувствующихъ избытокъ жизненныхъ силъ. Конечно, между нашими, такъ называемыми, народниками соціалистами-революціонерами есть и люди, дѣйствующіе по разсчету и имѣющіе въ виду въ мутной водѣ ловить рыбу; но число ихъ весьма незначительно и большинство этихъ несчастныхъ—люди увлеченные или увлекающіеся. Причиною, почвою къ тому — пустота и духота нашей жизни. Дайте намъ чѣмъ существеннымъ заняться, надъ чѣмъ потрудиться; не запрещайте намъ того, другаго, десятаго; не стѣсняйте насъ и тутъ и тамъ—и мечты и утопіи будутъ нами покинуты, и мы примемся за дѣло съ такою же ревностью и неустрашимостью, съ какими мы совершили освобожденіе крестьянъ и перешли Балканы.

Въ заключеніе не можемъ не поблагодарить Ѳ. М. Достоевскаго особенно за то, что, при торжествѣ Пушкина, онъ не ограничился воздаяніемъ хвалы и признательности нашему великому поэту, но, проникнутый его духомъ, захватилъ глубже и обратилъ вниманіе на злобу дня, и, указаніемъ ея причинъ и источниковъ, пособитъ, быть можетъ, ея опредѣленію и устраненію. Да поможетъ намъ Богъ днесь въ этомъ самомъ насущномъ для насъ дѣлѣ!

Глубоко сочувствуемъ мысли г. Потѣхина воздвигнуть памятникъ Гоголю. Онъ вполнѣ его заслуживаетъ, и осуществленіемъ этой мысли мы уплатимъ дань благодарности нашему великому романисту и докажемъ, что мы двигаемся впередъ на пути, имъ намъ указанномъ. Никто, какъ Гоголь, такъ живо и глубоко не выказалъ всѣ уродства нашего барскаго, дворянскаго и чиновничьяго быта, и такъ сильно не содѣйствовалъ къ повороту нашему на путь хотя нѣсколько болѣе разумнаго житейскаго и общественнаго развитія. Какъ Пушкинъ есть нашъ народный поэтъ, такъ Гоголь есть нашъ народный романистъ—общественный дѣписатель, и памятникъ, ему воздвигнутый, явитъ, что голосъ его раздавался не въ пустынѣ и что мы умѣемъ цѣнить нашихъ великихъ благотворцевъ.

А. Кошелевъ.

22-го Іюня 1880. С. Песочня.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МАМОНТОВА,

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова, | **С.-ПЕТЕРБУРГЪ,** Невскій пр., 46 (пр. Гостин. Двора).

ПРОДАЮТСЯ:

Бертолотти Н. Н. Всеобщая исторія (въ объемѣ гимназическаго курса). Ч. I. Древній міръ. М. 1877 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

Бертранъ І. Алгебра. Отдѣльно. Вып. III. (Объ уравненіяхъ 2-й степени). М. 1874 г. Цѣна 45 коп. Вып. IV. (О прогрессіяхъ и логарифмахъ). М. 1874 г. Цѣна 25 коп. Вып. V. (Дополненіе началъ алгебры). М. 1874 г. Цѣна 50 коп. Полные экземпляры, сброшюрованные изо всѣхъ пяти выпусковъ. Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 2 р. Отдѣльно выпуски 1-й и 2-й распроданы.

Біо и Букэ. (Прямолинейная тригонометрія). М. 1877 г. Цѣна 75 к., съ перес. 1 руб.

— Сферическая тригонометрія. М. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Бугаевъ Н. В. Руководство къ ариѳметикѣ. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. М. 1876 г. 2-е исправл. и дополн. изд. Цѣна 40 к., съ пер. 55 к.

— Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Изданіе 2-е съ измѣненіями. М. 1876 г. Цѣна 25 коп., съ перес. 40 коп.

— Руководство къ ариѳметикѣ. Ариѳметика дробныхъ чиселъ. М. 1876 г. 3-е исправ. и дополн. изд. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

— Задачникъ къ ариѳмет. дробныхъ чиселъ. М. 1875 г. Цѣна 35 коп., съ перес. 50 коп.

— Начальная алгебра. Ч. I. М. 1877 г. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 к. Ч. II М. 1878 г. Цѣна 75 коп., съ перес. 90 коп. Вопросы къ алгебрѣ. М. 1878 г. Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп.

Веттштейнъ. Ботаника въ размѣрѣ реальн. учебн. завед. М. 1877 г. Цѣна 75 коп., съ перес. 90 коп.

Ганнъ. Общее землевѣдѣніе. Ч. I. (Астрономич. геогр. и метеорологія, съ 15 политипажами и 6 таблицами). М. 1876 г. Цѣна 85 коп., съ перес. 1 р.

Гохштеттеръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. II. (Геологія, составъ, строеніе и образованіе земли). М. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Женэ. Шекспиръ. Его жизнь и сочиненія, съ портретомъ и факсимиле Шекспира. М. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 коп.

Клаузъ К. Основы зоологіи. Т. I, вып. I. (Protozoa. Coelenterata). Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова и Петунникова, со 148 политипажами. М. 1873 г. Т. I, вып. II (Vermes, Echinodermata). Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова и Петунникова, съ 235 политипажами. М. 1873 г. Цѣна каждому выпуску 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 коп. Т. III, вып. I (*Рыбы, голые и чешуйчатые гады*), съ 98 политипажами. Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова. М. 1871 г. Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп. Т. III, вып. II. (*Млекопитающіяся и птицы*), съ 292 политипажами. Переводъ подъ редакціей профессора С. А. Усова и Петунникова. М. 1875 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties. I et. II. 2-е изданіе М. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.

— Cours gradué de la langue française. III et IV parties. М. 1880 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.

Линбергъ Л. Атласъ Всеобщей Геогр., 2-е изд. М. 1874 г. Цѣна сброшюр. вмѣстѣ 4 р. 50 коп., съ перес. 5 р. 50 коп. Цѣна экз. въ двухъ выпускахъ 5 р., съ перес. 6 р.

— Учебный Атласъ Всеобщей Географіи для гимназическаго курса. 2-ое исправл. и дополн. изд.
Лейпцигъ. 1880 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 р.

Мостовскій М. Приготовительный курсъ Всеобщей и Русской Географіи. Изд. 4-е, дополн. картой Палестины. М. 1879 г. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп.

— Этногр. очерки Россіи (55 характеристикъ). М. 1874 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

— Учебный курсъ Всеобщей Геогр. (Европа). М. 1875 г. Цѣна 70 к., съ перес. 85 коп.

Никитинъ. Элементарный курсъ ботаники. Изд. 3-е. М. 1879 г. Цѣна 40 к. съ перес. 55 коп.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. Вып. I. (*О линіяхъ*). Со 154 политипажами. М. 1875 г. Цѣна 85 коп. Вып. II. (*О плоскихъ фигурахъ*). (Дополненіе). Со 104 политипажами. М. 1875 г. Цѣна 70 коп. Вып. III. (*О плоскихъ фигурахъ*) (площади). Съ 49 политипажами. М. 1876 г. Цѣна 50 коп. Вып. IV. *О поверхностяхъ и линіяхъ* (линіи и плоскости до начала начертательной геометріи), съ 66 политипажами. М. 1877 г. Цѣна 60 к. Вып. V. *О поверхно-*

стяхъ и линіяхъ (начала начертательной геометріи), съ 98 политипажами. М. 1878 г. Цѣна 1 р. Вып. VI. *О геометрическихъ тѣняхъ и различныхъ приложеніяхъ* (главнѣйшія начала начертательной геометріи). Со 104 политипажами. М. 1878 г. Цѣна 1 р. Всѣ выпуски сброшюрованные вмѣстѣ. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 коп.

Травинъ В. Н. Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству хозяйственныхъ съемокъ. Съ XV табл. чертежей. М. 1879 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.

— Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству различнаго рода съемокъ и нивеллированія. Съ XII табл. чертежей. М. 1879 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— Памятная книжка. Собраніе формулъ и вспомогательныхъ таблицъ. М. 1878 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.

Траутшольдъ Г. Палеонтологія *(палеозоологія и палеофитологія)*. Около 300 политипажей. М. 1875 г. Цѣна 2 р. 75 коп., съ пер. 3 р.

— Стратиграфія. Съ таблицами и политипажами. М. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 коп.

Учебно-воспитательная библіотека (обзоръ русской педагогической литературы). М. 1876 г. Т. I. (Въ двухъ книгахъ). Цѣна 5 р., съ пер. 6 р. Отдѣлы продаются и порознь: Педагогика. Цѣна 75 коп., съ пер. 1 р. Законъ Божій. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп. Русскій языкъ, словесность и книги для русскаго чтенія. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 коп. Древніе и новые языки. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 р. Математика, физика, космографія и химія. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Исторія. Цѣна 50 коп., съ перес. 75 коп. Географія. Цѣна 50 коп., съ перес. 75 коп. Естествовѣдѣніе. Цѣна 60 коп., съ перес. 85 коп. Искусство. Цѣна 25 коп., съ пересылкой 40 к. Т. II. М. 1878 г. Цѣна 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 коп.

Штоль Г. В. Миѳы Классической Древности. Съ рисунками и политипажами. М. 1877 г. Т. I. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 к. Т. II. М. 1880 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 коп.

Эльснитцъ Л. Ф. Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Изд. III (дополненное). М. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Гг. книгопродавцамъ обычная уступка. Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно.

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ
„ТИФЛИССКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1880 ГОДУ.

Съ 1-го января будущаго 1880 года „**Тифлиссій Вѣстникъ**“ будетъ издаваться **ЕЖЕДНЕВНО, не исключая** ни понедѣльниковъ, ни послѣпраздничныхъ дней, при участіи нынѣшняго состава редакціи.

Вслѣдствіе увеличенія числа номеровъ газеты, подписная цѣна на газету нѣсколько измѣняется. Годовая подписка назначается: въ Тифлисѣ (съ доставкою на домъ)—12, съ пересылкою по Имперіи—13, съ пересылкою по почтовому союзу—18 руб.

СРОКИ:	Въ Тифлисѣ съ доставкой.		По Имперіи.		По почтовому союзу.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
На 12 мѣсяцевъ	12	—	13	—	18	—
» 6 »	6	50	7	—	9	50
» 4 мѣсяца	4	50	5	—	7	—
» 3 »	4	—	4	50	5	50
» 1 мѣсяцъ	1	50	2	—	2	50

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Тифлисъ, въ редакцію „**Тифлисскаго Вѣстника**“.

Въ Тифлисѣ подписка принимается, кромѣ конторы газеты (Эриванская площадь, д. № 3), въ газетномъ агентствѣ Шавердова.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ
ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

Возобновленный съ 1878 года „Журналъ м. п. с.“ будетъ издаваться и въ предстоящемъ году по слѣдующей программѣ:

а) Оффиціальная часть и срочныя публикаціи, подъ названіемъ «*Указатель правительственныхъ распоряженій по министерству путей сообщенія*»—*еженедѣльно;*

б) Неоффиціальная—*ежемѣсячно.*

Подписная цѣна полнаго экземпляра «Журнала» съ «Указателемъ *за годъ*—**9** р. съ пересылкою и **8** р. **40** к.—безъ пересылки; *за полгода*: **5** р. съ пересылкою и **4** р. **50** к.—безъ пересылки.—Служащимъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія допускается разсрочка подписной цѣны по третямъ года.

Подписная цѣна: одной оффиціальной части, т. е. «Указателя», *за годъ*—**2** р. **40** к. безъ пересылки и доставки, а съ пересылкою—**3** р.; *за полгода*—**1** р. **60** к. безъ пересылки и **1** р. **85** к. съ пересылкою одной неоффиціальной, т. е. «Журнала» безъ «Указателя»—**6** р. *за годъ* съ пересылкою и доставкою, безъ пересылки—**5** р. **40** к.; *за полгода*—**3** р. **50** к.

Подписка принимается въ зданіи м. п. с. **въ общей журнальной части**, гдѣ производится и продажа **отдѣльныхъ экземпляровъ** изданія **за истекшій годъ**: «Журналъ»—по **1** р. за книжку, «Указатель»—**25** к. за №.

Примѣчаніе: Какъ подписныя деньги, такъ и за отдѣльные экземпляры, отнюдь не должны быть высылаемы и представляемы въ министерство, а вносятся самими подписчиками въ мѣстныя казначейства, для причисленія къ доходамъ м. п. с. § 7 ст. 1 смѣты сего министерства; въ редакцію же (департаментъ общ. дѣлъ м. п. с., по Фонтанкѣ, № 99) должны быть присылаемы **только квитанціи** во взносѣ сихъ денегъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ.

основанъ въ 1831 году **ВАЗА.** существуетъ 48 лѣтъ

Женскій литературный, рукодѣльно-модный, иллюстрированный журналъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

24 номера журнала, **12** рукодѣльно-модныхъ и **12** литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія и т. п.).
1000 политипажей въ текстѣ.
24 модныя гравюры.
12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ.
21 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
6 листовъ раскрашенныхъ узоровъ.
Карманный календарь на 1880 годъ.

Возрастающій съ каждымъ годомъ успѣхъ журнала даетъ редакціи возможность увеличить цѣнность и изящество премій.— Преміи, предназначенныя для 1880 года, выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Желающіе могутъ видѣть ихъ въ редакціи.

Каждый подписчикъ 1880 года получитъ ШЕСТЬ ПРЕМІЙ, а именно:

1) БАРХАТНЫЯ золотомъ вышитыя туфли (вышивка исполнена по заказу редакціи настоящими серебряными черезъ огонь вызолоченными нитями).
2) ДВѢ олеографич. картины (pendant) заграничной работы.
3) КОРЗИНКА для туалетнаго стола. Тисненая вырѣзка изъ золоченной канвы. Часъ работы.
4) БОЛЬШАЯ ПОДУШКА для дивана. Роскошный букетъ. Матеріалъ полный для букета и для фона. Узоръ для исполненія раскрашенный и въ натуральную величину.
5) ВЫШИВКА для бювара на французской канвѣ. Матеріалъ полный и узоръ раскрашенный. Полевые цвѣты.
6) ЗАКЛАДКА для книги съ тисненой виньеткой и вышивкой (Souvenir).

Преміи выдаются и разсылаются всѣ заразъ: городскимъ—въ Январѣ, иногороднымъ подписавшимся въ ноябрѣ — въ январѣ. Подписавшимся въ декабрѣ—въ февралѣ. Позднѣйшимъ подписчикамъ въ теченіи февраля и марта.

Разсрочка допускается чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій . . . 7 р. — к. (безъ перес. 6 р. — к.) Съ ПРЕМІЯМИ 5 руб. дороже.
На полгода безъ премій. . 4 р. — к. (безъ перес. 3 р. 40 к.) На укупорку премій редакція
На 3 мѣсяца безъ премій . 1 р. 80 к. (безъ перес. 1 р. 41 к.) проситъ высыл. 42 к. марками.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „ВАЗА“. Лештуковъ пер., д. № 13.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ГИГІЕНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„ЗДОРОВЬЕ“
Органъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Издаваемый подъ редакціей профессора Гигіены въ Императорской Медико-хирургической Академіи А. П. Доброславина, при ближайшемъ участіи профессоровъ Гигіены въ университетахъ Казанскомъ, Кіевскомъ и Харьковскомъ—И. П. Скворцова, В. Л. Субботина и А. И. Якобія, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. Е. Андреевскаго, докторовъ Архангельскаго, Гюбнера, Эрисмана и др.

Въ наступающемъ 7-мъ году изданія Редакція журнала «Здоровье» имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ — распространять въ популярной формѣ изложенія гигіеническія истины и предлагать обществу наиболѣе цѣлесообразныя мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта—гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигіена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессій, гигіена казармъ, больницъ и др. общественныхъ учрежденій, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ и пр. не менѣе важные отдѣлы здравохраненія будутъ изложены въ общедоступной формѣ. Кромѣ того, журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣдѣній касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библіографическія указанія о всѣхъ новыхъ книгахъ по гигіенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы. Всѣ труды и протоколы Общества охраненія народнаго здравія помѣщаются въ журналѣ «Здоровье.»

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой, **5** руб., за полгода съ пересылкой, **3** руб.

Гг. служащіе подписываются чрезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ редакцію, помѣщающуюся на Выборгской сторонѣ по Нижегородской улицѣ, № 4, въ зданіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ просятъ обращаться въ контору журнала, въ типографію Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8.

ОЗЪ ИЗДАНІЯ ВЪ 1880 ГОДУ

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНАГО ЖУРНАЛА
„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“
(годъ третій).

Въ 1880 году «Историческая Библіотека» будетъ выходить при участіи тѣхъ же лицъ, по той же программѣ и въ тѣ же сроки.

Программа: романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія; историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи и матеріалы.

Согласно съ намѣченною цѣлью, редакція помѣщала и будетъ помѣщать въ журналѣ своемъ тѣ произведенія, которыя, при литературномъ достоинствѣ, совершенно вѣрны и исторической истинѣ. Содержаніе журнала 1879 года, включая и печатающееся для послѣднихъ выпусковъ: беллетристическаго содержанія — Семейство Шалонскихъ (изъ семейныхъ преданій 12 года), Е. Туръ; Новгородскій погромъ, ист. пов. Политковскаго; Очерки древне-римской жизни, Т. Симонса; Престолъ и Монастырь (хроника-романъ 1682—1689 г.) Ш-б-скаго; Клирошане (сцена), Б. Б.; Переписка папы Климента XIV съ Карлино Бертинаци, Соколова; Съ русскимъ караваномъ, Н. Огородникова; Жанна де-Монфоръ, ист. пов. Витта; Воспоминаніе изъ Кавказской боевой жизни, Горюнова; Разсказъ плѣнника (изъ Хивинской экспедиціи), Д. И. Минаева; За живой изгородью (вандейская война), ист. пов. Витта; Семинаристъ, Богословскаго; Новгородскія Былины, Авенаріуса; ученаго содержанія—Флоренція въ XIV в., ист.-кул. очеркъ, Красноперова; Очеркъ Провансальской поэзіи любви, Деларю; Описаніе Московіи по реляціямъ Карлейля, Павловскаго; Арсеній архіеп. Элассонскій, Оглоблина; Пугачевскій бунтъ по Кастеру, Деларю; Индусы и Будда, Новоселова; Сервантесъ, покойн. проф. Селина; Тюремный вопросъ, Никитина; Основныя эпохи въ исторіи Англіи, Павлова и мн. друг., не считая мелкихъ статей. Въ будущемъ же году (редакція предполагаетъ увеличить объемъ книгъ) будутъ помѣщены, кромѣ многихъ другихъ, слѣдующія произведенія: Царскій выборъ, ист. пов. Политковскаго, Тѣни Прошлаго (Биронъ и Волынскій), хроника-романъ Шубарскаго (псевдонимъ) автора «Престолъ и Монастырь», Аттика по Дункеру, матеріалы для русской исторіи XVIII в., Послѣдніе Стюарты, нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ историческихъ сочиненій и др.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к., съ перес. 8 руб. Подписка принимается въ редакціи (Бол. Садовая, д. 121, кв. 12) и въ книж. магазинѣ Я. Исакова, гос. дв., № 24. Иногородные благоволятъ адресовать въ Петербургъ, въ Редакцію журнала «Историческая Библіотека» (Бол. Сад., д. 121). *Гг. Подписчики текущаго года получаютъ всѣ вышедшіе нумера.*

ВЫШЛА И РАЗОСЛАНА Гг. ПОДПИСЧИКАМЪ.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

(Іюль — Августъ)

ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Узаконенія и распоряженія правительства.

II. Личный составъ.

III. Протоколы гражданскаго отдѣленія с.-п.-б. юридическаго общества XIX засѣданія 1 декабря (пренія по реферату *І. И. Карницкаго*).

IV. Состязательный процесъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 г. (окончаніе) *А. Окольскаго*

V. О наслѣдованіи родственниковъ бездѣтной вдовы въ указной части (о толкованіи ст. 1152 т. X ч. 1). *Д. Азаревича*.

VI. Очеркъ дѣятельности русскаго гражданскаго управленія по устройству юстиціи въ Болгаріи. *В. Палаузова*.

VII. О договорѣ между отсутствующими. *А. Евецкаго*.

VIII. *Библіографія:* 1) Обозрѣніе польской юридической литературы преимущественно по уголовному праву за 1874—78 годъ. **М. Миляшевскаго.** 2) *Н. Ренненкампфъ*. Очерки юридической энциклопедіи. 3) *Н. Куплеваскій*. Очерки административной юстиціи **Н. Коннунова.** 4) *С. Пахманъ*. Обычное гражданское право въ Россіи. II томъ. **П. Матвѣева.** 5) *Д. Соколовскій*. Сельскій сборникъ **В.**

IX. Судебная хроника (уголовная) памяти стараго суда (Саратовское дѣло объ убійствѣ двухъ мальчиковъ). Окончаніе. *П. Левенсона*.

X. Практика русскаго суда. Десятилѣтіе судебно-мировыхъ учрежденій темниковскаго округа, тамбовской губерніи.

XI. *Замѣтки:* 1) Изъ Вологды (корресп. жур. гр. и уг. пр.) *К. М.* 2) Практическіе этюды по гражданскому праву и процессу *Д. Вучичевича*. 3) Отношеніе принимателя къ векселедателю по переводному векселю *П. Пуцилло*. 4) Объ исправляющихъ должность нотаріусовъ *И. Савицкаго*. 5) Ст. 174 уложенія о наказаніяхъ *А. Фонъ-Резона*. 6) О замѣнѣ личнымъ наказаніемъ штрафовъ, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ (замѣтка изъ практики къ ст. 1124 и 1214 уст. уг. суд. *А. М.*

XII. Некролегъ: Николай Филипповичъ Деппъ.

XIII. (Въ приложеніи). О товариществахъ вообще и акціонерныхъ обществахъ въ особенности по началамъ права, русск. законамъ и судебной практикѣ. *А. Квачевскаго*.

XIV. Объявленія.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ шесть разъ въ годъ, книжками отъ 20 до 25 листовъ, подъ редакціею *проф. Володимірова.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . . .	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города	9 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія:

съ доставкой въ С.-Петербургѣ	13 р.
съ пересылкой въ другіе города	13 р.

РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА разсылаются немедленно по выходѣ отдѣльныхъ листовъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 р. съ доставк. въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго права», а равно въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекой, а въ Москвѣ— на Никольской улицѣ.

Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 2 линія, домъ № 7.

Подписка на 1881 годъ продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, рѣшенія гражданскаго департамента за полный 1877 г. въ 2 томахъ и рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента, вмѣстѣ съ рѣшеніями общаго собранія департаментовъ—въ 1 томѣ, за тотъ же 1877 г., *сброшюрованные*, продаются въ редакціи по 2 р. за томъ, всего за три тома рѣшеній 1877 г.—6 р., включая сюда и расходы по пересылкѣ. Рѣшенія гражданскаго кас. деп. за 1878 г. въ двухъ томахъ, сброшюрованныя же продаются по 4 р., включая и пересылку. *Рѣшеній уголовнаго кас. деп. за тотъ же 1878 годъ, въ продажѣ болѣе не имѣется.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить въ 1880 году безъ предварительной цензуры.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигіены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго, земско-врачебнаго дѣла, разсмотрѣніе и обсужденіе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи „**Врачебныхъ Вѣдомостей**“. Прошло уже четыре года, какъ начали выходить «**Врачебныя Вѣдомости**», восполняя дѣйствительный пробѣлъ спеціальной прессы — отсутствіе такого періодическаго органа, который-бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративные и общественные вопросы, и неуклонныя стремленія газеты дать мѣсто самостоятельнымъ, независимымъ мнѣніямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей врачей, разъединенныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны. Наши попытки образовать, наконецъ, органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессіи. Это выразилось значительно увеличивающимся количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщеній, большимъ участіемъ врачебныхъ силъ въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаніями, направленными къ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. «**Врачебныя Вѣдомости**» не щадили усилій, чтобы дать читателямъ, въ возможно сжатой формѣ, безъ лишнихъ размазываній какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ и заключенія, вытекающія изъ явленій жизни, руководясь, главнымъ образомъ, *практичностью* первыхъ и полезностью послѣднихъ. Насколько газета успѣла выполнить свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но, тѣмъ не менѣе, она вправѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободы профессіи, улучшенія ея положенія въ смыслѣ улучшенія положенія ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находя для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаніяхъ. Желанія ея и въ этомъ направленіи расширить свои отдѣлы получили, наконецъ, удовлетвореніе. „**Врачебныя Вѣдомости**“ ввели справочный отдѣлъ о свободныхъ врачебныхъ вакансіяхъ въ земствахъ и пр., сдѣлавшійся впослѣдствіи источникомъ для помѣщенія объявленій въ другихъ медицинскихъ изданіяхъ. Земскія и др. учрежденія отнеслись къ этому сочувственно и „**Врачебныя Вѣдомости**“ имѣли возможность сообщать *своевременно* о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобствъ читателей, газета на будущій годъ приняла мѣры къ большему расширенію и этого отдѣла. — Въ 1880 г. «**Врачебныя Вѣдомости**» будутъ выходить по той же программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣсяца.
Безъ пересылки.	6 р.	4 р.	2 р.
Съ пересылкой и доставкой. . .	8 »	5 „	3 „

Подписка принимается: въ *Петербургѣ*—въ конторѣ редакціи „**Врачебныхъ Вѣдомостей**“, Владимірская 7, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ подписку и иныя требованія исключительно въ контору редакціи «**Врачебн. Вѣдом.**»

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ПРОДАЮТСЯ:

РУКОВОДСТВО КЪ КЛИНИЧЕСКОМУ ИЗСЛѢДОВАНІЮ И ДІАГНОСТИКѢ

проф. Р. Гаѳена, въ русскомъ переводѣ. **Цѣна 60 коп, въ коленкор. перепл. 75 коп.**

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ПРОШЛУЮ ВОЙНУ.

П. Илинскаго. **Цѣна 1 р. 75 к., съ пересыл. 2 р., веленев. и коленкор. перепл. 3 р.**

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Издатель **В. Лавровъ.**

XII. **Земство.**

Стр.

Земское обозрѣніе 18

XIII. Земство и земскія учрежденія въ 1876—1877 годахъ. *Н. Н. Б.* 30

XIV. **Политическое обозрѣніе** 39

XV. Внутреннія политическія отношенія государствъ Запада Европы. 60

XVI. Отзывъ по поводу слова, сказаннаго Ѳ. М. Достоевскимъ на Пушкинскомъ торжествѣ . . . . . 1—6

XVII. Объявленія.

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина. Сны—на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Мессалина. Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Издается безъ предварительной цензуры

КНИГАМИ

отъ 20-ти до 30-ти листовъ ежемѣсячно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

Безъ доставки.	15 руб.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 »
Съ пересылкою въ другіе города.	17 »
За границу	19 »

Книжные магазины пользуются обычной уступкой.

Подписка принимается въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ и въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дрейземейеръ.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную доставку журнала только относительно тѣхъ подписчиковъ, которые подписываются въ ея конторѣ или высылаютъ деньги на имя ея конторы.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, подлежатъ возврату въ теченіи года со времени ихъ доставленія, за исключеніемъ имѣющихъ объемъ менѣе шести листовъ писчей бумаги, которыя возвращенію не подлежатъ.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.
Издатель В. М. Лавровъ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.